

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XXXV

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXXV

Керчь

2017

Kerch

УДК 94 (477.75) (082)

ББК 63.4-63.3 (0)32

М 34

*Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*

*Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

Серия издается с 2001 г.

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Протокол № 7 от 14 сентября 2017 г.)

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
Ю.А. Виноградов, д.и.н., проф.
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.
К. Цукерман, д.и.н., проф. (Франция)

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Протокол № 5 от 25.05.2016 г.)*

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н. Зинько

Ответственный секретарь: к.и.н. А.В. Зинько

Боспорские исследования: сборник – Вып. XXXV / Отв. ред.
М 34 В.Н. Зинько. – Керчь: Керченская городская типография,
2017. – 496 с. + 4 стр. цв. вкл.
ISBN 978-5-9906791-6-0

В 35 томе «Боспорских исследований» представлены статьи и публикации российских и зарубежных исследователей по проблемным вопросам и результатам исследований античных и раннесредневековых памятников Боспора и Северного Причерноморья.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94 (477.75) (082)

ББК 63.4-63.3 (0)32

*Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
При поддержке Благотворительного фонда «Артемиды»*

ISSN 2413-1938

ISBN 978-5-9906791-6-0

© НИЦ ИА КФУ им. В.И. Вернадского, 2017

© Центр археологических исследований

БФ «Деметра», 2017

© Авторы, 2017

СТАТЬИ

В.П. ЯЙЛЕНКО

V.P. YAILENKO

ТОПОНИМИКА АНТИЧНОГО КРЫМА A TOPONYMY OF ANCIENT CRIMEA

I. Введение: античная топонимика Крыма¹

Топонимика Крыма древняя, насчитывает, как минимум, три тысячи лет истории, в нем издревле и по XVI в. н. э. обитало множество народов, сменяя друг друга. Увы, мы можем опознать из них лишь несколько, так как известия античных источников о народах Таврики доримского времени просты – здесь живут скифы, тавры, греки, некогда киммерийцы. Такой ее этнический состав подтверждается топонимикой. Этимологический анализ названий показывает их лингвистическую принадлежность, соответственно указывает и на этнос оставившего их населения, так что топонимы – своего рода паспорта обитавших тут народов. «Известные форманты названий или известные основы распространены на определенной территории и в определенный период, а следовательно, они могут быть стратиграфическими признаками, позволяющими прочесть по ним историю заселения» [Никонов, 1961, с. 141]. Так, в Северном Причерноморье топонимика позволяет выяснить, что тавры – индоарии по языку, что под общим определением «скифы» подразумеваются в числе прочих иранцы и фракийцы. Топонимика Крыма многослойна, поскольку каждый новый народ не только воспринимал наименования природных и рукотворных объектов от местного населения, но и давал им свои названия, так что сохранность их во времени стоит в зависимости от исторических условий. Нижеследующий анализ названий показывает, что древнейший слой в Крыму – так наз. средиземноморский, родственный топонимическому пласту стран Средиземноморья II-I тыс. до н.э. Таких названий полтора десятка (см. в конце Указатель 3 б). Также на смежном Северо-Западном Кавказе обитало население со средиземноморскими связями, о чем свидетельствуют имя страны псессов Тавриния, равнина в Синдике Лаврион, Коракские горы. Второй по времени топонимический слой Крыма индоарийский, он представлен топонимикой страны тавров в горном Крыму; третий слой фрако-дакийский, это киммерийское время (XIII–VII вв. до н. э.). Следующие по времени слои – обширный греческий и чрезвычайно скудный иранский, они существовали

---

¹ Посвящаю эту статью светлой памяти М. Агбунова (1952–2009), который много сделал для изучения исторической географии Северного Причерноморья (см. о нем биографическую заметку в wiki).

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

с VI в. до н. э. до IV-V вв. н.э. С первых веков н. э. этническая карта Крыма постепенно изменяется, но ввиду нестабильности населения топонимическая карта поначалу существенных преобразований не претерпевает. Лишь с наступлением Великого переселения народов, с IV в. н. э., в Крыму появляются новые топонимические слои; эта эпоха, по существу ранне-средневековая, стоит вне хронологических рамок нашей статьи – мы ограничиваемся II-III вв. н. э.

В целом античные источники донесли до нас небольшое число местных названий Тавриды немногим более сотни. К примеру, топонимика близкого ей по площади полуострова Пелопоннес (*Strabo*, VII, 4, 5: «Большой Херсонес по форме и величине похож на Пелопоннес»; последний – 21,5 тыс. км², Крым – 25,5 тыс. км²) несопоставимо богаче. И дело не столько в степени освещенности источниками, сколько в мере освоения обоих полуостровов человеком. Об этом свидетельствует само распределение местных названий на территории Крыма. Греки освоили главным образом его прибрежные местности, и тут источники зафиксировали наибольшее число названий; в степном же и горном районах проживало по преимуществу туземное население, и там топонимика разреженная, число названий невелико. Напротив, в XIII–XVIII вв. Крым основательно был освоен тюркским населением, так что крымско-османские названия покрыли всю его территорию, независимо от характера района – степного, горного или приморского. Таким образом, интенсивность топонимических пластов в Крыму определялась степенью освоенности местности, а также исторической сменой этносов, стабильно проживавших тут. Мы исследуем только ту топонимику Крыма, которая зафиксирована античными источниками. Возможно, часть древних названий сохранилась в современной топонимии Крыма (этим широко пользовались О. Н. Трубачев, А. К. Шапошников), но 2-3 волны полной смены населения полуострова в средние века и новое время заставляют относиться к этому с осторожностью (достаточно помнить уроки насильственной украинизации его топонимики в недавнее время). Согласно данным Плиния (IV, 85), в Таврике «живет 30 народов, из них внутри страны 23». Пока удастся выделить лишь греческую, индоарийскую, фрако-дакийскую, иранскую, средиземноморскую топонимию, так что можно полагать, что в круг 30 народов (*populi*) зачислены также племенные подразделения одних и тех же этносов.

Топонимика тесно связана с географическими свойствами местности, страны, региона. В этом отношении на полуострове несколько районов: степной Крым, Западный (в основном приморское побережье), горный, Юго-Западный, Южное побережье (ЮБК), Восточный Крым. Далее мы рассмотрим названия античного времени по этим районам, предварительно уделив внимание древним наименованиям полуострова в целом – Тавр, Таврика. Затем обратимся к топонимике Юго-Запада и ЮБК, в основном греческой и потому наиболее ясной, после чего перейдем к другим районам с преимущественно туземной топонимией, менее понятной.

Нижеследующая статья – часть подготавливаемой нами монографии по топонимике античного Северного Причерноморья; из ее крымских материалов уже опу-

Боспорские исследования, вып. XXXV

бликованы разделы о топонимике Восточного Крыма (ТАБ, см. ниже раздел VII) и горного Крыма [Скифия, с. 116–121, здесь раздел IV)]².

Несколько слов об историографии топонимики Крыма. Более всего исследован ее крымско-османский пласт, получивший глубоко профессиональную разработку в двух монографиях обобщающего характера [Суперанская, Исаева, Исакова, 1997; Бушаков, 2003]. Значителен по числу названий словарь топонимики современного Крыма [Белянский, Лезина, Суперанская, 1998]. По топонимике античного времени обобщающего исследования нет, есть ряд работ об отдельных названиях (см. полную библиографию [Sojosaqu, 2014, p. 158 sg.]), мы упоминаем их ниже в соответствующих местах. Отдельно выскажемся о работе крымского топонимиста А. К. Шапошникова. В 2011 г. он опубликовал большой труд «Древнейшая ономастика Таврического полуострова: словарь» (в сборнике статей разных авторов «Топонимика Крыма 2011», с. 271–444). Это часть его обширной диссертации «Языковые древности Северного Причерноморья (Этимология языковых реликтов Северного Причерноморья». М., 2007, 817 с.; pdf), представленная в Институт русского языка РАН в Москве на соискание ученой степени доктора филологических наук. Однако она не была принята к защите по причине несоответствия искомой степени. И на наш взгляд, это скорее три кандидатские диссертации, принимая во внимание уровень и объем исследования. А. К. Шапошников проделал колоссальную работу, исследовав сотни личных имен, топонимов, этнонимов из самых разных языковых пластов ономастики Северного Причерноморья от древности до XIX-XX вв. Он выделил следующие ономастические пласты, в том числе в Крыму: иллиро-кельтский, фракийский, индоарийский, восточноиранский, германский, эллинский (античный), греческий (средневековый), римский, гунно-болгарский, угорский; также хеттский, раннеиндоевропейский, позднеславянский. О большинстве их ученые вели речь и прежде, так что в этом отношении А. К. Шапошников продолжил имеющуюся историографическую традицию. Но последние три слоя он впервые выделил, и нельзя сказать, что успешно. О единичных хеттских ономастических реликтах в Северном Причерноморье речь уже велась специалистами (например, в гидронимии Нижнего Дона), но у А.К. Шапошникова их уже немалый список, и принесли их сюда амазонки, соединившиеся с местными савроматами! Иначе говоря, фольклорную байку Геродота да Диодора он счел историко-языковой реальностью. Вряд ли приемлемо выделение слоя раннеиндоевропейских названий. Славяне локализируются письменной традицией в Средней Европе и оттуда после VI в. н. э. переселялись в Восточную Европу; как их далекие предки, праславяне, могли оказаться в Крыму, ведомо лишь А. К. Шапошникову³.

² Поскольку статья большая, для ориентации читателя в ней приведем названия ее последующих разделов: II. Общие наименования полуострова Крым, III. Юго-Западный Крым и Южное побережье, IV. Горный Крым, страна тавров, V. Западный Крым и прилегающая акватория, VI. Степной Крым, Перекоп, Сиваш, VII. Восточный Крым, VIII. Некоторые итоги: этнонимические пласты античной топонимии Крыма.

³ Он не один: некоторые лингвисты предлагали связь праславян с днепро-донецкой культурой эпохи

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

Ономастике Крыма уделено в его труде большое место, и несомненное достоинство одного заключается в том, что многие названия средневекового и нового времени получили более или менее внятное объяснение. Но в целом, к сожалению, ономастический свод А.К. Шапошникова неоднозначен, в нем много сумбура, непоследовательности, явных ошибок. Количество привлеченных личных имен и названий существенно превалирует над качеством их исследования. Почти каждому имени или названию уделено немного места, лишь единицы удостоились более или менее подробного рассмотрения. Именно в этом коренной недостаток его работы; не зря народная мудрость гласит: *лучше меньше, да лучше*. Одни и те же названия кочуют из одной языковой группы в другую; это возможно, но материал должен быть сгруппирован иначе, например, выделен в группу амбивалентных названий.

Необоснованны бесконечные апелляции А. К. Шапошникова к индоевропейскому словарю Ю. Покорного: едва ли не каждое второе название явно или неявно индоевропейского облика сопоставляется с индоевропейскими реконструированными основами этого словаря. Тут А. К. Шапошников не одинок; например, В. Георгиев для объяснения какого-либо названия или даже личного имени (!) нередко восстанавливал индоевропейскую проформу, присовокупив одно-два якобы родственных слова из какого-нибудь языка. Точную оценку такой порочной методике дал Л. А. Гиндин [1967, с. 92]: «при этимологическом анализе имен собственных не следует каждый раз стремиться к реконструкции индоевропейских проформ, как часто поступают Георгиев, Ван-Виндекенс, Мерлинген и др.; необходимо считаться с относительной самостоятельностью ономастических основ и словообразовательных элементов».

Что до топонимии Крыма, то, как сказано, более или менее значима работа А. К. Шапошникова с массивом топонимов, дошедших до нас в фиксациях нового и новейшего времени (вроде Алупка, Алушта, Ореанда, Балаклава и т. д.), которые не имели удовлетворительного объяснения. Но и здесь корневая этимология, которой он пользуется, не может дать хороших результатов. На наш взгляд, добиться успеха в разработке огромного нетюркского фонда крымской топонимии позволит только методика группировки названий по способу суффиксации, успешно примененная В.Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым в книге «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (М. 1962) и О. Н. Трубачевым в монографии «Названия рек правобережной Украины» (М. 1968). Например, группировка топонимов на *-анда* (Ореанда, Кореанда и пр.), добавление названий с дополнительной суффиксацией (Масс-анд-р-а) даст весь пласт однородных наименований, который должен быть объяснен средствами какого-либо одного языка, а не индоевропейскими, кавказскими или иными реконструкциями.

Если говорить об античной топонимике Крыма, то разработка ее А. К. Шапошниковым неполноценна, ибо он мало использовал богатейшие сравнительные

бронзы, отголоски которой есть и в Крыму. Но мы догадки подобного рода всерьез не принимаем, они сродни гаданию на кофейной гуще.

данные по ономастике древней Ойкумены, содержащиеся в античных письменных источниках. Хотя он приводит цитаты из сочинений античных авторов на греческом и латинском языках, знания этих языков не видно – нет работы с этими цитатами. Как лингвист (кандидат филологических наук) он грамотно работает с греческо-русским словарем, но работы с текстами античных источников нет, отсюда поверхностность многих его суждений, которая проистекает также из незнания специальной литературы по исторической географии античной Тавриды и прилегающих регионов (конкретные примеры приведем ниже). На наш взгляд, наиболее существенна та часть работы А. К. Шапошникова с названиями древнего Крыма, которая связана с индоарикой.

Et in fine. В России много замечательных мест. Я поездил по свету и знаю не понаслышке, что природа нашего отечества самая прекрасная, великолепная своим многообразием. И в нем особое место занимает Крым – не только благодаря чудесной природе, но прежде всего вследствие богатейшей истории, которая придала ему необыкновенное своеобразие. Оно как патина и позолота на античной бронзе (потрясающий ее пример – конная статуя Марка Аврелия в Капитолийском музее). У Крыма самая богатая история, ни одна другая область нашей страны не имеет подобной. По причине многообразия природы и этнической истории разнообразна и его топонимика. Проникновенными словами воспел Крым писатель К. Г. Паустовский [1973, с. 305], жизнь которого была прочно связана с ним: «Есть уголки нашей земли настолько прекрасные, что каждое посещение их вызывает ощущение счастья, жизненной полноты, настраивает все наше существо на необыкновенно простое и плодотворное лирическое звучание. Таков Крым»⁴.

II. Общие наименования полуострова Крым

1. Таврика, полуостров, 1а. Тавр, горная цепь юго-запада⁵. Крымский полуостров известен под именем Ταυρικῆ начиная с Геродота (IV, 20 *etc.*). Это прилагательное, исходная форма Ταῦρος, хотя она применительно к Крыму засвидетельствована поздно поэтом II в. н. э. Дионисием Периегетом (Per. 168). Ταῦρος – имя грандиозной горной цепи, начинающейся на востоке Малой Азии и тянущейся до пределов Индии и азиатской Скифии (*Strabo*, XI, 1, 2-3). В числе его

---

⁴ Я сам дончанин, до 20 лет жил в Донецке, затем в Москве, но предки мои, по меньшей мере с XVIII в., из Крыма – из селения Чердаклы на Караби-Яйле, от которой наша фамилия. Так что моя любовь к Крыму, особенно к Керчи, в крови, это моя прародина. Мой большой дом, в котором каждодневно мысленно живу и тружусь – это вместе взятые Донецк, Москва, Керчь, Ольвия, Великий Новгород, каждому я воздал в большей или меньшей мере должное своими научными изысканиями. Название «Чердаклы» крымско-османское, к *чардак* «верхний покой», «балкон» [Радлов, 1905, стб. 1869] + аффикс отыменных прилагательных *-лы*, т. е. селение, имеющее дома с балконами-на-весами (от *чардак* и русское *чердак* [Фасмер, 1973, с. 336]).

⁵ Этот параграф опубликован [ТАБ, с. 411], здесь доработан.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

эпитетов «великий», прилежащие отдельные горы тоже именовались так – например, гора Тавр в Киликии. Крымский Тавр считался северным отрогом упомянутой цепи (*Eustathi in Dion. Per.* 163); также Кавказ назывался Тавром (*Orosius*, *Hist.* I, 37). Много названий является производными от этой топоосновы Ταῦρος – Ταύρειος, Ταύριος, Ταυρκός, Ταυριανός, Ταυρομένιον и т.д., это имена гор, рек, городов, народов и пр. от юга Италии и Сицилии на западе до внутренней Азии (перечень [Pape, Benseleg, 1884, S. 1495–1498]). Происхождение основы *taug неясно, старые семитские этимологии не объясняют столь широкого ареала распространения названия Тавр и его производных [Никонов, 1966, с. 403]. Греки народноэтимологическим образом ассоциировали эту топооснову со своим словом ταῦρος «бык», что пользуется популярностью поныне⁶. Подробно рассмотрел происхождение названия Тавр А.С. Стрижак [1988, с. 171–185], на наш взгляд, он привлек много лишнего, его идея состоит в том, что карийцы перенесли в ходе колонизации Северного Причерноморья название малоазийской горной цепи в Крым. Она несостоятельна как ввиду надуманности карийской колонизации, так и по причине отсутствия каких-либо известий о карийцах в Крыму. Существенно и то, что А. С. Стрижак полностью проигнорировал данные о названиях гор, крепостей, рек и прочего Тавр в Сицилии, Южной Италии, на Балканах, Малой Азии и далее на Востоке⁷. Между тем это абсолютно необходимый базис для объяснения рассматриваемого имени.

Исходя из широчайшего ареала распространения топоосновы *taur-, связываем ее со средиземноморско-балканско-малоазийской основой *tap-, *tab- «камень, скала, гора» (см. о ней [Güntert, 1932, S. 1 f.; Brandenstein, 1952, S.72 f.; Deroy, 1956, p. 174 f.; Гиндин, 1967, с. 91–93; 1981, с. 91–93 и др.; Frisk, 1970, S. 67 f.; Chantraine, 1974, p. 610]; см. подробнее [ТАБ, с. 413]). В Крыму она представлена в имени города внутренней Таврики Τάβανα (№ 107). Соединяем ее с одинаковой по значению, реконструированной Х. Гюнтертом и Л. Деруа средиземноморской основой *lap(a)-, *lav(a)- «камень, каменный»; их анлаутное *t* и *l* можно совместить, сочтя *t* церебральным (в графике *t*), которое отражается и как *l*, либо усмотрев свойственное ряду языков региона чередование *t* и *l*⁸. Производные от основ *lap(a)-, *lav(a)- – это гр. λάαζ < *λάφα- «камень», и с *r*-наращением они аналогичны основе *taur- : λάυρα «каменистое ущелье», «улица, проход в лощине, ущелье», λαῦρον «штольня» (Гесихий),

⁶ Так, ее принимает А. К. Шапошников [2007, с. 187]: «*taur- ‘дикий тур’: эпитет при теониме Ἄρτεμις Ταυρό, этноним Ταῦροι, хороним Ταυρικὴ – сопоставимы с хеттским названием города Таугиш, божество-покровитель которого – дитя бога Солнца». Если бы он ознакомился с географией распространения топоосновы *taur-, то увидел, что имя хеттского городка Таугиш всего лишь один из примеров ее узуса, в том числе на малоазийской почве.

⁷ Не хотелось бы, чтоб у читателя сложилось представление о моем отрицательном отношении к А. С. Стрижаку, – напротив, он хороший и плодовитый специалист по славянской и античной ономастике на территории Украины. Я был знаком с Алексеем Сильвестровичем и в свои приезды в Киев навещивался к нему в институт *мовознавства*. Увы, в 2006 г. его не стало.

⁸ То и другое проявляется в анатолийских языках, древнеиндийском, латинском и других, в т. ч. киммерийском [Скифия, с. 57-58, 138]. Ранний пример: имя киммерийского вождя ассирийские писцы

λαβύρινθος «каменный лабиринт», λάβρυς «каменный топор»; имя города в Карию Λάβραυνδα и пр. Сюда и название равнины в Синдике Λαύριον у Тимонакта (apud *Apoll. Rhod. Arg.* IV,321; подробней см. ТАБ, с. 413), с ним надо сопоставить известное автору «Землеописания» II в. до н. э. Аполлодору название страны псессов Ταυρινία (apud *St. Byz., s. n. Ψησσοί* = SC 1, p. 270). В исходной основе *tap/b-, как показывают производные *lav(a)- и др., интервокальное -p/b- могло спирантизироваться, т. е. перейти в *u*, *v* (это универсальный переход); отсюда, с наращением суффикса -r-, образованы формы *lavr- (λαύρα etc., см. о них [Гиндин, 1967, с. 83-84, лит.]), *tau-r- (Ταῦρος etc.).

Нашу этимологию названия Тавр поддерживают физиографические реалии; так, имя реки Ταύριος в Арголиде действительно «каменное», ибо местность гористая – рядом с нею скала (*Paus.* II, 32, 7). Крым получил имя Тавр по своему гористому юго-западу, физиографически это наиболее приметная его часть. Ср. у К.Г. Паустовского [1973, с. 130-131] (герой рассказа подплывает на пароходе из Одессы к Юго-Западному Крыму): «Крым поднялся из морской голубизны, как остров сокровищ. Облака лежали на вершинах его сиреневых гор». Географ и стихотворец II в. н. э. Дионисий дал ему поэтическую характеристику – «холодное подножие Тавра» (Per. 168), что резонно пояснил схолиаст: ««холодным» поэт называет Тавр потому, что он высок, ибо высокие местности отличаются стужей» (SC 1, p. 213). Кроме Европейского Боспора, который считался частью Таврики, топооснова *taur- представлена и на азиатской его стороне. Как сказано, автор II в. до н. э. Аполлodor в сочинении «Землеописание» называет страну псессов Ταυρινία, это, без сомнения, древнее имя предгорий Северного Кавказа, где обитали псессы, тамошний оронимический отголосок Великого Тавра. Равным образом упомянутое выше имя равнины в стране синдов Λαύριον тоже туземный топоним, поэтому они, как и название Крыма Ταῦρος, аборигенные, их появление не связано с греками. Средиземноморский характер этих четырех названий, а также Корет, Коракс, Истр и др. в Крыму (см. ниже Указатель 3б) свидетельствуют, что население Крыма и Северо-Западного Предкавказья II-I тыс. до н. э. принадлежало к числу субстратных этносов Средиземноморского региона.

Поясним, что так называемые средиземноморские языки – это условное обозначение языков населения прилегающих к Средиземному морю регионов – юга Европы, Северной Африки, Ближнего Востока. Это в основном Пиренейский и Апеннинский полуострова, Эгеида (Лемнос и пр.), острова Кипр, Крит, Сицилия, Корсика и др. Эти языки существовали здесь до прихода индоевропейцев и семитов. Их генетические связи не вполне ясны, но выявлено множество общих черт в фонетике, морфологии и особенно лексике. Носители этих языков известны как

передавали как Tugdammi, греки Λύδαμις (см. ниже № 42-45 – о Тамираке). Того же свойства чередование *d-l*: (до)греческое Ὀδυσσεύς – Ὀλυττεύς, лидийское Ἀλυάττης – Ἀδυάττης и мн. др. [Гиндин, 1967, с. 162-163, лит.; Откупщиков, 1988, с. 19, 128, лит.].

островом, подразумевает и Плиний (IV, 85), говоря, что некогда Таврика была залита морем (имеется в виду степной Крым, отделенный от материка Сивашем).

7. Танаис-Таврика. Наряду со Стефаном об этом пишет также Псевдо-Плутарх (De flav. XIV, 4): рассказав о реке Танаис в § 3, он продолжил: «к нему (Танаису) прилегают (παράκειται δ' αὐτῷ, sc. Τανάδι)¹¹ гора, на языке туземцев называемая Βριξάβα, что в переводе *значит* Крюб метолов» (SC 1, p. 502), из чего также вполне явствует наименование Таврики Танаисом (о Бриксабе см. № 20). Так как по Стефану Таврика «большой остров», разъяснить именование ее Танаисом можно тем, что при понятном грекам значении названия Танаис «протяженный, длинный» (иран. *tanu- «протяженный, длинный» [Яйленко, 2010, с. 337; ТАБ, с. 393]), это «Длинный» остров. Что древние греки подметили значение названия Τάναϊς как «длинный», указывает комментарий Евстафия к Дионисию Периегету (Per. 14 = SC 1, p. 188): «сия река Τάναϊς по-гречески *так* называется потому, что течет протяженно (τετμένως ρεῖν)».

8. Алопекия-Таврика, 9. Меотия-Таврика. Упомянутое известие Стефана, что некоторые писатели называют Таврику Алопекией, находит некоторое соответствие у Плиния (IV, 87): Bospoti Cimmerii longitudo XII' D passuum, oppida habet Hermisium, Murgescium et intus insulam Alopescen, что переводчики И. П. Цветков (SC 2, p. 174) и М. В. Скржинская [1977, с. 27, 97] грамматически адекватно передали так: «Длина Боспора Киммерийского 12500 шагов, на нем расположены города Гермисий и Мирмекий, в самом *проливе* остров Алопека»; последний, поясняет М. В. Скржинская, «следует отождествить с одним из островов, которые существовали при впадении р. Кубани, а затем составили Таманский полуостров» (тут подразумевается при intus слово «*пролив*» – «внутри *пролива*»). Однако в смысловом отношении такой перевод порождает недоуменную ситуацию. С одной стороны, поскольку малого острова Алопека при устье Танаиса Плиний не знает, можно думать, что он или его источник ошибочно перенес название Алопека на Таманский остров. Однако это проблематично, так как Стефан говорит и о малом острове Алопека, и об Алопеке-Тавриде. С другой стороны, при интерпретации переводчиков мы получаем название одного из двух Таманских островов Алопека, неизвестное другим источникам, а те, между прочим, дружно именуют их «островом Фанагора» и «островом Гермонасса»¹². Такая фактическая неудовлетворительность перевода вынуждает нас прибегнуть к иной интерпретации текста Плиния, именно не подразумевая слова «пролив», которого у Плиния нет (учтем и разные значения слова intus – «внутри, внутрь, изнутри»). В античной традиции существует представление, что Боспор Киммерийский не только пролив, но и море¹³. Поэтому возможно понимание

¹¹ Точно так же и в начале предыдущих параграфов 2 и 3 название Танаис заменено местоимением αὐτῷ.

¹² Гекатей, Псевдо-Скимн, Страбон, Мела и др. Мы подробно разбираем известия античных авторов об островах Фанагория и Гермонасса [Яйленко, 2017а, § I, 4]. Конечно, можно предположить, что у одного из этих островов было второе название – «Лисье», но ничем подкрепить это нельзя.

¹³ Автор II в. н. э. Авл Геллий (Noct. Att. XVII, 8, 16 = SC 2, p. 265): mare Bosporicum, quod "Cimmerium" appellatur «Боспорское море, именуемое Киммерийским». Поэт III в. до н. э. Ликофрон упомянул в по-

(Полуостровная, сиречь Таврическая); по существу, крымская колония получила имя метрополии – Гераклеи Понтийской, снабженное для отличия географическим детерминантом – «тот, что на Херсонесе», т. е. в Тавриде (см. № 2 – Херсонес Большой). Таким образом, Херсонес последовательно носил следующие имена: по прапетрополии – Мегарика, по метрополии – Гераклея, наконец, для отличия от них остался географический детерминант – Херсонес (Χερσόνησος), обозначение Таврического полуострова в целом для обитателей Греции. Но для жителей Таврики и самих херсонеситов название Херсонес было связано с расположением города на Маячном и Гераклейском полуостровах (ср. № 13, 14 – Малый Херсонес, Старый /Древний Херсонес).

13. Малый Херсонес. *Strabo*, VII, 4, 2: Χερρόνησος μικρά «Малый Херсонес», обозначение Гераклейского полуострова. В топонимике эпиклеса Малый обычна (например, Μικρά Λέπτις, Μικρά Σύρτις, Μικρός Πετράς [Pape, Benseler, 1884, S. 923]; по-русски Малая Азия, Малые Карпаты и пр. [Поспелов, 2003, с. 186-187]). Кроме того, это микротопонимический узус херсонеситов, поэтому нужно писать Χερρόνασος Μικρά «Малый Херсонес» (как наши топонимы и микротопонимы – село Малая Перещепина, река Малая Терновка, остров на Днепре Малая Хортица и пр.).

14. Старый/Древний Херсонес. 15. Новый Херсонес. Страбон (VII, 4, 2): «между городом (Херсонесом) и мысом (Парфений) есть три залива, затем *следует* разрушенный старый Херсонес (ή παλαιά Χερρόνησος κατεσκαμμένη), а за ним... бухта Симболон». Три залива – это, надо думать, Казачья, Камышовая и Стрелецкая бухты [Туровский, 2015, с. 336], а Старый (Древний) Херсонес – поселение на перешейке Маячного полуострова с керамикой конца VI – V вв. до н. э. [Щеглов, 1994, с. 10; Зедгенидзе, 2015, с. 50–52], либо поселение между Балаклавской бухтой и мысом Фиолент [Зубарев, 2005, с. 216]. Наличие материала конца VI–V вв. до н. э. на городище Херсонеса и на перешейке Маячного полуострова указывает на синхронное или почти синхронное существование обоих городищ, так что Новый Херсонес Плиния был наследником Старого Херсонеса в пределах жизни одного поколения¹⁴. Хотя у Страбона *παλαιά* не часть топонима, а прилагательное, полагаем, что это обозначение было в ходу у жителей нового Херсонеса в качестве топонима, залог чему – употребительность названий *Παλαιά* и его производных в топонимике Греции [Pape, Benseler, 1884, S. 1107-1108]; ср., к примеру, топонимические пары: Σκυθίη и Ἀρχαίη Σκυθίη, город Βύβλος в Финикии и неподалеку Παλαιόβυβλος «Старый Библис» (Strabo, XVI, 2, 19); ср. и наши бесчисленные названия со словом «старый» – Старый Оскол, Старая Русса и пр. [Поспелов, 2003, с. 270-271]. Следовательно, в узусе херсонеситов был топоним Παλαιά Χερρόνασος или Χερρόνασος παλαιά «Старый/Древний Херсонес».

¹⁴ О ранних материалах (амфорная тара, ионийская, псевдоионийская и чернолаковая керамика) на городище Херсонеса см. [Vinogradov, 1997, S. 397–419; Виноградов, Золотарев, 1999, с. 91–129]. Названные авторы неоправданно удревнили эту керамику – она не старше V в. [Буйских, 2006, с. 263–277, лит.; Зедгенидзе, 2015, с. 50–55], как и чернолаковые черепки с личными именами [Яйленко, 2000, с. 186-187; 2017, с. 754–757; Тохтасьев, 2007, с. 11–125].

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

16. Гавань Ктенунт. Сведения о ней дает Страбон: «... бухта Символов. Она с другой бухтой по имени Ктенунт (Κτενοῦς, *gen.* Κτενοῦντος) образует перешеек в 40 стадий – тот, что замыкает *собой* Малый Херсонес (= Гераклеийский полуостров), который, как сказано, *представляет собой* часть Большого Херсонеса (= Таврика, № 2), на котором находится упомянутый соименный город Херсонес» (Strabo, VII, 4, 2)¹⁵; «На расстоянии около 15 стадий от оборонительной стены херсонеситов есть мыс, образующий залив порядочной величины, направляющийся к городу. Выше его лежит морское болото с солеварней. Тут и *гавань* Ктенунт была» (Strabo, VII, 4, 7)¹⁶. Упоминает «гавань Ктенунт» также Птолемей (Geogr. III, 6, 2). На основании сведений Страбона ее идентифицируют с Севастопольской бухтой [Зубарев, 2005, с. 214-215]. Название произошло от гр. κτεῖς, *gen.* κτενός «гребень», так что значение топонима – «Гавань Гребень». В древнегреческой топонимике соответствий нет, но в общей топонимике *гребень* – это продолговатая зазубренная вершина, ряд скалистых вершин, верхняя поверхность дамбы, высокие берега [Мурзаев, 1984, с. 157]. При Севастопольской бухте гор нет, но местность холмистая; по гребню холмов, т. е. по череде возвышенностей, и получила имя бухта.

17. Мыс Парфений. Его упоминают Страбон (VII, 4, 2; парафраза у Стефана Византийца, *s. n.* Παρθένου ἱερόν), Птолемей (Geogr. III, 6, 2), Мела (II, 3), Плиний (IV, 86). Для локализации существенно лишь сообщение Страбона: в городе Херсонесе есть «святилище Девы, какой-то богини, ей соименно и название мыса перед городом на расстоянии 100 стадий, называемого Парфением (Παρθένιον), с храмом и деревянным изображением этой богини. Между городом и мысом есть три залива, затем разрушенный Старый Херсонес, а за ним... бухта Символон». Три залива – это, видимо, Казачья, Камышовая, Стрелецкая бухты, Старый Херсонес – возможно, поселение на перешейке Маячного полуострова (*см.* № 14 – о Старом Херсонесе), бухта Символон (№ 18) – Балаклавская бухта. По этим географическим реперам Парфений отождествляют с мысом Фиолент [Зубарь, 2007, с. 99–106]¹⁷. Значение названия Παρθένιον связано с культом Девы (Παρθένος), т. е. это «*мыс Девы*». *Ср.* Παρθένιον (№ 94) – селение на Европейском Боспоре, имя которого также образовано по наличию в нем святилища Девы. Близ порта Лампада или в самой Лампаде (пос. Фрунзенское близ горы Аю-Даг) также было святилище Девы, о чем свидетельствует средневековое название Партенит (Παρθένιον), несомненно, вместе с культом относящееся еще к античному времени (*см.* № 25). Можно полагать в соответствии с общей традицией, что раннехристианская базилика в Партените заместила тамшнее святилище таврской Девы. Во всяком случае наличие на Гераклеийском полуострове 8 таврских поселений и могильников, в том числе в ближайшем к мысу

¹⁵ О бухте Символов *см.* № 18, о Малом Херсонесе *см.* № 13, о Большом Херсонесе *см.* № 2.

¹⁶ О трактовке пассажа, часть которого приведена, *см.* № 54 – о Евпатории.

¹⁷ Предположение В. Г. Зубарева [2005, с. 215-216], что не исключен и один из мысов вплоть до мыса Сарыч, невозможно, поскольку Страбоновы 100 стадий = 15 км 750 м, так что расстояние от Херсонеса до Фиолента (20 км) предельно.

Фиолент районе Мраморной балки, дает основание предполагать наличие там святилища Девы [Зубарь, 2007, с. 99 сл.]. О культе Девы много литературы: [Русяева, Русяева, 1999; Зубарь, 2005, с. 17 сл.] и др.

18. Гавань Символов (Симболон). После «Старого Херсонеса» (№ 14) Страбон (VII, 4, 2) упоминает эту гавань: «за ним бухта с узким устьем (λιμὴν στενόστομος), при которой тавры, скифский народ, устраивали свои разбойничьи западни (и) нападали на тех, кто спасался в ней; называется бухтой Символов (Συμβόλων λιμὴν)». По этому описанию гавань отождествляется с Балаклавской бухтой (подробности [Зубарев, 2005, с. 215-216]). Арриан (Per. 30) дал форму ед. числа таврического топонима – Συμβόλου λιμὴν, Псевдо-Арриан (Per. 81) дал формы ед. и мн. числа: Συμβόλου λιμὴν ... ἤτοι Συμβόλων λεγόμενος «залив Символа... , или Символов зовущийся». Род. падеж *sg.* Συμβόλου и *pl.* Συμβόλων может быть произведен от существительных (τὸ) σύμβολον «знак, примета, предзнаменование» или (ὁ) σύμβολος «предзнаменование», либо от прилагательного σύμβολος «встречный, попавший(ся) навстречу». В Греции есть несколько подобных топонимов. Название местности в Аркадии Σύμβολα, по разъяснению Павсания (VIII, 54, 1), дано вследствие впадения тут в исток Алфея вод нескольких других источников, т. е. означает «Слияние»; имя горной цепи в Македонии или Фракии Σύμβολον, согласно разъяснению Диона Кассия, дано по соединению с другой цепью, т. е. означает «Соединение» (оба примера даем по [Pape, Benseleer, 1884, S. 1457]). Поскольку нет признаков какого-либо «соединения» Балаклавской бухты с какой-нибудь другой, такое значение топонима к нашему случаю не подходит, этому препятствует и форма множ. числа. В литературе, особенно краеведческой, распространено понимание названия Συμβόλων в соответствии со значением слов σύμβολον и σύμβολος – бухта «Предзнаменований». Нам известен лишь один случай подобного рода – топоним в беотийских Фивах Οἶονοσκοτεῖον «место наблюдения за предзнаменованиями», посвященное гомеровскому прорицателю Тиресию (*Paus.* IX, 16, 1), κ οἶωνός «предзнаменование». Может быть, при бухте Симболон было святилище, как на ближайшем мысу Парфений (№ 17), с функцией прорицалища, но пока это недоказуемо. Поэтому предпочитаем связывать название Симболон с выражением λαμπάδος τὸ σύμβολον «сигнальный огонь» (*Aesch.* *Agam.* 8): на мысах Южного берега Крыма были устроены разного рода маяки, о чем свидетельствует имя селения Лампада «сигнальный огонь» близ Аю-Дага (№ 25) и мыса Форос (гр. φαρός «маяк»). По закону речевой экономии это двусложное название сократилось до одной основы – Симболон¹⁸.

Генуэзское имя города в XIV в. при бухте Симболон *Sembalo* – адаптация древнего названия Σύμβολον по созвучию, видимо, к итал. *cémbalo* «кимвал, тамбурин, клавесин» (может быть, форму одного из этих инструментов имел какой-нибудь

¹⁸ К примеру, название мыса и предгорий Κριοῦ μέτωπον «Бараний лоб», наряду с Крымом известно на Кипре, Крите и близ Византия, употребляется также в сокращенной форме, отдельно – Κριοῦ и Μέτωπον [Pape, Benseleer, 1884, S. 719, 910]. Так и мы, например, вместо имени Санкт-Петербург говорим и пишем просто Петербург.

Карамбиса в Европе лежит огромнейший мыс, обрывистая со стороны моря высокая гора» (SC 1, р. 271). Итак, во-первых, «отделяющийся» характер мыса Крiоῦ μέτωλον обусловлен его крайним южным положением на Таврическом побережье; во-вторых, правильно именовать мыс Крiу метопон, а не Бараний лоб. Судя по современной карте, это мысы Сарыч и Форос, с чем согласуются показания древних источников. Птолемей (Geogr. III, 6, 2) поместил Крiу метопон между гаванью Ктенунт (Севастопольская бухта, № 16) и Хараксом (мыс Ай-Тодор, № 21), так что это мыс Сарыч или Форос. По Псевдо-Арриану (Per. 78), «от Лампады до высокой горы Крiу метопон, мыса Таврики, 220 стадиев, 29, 5 миль», т. е. ок. 45 км плавания к западу от Лампады (совр. поселок Кипарисное, № 25), что приводит к Форосу. Судя и по данным Плиния (IV, 86), Крiу метопон скорее Форос²¹. Резонно мнение, что плившие с востока принимали за Крiу метопон Форос, плившие с запада – Сарыч. См. также о локализации [Агбунов, 1985, с. 38–42; 1987, с. 113-114; 1992, с. 209–211; Зубарев, 2005, с. 211-216], указания на старую литературу [Vasmer, 1923, S. 71].

20. Бриксаба, мыс. Согласно Псевдо-Плутарху (De fluv. XIV, 4), «к нему (Танаису = Таврика, № 7) прилегает гора, на языке туземцев называемая Βριξάβα, что в переводе *значит* Крiоῦ μέτωλον» (далее следует легенда о золоторунном баране Фрикса, уснувшем на горе Крiу метопон: SC 1, р. 502). Есть иранское объяснение этого названия В. Ф. Миллера (из осет. varik «баран» + sivä «рог»), подправленное М. Фасмером (из *Βριξάρβα, при авест. srvā «рог» [Vasmer, 1923, S. 71]). Ни одно, ни другое не приемлемо: первое потому, что сочинение «О реках» составлено во II в. н.э., поэтому аланов еще не было в горном Крыму; второе потому, что приходится подправлять название. Проблемность этой этимологии заключается также в полном отсутствии иранских топонимов в горном Юго-Западном Крыму, тем более на морском побережье. Та же причина не позволяет принять и кельтские сближения А.К. Шапошникова²². Вряд ли стоит сомневаться, что это таврский топоним. Поскольку тавры индоарии (см. ниже, раздел IV), предположительно усматриваем в данном топониме др. инд. *pṛakṣīpa- «направленный вперед» (префикс pṛā-

²¹ По Плинию, от Феодосии до Крiу метопона 125000 шагов, до Херсонеса – 165000 ш. Стало быть, от Херсонеса до Крiу метопон 40000 ш. = ок. 60 км. Понятно, что это расстояние посуху.

²² [2007, с. 48]: «*briks- ‘горная вершина’ (?) ... – из и.-е. *bhregʰ- ‘жестко выступать, край, грань, ребро’, кимр., брет. brig ‘горная вершина’ (< *bhṛīko-) (Pokorny I, 166), ср. кельт. местные названия Brixellum, Brixillum (Brescello), Brixia (Brescia) в Gallia Cispadana и Transpadana (Holder). Таким образом, мыс назывался то ли «острый вырост», то ли «горная вершина». Видимо, осознав, что это объяснение не соответствует греческой кальке Бараний лоб, на с. 237 Шапошников пишет о Бриксабе совсем иное: «этимология из и.-е. диал. производного прилаг. *vriksava ‘овечий’ (ср. др.- инд. vṛikṣu- ‘covered with trees’), ср. слав. производные речные названия Кичава, Нишава, Ресава, Серава (Болгария), Морава, Ljutava, Orjava, Orjava (Сербия), Черава (алб.-болг.), Бобрава (Россия), Rudawa (Польша), и литовские речные названия Bikava, Artava, Lylava, Blendžiava, Gariava. Предполагаемое первичное значение – ‘лоб барана’». Здесь все сумбур: с таким же успехом можно сослаться и на формант *-ва* гидронимов Коми и Удмуртии; остается также загадкой, как из др.- инд. vṛikṣu- «покрытый деревьями, лесом» А. К. Шапошников получил «индоевропейское диалектное производное прилагательное *vriksava ‘овечий’».

означающий при глаголах направление вперед, наружу + глагол *kšip-* «бросать, направлять»²³, что в точности соответствует упомянутому выше свидетельству Страбона: мыс Криу метопон «выдвигается вперед», под чем подразумевается крайне южное его положение на Таврическом полуострове.

21. Харакс, крепость. Пункт засвидетельствован Птолемеем (Geogr. III, 6, 2), локализуется на мысе Ай-Тодор, там расположена римская крепость II-III вв. н. э. [IOSPE I², p. 508 sq.; Зубарь, Сарновски, 1997]. См. обсуждение локализации [Зубарев, 2005, с. 218]. Назвав Херсонес, гавань Ктенунт, мыс Криу метопон, Птолемей (*l. c.*) перечисляет затем Харакс, Лагиру, мыс Коракс, устье реки Истриан. Это пункты на Южном побережье Крыма (далее названы Феодосия, Нимфей). Название *Χάραξ* обычно связывают с греческим словом *χάραξ* «укрепленный лагерь», однако в реальности картина совсем иная – в древнем мире известно полтора десятка топонимов *Χάραξ*, от Западного Средиземноморья до Ирана: на Большом Сирте в Ливии; в Греции на Керкире и в Фессалии; в Малой Азии в Кариии, Фригии, Понте, Малой Армении; в Эфиопии, Месопотамии, Парфии, Мидии [Pape, Benseler, 1884, S. 1669]. Столь широкое распространение топонима *Χάραξ* указывает на его средиземноморское происхождение. Несомненна связь имени *Χάραξ* с названием находящегося тут же мыса Аю-Даг *Κόραξ* (№ 23): их основы сходны – *xarak-s, *korak-s, и чуть разная трактовка анлаута вполне объяснима обычной в разных языках Средиземноморья альтернативой *k-x*, *a-o*. Даже то возражение, что такое различие странно для лежащих рядом двух мысов, можно преодолеть предположением о одновременности их появления. Несомненная связь имен *Χάραξ* и *Κόραξ* позволяет установить значение первого, без того неясное: копь *Κόραξ* – это «гора, предгорье, скала» (№ 23), того же смысла и топоним *Χάραξ*. Таким образом, Птолемеев Харакс – это укрепленный лагерь на горе (она же мыс) Ай-Тодор. Гр. *χάραξ* «укрепленный лагерь» производят от глагола *χάρασσω* «царапать», значение которого происходит от этимона (первичной формы) со значением «острие»; происхождение обоих слов неясно [Chantraine, 1980, p. 1247]. Наше сближение слова *χάραξ* со средиземноморской основой *koḡak-s «гора, скала» как раз и выявляет тот самый этимон «острие» как естественное производное от значений «вершина горы, скала».

22. Харакени, город. Плиний (IV, 85) в числе городов внутренней Тавриды упомянул *Characeni* и другие с окончанием *-i*, что, представляет собой маркер индоарийских существительных и прилагательных женского рода (см. об этом вступление к разделу IV). Точную форму названия *Characeni* проясняют параллели – местности в Сузиане и Киликии по имени *Χαρακηνή* (Ptol. Geogr. V, 8, 6; VI, 3, 3); стало быть, таврическое имя *Characeni* – это город *Χαρακηνή*. По основе имя неотделимо от предыдущей группы названий *Χάραξ*. Предлагавшееся в литературе (см. о ней [Скржинская, 1977, с. 61]) отождествление Харакени с Хараксом противоречит

²³ Передача др. инд. *a* через *iota* и наоборот др. инд. *i* через *a* свойственна греческим авторам. Здесь в греческой передаче вероятный «переброс» огласовки: *i* вместо *a* и *a* вместо *i*.

указанию Плиния, что Харакени город внутренней Таврики, тогда как Харакс приморский Ай-Тодор.

23. Коракс, мыс. Возможна идентификация с мысом Аю-Даг. Название *Κόραξ* со значением «гора, предгорье, скала» зафиксировано также в Греции (Локрида, Этолия). На Кавказе известны Коракские горы (Mela, I, 109); Птолемей (Geogr. V, 8, 14 sq.) знает гору и горы Коракс (северо-западные отроги Кавказа). Смысл основы выявил В. Георгиев [1958, с. 169]: в Троаде известны гора, река, город *Καρῆσ(σ)ός* [Strabo, XIII, 1, 44; Pape, Benseler, 1884, S. 622], и по турецкой кальке имени этой реки *Taş-oluk-dere* «Каменный канал/река» он восстановил основу **(s)koḡā* или **kar(ṛ)ā-* «камень, скала». На Балканах, в Эгеиде и Западной Малой Азии есть много топонимов с основой *kar-*, собравший их Л. А. Гиндин [1967, с. 108–114] счел ее этнонимической – в качестве имени карийцев (*Κάρ*) и возвел к ней все эти топонимы. Однако ареал их распространения намного шире зоны обитания карийцев, так что, полагаем, значительную часть топонимов следует связывать с основой **koḡā*, **karā-* «камень, скала, каменистая местность, земля». Таковы по меньшей мере *Κάριον* – название гор на Самосе и в Лидии, имя эпонима акрополя («вышгорода») в Мегарах *Κάρ*, имя города на Евбее *Κάρ-υτος*, который, по Страбону (X, 1, 6), лежит у подошвы горы и обилен разработками камня, так что имя города означает «каменистая местность, земля», сказанное относится и к городу Карист в Лаконии, лежащему близ гористой Аркадии. Бесчисленны топонимы с основой **kor-* [Pape, Benseler, 1884, S. 694–703], мы перечислим лишь названия на **korak(s)-*: *Κόρακες*, *Κοράκια* (местности в Фессалии), *Κορακίσιον* (предгорья, залив и город на границе Киликии и Памфилии); в плане значения основы показательны сложные топонимы *Κόρακος πέτρα* – местность на гористой Итаке («Скалистая гора»), *Κοράκιον ὄρος* – гора близ Колофона (ссылки на источники [Pape, Benseler, 1884, S. 694])²⁴. Наряду с балкано-эгейско-анатолийским ареалом основа **korak(s)-* распространена также в Восточном, Южном и Западном Средиземноморье: *Κοράκη* (город в *Agabia Petraea* = Каменистая!), *Κορακίου χῶρα* в Эфиопии, *Κορακόννητος* (остров у Ливии), *Κορακῶδης λιμὴν* – залив Сардинии, *Κορακῆνσιοι* – ее обитатели (ссылки на источники [Ib. S. 694]). На Кавказе это *Κοραξικός τεῖχος*, *χῶρα* (Стефан Византиец), известный Гекатею и Гелланику народ *Κόραξοι*; река *Κόραξ* (т. е. Горная), *Coracci montes* – часть Большого Тавра, по Меле и Плинию (ссылки на источники [Ib. S. 695]). Такое повсеместное распространение основы **koḡak(s)-* указывает на ее средиземноморский характер, подобно названиям *Ταῦρος*, *Χάραξ*, *Τάβανα* и др. (см. Указатель 3 б). Таково и название мыса Коракс²⁵. Не исключено родство с топонимом Харакс (№ 21).

²⁴ Сюда относятся также названия с основой **kar-*, **kor-* и суф. *-σ(σ)-* типа вышеупомянутого *Καρῆσ(σ)ός* [Pape, Benseler, 1884, S. 622, 624, 694–695], так как сей суффикс происходит из *kj*, т. е. **koḡēk-jo-s*.

²⁵ Образец работы А. К. Шапошникова [2007, с. 214] с рассмотренным названием: «имя гор *Coracici montes* (Mela) сопоставимо с др.-инд. *Kuru-kṣe-(tra)* «владение Куру». Получается, что эта часть Кавказских гор тоже «владение Куру», героического рода «Махабхараты»!

небольшого, но хорошо населенного города, где строятся суда, 10 миль; отсюда до Лабады, прекрасного города, 8 миль, от Лабады до Шалусты (Алушта), важного приморского города, 10 миль» [Кулаковский, 1914, с. 94]²⁶. Оба города упоминаются и в договорах генуэзцев с монголами 1365–1387 гг. в формах Пертените и Ламбадие [Иб., с. 110]. Имя *Λαμπάς* (*gen. Λαμπάδος*) – это гр. *λαμπάς* (*gen. λαμπάδος*) «факел, сигнальный огонь» (*Aesch. Agam. 28 etc.*), т. е. тут был маяк. Древнее название Лампада сохранилось до средневековья и наших дней в тюркизованной форме Кучук-Ламбат (Малый Маяк, совр. поселок Кипарисное) и Биюк-Ламбат (Большой Маяк); первый – прибрежный поселок у мыса Плака, второй расположен в глущи на горной гряде над побережьем.

IV. Горный Крым, страна тавров²⁷

От названия Крыма *Ταῦρος* получило имя его население – *Ταῦροι* (Геродот, Еврипид), *Ταυροσκύθαι* (*Plut. Prov. Alex., s. n.; Eustathii comm. in Dion. Per. 163*), *Σκυθотаῦροι* (*Ps. Arr. Per. 78*). Об этнической принадлежности тавров, древнейшего народа Крыма, известного нам по имени, свидетельствуют данные его топонимики²⁸. Вообще в античной Таврике выделяется греческая (Херсонес, Евпатория, Неаполь и пр.) топонимика, в Восточном Крыму фрако-дакийская (города Тарона, Тадзос и др., см. ниже раздел VII), редкая иранская (Хабеи, Напит, Оргокина). Вместе с тем во внутренней Тавриде есть упомянутая Птолемеем группа названий городов весьма своеобразного облика, которые отличаются и тем, что более нигде не упоминаются. Логично совместить эту группу экзотических названий со столь же экзотической группой населения – таврами. Основной их ареал определяется территорией распространения кизил-кобинских археологических могильников и поселений начиная с XIII-XII вв. до н. э., которые концентрируются преимущественно в Юго-Западном горном Крыму, в том числе на побережье и в его предгорьях (см., к примеру, карты [Степи... , 1989, с. 12, 81]). Эти названия естественным образом увязываются с таврами как автохтонным населением полуострова и могут быть объяснены на основе индоарийской (т. е. древнеиндийской, санскритской) лексики. Индоарийская гипотеза, предполагающая присутствие в Северном Причерноморье II-I тыс. до н.э. индоарийского населения, насчитывает уже два столетия – ее выдвинул К. Риттер [Ritter, 1820], затем обосновывали П. Услар, П. Кречмер, более всего О. Н. Трубачев, в последнее время А. К. Шапошников и автор этих строк (см. об истории этого направления, в том числе о ревностной критике иранистов [Трубачев, 1999, с. 19–22;

²⁶ Миля Идриси = 1555 м, так что от Гурзуфа до Партенита 15,5 км, от Партенита до Лампады 12,5 км, от Лампады до Алушты 15,5 км. Расстояние от Гурзуфа до Партенита в 15,5 км в точности соответствует современному водному маршруту (не каботажному) из Гурзуфа в пос. Фрунзенское, расстояние от Партенита до Лампады в 12,5 км приводит нас в район прибрежного поселения Кучук-Ламбат.

²⁷ Этот параграф опубликован [Скифия, с. 116–121], здесь переработан.

²⁸ О таврах I тыс. до н. э., в том числе в раннем железном веке, см. [Щеглов, 1988; Храпунов, 2004].

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

Скифия, с. 44–47]). Прочный фундамент индоарийской теории в том, что она, и только она единственная, объяснила такие пространственные названия античного Боспора, как Корокондама и Темарунда, причем содержание последнего указал Плиний (VI, 20): на скифском языке оно означает «мать моря» [Трубачев, 1999, с. 9, 31, 35, 249–250, 283].

26. Аргода, 27. Бадатион, 28. Пароста, 29. Постигия, 30. Дандака, 31. Калиорди, 32. Акисалита, города. Обратимся к этим топонимам, предварительно заметив, что их на основании древнеиндийской лексики этимологизировали и О.Н. Трубачев, А.К. Шапошников; мы даем другие этимологии, и это отнюдь не дезавуирует саму идею их индоарийского происхождения, ибо различное толкование одного и того же названия разными средствами одного языка обычно в топонимике. Применительно к индийской топонимии достаточно привести цитату из посвященной ей статьи В.Н. Топорова [1962, с. 62]: «Часто исследователь имеет дело не с одним, а несколькими равноправными решениями». Попутно разъясним и свою методическую позицию в отношении подбора материала. О.Н. Трубачев и за ним А.К. Шапошников этимологизировали из древнеиндийского языка ономастику Северного Причерноморья античного времени, средневековья и нового времени, в том числе названия Крыма. Мы же исследуем только те топонимы, которые зафиксированы античными источниками [Скифия, с. 47–152]. По времени они синхронны древнеиндийским литературным памятникам, так что сравнение одного с другим покоится на гомогенной лексике и грамматике. Это залог аутентичности предлагаемых сопоставлений.

Итак, в числе городов внутренней Тавриды Птолемей (Geogr. III, 6, 5; 6) упоминает следующие города: Тафр, Торона, Постигия, Пароста, Киммерий, Портакра, Боион, Илурат, Сатарха, Бадатий, Китей, Тадзос, Аргода, Табана. Из их числа о Тароне, Киммерии, Боионе, Илурате, Китее, Тадзосе поведем речь в разделе VII о Восточной Таврике (это в основном фрако-дакийские топонимы). Здесь же из списка Птолемея выделим имена **Ἀργόδα, Βαδάτιον, Παρόστα, Ποστύγια**, добавив названия **Δανδάκη, Λαγύρα** из § III, 6, 2 «Географии»: города внутренней Тавриды «у реки Каркинит»²⁹. Несколько нигде более не встречающихся названий во внутренней Тавриде упоминает и Плиний (IV, 85): в Таврике «живет 30 народов, из них внутри страны 23, а также 6 городов – **Orgocini, Characeni, Assyрани, Stactari, Acisalitae, Caliordi** (SC 2, p. 173); все остальные упомянутые в пассаже IV, 85 у Плиния названия известны и другим источникам. О локализации указанных городов внутренней Тавриды см. [Зубарев, 2005, с. 228–230; Кутайсов, 2002].

Обязательное условие этимологической разработки всех упомянутых экзотиче-

---

²⁹ Как сказано, эти названия нигде более не встречаются, лишь Дандаку в экскурсе о Северном Причерноморье упомянул Аммиан Марцеллин, который явно заимствовал имя у Птолемея, названного им в числе источников этого экскурса (*Amm. Marc.* XXII, 8, 10; 36). Следовательно, для описания внутреннего Крыма Птолемей использовал какое-то редкое сочинение о Тавриде. На наш взгляд, это был трактат ольвиополита Посидония (первая пол. II в. до н. э.) «О стране, называемой Таврикой» (подробней см. [Яйленко, 1988, с. 276; 2017, с. 569–570]).

ских имен городов у Плиния и Птолемея – объяснение из одного языка. Пока что данные для этого предоставляет только индоарийский. Более того, именно он дает объяснение весьма странным для названий городов окончаниям на -i: Orgocini, Characeni, Assyranī, Stactari, Calioridi. Издавна бытует мнение, что они скорее представляют собой этнонимы или этниконны, однако Плиний ясно указал, что это города (oppida). Индоарийским существительным и прилагательным муж. рода на -a, -an etc. соответствуют формы жен. рода на -ī (напр. kumāga- «мальчик», kumāgi- «девочка»). По одному этому признаку упомянутые названия городов индоарийские. Употребление имен городов в женском роде обусловлено подразумеваемым при них существительным женского рода viṣ «место жительства, селение». Следовательно, эти имена – прилагательные или причастия, что нужно учитывать при этимологизации. В связи с подразумеваемым словом viṣ «место жительства, селение» заметим также, что по сути все ойконимы Тавриды, при которых античные авторы употребляли слова πόλις, oppidum, в реальности, как показывает карта поселений Крыма античного времени, были поселками, большими или малыми, укрепленными или нет, но селениями, не городами. По существу, в Крыму античного времени были лишь два настоящих греческих города – Херсонес да Пантикапей, все остальное – поселки³⁰.

Из числа приведенных названий городов четыре, полагаем, связаны с понятиями «вершина, убежище, укрепленное место», которые характерны для расположения таврских поселений, почти исключительно горных. Название **Παρόστα** включает др. инд. rāga «наивысшая точка, вершина» и -stha «находящийся, расположенный»³¹. Этот пример и 5 нижеследующих показывают передачу индоарийских придыхательных смычных соответствующими греческими не придыхательными – глухими и звонкими: th – τ, dh – δ, gh – γ, что оправдано, так как придыхание индоарийских смычных слабое. Это правило вполне соблюдается, так что представляет собой известный залог точности привлекаемых соответствий. Название города **Ποστύγία** – из др. инд. pasti- (pastya «стойло, хлев, конюшня», pastiām «дом», pl. pastyā «усадыба», основа pā- «защищать» и то же -sth- «находиться») + gavi «корова», значение топонима «коровье стойло»³². Название города **Βαδύτιον**, полагаем, сопоставимо с формами

³⁰ Первый хорошо раскрыт раскопками, второй – археологический фантом, ибо нам известен лишь его акрополь на Митридате, городская же застройка не обнаружена, хотя ее упомянул Страбон (VII, 4, 4): «Пантикапей есть холм (λόφος), вполне окруженный селитьбой (πάντη περιουκούμενος ἐν κύκλῳ) на 20 стадий». Страбонов стадий 157-159 м [Фирсов, 1972, с. 167], так что селитьба Пантикапея – это прибрежный полукруг у подножия Митридата длиной 3 с небольшим км, примерно от Мелек-Чесмы с загибом (ἐν κύκλῳ) на юго-запад по заливу в сторону Аршинцево. См. [Зинько, 2012; Шестаков, 2012].

³¹ Этимология О. Н. Трубачева [1999, с. 259]: *par-osta- «у устья», «ср. др. инд. paṅi- «кругом, вокруг», oṣṭha- «губа, верхняя губа». Есть и иранская этимология Э. А. Грантовского [1970, с. 208]: parusta «находящийся впереди».

³² «Коровья» тема настолько распространена у индоариев, что стала сакральной. А. К. Шапошников (у О. Н. Трубачева [1999, с. 260]) видел в Ποστύγία др. инд. *pasti-gaia- «усадыба + семья», «ср. др. инд. pastya- «стойло, конюшня, хлев», pastyā «усадыба» и gāya- «дом, хозяйство, семья». Позднее он

стоинство», árghatī «ценится») и udā «вóды»; в целом вероятное значение топонима «ценный водой» – актуальное для маловодного степного Крыма значение названия. О. Н. Трубачев [1999, с. 227] обратил внимание на параллельное название города Ἄρῳδα в Индии (*Ptol. Geogr. VI, 18, 5*) и счел, что вторая часть названия ud- отражает др. инд. udán «вода» (первую часть названия Ἄρῳδα он затруднился объяснить). Наконец, название порта или бухты, расположенного к востоку от Харакса-Ай Тодора, Λαγύρα может, по нашему мнению, восходить к др. инд. laghú «легкий, быстрый» + -га «обладающий, способствующий»; в целом возможное значение названия бухты связано с понятием «легкой» воды – «сообщающая быстроту, легкость» ходу корабля³⁶. О. Н. Трубачев [1999, с. 252] сблизил это название с др. инд. Lahur (Лахор на пакистанско-индийском пограничье).

Из списка Плиния нам осталось объяснить два – **33. Assyrani**, **34. Stactari**. Название Assyrani продолжает таврскую индоарийскую топонимику: возможно, к др. инд. āśú или āśva- «конь» + -га «обладающий» + суф. -an, т. е. поселение с конями; роль в таврской топонимии уделено место корове (№ 29 – Постигия), свою значимость имели и кони. Для Stactari в литературе предлагалось сопоставление с городом Σατάρχη, тоже упомянутого Птолемеем (*Geogr. III, 6, 5*). Поскольку и Stactari Плиния и Σατάρχη Птолемея одинаково значатся в числе городов внутренней Тавриды, и поскольку никто более их не упоминает, вполне вероятно, что это одно название, так что Stactari слегка подпорченный рукописной традицией топоним Σατάρχη. Если это так, название индоарийского происхождения³⁷. Имя города Σατάρχη образовано от этнонима сатархов – Σατάρχα. Историк I в. до н. э. из Гераклеи Понтийской Домиций Калликрат (*apud St. Byz., s. n. Τάφρα*) и поэт I в. н. э. Валерий Флакк (*Arg. VI, 144-145*) уравнивают сатархов и тафриев, что апробировано и наукой [Ельницкий, 1961, с. 175]. После рассказа о тафриях Калликрат добавил: «эту область заселили саторхеи»; Флакк говорит об их тождестве косвенно. Также географы локализуют сатархов там же, где и тафриев. На наш взгляд, возможно объяснение этнонима Σατάρχα как др. инд. *sandih-arvāk- (sandih «вал, насыпь», arvāk «вперед, сюда»³⁸) «расположенный по эту сторону вала», что по существу равнозначно имени Τάφριος³⁹. Геродоту (*IV, 28*) тоже известны «скифы, обитающие по эту сторону вала» (οἱ ἐντὸς τὰφρου Σκύθαι

³⁶ По А. К. Шапошникову [2007, с. 60-61], Λαγύρα из индоевроп. *lak- «озеро, стоячая вода, лужа» и суффикса избытка *-ig-. Эта порочная методика возведения какого-либо названия прямо к индоевропейской основе, к сожалению, слишком часто у него, см. об этом выше, раздел I. Для подобной связи должно быть выдвинуто обоснование, например, наличие данной индоевропейской основы в названиях того же региона.

³⁷ Далее вкратце излагаем свое объяснение имени сатархов, подробнее см. [Скифия, с. 114].

³⁸ Как местное наречие arvāk подразумевает пояснение *находящийся, расположенный, ср. arvācīna* «обращенный к, расположенный по эту сторону, близлежащий».

³⁹ Др. инд. сочетание nd, nt может передаваться по-гречески одной зубной, отсюда варианты написания индийских названий Πίτυνδρα – Πιτούρα, Σαγώνδα – Σαγώδα и пр. В древнеиндийском существовали формы с утраченным назальным в группах -nt-, -nd- и пр., так называемые корневые варианты (см. [Скифия, с. 51]: pathí-, path-, pánthā-).

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

κατοικημένοι), т. е. во внутренней Тавриде (см. об этом [Народы нашей страны, 1982, с. 259]). При поправке на тождество данного вала с Перекопом (см. № 60–62) это те же тафрии⁴⁰.

О названиях Orgocini, Characeni из перечня Плиния см. № 22, 59.

Этническая принадлежность тавров понималась по-разному, обосновано мнение, что они автохтоны, археологически прослеживаемые с XIII в. до н. э. в горной Таврике: местная кизил-кобинская культура принадлежит к кругу сабаатиновских и белозерских памятников [Колотухин, 1991, с. 64–65]. Это время господства в Северном Причерноморье киммерийцев, которые по многим показаниям были индоариями, с ними связан пласт местной индоарийской по происхождению топонимики; в VII в. до н. э. их вытеснили из Северного Причерноморья скифы-иранцы, вследствие чего киммерийцы мигрировали через Колхиду на юг Индостана, что прослеживается по общим топонимам и этнонимам Гипанис, Акесин, Фасис, Колхида, Синдика [Скифия, с. 43–44, 49–64, 127–149]. Индоарийская же топонимика тавров указывает, что они – отрасль киммерийцев, оставшаяся в Крыму. Ряд известий античных авторов свидетельствует об идентичности тавров и киммерийцев. По Дионисию (Per. 167–168), «там у холодного подножия горы Тавр обретается множество киммерийцев» (Тавр тут – полуостров в целом); на это указывает также упоминаемый Эсхилом (Prom. vinc. 756) Киммерийский перешеек, и это не поэтический троп, ибо другие авторы сообщают, что тавры обитают до Ахиллова бега (Schol. in Pind. Nem. IV, 79 и др.). То же по младшим схолиям к этому стиху Эсхила (SC 1, р. 340): «многие говорят, что киммерийцы обитают близ скифского Тавра и Меотийского озера»⁴¹. По Псевдо-Арриану (Per. 63 = SC 1, р. 279), обитающие в Синдике евдусианы пользуются «готским и таврским языком»; это можно понять в том смысле, что готы-евдусианы наряду со своим германским языком пользовались и местным, синдским (он индоарийский [Kretschmer, 1944, S. 35–42; Трубачев, 1999, с. 15–41; Скифия, с. 47–49]), который назван таврским по причине их идентичности⁴². Такая трактовка этого известия поддерживается наличием в скандинавской мифологии этнонима киммерийцев – в имени великана Gumir [Скифия, с. 150–151], т. е. некогда праготы контактировали с киммерийцами.

V. Западный Крым и прилегающая акватория

35. Каркинит, залив, 36. Ка/еркинит, река, 37. Ка/еркинитида, город. Наиболее заметные природные объекты Западного Крыма – залив Καρκινίτης (Strabo, VII, 3, 18; он же Тамиракский залив) и соименная река (Chrest. Strab. VII = SC I, р. 166; Ptol. Geogr. III, 6, 2); Арриан дал форму Καρκινίτις (Per. 30), у Псевдо-Арриана (Per. 83) Κορονίτις

⁴⁰ О. Н. Трубачев и А. К. Шапошников различали Сагарху и Стактари: *sat(t)-arha- «семь жребиев, уделов» (др. инд. «семь» + argha- «цена, стоимость»), *stak-tar- (stak- «сопротивляться» târ- «берег») [Трубачев, 1999, с. 272, 278]. Оба объяснения с натяжками в санскритской лексике.

⁴¹ Эти схолии позднего времени – И. Цеца и других [Christ, 1890, S. 191], но под «многими» разумеются авторы эллинистической и римской эпох.

⁴² Можно также предположить, что евдусиане явились в Синдику из Крыма, где восприняли таврский

ἡ Κερκινίτις. Альтернатию *a-e* в этих формах продолжают монеты Керкинитиды IV–III вв. до н. э. с легендами ΚΑΡΚ, ΚΕΡΚ. Упомянутая группа названий весьма древняя, на что указывает фиксация имени города Κερκινίτις уже Гекатеем (у *St. Byz., s.n.*; *Herod.* IV, 55; 99). По мнению А. А. Белецкого [1968, с. 203], имя города произошло от названия залива Κερκινίτης, но скорее, полагаем, от названия реки, так как это обычный способ номинации поселений. Локализуется город у современной Евпатории, несмотря на иные версии [Кутайсов, 2016, с. 18]. Литературы о происхождении названий города много [Дашевская, 1970, с. 121–128; Народы нашей страны, 1982, с. 289–290; Кутайсов, 1990, с. 146–147; Столба, 1990, с. 146–147; Зубарев, 2005, с. 195–200]. Если не считать экзотики, то преобладают объяснения из греческого: от слова κερκίος «рак» [Pape, Benseler, 1884, S. 624] или от личного имени ойкиста Κερκίος [Дашевская, 1970, с. 125]. Однако производных отсюда греческих топонимов нет (есть лишь антропонимы), так что отсутствие аналогов таврическим названиям в Греции само по себе указывает на их негреческое происхождение. Ряд сходных с Κερκινίτις названий известен в античном мире: остров в ливийском Сирте и озеро в Македонии Κερκινίτις, остров у того же Сирта Κέρκινα, крепость в Фессалии Κερκινεῖον, горная цепь в Македонии Κέρκινη [Pape, Benseler, 1884, S. 649]. Размах ареала этих названий от Крыма до Ливии может указывать на средиземноморский их характер. При этом названия в Фессалии и Македонии иллирийского происхождения и восходят к индоевр. *perkwos «дуб» [Гиндин, 1981, с. 86]. Настораживает, однако, что перечисленные аналоги не дают вариантов с корневым *-a-* (т. е. нет альтернативы *a-e*), так что связь имен *-a-* огласовки с *perkwos проблематична⁴³. Еще одно направление поисков источника таврических названий могут давать балтийские параллели, как и в случае с находившейся тогда неподалеку рекой Пантикап [Скифия, с. 59]. Керкиниту-Каркиниту могут соответствовать балтийские гидронимы Karķen, Karķsee в бассейне реки Наровы, латыш. Karķens, Karķeni, Ķerķeni, Ķerķini и указывать тем самым на принадлежность названия Каркинит фрако-балтийскому населению Нижнего Поднепровья⁴⁴. Принимая во внимание группу индоарийских топонимов в смежном Юго-Западном Крыму, можно соотнести имя Каркинит также с др. инд. kṛkaḥ- «глотка» > «устье, залив», *kṛkaḥ- в названии селения на Тузле Κοροκινδα = «селение при горловине, проливе»⁴⁵.

язык, но оснований для этого нет, и странно, что в Синдике у них второй язык таврский, а не синдский, так как обычно пришельцы воспринимают местный язык. Это означает близость таврского и синдского языков. Сообщение Псевдо-Арриана относится к III–VI вв. н. э.

⁴³ Поначалу и мы связывали имя реки Κερκινίτις с иллир. *kerka- < индоевроп. *perkwa- «дуб» [Яйленко, 1984, с. 58], но свидетельств о произрастании в Западном Крыму дуба нет (он хорошо произрастал в горном Крыму, согласно средневековым источникам), так что напрасно эту тему развил А. К. Шапошников [2007, с. 56].

⁴⁴ См. о нем [ФДТ, с. 536–540]. Это фракийское население, язык которого отличался большей близостью к балтийскому языку сравнительно с балканской Фракией.

⁴⁵ [Трубачев, 1999, с. 248–250]. Разницу в огласовках Κερκινίτις – Κερκινίτις и Карκινίτις – Κοροκινδα можно объяснять по-разному. К примеру, мену *a-e* в первой паре встречаем также в формах

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

Таким образом, происхождение, тем самым и значение, названия Ка/ερκινίτης неясно – оно может быть фракийским, индоарийским, средиземноморским. Мы склонны к последнему варианту ввиду известных на морском побережье Северного Кавказа сходных топонимов – страна керкетов Κερκετός и Κερκέτιδος κόλπος «Керкетидский залив» (*Eustathii* comm. in *Dion.* Per. 680; *Ptol. Geogr.* V, 8, 9). Как имени Таврика соответствуют названия Тавриния и Лаврийская равнина, все трое средиземноморского характера, как мысу Коракс в Крыму соответственны Кораксика и Коракская крепость на том же побережье Северного Кавказа, тоже средиземноморские, так следует генетически увязывать и названия залива Каркинит да реки Ка/еркинит с именами страны керкетов Керкетия да залива Керкетида на побережье Северного Кавказа, – и они тоже средиземноморского происхождения.

38. Каркина, город. Птолемей (*Geogr.* III, 5, 2, 13; 6, 2) упоминает Καρκίνα πόλις и реку Καρκινίτης на побережье Каркинитского залива, откуда некоторые заключали, что у города Керкинитида был вариант Каркина. Последним по времени публикации отождествил Каркину с Керкинитидой В. Г. Зубарев [2005, с. 199-200], но для этого ему пришлось произвольно сместить северо-западное расположение города Каркина относительно устья реки Каркинит у Птолемея на противоположное юго-западное. По А. А. Белецкому [1968, с. 203], *Carsine* Плиния – «обратное образование» от полной формы названия города Καρκινίτης. Такое мнение можно поддержать присутствием в ливийском Сирте названий Κερκινίτης и Κέρκινα. Однако обратим внимание, что река Ὑλάκυρις Птолемею неизвестна, вследствие чего можно думать, что Καρκινίτης ее второе имя. Но, с другой стороны, ему неизвестен и город Ка/еркинитида, поэтому город Каркина у него может быть тот же, что Ка/еркинитида. Но и в таком случае река Каркинит Птолемея идентична Гиपाкиру, ибо по Геродоту (IV, 55), река Гипакир впадает в море около города Каркинитиды.

Вопрос и о реке Каркинит – Керкинит решался по-разному (см. лит. [Народы нашей страны, 1982, с. 288-289]). Местоположение города Каркина Птолемея и Плиния (IV, 84, 85), по данным которых он прибрежный, уточняет Мела (II, 4): он лежит при Каркинитском заливе и омывается двумя реками – Герром и (Г)ипакарром, которые изливаются одним устьем; судя по упомянутым тут же Каркинитскому заливу и Болоту-Сивашу, изливаются в какую-то из этих акваторий. Обе достаточно удалены от

скифского названия Азовского моря *Tamarunda – Tamarunda*, бесспорно, индоарийского [Трубачев, 1999, с. 283]. Альтернативу *a-o, a-i, t > d* в паре Καρκινίτης – *Κοροκίνδα можно объяснить и из фонетики санскрита, однако, поскольку форма Мелы поздняя, возможно, это уже ее иранизированный вид, а среднеиранскому языку Боспора эти мены свойственны [Zgusta, 1955, § 347, 395, 464, 503]. В приписке к Καρκινίτης на полях рукописи Арриана есть вариант с Коро- (Per. 30 = SC I, p. 225, *adnot.*): Κοροινίτης, так что речь об индоарийском истоке небезосновательна. Санскр. *kr̥kaṇ-* – неясно по происхождению, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов [1984, с. 919] привели как параллель картвельское *q̦aq̦- «глотка», однако в целом это ностратическая лексема, представленная также в уральских и дравидийских языках [Иллич-Свитыч, 1971, с. 235-236]. Поэтому, по нашему мнению, она имеет имитативную природу, т. е. это звукоподражательное слово, связанное со звуком, который издает горло при плотании, хрипе, резком смехе [Корнилов, 1984, с. 77: *gurk*; с. 86-87: *xurx etc.*; с. 89: **kirk etc.*].

современной Евпатории-Керкинитиды, поэтому отсюда следует, что Каркинит – второе название реки Гипакир, идентифицируемой с совр. Каланчаком [Скифия, с. 56] (и атрибуция Гипакира дискуссионна). Видно, Каркин не соответствует Керкинитиде в Западном Крыму, так что не случайно на картах, составленных в XV–XVII вв. по «Географии» Птолемея, Каркина локализуется на нижнем течении Гипакириса, который помещается примерно на месте современного Каланчака (рис. 1-3).

39–40. Калос лимен (Прекрасная гавань), город, залив. Обычно Καλὸς λιμὴν локализируют у поселка Черноморское, где открыто поселение, основанное в IV в. до н.э. (см. о нем и его некрополе [Кутайсов, 2011; Калос Лимен, 2012]). Прекрасную гавань упоминают несколько античных авторов; ученые давно обратили внимание на противоречивость их сведений [Зубарев, 2005, с. 190–195]. Приведем эти известия. По Арриану (Per. 30), «от Херсонеса до Керкинитиды 600 стадий, и от Керкинитиды до Прекрасной гавани, также скифской, еще 700». У Псевдо-Арриана (Per. 82) эта информация дополнена: вдоль береговой линии Таврики от Афинеона до Прекрасной гавани 2600 стадий; это значит, что Прекрасная гавань – крайний пункт на западе Крыма в обход по морю. И в § 83 сказано: «скифская Прекрасная гавань в Херсонесской земле», но далее следует неоднозначная информация: «За Прекрасной гаванью начинается залив, называемый Каркинтским, он простирается до Тамирака, длина его 2250 стадий» по объезду, а по устью всего 300 стадий. Это означает, что один из двух пунктов плавания, Тамирака и Прекрасная гавань, находятся на разных берегах залива; если Тамирака Бакальский мыс (№ 44-45), то Прекрасная гавань лежит на материке, вне Крыма. Так у Птолемея (Geogr. III, 5, 2), у которого ее окружение – Мисарис, Кефалонес (это все Джарылгач, № 49, 51), Тамирака, устье реки Каркинит; стало быть, по морскому пути с запада (от Джарылгача) на восток до устья р. Каркинит лежат поочередно Прекрасная гавань и Тамирака; если последняя Бакальский мыс, Гавань помещается не на Крымском побережье, а на материке; именно тут, между нынешними Скадовском и Каланчаком, помещают ее «птолемеевские» и прочие карты да портоланы XV–XVII вв. (рис. 1-3: Bonus portus). Наконец, у Мелы (II, 3) Calos limen не гавань, а залив в контексте общего описания Крыма: «сторону, обращенную к Болоту (Меотиде), занимают сатархи, со стороны Боспора лежат киммерийские города Мирмекий, Пантикапей, Феодосия, Гермисий, со стороны Евксинского Понта живут таврики. Выше них залив (sinus) с удобными гаванями, называемый поэтому Прекрасной гаванью (Calos limen), ограничивается двумя мысами: один из них, прямо противоположный упомянутому нами Карамбийскому в Азии, зовут Бараньим лбом (Cρίσητορον), другой Парфением. Вблизи лежит город Херсонес» (пер. SC 2, p. 120).

На удивление, в античном мире была еще всего одна гавань по имени Καλὸς λιμὴν – на границе Киликии и Памфилии при крепости и горе Κορακίσιον [Pape, Benseker, 1884, S. 607-608, 694]. Наличие такой же пары в Таврике – мыс Коракс и Калос лимен – вряд ли случаен, тем более что киликийский Коракесий – предгорье огромного горного массива Тавр. В Киликии и Пафлагонии можно подобрать и другие соот-

шественник восточной части нынешнего Джарылгачского залива и Перекопского. Рассмотрим этот вопрос.

Сначала констатируем очевидную порчу текста Плиния и в имени реки Гипакир (у него *Rasuris*), и в явно ошибочной подмене его Гипанисом; зная тщательность Плиния, можно думать, что искажение текста первоисточника обязано скорее всего переписчикам. Вместе с тем у нас нет оснований подвергать сомнению все его сведения об озере Бук, – что оно соединено с Черным морем⁴⁶ посредством рва и что «Гипанис <читай Гипакир> течет по землям номадов и гилеев в Бук через искусственное русло, а через естественное в Корет». Это та информация первоисточника, которую опустил Мела, больше того, она позволяет догадаться, почему в тексте Плиния на месте Гипакира появился Гипанис. Можно предположить существование малой реки (назовем ее Малым Гипанисом), соименной Большому Гипанису (Бугу), приняв за нее нижнее течение Гипакира-Каланчака плюс канал – «искусственное русло» Плиния (его справедливо отождествляют со рвом, вырытым детьми «слепых» из рассказа Геродота (IV, 1-4) о возвращении скифов домой из дальнего похода (см. № 60 и [Скифия, с. 155-156]). Сообщение Плиния о впадении (Малого) Гипаниса «в Бук через искусственное русло (*luit manu facto alveo*), а через естественное (*naturali*) в Корет» означает, что ров-канал соединил воды Сиваша с водой нижнего течения Гипакира-Каланчака⁴⁷. Таким образом, Малый Гипанис по каналу втекал в Сиваш, *resp.* в Азовское море (потому-то Плиний и счел его заливом Меотиды), а «по естественному руслу», т. е. по Каланчаку, впадал в Черное море, сиречь в Корет (Плиний: «а через естественное в Корет»). Этот ров был в античное время преобразован в полноценный канал – *σοῦδα*, как назвал его пользовавшийся не дошедшим до нас античным источником Константин Багрянородный (*De adm.* 42, 78-86): «Самый же залив Меотиды тянется прямо к Некропилам, находящимся недалеко от реки Днепр, мили на 4 (ок. 6 км), и сливается с ними там, где древние, прорыв канал, проходили в море» (см. полный текст об этом канале ниже, № 42–45).

Итак, Корет – северная часть Каркинитского залива, включая предшественника нынешнего Перекопского залива (тут была суша, см. № 42–45). Ввиду этого понимаем выражение *ipse Vuces a Coreto Maeotis lacus sinu petroso* иначе, грамматически тоже вполне оправданно – принимаем значение предлога *a* с аблативом

⁴⁶ Тут у Плиния *in mare* означает «в (Черное) море», так как Меотида именуется *lacus* «озеро», как и Бук.

⁴⁷ К нашему Малому Гипанису относится аналогичное указание писателя конца II–I вв. до н. э. Александра Полигистора (*apud St. Byz. s. n.* Ὑπανις = SC 1, p. 268): «разделяясь надвое, Гипанис втекает одной частью в Меотийское озеро, другою в Понт». Обычно это свидетельство относят к Гипанису-Кубани, что безосновательно, ибо античные авторы обычно пишут о впадении этой реки в Меотиду и Боспорский пролив, но не в Понт, см. о двух рукавах Гипаниса-Кубани *Scymnus*, vv. 865 sq. (здесь Кубань названа Танаисом). Керченский пролив не считается Понтом, он был устьем Меотиды (*Scholia in Aesch. Prom.* 730) [Скифия, с. 37-38]. В краткой заметке Стефана о Гипанисе смешаны три соименные реки – Гипанис-Буг, Гипанис-Кубань и наш Малый Гипанис. Как сказано, о смешении античными авторами Гипаниса (Буга) с Гипанисом на Азиатском Боспоре упоминал сам Плиний (IV, 83).

озера», тогда как «истоки озера» в таком контексте понятны – и сейчас истоками северо-восточной части Каркинитского залива являются тамошние реки Чатырлык, Воронцовка, Самарчик и пр. Таким образом, λίμνη οὐ μεγάλη «внутри Тамираки» – это одно озеро, а τὰς ἀκροῦς τῆς λίμνης «истоки» другого «озера», и от Тамираки до небольшого озера при сем мысе до этого другого озера 300 стадий⁴⁹. И Страбон и Плиний пишут об этой северо-восточной части Каркинитского залива. Страбон (VII, 3, 19): за мысом Тамирака «находится громадный Каркинитский залив, поднимающийся к северу примерно на тысячу стадий, иные же сообщают, что до самой удаленной его части (τοῦ μυχῶ) втрое больше». Значение слова μυχός «внутренняя или удаленная, задняя часть» чего-либо⁵⁰; поскольку говорится о еще большем расстоянии, чем 1000 стадий, понятно, что тут μυχός имеет значение «самая удаленная часть» Каркинитского залива⁵¹. Латинский аналог гр. μυχός в географическом смысле – слово recessus «впадина», как раз его и находим у Плиния (IV, 84): «Черное море подходит большой впадиной (mare subit magno recessu), так что отстоит от Меотиды лишь на 5 тыс. шагов... Сей залив именуется Каркинит».

Итак, античной географии известна «самая удаленная часть» Каркинитского залива (μυχός Страбона), она же recessus «впадина» сего залива у Плиния. Имя этой части – Корет – мы выявили в том же § IV, 84 «Естественной истории» Плиния. Она представляет собой треугольник между Бакальской косой, восточным мысом Джарылгача и Перекопским заливом включительно.

О. Н. Трубочев [1999, с. 250], отталкиваясь от известия Плиния о течении Гипаниса («течет в Бук через искусственное русло, а через естественное в Корет»), понял название Coretus в качестве индоарийского *kr̥ta- «сделанный, рукотворный» (др. инд. kr̥ta- «сделанный»), т. е. Коретом именовался канал. Это натяжка, так как Плиний ясно пишет, что Гипанис (в действительности Гипакир) течет в Корет естественным руслом (fluit manu factu alveo in Bucen, naturali in Coretum). В вопросе о происхождении имени Корет, на наш взгляд, надо отталкиваться от топонимических реалий: в античном мире известны всего два Корета – наряду с рассмотренным это еще название горы в средней Италии Κόρητος [Dion. Hal. I, 14, 2; Pape, Benseler, 1884, S. 696]

⁴⁹ При стадии в 159 м от Тамираки до «устьев озера» 48 км, что приводит от Бакальской косы к устью Чатырлыка; при стадии в 197 м будет 59 км, что приводит к северному углу Перекопского залива. Без сомнения, тут имеется в виду «Страбонов» (на самом деле Эратосфенов) стадий в 157-158 м, так как выше Чатырлыкского лимана залегают крупные соляные озера, отсюда шла соль в греческий мир, за нею и плыли сюда корабли. Те, кто задействован в межполисной торговле, плыли обычно от Херсонеса до Тамираки-Бакальской косы, где поворачивали на запад и шли вдоль Ахиллодрома на Ольвию.

⁵⁰ Например, Thuc. VII, 72: ἐν τῷ κοιλῷ μυχῷ τοῦ λιμένος «в самой глубокой внутренней части залива (гавани)»; Arist. Mir. 836a24: μυχός τοῦ Ἀδριῶν «внутренняя, удаленная часть Адриатического моря». Слово μυχός употреблялось в топонимике: наиболее удаленная часть Коринфского залива в Фокиде называлась Μυχός (Strabo, IX, 2, 25; 3, 13).

⁵¹ Поэтому не вполне точен перевод С. В. Мирошниковой (SC 1, p. 122): «до внутреннего угла залива расстояние втрое больше». Чуть лучше у Г. А. Стратановского: «расстояние до самой впадины залива втрое больше».

Боспорские исследования, вып. XXXV

По Страбону (VII, 3, 19), Тамиракский залив тот же, что и Каркинитский; в Перипле Евксинского Понта (*Ps. -Arr. Per.* 83-84) Тамирака – залив, местность и мыс напротив Ахиллодрома. Таким образом, Тамиракой назывались равно город, мыс и залив, т. е. это большая приморская область, та же, что земли вокруг Каркинитского залива. Есть три способа объяснения топонима Ταμυράκη. Во-первых, возможно сопоставление с именем горного массива в Феспротии близ Додоны Τόμαρος (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 1540]), иллирийским по происхождению. Соответственно, и другое имя того же залива Καρκινίτης, как сказано (см. № 35), может быть иллирийским. Однако такому решению противоречит то обстоятельство, что иллирийский ареал Северного Причерноморья находится довольно далеко – в междуречье Днестра и Южного Буга, но восточнее Нижнего Побужья [ФДТ, с. 532-536]. Во-вторых, учитывая прибрежную реку Ταμύρας между Сидоном и Бейрутом, а также прибрежный город на Евбее близ Эретрии Ταμόνας (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 1483]; о чередовании суффиксов *r-n* в догреческой топонимике [Откупщиков, 1988, с. 111-112]), можно думать о средиземноморском происхождении этой группы имен. Слабое место варианта – небольшое число названий. В-третьих, возможно объяснение из индоарийского, и оно, как покажем, наиболее обоснованно.

По Птоlemeю, устье реки Βάρις в Индии лежит в области Λιτυρίκη, название которой находит соответствие нашему Ταμυράκη, на что обратил внимание О.Н. Трубачев [1999, с. 152-153, 281]. Географически наша область Тамирака как залив, местность, мыс, город территориально соответствует Лимирике, приморской области Юго-Западной Индии. Важна форма названия индийской Лимирики с начальным *d*, которую дают Певтингерова таблица (sect. XII) и Равеннский аноним (p. 14 Par. – Pin.): Scythia Dumigice, так как она позволяет объединить формы Ταμυράκη и Λιτυρίκη посредством свойственного древнеиндийской фонетике соответствия церебрального ведического *!* и собственно санскритского церебрального *d*, как, например, в названии индийской реки Σίλας у Гелланика, Диодора, Страбона = Sides у Плиния, Исидора (при индийских литературных формах Śilā и Sīdā [Таронян, 2007, с. 574])⁵⁵.

Исходя из этих сведений, можно заключить, что Тамирака не мыс Ахиллодрома (хотя на то указывают слова «от (ἀπό) мыса Тамираки тянется (παρίκει) Ахиллов бег»), так как говорить о достойном внимания озере там, на намывном Джарылгаче, не было оснований. Причина перемещения Псевдо-Аррианом Тамираки на восточную оконечность Ахиллодрома кроется в следующем. Арриан (*Per.* 31) дал более полную информацию: от Калос лимена до Тамираки 300 стадиев, от Тамираки до истоков дальней части Каркинитского залива (= μυρός Страбона, см. выше, № 41) еще 300, отсюда до Эионов (Ахиллодрома, см. № 50) 380 стадиев. Таким образом, у Арриана нет указания на прямое плавание от Тамираки до восточного мыса Ахиллодрома. Псевдо-Арриан же принял за это расстояние те 300 стадий Арриана, которые приходятся на плавание от Тамираки до оставшихся непонятными Псевдо-Арриану τὰς ἀκροῦς τῆς λίμνης «истоков озера» (толкование этого текста мы дали выше, под № 41). Иную интерпретацию данных Псевдо-Арриана «Перипла», но без разбора греческого текста, см. [Агбунов, 1987, с. 119-120; 1992, с. 199-202].

⁵⁵ В ведийском языке церебральных не было в начале слова, лишь интервокальные *ḍ, ḍh* давали *!*, *!*h, однако позднее они стали проникать и на начальную позицию. Первая фиксация названия Ταμυράκη Страбоном (VII, 3, 19) не указывает на появление его около рубежа эр, так как индоарийская пара

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

Мена *a-i* обычна в санскрите⁵⁶. Она последовательно соблюдена в первом и третьем слогах Ταμυράκη и Λιμυρική, что служит залогом родства обоих названий. Ввиду изложенного видим в названии Λιμυρική и его причерноморском варианте Ταμυράκη др. инд. *ḍimba-* «росток, побег» + *mūgāka*. «корень, подошва, нижняя часть, основание»; это предполагает, что первично название относилось к Тендровско-Джарылгачской косе, которая, как и все песчаные косы, периодически размывается и намывается морем: *ḍimba-mūgāka дало по гаплогонии *ḍimūgāka со значением «низина с порослью» – о песчаной косе и неглубоком дне моря тут, затянутом водорослями. Именно таков Тамиракский (Керкинитский) залив, в этом он сродни Саргассовому морю⁵⁷. Употребленное Страбоном (VII, 3, 19) для характеристики Ахиллодрома слово ἄλτενης «тянущийся вдоль берега; неглубокий, поверхностный (о море)» своим значением соответствует предложенной этимологии⁵⁸. Этому значению близко и слово ἡϊόν (в выражении εὐρείας ποταμοῦ ἡϊόνας «прибрежье широкой реки»), которым Дионисий Ольвийский обозначил Ахиллов бег (в схолии к *Apoll. Rhod. Arg.* II, 658, см. [Скифия, с. 152] и ниже, № 50). Согласно Страбону (*l. c.*), по мысу Ахиллодрома Ταμυράκη получил наименование прилегающий залив, и добавим, по мысу или заливу назван расположенный на его побережье город.

Мнение об индоарийском характере названия Ταμυράκη-Λιμυρική может быть поддержано тем, что в этих северочерноморской и южноиндийской областях находился одноименный центр – обращенный к Тендре восточный мыс Кинбурна Μυσαρίς и эмпорий в индийской Лимирике Μουζίρις (*Plinius*, N. h. VI, 104 – Muziris; *Per. maris Erythr.* 53, 54 *etc.* [Таронян, 2007, с. 488-489]). Если добавить, что непосредственно к югу от индийской Лимирики обитал народ айев (Αἶοι, Ἀἶοι, – *Ptol. Geogr.* VII, 1, 9; 87), а несколько севернее располагался остров Левка (*Ib.* VII, 1, 95; *Per. maris Erythr.* 53 [Таронян, 2007, с. 324, 455]), да еще при Колхском заливе, мы получаем систему топонимических соответствий из 4-5 названий, расположенных близко друг к другу, и в Индии и в Северном Причерноморье (о земле Αἶα в Нижнем Поднепровье и Эе-Колхиде на Азиатском Боспоре см. [Скифия, с. 32–43, 101–107]), что никак нельзя отнести на счет случайного совпадения⁵⁹.

Tugdamme – Λύγδαμις (ок. 654 г.) дает более раннее появление церебрального в начале слова [Скифия, с. 138–142]. Отсюда и название города Тόμαра в области р. Ганг (*Ptol. Geogr.* VII, 2, 24).

⁵⁶ Например, как средство различения степени слабой и гуца: *sthā-* «стоять», *part.* *sthi-ta*, *inf.* *sthā-tum*; *dhā-* «давать», *aor.* *ádhat* и *ádhitā*; в суффиксах – *badh-ni-mah* «связываем», *badh-nā-ti* «связывает».

⁵⁷ [Паустовский, 1973, с. 88]: «У северных берегов Крыма есть свое Саргассово море. Называется оно Джарылгачским заливом. Там заросли водорослей поднимаются осенью со дна обширными полями. Пароходы, попав в них, наматывают на винты громадные шары морской травы, останавливаются, бросают якоря и ждут помощи».

⁵⁸ Подробнее, но ошибочно в первой части слова, см. [Скифия, с. 57–58]. Согласно этимологии О. Н. Трубачева [1999, с. 152-153, 281], названия Ταμυράκη и Λιμυρική связаны с пиратством; у индийских ученых распространено понимание названия области Λιμυρική как «тамильской» [Таронян, 2007, с. 458].

⁵⁹ На юге Ликии засвидетельствованы с эллинистического времени (Скилак, Агатархид и др.) название

Локализация группы объектов Северо-Западного Крыма – Тамирака-мыс, Тамирака-город, река Каркинит, город Каркина – затруднительна, так как показания античных авторов противоречивы⁶⁰. Главный вопрос – что представляют собой Геродотовы реки Каркинит и Гипакир, от этого во многом зависит локализация городов Каркина, Керкнитиды, мыса и города Тамирака. Как сказано, по Птолемию, Тамирака лежит между Прекрасной гаванью и устьем реки Каркинит; что этот город реальность, показывает этникон его жителя Ταμιρακηνός, сохраненный Стефаном Византийским (s. n. = SC 1, p. 266), ибо не бывает этникона без города. Однако у Птолема локализация нередко обманчива, поскольку географическая последовательность перечисляемых пунктов часто нарушена. Обычно мыс Тамирака и город на нем отождествляются с Бакальской косой, что нам представляется более всего соответствующим данным Страбона (VII, 3, 19) и «Перипла» Арриана (§ 30). Обоснование такой локализации дал М. В. Агбунов [1987, с. 119-120]. Вместе с тем градусные данные Птолема локализуют Тамираку не на таврическом побережье, а на материке, в глубине Каркинитского залива; именно тут, между нынешними Скадовском и Каланчаком, помещают ее не только «птолемеевы» средневековые карты (рис. 1), но и карты да портоланы XVI-XVII вв. (рис. 2-3).

Впоследствии М. В. Агбунов [1992, с. 199-202] изменил мнение и поддался указанию Псевдо-Аррианова «Перипла», что Тамирака – восточный мыс Ахиллова бега, т. е. оконечность Джарылгачской косы; он связал это с подъемом уровня моря и дал реконструкцию здешней геоморфологической ситуации: сначала возник остров Тамирака, затем Кефалонес и Спадуса⁶¹. Однако отметим по этому поводу, что мера подъема уровня моря тут неопределенна, так как колебалась во времени, отсюда и

реки Λίμνος (Λιμνός) и производные от него наименование города Λίμνα и личные имена (источники [Pape, Benseleer, 1884, S. 806]). При аналогиях в Северном Причерноморье и Индии этот гидроним следует связывать с киммерийцами-индоариями, так как они пребывали и в Северном Причерноморье, и в Малой Азии, где оставили топонимические следы своего пребывания (средневековые армянские историки называют соседнюю Каппадокию Киммерией), также антропонимические (Киммериец и под. в Эфесе, Гераклее и др.). Письменных известий о киммерийцах в Ликии нет, но они были в соседних областях – Лидии и Фригии, Мисии, Вифинии (*Arriani Byth. Fr. 19 Roos*), мариандинском Понте (*Scholia in Ap. Rhod. Arg. I, 1126*), Синопе (*Herod. IV, 12*), Трапезунте (*Xen. An. IV, 8, 22-23*) [*Lehmann-Haupt, 1921, Sp. 412-420; Kretschmer, 1928, S. 80 f.*]. Мы видим в киммерийцах индоариев [Скифия, с. 127-152]. Важно в свете сказанного, что наряду с Λίμνος существует форма Λάμνος, с *a*-вариантом, как в Ταμιρακίη, и что в той же Ликии есть река Инд и город Синд (В. Георгиев [1958, с. 171-172] без оснований связал эти названия с местным термилским-милиским языком, так как апеллировал к индоевр. *sindhu-s, выстроенному на др. инд. sindhu-ḥ !). Следы пребывания киммерийцев в Малой Азии – тема отдельной разработки.

⁶⁰ По Геродоту (IV, 55), Гипакирис течет по земле кочевых скифов «и впадает в море близ города Керкнитиды, оставляя справа Гилею и так называемый Ахиллов бег». У него Гипакирис шестая из семи крупнейших рек Скифии, она следует после Борисфена и Пантикапа. Если с Пантикапом благодаря Б.А. Рыбакову мы разобрались – это Конка, то ничего равноценного Гипакирису восточнее Конки сейчас нет, что мы и объясним далее.

⁶¹ На локализацию М. В. Агбуновым Тамираки на оконечности Джарылгача наряду с ошибочными, как мы видели, данными Псевдо-Аррианова «Перипла» скорее всего повлиял и неточный перевод С. В. Мирош-

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

разногласия специалистов, которые применительно к Северному Причерноморью пишут о 3-4 м, 5-6, 7-8 и даже 11-12 м. Мы же для сравнения сошлемся на не столь отдаленную Ольвию: ее затопленная лиманом портовая часть лежит на глубине всего 1-2 м [Шилик, 1975, с. 62-66]; нынешний Бугский лиман в античное время был коренным руслом реки; лишь позднее, в средневековье и позднее, ввиду подъема уровня моря на 5-7 м он постепенно становился лиманом (ср. [Агбунов, 1992, с. 160, 180]). Для понимания уровня воды в Тамиракском-Каркинитском заливе важно свидетельство Плиния (IV, 85), что некогда Таврика была залита морем. Разумеется, он имел в виду степной Крым, и это означает, что воды Каркинитского залива и Сиваша (Бука) заливали Перекоп (как и сейчас при сильном ветре), это и позволило Плинию говорить о Таврике как острове. Все это известно и Страбону: Гнилое озеро (Бук-Сиваш) «очень болотисто и едва судоходно для сшитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем снова заполняют их *водою*, так что *эти* болота непроходимы для более значительных судов» (VII, 4, 1 = SC 1, p. 122). Следовательно, в I в. н.э. уровень этого залива был близок к нынешнему, так что образование островов по версии М. В. Агбунова маловероятно. Подъем воды тут на несколько метров, как и в Днепро-Бугском лимане, происходил на протяжении I – первой половины II тыс. н.э., он и преобразовал гидрографию Каркинитского залива (см. об уровне моря также № 50; вторую дату обоснуем чуть ниже). Огромное влияние оказала и засушливость региона, о которой свидетельствует отсутствие кочевников в степном Северном Причерноморье после распада Золотой Орды на рубеже XIV-XV вв., – не было травы для скота. На картах 1567 г. Я. Гастальда и 1595 г. Г. Меркатора уже нет Гипакириса как Геродотовой крупной реки Скифии; остался Каланчак; даже показанная ими небольшая река, впадающая у первого в Каркинитский залив близ Перекопа, у второго в Сиваш [Дмитров, 1940, с. 88], вскоре исчезла.

Огромный массив прибрежных и уходящих далеко в Каркинитский залив мелей показывают карты и портоланы XVI-XVII вв. (рис. 2-3): они идут очень широкой полосой вдоль таврического берега залива, затем на его севере, где Перекопский залив да Каланчак, и при Тендре; лишь середина залива показана судоходной. Помеченные на картах города того времени на побережье Северо-Западного Крыма, вроде Гёзлеве-Козлова (совр. Евпатория), находятся на том месте и поныне, так что эти обширные мели были и до XVI-XVII вв. Более того, они были уже до X в. н.э., ибо из-за них Каркинитский залив получил название τὰ Νεκρόλυλα «Мертвый про-

---

никовым (SC 1, p. 122) слов Страбона, что Ахиллов бег τελευτῆ δὲ πρὸς ἄκραν, ἣν Ταυράκην καλοῦσιν «заканчивается у мыса, называемого Тамиракою». Поскольку «Перипл» Арриана и Птолемей помещают Тамираку на таврическом побережье, предлог πρὸς в выражении Страбона πρὸς ἄκραν следует принять не в значении «у, при», как Латышев, а в значении «напротив», т. е. Ахиллодром «заканчивается против мыса, называемого Тамиракою». Ошибочна и возрожденная В. Г. Зубаревым [2005, с. 189–194] локализация К. Кёлером (1826 г.) Тамираки на полуострове Тарханкут, что противоречит последовательности пунктов в обоих Периплах – Херсонес, Керкинитида, Прекрасная гавань, Тамирака (в таком случае В.Г. Зубареву надо отказаться и от локализации Калос лимена при Черноморском).

лив», о чем свидетельствует Константин Багрянородный в рассказе о древнем канале на Перекопе и Перекопском заливе⁶². Этот канал был прорыт по Геродотову рву детей «слепых» и, по нашему мнению, шел от озера Бук (Сиваш) к нижнему течению Гипакира-Каланчака (см. № 41 и [Скифия, с. 155-156]). Как сказано (№ 41), этот ров был еще в античное время преобразован в полноценный канал – σοῦδα, как назвал его пользовавшийся каким-то не дошедшим до нас античным источником Константин Багрянородный (De adm. 42, 78-86): «Самый же залив Меотиды тянется прямо к Некропилам, находящимся недалеко от реки Днепр, мили на 4 (ок. 6 км), и сливается с ними там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив таким образом находящуюся внутри всю землю Херсона и Климатов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше. Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь два пути, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам» [Конст. Багр. 1989, с. 174-175, с нашими изменениями]⁶³. Поясним ситуацию. В выражении «прокопав канал, древние пересекали море» (σοῦδαν οἱ παλαιοὶ ποιήσαμενοι διέβασαν τὴν θάλασσαν) под «морем» (θάλασσαν) подразумевается Черное море, так что выражение διέβασαν τὴν θάλασσαν означает, что древние проплывали из залива Азовского моря в Черное по каналу; с его прорытием Таврика как бы отделилась от материка. Слово διάβασις имеет значение «переход», часто обозначает переправу через водную акваторию – реку и пр. По Константину, канал был судоходен в античное время, но затем зарос и перестал функционировать; мы вряд ли ошибемся, связав это с сильным обмелением Сиваша и Перекопского залива. Тогда и появилось название канала τὰ Νεκρόπυλα «Мертвый пролив». На картах и портоланах XVI-XVII вв. уже весь Каркинитский залив именуется Golfo de Nigropoli, т. е. Некропильский залив, из-за упомянутых обширнейших мелей.

С названием канала τὰ Νεκρόπυλα связано и турецкое имя Перекопского перешейка *Оркапу* (*ор* «ров», *капу* «ворота, проход»), которое возникло после возведения Турецкого вала⁶⁴. Оно любопытно: что это за «Ворота рва»? Без сомнения, это частичная турецкая калька сего византийского названия, которое может быть понято не только как «Мертвый пролив» (см. выше), но и как «Мертвые врата (входы, проходы)», т. е. его τὰ πύλα «врата; входы, проходы» скалькировано турецким *капу* «ворота, проход». Вероятно, такое изменение значения имени τὰ Νεκρόπυλα обязано реалиям: видимо, когда канал был судоходным, это название понималось как «Мертвый пролив», когда он вовсе обмелел, оно стало восприниматься «Мертвыми вратами (входами, проходами)».

Изложенное означает, что в эллинистическое или римское время канал, соеди-

⁶² Слово πύλαι применительно к большим акваториям означает «пролив» (например, *Aesch. Prom. 755; LSJ, s. v. πύλη, 3*); *pl. neutr. πύλα* имеет здесь собирательный смысл.

⁶³ Пачинакиты – это печенегы, два пути прохода в Крым – Перекопский перешеек и Чонгар.

⁶⁴ [Дмитров, 1940, с. 61, 103; Никонов, 1966, с. 326]. Наименование «Перекоп» – русское переосмысление названия Оркапу по созвучию.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

нивший западный залив Меотиды и Перекопский залив, функционировал как судоходный; соответственно, более или менее судоходными были и оба залива. Затем, уже до X в. н. э., канал обмелел и заполнился почвой и древесной порослью, что логично объяснить сильным обмелением обоих заливов. В результате, по удачной мысли Ф. А. Брауна [1899, с. 219-221; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 199-200], от Геродотова Гипакириса остались Серогозские болота да речка Каланчак, высыхающая ныне на глазах, несмотря на недавнее обводнение; его нижнее течение, как счел М. В. Агбунов, оказалось на дне залива. От Геродотовой реки Каркинит, как думают, осталось Донузлавское озеро⁶⁵. Отсюда и наши проблемы с локализацией сих рек да городов Каркина и Тамирака. Попробуем ориентироваться на уровни подъема морской воды в Бугском лимане: как сказано, порт Ольвии ушел под воду на 1-2 метра, коренное русло Буга на 5-7 м. Примем также во внимание глубину Перекопского залива до 10 м, такого же порядка глубину большей части Каркинитского залива (в судоходной части она до 35 м). В результате можно думать, что уже до X в. н. э. значительная часть суши здесь ушла под воду с городами Тамирака, Каркина и нижним течением Гипакириса.

Итак, у залива было два имени – Каркинитский и Тамиракский, северная его часть называлась Корет. Каркинит и Корет средиземноморские имена, по времени они древнейшие, Тамирака индоарийское название, оно киммерийского периода. В акватории залива близ Перекопа располагались 3 острова, названия которых характеризуют его физиографические свойства и потому представляют интерес для топонимики Крыма. Для исторической гидрографии этого залива некоторые данные предоставляет также топонимика Ахиллодрома, вкратце затронем и ее, хотя напрямую к таврическим названиям она не относится (в связи с вопросами идентификации удобней сначала поведи речь о нем, затем об островах при Перекопском заливе).

46. Ахиллодром, 47. Остров Ахилла. Ахиллодром – это Тендровская и Джарылгачская косы [Толстой, 1918, с. 55 сл.; Щеглов, 1972, с. 130–132; Народы нашей страны, 1982, с. 290; Агбунов, 1987, с. 122–124; 1992, с. 187–198]. По Страбону, длина Ахиллова полуострова (*χερρόνησος*) 1000 стадий (159 км), что примерно равно общей длине Тендровской и Джарылгачской кос (Страбонова стадия ок. 159 м [Фирсов, 1972, с. 166]). Значение турецкого имени косы Тендра – «уменьшающаяся» (к глаголу *тенті* «уменьшаться, убавляться») или «колеблющаяся» (к глаголу *тәйтрә* «колебаться, шататься») [Радлов, 1905, с. 1058], имя Джарылгач означает «расколовшийся, расщепленный, отколовшийся» (к глаголу *јарыл* «треснуть, расколоться, расщепиться» [Ib., с. 126]), под чем подразумевается имевшееся уже во вре-

---

⁶⁵ В топонимике действует правило именования города по реке, при которой он стоит [Мурзаев, 2001, с. 78–81]; в соответствии с этим город Керкинитида должен находиться при соименной реке. Если этот город локализуется в нынешней Евпатории, то остаток соименной реки – Донулав. Поэтому не убедительна идентификация В. Г. Зубаревым [2005, с. 198] реки Керкинитиды (Каркинита) с нынешним Чатырлыком близ Перекопа.

мена Страбона (VII, 19) или его источника разделение полуострова (χερρόνησος) на две части – узкую полосу Тендры и пошире, до 40 стадий (ок. 6, 4 км), Джарылгач. О культе Ахилла на Ахиллодроме см. [Скржинская, 2004; Русяева, 2006]. Эпитеты богов, связанные со словом δρόμος «бег, состязание в беге, место состязания», крайне редки, насколько мне известно, их два и оба у дорян: Гера Πρόδρομος «Указующая путь, Предшествующая» (*Paus.* II, 11, 2, ср. 6, 7) и Гермес Δρόμος, покровитель состязаний в беге на Крите (LSJ, s. n.). По этим причинам появление культа Ахилла у ольвийских ионян на острове, получившем название Ἀχιλλεῖος δρόμος, не мотивировано греческими сакральными реалиями. В связи с этим мы обратили внимание на почитание Ахилла как змея на Бейкушском святилище, совершенно не известном в Греции. Странно и отмеченное А. С. Русяевой отсутствие культовых статуэток Ахилла в Ольвии и на хоре. Эти особенности означают, что нижнебужский культ Ахилла не греческий, а местный, воспринятый греками. По нашему мнению, это был туземный индоарийский культ Змея Валы, имя которого Ἀχι Valá греки по созвучию контаминировали с именем своего Ἀχιλλεύς'а. Ахиллодром ассоциируется с Элизиумом, Μακάρων νῆσος «островом счастливых (блаженных)», на котором царствует Ахилл, в связи с чем мы обратили внимание на др. инд. áya, у которого два значения – «счастье, счастливая судьба» и «бег» [Скифия, с. 78–107]. Эти данные в числе прочего вполне проясняют непонятное иначе появление топонима Ἀχιλλεῖος δρόμος в Нижнем Побужье⁶⁶. Объяснение через индоарийский тем более аутентично, что, по указанию Евстафия (Comm. in *Dion.* Per. 306), на Ахиллодроме обитали тавры, которые, как показано выше (раздел IV), индоарии (по И. В. Бруяко [2015, с. 223 сл.], таврская керамика есть и в Нижнем Побужье). Ахиллодром упоминают Геродот (IV, 55, 76), Псевдо-Скимн (ст. 820, см. ниже, № 51), Страбон ((VII, 3, 19, см. ниже, № 51) и др.⁶⁷

48. Священный мыс (Гиерон), 49. Мисарис. Западный мыс Ахиллодрома именовался Ἱερὸν ἄκρον «Священный мыс» (Ptol. Geogr. III, 5, 2). Название обязано размещению тут святилища Ахилла⁶⁸. Остатки приношений в него эллинистического и римского времени найдены в основном еще в 1824 г. [Тункина, 2002, с. 452 сл.]. Тут же Птолемей дает название и восточного мыса – Μισαρίς, Μυσαρίς ἄκρα. Его связывают с гр. μισαρός «грязный» [Pape, Benseler, 1884, S. 932], но это проблематично,

⁶⁶ Наивны догадки древних о смысле названия: 1) тут де бежал Ахилл, преследуя Ифигению; приведший это мнение Евстафий (Comm. in *Dion.* Per. 306) упомянул и версию Ликофрона; 2) Ахилл долго пребывал здесь; 3) Ахилл устроил тут игры по случаю своей победы (Mela, II, 5) или просто занимался спортом (*Ann. Marc.* XXII, 8, 41). Наивно и бытующее в литературе предположение, что длинная и узкая полоса Тендры-Джарылгача напоминала греческие стадионы и потому названа Ахиллодром (на самом деле стадионы для бега широки, как в Дельфах); у Мелы и Плиния (IV, 83) сравнение точнее – с мечом.

⁶⁷ А. Н. Щеглов [1972] попытался отождествить упомянутые Полибием Стефы с Тендрой, что справедливо раскритиковал М. В. Агбунов [1985, с. 43–50].

⁶⁸ Исходя из своих представлений о расстояниях по градусным данным Птолемея, В. Г. Зубарев [2005, с. 189] локализовал мыс Гиерон на Одесской банке, а перешеек Ахиллодрома – на западной оконеч-

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

так как сие слово употреблялось в переносном смысле: «грязный» – о человеке и пр. (LSJ, s. v.]. Выше (№ 43–46) мы привели куст названий в этом регионе, имеющих параллели в индийской Лимирике, в том числе Μούζιρις, Muziris. Западная и восточная оконечности Ахиллодрома потому были отмечены собственными названиями, что они отличались от остальной его части, плоской и низменной – по словам побывавшего тут в 1848 г. А. С. Уварова, «На западной и восточной оконечностях Ахиллесова ристалища местность высока и никогда не подвергается наводнениям» [Тункина, 2002, с. 472].

50. Эионы. «Перипл» Арриана (§ 31), II в. н. э.: «От Прекрасной гавани до Тамираки 300 стадий, внутри Тамираки есть небольшое озеро. Отсюда еще 300 до озера; от устья озера до Эионов (Ἴόνες) 380 стадий, а отсюда до реки Борисфен 150» (SC 1, p. 225). По К. Мюллеру, Эионы – мыс Тендры, по В. Г. Зубареву [2005, с. 194], коса, идущая от Евпатории к югу (видимо, водораздел озера Сасык). С озерами мы разобрались выше (№ 41): «небольшое озеро внутри Тамираки» – соляное озеро за Бакальской косой, другое «озеро» – северная часть Каркинитского залива), идентификацию Эионов подсказывает соответствующий пассаж Псевдо-Арриана, в котором вместо Эионов Арриана фигурирует Ахиллов бег (Per. 84). Предварительно напомним, что от Тамираки-Бакальского мыса (№ 42–45) корабли плыли за солью в северный угол Керкинитидского залива (в Корет, 41), но обычно поворачивали на запад к Ольвии и шли мимо Ахиллодрома. Отсюда указание Арриана на расстояние от Эионов до Борисфена в 150 стадий; при стадии в 197 м от Эионов до Борисфена ок. 30 км, реально это расстояние от Кинбурнского п-ва до Ольвии⁶⁹. Это не ошибка Арриана, так как первоначально Ахилловым бегом была и Кинбурнская коса (по М. В. Агбунову [1992, с. 192], ок. II в. до н. э. от нее отделилась Тендра по причине некоторого подъема уровня моря). Новую ситуацию обрисовывает расширенная версия «Перипла» Арриана, составленная в V–VI вв., так наз. Псевдо-Аррианов «Перипл» (§ 84): «От мыса Тамирака тянется Ахиллов бег, он представляет собой побережье (ἦρόν), это приморский весьма длинный и узкий берег.. » (далее дано описание Бега; этот пассаж по справедливости считается заимствованным из «Перипла» Псевдо-Скимна, поэта II-I вв. до н. э.). Таким образом, Эионы Арриана – это Ахиллодром, что подтверждается и его характеристикой у Страбона (VII, 3, 19), который употребил слово ἄλιθενής «тянущийся вдоль берега; неглубокий, поверхностный (о море)». Если у Арриана фигурирует топоним Эион, то у Псевдо-Арриана (= Псевдо-Скимна) не название, а слово ἦρόν «побережье, морской берег, отмель, банка», то же у Дионисия Ольвийца: Ахиллов бег – это εὐρέϊαι ποταμοῖο ἦρόνες «побережье широкой реки»⁷⁰.

ности Тендры. С включением Одесской банки Ахиллодром оказывается намного больше указываемой античными авторами длины (по Плинию, ок. 120 км, по Страбону, ок. 157 км, ныне ок. 147 км), что не позволяет принять такую реконструкцию.

⁶⁹ Аррианова стадия, по М. В. Агбунову, 157, 7 м, но тут убедительней 197 м [Зубарев, 2005, с. 193].

⁷⁰ В схолии к *Apoll. Rhod. Arg. II, 658*. Дионисий – ольвиополит II-I вв. до н. э., осевший в Алексан-

Есть Эион и на Азиатском Боспоре – это общее наименование Таманского и Фонталовского полуостровов sg. Eon, известно только Плинию (VI, 18) = Ἴών, сокращенная аттическая форма (полная Ἴών). Так назывались также город в устье Стримона и еще один город на Пелопоннесе [Pape, Benseker, 1884, S. 454]. Как сказано, автор Псевдо-Арриана «Перипла» охарактеризовал Ахиллов бег как «длинное и узкое побережье», что отвечает смыслу слова Ἴών и соответствующему топониму. Такая характеристика свойственна и физиографии морского побережья Тамани да Фонтала. Как есть узкая перемычка между Тендрой и Джарылгачем, так и, по Плинию, минимальная ширина Эона 2 югера (5, 38 м²), – это размеры какого-то песчаного перешейка Тамани в районе Тузлы или Голубицкой, заливавшегося морем.

Итак, наши источники II-I вв. до н. э. – I в. н. э. (Дионисий Ольвийский, Псевдо-Скимн, Страбон) наделяют Ахиллодром такими же физиографическими чертами, которые свойственны и ныне Тендре да Джарылгачу. Однако это не свидетельствует, что уровень воды в Каркинитском заливе (см. об этом № 35) две тысячи лет оставался неизменным: как мы выяснили, географическое название Ахиллодрома Κεφαλόννησος означает «насыпной остров» (№ 51). В 1981 и 1883 гг. при Тендре на глубине 2 м найдены фрагменты амфор эллинистического времени [Тункина, 2002, с. 453-454], что указывает на подъем уровня моря тогда или позднее. Кстати, эти подводные работы проводились в связи с образованием промоины в Тендре. Живописное описание едва ли не ежегодной перемены физиографического облика Тендры-Джарылгача дал А. С. Уваров [Ib., с. 471-472]: «Ахиллесово ристалище, состоящее из трех частей, Джарылгачской косы и островов Каравая⁷¹ и Тендры, почти постоянно изменяется. Иные годы Тендра, Каравая и Джарылгачская коса соединяются в одну и ту же косу; гирлы <протоки>, разделяющие их, совершенно заносятся песком. В другие годы, напротив того, Тендра отделяется одним или несколькими гирлами от материка. Во время моего пребывания надо было переехать четыре гирла, чтобы добраться до Тендровского острова или косы. До самой западной оконечности, на которой теперь стоит маяк, не встречается ни одного дерева. Тут только возвышается несколько деревьев, последние остатки священной рощи». Сейчас наибольшая глубина Каркинитского залива у Крымского побережья – 10 м. При подъеме уровня моря в I-II тыс. н. э. примерно на 7 м это означает, что во времена Геродота тут была суша, по ней и могло проходить коренное русло Гипакириса до г. Керкинитиды, как полагают некоторые исследователи (см. также реконструкцию И. В. Бруяко, В. А. Карпова [1992, с. 94]).

51. Кефалонес, 52. Спадуса, 53. Макра. Вопрос об этих островах не прост. Плиний (IV, 93) в описании острова Ахилла спутал о-в Левку и Тендру (это вполне разъяснил М. В. Агбунов [1992, с. 193–197]), затем добавил: «Остальные (reliquae)

дрии, он мифограф, автор «Аргонавтики», герои которой действовали и в Северном Причерноморье [Скифия, с. 35-36, 152-154].

⁷¹ См. о Караваяе следующее примечание.

[Pape, Benseler, 1884, S. 845-846] восходит к слову μακρός «длина» [LSJ, s. v.], связанному с прилагательным жен. рода μακρά «большая, длинная», и потому прилагательное к большим и (или) длинным природным объектам (например, это одно из имен острова Евбея). Как видно, и со стороны содержания название острова Μάκρα соответствует длинным Тендре (Сподуса) да Джарылгачу (Макра)⁷³.

54. Евпаторий, крепость, город. Согласно Страбону (VII, 4, 7), ведший войны с крымскими скифами полководец Митридата Евпатора Диофант выстроил крепость Εὐπατορίου (*Ptol.* III, 6, 2: Εὐπατορία πόλις). В херсонесском декрете в честь Диофанта говорится, что из Херсонеса полководец «перешел со всем войском на другую сторону» (εἰς τὸ πέραν διάβα[σι]ν ἐποιήσατο), разбил скифов царя Палака и поставил на месте битвы трофей в честь Митридата (IOSPE I² 352, стк. 6-9). Выражение εἰς τὸ πέραν означает «на другую сторону» чего-либо, например, реки, оно весьма употребительно; например, в Протогеновском декрете из Ольвии оно означает переход царя Сайтафарна с правобережья Днепра в ольвийскую область Гилею на левой стороне (IOSPE I² 32, стк. 83-84). Слово διάβασις имеет значение «переход» по суше или означает переправу через водную акваторию. Таким образом, на пути из Херсонеса Диофант переправился по воде через какой-то близлежащий залив, либо же посуху или по воде в какую-либо отдаленную область Западного Крыма. Обратим внимание на следующую фразу декрета (стк. 9-10): после этой победы над скифами Диофант разбил затем тавров и на месте боя основал город (πόλιν ἐπὶ τοῦ τόπου συνοικίξας), лучше сказать, крепость. Это дает основание думать, что и на месте первой победы над скифами полководец мог основать крепость, именно Евпаторий. Об этом может свидетельствовать воздвижение Диофантом на месте победы над скифами трофея «царя Митридата Евпатора», тем более, что сия победа была весьма значима: в декрете отмечено по этому поводу, что донныне скифы считались непобедимыми (аллюзия на поражение Зопириона от скифов) и Митридат первый поставил этой победой трофей над ними (стк. 9). Сооружение города и наречение его в честь Евпатора не было единичной акцией: сам Митридат, выстроив город в долине Фанарее в области Понт, дал и ему свое имя – Εὐπατορία (*Strabo*, XII, 3, 30).

Наряду со Страбоном Евпаторий упоминают Птолемей (III, 6, 2) и Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 36). Птолемеев перечень городов Западного Крыма: «За перешейком у реки Каркинит в Понте: Евпатория город, Дандака» (далее перечисляются 11 пунктов вблизи г. Херсонеса и на Боспоре, см. ниже); пару Евпатория – Дандака упомянул и Аммиан, явно позаимствовавший ее у Птолемея. Локализация Евпатория определяется данными Страбона и Птолемея. Обычно Евпаторий помещали близ города Херсонеса [IOSPE I² 352, *comm.*; Жебелев, 1953, с. 95], но Д. С. Раевский [1968,

⁷³ М. В. Агбунов [1992, с. 200], сочтя Тамираку восточным мысом Джарылгача (см. № 42–45), сопоставил названия следующим образом: Та-ми-рака – М-акра, увидев в -акра последнего и -рака первого испорченное гр. *акра*, т. е. мыс. Это всего лишь шутка, Миша греческого языка не знал и об ономастике понятия не имел, немалые заслуги его сосредоточены в другой области – исторической географии.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

с. 127–133] вслед за П. Бурачковым перенес переправу Диофанта через Каламитский залив в Северо-Западный Крым, где осторожно отождествил Евпаторий с городищем Кара-Тобе неподалеку от нынешнего города Евпатория⁷⁴. По В. Г. Зубареву [2005, с. 200–204], это городище Чайка на Евпаторийском мысу. Поскольку ни Раевский, ни Зубарев не предприняли детального анализа текстов Страбона и Птолемея, приведем их. Страбон (VII, 4, 7): «кроме перечисленных пунктов в Херсонесе⁷⁵ существовали и укрепления, которые построил Скилур и его сыновья и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против Митридатых воевод, именно Палакий, Хаб и Неаполь. Был также и Евпаторий, основанный Диофантом, полководцем Митридата. На расстоянии около 15 стадий от стены (τοῦ τεῖχους) херсонесцев есть мыс, образующий залив порядочной величины, направляющийся к городу. Выше его лежит морское болото с солеварней. Здесь был и *порт* Ктенунт. Для того, чтобы бороться со скифами, царские воеводы во время осады поставили на упомянутом мысе гарнизон, оградивши это место стеной (τειχίσαντες τὸν τόπον), и засыпали вход в залив до самого города, так что *можно было* без затруднений переправляться сухим путем и из двух городов сделался как бы один. С этих пор они легче отражали скифов. Когда же *последние* напали и на укрепление (τῷ διατειχίσματι) перешейка при Ктенунте и стали заваливать ров (τὸν τάφρον) тростником, то царские *солдаты* ночью сжигали часть плотины, выстроенную днем, и *таким образом* сопротивлялись до тех пор, пока не победили»⁷⁶.

Локализация места действия на первый взгляд определена: в 15 стадиях (ок. 2, 3 км) близ города херсонеситов, на мысу, где и порт Ктенунт, солдаты Митридатова войска (οἱ βασιλικοί) возвели диатейхисму – вал со рвом. Однако при детальном рассмотрении выясняется ряд неувязок в тексте Страбона. Ктенунт обычно локализуют при Севастопольской бухте (см. № 16), и если сооружение диатейхисмы на мысу вполне возможно, то засыпка устья бухты (τὸ στόμα τοῦ κόλλου ... διέχυσαν) странна. У Птолемея (III, 6, 1-2): «За перешейком (Тафром) у реки Капкинит в Понте: Евпаторий (Εὐπατόρια) город, Дандака, гавань Символов ... » тоже есть неувязки. Евпатория идет первой в списке после упоминания Перекопского перешейка, но это объяснимо: в перечне нет последовательного перечисления от Тафр на юг вдоль побережья, ибо бухта Символов и мыс Парфений названы до Херсонеса. Этим же обусловлено соотношение Птолемеем Евпатории с «реккой Каркинит».

---

⁷⁴ Греческого языка он не знал, поэтому оперировал археологическими данными и градусными данными Птолемея, что мало убедительно; но попал в точку. Только в виде шутки воспринимается статья Ю. Г. Виноградова о найденном на Кара-Тобе обломке неказистой известняковой плиты с незначительными остатками текста, которые он бравурно реконструировал в качестве трофея – победной надписи солдат Митридата Евпатора [Vinogradov, 1997, S. 493 f.]. С. Ю. Внуков на основании найденных в святилище на мысе Джангул в Западном Крыму посвячительных надписей моряков вполне восстановил в таком же ключе и надпись с Кара-Тобе [Сапрыкин, Внуков, 2014, с. 359].

⁷⁵ Тут Херсонес – Таврический полуостров, как, к примеру, в предыдущем пассаже VII, 5, 6.

⁷⁶ Для объективности даем довольно точный перевод С. В. Мирошникова (SC 1, p. 127-128).

VI. Степной Крым, Перекоп, Сиваш

55. Неаполь Скифский, 56. Палакий, 57. Хабеи (Хабон). По Страбону (VII, 4, 7), царь таврических скифов Скилур и его сыновья построили крепости Παλάκιον, Χάβον, Νεάπολις, которые были их опорными пунктами в войне с полководцами Митридата Евпатора. У Скилура был сын по имени Πάλακος (Strabo, VII, 3, 17), поэтому можно считать, что Палак выстроил крепость своего имени – Παλάκιον (так думали все, кто обращался к этому вопросу, напр., [Соломоник, 1952, с. 123]). Это в обыкновении у царей: Александр Македонский строил Александрии, Антиохи сооружали Антиохии, Митридат Евпатор Евпатории и пр.⁷⁷ В херсонесском декрете в честь Диофанта (IOSPE I² 352, стк. 12-13) говорится: когда Диофант прошел в середину Скифии (εἰς μέσαν τὰν Σκυθίαν), скифы сдали ему «царские крепости Хабеи и Неаполь» (τὰ βασιλεία Χαβαίου καὶ Νεάν πόλιν). Локализация всех трех крепостей проблематична, предлагались разные решения [Дашевская, 1958; Раевский, 1976; Высотская, 1983; Зубарев, 2005, с. 231–233]. Обычно городище Керменчик в пределах г. Симферополя считают Неаполем. Что это был столичный город скифов, свидетельствуют его уникальные размеры (ок. 20 га), богатая материальная культура [Зайцев, 2003] и обнаружение здесь греческих надписей, в том числе четырех Посидея, сына Посидея (еще одна найдена в Ольвии [IOSPE I² 168, 670–672; Дашевская, 1960; Соломоник, 1958; 1962]). Этот родосско-ольвийский торговец как раз был современником Скилура и Палака, их гостеприимцем (В. В. Латышев справедливо датировал его надписи второй половиной II в. до н. э.). Ввиду сильной эллинизации Керменчика логично думать, что и имя его Νεάπολις «Новый город» было скалькировано греками со скифского названия типа иран. *navakand того же значения. На других скифских поселениях столь ощутимой эллинизации нет, поэтому вряд ли основательны сомнения Д. С. Раевского [1976, с. 104], что Керменчик – это Неаполь. По Т. Н. Высотской, Палакий идентифицируется с Усть-Альминским городищем, Д. С. Раевский отождествил Керменчик с Палакием, Булганакское городище с Хабеями, Кермен-Кыр с Неаполем; В. Г. Зубарев совместил Хабеи с городищем Альма-Кермен. Мы же лишь отметим, что, помимо Керменчика, известны еще 4 крупных скифских городища с фортификацией – Булганак, Усть-Альминское (по 6 га), Залесье (5 га), Красное (4 га) [Дашевская, 1989, с. 128]. Видимо, два из них и были Палакий да Хабеи (повторим, Неаполь – Керменчик).

⁷⁷ В опубликованной Э. И. Соломоник [1964, с. 96] эпитафии из Херсонеса II-I вв. до н. э. читается одна строка: [-- τε]θναότα Παλακίδον π[--]. Она дополнила π[ερί--] и перевела: эпитафия «такого-то, погибшего около Палакия--». Перевод не вполне точен: Παλακικός как прилагательное означает нечто, относящееся к царю Πάλακος или крепости Παλάκιον. По этой причине и поскольку мы знаем из приведенных сообщений Страбона и Диофантова декрета о войнах херсонеситов и Диофанта со скифами, причем Палакий и прочие крепости были построены ими как раз для противостояния полководцам Митридата, а также принимая во внимание дату эпитафии, предпочитаем дополнение π[όλιον--?]: эпитафия «такого-то, погибшего в Палакову войну (?)--».

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

Структура названия крепости Παλάκιον ясная: из личного имени Πάλακος (основа *παλακ*) + греческий суффикс *-(ε)ιον*, употребляющийся для обозначения построек (как в № 54 – Εὐπυλάτιον). Этимология названий Палакий и Хабеи определяется тем обстоятельством, что в ономастике крымских скифов прослеживаются индоарийские и иранские элементы, т. е. они индоарийские и (или) иранские по происхождению. В политическом смысле крымские скифы – наследники Геродотовых царских скифов, в именнике которых есть несколько определенно иранских личных имен. Возможно, также иранское имя позднескифского царя Φαρζοιος, которое сопоставимо со среднеиранским именем *Peroz*, в свою очередь восходящим к др. иран. *Pairisat-* (< **pari-aŋ-* «полнота силы; победоносный» [Грантовский, 1970, с. 201–203]); мы видим в Φαρζοιος гипокористик от формы Φάρζιρις, которая, согласно Страбону (XVI, 4, 27), представляет собой вариант греческой передачи персидского имени Παρύσατις (см. об имени Φάρζιρις [Яйленко, 2010, с. 336–339], о прежних иранских этимологиях имени [Zgusta, 1955, S. 206]). Это может указывать на иранский компонент в ономастике и соответственно языке поздних крымских скифов.

На индоарийский компонент могут указывать царское имя Πάλακος и произведенное от него название крепости Παλάκιον. Иранисты не дали хорошей их этимологии. М. Фасмер поместил имя Πάλακος в число ирано-сарматских и указал на связь с ним названия крепости Палакий; поскольку следующим в его списке имен и названий следует этноним скифского народа Πάλοι, возможно, тем самым разъяснялось иранское происхождение имени Палака, ибо этноним палов он поставил в возможную связь с др. инд. *rāla-* «защитник», афган. *rālal* «доказывать, защищать» [Vasmer, 1923, S. 47], что весьма проблематично⁷⁸. Предлагалась реконструкция имени **Rāla-* < **Rāda-*, при авест. и древнеперс. *rad-*, *rād-* «нога», значение имени «Ногастый, (Длинно)ногий» (ср. авестийский эпитет бога Вайю «Высоконогий») [Кулланда, 2016, с. 79-80]. Отсутствие подобного имени в обширном иранском антропонимиконе, да и его экзотичный смысл не убеждают в такой этимологии. О.Н. Трубочев [1999, с. 34-35, 258] отметил необъяснимость имен Πάλοι, Πάλακος на иранском материале и привел точный древнеиндийский аналог – имя нескольких царевичей *Rāla-* (к *rāla-* «защитник, покровитель», «принц, правитель, государь»). Мы поддержали эту точку зрения засвидетельствованным фанагорийской

⁷⁸ На иранском характере имени Палак настаивал Д. С. Раевский [1976, с. 105] и тоже исходя из переданной Диодором (II, 43) скифской генеалогической легенды: в числе потомков Скифа, сына Зевса и змееногой Девы, были братья Пал и Нап, по именам которых стали называться подвластные им народы – Πάλοι и Νάπαι. На основании развитой Ж. Дюмезилем теории тройного членения индоиранского общества (воины, жрецы, общинники) Раевский связал имя Νάπαι с авест. *nāpa*, среднеперс. *nāp* «пу-повина», также «сородичи, община»; поскольку на связь этнонима Πάλοι с осет. *bal-* «дружина, отряд» давно указал В. И. Абаев [1949, с. 160; 1979, с. 284], получается двучленная кастовая система – палы «дружинники, воины», напы «общинники». Следовательно, заключил Раевский, Παλάκιον – «крепость воинов». Д. С. Раевский историк, он был хорошим знатоком скифских реалий, но иранской филологии не знал, что сказалось и на данной этимологии: иран. *f* не передавалось через греч. *p*, лишь через *f*, *b*,

эпитафией III в. н. э. именем Πάλος, которое на Боспоре определено скифское, так как идентично упомянутому эпониму скифов Πάλος [Яйленко, 2002, с. 236-237; 2017, с. 869-870]. Основа имени Πάλ-ος имеет соответствие, наряду с именем скифского царя Πάλ-ακος, в составных именах Ὀαρζ-βαλ-ακος (КБН 1264, Танаис, II в. н. э.), Ὀυαρζ-βαλ-ος (IOSPE I² 91, Ольвия, II-III вв. н. э.), Ὀυαστο-βαλ-ος (КБН 1282, Танаис, 228 г. н. э.). Они определены иранские, так как хорошо соотносятся при учете значения первой основы с осет. bal- «дружина, отряд» [Абаев, 1949, с. 160; Zgusta, 1955, S. 123, 126, 127]. Но, как видно, в чистом виде имени Πάλος в иранском эпиграфическом антропонимиконе Северного Причерноморья нет, есть лишь в легендарной традиции, сохраненной Диодором, иранский характер которой не доказан. Поэтому считаем имя Πάλος местным, синдским, памятуя, что Фанагория расположена в земле синдов, и принимая во внимание индоарийскую принадлежность их языка⁷⁹. В свете этого сопоставляем имя Πάλος с др. инд. pāla- «страж, защитник, пастух, покровитель, правитель». В Фанагории индоиранские элементы представлены с довольно раннего времени – именем Патика в эпитафии начала IV в. до н. э. (о ней [Белова, 1977, с. 105]), сопоставимым с др. инд. patika «господин, повелитель, муж», по смыслу равнозначным имени Πάλος⁸⁰.

Продолжая индоарийскую линию у поздних крымских скифов, О. Н. Трубачев [1999, с. 239] усмотрел и в названии крепости Χαβαί, Χαβον индоар. *hava- «жертва, жертвенник» (к др. инд. hava- «жертва, огонь»), сославшись на топоним Александровы алтари в Северном Причерноморье. Нам же это название представляется скорее среднеиранским, типа парфянского имени селения hmpu, ṽmpī = hampraу или hambāу, из др. иран. *hamprāу- «защищающий всех» (о нем [Лившиц, 2010, с. 186]), что более соответствует функции Хабей как крепости⁸¹.

58. Напис, Напит. Стефан Византийский упомянул «Напис или Напит, город Скифии» (s. n. Νάλις; Νάλις ἢ Ναλίτης). Этнокон жителя Ναλάτης, Ναλίται, также Ναλάται (Orph. Argonaut. 758) [Pape, Benseler, 1884, S. 974-975]. М. Фасмер зачислил топоним Νάλις в список сарматских названий, ограничившись ссылкой

так что среднеиранское парф. nāf, среднеперс. n'p (nāf), к которым он апеллировал, было бы передано как vaф- или vaβ-, именно так по греческой передаче Ναβαρζάνης (Diod. XVII, 74) реконструируется древнеиранское имя *Nabābrzāna, включающее указанное nāfa (см., к примеру, [Лившиц, 2010, с. 117]).

⁷⁹ О синдах как индоариях см. [Kretschmer, 1944; Трубачев, 1999, с. 15 сл., 93 сл.; Скифия, с. 47-49]. Древнеиндийскому pāla- родственно упомянутое осет. bal- [Абаев, 1958, с. 233; Myrhofer, 1960, S. 416 f.].

⁸⁰ Есть так называемая научная мифология. Ничего постыдного в ней нет – это естественное развитие науки per aspera ad astra, чрез тернии поисков к истине. Мы все отдаем ей дань. Таковая мифология племени палов, потомков Пала (Diod. II, 3-4). Плиний (VI, 22 и 50) упоминает сатархов-спалеев, затем палов и напов, вследствие чего специалисты уравнивают палов и спалеев. Так вот, от имени этих спалеев всерьез производят русское церковнославянское слово *исполин* [Фасмер, 1967, с. 141]! Неисповедимы пути этимологических поисков. Понятно, когда имя киммерийцев или авар оставило следы в разных языках и фольклоре, став обозначением великана, но спалеи едва ли не изобретение источника Плиния, единожды упомянутый ономастический Kunststück!

⁸¹ Упрощение двух губных или сонорного перед губным обычно, ср. последовательное опущение

название местности *Τάφρη* и ее обитателей *Τάφριοι*. Далее перешеек и местность Тафры упоминают Мела (II, 2), Плиний (IV, 88), оба по Тимонакту, и позднейшие авторы – Маркиан, Валерий Флакк. Название представляет собой гр. *τάφρος* «ров, вал» (одно вытекает из другого: копаются ров и тем самым насыпается вал), так что изначально *Τάφραι* – это ров, по которому получили имя перешеек и местность, по ним город. Согласно Страбону (I. с.), тафрии обретают при Каркинитском заливе, еще точнее, их локализует Плиний (IV, 85-86): он говорит о местности Тафры (*locus Taphrae*) и о городе Тафры (*oppidum Taphrae*), расположенном «на самом перешейке полуострова» Тавриды, т. е. на Перекопе. Отсюда единственно правильна идентификация Тафр с Перекопом, тем более что и Мела (II, 4), говоря о таврическом перешейке, называет его *Taphrae*⁸⁴.

Под влиянием рассказа Геродота (IV, 1–4) о рве, выкопанном рабами, детьми жен царских скифов, исследователи сосредоточили свое внимание на валах Восточного Крыма [Народы нашей страны, 1982, с. 204-205; Масленников, 2003, с. 197 сл.]⁸⁵. Между тем валы эти относятся к позднему времени [Масленников, 2003, с. 203 сл.], и местоположение их не соответствует не только указанию Плиния, но даже Геродота, так как, строго говоря, Азовское море имеет наибольшую ширину отнюдь не в Восточном Крыму, а при перешейке Перекоп. Единственное реальное зерно в рассказе Геродота – известие о войне пришлых царских скифов с туземным населением, все остальное фольклор, поэтому в вопросе о Тафрах должно следовать указаниям географов – это Перекоп⁸⁶. На самом Перекопе нет явно древних насыпных валов,

⁸⁴ Так правильно сочли [Brandis, 1899, Sp. 2256; Скржинская, 1977, с. 23; Вдовиченко, Колтухов, 1986, с. 148]. Ввиду определенных данных Плиния и Мелы другие отождествления (о них [Народы, 1982, с. 204-205; Зубарев, 2005, с. 271-272]) ошибочны.

⁸⁵ *Herod.* IV, 3: «И вот дети, родившиеся от этих-то рабов и их (т. е. царских скифов) жен, достигли юношеского возраста. Узнав об обстоятельствах своего рождения, они задумали воспротивиться тем (скифам), кто возвращался из страны мидийцев. И прежде всего они отрезали страну, вырыв широкий ров, растянувшийся от Таврских гор до Меотийского озера, в том именно месте, где оно шире всего» (пер. И.А. Шишовой [Народы нашей страны, 1982, с. 99]). Вариант историка Каллистрата (*apud Steph. Byz., s. n. Τάφραι*): «Местность при Меотийском озере, которую укрепили рвом рабы, вступившие в связь со своими господами во время длительной войны их господ-скифов с фракийцами или иными по эту сторону Истра».

⁸⁶ Вообще рассказ Галикарнасца о детях, прижитых женами царских скифов от рабов и их сражении с возвратившимися из долгого похода мужьями, чисто фольклорный по характеру, на что указывает, в частности, анекдотическая концовка: не сумев победить рабов оружием, скифы привели их к покорности плетками. Несомненно, это байка (баять, как сказал бы Велемир Хлебников), ходившая в роду владык царских скифов, так как все сведения о них Геродот получил от Тимна, служившего при царе Ариапифе. Известие Геродота о местоположении рва – он растянулся от Таврских гор до места наибольшей ширины Меотийского озера – противоречиво: при Перекопе Меотида действительно имеет наибольшую ширину (включая озеро Сиваш), но нет вала, идущего от Сиваша до гор Юго-Западного Крыма (валы Восточного Крыма близки к восточным отрогам Крымских гор, но наибольшая протяженность Азовского моря отнюдь не тут). И в другом месте Геродот (IV, 20), говоря о границах земли царских скифов, указал, что на юге она доходит до Таврики, на востоке – до рва, вырытого детьми «слепых», и до Кремн. Он упоминает вал и в рассказе о зимних перекочевках скифов, живущих «внутри вала» (IV, 28), через пролив в Синдику; в данном случае это скифы степного Крыма.

они уничтожены позднейшими перепрофилировками местности. Можно вести речь также о естественных лощинах или низинах местности (ср. [Pape, Benseler, 1884, S. 1498; Brandis, 1899, Sp. 2256]. Известен еще один такой топоним – «Большой ров (лощина, низина)» в Мессении (ἡ Τάφρη ἡ καλυμένη μεγάλη, *Paus.* IV, 6, 2; 17, 2; VIII, 5, 13). На перешейке между материком и Крымом есть сеть рвов (Большой и Малый Перекопские, на Литовском и Тюп-Джанкойском полуостровах, в Сиваше [Вдовиченко, Колтухов, 1986, с. 148]), однако их системность свидетельствует, что это рвы нового и новейшего времени: ср. древние валы Керченского полуострова – они одиночные, а не системные. Археологических данных по валам Перекопского перешейка нет, еще в 1986 г. И. И. Вдовиченко и С. Г. Колтухов решали вопрос о них на основании известий античных авторов. Мощные укрепления сооружены на перешейке турками в XV-XVI вв. (т. н. Турецкий вал [Дмитров, 1940, с. 61 сл.]), затем до 1920 г. велись масштабные работы по сооружению оборонительных линий белогвардейцами Врангеля, советскими войсками в 1941, немецкими в 1943-1944 гг. Ввиду столь активного переоформления поверхности такого клочка земли, как Перекоп, какие-либо древние валы и даже рвы вряд ли сохранились. Видимо, этим и обусловлено название столь переоформленной человеком местности Перекоп.

63. Новое укрепление. Птолемей (*Geogr.* III, 5, 4) в числе объектов, которые «находятся за перешейком возле реки Каркинит у Меотийского озера», называет и Νέον Τείχος. На картах XVI-XVII вв. фигурируют над Сивашем в переводе на латынь во множ. числе – Nova moenia «Новые стены (укрепления)» (рис. 2-3)⁸⁷.

64. Сапра, озеро (Сиваш). Обычное наименование Сиваша у античных авторов Бук, но Страбон – странный любитель «гнилой» топонимики: только он употребляет название Σάπρα (к гр. σάπρος «гнилой») применительно к Сивашу (Σάπρα λίμνη) и к глубокой промоине в каменистом берегу близ Астиры в Троаде – Σάπρα (VII, 4, 1; XIII, 1, 67; *Chrest. Strab.* VII = SC 1, p. 167)⁸⁸. Физиографические свойства вод, определяемые названием «Гнилой», характерны для степей над Сивашем, где немало мелководных речек, отчасти пересыхающих и потому со стоячими водами. Характерна в этом отношении гидронимия бассейна Ингула, впадающего в Бугский лиман слева, – тут немало названий притоков с указанием на их плохую воду: Гнилец, Гнилопять, Гниловоды, Гнильца, Гнилюха, а также с определением «Грузский» того же значения [Масенко, 1974, с. 98]⁸⁹. Параллельное имя Сиваша нового времени Гнилое море, видимо, появилось благодаря книжной традиции.

⁸⁷ Совершенно неприемлемо отождествление П. Бларамбергом этих Новых укреплений со скифским Неаполем, некритично воспринятое К. Мюллером [Müller, 1901, p. 416], Л. А. Ельницким [ВДИ, 1948. 2, с. 234] и др. Уж вовсе удивляет перемещение Новых укреплений В. Г. Зубаревым [2005, с. 263-264] на Азовское побережье Керченского полуострова. Картографы XV–XVII вв. следовали тексту Птолемея и размещали эти укрепления над северо-восточной частью Перекопа (рис. 2-3).

⁸⁸ Σάπρα θάλασσα также название части Босфора близ Византия [Pape, Benseler, 1884, S. 1341].

⁸⁹ Ср. укр. *гнилуха* «болотистая речка», русск. *гнилуша* «заболоченное верховье речки со стоячей, загрязненной водой, издающей временами неприятный запах» [Мурзаев, 1984, с. 146]. И в нижнее тече-

65–67. Бук, озеро (Сиваш), река, город. Бук и Тафры (см. № 60-62) впервые появляются у Мелы и Плиния. У Мелы (II, 2) река Бук служит географическим репером для локализации агафирсов: «Её (Меотиды) изгиб пересекает река Бук, обходят агафирсы и савроматы». Здесь изгиб Меотиды, пересекаемый рекой Бук – озеро Сиваш с впадавшей в него в древности рекой Молочной-Буком (*Plin. N. h. IV, 84; Ptol. Geogr. III, 5, 3-4*). Плиний (IV, 88 = SC 2, p. 173): «От Тафр в глубь материка обитают авхеты, у которых начинается Гипанис, невры, у которых *начинается* Борисфен, гелоны, фиссагеты, будины, базилиды и темноволосые агафирсы. Над этими – номады, затем антропофаги, от Бука же над Меотидой *живут* савроматы и исседоны». Здесь в героотовско-эфоровскую в целом картину размещения перечисленных народов для их локализации впервые вводятся в качестве географического репера Тафры (Перекоп) и Бук (Сиваш и река Молочная). Сюда же примыкают пассажи Плиния (IV, 84) и Мелы (II, 4), аналогичные по содержанию и потому выписанные из одного и того же источника.⁹⁰ Судя по содержанию всех приведенных фрагментов, этот анонимный источник вобрал в себя героотовскую традицию о составе народов Скифии и новые представления об их локализации, впервые представленные у Гиппократом и Эфора, а также неизвестные этим предшественникам детали этногеографии Скифии, в том числе Бук и Тафры. По нашему мнению, этот источник – Тимонакт, живший во второй половине IV или в III в. до н. э. автор сочинения о Скифии (подробности [Скифия, с. 183–186]). Таким образом, река и озеро Бук известны с раннеэллинистического времени, далее их упоминают помимо Мелы и Плиния лишь позднейшие авторы – Птолемей, Маркиан, Валерий Флакк.

Название озера и реки Βύκη непросто объяснить ввиду его краткости и по причине отсутствия обычных для Северного Причерноморья балканско-эгейско-малоазийских параллелей⁹¹. Точным соответствием предстают литовские гидронимы Βύκα,

---

ние Южного Буга впадают речки с характерными именами, указывающими на испорченность вод, в том числе Гнилой Еланец; в этом же бассейне верхнее течение Синюхи называется Гнилой Тикич. Еланец – уменьшительное к *елань*, что применительно к водным объектам означает «речку со ржавчиной», так что тюрк. Еланец – это «Ржавчатая» речка».

⁹⁰ *Mela*, II, 4: «Затем море подходит к берегу и до расстояния 5000 шагов от Меотиды, постоянно следуя за удаляющимися берегами, придает вид почти острова местности, занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив Каркинитским. При нем лежит город Каркина, омываемый двумя реками Герром и Гипакармом, которые вливаются одним устьем, но вытекают из разных источников и в разных местах: Герр течет между базилидами и номадами, а Гипакарм по земле номадов». *Plin. IV, 84*: «Море выдвигается большим заливом так, что от Меотиды отстоит всего на 5000 шагов, и омывает обширные пространства и земли многих народов. Этот залив называется Каркинитским. Здесь же река Пакирис, города Навар и Каркина. Само озеро Бук скалистым хребтом отделяется от Корета, залива Меотийского озера. Оно принимает реки Бук, Герр и Гипанис, текущие с разных сторон; именно Герр отделяет базилидов от номадов, а Гипанис течет через земли номадов...» (SC 2, p. 120, 173). См. об интерпретации этого текста выше, № 41.

⁹¹ Есть варианты: рукопись Птолемея дает форму Βύκη (дат. падеж), у Плиния (IV, 84) *Buges*, но они не колеблют каноническую форму Βύκη, так как пользовавшийся раннеэллинистическим источником (Тимонактом) Мела (II, 2) тоже дает ее – *Buces*.

«Боспор – город Понта у Киммерийского залива, по свидетельству Филона, и пролив того же имени». Эрудит II в. н. э. Авл Геллий (*Noct. Atticae*, XVII, 8, 16 = SC 2, p. 265) цитирует своего современника, неоплатоника Кальвизия Тавра, который неточно пересказывает слова Геродота (IV, 12; 28; см. выше) и приписывает ему «Боспорское море, которое называется «Киммерийским»» (*mare Bosporicum, quod “Cimmerium” appellatur*). На первый взгляд, это не географический топоним *Cimmerium mare*, а вольность пересказа. Однако историк V в. н. э. Орозий (*Hist.* I, 36; 48) в географических описаниях дважды упоминает Меотийские болота и Киммерийское море. Ситуацию разъясняет автор «Землеописания» V в. Юлий Гонорий в перечне морей Северного океана (A, 28 = SC 2, p. 442): «море Меотида, море Босфор, море Киммерийское (*Cimmerium mare*, № 74), море Понт, море Босфор Фракийский». Это означает, что в позднеантичной географии выделялась в самостоятельную номенклатуру северо-восточная часть Черного моря; это аналог Киммерийского залива (№ 73). У пролива Боспор было и другое имя – «Узкое море» (№ 74a): в комментарии к выражению стг. 1286-1287 поэмы Ликофрона «Кассандра» *κακόξεινος κλύδων* «негостеприимная пучина» близ земли меотов и у реки Танаис (очевидная парафраза имени Черного моря *Ἄξεινος πόντος* «негостеприимное море») Иоанн Цец пояснил, что это *Στενὸν πέλαγος* «Узкое море» [ВДИ, 1947. 3, с. 269]. Таким образом, контекст Ликофрона и Цеца показывает, что «Узкое море» – это Боспорский пролив с прилегающими акваториями Черного моря и Меотиды.

По Страбону (VII, 4, 3), в стране тавров есть гора Трапезунт (см. ниже, № 92) и рядом Киммерийская гора (*Κιμμερίων ὄρος*, № 75). Город *Κιμμερικὸς* (№ 76) упомянут Псевдо-Аррианом (Рег. 76) между Китеем и Казекой. Локализуется у прибрежной горы Опук. Раскопки [Завойкин, 2013, с. 131 сл.]⁹³. О названии восточной оконечности Керченского п-ва Киммерийский мыс см. № 80.

Эсхилу (Prom. vinc. 755-756) известен Киммерийский перешеек (*ισθμὸς Κιμμερικὸς*, № 69), это Перекопский перешеек, он же *Τάφρα* (№ 60). Дословно *Τάφρα* – рвы; где рвы, там и валы, поэтому идентифицируем Геродотовы Киммерийские стены с этими валами, хотя в литературе принято отождествлять их с Асандровым валом и другими, которые отгораживали Керченский п-ов от степняков. Наши аргументы: в «Одиссее» (XI, 14) упомянуты «народ и страна киммерийцев», анализ этого и других известий показал, что частью этой страны были позднейшие Тафры-Перекоп [Скифия, с. 11-32]. Строительство укреплений велось здесь в древнее, средневековое и новое время (см. № 60-62).

Упомянутая «киммерийская» топонимика носит коммеморативный характер (потому и заключаем ее в кавычки). Киммерийцы населяли Северное Причерноморье, в т. ч. Крым, с XIII-XII вв. до н. э., что определяется началом сабастиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье; она – восточный анклав культур гальштаттского типа, носителями их были в числе прочих этносов также фракийцы и индоарии

⁹³ См. также подборку текстов [Тохтасьев, 1984].

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

[Скифия, с. 138–144]. В VII в. до н. э. скифы вытеснили киммерийцев-индоариев из Северного Причерноморья. Но часть их осталась в Таврике, и этот остаток был в основном загнан в горы, где известен под именем тавров (таврская кызыл-кобинская культура родственна сабастиновской). Наличие Киммерийской горы (№ 75) в стране тавров поддерживает нашу трактовку тавров в качестве остаточной отрасли киммерийцев. В среде новых обитателей Крыма VII-VI вв. скифов и греков естественным образом утвердилась связь крупных природных объектов с прежними насельниками страны. При этом важно подчеркнуть, что они переняли страну непосредственно у киммерийцев, по причине чего упомянутые «киммерийские» топонимы порождены не мифологическим воссозданием древности, а сами являются свидетелями недавней и современной местной истории, именно VII-VI вв. до н. э.

Подобного рода мемориальные названия были и в средневековой Таврике и тоже обусловлены вполне историческими визитами киевских варягов. На картах XVI-XVII вв. (рис. 2, 3) перед Каланчакским лиманом показан остров *Rossa*, п-ов *Тарханкут* несет имя *Rossofag* («Перевоз, переправа росссов», к гот. *farjan*, др. норвеж. *ferja*, швед. *färja* «перевоз, переправа»), этническое содержание которых отсылает нас к русско-греческому договору 945 г. и дополнительно растолковывается названием селения на севере *Россофара Varangito* (это гр. *Βαράγγιτος «Варяжское»). Все это топонимические следы торговой деятельности тут киевских росссов-варягов; разумеется, топонимы оставили не они сами, а местное население, у которого эти купцы-разбойники оставили по себе впечатляющую память⁹⁴.

Показательно распределение перечисленных выше «киммерийских» топонимов: два на Перекопе (№ 69, 70), один в горном Крыму (№ 75), одно – общее обозначение Тавриды (№ 68), шесть в Восточном Крыму (№ 71–74, 76). Если учесть еще город Киммерий и Киммерийский мыс на Азиатском Боспоре (*Ptol. Geogr. V, 8, 5*), то этноним киммерийцев прочно внедрился именно в топонимику Боспора. Трудно сказать, связано ли это с наибольшей обжитостью Керченского п-ва в античное время, по причине чего тут больше предантичных топонимических рецептов, то ли реально киммерийцы хорошо освоили Боспор. Еще одна особенность «киммерийских» топонимов состоит в том, что все они, исключая название страны (Киммерия), сосредото-

---

⁹⁴ Русско-греческий договор 945 г., который был возобновлением договора 911 г., наряду с официалами Киевской Руси, почти сплошь норманами, подписали и «купец (= купцы) Адунь, Адулбь, Игтивлад, Олебь, Фрутань» и другие носители варяжских имен. В том же договоре, в разделе «А о Корсунстей стране» русам воспрещается воевать в Крыму (Корсуни); ежели наткнутся в устье Днепра на херсонских рыбаков, не трогать; нельзя русам зимовать там, на Белобережье (до Кинбурна), «ни у святого Ельферья» (Березань), «но егда придет осень, да идути в дома своя в Русь» [Повесть временных лет, под 945 г.]. Это означает, что киевские купцы-варяги в навигацию вели деятельность в указанных местностях; приведенные топонимы на Тарханкуте указывают, что она простиралась и на Крым, и на лиман Каланчака, где обстрепывались дела с кочевыми печенегами (важнейший товар у крымчан да печенегов рабы). Что до «Варяжского» селения (Варангито), то такое же имя было у острова Хортица на Днепре – «Варяжский остров» (Ипатьевская летопись под 1224 г., также другие летописи).

чены в местах соединения Крыма с соседними регионами. Это может быть обусловлено реальным пребыванием киммерийцев при Перекопе и особенно на Боспоре. При этом «киммерийская» топонимика Боспора достаточно ранняя – «Киммерийский город» известен Гекатею (у Страбона, VII, 3, 6: Κιμμερίδος πόλις). Этому вполне соответствуют упомянутые в «Одиссее» (XI, 14) «народ и город (страна) киммерийцев» (Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμος τε πόλις): Κιμμερίων δῆμος Гомера то же, что χώρα Κιμμερίη Геродота, а Κιμμερίων πόλις «Одиссеи» целиком равнозначен Гекатееву Κιμμερίδος πόλις⁹⁵. Поскольку разумна датировка «Одиссеи» по известным ей географическим реалиям началом Великой греческой колонизации, т. е. VIII веком, то к этому же времени относятся и ее данные о киммерийцах. И поскольку у Гекатея и Геродота это реальные топонимы, то таковыми являются и их аналоги в «Одиссее»⁹⁶. В силу изложенного скептическое отношение к «киммерийской» топонимике Боспора как неисторической (Тохтасьев, Иванчик) безосновательно [Скифия, с. 16–21, 127–135; Яйленко, 2010, с. 414].

Есть и так называемые квази-топонимы – названия, которые фигурируют главным образом в поэтических сочинениях, они не употреблялись в реальной жизни, это плод художественного воображения. Загадочные своей древностью киммерийцы на краю Ойкумены служили благодатным поводом для поэтического вымысла. К примеру, равным образом возникла «амазонская» топонимия: мифы об экзотических женщинах-воительницах породили воображаемые «Амазонскую страну», «Амазонское море», «Амазонскую реку». Таковы следующие «киммерийские» квази-гидронимы в римской поэзии.

77. Киммерийские озера (воды). Альбий Тибулл, поэт времени Августа, в элегии на свою грядущую кончину от старости высказывает пожелание «познать Елисейские поля, и челн Леты, и Киммерийские озера (Cimmerius lacus)» (Eleg. III, 5 = SC 2, p. 38). Это поэтическое наименование вод Леты, связанное с представлениями эллинистического и римского времени о Киммерии как стране загробного мира, полный вымысел, не имеющий никакого отношения к действительности.

78. Киммерийский берег. Овидий сетует в «Письмах с Понта» (IV, 10, 1-2): «Так уж шестой год кукую век на Киммерийском берегу (Cimmerium litus) среди в шкуры одетых гетов». Великий ссыльный поэтически переносит исторические реалии Северного Причерноморья на задунайские Тома, в чем подспудно улавливается предание о киммерийцах на Нижнем Днестре, упомянутое нами выше. Напомним, что Овидий – знаток греческой мифологии и мифологизированной истории, донесший до нас в «Метаморфозах» тему данных такого рода, не сохранных другими античными источниками.

⁹⁵ Гр. δῆμος и πόλις означают совокупно и территорию и ее население.

⁹⁶ Контекст Страбона, в котором он упомянул Гекатеев Κιμμερίδος πόλις, показывает, что это не город Киммерик на Керченском полуострове, а скорее синоним Геродотовой χώρα Κιμμερίη, т. е. обозначение всей земли киммерийцев, либо же наименование Боспора как области – пролива и прилегающих земель.

Коресс, также Смирны; далее, Τραχίς (-ῖνος), Τραχῖνος ὄρος, Τραχύ ὄρος – ближние горы и города в Фессалии, Фокиде, Аркадии, Испании [Pape, Benseker, 1884, S. 1547-1548]. Ученейшие авторы замечательной книги [Народы нашей страны, 1982, с. 138] дали в упомянутом пассаже Геродота чтение К. Худа с прилагательным – χερσονήσου τῆς τρηχέης καλεομένης, но нелогично перевели вслед за В. В. Латышевым [SC 1, р. 40] как топоним: «до полуострова, называемого Скалистым». И «Скалистый» тут неточность, ибо на Керченском полуострове нет скал (*ср.* скалиность горного Юго-Западного Крыма), поэтому следует принять более соответствующее реалиям значение названия χερσόνησος Τρηχέη «Каменистый полуостров» (греч. χερσόνησος жен. рода).

81. Херсонес (Керченский п-ов). В рассказе о вале Асандра (ниже, № 97) Страбон (VII, 4, 6) называет Керченский полуостров Херсонесом (Χερσόνησος): этот вал ограждал Херсонес (т. е. Керченский полуостров) от нападений извне. Как сказано (№ 6), этимологически гр. χέρσος «сухая земля, суша, материк» сопоставляется с др. инд. hársate «стоять торчком, быть вздыбленным», лат. horreo, то же [Chantraine, 1980, р. 1255], и подобный смысл законсервирован в сочетании с νῆσος «остров» в слове χερσόνησος как обозначение вздымающейся, возвышающейся над морем части суши.

82. Киммерийский мыс. Восточная оконечность Керченского п-ва называлась Киммерийским мысом – Κιμμέριον ἄκρον. Согласно «Страбоновой хрестоматии» (XI = SC 1, р. 169), «В древности Киммерийский мыс (τὸ Κιμμέριον ἄκρον) при Меотиде имел большое значение (ἴσχυσε πλείστον), так что и Боспор получил по нему название Киммерийский».

Перейдем к исторической топонимике Восточного Крыма античного времени. Результаты своего изучения ее мы недавно опубликовали в статье «Топонимика античного Боспора» (ТАБ), поэтому здесь даем в сокращении лишь то, что относится непосредственно к названиям (со ссылками на их номера там, например: ТАБ, 35), добавляем и новые материалы. В Восточном Крыму хорошо выражены два слоя – греческий и фрако-дакийский, группируем названия по ним, затем даем остальные. В целом тут три десятка названий, из них греческих половина и почти все приморские. По типу греческие названия отражают природные особенности местности и связь с культовыми местами; есть и мемориальные (памятные). Рассмотрим их в таковой последовательности.

83. Акра, деревня, 83а. Портакра, селение. (ТАБ, 35-36). По Страбону (XI, 2, 1), у деревеньки Акры на Евксине начинается пролив Боспор, также Псевдо-Аррианов Перипл (§ 76) называет между Китеем и городом Киммерик Ἰάκρας κομίον «деревеньку Акры». Это *асс. pl.* к *fem.* ἄκρα «вершина, высота», так что именит. падеж названия – Ἰάκρα «Высоты». Локализуется у с. Заветное [Завойкин, 2013, с. 129]. Птолемию (Geogr. III, 6, 5) ведом в числе городов внутренней Таврики город Портάκρα (cod. Ρ Портάκρας, cod. Χ Ποστάκρα), никто более ее не упоминает. Вопрос с Портакрой не прост. Поскольку Птолемию неведома Акра на Черноморском побережье Керченского п-ва (он знает Акру на Меотиде – III, 5, 4), сложилось мнение о тождестве Портакры с Акрой [Зубарев, 2005, с. 244–246, лит.].

Однако аргумент его сторонников, что в названии Портакра присутствует слово *порт* (т. е. Порт Акра) ошибочно, так как латинское слово *portus* «гавань» в греческом лексиконе не значит⁹⁸. В связи с этим, может быть, стоит учесть форму *cod. X* *Ποστᾶκρα*, возвращающую нас к индоарийскому названию города *Ποστῆγία* (№ 29), в котором мы усмотрели др. инд. *pasti-*, *pastya* «стойло, хлев, конюшня», *pastiām* «дом», *pl. pastyā* «усадьба» (основа *rā-* «защищать»); ее можно оформить словом *ἀγга* «главный, основной» или *āgāra* «дом» (в т. ч. как топоним *Āgga*, столица империи Моголов), значение названия поселка в таком случае «главная усадьба», «дом со стойлом, хлевом». Этимология предположительна.

84. Нимфей, город. 85. Самос (?) (ТАБ, 21). Обстоятельства основания Нимфея неизвестны, но его эпиграфические памятники V-IV вв. ярко ионийского диалекта указывают на основание его ионийцами. Обычная форма боспорского топонима *Νύμφαιον* (гр. *τὸ νύμφαιον*, *νύμφαιον* «святилище, нимф»), у Псевдо-Скилака (§ 68 = SC 1, р. 84) форма мн. числа *Νύμφαια*. В Греции, Иллирии, Македонии, Малой Азии известен десяток названий островов, городов, предгорий по имени *Νύμφαιος* (-ov), все они связаны с культом божеств воды, водного источника [Pape, Benseker, 1884, S. 1018-1021]. Ср. Мела (II, 3): Херсонес Таврический славен «посвященным нимфам источником в гроте» (*nymphaeo spesu nymphis sacratum*). В легенде *ΣΑΜΜΑ* на нимфейских монетах позднего V в. до н. э., возможно, представлен этникон нимфейцев-самосцев и теоним Великой Матери: *Σαμ(ίον) Μα(τρὸς ?)* «монета самосцев, святилища Матери (?)». В таком случае *Σάμος – первоначальное название Нимфея, занесенное сюда колонистами из Эгейды. Сей топоним широко распространен в балканско-эгейском регионе [Гиндин, 1967, с. 90-91; Откупщиков, 1988, с. 90, 94, 167-168], известен также в Испании (река *Σάμος*) и в Восточном Средиземноморье (город в Сирии *Σαμαία*, остров на Ниле *Σάμος*) [Pape, Benseker, 1884, S. 1334, 1337-1338]. Следовательно, оно средиземноморского происхождения. Значение названия *Σάμος*, по Страбону (VIII, 3, 19; X, 2, 17), «холм, возвышенность» (средиземноморская основа **samo-*).

86. Порфмий, город. (ТАБ, 22). Достаточно ранний городок у самой узкой части Керченского пролива (о нем [Вахтина, 2011]). Может быть, соответствует *πορθμία* *Κιζιέρια* Геродота (№ 71), см. вопросы локализации [Ермолин, Федосеев, 2011]. Станным образом Порфмий упоминают лишь поздние источники – Псевдо-Арриан, Стефан Византийский и др. Стефан дал форму мн. и ед. числа *Πορθμία*, *Πορθμίον* (*St. Byz.*, s. n.), Псевдо-Арриан (§ 69, 76) единственного, что в чистом виде представляет собой гр. *πορθμίον* «переправа, порт» (также *πορθμείον*). И другая странность: в греческом мире мне известен еще лишь один пример такого наименования города – *Πορθμός*, гавань еврейского города Эретрия (*Demosth.* IX, 33). Между тем в общей топонимике названия городов подобного рода часты [Мурзаев, 2001, с. 26, 107 сл.].

⁹⁸ Лат. *portus* «гавань» стало топонимом: *Πόρτος* – гавани в провинциях Испания Бетика и Мавритания [Pape, Benseker, 1884, S. 1237]. Гр. *πορθμός* заимствовано латынью – *portus* «пролив».

87-88. Мирмекий, город, мыс. 89. Гермисий, город. (ТАБ, 52, 53). Название города (τό, ἡ) Μυρμήκιον (варианты у Стефана Византийца Μυρμηκεῖον, Μυρμηκία [Pape, Benseler, 1884, S. 962]) происходит от слова μύρμηξ, но не в значении «муравей» (в смысле город как муравейник – так [Braund, 2015]) и тем более не от антропонима Μύρμηξ, якобы ойкиста, как показалось С. А. Жебелеву [1953, с. 303–307]. Очевидным образом оно связано с физиографическим значением этого слова – «скалы, подводные скалы, рифы морского побережья; песчаные отмели» [Vinogradov, Butyagin, Vachtina, 2003], которое явствует из указаний ряда авторов, упомянувших несколько топонимов Μύρμηξ в Греции (источники [Pape, Benseler, l. c.]). Например, Плиний (V, 29; 31) знает прибрежные скалы Мирмекс у Смирны, Геродот (VII, 183) пишет о подводной скале (τὸ ἔρμα) по имени Мирмекс у фессалийского побережья между Скиафом и Магнесией; Полемону известен город в Троаде Μυρμισσός (apud St. Byz., s. n.). Как раз прибрежные камни, скалы и утесы в море составляют отличительную особенность местоположения боспорского Мирмекия, они и определили его название. Аналогичным образом Мирмексом назывался город на Самофракии (Nonnus, Dion. 13, 397), у высоких обрывистых берегов этого гранитного острова немало указанного рода останцев. Средний род названия города τὸ Μυρμήκιον сам по себе указывает на материально «скальную» природу топонима, произведенного от слова ὁ μύρμηξ, т. е. название города представляет собой диминутивное образование среднего рода (τὸ) *μυρμήκιον от ὁ μύρμηξ. Связь названия Мирмекий с камнями и скалами у его побережья подчеркивается тем обстоятельством, что он стоял на одноименном мысу (Ptol. Geogr. III, 6, 3). Вопросы локализации [Зубарев, 2005, с. 255-256].

Глубинный «каменный» характер имеет и наименование города Ἐρμισίον, которое упоминают только Мела (II, 3) и Плиний (IV, 87), причем Плиний называет его в паре с Мирмекием: на проливе Боспор Киммерийский «лежат города Мирмекий и Гермисий», откуда явствует их территориальная близость. Hermisium Мелы и Плиния – латинская транскрипция греческого Ἐρμισίον, которое, в свою очередь, по мысли авторов изумительного поныне ономастического справочника, образовано от *Ἐρμισίον [Pape, Benseler, 1884, S. 385]. Это резонно: форма Ἐρμισίον вполне реальна как следствие итацизма, в противном случае трудно объяснить ее соединительное -i-. Образование же формы *Ἐρμισίον прозрачно: ионийская основа ἐρμη- + -σιον, суффикс существительных и прилагательных, в том числе топонимов. Точно так образовано название храма Гекаты в Эфесе и карийском городе Идриасе Ἐκατή-σιον, причем и в этом случае оно стало также именем города [Ib. S. 339, 535]. Теоним Ἐρμιῆς не греческий, так назывались и каменные столбы (они же ἔρμα, ἔρματα) [LSJ, s. n., I, 2; Откупщиков, 1988, с. 158]. Ввиду известной связи Гермеса с культом камней (гермы и пр.) имя его образовано от средиземноморской основы *herm- «камень»; от нее же посредством расширения -t- произведено и ἔρμα «столб, утес», «риф» [Frisk, 1954/65, S. 563-564; Chantraine, 1968, p. 373; Гиндин, 1981, с. 35-36]. «Каменный» характер наименований Мирмекий и Гермисий указывает, что под-

режье Понта, в Аркадии, при Арабском море [Pape, Bensele, 1884, S. 1546-1547], физиографически оно (τράπεζα «стол» + обычный греческий топоформант -ουντ) означает столовую гору. Их много в предгорьях Юго-Западного Крыма, на них расположены городища (Мангуп, Эски-Кермен, Кыз-Кермен, Чуфут-Кале и прочая масса тамошних -Кале да -Кермен). Страбонова гора Трапезунт в земле тавров и есть имя одной из них. На карте из Дуры Трапезунт расположен меж Херсонесом и Феодосией, так что опять-таки принадлежит одной из тамошних столовых гор. Эти плоские останцы меловых гор настолько напоминают стол, что и не одна из них могла именоваться Трапезунтом, т. е. столом (ср. Strabo, XVI, 2, 8: «Трапезонт в Коммагене назван так по сходству со столом»). У Иордана и Равеннаты Трапезунт следует после Феодосии, Кареона и Мирмекия, поэтому мог быть именем ближайшей к Феодосии столовой горы¹⁰¹.

93. Кареон, поселение. (ТАБ, 93). Итак, Иордан (§ 32) дал следующий перечень городов: Херсон(ес), Феодосия, Кареон, Мирмекий, Трапезунт. В ряду греческих названий и Сагеон – латинская транскрипция греческого Καρεων. Основа его *кар- «камень, каменистый» (см. № 23) физиографически вполне соответствует Керченскому полуострову, так и называвшемуся – Каменистый полуостров (№ 80). Поскольку античные источники не упоминают Кареон, лишь Иордан и Равеннский аноним, можно счесть сей топоним раннесредневековым. Однако *кар- балканско-эгейско-малоазийская топонимическая основа, лучше сказать, средиземноморская, поэтому должна быть привнесена в Крым греками в античное время. В связи с этим вспомним название поселения Καροία на северном побережье Меотиды (Ptol. Geogr. III, 5, 4). По Плинию (VI, 20), низовья Танаиса колонизовали сначала карийцы, затем клазоменцы и меоны, последними – пантикапейцы (ср. [Müller, 1901, p. 418]). Это надумано, и обычно имя Кароя связывают с ионийскими колонистами, которые привнесли сюда имя карийцев (например, по Геродоту, милетяне–карийцы). Таким образом, вместе с греками название с основой *кар- было импортировано из Эгеиды на берега Меотиды, таким должно быть появление и топонима Καρεων на Керченском п-ве. А отсутствие его у античных авторов объяснить просто – это имя мелкого по-

---

отражают реальную традицию, однако счел, что южнопонтский Трапезунт был ошибочно продублирован на Боспор, источником ошибки была какая-то авторитетная римская карта. Это спорное мнение, так как исходит из постулата, что Трапезунта на Боспоре нет по той причине, что о нем не упоминает ни один хорошо информированный источник. Но в нашем списке топонимов Боспора в ТАБ есть те, что упомянуты, так сказать, неавторитетным источником – махлии Элиана и Лукиана, Топсида, Пагра Псевдо-Арриана и пр. Ошибочно его указание [с. 241], что на Певтингеровой карте Трапезунт помещен в Северное Причерноморье, но в окружении южнопонтских топонимов; в действительности упомянутый на сегменте IX 3 Трапезунт далек от Боспора: вдоль побережья указаны Гермонасса, Синдека, ахеи и их город Ахеон, малики (= меланхлены), сваны и за рекой – Трапезунт, помеченный как римская крепость; о боспорском же Трапезунте, как римском укреплении, сведений нет, так что и по данному признаку и по местоположению это южнопонтский Трапезунт.

¹⁰¹ Сам смысл названия противоречит идентификации А. А. Васильевым [Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. 7] Трапезунта с Чатыр-Дагом в Ю-З Крыму, – он отнюдь не столовая гора.

в речи 331 г. до н. э. «Против Леократа» (§ 26): «Поскольку Афине эта земля досталась по жребию, ваши предки назвали отечество по ее имени».

Теперь о трех топонимах мемориального характера – Асандров вал, Савроматион, Зенонов Херсонес (ТАБ, 91–93).

97. Вал Асандра. Страбон (VII, 4, 6) со слов Гипсикрата, историка Митридата Евпатора, сообщает о вале, сооруженном царем Асандром (49–22 гг. до н.э.): Ἰασάνδρου ... ἀποτειχίσαντα τὸν ἰσθμὸν τῆς Χερσονήσου τὸν πρὸς τῇ Μαϊώτιδι «Асандр перегородил стеной перешеек того Херсонеса, что при Меотиде». Это земляной вал, он ограждал Херсонес (т. е. Керченский полуостров, см. № 81) от нападений извне. По Гипсикрату (Страбону), длина его 360 стадий, на каждый стадий приходилось по 10 башен. У Страбона это еще не топоним, но ввиду важности для обороны полуострова стал таковым – Asandi Равеннского анонима (IV, 3). Его следует подправить – Asand(r)i. Это минимальное исправление неточного во многих отношениях источника, тогда как иные толкования (о них [Подосинов, 2002, с. 256]) слишком далеки. Вопросы локализации [Масленников, 2003, с. 11 и др.]. Имя Ἰασάνδρος иранское или индоарийское [Яйленко, 2010, с. 255-256, прим.].

98. Савроматион, крепость. В надписи КБН 970, найденной в Пиалы-Сарае при Узунларском вале, упоминается ? Σαυρ]ομάτειον. По месту находки надписи неплохо идентифицируется с Новониколаевским городищем, это крепость, существовавшая не более нескольких десятилетий [Масленников, 2003, с. 104]. Судя по материалу II-III вв. н. э., крепость выстроена Савроматом II (173–210). Имя Σαυρομάτης происходит от этнонима савроматов-сармат, возможно, индоарийского (ТАБ, 113-114).

99. Зенонов Херсонес, поселение. Это селение на Меотиде упоминает только Птолемей (Geogr. III, 6, 4): Ζήνωνος Χερσονήσος. Локализуется на Азовском побережье Керченского пролива, отождествляется с городищем на мысе Зюк [Масленников, 2007, с. 339]. Вряд ли стоит сомневаться, что эпоним города Зенон – исторический персонаж. В боспорских надписях упоминается ряд соименных лиц (КБН, с. 869), но они мало-значимы. Возможно, это такой же случай, что и Стратоклия (ТАБ, 89): Спартокиды отдали Стратоклу поселение на прокорм и со временем получило его имя.

100. Феодосия, город. (ТАБ, 30). Согласно Арриану (Per. 30), это древняя ионийская апойкия, колония милетян, в его время опустевшая. Название Θεοδοσία фиксируется лишь в первой половине IV в. до н. э. легендами на местных монетах да упоминанием в речи Демосфена против Лептина (XX, 33), сказанной в 355 г., в форме Θεοδοσία, со свойственной ионийско-аттическому диалекту IV-III вв. меной εο – ευ. Значение названия Θεοδοσία прозрачно – «дар бога»: θεός «бог» + δόσις «давание, дар», иначе говоря, «божий дар». Наличие слова «бог» в греческом названии Феодосии отразили аланы в своем наименовании города Ἀρδάβδα «Семибожная».

Легенды на монетах Феодосии IV-III вв. до н. э. несут сокращенные формы названия – ΘΕΟΔΟ, ΘΕΟΔΟΣ, ΘΕΟΔΕΟ, ΘΕΟΔΕΩ. Выказав сомнение в предложенном В. Ф. Столбой и поддержанном С. Р. Тохтасьевым понимании этих легенд в качестве род. падежа имени тирана или ктиста Θεόδης (Θεοδῆς), мы сочли, что эти необычные

бога» редкое и позднее¹⁰⁷. Это означает, что существовавшее уже в IV в. до н. э., а скорее всего с VI в. до н. э., название города Θεοδοσία не связано с этим существительным, а произведено *ad hoc*, конкретно по случаю основания города как его имя. В связи с этим обратим внимание на головы мужских божеств (также Афины), регулярно помещавшиеся на аверсе местных монет IV в. до н. э., из которых одна Геракла (палица на обороте), в других усматривают Аполлона (безбородый) и Ареса (? с бородой). Принимая во внимание, что Феодосию основали милетяне (*Arr. Per.* 30), главное божество которых Аполлон, можно полагать, что Феодосия-Божидар была для колонистов «даром» их бога Аполлона (ср. названия ряда городов Аполлония), также Афины или, может быть, Ареса, Зевса, Посейдона¹⁰⁸. Таким образом, как давно догадались ученые, существует связь имени города, включающего слово «бог», с изображениями голов божеств на его монетах.

Полагаем, почти непреременная протома быка на феодосийских монетах также имеет отношение к его названию, указывая, чем конкретно был этот «дар» богов. Символика протомы быка тут вполне ясна: бык, ταῦρος, указывает на ландшафтную доминанту Феодосии – она лежит у подножия горной цепи Тавр. Но, разумеется, не это «дар» богов, а те природные богатства, которыми наделен город: по Страбону (VII, 4, 4; 6), у Феодосии вместительная гавань, прилегающая местность хлебодарна. Это и мог быть δόσις бога тамошним грекам. Путешественники XVI и XVII вв. отмечали также богатство бухты рыбой, а окрестностей города – разнообразной растительностью, полезными ископаемыми [Петрова, 2000, с. 40–42]. Все это в целом и могло служить основанием для наименования города «Божьим даром», как считал уже П. И. Сумароков. Вспомним и отмеченное Демосфеном да Страбоном обилие хлеба на феодосийской земле, чтобы удостоверять вероятность связи имени города как Божидара с ее природными богатствами¹⁰⁹.

Всему изложенному, однако, противоречит отсутствие других Феодосий в греческой топонимии вообще (кроме мемориально-отыменной во Фригии), тогда как наличие множества городов в обильных природными богатствами местностях предполагает широкое распространение этого имени. Поэтому считаем теперь, что Θεοδοσία – греческая адаптация туземного наименования, по смыслу (калька) или по созвучию.

Сейчас обратимся к фрако-дакийской топонимии Керченского п-ва. Определенно к ней относятся названия городов Тиритака, Кидеака, Тадзос, Казака.

¹⁰⁷ В словаре LSJ приведена лишь одна ссылка – *Strabo*, XVII, 1, 37. Прилагательное θεοδοσιος, от женской формы которого тоже могло быть произведено наименование боспорского города, и того реже – засвидетельствовано лишь Гесихием.

¹⁰⁸ Э. Б. Петрова [2000, с. 53-54] тоже связывала «дар» феодосийцам с Аполлоном, но не времени колонизации, а вследствие завоевания Феодосии Левконом.

¹⁰⁹ В ТАБ, 30 мы рассматриваем также версию Ульпиана, который связал происхождение названия таврического города с именем жены или сестры Левкона I Θεοδοσία; поскольку, как сказано, личные имена Феодосий, Феодосия вошли в употребление со II в. до н. э., но особенно распространены в поздне-римское время, то в IV в. до н. э. город не мог получить название «Феодосия» по женскому имени.

греческую кальку фрако-дакийского топонима, образованную от прилагательного κούδιεις «славный» (с суфф. -(а)ка, как в Καζέκα и других боспорских топонимах). Амбивалентность названий Κόταιον, также этнонимов Σινδοί на Азиатском Боспоре и народа Σιντοί, Σινδοί во Фракии (*Strabo*, VII, fr. 45), которые, с одной стороны, фрако-дакийские, с другой – индоарийские, заключается не в случайном созвучии, а в глубинном фракийском компоненте северочерноморских киммерийцев-индоариев (об этом и подробно о названии Китей [Скифия, с. 40, 129, 138–144; ФДТ, с. 543].

105. Тадзос, город. (ТАБ, 153). Название города Ταζός (*Ptol. Geogr.* III, 6, 5; cod. X Τάζος) соответствует имени города и острова Θάσος у побережья Фракии (альтернатива *t:th* и *z:s* обычна во фрако-дакийской ономастике). Еще один Ταζός Птолемей (*Geogr.* V, 8, 8) упоминает на Азиатском Боспоре к югу от Бат (Новороссийска). Значение неясно.

106. Казека, город. Селение Καζέκα между Феодосией и Пантикапеем упомянуто Псевдо-Арриановым «Периплом» (§ 30). У него «козья» природа – от фрако-дакийского *kaze- (из индоевр. *kag'o- «коза», ср. фрако-дакийские топонимы Cozeilas, Cozeicentus и др., ср. и [Russu, 1969, p. 186]), с суффиксом -ка, как во фрако-дакийских названиях Торόκκα на р. Каркинит [ФДТ, с. 543] и Κυδεάκα(ι), втором имени Китея (№ 104). Таким образом, Καζέκα – «козья» деревня. На Азиатском Боспоре есть еще два фрако-дакийских «козьих» топонима, упомянутых Птолемеем (*Geogr.* V, 8, 26; 28): селение Αζάραβα (возможно, к фрако-дак. *az(a)-, из индоевроп. *ag'- «коза») и деревня Έβριάτα (при фракийской глоссе Гесихия Έβρος : τράγος «козел»), также фрако-дакийское или иранское имя селения в Среднем Поднепровье Αζαγύριον (фрако-дак. или иран. *az(a)- «коза» (ТАБ, 59, 61).

В завершение этого перечня отметим фрако-дакийское происхождение также названия пролива да области Боспор (№ 72, 72а), известного с VI в. (Гекатей). Таково же имя Боспора Фракийского, так что оно а priori фракийское. По В. Георгиеву, Βόσπορος – это *bos-para «светлая река», вода, пролив (подробности – ТАБ, 4).

Итак, на Керченском п-ве 5 фрако-дакийских топонимов. На Азиатском Боспоре их вместе с этнонимами почти два десятка, это прочная база для выделения таких топонимов также на европейской стороне пролива. Сама численность их указывает, что они туземные (о названии пролива Боспор см. ниже, раздел VIII).

Перейдем к наименованиям разной языковой принадлежности. Два из них средиземноморского происхождения (Тарона, Табана), два, видимо, иллирийского (Боион, Илурат), одно индоарийское (Пантикапей).

107. Табана, город. Мы полагали, что наименование города Τάβανα может отражать др. инд. tāpāna «солнце», tāpāna «освежающий; солнце, горение»; «солнечные» названия свойственны топонимике Крыма поныне – Солнечногорское, Солнечная долина и пр.¹¹² Однако оптимальным представляется направление поисков, начатое

¹¹² ТАБ, 49. С понятиями «солнце, солнечный» О. Н. Трубочев [1999, с. 273] и А. К. Шапошников [Ib., с. 279] связывали название кавказской реки Surtius (Плиний), города в Колхиде Σοῦριον (Птолемей), а также теонима Сол (таманская надпись) и личное имя скифского царя Савлий – с др. инд. sūrya-, saūrya-.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

А. К. Шапошниковым [2000, с. 198], который поначалу связал наименование с карийским *taba* «камень», а в работе 2007 г. [с. 185-186] отнес к числу хеттских со значением «горный, скальный». Между тем широчайший ареал распространения основы **tab-*, **tap-* от Северной Африки, Пиренейского и Апеннинского полуостровов через Балканы и Малую Азию до Ближнего Востока и даже далее свидетельствует о ее не индоевропейском, а средиземноморском происхождении (обширную литературу мы привели под № 1).

108. Тарона, город. В Восточном Крыму Птолемей (Geogr. III, 6, 5) упоминает в числе прочих город *Ταρῶνα* (см. о локализации [Зубарев, 2005, с. 272]). У него широкий круг соответствий: город *Ταρῶνα* на Халкидике; город в эпирской Феспротии *Ταρῶνα*, он же *Τορῶνη*; *Ταρίονα*, местность в Далмации; город на Сицилии *Τόροννα*, гора *Τόρος* там же; город Южной Италии *Τάρας*, gen. *Τάραντος*, он же *Ταρεντός*; город Вифинии *Τάραντος*; города в Беотии, Ахайе, Лидии *Τάρνη* [Pape, Benseler, 1884, S. 1487-1488, 1490, 1542]. В приведенных названиях выявляется основа *tar-*, *tor-*; все они с обычным чередованием *a:o* и *n*-суффиксацией; сицилийская пара *Τόροννα* и *Τόρος* наглядно выказывает основу *tor-* и этот суффикс. Средствами греческой лексики эти названия не объясняются, из широкого ареала распространения от Сицилии и Южной Италии до Малой Азии явствует их средиземноморское происхождение. Значение основ *tar-*, *tor-* неясно. Ранее мы сочли название *Та/орона* фракийским по соответствиям на Халкидике (ТАБ, 152), но картина очевидным образом иная.

109. Пантикапей, город. (ТАБ, 43, подробнее см. [Скифия, с. 59–62]). Имя столичного города Боспорского царства *Παντικάλαιον* неотделимо от названия Геродотовой реки *Παντικάλτης* (наиболее приемлема идентификация ее с рекой Конка [Рыбаков, 1979, с. 48; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 198-199]). Имя реки бесспорно двухосновное. В 1996 г. мы сочли, что название *Παντικάλτης* сравнимо не только с фракийским гидронимом *Pontos* и топонимом *Carī-dava* [Яйленко, 1991, с. 228], но также с литовским гидронимом *Pentà*, древнепрussким *Pent-lawken* (к др. прус. *pintis*, *rentes* «дорога, тропа»); ко второй основе ср. литовские гидронимы *Кар-урē*, *Kārpis* и др. (к лит. *kāras*, *kārai* «холм, могила») – «Холм-река» [Jailenko, 1996, p. 371]. В целом по смыслу Пантикап – это «дорога среди холмов», именно река как дорога, т. е. текущая среди холмов река (ср. славянские названия рек Холм, Гора, Горка). Однако мы не учли, что такое значение не применимо к городу *Παντικάλαιον* при Боспорском проливе, ибо ввиду идентичности обоих названий этимологическое значение должно соответствовать и реке, и городу. На это обстоятельство не обратил внимания А.К. Шапошников [2007, с. 93, 112], посчитавший название реки и города фракийским – из **кар-* «копь, выкопанный» (в *Carīdava* etc.) + «путь» (лат. *pons*, *pontis* «мост»). Какое отношение имеет латинское слово к фракийскому, по А.К. Шапошникову, названию Пантикапея, ведомо лишь ему.

Широко распространена этимология названия города *Παντικάλαιον* В. И. Абаева [1958а, с. 183–187] как иранского: к **ranti-* «путь, дорога» и **кара-* «рыба», в целом

«рыбный путь», – о Керченском проливе. На первый взгляд, она оправдана: может относиться и к реке, и к городу, лежащему на проливе и действительно имеющем промысловое значение¹¹³. Однако эта интерпретация покоится на предположении В. Томашека, что пролив назывался Пантикапеем и его название дало имя городу, а оно безосновательно, так как не подтверждается даже намеками в источниках. Строго говоря, такая интерпретация неоправданна и с точки зрения реального положения Пантикапея: он не лежит на проливе, до него несколько километров, ближайший пункт на проливе – Мирмекий¹¹⁴.

У Пантикапея есть ярчайшая ландшафтная особенность – местонахождение на высокой горе Митридат. Это видели и древние: по словам Страбона (VII, 4, 4), «Пантикапей есть холм, вполне окруженный селитьбой на 20 стадий». На это справедливо указал О. Н. Трубачев [1999, с. 246, 259], который сопоставил его название с др. инд. *кара- «холм, бугор»; видя в первой основе др. инд. *pántā «путь, дорога», он заключил, что вероятное значение имени города – «холм у пролива (пути)»¹¹⁵. При таком смысле он предпочел не связывать названия города Пантикапея и Геродотовой реки Пантикап (предполагая, что последнее «возможно, образовано иначе, с участием *ара- «река, вода»»), в чем, на наш взгляд, заблуждался¹¹⁶.

Во-первых, оба названия Παντικῆλης и Παντικῆλαιον весьма характерны, им нет подобия в топонимике не только Северного Причерноморья, но и античного мира вообще, так что нет оснований отрывать их друг от друга. Во-вторых, значение названия города «холм у пролива (пути)» предполагает связь наименований города и пролива, что, как сказано, не имеет подтверждения в письменных источниках. Поскольку в названии Пантикапей, судя по его доминанте – горе Митридат, должно содержаться понятие «холм, гора», усматриваем в первой основе др. инд. pañkti- «пятерка», т. е. *pañkti-кара- – это «пятигорье»¹¹⁷. Гора Митридат – самая высокая часть цепи из нескольких холмов (они называются «креслами» и керченскими горами)¹¹⁸.

¹¹³ К. Г. Паустовский [1973, с. 282] писал в 1925 г.: «Керчь хороша своей рыбой, арбузами, табаком и пустынностью».

¹¹⁴ Поэтому не вполне точно утверждение некоторых источников о расположении Пантикапея на Боспорском проливе; точен Плиний (IV, 87): Пантикапей «лежит у самого устья Боспора».

¹¹⁵ Значение др. инд. *кара- «холм» восстановлено по karāla- «череп», kārāla- «составленный из черепов» и др.; семантическое развитие «череп» – «холм» обычно, самый известный пример – гора Голгофа в Иерусалиме (арам. gulgaltā).

¹¹⁶ Критику иранской и индоарийской этимологий дал Ю. В. Откупщиков [2001, с. 318–324]. Отметив, что в том и другом ономастиконе названий на -καλας нет, но во фракийском есть на -αλας, он дал членение παντικ-αλα, – это фрак. Пантико-αλα «морская вода». Применительно к обеим речкам по имени Пантикап этимология Откупщикова вполне вероятна, дело лишь за именем города: мелкая Мелек-Чесма (древняя Пантикапа) вряд ли могла дать имя городу, приметнейший облик которого – несопоставимая по величине с речушкой гора Митридат.

¹¹⁷ Стечение индийских согласных может сокращаться в греческих передачах, к опущению k в нашем случае ср. название города Δραστόκα у Птолемея (Geogr. VII, 1, 43) при др. инд. drākṣā-toka [Таронян, 2007, с. 400].

¹¹⁸ Ср. у К. Г. Паустовского [1973, с. 130-131]: герой рассказа во время гражданской войны, спасаясь

нился к малообоснованной трактовке названия Илурат в качестве иллиро-кельтского *ilurato-, из диалектного индоевроп. *ilur-at-om «место, изобилующее змеями, змеиный» при предполагаемой связи этнонима Ἰλλύριοι с индоевроп. *wīwlos «гнутой, свернутой, изгибистой, изогнутой», так что топоним Ἰλοῦρατον имеет, по его заключению «вероятное первичное значение – «место, изобилующее змеями, змеиное». Тут нагромождено одно предположение на другое, третье, вероятия минимум. Намного убедительней чистая по всем параметрам этимология имени иллирийцев О. Н. Трубочева [1983, с. 50-51]: Ἰλλύριοι из древнего названия Вислы Vistula, с переходом st > ll албанского типа (албанский язык – потомок иллирийского); Верхняя Висла в древности, судя по топонимике, была частью иллирийского ареала.

VIII. Некоторые итоги: этнонимические пласты античной топонимии Крыма

Подведем краткий итог рассмотренной топонимии в соответствии с ее языковыми стратами (см. ниже Указатель 3). Более всего, греческих названий (пункт 3а) – их 51, почти половина из 115 рассмотренных нами (111+1а, 72а, 74а, 83а). Из них приморских и морских 39, что указывает на неглубокое освоение Таврического полуострова греками – их деятельность была связана главным образом с морем. Отметим отличие греческой топонимики Крыма от топонимики собственно Греции (юга Балкан, Эгеиды и прилегающей Западной Анатолии): здесь она чисто греческая, там полна так называемых догреческих названий, которые были усвоены греками (они пришельцы XVIII в. до н. э.) от местного догреческого населения; в Крыму таково лишь одно имя – Гермисий (город, № 89). Зато неожиданным для нас образом Таврика оказалась полна так называемых средиземноморских названий (пункт 3 б Указателя) – их полтора десятка. При этом следует различать названия, принесенные греками сюда из Эллады, и туземные, издревле существующие тут со времен позднего неолита. К числу таких местных топонимов принадлежат: основное наименование полуострова – Таврика (№ 1, с вариантом Тавроскифия, № 5), данное по горной цепи юго-запада Тавр (№ 1а), а также названия крупных природных объектов – заливов Каркинит (35), Корет (41), рек Керкинит (36), Истриан (24), мысов Коракс (23), Харакс (21). Названия городов и крепости при этих морских и приморских объектах, образованные от их имен, могут принадлежать как туземному населению, так и грекам – Каркина (38), Керкинитида (37), Харакс (21), Харакена (22). Специалистам по неолиту Крыма следует уделить внимание поискам соответствий в неолитических культурах стран Средиземноморья.

Следующая по численности группа названий – индоарийская, таковых полтора десятка; конечно, не учитываем почти такое же число «киммерийских» имен по причине их мемориального характера (см. Указатель, 3в). Ввиду неповторимости этих топонимов внутренней Таврики, сохраненных Плинием и Птолемеем, мы связали их с таврами, обитателями горного юго-запада. Вместе с тем таврские археологические памятники достигают побережий Западного и Северного Крыма, что оправ-

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

дывает причисление к таврским таких имен, как Дандака (на картах и портоланах XVI-XVII вв. она порт на западном побережье: рис. 2-3). Почти все индоарийские названия – имена городов, это указывает на глубоко оседлое освоение индоариями Таврики. О древнем, доантичного времени, пребывании индоариев в Таврике свидетельствует также индоарийский характер названия крупного водного объекта в Западном Крыму – залива Тамирака, давшего имя и местности, мысу, городу (42–45). Начало индоарийской топонимии в Крыму можно отнести к XIII-XII вв. до н. э., когда здесь сложилась кизил-кобинская культура, относящаяся к кругу культур так называемого фракийского Гальштатта, простирающегося от Италии до Нижнего Поднепровья.

Фрако-дакийских названий в античной Таврике почти десяток, в основном это имена городов на Керченском полуострове – Тиритака (101), Китей (103), Казека (106), Тадзос (105). Как сказано, на Азиатском Боспоре, особенно в Восточном Приазовье, их вместе с этнонимами почти два десятка, причем некоторые известны с VI-V вв. (ТАБ, 4, 15–18, 23, 24, 27, 42, 61, 72, 117–119, 120, 121, 153, XVII). Это свидетельство автохтонности фрако-дакийского населения на обоих берегах пролива. Название его Боспор Киммерийский, являющееся также обозначением области по двум его сторонам (№ 72, 72а), согласно *opinio communis*, перенесено греками с Фракийского Боспора (так доньше думали и мы [ТАБ, 4]). Однако наличие исконно оседлого фрако-дакийского населения на обоих его берегах заставляет нас теперь думать, что ими дано название *Βόσπορος* и этому (Киммерийскому) проливу. На это наводит упомянутый (№ 72) смысл названия – фрак. *bos-paга «светлая река» (вода, пролив). Во Фракийском проливе два встречных течения с разного цвета водой – черноморская темная и средиземноморская светлая (вода Средиземного моря аквамаринного цвета, глубоко голубого, с нею сравнивали воду Черного моря греки и прочие насельники его берегов)¹¹⁹. Примерно та же картина и в Керченском проливе: вода Азовского моря светлее черноморской, здесь тоже два встречных течения. Верхнее течение с азовской водой, а по выходе из пролива в Черное море вода темнее; сильный южный ветер, бывает, нагоняет черноморскую воду на пролив и он темнеет; с подвышенного берега городища Мирмекий можно видеть слева светлую воду пролива, справа нагнанную ветром темную черноморскую воду. По светлому цвету воды, контрастному черноморской, местное фрако-дакийское население и дало проливу имя *Βόσπορος* «светлая река» (вода, пролив).

Еще один фрако-дакийский гидроним Крыма находится далеко от Керченского полуострова, на севере – залив и река Бук (№ 65–67). Однако он не изолирован, ибо по соседству с ним располагаются два обширных куста названий той же языковой принадлежности, один в соседнем углу Меотиды (впадающая в Бук река Герр, мыс да река Агар и пр.), другой в Нижнем Поднепровье [ФДТ, с. 536–542].

---

¹¹⁹ Что бы ни писали о цвете черноморской воды «очевидцы» и топонимисты (их мнения изложил Э. М. Мурзаев [2001, с. 318-319]), она существенно темная из-за пресной воды множества рек.

Боспорские исследования, вып. XXXV

Иллирийских названий всего два, оба на Керченском п-ве – города Боион да Илурат (110, 111). Ввиду малочисленности сомнения в такой атрибуции справедливо, тем более что Боион, как сказано, может быть греческим именем. Мы выделили на Европейском Боспоре их потому, что несколько иллирийских названий есть и на Азиатском Боспоре – город Адзара, этноним арихи, возможно, Суруба, Торик [ФДТ, с. 546, 548]. На севере Балкан, в Верхнем и Среднем Поднестровье, а также в Нижнем Побужье иллирийские названия соседствуют с фрако-дакийскими, так что подобное соседство можно ожидать и на Боспоре.

Иранские топонимы в Крыму наперечет, и это имена крепостей – Напис (Напит, 58), Хабеи (Хабон, 57), Оргокини («сильная»? 59); отчасти сюда и Асандра вал (97), по иранскому личному имени царя-строителя. Иранское и название Таврики Танаис (7). При безраздельном господстве в литературе по ономастике Северного Причерноморья паниранизма, в том числе относительно Крыма (К. Мюлленхоф, В.Ф. Миллер, М. Фасмер, В. И. Абаев, С. В. Кулланда и др.), скудное представительство иранской топонимии здесь хорошее свидетельство того, что паниранизм всего лишь научная мифология. В Северном Причерноморье действительно много иранских личных имен, но только в сарматскую эпоху, в скифскую их немного. По образу жизни иранская часть скифов главным образом кочевники, вследствие чего они и не могли создать сколько-нибудь заметную топонимию в Крыму.

Донесенная до нас античными источниками топонимика Крыма читается удовлетворительно, поскольку почти половина ее греческая. Кроме нее, выделяются еще только 4-5 слоев – средиземноморский, индоарийский, фрако-дакийский, иранский, может быть, иллирийский. Для такого исторического котла народов, как Крым, это немного. Эта довольно ясная картина сохраняется по II-III вв. н. э. С IV-V вв. гунны, аланы, германцы «наводят» на Крым уйму народов, в результате чего топонимический облик его существенно видоизменяется. Об этом свидетельствуют названия, сохраненные источниками этого времени и VI-VII вв., прежде всего Равеннским анонимом. С раннего средневековья топонимика Крыма становится многослойной, сложной по языковому составу, часто неведомому нам. Наслоения дальнейшего времени вообще превратили топонимию полуострова в головоломку. Во введении мы отметили, что сейчас благодаря двум монографиям [Суперанская, Исаева, Исакова, 1997; Бушаков, 2003] на хорошем профессиональном уровне изучена так наз. крымско-татарская топонимия. Это была и не очень сложная задача, поскольку названия такого рода вполне опознаются благодаря своему почти современному языку. Сравнимый по объему труд А. К. Шапошникова [2007, 2011] уделен нетюрокскому фонду крымской топонимии; написанный неровно, он удовлетворительно объяснил немного, в первую очередь по той причине, что автор оперировал в основном корневой этимологией¹²⁰. На наш взгляд, добиться успеха в разработке огромного не-

¹²⁰ Для интерпретации негреческих названий мы пользовались сравнительным методом – привлекали аналогии из богатейшей топонимики Греции, Средиземноморья, Ближнего Востока, сохраненной

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

тюркского фонда крымской топонимии позволит методика группировки названий по способу суффиксации, о чем см. раздел I. По идее, эту нашу статью, предложенную вниманию читателя, следует завершить разделом о суффиксации рассмотренных названий, но мы проделаем эту необходимую работу в монографии о топонимике и этнонимии античного Северного Причерноморья, над которой работаем и частью которой является данная статья о топонимике Крыма. Там намного больше названий и всего несколько ономастических слоев, тех же, что и в Крыму, поэтому анализ суффиксов на гораздо большем материале будет плодотворней¹²¹.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 606 с.
- Абаев В. И.* Этимологические заметки. Иранское кап «копать», «насыпать» // Труды Института языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VI. С. 450–457.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 657 с.
- Абаев В. И.* Пантикалаиов // Бешевлиев В., Георгиев В. (Ред.). Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София: Българска академия на науките, 1958а. С. 183–189.
- Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.
- Азбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М.: Мысль, 1985. 160 с.
- Азбунов М. В.* Античная лоция Черного моря. М.: Наука, 1987. 156 с.
- Азбунов М. В.* Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 240 с.
- Белецкий А. А.* Греческие элементы в географических названиях Крыма // (Варбот Ж. Ж. и др., ред.). Этимология 1967. М.: Наука, 1968. С. 201–214.
- Белова Н. С.* Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции // ВДИ. 1977. 3. С. 105–117.
- Белянский И. Л., Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Крым. Географические названия: краткий словарь. Симф.: Таврия плюс, 1998. 160 с.
- Браун Ф. А.* Разыскания в области готто-славянских отношений. СПб.: Академия наук, 1899. 392 с.
- Бруяко И. В.* Несколько сюжетов на тему колонизации Северо-Западного Причерноморья // АМА. 2015. Вып. 17. С. 209–237.
- Бруяко И. В., Карпов В. А.* Древняя география и колебания уровня моря (на примере Северо-Западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. 1992. 2. С. 87–97.
- Буйских А. В.* Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: миф или реальность? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 263–276.
- Бушаков В. А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ (б. и.), 2003. 226 с.
- Вахтина М. Ю.* Об оборонительных сооружениях и планировке Порфмия // БФ. 2011. С. 202–210.
- Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М.: Восточная литература, 1999. С. 91–129.
- Высотская Т. Н.* К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. 1. С. 111–116.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тб.: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 1328 с.

античными источниками. Лишь для объяснения экзотических для Северного Причерноморья индоарийских названий мы вынужденно прибегли к корневой этимологии, так как это в основном имена поселков, а микропонимия древней Индии известна плохо.

¹²¹ Также мы еще не работали со средневековыми картами и портоланами, сделаем это в монографии. Тут прилагаем три карты, взятые из вторых рук – из Сети («Крымоведение») лишь для иллюстрации к некоторым географическим названиям.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Гаркави А. Я.* О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // *Топонимика Крыма* 2010. Симферополь: Универсум, 2010. С. 348–352.
- Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 314 с.
- Георгиев В.* Траките и техният език. София: Българска Академия на науките, 1977. 348 с.
- Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.: Наука, 1967. 199 с.
- Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София: Болгарская Академия наук, 1981. 239 с.
- Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1970. 393 с.
- Граффити античного Херсонеса. К.: Наукова думка, 1978. 139 с.
- Греция [путеводитель]. М.: АСТ – Астрель, 2009. 1263 с.
- Дашевская О. Д.* К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // *ВДИ*. 1958. 2. С. 143–150.
- Дашевская О. Д.* Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // *СА*. 1960. 1. С. 261–265.
- Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкинитиды // *ВДИ*. 1970. 2. С. 121–128.
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1989 (серия Археология СССР). С. 125–145.
- Дмитров Л. Д.* Перекоп. К.; Львов: Изд-во АН УССР, 1940. 106 с.
- Дуриданов И.* Езикт на траките. София: Наука и изкуство, 1976. 166 с.
- Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.: Изд-во географич. лит-ры, 1961. 224 с.
- Ермолин А. Л., Федосеев Н. Ф.* Переправа – Порт Мион – «традиционный Порфмий» // *БФ*. 2011. С. 210–219.
- Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 388 с.
- Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Симф.; Керчь: ВТС Принт, 2013. 591 с.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симф.: Универсум, 2003. 212 с.
- Зедгенидзе А. А.* Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнего Херсонеса» Страбона // *ВДИ*. 2015. 2. С. 40–55.
- Зинько В. Н.* Основы городской планировки Тиритаки в VI-V вв. до н. э. // *БК*. 2012. С. 152–156.
- Зинько В. Н.* Позднеархаическая история Европейского Боспора в свете новейших археологических исследований // *ПИФК*. 2013. 2 (40). С. 183–193.
- Зинько Е. А.* Историческая топография северо-западного предместья Пантикалея-Боспора в III-VI вв. н.э. // *БК*. 2012. С. 157–162.
- Зинько В. Н.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том. II. Археологические комплексы VI-V вв. до н. э. Симф.; Керчь: Оранта Арт Бук, 2014 (БИ. Supplementum 11). 591 с.
- Зубарев В. Г.* Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // *ДБ*. 1998. Т. 1. С. 105–124.
- Зубарев В. Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 503 с.
- Зубарь В. М.* Еще раз о локализации святилища и храма Партенос на Гераклеийском полуострове // *Исседон*. 2007. Т. 4. С. 99–106.
- Зубарь В. М., Сарновски Т.* Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. н. э. // *ВДИ*. 1997. 4. С. 50–59.
- Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. М.: Наука, 1971. Т. 1. 370 с.
- Калос Лимен – Прекрасная гавань. Симф.: Н. Орианда, 2012. 116 с.
- Колотухин В. А.* Тавры: генезис и основные этапы истории // *Проблемы истории Крыма*. ТД научной конф. Симф.: Крымское управление по печати, 1991. Ч. 1. С. 64–65.
- Конст. Багр. 1989. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.
- Корнилов Г. Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1984. 184 с.
- Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды. К.: Типолитография «С. В. Кульженко», 1914. 156 с.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

- Кулланда С. В. Скифы: язык и этногенез. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2016. 215 с.
- Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. К.: Наукова думка, 1990. 175 с.
- Кутайсов В. А. Историческая география Северо-Западного Крыма // ВДИ. 2002. 1. С. 40–50.
- Кутайсов В. А. Курганный некрополь Калос Лимена. К.: Стилос, 2011. 240 с.
- Кутайсов В. А. От Керкинитиды к Евпатории. Симф.: Бизнес-Информ, 2016. 208 с.
- Ланцов С. Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. 1. С. 121–136.
- Ливишиц В. А. Парфянская ономастика. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 398 с.
- Масенко Л. Т. Річкові назви басейну Інгулу на тлі гідронімії Південної України // Питання ономастики Південної України. К.: Наукова думка, 1974. С. 96–102.
- Масленников А. А. О локализации некоторых городов Европейского Боспора первых веков н. э. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М.: Ин-т истории СССР, 1979. С. 33–41.
- Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., Тула: Гриф и К⁰, 2003. 280 с.
- Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М., Тула: Гриф и К⁰, 2007. 562 с.
- Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб. (б. и.), 1913. 292 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Мурзаев Э. М. Слово на карте. Топонимика и география. М.: Армада-пресс, 2001. 448 с.
- Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.
- Никонов В. А. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 1961. 2. С. 141–146.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
- Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 263 с.
- Петрова Э. Б. Античная Феодосия. Симф.: СОНАТ, 2000. 263 с.
- Подосинов А. В. Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997. М.: Восточная литература, 1999. С. 237–252.
- Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 487 с.
- Поспелов Е. М. Географические названия России. М.: Книжная находка, 2003. 348 с.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Академия наук, 1893. Т. I. 1914 стб. + 66 с. 1899. Т. II. 1814 стб. + 64 с. 1905. Т. III. 2204 стб. + 98 с. 1911. Т. IV. 2230 стб. + 107 с.
- Раевский Д. С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. 3. С. 127–133.
- Раевский Д. С. Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. 1. С. 102-107.
- Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. К. (б. и.), 1999. 208 с.
- Русяева А. С. Святылище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской // ВДИ. 2006. 4. С. 98–123.
- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979. 246 с.
- Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю. Городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму: хронология и датировка надписей // БК. 2014. С. 358–363.
- Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К.: Наукова думка, 1977. 126 с.
- Скржинская М. В. Игры на Ахилловом Дроме // BORYSTHENICA. Николаев (б. и.), 2004. С. 144–149.
- Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 308–316.
- Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. 3. С. 32–44.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989 (серия Археология СССР). 464 с.
- Столба В. Ф. Монетная чеканка Керкинитиды и некоторые вопросы херсонесско-керкинитидских отношений в IV-III вв. до н. э. // Древнее Причерноморье. Одесса (б. и.), 1990. С. 141–155.
- Стрижак О. С. Етніонімія Геродотової Скіфії. К.: Наукова думка, 1988. 224 с.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исхакова Х. Ф. Топонимика Крыма. М.: Московский рабочий, 1997. 403 с.
- Таронян Г. А. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). [Пер. и комм.] Г. А. Тароняна. М.: Ладомир, 2007. 642 с.
- Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. К.: Наукова думка, 1988. 262 с.
- Толстой И. И. Остров Белый и Таврика. Пг.: 2-я Гос. типография, 1918. 162 с.
- Топоров В. Н. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимики // Топонимика Востока. М.: Главная редакция восточной литературы, 1962. С. 78–82.
- Топоров В. Н. К фрако-балтийским языковым параллелям II // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977. С. 59–116.
- Топоров В. Н. К древнебалканским связям в области языка и мифологии // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977а. С. 40–58.
- Тохтасьев С. Р. «Киммерийская топонимия», I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 142–148.
- Тохтасьев С. Р. К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. 2007. 2. С. 110–125.
- Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. М.: Наука, 1968. 289 с.
- Трубачев О. Н. Шлуга // Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1983. С. 49–53.
- Трубачев О. Н. Indoagica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII в. – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 675 с.
- Туровский Е. Я. К вопросу о херсонесских гаванях на Гераклеяском полуострове // БК. 2015. С. 336–339.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964. Т. 1. 576 с. 1967. Т. 2. 671 с. 1971. Т. 3. 827 с. 1973. Т. 4. 858 с. (Репринт: М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4).
- Федосеев Н. Ф. Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. 1997. 4. С. 100–110.
- Фирсов Л. В. Об Эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. 3. С. 154–174.
- Храпунов И. Н. Этническая история тавров // БИ. 2004. 5.
- Шапошников А. К. Языковые древности Северного Причерноморья (Этимология языковых реликтов Северного Причерноморья). М., 2007 (bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A1_Shaposhnikov_Ezikovye_drevnosti_Sev_Chernomorie.pdf).
- Шапошников А. К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова: словарь // Топонимика Крыма 2011. Симф.: Универсум, 2011. С. 271–444.
- Шестаков С. А. К топографии Пантикапея // БК. 2012. С. 477–481.
- Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. К. Наукова думка, 1975. С. 51–91.
- Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. 2. С. 107–113. 1972. 2. С. 126–134.
- Щеглов А. Н. Тавры в VII–IV вв. до н. э. и греко-таврские отношения // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тб.: Мецниереба, 1988. С. 53–81.
- Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона // Проблемы истории и археологии Крыма. Симф.: Таврия, 1994. С. 8–42.
- Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.: Наука, 1986. 232 с.
- Яйленко В. П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматии и Скифии // Античная балканистика. Карпато-дунайский регион в диахронии. Предварительные материалы к междунар. симпозиуму. М.: Ин-т балканистики, 1984. С. 58.
- Яйленко В. П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции // Проблемы античной культуры. ТД Крымской научной конф. Симф. (б. и.), 1988. Ч. 3. С. 275–277.
- Яйленко В. П. Этнический состав населения Крыма и смежных областей по данным античной топонимии // ТД научной конф. «Проблемы истории Крыма». Симф.: Редотдел Крымского управления по печати, 1991. Ч. 2. С. 17–20.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

- Яйленко В. П. Фракийские гидронимы VIII–V вв. до н.э. на Северном побережье Понта // Thracia Pontica. Sofia: Galaktika, 1991. Т. 4. Р. 221–236.
- Яйленко В. П. Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья // РА. 2000. 3. С. 181–192.
- Яйленко В. П. Опистограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота // ПИФК. 2002. Т. 11. С. 229–242.
- Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.: Гриф, 2010. 740 с.
- Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 993 с. (в печати).
- Яйленко В. П. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея // ДБ. 2017а (в печати).
- Brandenstein W. Der Name Labyrinth // Die Sprache. 1952. Bd. 2. S. 72–76.
- Brandis C. G. Bosporos // RE. 1897. Halbbd. 5.
- Braund D. The Ants of Myrmekion // БК. 2015. Вып. 16. С. 421–425.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P.: Klincksieck, 1968, 1970, 1974, 1980. Т. 1–4. 1368 p.
- Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur. München: C. H. Beck Verlagsbuchhandlung, 1890. 770 S.
- Cojocaru V. Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica. Cluj-Napoca: Mega, 2014. 560 p.
- Derooy L. La valeur du suffixe prehellénique -nth- etc. // Glotta. 1956. Bd. 35, p. 176 sg.
- Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien: R. M. Röhrer, 1957 (Oesterreichische Ak. der Wiss. Phil. - hist. Kl. Schriften der Balkankommission, Linguist. Abt. 14). 582 S.
- Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. I. Sofia: Bulgarische Akademie der Wiss., 1969. (Linguistique Balkanique. T. XIII, 2). 104 S.
- Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heid.: C. Winters Verlag, 1954/65, 1970. Bd. 1-2. 1154 S.
- Güntert H. Labyrinth. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung. Heid., 1932 (Sb. der Heidelberger Ak. der Wiss. Phil. - hist. Kl. Jg. 1932/33. Bd. 23. Abh. 1). 49 S.
- Hoffmann O. Die Griechischen Dialekte. Gött. 1898. Bd. 3.
- Jailenko V. P. Thracian, Baltic and Indo-Aryan Hydronyms of North Pontic Area // The Thracian World at the Crossroads of Civilisation. Bucharest: VAVILA EDINF SRL, 1996. P. 371-372.
- Kretschmer P. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1928. Bd. 55. S. 75–103.
- Kretschmer P. Inder am Kuban // Anzeiger der Oesterreichischen Ak. der Wiss. Phil.-hist. Kl. 1943. Wien (1944). S. 35–42.
- Lehmann-Haupt K. F. Kimmerier // RE. 1921. Hlbd. 21. Sp. 397–434.
- Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Wien: R. M. Röhrer, 1959. Bd. 2. 263 S.
- Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heid.: Winter, 1960. Lfg. 14. S. 401 f.
- Müller C. Geographi Draeci minores. Parisii: Firmin Didot, 1855. Vol. 1. 576 p.
- Müller C. Claudii Ptolemaei Geographia. Parisii: Firmin Didot, 1901. Vol. I, 2.
- Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg und Sohn, 1884. 1710 S.
- Ritter C. Die Vorhalle europäischer Völkerschichten von Herodotus. B.: G. Reimer, 1820. 479 S.
- Russu I. I. Limba traco-dacilor. București: Editura Academiei RPR, 1959. 158 p.
- Russu I. I. Illirii. București: Editura Academiei RSR, 1969. 302 p.
- Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodinas. Vilnius, Mosklas, 1981. 408 p.
- Vasmer M. Die Iranier im Südrussland. Lpz. : Markert und Petters, 1923. 79 S.
- Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz: Ph. von Zabern, 1997. 703 S.

Боспорские исследования, вып. XXXV

Vinogradov Yu. A., Butyagin A. M., Vachtina M. Yu. Myrmekion – Porthmeus: Two “Small” Towns in Ancient Bosphorus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea* (eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos). Thessaloniki: Greek Ministry of Culture, 2003. P. 803–840.

Zgusta L. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha: Nakladatelství československé Akademie věd, 1955. 467 S.

REFERENCES

- Abaev V. I. *Osetinskii iazyk i folklor*. Moskva, Leningrad: Akademia nauk SSSR Publ., 1949, 606 p.
- Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka*. Moskva: Akademia nauk SSSR Publ., 1958, T. 1, 655 p.
- Abaev V. I. Παντικάπιον. *Beshevliev V., Georgiev V. (Eds.). Izsledvania v chest na akad. Dechev*. Sofia, Bolgarska akademija na naukite, 1958a, pp. 183–189.
- Agbunov M. V. *Zagadki Ponta Evksinskogo*. Moskva: Mysl' Publ., 1985, 159 p.
- Agbunov M. V. *Antichnaia lozia Chernogo moria*. Moskva: Mysl' Publ., 1987, 155 p.
- Agbunov M. V. *Antichnaia geografia Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Mysl' Publ., 1992, 236 p.
- Beletskii A. A. Grecheskie elementy v geograficheskikh nazvaniakh Kryma. *Varbot J. J. et alii (Eds.). Etimologia 1967*. Moskva: Nauka, 1968, pp. 201–214.
- Belova N. S. Epigraficheskie materialy Fanagoriiskoi ekspeditsii. *VDI*, 1977, 3, pp. 105–117.
- Belianskii I. L., Lezina I. N., Superanskaia A. V. *Krym. Geograficheskie nazvania: kratkii slovar*. Simferopol: Tavria plus, 1998, 160 p.
- Brandenstein W. *Der Name Labyrinth*. *Die Sprache*, 1952, Bd. 2, S. 72–76.
- Brandis C. G. Bosphoros. *RE*, 1897, Halbbd. 5.
- Braun Th. A. *Razyskania v oblasti goto-slavianskikh otoshenii*. S. Peterburg: Akademia nauk, 1899, 392 p.
- Braund D. The Ants of Myrmekion. *BK*, 2015, pp. 421–425.
- Bruiaiko I. V. Neskolko suzhetov na temu kolonizatsii Severo-Zapadnogo Prichernomoria. *AMA*, 2015, Vyp. 17, pp. 209–237.
- Bruiaiko I. V., Karpov V. A. Drevnia geografia i kolebania urovnia moria. *VDI*, 1992, 2, pp. 87–97.
- Buiskikh A. V. Chersones Tavricheskii v VI v. do n. e.: mif ili realnost? *AMA*, 2006, Vyp. 12, pp. 263–276.
- Bushakov V. A. *Leksichnyi sklad istorichnoi toponimii Krymu*. Kyiv (b. i.), 2003, 226 p.
- Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Klincksieck, 1968, T. 1, pp. 1–305; T. 2, 1970, pp. 307–607; T. 3, 1974, pp. 610–962.
- Christ W. *Geschichte der griechischen Litteratur*. München: C. H. Beck Verlagsbuchhandlung, 1890, 770 S.
- Cojocar V. *Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica*. Cluj-Napoca: Mega, 2014, 560 p.
- Dashevskaja O. D. K voprosu o lokalizatsii trekh skifskikh krepostei, upominaemykh Strabonom. *VDI*, 1958, 2, pp. 143–150.
- Dashevskaja O. D. Chetvertaia nadpis Posidea iz Neapolia Skifskogo. *SA*, 1960, 1, pp. 261–265.
- Dashevskaja O. D. O proiskhozhdenii nazvania goroda Kerkinitidy. *VDI*, 1970, 2, pp. 121–128.
- Dashevskaja O. D. Pozdnie skify. *Rybakov B. A. et alii (Eds.). Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moskva: Nauka, 1989, pp. 125–145.
- Dmitrov L. D. *Perekop*. Kiev, Lvov: Akademia nauk USSR Publ., 1940, 106 p.
- Deroy L. La valeur du suffixe prehellénique -nth- etc. *Glotta*, 1956, Bd. 35, pp. 176 sg.
- Detschew D. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien: R. M. Röhrer, 1957 (Oesterreichische Ak. der Wiss. Phil. - hist. Kl. Schriften der Balkankommission, Linguist. Abt. 14), 582 S.
- Duridanov I. *Thrakisch-dakische Studien. I*. Sofia: Bulgarische Akademie der Wiss., 1969 (Linguistique Balkanique. T. XIII, 2), 104 S.
- Duridanov I. *Ezik na trakite*. Sofia: Nauka i izkustvo Publ., 1976, 166 p.
- Edelman D. I. *Sravnitel'naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov. Fonologia*. M.: Nauka, 1986. 232 p.
- Elnitskii L. A. *Znania drevnikh o severnykh stranakh*. M.: Izd-vo geografich. literatury, 1961, 224 p.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

- Ermolin A. L., Fediseev N. F. Pereprava – port Mion – “traditsionnyi Porfmii”. *BF*, 2011, pp. 210–219.
- Fedoseev N. F. Pereprava cherez Bospor Kimmeriiskii. *VDI*, 1997, 4, pp. 100–110.
- Firsov L. V. Ob Eratosfenovom ischislenii okruzhnosti Zemli i dline ellinisticheskoi stsdii. *VDI*, 1972, 3, pp. 154–174.
- Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heid. : C. Winters Verlag, 1954/65, 1970, Bd. 1-2, 1154 S.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs. *Indoeuropeiskii iazyk i indoeuropeitsy*. Tbilisi: Univ. Publ., 1984, T. 1, 429 p.; T. 2, 469–1329 p.
- Georgiev V. *Issledovania po sravnitel'no-istoricheskomu iazykoznaniiu*. Moskva: Vostochnaia literatura Publ., 1958, 314 p.
- Georgiev V. *Trakite i tekhniat ezik*. Sofia: Bulgarskata Akademia na naukite Publ., 1977, 345 p.
- Gindin L. A. *Iazyk drevneishego naselenia yuga Balkanskogo poluostrova*. Moskva: Nauka Publ., 1967, 197 p.
- Gindin L. A. *Drevneishaia onomastika Vostochnykh Balkan*. Sofia: Bolgarskaia Akademia nauk Publ., 1981, 238 p.
- Grantovskii E. A. *Rannia istoria iranskikh plemen Perednei Asii*. Moskva: Glavnaia redaltsia vostochnoi lit., 1970, 393 p.
- Graffiti antychnogo Chersonesa*. Kiev: Naukova dumka, 1978. 139 p.
- Gretsia [Putevoditel]. Moskva: AST-Astrel, 2009. 1263 p.
- Güntert H. *Labyrinth. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung*. Heid., 1932 (Sb. der Heidelberger Ak. der Wiss. Phil. – hist. Kl. Jg. 1932/33. Bd. 23. Abh. 1). 49 S.
- Hoffmann O. *Die Griechischen Dialekte*. Gott. 1898. Bd. 3.
- Illich-Svitych V. M. *Opyt sravnenia nostraticheskikh iazykov*. Moskva: Nauka Publ., 1971, [T. 1], 369 p.
- Jailenko V. P. Thracian, Baltic and Indo-Aryan Hydronyms of North Pontic Area. *Roman P. (Ed.). The Thracian World at the Crossroads of Civilisation*. Bucharest: VAVILA EDINF SRL, 1996, pp. 371-372.
- Kalos limen – Prekrasnaia gavan. Simf.: N. Orianda, 2012, 116 p.
- Khrapunov I. N. Etnicheskaia istoria tavorov. *BI*, 2004, T. 5.
- Kolotukhin V. A. Tavry: genesis i osnovnye etapy istorii. *Problemy istorii Kryma. Tezisy dokladov nauchnoi konf.* Simf. : Krymskoe upravlenie po pečati, 1991. Ch. 1, pp. 64-65.
- Konstantin Bagrianorodnyi. *Ob upravlenii imperiei*. M.: Nauka, 1989, 496 p.
- Kornilov G. E. *Imitativy v chuvashskom iazyke*. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1984, 184 p.
- Kulakovskii Yu. A. *Proshloe Tavridy*. Kiev: Tipo-litografia “S. V. Kul’zhenko”, 1914, 156 p.
- Kullanda S. V. *Skify: iazyk i etnogeneza*. M.: Un-t Dm. Pozharskogo, 2016, 215 p.
- Kutaisov V. A. *Antichnyi gorod Kerkinitida*. Kiev: Naukova dumka, 1990, 175 p.
- Kutaisov V. A. Istoricheskaia geografia Severo-Zapadnogo Kryma. *VDI*, 2002, 1, pp. 40–50.
- Kutaisov V. A. *Kurgannyi nekropol’ Kalos limena*. Kiev: Stilos, 2011, 240 p.
- Kutaisov V. A. *Ot Kerkinitidy k Evpatorii*. Simf.: Biznes-Inform, 2016, 208 p.
- Lantsov S. B. Kratkie svedenia o bosporskoj kreposti Kutlak-Afineone (?) Psevdo-Arriana. *VDI*, 1999, 1, pp. 121–136.
- Livshits V. A. *Parfianskaya onomastika*. SPb.: Petrburgskoe lingvisticheskoe obschestvo, 2010, 398 p.
- Masenko L. T. Richkovy nazvy baseinu Ingulu na tli gidronimii Pivdennoi Ukrainy. *Tsiluiko K. K. (Ed.). Pytannia onomastiki Pivdennoi Ukrainy*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 96–102.
- Maslennikov A. A. O lokalizatsii nekotorykh gorodov evropeiskogo Bospora pervykh vekov n. e. *Voprosy istochnikovedenia i istoriografii istorii dosovetskogo perioda*. M.: In-t istorii SSSR, 1979, pp. 33-41.
- Maslennikov A. A. *Drevnie zemlianye pogranično-oboronitelnye sooruzhenia Vostochnogo Kryma*. M.; Tula: Grif & K°, 2003, 280 p.
- Maslennikov A. A. *Sel’skie sviatilischa Evropeiskogo Bospora*. M.; Tula: Grif & K°, 2007, 562 p.
- Mashtakov P. L. *Spisok rek Dneprovskogo basseina*. SPb. (ohne Verlag), 1913, 292 p.
- Murzaev E. M. *Slovar’ narodnykh geograficheskikh terminov*. M.: Mysl’, 1984, 653 p.
- Murzaev E. M. *Slovo na karte. Toponimika i geografiya*. M.: Armada-press, 2001, 448 p.
- Dovatur et alii (Eds.). *Narody nashei strany v “Istorii” Gerodota*. M.: Nauka, 1982, 455 p.
- Nikonov V. A. [Retsenzia]. *Voprosy iazykoznanija*, 1961, 2, pp. 141–146.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Nikonov V. A. *Kratkii toponimicheskii slovar'*. Moskva, Mysl' Publ., 1966, 509 p.
- Otkupshchikov Yu. V. *Dogrecheskii substrat*. Leningrad, Univ. Publ., 1988, 261 p.
- Petrova E. B. *Antichnaia Feodosia*. Simf.: SONAT, 2000, 263 p.
- Podosinov A. V. Chernoe more v kartograficheskoi traditsii antichnosti i rannego srednevekovia. *Kalinina T. M. (Ed.). Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 1996-1997*. M.: Vostochnaia literatura, 1999, pp. 237–252.
- Podosinov A. V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii*. M.: Indrik, 2002, 487 p.
- Pospelov E. M. *Gegraficheskie nazvaniia Rossii*. M.: Knizhnaia nakhodka, 2003, 348 p.
- Radlov V. V. *Opyt slovaria tiurkskikh narechii*. S. Peterburg, Akademia nauk Publ., 1893, T. I, 1914 col. + 66 p. 1899, T. II, 1814 col. + 64 p. 1905, T. III, 2204 col. + 98 p. 1911, T. IV, 2230 col. + 107 p.
- Raevskii D. S. O mestopolozenii drevnego Evpatoria. *VDI*, 1968, 3, pp. 127–133.
- Raevskii D. S. Neapol' ili Palakii? *VDI*, 1976, 1, pp. 102–107.
- Rusiaeva A. S. *Verkhovnaia boginia antichnoi Tavriki*. Kiev (ohne Verlag), 1999, 208 p.
- Rusiaeva A. S. Sviatilische Akhilla na Tendre v kontekste istorii i religii Ol'vii Pontiiskoi. *VDI*, 2006, 4, pp. 98–123.
- Rybakov B. A. *Gerodotova Skifia*. Moskva, Nauka Publ., 1979, 246 p.
- Rybakov B. A. et alii (Eds.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moskva: Nauka, 1989, 464 p.
- Saprykin S. Yu., Vnukov S. Yu. Gorodische Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu: khronologia i datirovka nadpisei. *BK*, 2014, pp. 358–363.
- Scheglov A. N. Zametki po drevnei geografii i topografii Sarmatii i Tavridy. *VDI*, 1965, 2, pp. 107–113. 1972, 2, pp. 126–134.
- Scheglov A. N. Tavry v VII-IV vv. do n/ e/ i greko-tavrskie otnoshenia. *Lordkipanidze O. D. (Ed.). Mestnye etno-politicheskie ob'edinenia Prichernomoria v VII-IV vv. do n. e.* Tbilisi: Metsniereba, 1988, pp. 53–81.
- Scheglov A. N. "Staryi" Khersones Strabona. *Problemy istorii i arkheologii Kryma*. Simf.: Tavria, 1994, pp. 8–42.
- Shaposhnikov A. K. *Iazykovye drevnosti Severnogo Prichernomoria (Etimologia iazykovykh reliktov Severnogo Prichernomoria)*. M., 2007 (bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Al_Shaposhnikov_Ezikovy_e_drevnosti_Sev_Chernomorie.pdf).
- Shaposhnikov A. K. Drevneishaia onomastika Tavricheskogo poluoostrova: slovar'. *Toponimika Kryma 2011*. Sinf.: Universum, 2011, pp. 271–444.
- Shilik K. K. K paleogeografii Ol'vii. *Bibikov S. N. Ol'via*. Kiev: Naukova, 1975, pp. 51–91.
- Skrzhinskaia M. V. *Severnoie Prichernomorie v opisani Plinia Starshego*. Kiev: Naukova dumka, 1977, 126 p.
- Skrzhinskaia M. V. Iгры na Akhillovom drome. *BORUSTHENIKA*. Nikolaev (ohne Verlag), 2004, pp. 144–149.
- Solomonik E. I. Chetyre nadpisi iz Neapolia i Chersonesa. *SA*, 1958, T. XXVIII, pp. 308–316.
- Solomonik E. I. Epigraficheskie pamiatniki Neapolia Skifskogo. *Numizmatika i epigrafika*, 1962, T. 3, pp. 32–44.
- Stolba V. F. Monetnaia chekanka Kerkinitidy i nekotorye voprosy khersonessko-kerkinitidskikh otnoshenii v IV-III vv. do n. e. *Drevnee Prichernomorie*. Odessa (ohne Verls), 1990, pp. 141–155.
- Strizhak O. S. *Etonimia Gerodotovoii Skifii*. Kiev: Naukova dumka, 1988, 224 p.
- Superanskaia A. V., Isaeva Z. G., Iskhakova Kh. F. *Toponimika Kryma*. M.: Moskovskii rabochii, 1997, 403 p.
- Taronian G. A. *Drevnii Vostok v antichnoi i rannekhristsianskoi traditsii (India, Kitai, Yugo-Vostochnaia Asia). Podbor tekstov, perevod s drevnegrecheskogo i latinskogo...* G. A. Taroniana. Moskva, Ladomir, 2007, 639 p.
- Terenozhkin A. I., Mozolevskii B. N. *Melitopol'skii kurgan*. Kiev: Naukova dumka, 1988, 262 p.
- Tolstoi I. I. *Ostrov Belyi i Tavrika*. Petrograd: 2-ia gos. tipografia, 1918, 162 p.
- Toporov V. N. O nekotorykh problemakh izucheniia drevneindiiskoi toponimiki. *Toponimika Vostoka*. M.: Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1962, pp. 78–82.
- Toporov V. N. K frako-baltiiskim iazykovym parallelam II. *Zalizniak A. A. (Ed.). Balkanskii lingvisticheskii sbornik*. Moskva, Nauka Publ., 1977, pp. 59–116.

Яйленко В.П. Топонимика античного ...

- Toporov V. N. K drevnebalkanskim sviaziam v oblasti iazyka i mifologii. *Zalizniak A. A. (Ed.). Balkanskii lingvistichestkii sbornik*. Moskva, Nauka Publ., 1977, pp. 40–58.
- Tochtasiev S. R. “Kimmeriiskaya toponimia”, I. *Bernshtein S. B. et alii (Eds.). Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomoria*. M.: Nauka, 1984, pp. 142–148.
- Tochtasiev S. R. K onomastikonu i datirovke khersonesskikh ostrakonov. *VDI*, 2007, 2, pp. 110–125.
- Trubachev O. N. *Nazvania rek pravoberezhnoi Ukrainy*. M., Nauka Publ., 1968, 289 p.
- Trubachev O. N. Illyrica. *Gindin L. A. et alii. Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie*. M., Nauka Publ., 1983, pp. 49–53.
- Trubachev O. N. *Indoarikaca v Severnom Prichernomorie*. Moskva, Nauka Publ., 1999, 319 p.
- Tunkina I. V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)*. SPb.: Nauka, 2002, 675 p.
- Turovskii E. Ya. K voprosu o khersonesskikh gavaniakh na Gerakleiskom poluostrove. *BK*, 2015, pp. 336–339.
- Vakhtina M. Yu. Ob oboronitel'nykh sooruzheniakh i planirovke Porfmia. *BF*, 2011, pp. 202–210.
- Vanagas A. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodinas*. Vilnius, Mosklas, 1981, 408 p.
- Vasmer M. *Die Iranier im Südrussland*. Lpz., Markert und Petters, 1923, S.
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazykaq*. Moskva: Progress, 1964, T. 1, 562 p.; T. 2, 1967, 671 p.; T. 3, 1971, 827 p. (Reprint, 1986–1987, T. 1–4).
- Vinogradov Yu. G., Zolotarev M. I. Khersones iznachal'nyi. *Kalinina T. M. (Ed.). Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 1996–1997*. M.: Vostochnaia literatura, 1999, pp. 91–129.
- Vysotskaia T. N. K voprosu o lokalizatsii Palakia. *VDI*, 1983, 1, pp. 111–116.
- Zavoikin A. A. *Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva*. Simf.; Kertch: VTS Print, 2013. 591 p.
- Zaitsev Yu. P. *Neapol' Skifskii (II v. do n. e. – III v. n. e.)*. Simf.: Universum, 2003, 212 p.
- Zedgenidze A. A. Voprosy osvoenia khory Khersonesa Tavricheskogo i problema “drevnego Khersonesa” Strabona. *VDI*, 2015, 2, pp. 40–55.
- Zhebelev S. A. *Severnoe Prichernomorie*. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk, 1953, 388 p.
- Zin'ko V. N. Osnovy gorodskoi planirovki Tiritaki v VI–V vv. do n. e. *BK*, 2012, pp. 152–156.
- Zin'ko V. N. Pozdnearkhaicheskaia istoria Evropeiskogo Bospora v svete noveishikh arkheologicheskikh issledovani. *PIFK*, 2013, 2 (40), pp. 183–193.
- Zin'ko V. N. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom II. Arkheologicheskie komplekisy VI–V vv. do n. e.* Simf.; Kertch: Oranta Art Book, 2014 (*BI. Supplementum* 11). 591 p.
- Zin'ko E. A. Istiricheskaia topografia severo-zapadnogo predmestia Pantikapeia-Bospora v III–VI vv. n. e. *BK*, 2012, pp. 157–162.
- Zubar' V. M. Esche raz o lokalizatsii sviatilisha i khrama Partenos na Gerakleiskom poluostrove. *Issedon*, 2007, T. 4, pp. 99–106.
- Zubar' V. M., Sarnovski T. Novaia latinskaia stroitel'naia nadpis' s Ai-Todora i nekotorye voprosy rimskoi voennoi organizatsii v Tavrike vo vtoroi polovine II v. n. e. *VDI*, 1997, 4, pp. 50–59.
- Zubarev V. G. Antichnaia geografia Evropeiskogo Bospora po Klavdiu Ptolemeiu. *DB*, 1998, T. 1, pp. 105–124.
- Zubarev V. G. *Istiricheskaia geografia Severnogo Prichernomoria po dannym antichnoi pis'mennoi trditsii*. M.: Iazyki slavianskoi kultury, 2005. 503 p.

Резюме

В Крыму несколько природных зон – приморский Западный Крым, горный Юго-Запад, степной Центральный Крым, Восточный; их природные условия во многом определяли характер топонимики. Древняя крымская топонимия насчитывает несколько слоев – греческий, средиземноморский, индоарийский (киммерийский), фрако-дакийский, иранский, возможно, иллирийский. Всего рассмотрены 115 топонимов, почти половина греческие, большинство их приморские; топонимы внутренней Таврики в основном негреческие, туземные.

Ключевые слова: Античный Крым, греческие, средиземноморские, индоарийские, фрако-дакийские топонимы.

Summary

There are some physical zones in Crimea – the seaside West, the mountain South-West, the steppes of Central Crimea, East Crimea; their physical features have influenced a character of many place-names. The ancient Crimean toponymy has several levels – the Greek, the Mediterranean, the Indo-Aryan (Cimmerian), the Thraco-Dacian, the Iranian, and possible the Illyrian. The author has investigated 115 place-names, almost half are the Greek, they are presumably the seaside. The place-names of Inner Crimea are principally non-Greek ones, it's native toponymy.

Key words: Ancient Crimea, Greek, Mediterranean, Indo-Aryan, Thraco-Dacian place-names.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яйленко Валерий Петрович,
доктор исторических наук, профессор,
независимый исследователь, Москва,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yailenko Valery, DSc, Prof.
Independent researcher, Moscow,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

Рис. 1. Карта Птолемея, издана Страсбург, 1513; она же изд. Г. Меркатор, Кельн, 1584 г.

Рис. 2. Г. Меркатор, карта.

Рис. 3. Г. Меркатор. Карта, изд. Амстердам, 1641 г.

О. ЯГГИ
O. JAGGI

**АТТИЧЕСКАЯ КРАСНОФИГУРНАЯ КЕРАМИКА
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ОСОБЕННОСТИ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ВОСПРИЯТИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ATTIC RED-FIGURED WARE IN THE NORTHERN BLACK SEA
COAST AREA: FEATURES OF DISTRIBUTION, PERCEPTION AND USE**

Насколько показывает распространение мест находок (карта находок: Вдовиченко, 2008, рис. 7), импортированные краснофигурные аттические вазы к настоящему моменту были найдены, главным образом, в *греческих* городах Северного Причерноморья или на прилегающей к ним территории, как, например, на территории восточной части Керченского полуострова, т.е. рядом с Пантикапеем, и на территории греческого города Херсонеса.

Письменные источники сообщают о том, что на этих территориях греческое и негреческое население проживало совместно, что подтверждается и материалами археологических раскопок. Примером может служить скифский царь Скил, который «даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку», а также «снял своё скифское платье и облачался в эллинскую одежду... в этом наряде... ходил по рыночной площади... ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде», «царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов» (Геродот IV, 78-80, пер. Г.А. Стратановского). В свою очередь, находки в Херсонесе надгробий с негреческими женскими именами, но с эпитафиями на греческом языке и выполненными в греческих традициях, свидетельствуют о том, что греческое население брало себе в жёны местных женщин. Прекрасный пример даёт эпитафия с надгробия с негреческим женским именем: «Коттиха, жена Даматриоса». В греческой традиции мужчины и женщины определяются отчеством, но у Коттихи не было отчества, поэтому надпись упоминает имя её мужа: «Даматриос» (музей-заповедник Херсонеса, инв. 36847/49: Posamentir, 2007, 46 рис. 2; Posamentir, 2005, 107 табл. 48,2. Подробнее о надгробиях: Posamentir, 2005).

Совместная повседневная жизнь греков и представителей других народов, как, к примеру, скифов (хотя название «скифы» нередко используется для обобщения разнообразных негреческих народов, уже Геродот – IV, 6 – говорил о существовании, в действительности, различных этнических групп с различными культурными традициями) формировала новые варианты культурной идентичности с учётом региональных различий (ср.: Jaeggi, 2012, 173; Langner 2005, 65-66), культурные различия в разнообразных сферах, которые мы можем осознать, в частности, на примере разных погребальных традиций: так, часто встречающиеся в курганах в окрестностях

Ягги О. Аттическая краснофигурная ...

Пантикапея монументальные каменные склепы отсутствуют на территории Западного Крыма (см. последние публикации, в которых учтены и предшествующие труды по этому вопросу: Бутягин, 2014; Виноградов, 2012; Fless, Lorenz, 2005). Тем не менее основной культурный компонент оставался, главным образом, греческим, что становится очевидным благодаря использованию греческого языка вплоть до поздней античности.

Использование импортированной аттической керамики в греческих городах и поселениях Крыма осуществлялось, в общем, в соответствии с греческими традициями, что подтверждает множество находок посуды для симпосиев из поселений. Выдающийся образец представляет собой фрагмент кратера с Дионисом на квадриге из жилого помещения в Херсонесе (Музей-заповедник Херсонеса, инв. 3526/16: Вдовиченко, 2012, 17 табл. 10; Вдовиченко, 2008, рис. 79,1; по мнению авторов, изображение близко работам мастера Сабурова и мастера Неаполь и должно быть датировано второй четвертью или серединой V в. до н.э.). Самые близкие аналогии – например, кратер из Руво (Руво, музей Ятта, инв. 3526/16: ARV² 574.2; Beazley, Para 391; Beazley, Addenda² 262), а также кратер, выставленный в 1984 году на торги Сотбис (Sotheby, sale catalogue: 9-10.7.1984, 118-19, №. 282; сопоставлен с работами Мастера Агригента) – определяют в качестве вазописца Мастера Агригента и датируют херсонесский кратер 470–460-ми годами до н.э., т.е. за 50–40 лет до предполагаемого основания Херсонеса (об основании Херсонеса см.: Posamentir, 2005, 106; Hind, 1998, 145, Saprykin, 1989). Или основание города произошло раньше, или кратер купили позже, оценив, возможно, его дионисийское изображение, которое, конечно, подходит для использования на симпосиях, или его хранили пару десятков лет.

Изящная импортированная керамика использовалась также в качестве посвященных даров в святилищах, о чём свидетельствуют, к примеру, вазы и фрагменты, посвященные разным божествам и героям, в частности – Артемиде, Аполлону или Гераклу (см. примеры из Херсонеса, Пантикапея, а за пределами полуострова – из Ольвии: Krim, 2013, 248-251; Ягги, 2012, 188, Кат. 89; Lejpuskaja, 2010, 503, № S-14; по поводу ваз в святилищах см. дальше: Вдовиченко, 2008, 55-56). Импортированная аттическая керамика также широко применялась в качестве погребальных даров в некрополях, хотя в способах ее использования существуют региональные различия. Например, исследования показали, что лекифы в комбинации с леканами, которые часто служили контейнером для еды в погребениях Юз-Обы, – характерны в качестве местной традиции для погребальных камер Пантикапея, что представляется очевидным отличием от греческой погребальной практики, вполне возможно – вдохновленным негреческим влиянием (Petraikova, 2012, 152; Fless-Lorenz, 2005, 21-22). Другая местная особенность, которую можно вывести на материалах погребений Юз-Обы, состоит в находках образцов (по преимуществу краснофигурной) аттической керамики в разбитом виде в насыпях над склепами (по-видимому, их разбивали в процессе церемонии; Petraikova, 2012, 152–154).

Отдельно следует упомянуть случай с курганом V, погребение 48, где в насыпи

Боспорские исследования, вып. XXXV

над склепом были обнаружены три краснофигурные аттические вазы, две из которых отнесены к работам разных мастерских с разными датировками – все эти вазы были найдены вместе, т.е. были разбиты и закопаны в насыпи в один и тот же период, по-видимому, во время церемонии. При том, что это вазы разных форм и из двух разных мастерских, их всех объединяет тема, имеющая отношение к предыстории Троянской войны: вазы представляют три эпизода – суд Париса, похищение Елены и Париса вместе с Еленой (подробнее: Ягги, 2012, 30–32; Petrakova, 2012, 152–154). Таким образом, истинный мифологический смысл изображений явно был понятен тем, кто собрал эти вазы – как знать, быть может, один из ранних примеров чего-то наподобие коллекционирования?

Поскольку речь идет, главным образом, о греческих городах или территориях преобладания греческой культуры, мы с большой долей уверенности можем говорить о том, что греческая иконография изображений на аттических краснофигурных вазах была вполне понимаемой местным населением. Это утверждение может показаться очевидным, тем не менее вопрос об особенностях восприятия изображений на аттических вазах населением Северного Причерноморья породил долгую и все еще продолжающуюся дискуссию об амазонках (см. Ягги, 2012, 33–37; Jaeggi, 2012, 168–173; Вдовиченко, 2008, 110–112; Соколов, 1999; Скржинская, 1986; Петракова, Ягги, 2017 – статья в этом же сборнике статей).

В публикациях (Вдовиченко, 2008, рис. 7, ср. также: Langner, 2013, 232–233; Langner, 2012, 35–37, fig. 1) дается карта распространения аттической краснофигурной керамики на этой территории, базирующаяся на материалах, собранных автором трудов. Даже если эта карта изменится по результатам материалов новых раскопок и публикаций, она демонстрирует вполне четкую картину (даже с учетом того, что какие-то факты до конца не изучены, в музейных собраниях существуют вещи неизвестного происхождения, интенсивность археологических раскопок в разных точках обозначенной территории сильно отличается). Предполагаемая картина позволяет нам сделать следующие возможные выводы: за пределами греческих колоний в Крыму, за пределами территории Пантикапея и Боспорского царства, было найдено весьма незначительное количество краснофигурных аттических ваз, причем среди них почти нет выдающихся экземпляров (по крайней мере, на сегодняшний день это так). Исключения в Крыму составляют (среди немногих других) Червонное, Крыловка, Филатовка (маленькие вазы по упомянутой публикации Вдовиченко, 2008, 87–90). Что касается находок на территории восточной части Крымского полуострова, – они должны восприниматься в контексте греческого культурного влияния, Боспорского царства. С противоположной стороны пролива (т.е. кавказской) мы наблюдаем аналогичную ситуацию: за исключением нескольких панафинейских амфор (Алексинский, 2013, 113–114 Кат. 63) и некоторого количества ваз малых форм в гробницах за пределами Боспорского царства, находки аттической керамики ограничены территорией Боспорского царства (Вдовиченко, 2008, 64–65. 90–96; см. также: Бонгард-Левин, 2010; Morgan, 2004). В весьма скромных количествах ат-

Ягги О. Аттическая краснофигурная ...

тические вазы были найдены в районе Таганрог-Ростов, демонстрируя интенсивные торговые связи между колонистами из Боспорского царства и местным населением (Вдовиченко, 2008, 90–96).

Другим важным центром находки краснофигурной аттической керамики является Ольвия и ее окрестности, хотя еще не до конца ясно, сколь много ваз и фрагментов найдено непосредственно на «Хоре» Ольвии (Вдовиченко, 2008, 49–54). В этом контексте к северу от морского берега, уже в Западной Украине (на границе с Молдавией), задокументирована еще одна группа находок аттической керамики (Вдовиченко, 2008, 84–87). Предположительно, эти находки связаны с торговлей с Ольвийским регионом, проходившей по рекам. В скифских регионах, в частности на территории, где располагались так называемые царские гробницы, в средней и южной частях Днепра, примеров изящной аттической керамики почти не найдено. Богатейшие скифские гробницы Северного Причерноморья не содержали аттической керамики, за редким исключением в виде чернолаковых чаш и сосудов для питья без изображений, найденных, например, в кургане Солоха или в кургане Чертомлык (Манцевич, 1987, 95–96 Кат. 67; Rolle, 1998, 26, Кат. 149–150, Pl. 43). При этом часть найденных в них изделий из металла не только украшена изображениями с греческими сюжетами, как, например, серебряные чаши греческих форм из Солохи (Манцевич, 1987, 34–35. 86–96), но и интерпретируется как греческая работа. Из всего сказанного возникает вопрос: почему на территории максимальной концентрации богатейших скифских гробниц почти не найдено импортированной изящной аттической керамики?

Греческие колонии, особенно Пантикапей, развивали интенсивную торговлю со скифским населением. Мастерские греческих городов работали на скифских покупателей, особенно принадлежавших к высшим слоям социума. В так называемых царских гробницах найдено множество предметов, таких как гориты, мечи, колчаны, зеркала, ювелирные украшения, вазы из бронзы, серебра, золота (см. в качестве обзора: Alexeuev, 2012). Многие из них украшены изображениями с греческими сюжетами, но есть и сделанные явно специально для скифских заказчиков (изображены скифы в контексте сражений и в повседневной жизни). Прекрасный пример – большая серебряная амфора из Чертомлыка, найденная вместе с большой бронзовой чашей с черпаком (Alexeuev, 194–201; Rolle, 1998, 17 Кат. 91). По-видимому, она предназначалась для вина во время церемоний, в то время как разнообразные «комплекты» серебряных сосудов для питья из других «царских» скифских гробниц, как, например, Солоха, указывают на употребление вина во время церемоний, как чего-то вполне укоренившегося – как будто скифского варианта «симпосия». Если культуру симпосия приняло и развило население Апеннинского полуострова (чему есть множество доказательств, например, в инвентаре и росписях этрусских гробниц, Bentz, 2004, Reusser, 2002), почему бы эту культуру ни адаптировать и скифам? Конечно, этруски имели гораздо более продолжительные и тесные контакты с греками, чем скифы. Но, тем не менее, симпосий имел иное значение в Этрурии, чем в Греции,

например, в том, что касается положения женщин, жен, которые участвовали в симпозиис в Этрурии, в отличие от Греции (Amann, 2000). Таким образом, симпозиис становился скорее некоей показательной церемонией, при помощи которой участники демонстрировали свою принадлежность к аристократии. Аналогичное значение имел симпозиис во Фракии (об этом можно говорить, основываясь на материале раскопок гробницы в Казанлыке (Živkova, 1975; Vassiliev, 1959).

Мы можем предполагать, что симпозиис был воспринят и адаптирован представителями скифской аристократии в качестве церемонии, характеризующей высокий социальный статус участников, хотя это не исключает и того, что в то же время эта церемония могла иметь для скифов и некое религиозное значение (последнее сложно определить, поскольку мы почти ничего не знаем о скифской религии). Чаши из Солохи и Частых курганов (Манцевич, 1987, 88-91 Кат. 61; Alexeuev, 2012, 244–249) и амфора из Чертомлыка (см. выше) имеют «греческую» форму, но украшены изображениями скифов, охотящихся, приручающих лошадей. В конце концов, огромное количество греческих тарных амфор доказывает, что употребление вина было важным элементом социального разграничения и, возможно, элементом религиозных церемоний (очень хорошим примером являются находки из Чертомлыка: Rolle, 1998, part 2: 107–110). Подводя итоги, мы можем утверждать, что для богатых скифских покупателей мастера из греческих городов производили особые предметы с особыми изображениями, которые подходили для нужд репрезентации и для церемоний скифской аристократии. Эти нужды и культурные характеристики были хорошо известны мастерам, которые, по-видимому, были в тесном контакте с заказчиками. На выполненных греками изображениях скифов детали одежды, оружия, разнообразные виды активности в повседневной жизни и во время боевых действий внимательно подмечены и представлены. Это может рассматриваться как исключение в греческом искусстве, которое в целом выказывало мало интереса к точным наблюдениям и к передаче особенностей «варваров» при их изображении.

Но почему тогда аттические вазы, например Мастера Марсия и его мастерской (Ягги, 2012, 133-137), не были востребованы? В то время, очевидно, серебряные сосуды использовались для «симпозииса»? Возможно ли, что керамические вазы не были востребованы по причине «бедного» материала (глина, не сопоставимая с золотом, серебром или бронзой по ценности) или потому, что изображения на них не были понятны скифскому населению, или они ничего не значили для них?

Вряд ли отсутствие изящной аттической керамики в раскопках на скифских территориях объясняется тем фактом, что керамика хрупка, и, следовательно, не подходит для кочевников. Вспомним тот факт, что кочевники в других частях античного мира использовали керамику, например, набатеи, которые высоко ценили, производили и использовали очень тонкую, деликатную и расписную керамику в больших количествах (Schmid, 2000). К тому же в IV веке до н.э. не все скифы вели кочевой образ жизни. Единственная импортированная керамика в скифских поселениях

Яggi О. Аттическая краснофигурная ...

IV века до н.э. – это тарные винные амфоры. Получается, что или материал «глина» был сочтен слишком «бедным» для репрезентационных нужд (вспомним также слова Геродота, V, 71, который сообщал, что в царские могилы скифы «кладут золотые чаши, а серебряных и медных сосудов для этого вовсе не употребляют»), или же изображения на вазах были непонятны или не оценивались по достоинству... или и то, и другое одновременно.

Если мы примем этот вопрос в качестве гипотезы, она породит последующие вопросы и предположения, а именно: «греческие» изображения на предметах, найденных в скифском контексте, были специально отобраны для этих заказчиков и имели для них особый смысл. Торговля – это, по сути, коммуникация при помощи тех или иных предметов, она, как и любой вид коммуникации, нуждается в некоем языке, понятном обеим сторонам, соответственно, мы можем сказать, что обмен товарами ограничивается теми предметами, которые (их назначение, смысл, изображения на них и т.п.) понятны обеим сторонам. Получается, что такие предметы, как производимые в Афинах вазы (где мастера не знали специфических нужд скифских заказчиков), не были поняты и оценены по достоинству за пределами греческих территорий Черного моря за редкими (названными выше – Таганрог, Западная Украина) исключениями и, соответственно, не являлись предметом торговли. Интересным исключением могут быть названы панафинейские амфоры, происходящие из таких мест, как, например, Елизаветинский могильник; возникает вопрос: не использовались ли они просто как сосуды для растительного масла, например, в материковой Греции (см. дальше: Вдовиченко, 2008, 106–109; Bentz, 1998, 23–40)?

Одно из предварительных заключений состоит в следующем: обмен предметами с изображениями между Афинами/материковой Грецией и греками на побережьях Крыма и Северного Причерноморья и между греческими колониями Черноморского побережья и скифами и прочими негреческими народами фильтровался/обуславливался разными культурными традициями и пониманием изображений. Таким образом, выявление закономерностей в распространении импортированных керамических ваз (наряду с другими видами находок, такими, как, например, терракотовые статуэтки) может помочь нам в создании более аккуратной культурно-исторической карты региона со всеми необходимыми оттенками и нюансами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексинский Д.П.* (с соавт.). Олимпия: победа над временем. Произведения античного и западноевропейского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки (СПб, 2013).
- Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д.* (под ред.). Античное наследие Кубани. В 3 томах (М., 2010).
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том II. Курганы на мысе Ак-Бурун // Боспорские исследования. Supplementum 13 (Симферополь-Керчь, 2014).
- Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы из крымских музеев // Материалы по археологии Крыма (Симферополь, 2003).

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (Симферополь, 2008).
- Вдовиченко И.И., Жесткова Г.И.* Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича и Р.Х. Лепера). Рубежи Ойкумены // *Stratum plus*, 3, 2011. – С. 15–126.
- Вдовиченко И.И., Рыжов С.Г., Жесткова Г.И.* Античная расписная керамика из северного и северо-восточного районов Херсонеса (раскопки С. Г. Рыжова в 1976–2010 гг.) // *Херсонесский сборник*, вып. 17, 2012. – С. 19–35.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I: История изучения и топография // *Боспорские исследования. Supplementum* 9 (Киев, 2012).
- Манцевич А.Л.* Курган Солоха (Л., 1987).
- Яggi О. при участии Лазенковой Л.* Коллекция расписной керамики. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Аттические краснофигурные вазы. IV в. до н.э., (Киев, 2012).
- Alexeyev A.* The Gold of the Scythian Kings in the Hermitage Collection (St. Petersburg, 2012).
- Amann P.* Die Etruskerin: Geschlechterverhältnis und Stellung der Frau im frühen Etrurien (9.-5. Jh. v. Chr.) (Wien, 2000).
- ARV² Beazley J. D.*, Attic Red-Figure Vase-Painters, 2nd ed. (Oxford, 1963).
- Beazley, Addenda² Carpenter T. H.* (ed.). *Beazley Addenda*, 2nd ed. (Oxford, 1989).
- Beazley, Para Beazley J. D.*, Paralipomena. Additions to Black-figure Vase-painters and to Attic Red-figure Vase-painters, 2nd ed. (Oxford, 1971).
- Bentz M.* Panathenäische Preisamphoren: eine athenische Vasengattung und ihre Funktion vom 6.-4. Jahrhundert v. Chr. // *Beih. Antike Kunst* 18 (Basel, 1998).
- Bentz M., Reusser C.* (eds.). *Attische Vasen in etruskischem Kontext: Funde aus Häusern und Heiligtümern* (München, 2004).
- Fless F., Treister M.* (eds.). *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet: Kolloquium in Zschortau/Sachsen 2003* (Rahden, 2005).
- Fless F., Lorenz A.* Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. // *Fless*, 2015. – P. 17–25.
- Hind J.* Megarian colonisation in the western half of the Black Sea // *Tsetskhladze C. R.* (ed.), *The Greek Colonisation of the Black Sea* // *Historia Einzelschriften* (Stuttgart, 1998). – P. 131–152.
- Jaeggi O.* Attische Vasen des 4. Jhs. aus Kerč und Umgebung: Fragen zu Gebrauch, Verteilung und Rezeption // *Schmidt*, 2012. – P. 165–176.
- Krim*, 2013 LVR-Landesmuseum Bonn (ed.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung* (Bonn, 2013).
- Langner M.* Kam es auf die Bilder an? Handelskontakte, Verwendungskontexte und lokale Imitationen spätrotfiguriger Vasenbilder aus Athen // *Fless*, 2012. – P. 35–50.
- Langner M.* Amazonen auf Kertscher Vasen // *Schubert*, 2013. – P. 221–257.
- Lejpuskaja N.A.* (et al.). The Lower City of Olbia (sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD // *Black Sea Studies* 13 (Aarhus, 2010).
- Morgan C.* Phanagoria Studies 1. Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria (Leiden, 2004).
- Petrakova A.* Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // *Schmidt*, 2012. – P. 151–163.
- Posamentir R.* Spätclassische Grabstelen und die griechische Besiedlung von Chersonesos // *Fless*, 2015. – P. 105–110.
- Posamentir R.* The polychrome grave stelai from the early Hellenistic necropolis (Austin, 2011).
- Posamentir R.* Colonisation and accumulation in the early necropolis of Chersonesos // *Erkut G., – Mitchell S.* (eds.), *The Black Sea. Past, present and future. Proceedings of the international, interdisciplinary conference Istanbul 2004* (Ankara, 2007). – P. 45–55.
- Reusser C.* Vasen für Etrurien: Verbreitung und Funktionen attischer Keramik im Etrurien des 6. und 5. Jahrhunderts vor Christus (Kilchberg, 2002).

Яggi O. Аттическая краснофигурная ...

- Rolle R. (et. al.). Königsurgan Čertomlyk: ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts (Mainz a. Rh., 1998).
- Saprykin S.Y. The Foundation of Tauric Chersonesus // Tsetskhladze C. R. (ed.), The Greek Colonisation of the Black Sea // *Historia Einzelschriften* (Stuttgart, 1998). – P. 227–248.
- Schmid S.G. Die Feinkeramik der Nabatäer (Mainz a. Rh., 2000).
- Schmid S., Stähli A. (eds.). Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum // Beihefte zum CVA Deutschland (München, 2012).
- Schubert C., Weiss A. (eds.). Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte // Beiträge zur Altertumskunde 310 (Göttingen, 2013).
- Vassiliev A. Das antike Grabmal bei Kasanlak (Sophia, 1959).
- Živkova L. The Kazanluk Tomb (Recklinghausen, 1975).

REFERENCES

- Aleksinskii. D.P. (et.al) *Olimpiia i pobeda nad vremnem. Proizvedeniia antichnogo I zapadnoevropeiskogo iskusstva iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha*. Katalog vystavki. Spb., 2013.
- Alexeyev A. *The Gold of the Scythian Kings in the Hermitage Collection*. St. Petersburg, 2012.
- Amann P. *Die Etruskerin: Geschlechterverhältnis und Stellung der Frau im frühen Etrurien (9.-5. Jh. v. Chr.)*. Wien, 2000.
- Beazley J. D. *Attic Red-Figure Vase-Painters*, 2nd ed. Oxford, 1963.
- Beazley J. D. *Paralipomena. Additions to Black-figure Vase-painters and to Attic Red-figure Vase-painters*, 2nd ed. Oxford, 1971.
- Bentz M. Panathenäische Preisamphoren: eine athenische Vasengattung und ihre Funktion vom 6.-4. Jahrhundert v. Chr. *Beih. Antike Kunst* 18. Basel, 1998.
- Bentz M., Reusser C. (Eds.) *Attische Vasen in etruskischem Kontext: Funde aus Häusern und Heiligtümern*. München, 2004.
- Bongard-Levin G.M., Kuznetsov V.D. (Ed.) *Antichnoe nasledie Kubani. V 3 tomakh*. M., 2010.
- Butiagin A.M., Vinogradov Iu.A. Iuz-Oba. Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora. Vol. II. Kurgany na myse Ak-Burun. *BI. Supplementum* 13. Simferopol'-Kerč', 2014.
- Carpenter T. H. (Ed.) *Beazley Addenda*. 2nd ed. Oxford, 1989.
- Fless F., Meister M. (Eds.) *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet: Kolloquium in Zschortau/Sachsen 2003*. Rahden, 2005.
- Fless F., Lorenz A. Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. *Fless*, 2015. P. 17–25.
- Hind J. Megarian colonisation in the western half of the Black Sea. *Tsetskhladze C. R. (Ed.) The Greek Colonisation of the Black Sea. Historia Einzelschriften*. Stuttgart, 1998. P. 131–152.
- Iaggi O. (pri uchastii Lazenkovoi L.M.) *Atticheskie krasnofigurnye vazy. IV v. do n.e. Kolleksiia raspisnoi keramiki. Iz sobraniia Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika*. Kiev, 2012.
- Jaeggi O. *Attische Vasen des 4. Jhs. aus Kerč und Umgebung: Fragen zu Gebrauch, Verteilung und Rezeption*. Schmidt, 2012. P. 165–176.
- Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung*. Bonn, 2013.
- Langner M. *Kam es auf die Bilder an? Handelskontakte, Verwendungskontexte und lokale Imitationen spätrotfiguriger Vasenbilder aus Athen*. Fless, 2012. P. 35–50.
- Langner M. *Amazonen auf Kertscher Vasen*. Schubert, 2013. P. 221–257.
- Lejpuskaja N. A. (et al.). The Lower City of Olbia (sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. *Black Sea Studies* 13. Aarhus, 2010.
- Mantsevich A.P. *Kurgan Solokha*. L., 1987.
- Morgan C. *Phanagoria Studies I. Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria*. Leiden, 2004.
- Petrakova A. *Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts*. Schmidt, 2012. P. 151–163.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Posamentir R. *Spätclassische Grabstelen und die griechische Besiedlung von Chersonesos*. Fless, 2015. P. 105–110.
- Posamentir R. *The polychrome grave stelai from the early Hellenistic necropolis*. Austin, 2011.
- Posamentir R. Colonisation and accumulation in the early necropolis of Chersonesos. Erkut G., Mitchell S. (Eds.) *The Black Sea. Past, present and future. Proceedings of the international, interdisciplinary conference Istanbul 2004*. Ankara, 2007. P. 45–55.
- Reusser C. *Vasen für Etrurien: Verbreitung und Funktionen attischer Keramik im Etrurien des 6. und 5. Jahrhunderts vor Christus*. Kilchberg, 2002.
- Rolle R. (et. al.). *Königskurgan Čertomlyk: ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Mainz a. Rh., 1998.
- Saprykin S. Y. The Foundation of Tauric Chersonesus. *Tsetskladze C. R. (Ed.) The Greek Colonisation of the Black Sea*. Historia Einzelschriften. Stuttgart, 1998. P. 227–248.
- Schmidt S. G. *Die Feinkeramik der Nabatäer*. Mainz a.Rh., 2000.
- Schmidt S., Stähli A. (Eds.) *Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum*. Beihefte zum CVA Deutschland. München, 2012.
- Schubert C. Weiss A. (Eds.) *Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte*. Beiträge zur Altertumskunde 310. Göttingen, 2013.
- Vassiliev A. *Das antike Grabmal bei Kusanlak*. Sophia, 1959.
- Vdovichenko I.I. Antichnye raspisnye vazy iz krymskikh muzeev. *Materialy po arkheologii Kryma*. Simferopol', 2003.
- Vdovichenko I.I. *Antichnye raspisnye vazy v Severnom Prichernomor'e*. Simferopol', 2008.
- Vdovichenko I.I., Zhestkova G.I. Raspisnaia keramika Khersonesa Tavricheskogo (Raskopki K.K. Kostsiushko-Valiuzhinicha I R.Kh. Lepera). *Rubezhi oikumeny. Stratum plus*, 3, 2011. P. 15–126.
- Vdovichenko I.I., S.G.Ryzhov, Zhestkova G.I. Antichnaia raspisnaia keramika iz severo-vostochnogo raionov Khersonesa (raskopki S.G.Ryzhova v 1976–2010 gg.). *Khersonesskii Sbornik*, 17, 2012. P. 19–35.
- Vinogradov Iu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. Iuz-Oba. Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora. Vol.I: Istoriia izucheniia i topografiia. *BI. Supplementum* 9. Kiev, 2012.
- Živkova L. *The Kazanluk Tomb*. Recklinghausen, 1975.

Резюме

Импортированные краснофигурные аттические вазы были найдены, главным образом, в греческих городах Северного Причерноморья или на прилегающей к ним территории. Совместная повседневная жизнь греков и представителей других народов формировала новые варианты культурной идентичности. Тем не менее в этих зонах основной культурный компонент оставался, главным образом, греческим. Использование импортированной аттической керамики в греческих городах и поселениях Крыма осуществлялось, в общем, в соответствии с греческими традициями. Греческая иконография изображений на аттических краснофигурных вазах была вполне понимаемой местным населением. За пределами греческих колоний в Крыму, за пределами территории Пантикапея и Боспорского царства, было найдено весьма незначительное количество краснофигурных аттических ваз. В скифских регионах, в частности на территории, где располагались так называемые царские гробницы, в средней и южной части Днепра, примеров изящной аттической керамики почти не найдено. Для богатых скифских покупателей мастера из греческих городов Северного Причерноморья производили особые предметы с особыми изображениями, которые подходили для нужд репрезентации и для церемоний скифской аристократии, об этом свидетельствуют серебряные чаши из Солохи и большая амфора из Чертомлыка. Возникает вопрос, почему тогда в скифских зонах аттические вазы не были востребованы и не являлись предметом торговли, хотя их население

Яggi О. Аттическая краснофигурная ...

пользовалось серебряной посудой и употребляло вино в большом количестве? В качестве гипотезы предполагаем, что такие предметы, как производимые в Афинах вазы, не были оценены по достоинству за пределами греческих территорий Черного моря, может быть, потому материал «глина» был сочтен слишком «бедным» для репрезентационных нужд. К тому же, в Афинах мастера не знали специфических нужд скифских заказчиков, которым изображения на вазах были непонятны.

Ключевые слова: Аттическая краснофигурная керамика, IV век до н. э., Северное Причерноморье, восприятие греческих изображений, Херсонес, Пантикапей, Солоха, Чертомлык, региональные культурно-исторические различия.

Summary

Imported red-figure Attic vases have been found mainly in the Greek cities of the Northern Black Sea area and in the adjacent territory. The amalgam of the different cultural backgrounds of Greek and non-Greek peoples defined new cultural identities. However, in these areas the main cultural component remained essentially Greek. The use of imported Attic pottery in Greek cities and settlements of Crimea corresponded, in general, to Greek traditions. The «Greek» iconography on the Attic red-figure vases was easily readable by the local population. Outside the Greek cities in Crimea, outside the territory of the Bosporan Kingdom and Panticapaeum, only very few red-figure Attic vases have been found. In the Scythian regions, particularly in the area of the so-called royal tombs in the central and Southern parts of the Dnieper, examples of Attic fine ware have almost not been found. Artisans of the Greek cities of the Northern Black Sea area produced for wealthy Scythian customers specific items with convenient images, suitable for the needs of representation and for the ceremonies of the Scythian aristocracy, as for example the silver bowls of Solokha and the large silver amphora of Chertomlyk. The question arises, why Attic vases were not popular and not the subject of trade outside the Greek territories of the Black Sea (with rare exceptions), although the Scythians used silver dishes and consumed wine in large quantities. As a hypothesis, we may assume that items such as vases of clay were considered too poor for representational needs. Also, the potters and painters in Athens did not know the specific needs of Scythian customers, who did neither understand nor appreciate the images on the painted vases.

Key words: Athenian red-figure pottery, 4th century B. C., Northern Black Sea area, – reception of Greek imagery, Chersonesus, Panticapaeum, Solokha, Chertomlyk, regional historical-cultural differences.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Отмар Яggi,
Базельский университет,
Отдел классических исследований,
Petersgraben 51; 4051 Basel – Switzerland
профессор
othmar.jaeggi@unibas.ch

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

PD Dr. Othmar Jaeggi,
University of Basel,
Department of Classical Studies,
Petersgraben 51
4051 Basel – Switzerland
othmar.jaeggi@unibas.ch

Рис. 1. Фрагменты кратера из Херсонеса. Музей-заповедник Херсонеса, инв. 3526/16
(Фотография: О. Яги).

А. ПЕТРАКОВА, О. ЯГГИ
A. PETRAKOVA, O. JAGGI

**АМАЗОНКИ НА АТТИЧЕСКИХ КРАСНОФИГУРНЫХ ВАЗАХ
ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: К ВОПРОСУ О
ПОНИМАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ**
**AMAZONS ON THE ATTIC RED-FIGURE VASES OF THE
NORTHERN BLACK SEA COAST: TO THE QUESTION OF
UNDERSTANDING IMAGES**

Анализ имеющихся к настоящему времени материалов археологических раскопок позволяет сделать вывод о том, что в сюжетно-тематическом репертуаре импортированной в Северное Причерноморье аттической керамики конца V и IV веков до н.э. чрезвычайно распространено изображение амазонок в различных контекстах (см., например: Кобылина, 1951; АГСП, разные разделы; Fless, 2002; Вдовиченко, 2003 и проч.). Амазонки сражаются с греками, противостоят грифонам, охотятся; головы амазонок предстают на вазах, соседствуя с головами других амазонок, грифонов, коней и т.д. (см., например: Шталь, 2000, кат. 38–46 и проч.; Langner 2013; Ягги, 2012, кат. 45–56, 61, 66–83 и проч.).

При этом, если мы обратим внимание на характер распространения ваз с изображением амазонок, очевидным станет тот факт, что их основная масса найдена на территории Пантикапея и окрестностей, в то время как в других греческих городах и поселениях таких ваз выявлено сравнительно мало (см., например: Langner, 2013). Что касается областей за пределами Боспорского царства и греческих городов, то есть так называемых «варварских» территорий, если опираться на статистику И.И. Вдовиченко, – там найдена, по состоянию на момент публикации книги, всего лишь одна такая ваза (Вдовиченко, 2008. Табл. 5). Получается, что, по сути, такие вазы характерны для находок, происходящих в греческих городах и поселениях или на территориях, где греки или же их культурное влияние преобладали (см. об этом: Ягги, 2016; Ягги, 2017 – статья в этом же сборнике).

Ранее в исследованиях по теме (например: Schefold, 1934, 148; Скржинская, 1986; Соколов, 1999, 167; Шталь, 2000, 15; Вдовиченко, 2008, 110–112 и проч.) часто говорилось о том, что местное население Северного Причерноморья не воспринимало изображения на привезенных из Аттики вазах так, как это делали их греческие (аттические) создатели и покупатели, но интерпретировало эти изображения по-своему, проецируя на них свои собственные, местные, идеи и мифы, в результате чего изображения амазонок интерпретировались в связи с Великой Богиней, т.е. местным скифским божеством, как разновидность психопомпов и проч. (см., например: «сцены сражений амазонок с греками... одни из самых распространенных... это или единоборство конной амазонки с пешим греком или многофигурные композиции... восходящие к сценам мифа и эпоса, как греческого, так и варварского, скифского...

Боспорские исследования, вып. XXXV

В дионисийской символике амазонки – служанки Владычицы Преисподней», Шталь, 2000, 15; ср.: «The specific character of northern Black Sea coast, especially the Bosphorus area, is distinguished by the image of the woman warrior – the Amazon – who takes the place of the traditional image of the goddess. In all the likelihood, within the context of local mythical – epic notions, the horse and the griffin can be seen as representing *mystides*, participants in mysteries associated with conducting the souls of the dead to the afterworld», Н.К. Жижина в издании: *Greeks on the Black Sea*, 2007, 162–164; ср. также: «в представлениях греков этого времени амазонки были служительницами Великой богини подземного мира, куда и отправлялись умершие на берегах Понта греки. Не Харон, переправлявший мертвых через Лету, встречал их в подземном мире, а местные проводники – амазонки, грифоны, аримаспы и их предводительница на коне. Варварские мифо-эпические предания об амазонках и аримаспах стали частью религиозных представлений боспорян» (Вдовиченко, 2008, 111). Однако следует задуматься о том, что амазонки на вазах вполне могли восприниматься населением Боспора в соответствии с греческой культурной традицией и в их греческой смысловой интерпретации. Как же воспринимались амазонки самими греками из метрополии, в том числе жителями Аттики – создателями и покупателями этих краснофигурных vaz?

Будучи достаточно распространенным персонажем уже в аттической черно- и краснофигурной вазописи VI века до н.э., амазонки в различных ситуациях становятся чрезвычайно популярной темой в античном, в частности – древнегреческом искусстве конца V и IV вв. до н.э. (см. подробнее: von Bothmer, 1957; Tyrell, 1984; Fornasier, 2007; Wünsche, 2008, 46-99; Boulogne, 2009; Lebedynsky, 2009; Franke-Penski, 2010; *Amazonen*, 2010, 36-95; Puritani, 2012; LIMC I, 1981, s.v. *Amazones*, LIMC VIII, Suppl. 2009, s.v. *Amazones*; Mayor, 2014; Russenberger, 2015, особенно 70–84 и 231–297).

На аттических чернофигурных вазах VI века до н.э. мы часто видим амазонок в сражении с Гераклом, которого легко узнать по атрибутам; сцена может представлять поединок (например: VAPD¹ 8104, 8144, 14527, 300539, 301277, 331248, 351332 и др.), могут также присутствовать дополнительные персонажи в виде амазонок, гоплитов и проч. (например: VAPD 425, 720, 735, 1113, 1162, 1572, 1730, 5998, 6144, 7001, 7063, 7164, 7444, 7499, 7992, 8877, 12439, 12477, 13055, 13712, 14227, 14758, 15000, 16558, 16817, 23663, 300780, 301998, 302091, 302230, 302894, 303275, 305511, 306457, 306530, 310044, 310045, 310060, 310122, 310131, 320046, 320047, 320048, 320177, 320295, 320305, 340474, 340500, 340501 и т.п.). На краснофигурных аттических вазах, помимо Геракла (например: VAPD 13715, 200068, 200145, 200521, 200522, 201703, 202877, 203248, 205305 и др.), амазонкам противостоит Тезей, один или со спутниками (например: VAPD 4854, 200513, 213547, 213658, 213874, 215581,

¹ Здесь и далее используются номера vaz Beazley Archive Pottery Database (<http://www.beazley.ox.ac.uk>), в базе приведены иллюстрации и библиография по каждой из указанных vaz.

Петракова А., Ягги О. Амазонки на аттических ...

216556, 216945 и др.). И в чернофигурной (например, ВАРД 303037, 9033067, 301681, 303038 и др.), и в краснофигурной (ВАРД 202488, 211565 и др.) вазописи ряд схваток героев с амазонками также может быть охарактеризован, как битва Ахилла и Пентесилеи. Имена персонажей, включая амазонок, могут быть написаны рядом, как, например, на краснофигурном кратере из Эрмитажа, датированном серединой V в. до н.э. и атрибутированным так называемому Мастеру Тезея (Передольская, 1967, кат. 195). Кроме того, в обоих видах вазописи мы неоднократно видим сцены амазономахии, в которых отсутствие надписей или специфических атрибутов не позволяет отождествить персонажей с конкретным греческим героем или конкретной амазонкой (некоторое количество имен амазонок известно нам по надписям на вазах и по дошедшим до нас античным текстам). Это могут быть изображения поединков или же группового противостояния амазонок и греков, как пеших, так и конных (например, в чернофигурной вазописи: ВАРД 1156, 6460, 6727, 11354, 11967, 16671, 17062, 301673, 302337, 302522, 302523, 302526, 302587, 302588, 302589, 302591, 302594, 303098, 303472, 305548, 306775, 310055, 350763, 350766, 350871 и др.; в краснофигурной: ВАРД 7489, 9071, 11182, 11808, 14076, 14850, 15112, 18655, 202328, 207096, 207122, 212449, 213262, 213436, 213541, 213604, 213604, 213608, 213642, 213762, 214140, 214152, 214556, 215180, 215562 и др.).

Уже в чернофигурной афинской вазописи VI-V веков до н.э. мы наблюдаем *разнообразие* в изображении амазонок, которое выражается в разных видах одежды (амазонки, одетые «по-восточному» и «по-гречески», зачастую оба вида представлены на одной и той же вазе – см., например: ВАРД 203248, 207122, 207626, 216987, 216988, 275091 и др.), элементах вооружения и доспехов, а также – *множестве контекстов*, в которых они предстают. Это не только ярко охарактеризованные битвы и поединки, в ходе которых противники пронзают друг друга копьями/мечами или целятся друг в друга, среди которых одним из наиболее выразительных, наверное, следует признать поединок в медальоне чаши так называемого Мастера Пентесилеи (ВАРД 211565). Это также могут быть амазонки, несущие тело погибшей подруги (ВАРД 7008, 15040, 303245, 306481, 352245 и др.), амазонки на колеснице (ВАРД 46983, 305504, 305557, 390401 и др.) или бегущие рядом с колесницей (распространенный мотив в декоре скифосов Группы СНС, см., например: ВАРД 6044, 15810, 17534, 46523, 46524, 46525, 306215, 306221, 306222, 306223, 306226, 306232, 306233, 306239, 306243, 306244, 306245, 352261, 9019222 и т.д.), амазонки, едущие на конях (ВАРД 70, 3056, 46526, 303556, 305335, 310538, 1010221, 9032015 и проч.), конные амазонки, рядом с которыми бегут собаки (ВАРД 6559, 9039, 11798, 14468, 16804, 24347, 301780, 302100, 302205, 302336, 306696, 390400, 9032064 и др.), амазонки, ведущие коней на поводу (ВАРД 2995, 3183, 6151, 303246, 305338, 305339, 305547, 306653, 351012, 351382, 390374 и проч.), спокойно передвигающиеся рядом конные и пешие амазонки (ВАРД 741, 1262, 302876, 306813, 330887, 902804 и др.), бегущие амазонки (ВАРД 1081, 303206, 305333, 305334, 9032700 и проч.), пешие амазонки, идущие со щитами (ВАРД 5035, 5904, 5991, 13986, 302390, 302392, 303219, 360897,

Боспорские исследования, вып. XXXV

390404 и проч.), вооружающиеся и надевающие доспехи амазонки (BAPD 10723, 12917, 16802, 303025, 306816, 361410 и др.), амазонки перед алтарем (BAPD 13307, 15346 и др.) и даже амазонки, дрессирующие коней, как, например, на чернофигурных амфорах из Эрмитажа (Горбунова, 1983, кат. 115) и Гамбурга (CVA Hamburg 1, S. 30-31, Taf. 20.1-2; обе вазы датированы концом VI–началом V вв. до н.э. и атрибутированы Мастеру Диосфоса), на скифосе из Бостона (инв.99.524, Mayor, 2014, 174, fig.11.1; BAPD 340236) и др. Также встречается амазонка, расположенная между сфинксами (BAPD 300844), сиренами (BAPD 300845), петухами (BAPD 310114) и в др. комбинациях. Амазонки, представленные с трогательным интересом к особенностям костюма и вооружения, часто украшают белофонные алабастры (Algrain, 2014), расписанные силуэтными и чернофигурными изображениями (BAPD 4703, 11679, 30308, 202811, 202825 и др.); на них нередко амазонки предстают рядом с пальмами, что, впрочем, также встречается и на чернофигурных, и на краснофигурных вазах (например, BAPD 45370 и др.).

В краснофигурной аттической вазописи VI–начала IV вв. до н.э. (а также на полихромных белофонных вазах, например, BAPD 215872) мы также видим пеших амазонок с оружием (BAPD 6203, 7144, 12514, 20184, 214227, 214364, 214365, 215974 и др.), вооружающихся и одевающих амазонок (BAPD 7006, 200013, 200170, 215962, 215972 и др.), конных (BAPD 7295, 10254, 16806, 200571, 202091, 214519, 214520 и проч.), стреляющих (BAPD 200088, 230185 и др.), с топориком (BAPD 200091, 200948, 202821 и др.), с луком и топориком (BAPD 207495, 207626, 215784 и др.), с круглым щитом или с пельтой и копьем (BAPD 2000444, 2000558, 215842 и др.), вооруженную амазонку с фиалой (BAPD 201828), амазонку со шкурой пантеры (BAPD 202820), амазонку перед алтарем (BAPD 207767), амазонку, ведущую коня (BAPD 214438, 216300 и др.).

В конце V и в IV вв. до н.э. к перечисленным выше сценам добавляются не только новые варианты амазомахий (среди которых следует отметить популярные и в аттической, и в южноиталийской вазописи сражения с грифонами), но и головы амазонок рядом с головами коней или грифонов в качестве вполне самостоятельного изобразительного мотива. Это могут быть (чаще всего – на пеликах) голова/протома амазонки и грифона, обращенные друг к другу (например: Ягги, Лазенкова 2012, кат. 63, 64, 80; BAPD 28771, 230326, 230331, 9033648 и др., особенно хочется отметить пелику BAPD 9021742, на которой представлена не голова грифона, а целый маленький грифон, жизнерадостно бегущий навстречу голове амазонки), головы/протомы грифона, амазонки и коня (слева направо), обращенные вправо (например: Ягги, Лазенкова, 2012, кат. 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77; BAPD 10323, 230318 и др.), головы грифона, амазонки, коня (справа налево), все обращенные влево (BAPD 4957, 230320, 9008362 и др.), головы амазонки и коня, обращенные вправо (например: Ягги, Лазенкова, 2012, кат. 78, 79; BAPD 11168, 230334, 2330479 и др.), головы амазонки и грифона, обращенные вправо (BAPD 11778, 230465, и др.), голова грифона вправо, а к нему обращены головы коня и амазонки (BAPD 230321 и др.), голова

Петракова А., Ягги О. Амазонки на аттических ...

амазонки меж двух голов грифонов (Шталь, 2000, кат. 105, 106; пелика из некрополя Тутуги, хранящаяся в Национальном археологическом музее в Мадриде – Cabrera Bonet, 1998, 344, Nr. 93; Olmos Romera, 1992, 75, fig. 31 и др.).

Следует заметить, что голова амазонки в качестве самостоятельного декоративного элемента (так же, как и многие другие сцены с участием амазонок) известна уже в чернофигурной афинской вазописи, например, одна такая голова украшает мастоид из Музея в Триесте (CVA, Trieste, Museo Civico 1, pl. 4.7,10; VAPD 8105). На краснофигурных аттических вазах (помимо пелик) голова амазонки также встречается на обычных (например: VAPD 12598) и арибаллических (например: VAPD 9770, 29960, 32035, 276066 и др.) лекифах, среди которых следует отметить лекифы, украшенные головой амазонки с расположенным рядом характерным топориком (например: VAPD 1452, 230171 и др.); на леканах (прекрасным примером может служить эрмитажная лекана инв. Б.3330, на которой представлены два раза амазонка в оплечном срезе, навстречу которой устремляется, подняв лапу, маленький грифон, или же лекана П.1842/43.2 с аналогичным декором) и асках (прекрасным примером может служить эрмитажный аск инв. Б.2261, на котором представлена амазонка в оплечном срезе, а на шею ей положил лапки маленький грифон, или аск из Национального музея в Варшаве инв. 198535, VAPD 14494), кратерах (VAPD 230477), в медальонах киликов (например, VAPD 231004 – протома амазонки).

При этом популярность амазонок в изобразительном искусстве V-IV вв. до н.э. отмечается не только на территории материковой Греции (особенно в аттической вазописи), но и на других территориях, к примеру, амазонки нередко являются персонажами южноиталийской вазописи, а у некоторых вазописцев их изображения входят в число любимых тем (см., например: Trendall, 1989, p. 24, 27, 57, 85, 172, figs. 27, 36, 50-51, 53-54, 80, 260; LIMC, s.v. Amazones Etruscae; Russenberger, 2015, 70–84, 231–297; прекрасными примерами являются также изображения амазонок на эрмитажных апулийских кратерах инв. Б.1715 и Б.1718). Кстати, это не только те виды амазонок, которые нам известны по аттической вазописи, но и разные «экзотические» варианты, вроде лепных головок амазонок, украшающих пестумский свадебный лебес из Национального археологического музея Испании (Trendall, 1987, no.2/186, pl.76; датирован ок. 340 г. до н.э.) или раскрашенных рельефных медальонов с конными амазонками, украшающих ручки апулийского кратера с волютами из Государственного Эрмитажа (инв. Б 586, датирован 375–350 гг. до н.э., атрибутирован Мастеру Разрушения Трои).

Однако следует отметить, что по сравнению с искусством VI-V веков до н.э. в конце V-го и в IV веке до н.э. изменяется *интерпретация* темы амазонок.

Как упоминалось выше, уже в вазописи VI-V вв. до н.э. амазонки нередко появляются вне контекста активных боевых действий, причем особенно любопытными являются прецеденты изображения амазонок на эпинетронах, изделиях, принадлежность которых к женскому миру не вызывает сомнений (Heinrich, 2006). Примером могут служить: эпинетрон из Афинского национального музея

Боспорские исследования, вып. XXXV

с вооружающимися амазонками (инв. 2184, Heinrich, 2006, Taf. 4.1-4); эпине-трон из Лувра (инв. MNC624; Heinrich, 2006, Taf.13.1-2), фрагмент эпинетрона из Археологического музея в Элевсине (инв. 907, Heinrich, 2006, Taf. 6.5, 7.1) и др.

В конце V и в IV вв. до н.э. амазонки часто появляются на вазах вместе с Дионисом и персонажами дионисийского круга (см., в частности: Jaeggi, 2012, 170) – прекрасным примером могут служить два аттических кратера IV в. до н.э. из Лувра (подробнее о них см.: Drougou, 1979, Nr. 2. 3; LIMC VIII s.v. Arimaspoi 39 и 40; Taf. 343–345 (X. Gorbounova); McPhee, 2000, Nr. A2. A3). На кратере инв. CA 229 (G 529) (Beazley, 1963, 1469 no 161; CVA Paris, Louvre 5, Pls.1-2.5-6.8, 8.2-3) в верхнем регистре на обеих сторонах изображены сражения с участием коней, грифонов, амазонок, мужчин в восточных одеждах, в нижнем регистре на одной стороне – Дионис, менада и два сатира, а на другой – две амазонки, атакующие грифона. На кратере инв. CA 228 (G 530) (Beazley, 1963, 1470 no 162; CVA Paris, Louvre 5, Pls.7.3-4.7.9, 8.1.4-8) изображены в нижнем регистре на одной стороне сидящий Дионис в окружении Эрота, менады и сатира, в нижнем регистре на другой стороне – конная амазонка, сражающаяся с грифонами, а в верхнем регистре на обеих сторонах – амазонки и грифоны, среди которых не только конные и пешие амазонки, представленные очень недвусмысленно: нападающими или обороняющимися, но и безоружные амазонки, позы и жесты которых сложно однозначно интерпретировать, ибо они больше напоминают танец или какой-то ритуальный жест, чем борьбу.

Еще одним примером сочетания сцены с амазонками с дионисийской сценой является луканская гидрия-кальпида последней трети V в. до н.э. из Национального археологического музея в Неаполе (инв. H.3241; LIMC I, Amazones 777; Trendall, 1967, 36, 137, Pl. 12, 3. 4; Trendall, 1983, 11): на плечиках представлены вполне мирные амазонки в восточных костюмах (у всех покрыта голова, длинные волосы, под одеждой просматриваются женские груди), в нижнем регистре представлен Дионис с менадами и сатирами.

Также примером может служить апулийский кратер с волютами, датированный 380–370 гг. до н.э. из Музея искусства и истории в Женеве (инв.15036; LIMC I, Amazones 376, Mainades (S) 43, ThesCRA: V. 2.b. Kultinstrumente 1446a), на котором на одной стороне представлена амазономахия, на другой – Дионис со свитой.

Подчеркну еще раз, что приведенные примеры происходят из разных центров вазового производства, находящихся на значительном расстоянии друг от друга: Атика, Лукания, Апулия. Кстати, сочетание амазонок на одной стороне и дионисийской сцены на другой нормально и для чернофигурной афинской вазописи VI – начала V веков до н.э. (например: BAPD 10725, 16646, 11691, 12083, 17085, 200048, 301749, 301771, 301858, 302243, 302276, 302304, 302953, 320259, 331247, 331306, 331990, 351131, 352182, 380851, 9004347, 9032010 и др.), и для краснофигурной (например: BAPD 204719, 211611, 211618, 218104 и др.). Кроме того, уже в чернофигурной вазописи амазонки прямо соседствуют с дионисийскими персонажами в пределах одного и того же изобразительного поля (например: BAPD 208, 5896,

Петракова А., Ягги О. Амазонки на аттических ...

8245, 306172 и др.), встречаются такие персонажи, как амазонка с головой сатира, в качестве эмблемы на щите (BAPD 19456), амазонка с копьем и виноградной лозой (BAPD 302393); среди ваз второй половины V в. до н.э. следует отметить двуликий канфар (вместилище образуют рельефные головы женщины и сатира), украшенный в своей краснофигурной части изображениями амазонок (BAPD 216975).

В росписях краснофигурных vaz конца V и IV вв. до н.э. амазонки появляются непосредственно среди спутников Диониса наряду с сатирами и менадами, причем эти амазонки изображены не воинственными, а танцующими, в том числе – с дионисийскими атрибутами. Примером может служить кратер из Мадрида (инв.11080, Metzger, 1951, pl. XVI,4; Giudice, Panvini, 2006, 135, fig.10a), два кратера из Аль-Мины (инв. 82 и 60, Metzger, 1951, pl. XXI,1 и 2) или кратер из музея Фогга (Metzger, 1951, pl. XX,2) – на них амазонки танцуют под звуки флейт, на которых играют менады и сатиры, на одном из них за этим наблюдают возлежащие симпосиасты во главе с Дионисом (рис.1, 2,3). В дионисийском контексте, в окружении менады с тимпаном, пантеры, оленя, Эрота, предстает и амазонка на происходящей из Пантикапея эрмитажной гидрии инв. П.1867.45, датированной 370-ми гг. до н.э. Помимо менад, одетых в традиционные для изображения в греческой вазописи хитоны, на гидрии есть «прекраснокудрявый» всадник-грек, у которого через левое плечо перекинут плащ, оставляющий открытой мужскую грудь. Его присутствие служит дополнительным аргументом в пользу того, чтобы идентифицировать конного персонажа в костюме с длинными рукавами и штанинами, с длинными волосами, покрытыми узорчатой шапкой, именно как амазонку. Амазонки и менады (рис. 4) также сопровождают восседающего на верблюде Диониса на арибаллическом лекифе инв. E 695 из Британского музея (Metzger, 1951, pl. XIX,1; Boardman, 2014, 17, fig. 7).

Кроме того, в аттической краснофигурной вазописи конца V и IV веков до н.э. амазонки появляются в качестве танцующих персонажей в ритуальных сценах на вазах, например, на пелике из Ялтинского музея (ЯКМ КП 498 А1-23; Шталь, 2000, кат. 38; Вдовиченко, Турова, 2006, кат. 58, рис. 5) и ее аналогии из собрания Государственного Эрмитажа (инв. П.1863.14²; рис. 6) – две амазонки представлены вместе с грифоном, причем руки у них подняты вверх, оружие отсутствует, все вместе это напоминает скорее процессию, чем сцену битвы (такой же элемент есть и на описанном выше луврском кратере инв. G 530). Аналогичным образом (с похожими жестами и позами) представлены на краснофигурных пеликах этого же времени танцующие сатиры и менады (например, на эрмитажной пелике инв. П.1905.56 – похожая трехфигурная композиция).

Танцующих амазонок мы видим и на итальянских вазах – например, на краснофигурном апулийском алабастре из Оксфорда (инв. 1945.55, Schneider-Hermann, 1979, pl. 43, fig. 1-2), где амазонка танцует с топориком в правой руке, пельтой и копьями

---

² Авторы благодарны хранителю пелики, старшему научному сотруднику Отдела античного мира Государственного Эрмитажа Д.Е. Чистову за разрешение опубликовать экспонат из его хранения.

Боспорские исследования, вып. XXXV

– в левой в окружении исключительно пышного растительного орнамента (рис. 7). Эту амазонку вполне можно сопоставить с фигурным лекифом в виде танцующей амазонки из Павловского кургана (Petraikova, 2012, fig. 6b) – позы и костюмы у персонажей похожи, разве что на алабастре из Оксфорда у амазонки также присутствуют крылья, еще больше подчеркивая фантастичность ее образа. Другая танцующая амазонка предстает в качестве центрального элемента, украшающего внутреннюю сторону апулийского блюда из частного собрания в Киле (Schneider-Hermann, 1979, pl. 43, fig. 3-4), на наружной стороне представлены женщины и Эрот. На этом блюде крылатая амазонка танцует с тимпаном или тамбурином в левой руке и с фимиагрием – в правой (рис. 8). Таким образом, если в примере с оксфордским алабастром оружие и щит могут наводить на мысль о некоем военном танце (Delavaud-Roux, 1993), то во втором случае атрибуты однозначно отсылают нас к дионисийскому кругу, как и на названных выше кратерах из Аль-Мины, музея Фогга, Мадрида. И первое, и второе изображения имеют четкую связь с производительными силами природы, ведь как атрибуты Диониса могут быть интерпретированы не только тамбурин или тимпан, но и пышные растительные орнаменты, символы вечно обновляющейся жизни (Horn.Hymn 7,37-42; Jucker, 1961, 201-202; Schauenburg, 1957, 198–220). В окружении пышной растительности, со шкурой пантеры поверх одежды и с пятнистой пантерой (атрибутом Диониса), бегущей рядом, представлена и амазонка на чаше из собрания Университета в Цюрихе инв. L 345 (рис. 9).

В аттической и италийской вазописи существуют разнообразные персонажи в восточных одеждах: это Парис, костюм которого зачастую похож на один из вариантов костюма амазонок (как было сказано выше, в другом варианте их представляют в облачении, аналогичном облачению греческих воинов, и оба варианта часто встречаются на одной и той же вазе). Будучи юным (т.е. безбородым), Парис четко идентифицируется именно благодаря контексту, когда узнаваема вся сцена целиком (как, например, на эрмитажных вазах из насыпи над склепом 48 пятого кургана Юз-Обы: ЮО-26, 27 и 28, Petraikova, 2012, fig. 3; см. также пелику инв. СА 2261 из Лувра, CVA Paris, Louvre 8, Pl.(529) 49.4-6, 8-9). Хорошим примером также является полихромная пелика из Малибу (Cohen, 2006, no 104), на которой представлены и Парис, и амазономахия. Кроме того, в «восточных» костюмах вазописцы изображали мужских персонажей, которых современные исследователи интерпретируют как «скифов», «варваров», «фракийцев» и проч., а также персов (в сценах, подобных представленным на эрмитажных лекифах Ксенофанта (Зм.3 и П.1837.2) или в работах италийского вазописца Мастера Дария, см.: Trendall, 1989, pl. 203, 201). Большинство из этих персонажей с бородами, как, например, на краснофигурной аттической ойнохое 410–400 гг. до н.э. из Гамбурга (инв.1983.280), что позволяет с уверенностью говорить об их принадлежности к мужскому полу, однако встречаются и безбородые, авторы публикаций затрудняются с идентификацией, используя обтекаемые формулировки, типа «воин в восточной одежде», не специфицируя пол или этническую принадлежность.

Исходя из вышесказанного, представляется необходимым подробнее остановиться на иконографических признаках именно амазонок. На упомянутом выше кратере из Лувра инв. G.530 (рис. 10) в одном и том же регистре в сражении с грифонами мы видим в костюмах одинакового типа: бородатого мужчину, безбородого персонажа с короткими волосами и длинноволосых персонажей с покрытой головой (у этих персонажей на груди вертикальные складки одежды или же складки вместе с узорами, так что сами груди под одеждой не просматриваются). Первые два вполне могут интерпретироваться, как это нередко делается в отечественной традиции, в качестве «аримаспов» или «варваров», однако длинноволосые персонажи с покрытой головой, несомненно, являются амазонками – не случайно один и тот же вазописец на одной и той же вазе дифференцирует персонажей. И именно такие персонажи изображены на упомянутых пеликах из Ялты и ее аналогии из Эрмитажа, (а также на вазах из Феодосии и Кабинета медалей в Париже, о которых речь пойдет ниже). Прекрасным примером краснофигурной росписи, в котором четко дифференцированы безбородый греческий воин, бородатый восточный мужчина и амазонки, является ойнохоя из Лувра (инв. G 571; BAPD), а также гораздо более ранний по времени создания килик оттуда же (инв. G 4; BAPD 201045) и др.

Прекрасным примером для подтверждения идеи может также служить мозаика с амазонками и грифонами на полу в андроне «Дома с мозаиками» в Эретрии (ок. 350 г. до н.э.; Ducrey, Metzger, Reber, 1993, особенно 85–96), раскапывавшемся Швейцарской археологической школой – в мозаике четко видны женские груди персонажей, которые в вазописи не всегда так хорошо просматриваются по причине наличия в верхней части костюма узора или складок (рис. 11). Грудь хорошо видна и у украшающих вазы рельефных амазонок, как, например, на упоминавшемся выше апулийском кратере из Эрмитажа, а также у амазонок фигурных сосудов: помимо эрмитажного фигурного лекифа в виде танцующей амазонки из Павловского кургана (Пав.10), следует также вспомнить найденный в одной из пирамид в Мероэ и датированный 440-ми гг. до н.э. ритон в виде конной амазонки с подписью Сотата из Музея изящных искусств в Бостоне (инв.21.286, Cohen, 2006, cat. 87). Кстати, прорисовка груди под одеждой не является обязательным элементом обозначения женщины – прекрасным примером может служить эрмитажная гидрия инв. Б.4550, на которой представлены конная амазонка и две бегущие женщины – у всех персонажей совершенно не обозначена грудь, тем не менее их пол сомнений не вызывает. Весьма интересен краснофигурный кратер из Лувра (рис. 12), на котором вместе представлены сатир, белый грифон и персонаж в восточных одеждах (который, может быть, трактован и как амазонка, но в данном случае это не очень понятно в силу чисто формальных особенностей исполнения росписи). Сатир и грифон не вызывают сомнений в их идентификации, они мирно движутся в контексте одной и той же процессии, подтверждая принадлежность представленных персонажей к дионисийскому кругу.

Помимо перечисленных примеров танцующих амазонок, всем известны широко распространенные пелики с головами амазонок. Как и упомянутые выше примеры

с танцующими амазонками в свите Диониса, они также представляют персонажей вне контекста сражения, но как прекрасных женщин с золотистыми волосами, нарядными головными уборами и с ювелирными украшениями (например, Ягги, 2012, кат. 63-64, 69-80). Причем, вопреки распространенному мнению, эти пелики с головами амазонок не производились в аттических керамических мастерских специально для покупателей из Северного Причерноморья – такие пелики были найдены в результате археологических раскопок почти по всей территории Восточного Средиземноморья, особенно на Эгейских островах (Крит, Санторин, Родос и проч.) (Langner, 2013); также находки ваз с амазонками имели место на территории Турции и, хотя пока в единственном экземпляре, – Испании (см., например: Jaeggi, 2012, 171).

Кстати сказать, пелики с головами амазонок прекрасно встают в один ряд с фигурными сосудами в виде женских голов, которые в Афинах делали еще в VI веке до н.э. (см., например: Schöne-Denkinger, 2016), и аттическими, а особенно – южно-италийскими (апулийскими, кампанскими, пестумскими) и сицилийскими вазами, где прелестная женская головка (особенно в IV в. до н.э.) является существенной частью декора или вообще занимает всю поверхность вазы (см., например: Trendall, 1989, pl. 225, 227.1-8, 237.1-9, 254.1-9, 280, 290, 298, 317.1-9, 338, 405.1-4, 414-417, 418, 434, 438, 446.1-8 и др.). Кстати, декоративным элементом бывает и голова амазонки среди растительных мотивов (например: Trendall, 1989, pl. 189, 248, 257 и др.). Точно так же встают в один ряд с более ранними черно- и краснофигурными изображениями сцены разнообразных амазономаний.

Дошедшие до нас благодаря античным текстам мифы об амазонках, безусловно, могут рассматриваться как явление в контексте мифов разных народов мира о некоем самостоятельно живущем племени женщин (см., например: Косвен, 1947; Косвен, 1948; Доватур, Каллистов, Шишов, 1982), однако в данном случае амазонки интересны нам именно с точки зрения античного мировоззрения. По-видимому, популярность амазонок в аттической вазописи и шире – в греческом искусстве обусловлена не только существованием различных мифологических историй с участием амазонок или же восприятием амазонок, как одной из разновидностей «восточных варваров». Как метко отметила С. Бланделл: «... it is difficult to avoid the conclusion that the Amazons were important to the Greeks, not simply as barbarians, but also as *women* [курсив наш – А.П., О.Я.]. Certainly in sculpture their female characteristics are frequently on show, with one breast left exposed, and the buttocks emphasized. These creatures who were so feminine in their physique were nevertheless masculine in their behavior, and this would have presented a paradox which Greek men would have found stimulating but also instructive. In the literary accounts the Amazons can be seen to represent an inversion of everything which a Greek male (in particular, an Athenian male) would have expected of a woman. They were active in the public arena; they were experts in warfare; they were in political control of the state in which they lived; they refused to marry; they were either asexual or sexually promiscuous; and they valued girl babies more highly than males. In late versions of the story, they also, in cutting off a breast, performed a symbolic denial of the characteristic role of women,

Петракова А., Ягги О. Амазонки на аттических ...

motherhood. Athenian men may well have found all these female assertiveness very sexy, but they certainly would not have wanted to recommend it to their own womenfolk. ...This fantasy of a horde of rampant women could be safely enjoyed because of cautionary nature of its ending: the Amazons were everything that an Athenian woman ought not to be, and ultimately they failed» (Blundell, 1995, 62). Многочисленные пелики с головами амазонок (не менее многочисленные, чем пелики с амазономахиями), в изображении которых уделено особое внимание длинным золотистым волосам, нарядным головным уборам и украшениям, вполне вписываются в эту концепцию.

Весьма любопытна в свете сказанного сценка на пелике из коллекции Окаяма в Японии (CVA Japan, Rotfigurige Vasen in Japanischen Sammlungen 1, 16-17, pl. 15.1-2; VARD 7225) – представлены по-гречески одетый юноша (возможно, Тезей, а может быть, и нет), сидящая амазонка в штанах и куртке и стоящая правее одетая по-гречески женщина; амазонка оказывается между греческим мужчиной и греческой женщиной (рис. 13). То есть можно сказать, что в каком-то смысле на этой вазе как раз визуализировано то, о чем рассуждает С. Бланделл: «The message of the myth for both males and females alike was that in civilised society women are passive, chaste and married. The alternative - behaving like an Amazon - was a mark of barbarism, and its consequences were disastrous... It would be interesting to know whether the Amazon myth was always 'correctly' decoded by the Athenian women who encountered it. It is possible that some of them would have found these assertive females inspiring, in spite of their failure. But of course we have no inkling of women's reactions. Presumably the role invented for the Amazons - that of vanquished barbarian invader - would have ensure that the majority of women subscribed to the prevailing view and rejected the warrior women's example» (Blundell, 1995, 62).

Как показывает статистика, примерно половина всех пелик с амазонками IV века до н.э. (имеется в виду статистика, основанная на тех вазах, точные данные о происхождении которых известны) была найдена в Пантикапее и окрестностях (Langner, 2013, 221–257; Langner, 2014, 103–133). Мартин Лангнер предлагает объяснять этот факт тем, что на вазы подобного типа в Пантикапее и окрестностях действительно был особый спрос, что становится особенно очевидным при исследовании так называемых акварельных пелик, которые стали замещать привозные аттические пелики к концу IV века до н.э. (амазономахия на акварельных пеликах встречается довольно часто). Он предполагает, что изображения амазонок были привлекательными, востребованными, возможно, потому, что они напоминали мифологические предания об амазонках, живших на территории Северного Причерноморья, или же о воинственных скифских (сарматских? савроматских) женщинах, воинственность которых подтверждается инвентарем в женских погребениях (о некоторых женских погребениях с оружием, которые авторы публикаций называют «погребениями амазонок», см., например: Вдовиченко, 2006; Fialko, 2010; Фиалко, 2012 и др.), который, помимо прочего, включал и оружие. Однако ни одна из этих пелик не была еще найдена в скифских или сарматских погребениях!

Тем не менее мысли о том, что изображения амазонок были привлекательны именно в силу знания мифов о них, находят подтверждения. Наиболее ярким примером является женское погребение из Павловского кургана, входящего в систему Юз-Оба (см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012): женский костяк в деревянном гробу, с бронзовым зеркалом и ювелирными украшениями среди которых – подвески в виде двух танцующих амазонок, на женщине, помимо золотых диадемы, ожерелья с подвесками, сережек, колец, была одежда с выполненным на ней изображением конной амазонки, а также кожаные сапоги. В погребальной камере также был обнаружен лекиф в форме танцующей амазонки (с четко обозначенными грудями), причем костюм амазонки, представляющей собой тулово лекифа, удивительным образом (в том числе и цветовыми сочетаниями, широкой каймой по подолу и проч.) напоминает костюм, в который была облачена погребенная. Аналогичным образом одета и конная амазонка, изображенная на одежде погребенной (подробнее об этом: Petrakova, 2012, 155-156) (рис. 14). Как расценивать такое погребение с «тематически подобранным» инвентарем? Следует ли видеть здесь самоотождествление погребенной женщины с амазонкой, разновидность фантазии, «ролевой игры», выраженной через одежду, ювелирные украшения, фигурный сосуд? Вместе с темой амазонки погребальный инвентарь в лице декора саркофага и покрывавшей его ткани с растительным орнаментом, ювелирных украшений, темы танцующей амазонки также вызывает и четкие ассоциации с дионисийской сферой; кроме того, в полихромных изображениях амазонок мы видим стремление мастеров, их создававших, окрашивать костюм амазонки в зеленый цвет – зеленого цвета одежда у амазонки-лекифа из Павловского кургана, зеленого цвета одежда у амазонки на костюме погребенной в кургане.

Предварительные заключения таковы: амазонки в греческом искусстве конца V – IV веков до н.э. принадлежат к мифологическому миру, миру фантастических представлений, в котором они появляются в различных контекстах – сражающимися с греками, сражающимися с грифонами, но в то же время – едущими верхом на грифонах, охотясь на оленей или других грифонов, как это происходит, например, на весьма необычной пелике из Феодосийского музея (Вдовиченко, 2008, рис. 45,3) и ее аналогии из Кабинета Медалей в Париже (Metzger, 1951, Pl. XLII,2) – на этих пеликах грифон одновременно является и «конем» амазонки, и «дичью» (рис. 15, 16). Причем если на этих пеликах амазонки скачут на грифонах свободно и с посадкой «по-мужски», на апулийском кратере из государственных музеев в Берлине, датированном 350–325 гг. до н.э. и атрибутированном Любекскому мастеру (инв. 1984.42, Lang, 2015, 192, Abb.5), на морде грифона четко видна упряжь, а амазонка сидит по-женски, свесив ноги на одну сторону (рис. 17). Весьма интересной представляется также пелика из собрания Государственного Эрмитажа (инв. Б.9024), на которой изображена колесница с запряженными в нее двумя грифонами (похожие композиции встречаются и в варианте с колесницей, запряженной конями, как, например: Шталь, 2000, кат. 211, 212 и др.). Колесницей управляет персонаж без головного убора, но

Петракова А., Ягги О. Амазонки на аттических ...

в длинном хитоне, закрывающем тело, за исключением рук и шеи. Хотя голова персонажа не покрыта, а наклон фигуры делает сложным суждение о наличии женской груди, костюм персонажа скорее вызывает ассоциации с женским костюмом (о сложностях различения женских и мужских персонажей и роли костюма в этом см., например: Петракова, 2015). И, наконец, следует упомянуть датированную 360–340-ми гг. до н.э. пестумскую чашу из частного собрания в Японии (Trendall, 1987, по 2/239, pl. 88), на которой на грифоне едет сам Дионис (Ил. 18).

Названные пелики из Ялты и Феодосии, а также многочисленные пелики (и менее многочисленные леканы, аски, кратеры) с головами амазонок (особенно в сочетании амазонка и грифон) показывают, что взаимоотношения между конями, грифонами и амазонками не являются в представлении создателей и покупателей афинских краснофигурных ваз раз и навсегда определенными и зафиксированными – они могут изменяться в разных контекстах. Грифоны выступают не только в качестве врагов амазонок, но и в качестве компаньонов, и даже «коней» амазонок. То есть эти персонажи появляются на вазах не в контексте какого-либо конкретного мифа, а как некие аллюзии, отсылающие к экзотическим землям или сферам (например, сферам, связанным с Дионисом). Если в аттической вазописи VI-V вв. до н.э. мы часто встречаем амазонок, сражающихся против Геракла, Тезея или каких-то других конкретных греческих героев, то в IV в. до н.э. такие сцены являются скорее редкостью в сравнении с многочисленными сценами, не отсылающими нас к конкретному месту, времени, мифу.

Кстати, о связи амазонок не только с Артемидой (например: Plin. Nat. Hist. III,4,53; Каллимах. Hymn. III, К Артемиде), но и с Дионисом (например: Paus.VII, ii, 6-8; Strabo, XI,5,505; XII,3,550; Plutarch, Quest. Gr.56) свидетельствуют и античные тексты. В некоторых даже прямо говорится об амазонках, как о последователях Диониса (Diod. Sic. III,71,4; Tacit, Ann. III,61); мы можем говорить о слиянии культов Артемиды и Диониса – следствие религиозного синкретизма и того, что оба они имеют отношение к природным силам (подробнее см.: Schneider-Herrmann, 1970; см. также: Buccino, 2013; Boardman, 2014), и амазонках, пребывающих в свите обоих богов.

Таким образом, в целом эти амазонки выражают дионисийскую атмосферу, которая прекрасно подходит к погребальному контексту, однако кратеры и пелики, украшенные такими изображениями, также использовались и в повседневной жизни. В конце концов, не все вазы с амазонками были найдены в погребениях, они также были найдены и в жилом контексте. Однако в Северном Причерноморье такие вазы найдены только в греческих городах или в пределах Боспорского царства, но не в скифских или сарматских погребениях, таким образом, часто высказываемые ассоциации со скифскими традициями и религией (Великая богиня и проч.) должны быть пересмотрены. Причем это не исключает существования случаев самоидентификации с амазонками на уровне индивидуальном, персональном, как в случае с упомянутым погребением, или же наличия в некоторых городах/поселениях специальных культов, связанных с амазонками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Античные государства Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.-Л., 1955.
- Вдовиченко И.И.* Амазонка из степного Крыма // Историческое наследие Крыма. 2006. № 14.
- Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы из крымских музеев. Материалы по археологии Крыма. Симферополь, 2003.
- Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь, 2008.
- Вдовиченко И.И., Турова Н.П.* Античные расписные вазы из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Симферополь-Керчь, 2006.
- Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I: История изучения и топография // Боспорские исследования. Supplementum 9. Киев, 2012.
- Горбунова К.С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1983.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишов И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Кобылина М.* Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. Вып. 19. С. 136–170.
- Косвен М.О.* Матриархат. История проблемы. М.-Л., 1948.
- Косвен М.О.* Амазонки. История легенды // Советская этнография. 1947. № 2. С. 33–59.
- Косвен М.О.* Амазонки. История легенды // Советская этнография. 1947. № 3. С. 3–32.
- Передольская А.А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1967.
- Петракова А.Е.* Юноша в чепчике на аттическом килике из собрания Эрмитажа. К вопросу об интерпретации изображения // ТГЭ. 2015. Вып. LXVIII. Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга (02.03.1893-27.06.1972) 2008–2010. СПб, 2015. С. 159–179.
- Скржинская М.* Черты киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII–VI вв. до н.э. // ВДИ. 1986. № 4.
- Соколов Г.И.* Искусство Боспорского царства. М., 1999.
- Фиалко Е.Е.* Погребение амазонки в долине реки молочной // Археологія і давня історія України. 2012. Вип. 8. С. 43–49.
- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики IV века до н.э., керченский стиль). М., 2000.
- Ягги О. при участии Лазенковой Л.* Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция расписной керамики. Аттические краснофигурные вазы. IV в. до н.э. Киев, 2012.
- Ягги О.* Аттическая краснофигурная керамика в Северном Причерноморье: особенности распространения, восприятия, использования // Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.) XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 564–572.

REFERENCES

- Algrain I.* L'alabastre attique. Origine, forme et usages. Brussels, 2014.
- Amazonen: geheimnisvolle Kriegerinnen.* München, 2010.
- Beazley J.D.* Attic Red-figure Vase-painters, 2nd ed. Oxford, 1963.
- Blundell S.* Women in Ancient Greece. Harvard, 1995.
- Boardman J.* The triumph of Dionysos, Convivial processions, from antiquity to the present day. Oxford, 2014.
- Buccino L.* Dionysos trionfatore, Percorsi e interpretazione del mito del trionfo indiano nelle fonti e nell'iconografia antiche. Rome, 2013.
- Boulogne J., Devauchelle D., Hecquet M.* (eds), Amazones et Déesses guerrières. Lille, 2009.
- von Bothmer D.* Amazons in Greek Art. Oxford, 1957.
- Cabrera Bonet P. (ed.).* Los griegos en España: tras las huellas de Heracles. Madrid, 1998.
- Cohen B. (ed.).* The Colors of Clay: Special Techniques in Athenian Vases. Exhibition Catalogue. Los Angeles, 2006.
- Delavaud-Roux M.-H.,* Les Danses Armées en Grèce Antique. Aix-en-Provence, 1993.
- Ducrey P., Metzger I., Reber K.* Le quartier de la Maison aux mosaïques, Eretria, fouilles et recherches VIII. Lausanne, 1993.
- Drougou S.* Ein neuer Krater aus Athen. Die Gruppe «Falaieff» // Archäologischer Anzeiger. 1979. Heft 3. S. 265–282.

Петракова А., Ягги О. Амазонки на аттических ...

- Fialko E.E.* Skythische 'Amazonen' in den Nordschwarzmeesteppen // Amazonen. geheimnisvolle Kriegerinnen. München, 2010. S. 119–122.
- Fless F.* Rotfigurige Keramik als Handelsware. Erwerb und Gebrauch attischer Vasen im mediterranen und pontischen Raum während des 4. Jhs. v. Chr. Rahden, 2002.
- Fornasier J. (ed.)* Amazonen, Frauen, Kämpferinnen und Städtegründerinnen. Mainz, 2007.
- Franke-Penski U. (ed. et al.)* Amazonen – Kriegerische Frauen. Würzburg, 2010.
- Giudice F., Panvini R. (eds.)* Il greco, il barbaro e la ceramica attica, Immaginario del diverso, processi di scambio e autorappresentazione degli indigeni, Volume terzo, Atti del Convegno Internazionale di Studi, 14-19 maggio 2001, Catania, Caltanissetta, Gela, Camarina, Vittoria, Siracusa. Rome, 2006.
- Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Exhibition Catalogue. Los Angeles, 2007.
- Heinrich F.* Das Epinetron, Aspekte der weiblichen Lebenswelt im Spiegel eines Arbeitsgeräts. Rahden, 2006.
- Jaeggi O.* Attische Vasen des 4. Jhs. aus Kerč und Umgebung: Fragen zu Gebrauch, Verteilung und Rezeption // Beihefte zum CVA Deutschland (Hrsg. P. Zanker), Band V, Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli. München, 2012. S. 165–176.
- Jucker H.* Das Bildnis im Blätterkelch. Lausanne, 1961.
- Lang J.* Ornamentale Grenzfälle: zur Semantik pflanzlichen Dekors in der unteritalischen Vasenmalerei // Lang-Auingner C., Trinkl E. (Hrsg.). Pflanzen und Tiere auf griechische Vasen, Akten des internationalen Symposiums an der Universität Graz, 26.-28. September 2013. CVA, Österreich, Beiheft 2. Wien, 2015. S. 189–199.
- Langner M.* Amazonen auf Kertscher Vasen // Schubert C., Weiss A. (Hrsg.) Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte, Beiträge zur Altertumskunde 310. Göttingen, 2013. S. 221–257.
- Langner M.* Amazonen als Einwanderer. Ursprung, Konstruktion und Dekonstruktion mythischer Verwandtschaft in Athen und Ephesos // Renger A.-B., Toral-Niehoff I. (Hrsg.). Genealogie und Migrationsmythen im antiken Mittelmeerraum und auf der Arabischen Halbinsel. Berlin, 2014. S. 103–133.
- Lebedynsky I.* Les Amazones, Myth et réalité des femmes guerrières chez les anciens nomades de la steppe. Paris, 2009.
- LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.* Vol. I-VIII. Zürich, München. 1981-1997.
- Mayor A.* The Amazons. Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton and Oxford, 2014.
- McPhee I.* Falaieff Bell-Kraters from Ancient Corinth // Hesperia. 2000. Vol. 69. P. 453 – 486.
- Metzger H.* Les représentations dans la céramique attique du IVe siècle. Paris, 1951.
- Olmos Romera R. (ed.)* La sociedad ibérica a través de su imagen. Madrid, 1992.
- Petrakova A.* Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // Beihefte zum CVA Deutschland (Hrsg. P. Zanker), Band V, Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli. München, 2012. S. 151–163.
- Puritani L.* Amazonen in Etrurien. Zur Rezeption attischer Vasenbilder am Beispiel einer Hydria des Polygnotos // Beihefte zum CVA Deutschland (Hrsg. P. Zanker), Band V, Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli. München, 2012. S. 103–112.
- Russenberger C.* Der Tod und die Mädchen. Amazonen auf römischen Sarkophagen. Berlin, 2015.
- Schauenburg K.* Zur Symbolik unteritalischer Rankenmotive // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung 64 (1957). S. 198–221.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin, 1934.
- Schöne-Denkinger A.* Koroplasten – Töpfer – Maler. Zur Produktion attischer Kopfgefäße und Rhyta // Eschbach N. Schmidt S. (Hrsg.), TÖPFER – MALER – WERKSTATT. Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion. München, 2016. S. 107–117.
- Schneider-Hermann G.* Das Geheimnis der Artemis in Etrurien // Antike Kunst 13. Jahrg., Doppelnummer (1970). S. 52–70.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Schneider-Hermann G.* The Dance of the Amazons // Cambitoglou A. (ed.), *Studies in Honour of Arthur Dale Trendall*. Sydney, 1979. P. 171–175.
- Schubert C., Weiss A. (Hrsg.)*. *Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte, Beiträge zur Altertumskunde 310*. Göttingen, 2013.
- Trendall A.D.* *The Red-figured Vases of Lucania, Campania and Sicily*. 2 vols. Oxford, 1967.
- Trendall A.D.* *The Red-figured Vases of Lucania, Campania and Sicily. Third Supplement*. London, 1983.
- Trendall A.D.* *The Red-Figured Vases of Paestum*. Rome, 1987.
- Trendall A.D.* *Red-figure vases of South Italy and Sicily*. London, 1989.
- Tyrell W.B.* *Amazons: A Study in Athenian Mythmaking*. Baltimore, 1984.
- Wünsche R. (ed.)*. *Starke Frauen: Staatliche Antikensammlungen München*. München, 2008. S. 46–99.

Резюме

В статье рассмотрены изображения amazonek в произведениях краснофигурной аттической вазопиcи из раскопок на территории Северного Причерноморья в контексте аттической и южноиталийской вазопиcи VI–IV вв. до н.э. и античного искусства в целом. Особое внимание уделено изображениям танцующих amazonek и amazonek, мирно взаимодействующих с грифонами, т.е. amazonek, представленных не в связи с какими-либо мифами о противостоянии греческим героям, а в связи с их ассоциацией с культом Диониса.

Ключевые слова: Боспор, Северное Причерноморье, amazonek, чернофигурные аттические вазы, краснофигурные аттические вазы, южноиталийские вазы, пелики с amazonekami, amazonek и грифоны, amazonek и Дионис, танцующие amazonek, крылатые amazonek

Summary

The article deals with the depictions of Amazons on the red-figured vases from the excavations of the Northern Black Sea Area. These vases are set into the context of Athenian and South Italian vase-painting of the period from the 6th to the 4th century BC and into a wider context of the art of the Classical Antiquity. A peculiar attention is paid to the depictions of dancing Amazons and the Amazons in peaceful intercourse with griffins, i.e. to the Amazons, which are presented not in context of a certain battle with a certain Greek hero, but in the connection with the Dionysian world and cult.

Key words: Bosphorus, the Northern Black Sea Area, Amazons, black-figure Athenian vases, red-figure Athenian vases, South Italian vases, pelikae with Amazons, Amazons and griffins, Amazons and Dionysus, dancing Amazons, winged Amazons

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петракова Анна Евгеньевна,
доктор искусствоведения, доцент,
Государственный Эрмитаж, Отдел античного мира,
старший научный сотрудник,
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrakova Anna, Dr.Hab.
The State Hermitage Museum,
The Department of Ancient Greece and Rome, senior scientist,
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

Рис. 1. Краснофигурный аттический кратер инв. 11080 (Мадрид, Национальный археологический музей), воспроизводится по публикации: Metzger, 1951, pl. XVI,4.

Рис. 2. Два краснофигурных аттических кратера из Аль-Мины инв. 82 и 60, воспроизводятся по публикации: Metzger, 1951, pl. XXI,1 и 2.

Рис. 3. Краснофигурный аттический кратер из музея Фогга, воспроизводится по публикации: Metzger, 1951, pl. XX,2.

Рис. 4. Краснофигурный аттический арибаллический лекиф инв. Е 695 (Лондон, Британский музей), воспроизводится по публикации: Metzger, 1951, pl. XIX,1.

Рис. 5. Краснофигурная аттическая пелика инв. ЯМК КП-498 А1-23 (Ялтинский историко-литературный музей). Фото и развертка – О. Ягги.

Рис. 6. Краснофигурная аттическая пелика инв. П.1863.14 (СПБ, ГЭ). Фотография А.Е. Петраковой.

Рис. 7. Краснофигурный апулийский алабастр (фрагмент) инв. 1945.55 (Оксфорд, Ашмолеан музей), воспроизводится по публикации: Schneider-Hermann, 1979, pl. 43, fig. 1.

Рис. 8. Краснофигурная апулийская чаша из частного собрания в Киле, воспроизводится по публикации: Schneider-Hermann, 1979, pl. 43, fig. 3.

Рис. 9. Краснофигурная апулийская чаша инв. L 345 (Цюрих. Археологическое собрание университета), воспроизводится по музейной открытке.

Рис. 10. Фрагмент краснофигурного кратера G 530 (Париж, Лувр), воспроизводится по изданию: LIMC VIII (1997) Taf. 344-345.

Рис. 11. Фрагмент мозаики из андрона «Дома с мозаиками» в Эретрии, воспроизводится по публикации: Ducrey, Metzger, Reber, 1993, Pl. III,3.

Рис. 12. Краснофигурный аттический кратер из экспозиции в Лувре, прорисовка А. Петраковой.

Рис. 13. Краснофигурная аттическая пелика из коллекции Окаяма в Японии, воспроизводится по публикации: CVA Japan, Rotfigurige Vasenin Japanischen Sammlungen 1, 16-17, pl. 15.1.

Рис. 14. Фрагмент ткани (Пав.14, ГЭ) и фигурный лекиф (Пав.10, ГЭ) из Павловского кургана, воспроизводится по изданию: Petrakova, 2012, fig.6a-b.

Рис. 15. Краснофигурная аттическая пелика инв. А-12783 (Феодосийский музей древностей). Фото и развертка – О. Ягги.

Рис. 16. Краснофигурная аттическая пелика из Кабинета Медалей в Париже, воспроизводится по публикации: Metzger, 1951, pl. XLII, 2.

Рис. 17. Фрагмент краснофигурного апулийского кратера инв. 1984.42 (государственные музеи в Берлине), воспроизводится по публикации: Lang, 2015, 192, Abb.5.

Рис. 18. Краснофигурная пестумская чаша из частного собрания в Японии, воспроизводится по публикации: Trendall, 1987, no 2/239, pl. 88.

С.Ю. САПРЫКИН
S.Yu. SAPRYKIN

ЭЛЛИНИЗМ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ HELLENISM IN THE BLACK SEA LITTORAL

Греческие города-государства, основанные в Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации, оказали большое влияние на местные племена, населявшие обширные пространства этого региона. Отношения между ними установились довольно рано – варварское окружение было втянуто в торговые контакты, принимало участие в важнейших политических событиях, нередко между эллинами и варварами вспыхивали военные конфликты. Взаимоотношения эллинской и варварской цивилизаций на берегах Черного моря отличались рядом общих признаков и закономерностей. Задача данной статьи – это попытка понять, каким образом термин «эллинизм» подходит для причерноморских реалий и в чем его отличие от «эллинизации» и «варваризации» – двух главных особенностей социокультурной и политико-экономической жизни в причерноморской ойкумене в эпоху античности.

Термин «эллинизм» был введен И. Дройзеном, который понимал под ним установление эллинского господства на Востоке и распространение культуры среди негреческих народов в результате смешения греческих и восточных элементов при доминирующей роли эллинов. Это была прогрессивная тенденция в развитии античного общества, так как после завоеваний Александра Македонского на основе греческой культуры сложилось единство различных народов Восточного Средиземноморья и Передней Азии [Дройзен, 1890, т. 1, с. 228; т. 2, с. 265, 362, 384-385, т. 3, с. 321–328]. После И. Дройзена хронологические рамки эллинизма определяли от смерти Александра в 323 г. до н.э. и до 30 г. до н.э., когда птолемеевский Египет вошел в состав Римской империи. Важным вкладом И. Дройзена в разработку проблемы эллинизма было выведение на передний план политической истории и духовной культуры как основы для смешения цивилизаций Греции и Востока. Другой германский ученый Б. Нисе в основу изучения эллинистической истории положил исключительно политическую ее составляющую, считая монархическое правление в греко-македонском мире важнейшей чертой эллинизма как явления в мировой истории [Niese, 1893–1903]. По мнению В. Тарна, на протяжении трех столетий эллинизма греческая культура – язык койне, философия, наука, литература, государственная организация в виде полисов – распространилась далеко за пределы Эллады. Эллинизм, в его представлении, прошел две фазы развития – расцвет и упадок, когда Восток воспротивился распространению эллинской цивилизации, а Рим постепенно поглотил

греко-македонские царства и сам стал проводником греческой культуры на Востоке [Тарн, 1949, с. 20]. При культурологическом подходе к пониманию эллинизма на первое место выводят распространение культуры как основы греческой экспансии на Восток. Поэтому понятия «эллинская цивилизация» и «эллинизм» в представлениях его адептов нередко совпадали [Croiset, 1922, р. 47; 1932, р. 249; Roussel, 1928, р. 347]. При этом проникновение греческой культуры как основы эллинской цивилизации связывается с политической экспансией греков и монархическим правлением. «Эллинизм» и «эллинизация» считались тождественными понятиями, так как распространение греческой культуры на Востоке происходило при содействии эллинистических монархий [Grousset, 1921, 40–59]. Позднее посредником в культурном воздействии на варваров стали рассматривать греческие полисы, возникшие на Востоке после завоеваний Александра [Jouguet, 1937, р. 424–456; Номо, 1950, р. 291].

Другая группа исследователей воспринимала эллинизм как смешение культур, но на первое место ставила социально-экономические отношения. При этом экономика эллинизма, по их мнению, находилась в кризисе и упадке в отличие от культуры и политики [Toutain, 1928, р. 108–216; Cohen, 1934, р. 13]. Один из крупнейших сторонников такого подхода М.И. Ростовцев рассматривал эллинизм как явление социально-экономического порядка, находящегося в процессе развития «в мире, созданном завоеванием Востока Александром» и на более широкой территории, охватывавшей почти всю древнюю ойкумену, включая причерноморский регион [Rostovtzeff, 1941, vol. 1-3]. После его работ понятие «эллинизм» стало распространяться и на территории, не затронутые греко-македонским завоеванием [Petit, 1965, р. 8-30; Lévêque, 1969, р. 62–88]. На передний план выводились идеи о колониальной экспансии греков, слиянии господствующего слоя греко-македонцев и туземной аристократии, которая эксплуатировала земледельческое население. При этом эллинистическая цивилизация традиционно истолковывалась как культурно-исторический феномен [Bengtson, 1968; Пети, Ларонд, 2004, с. 45–140], основу которого составляли монархические институты, полисы, союзы полисов и т.п. [Heinen, 2003, s. 56–88].

Тем не менее социально-экономический подход к проблеме эллинизма приобретал все большую популярность. П. Бриан, развивая тезис об эллинизме как «колонизации» Востока греками, положил в его основу формы зависимости сельского населения от греко-македонян. По его мнению, это было продолжением той системы, которая сложилась на Востоке при персидском господстве [Briant, 1982, р. 230–262]. Постепенно исследователи, подходившие к изучению эллинизма как социально-экономическому явлению, наметили ряд его отличительных особенностей – наличие царской земельной собственности, сочетаемой с сохранением общинного землевладения и собственностью храмов, развитие урбанизации и возникновение полисов, владения которых были опосредованы верховной собственностью царя на землю, появление военно-земледельческих колоний-катоикий на царской земле [Ранович, 1947, с. 30–38; Launey, 1949, р. 3-5; Zawadzki, 1952/3, р. 83–96; Дьяконов, 1961, с. 166–168; Свенцицкая, 1963, с. 37–45; Bar-Kochva, 1976, р. 20–33; Kreissig,

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

1978, s. 46–104; 1983, s. 301–314; Cohen, 1978, 2–50; Кошеленко, 1979, с. 222–265]. Сложившаяся социально-экономическая структура породила соответствующую политическую форму власти – эллинистическую монархию, государство эллинистического типа с элементами македонского государственного управления и чертами восточной деспотии.

В отечественной историографии всеобъемлющая характеристика эллинизма дана в работах К.К. Зельина. Она сводится к следующему: эллинизм – это конкретно-историческое явление, этап в развитии античного общества, для которого характерно «взаимодействие эллинских и местных начал (главным образом, восточных) в области экономического строя, социальных и политических отношений в идеологии и культуре... Социально-экономическое содержание периода эллинизма является результатом развития не только греческого общества, но и развития многих, преимущественно восточных стран древности» [Зельин, 1955, с. 99–108; 1955а, с. 145–156; Кошеленко, 1990, с. 12]. Образование эллинистических государств стало возможным в результате греко-македонского завоевания Востока. Поэтому эллинизм как этап в развитии античного общества характерен главным образом для Востока после распада державы Александра Македонского [Дройзен, 1890–1893; Тарн, 1949, с. 23 сл.; Ранович, 1950, с.10 сл.; Will, 1966-1967]. Если исходить из такого определения, то эллинизм, по нашему мнению, следует рассматривать как социально-экономическое явление, связанное с развитием экономики. Только на экономической основе создавались предпосылки для широкого взаимодействия и взаимовлияния греческих и восточных (варварских, туземных) элементов в области социально-политических отношений, культуры, идеологии, государственного строительства. В рамках эллинизма как конкретно-исторического явления более широкую форму получила «эллинизация», хотя напрямую она с эллинизмом не связана – это элемент культуры, свойственный различным эпохам [Will, Mossé, Goukowsky, 1975, p. 337–341]. Однако поскольку эллинизм характеризуется взаимовлиянием местного и эллинского от экономики и политики до культуры [Розовский, 1994, с. 22–28; Фролов, 1982, с. 3], то культурологическая его сторона подразумевает процесс, развивавшийся в двух направлениях – от греков к варварам, т.е. эллинизацию, и от варваров к грекам, т.е. варваризацию. Весь вопрос в том, в какую эпоху и в какой мере оба эти процесса были наиболее активными.

Большинство концепций дает определение эллинистической цивилизации как сложившейся в результате греко-македонского завоевания Востока. Однако эллинизм не ограничивался Передним Востоком и Средней Азией. Причерноморский регион, не затронутый завоеваниями Александра Македонского, также развивался в эпоху эллинизма. Эллинистический период там имел ряд особенностей и отличался определенным своеобразием, а в некоторых чертах приобрел совершенно иной характер, нежели в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке.

В отечественной историографии проблема взаимовлияния греческой и варварской культур в Северном Причерноморье ставилась довольно активно. По мнению

М.И. Ростовцева, взаимодействие эллинских, скифских, синдо-меотских и сарматских традиций привело к тому, что в крупнейших государствах этого региона – на Боспоре, в Ольвии, Херсонесе греческий образ жизни подвергался значительному варварскому (иранскому) влиянию. Греки рано наладили отношения со скифами, в результате часть скифской аристократии приобщилась к греческим обычаям и даже выбирала греческие полисы для проживания. С приходом в III в. до н.э. сарматов взаимодействие эллинских и иранских традиций активизировалось еще сильнее [Ростовцев, 1918, с. 33–121; Rostovtzeff, 1922, p. 61 ff.]. С.А. Жебелев, опираясь на предложенную Ростовцевым концепцию, пришел к выводу, что активное взаимодействие греческого и туземного населения на Боспоре превратило его в типичное греко-скифское, а затем греко-сарматское государство. По его мнению, элементы эллинистической государственности сложились в начале IV в. до н.э. при Спартокидах, что поставило его в один ряд с эллинистическими царствами Пергамом, Вифинией, Каппадокией, Арменией, Понтом [Жебелев, 1953, с.158]. Эти положения в дальнейшем разрабатывались советскими исследователями. Одна их группа отстаивала идею о сильном воздействии греков на скифов и сарматов [Хазанов, Шкурко, 1978, с. 72–80], другая, преуменьшая греческое влияние на местные племена, выдвигала тезис, что скифы, синды, меоты и сарматы играли ведущую роль в материальной и духовной культуре античных государств Северного Причерноморья, главным образом, в Боспорском царстве. По мнению сторонников этого направления, религия, культы, погребальный обряд, идеология и духовная культура испытывали сильное воздействие местного населения, что ярчайшим образом проявилось на примере отдельных памятников культуры и искусства [Гайдукевич, Капошина, 1951, с.162–187; Иванова, 1951, с.188–203; Книпович, 1955, с.178–187].

Споры среди исследователей концентрировались преимущественно вокруг эллинизации и варваризации античных северочерноморских государств, при этом социально-экономические и социально-политические отношения рассматривались со второстепенных позиций. Поэтому на повестку дня встал вопрос, каким образом эти проблемы эллинизма могут сочетаться с процессами эллинизации и варваризации. Для ответа на него В. Д. Блаватский выдвинул так называемую концепцию «протоэллинизма». Согласно ее положениям, к началу IV в. до н.э. античные центры на Боспоре и отчасти в других регионах Причерноморья переросли полисные рамки и превратились в большие территориальные государства, напоминавшие эллинистические царства. Основу этого процесса составляло тесное взаимодействие эллинского образа жизни, форм и институтов власти с общинными традициями варваров, в результате чего греческая верхушка полисов начала сливаться с местной знатью. Это усиливало эллинизацию и содействовало проникновению эллинской культуры в варварскую среду. Благодаря взаимному влиянию греческих и местных традиций в экономике, политике, культуре, т.е. более чем за полвека до периода, который мы называем эллинистическим, в Северном Причерноморье сложились предпосылки для образования настоящих эллинистических государств, а кое-где, как на Боспоре, та-

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

кие государства появились и активно функционировали [Блаватский, 1985, с. 95–132; Сокольский, 1955, с. 199–204; 1961, с. 123–136; Сокольский, Шелов, 1959, с. 61]. Легко убедиться, что основные постулаты данной концепции перекликаются с предложением М.И. Ростовцева и С.А. Жебелева считать античные государства в Северном Причерноморье греко-варварскими.

Протоэллинизм на Боспоре иногда сближают с Карией и другими малоазийскими государственными образованиями под властью местных династий. Однако правление Мавсола в Галикарнассе являлось по сути тиранией, а другие мелкие малоазийские династии имели мало общего с греко-македонскими монархиями и Боспором, так как полисные структуры до времени Александра и диадохов у них практически отсутствовали. Что касается Пергама, где эллинистическая государственность сложилась на основе одного полиса, то это происходило в условиях господства в Передней Азии греко-македонян и сохранения местных анатолийских традиций, ранее подкрепленных персидским воздействием. Противоречия в аргументации сторонников концепции протоэллинизма побудили Э.Д. Фролова предложить замену понятия «протоэллинизм» на «предэллинизм». Сравнивая процессы социально-экономического и социально-политического развития античных центров Причерноморья и Сицилийской державы Дионисия Старшего и Дионисия Младшего, он сделал вывод, что в этих государствах имел место переход «от ограниченного узкими рамками города и ближайшей сельской округи автономного полиса к государству державно-территориального типа». Эти государства сохраняли полисную основу, но включали обширные анклавные территории местного населения, что делало их близкими эллинистическим монархиям. Для них было свойственно сосуществование полисов и монархической формы правления, что являлось характерной чертой эллинистических царств [Фролов, 1982а, с. 93–96; 1996, с. 56–58; Высокий, 1996, с. 136]. Опираясь на эти положения, некоторые исследователи называют полисные центры типа Ольвии и Херсонеса периода расцвета в IV – первой половине III вв. до н.э. «территориальными» образованиями, которые перешагнули полисные рамки и перешли в разряд государств, контролировавших обширную округу, населенную и обрабатываемую варварами. Это возвело их в разряд государств эллинистического типа, не потому что в их рамках происходило смешение культуры греков и варваров, а вследствие включения полисов в эллинистические монархии в качестве их составной части [Зубарь, Сон, 2007, с. 116]. Налицо новая путаница и подмена понятий. С одной стороны, сочетание греческой и варварской культур в рамках полиса и хоры действительно не может доказывать их превращение в эллинистические государства, поэтому точнее будет констатировать, что полисы просто существовали в эпоху эллинизма. С другой стороны, включение причерноморских полисов в состав эллинистических монархий не могло иметь место в IV – III вв. до н.э., так как это произошло позднее. Следовательно, они никак не могли превратиться в государства эллинистического типа.

Концепция «предэллинизма», но под несколько иным углом зрения, активно от-

стаивается в работах И.Е. Сурикова. По его мнению, данный термин отражает изменение психологического климата в греческих полисах, которые не были затронуты греко-македонским завоеванием и, в отличие от государств Востока, не подверглись греко-варварскому синтезу. Он считает, что предэллинизм на Востоке вряд ли возможен, он зародился на Западе, поскольку в эллинских государствах полисного типа, прежде гордившихся понятием «гражданин», усилились тенденции восхвалять и даже почитать носителей единоличной власти, включая боспорских тиранов Спартокидов. Предэллинизм – это социально-психологический феномен на определенном этапе исторического развития полиса, когда среди бывших граждан нарождается новая мораль почитать монарха и считать себя его подданными [Суриков, 2015, с. 19 сл.; 2016, с. 64 сл.].

Предлагаемый подход правомерен как социологический, скорее даже как морально-психологический, в рамках общей хронологии (т.е. это время, предшествующее эллинизму), но совершенно неправомерен для объяснения понятия «эллинизм» и «(прото-), или предэллинизм» как конкретно-исторического явления, в основе которого лежали социально-экономические и политические отношения. Изменение социальной психологии греков в IV в. до н.э. в сторону почитания правителей-единодержцев вызвано кризисными явлениями в полисе и никак не определяет сущности понятия «предэллинизм». Социальная психология – плоть от плоти социально-экономических отношений, которые в Греции и на Боспоре оставались полисными. Что до понятий «эллинистическая Македония» и «эллинистическая Греция», где сохранялись полисные традиции и не было никакого синтеза греческого и восточного (варварского) начал, то здесь картина сложнее. В Македонии формирование царской земельной собственности как основы эллинистических социально-экономических отношений началось со времени Филиппа II и продолжалось при Александре и диадохах. В декретах из Кассандрии в Македонии говорится о предоставлении царями македонцев Кассандром и Лисимахом земли в наследственное владение на территории подвластных им городов, при этом в ряде случаев на основании того, что земля была ранее дана еще Филиппом II [Syll.³, 332; Dareste, Haussoullier, Reinach, 1898, p. 136, 137; J. et L. Robert, 1967, p. 651; Hatzopoulos, 1988, p. 17-36]. В царском декрете Александра, принятом в ответ на посольство от города Филиппы, говорится, что жители этого города могут обрабатывать принадлежавшую им неводеланную землю, как это было установлено при Филиппе II, и должны платить дополнительный налог, а фракийцам, проживавшим на хоре Филипп или по соседству, также разрешалось обрабатывать землю и пользоваться урожаем, что было решено еще Филиппом II; при этом устанавливались границы владений землей Филиппами и фракийцами, о чем также распорядился Филипп II [SEG 1984. 34. 664; Missitzis, 1985, p. 3–14]. Землю могли давать или дарить и крупные вельможи, получившие ее от царей, в частности от Александра [Syll.³, 302; Guarducci, 1974, p. 310–312]. Это свидетельствует о царском землевладении в Македонии, когда полисные формы земельной собственности соседствовали с новыми эллинистическими традициями, которые вызревали

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

на местной почве и испытывали определенное влияние Востока после создания империи Александра и государств диадохов. Греческие полисы Балканской Греции признали господство Македонии, признавали власть македонских царей и их ставленников, приняли у себя македонские гарнизоны и превратились в арену междоусобной борьбы диадохов за власть. Полисная Эллада, сохраняя традиционный уклад, по сути стала частью Македонской монархии, так что термин «эллинистическая Греция» является своеобразным дополнением к понятию «эллинистическая Македония».

Теория протоэллинизма (=предэллинизма) получила убедительную долю критики. Ее противники утверждают, что ситуация на Боспоре в первой половине – последней четверти IV в. до н.э. являлась проявлением его развития в конкретно-исторических условиях и не подпадала под понятие «эллинизм». Боспор развивался не как монархия, а как государство, основу которого составляли эллинские полисы и полисные традиции. В V в. до н.э. во главе Боспора встали тираны, ограничившие автономию полисов. В результате греческая часть жителей перестала быть их опорой, поэтому началось мирное присоединение варварской периферии. Вследствие этого греки и варвары оказались в равном положении как подданные тиранов [Шелов-Коведяев, 1985, с. 182–186; 1985а, с. 320–333]. Критика основных положений концепции протоэллинизма была продолжена в работах последующих исследователей [Завойкин, 2001, с.158 сл.; 2007, с. 219–243; Габелко, 2009, с.174].

Аргументы противников концепции протоэллинизма (предэллинизма) в целом справедливы, но не совсем точны в важных деталях. Вызывает закономерное недоумение утверждение, что греческие причерноморские полисы, особенно Боспорское государство IV–II вв. до н.э., являлись эллинистическими государственными образованиями территориального типа. Нам уже не раз приходилось указывать, что методологически совершенно неправомочно оперировать термином «территориальное государство» ни в «полисном» ни в «монархическом» смысле, ибо никогда и нигде не бывает внетерриториальных государств – любое государство всегда подразумевает определенную территорию, иначе его просто не будет [Сапрыкин, 2003, с. 25, прим. 56]. Крайне спорен тезис, будто в результате установления тирании Спартокиды лишились поддержки греческой части населения Боспора, переставшей быть их социальной опорой. Это способствовало расширению их господства на варварской периферии и привело к равноправию греков и местного населения в рамках социально-политической структуры Боспорского государства. Против этого свидетельствует тот факт, что греческая тирания в своей политике против знати всегда опиралась на средние слои горожан, мелких и средних землевладельцев, малоимущих граждан [Forrest, 1966, s.182–190]. На спартокидовском Боспоре расцвет торговли и ремесленного производства был невозможен без поддержки тирании Спартокидов со стороны ремесленников, торговцев, средних слоев, равно как и граждан, владевших земельной собственностью. В одной из стратегем Полиена говорится о гражданах, поддержавших денежную реформу Левкона II, так как они не

потеряли доходы. Другая стратегема о Левконе I свидетельствует, что после подавления заговора против него торгово-ремесленные круги вернули занятые у них деньги и стали надежной опорой этого правителя [Polyaen VI. 9.1-2].

Вопрос о равноправии греков и варваров на Боспоре также спорен. Боспорские правители вступали либо в союзные отношения с соседними варварами, либо подчиняли их земли [Diod. XX. 22] – последнее уже подразумевает неравноправие боспорских греков и варваров. После победы над братьями за престол Евмел собрал на экклесию (народное собрание) граждан – политов Пантикапея и восстановил прежний образ правления, т.е. расширил права гражданской общины Пантикапея, урезанные тиранами, оставил за ними беспощинность в торговле [Diod. XX. 24]. Диодор и его источник подразумевают исключительно эллинов – граждан Пантикапея, так как упоминаются предки жителей города, а о варварах в составе гражданской общины Пантикапея речи не идет. В другом сообщении Диодора говорится, что правивший до Евмела брат его Сатир никому из своих подданных – ни рабу, ни свободному – не позволял иметь такое имя [Diod. XX. 26]. В этом случае «свободные», явно эллины, противопоставляются «рабам», среди которых могли быть и негреки. В самом титуле боспорских тиранов – «архонты Боспора и Феодосии, царствующие над синдами, меотами, торетами, пессаами, дарданами и т.д.» [КБН 6, 6а, 8, 1037, 1038, 1111]¹ – заложено противопоставление форм правления городами-полисами и варварской периферией. Это может означать, что в спартокидовском государстве, особенно в эллинских полисах, равноправия греков и варваров не было.

Сицилийскую державу Дионисия и Гераклею Понтийскую в эпоху тирании действительно иногда считают воплощением протоэллинистических традиций, ссылаясь на установление режима личной власти и включение в их состав обширных анклавов местных племен. При этом отношения, сложившиеся в этих государствах, переносят на Боспор [Виноградов, 1983, с. 413сл.; Фролов, 1996, с. 54–56]. Однако на самом деле Гераклея и Сиракузы – это полисные государства с обширной хорой, населенной зависимым и полузависимым земледельческим населением. Мариандины, сельскохозяйственное население хоры Гераклеи Понтийской, платили форос в виде части урожая всей ее гражданской общине. Они были завоеваны гераклеотами и потому были принуждены возделывать принадлежавшие им аграрные угодья, являвшиеся частью полисной хоры [Garlan, 1982, p. 117; Сапрыкин, 1986, с. 32–34]. Сельскохозяйственное население хоры греческих полисов – паройки, ойкеты, георги, пенесты (Фессалия), клароты (Крит), илоты (Спарта) и т.п. – вне зависимости от степени его закабаления коллективом граждан и характера отношений с полисным коллективом являлось частью полисной структуры, ибо собственность на землю –

¹ Наречение Левкона I сначала просто пантикапейцем [КБН 37], затем архонтом Боспора и Феодосии [КБН 111], а впоследствии полным титулом с указанием на царствование над синдо-меотскими племенами демонстрирует изначально заложенное противопоставление в системе управления греческими городами и их хорой и прикубанскими племенными территориями.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

основа экономики любого города-государства, оставалась полисной [Lotze, 1959, 77; Нейхардт, 1968, с. 143; Фролов, 1981, с. 27–30]. Коллективное землевладение в рамках полиса, подпитывавшее его гражданский коллектив, опосредовало индивидуальную собственность каждого гражданина полиса, составляя имущественный ценз для вовлечения его в коллектив граждан и стимулируя к гражданско-политической активности на его же благо. Расцвет Гераклеи Понтийской как полисного государства пришелся на конец V – вторую половину III вв. до н.э., когда ее хора достигла наибольшей протяженности. Установившаяся в Гераклее тирания стала результатом развития полисных отношений, поэтому в социально-политическом плане это было конкретно-историческим явлением полисного характера. Принятие тиранами Гераклеи царской титулатуры в 306 г. до н.э. не изменило сущности их тиранического режима [Birstein, 1976, 50-56; Сапрыкин, 1986, с. 101–123; Bittner, 1998, s. 60suiv.]. Власть – явление надстроечное, базирующееся на социально-экономических отношениях, которые в государствах типа Гераклеи Понтийской всегда оставались полисными. Поэтому какой бы титул тираны ни приняли, их власть все равно останется тиранической. Гераклею Понтийскую, соседнюю Синопу, Херсонес Таврический, Ольвию или какой-либо другой причерноморский полис с обширной сельской округой, полузависимым, зависимым или вообще свободным местным населением нельзя относить к государствам эллинистического типа, так как их социально-экономическая и политическая структура оставалась полисной. Она определялась полисной формой собственности на землю, когда индивидуально-семейная собственность гражданина была опосредована коллективной собственностью полиса даже в условиях тиранического правления. При этом полисная форма собственности опосредовала общинно-племенную собственность варваров, проживавших на хоре полиса. Тиран мог иметь обширные земельные участки, распоряжаться доходами от урожая и коммерческой деятельности, но это была его собственность в рамках полисной структуры, обусловленная его главенствующим положением в полисной государственно-правовой иерархии. В сообщении Плутарха о свержении ок. 437 г. до н.э. в Синопе тирании Тимесилея говорится, что афиняне вывели туда клерухию, жители которой вместе с гражданами Синопы поделили дома и землю, прежде занимаемую тиранами [Plut. Per. XX. 1-2]. Это свидетельство недвусмысленно показывает, что недвижимость синопских тиранов находилась в их собственности, точнее, в их владении, но была опосредована собственностью коллектива гражданской общины полиса. Иначе граждане Синопы и афинские клерухи не получили бы возможности разделить это имущество между собой [Сапрыкин, 1984, с. 93].

Тиран не был и не мог быть верховным собственником земли, так как в противном случае его власть перерастала полисные рамки. Тирания же всегда зарождалась, действовала и свержалась исключительно в полисах, даже если тиран завоевывал и присоединял соседние территории [Berve, 1967, s. 315–323]. Эти территории попадали под власть полиса, которую олицетворяла тирания. Общинная собственность варваров, обитавших на хоре в деревнях – комах или аграх, даже индивидуальная

собственность отдельной семьи в рамках этих общин все равно подчинялась полису, ибо полисный коллектив владел всей землей в городе-государстве (полисе), что вынуждало варварские анклавные посылать часть урожая полисным властям, действовавшим от имени всей греческой гражданской общины [Leroche, 1973, p. 21–31].

Туземное население, проживавшее в полисе и на хоре, в разной степени испытывало воздействие эллинской культуры. Этот процесс называется эллинизацией, осуществляемой полисом, а не эллинистическим государством монархического типа. В отличие от тирании в греческих полисах в государствах эпохи эллинизма обретение царского титула напрямую связано с царским землевладением. Эллинизация в таких государствах проводилась путем вовлечения местных общин и племен в структуру царского землевладения, независимо от того, были они приписаны к полисам, храмам или царским вельможам. Царь на Востоке – верховный собственник земли, поэтому царская юрисдикция распространялась на все эти категории населения и институты. Правители эпохи эллинизма становились абсолютными монархами вследствие завоеваний, дарений и даже завещаний со стороны других царей или племенных вождей, что давало наследственные права на владения и власть [Тарн, 1949, с. 133]. Греко-македоняне сохранили на Востоке систему царского землевладения, которая распространялась на основанные ими военные колонии – катойкии и полисы [Finley, 1973, p. 70; Кошеленко, 1979, с. 229–231; Kreissig, 1983, p. 313]. Их обитатели сохраняли эллинские традиции, поэтому местное население на царских (и общинных) землях приобщалось к греческому языку, культуре, образованности, науке, т.е. подвергалось эллинизации в более широком масштабе. «Варваризация» и «эллинизация» – это понятия этнокультурные, которые в конкретные исторические эпохи зависели от социально-экономических, политических, культурных, идеологических, духовных и социально-психологических традиций. Они свойственны полисам до эллинизма, они же вписались в новые отношения, сложившиеся в эллинистический период. Как правило, это результат урбанизации, т.е. создания городов с полисной структурой на территории расселения варварских племен².

Выше говорилось, что эллинизм как конкретно-историческое явление имеет несколько основных признаков. При характеристике государства как эллинистического надо исходить из того, что эллинизм – это этап развития, а не этап кризиса античного общества. При эллинизме эллинские и местные традиции тесно переплетались в экономике, социальном и политическом строе, идеологии и культуре, на их основе формировалась царская земельная собственность. При этом общинное землевладение и собственность храмов сохранялись, возникали военно-хозяйственные поселения-катойкии на царской земле, старые полисы развивались параллельно с созданием новых и все они подчинялись царю – верховному собственнику земли в государстве. В политической сфере установилась монархическая форма правления

² Эллинизация местного населения активно осуществлялась в результате приписывания общинной земли греко-македонским колониям и полисам [Bikerman, 1938, p. 84; Cohen, 1978, p. 27].

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

как следствие существования царской земельной собственности, а в культурно-идеологической области господствовало право царя на власть над подданными, которое обосновывалось религиозной политикой династии и жречества [Billows, 1995, p. 136-138; Schuler, 1998, s. 171]. Все эти явления содействовали выходу античного общества Древней Греции из тупика, который был вызван кризисом полисных отношений. Если на Боспоре, где, по мнению некоторых исследователей, уже в первой половине–середине IV в. до н.э. было создано государство эллинистического типа, то в означенное время черты эллинизма должны были бы отчетливо там проявляться. Однако на спартокидовском Боспоре картина была совершенно иная.

В V – II вв. до н.э. Боспор представлял собой государство полисного типа, сформировавшееся при тирании Спартокидов, пришедших к власти в Пантикапее после свержения олигархии Археанактидов. Благодаря подчинению соседних эллинских городов Спартокидам удалось создать союз – симмахию полисов во главе с Пантикапеем [Колобова, 1953, с. 56–59; Сапрыкин, 2003, с. 24–26; Завойкин, 2013, с. 407–414]. В его рамках хора греческих полисов, особенно Пантикапея, расширилась, в нее началось вкрапление варварских анклавов. Помимо Пантикапея, этот процесс коснулся Фанагории, Нимфея, Гермонассы, чуть позднее Феодосии и даже так называемых «малых» городов Боспора [Масленников, 1996, с. 66; 1998, с. 46–66; 2004, с.5 сл.; 2007, с. 206; Сапрыкин, 2006, с.190–198]. Распространение власти Спартокидов на прикубанские племена, когда пантикапейские тираны – архонты стали называть себя «царями» синдо-меотов, не изменило сущности их правления как полисного, тиранического, так как эти племена были поставлены в коллективную зависимость от «Боспора» – союза полисных общин, возглавляемых тиранами Пантикапея. На Боспоре в тот период не было предпосылок для формирования эллинистических отношений, свойственных государствам эпохи эллинизма. Политика Спартокидов была направлена на укрепление союза полисных государств, основу которого составляла полисная форма собственности на землю каждого из его членов. Полисная основа правления Спартокидов нашла отражение в их титулатуре – «архонты Боспора и Феодосии». Архонтат Боспора и Феодосии – это не общее обозначение власти, а отражение ее характера как архонтской³, что подчеркивается названием территории, на которую она распространяется. Топоним «Боспор» относится к полисам, вошедшим в симмахию городов-государств по берегам пролива Боспор Киммерийский и обладавшим хорой [Сапрыкин, 2003, с. 27, 28; Завойкин, 2013, с. 417-433]. При этом Пантикапей, где зародилась боспорская тирания, имел наиболее протяженную аграрную округу в Восточном Крыму.

Подъем экономики и торговли в V – первой четверти III вв. до н.э. притягивал к Пантикапею скифское население, а на Азиатском Боспоре – синдо-меотов, издревле поддерживавших отношения с Фанагорией, Гермонассой, Кепами и особенно с

³ На это указывает архонтский титул боспорских правителей Гиgienонта и Асандра на их монетах в более позднее время [Анохин, 1986, с. 142, № 148–150; с. 146, 147, № 221–225].

Синдской Гаванью, впоследствии получившей название Горгиппия. Туземная знать была заинтересована в продукции греческих ремесленников, предметах торевтики и ювелирного дела, распределении доходов от торговли зерном, которое поступало в города от оседлого земледельческого населения. Это толкало местное население, очевидно, скифское, к оседлости на хоре полисов [Яковенко, 1970, с. 413; Ольховский, Храпунов, 1990, с. 46–51; Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 191], особенно Пантикапея, и превращало его в земледельческое, проживавшее в деревнях-комах и платившее форос в виде урожая зерновых тому же Пантикапею, а конкретнее – тиранам Спартокидам [Кругликова, 1975, с. 53–58; Масленников, 1998, с. 76–88; 2007, с. 206]. На Азиатском Боспоре этот процесс протекал быстрее, ибо синдо-меотское население было оседлым и установило отношения с греками с раннего времени [Завойкин, 2013а, с. 164–169]. Знатная верхушка скифских племен все чаще выбирала греческие города для своего пребывания, что подтверждается курганными погребениями в окрестностях крупнейших полисов [Храпунов, 1995, с. 40–44; Виноградов, 2001, с. 83]. Включение в Боспорское государство варварской периферии и появление варварского населения на полисной хоре не меняли характер земельных отношений. Фактически на Боспоре местное население втягивалось в полисную структуру социально-экономических и политических отношений, как это происходило в Гераклее Понтийской, Синопе, Амисе, Истрии, Каллатисе, Херсонесе Таврическом, Ольвии и др. Там не было царской земельной собственности, полисы пользовались автономией (на Боспоре, правда, она была лимитирована почти неограниченной властью пантикапейских тиранов), владели хорой с более мелкими подчиненными им городами со своей аграрной округой, а также зависимым или полузависимым аграрным населением варварского или смешанного типа. Господство над подвластной территорией поддерживалось с помощью полисных наместников-магистратов, например, гармостов в Синопе [Xen. Anab. V. 5. 19; Максимова, 1956, с. 76] и эпимелетов на Боспоре [Isocr. Tetr. 3; Polyae. VI. 9. 3], а также созданием коллективных усадеб и укрепленных поселений вроде клерухий на полисной, а не на царской земле. На основе полисной системы осуществлялась эллинизация местного населения, в меньшей степени варваризация греков в городах и на хоре. Поэтому причерноморские государства V – первой половины III вв. до н. э. не имеют ничего общего с монархиями эллинистического Востока и сравнивать их неправомерно.

Протоэллинизм, или предэллинизм в Причерноморье не имеет исторической конкретики. Основой социально-экономического развития античных государств там выступали полисные отношения. К Боспору он вообще не относится, так как не отражает превращение союза боспорских полисов в государство, структурно напоминавшее эллинистические царства Переднего Востока. Прото- или предэллинизм условно можно рассматривать как временной отрезок и отчасти как явление социально-психологического порядка. В разных регионах он проявлялся по-разному, но всегда вне социально-экономического контекста, свойственного «эллинизму» как конкретно-историческому явлению. Понятие «предэллинизм» больше подходит

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

для отрезка времени, предшествовавшего эллинистическому периоду в Балканской Греции и частично в Малой Азии, где уже после окончания Пелопонесской войны начинают проявляться элементы кризиса полисной системы. В Причерноморье, напротив, этот период характеризуется подъемом экономики, основанной на укреплении полисных отношений.

К началу III в. до н.э. Пантикапей обладал «ближней» и «дальней» хорой, где оседлые скифские земледельцы-комиты возделывали зерновые. Собственную хору сохраняли Нимфей, Фанагория, Феодосия. На монетном рынке Боспора господствовал чекан Пантикапея и его тиранов, называвших себя царями, поскольку доходы от торговли зерном стекались в столицу Боспора. Однако наступивший в начале III в. до н.э. экономический кризис, вызванный давлением сарматов и переселением сатархов, привел к перераспределению земельного фонда, но полисные формы землевладения сохранялись. На хоре Пантикапея и других городов появились укрепленные поселения и крепости, призванные обеспечить более жесткий контроль за сельской периферией. Крупные укрепленные поселения III-II вв. до н.э. являлись центрами округов, куда свозили продукцию с окрестных земель, которые находились под их контролем. Часть скифского земледельческого населения покинула Восточный Крым или переселилась в укрепленные поселения по побережью [Масленников, 1989, с. 66–78; 1998, с. 89; 2007, с. 206–208]. На Азиатском Боспоре структура землевладения полисного характера в виде сельских поселений и усадеб, сложившаяся в IV в. до н.э., в этот период существенно не изменилась [Гарбузов, Завойкин, 2014, с. 200–202]. В это время, точнее, с первой четверти III в. до н.э., на монетах и в надписях Спартокидов стали именовать царями. Это, однако, не меняло сущности их тиранической власти, которая по-прежнему опиралась на полисные социальные и экономические отношения. Принятие царского титула стало лишь данью политической моде по примеру других тиранических режимов, например, в Сиракузах и Гераклее Понтийской. Это повышало статус правителей и укрепляло их позиции в международных и внутренних делах, особенно когда появились новые эллинистические царства, властители которых в 308 г. до н.э. провозгласили себя царями [Сапрыкин, 2003, с. 28]. Полисные формы государственной власти не изменились и сохранялись на Боспоре до конца II в. до н.э., доказательством чего являются монеты архонта Гиgienонта [Молев, 1994, с. 9–14]. Попытки некоторых исследователей трактовать изменения в структуре хоры в Восточном Крыму как эволюцию земельных отношений от полисного землевладения к царской земельной собственности и объяснять это невозможностью контроля одним полисом – Пантикапеем – столь обширных земель и крупных поселений не представляются убедительными [Масленников, 2001, 181; 2007, с. 205; 2010–2015]⁴. В Древней Греции было два типа городов – города без территорий и города с обширной аграрной округой, экономика которых основывалась на сельском хозяйстве [Martin, 1973, p. 99]. К последнему типу,

⁴ Критику этих положений см. Saprykin, 2001, p. 654; 2006, p. 272–281; Соломатина, 2013, с. 218–222.

Боспорские исследования, вып. XXXV

безусловно, принадлежит Херсонес Таврический, на полисной хоре которого в III – первой половине II вв. до н.э. происходили процессы укрупнения городищ и усадеб [Saprykin, 1997, p. 193–203]. На дальней хоре Фасоса (Фасосская пирея) и Родоса (Родосская пирея) на материке, а также в Карию (Галикарнасс) и Ликию в эпоху эллинизма крупные городища и укрепления выступали оплотом власти полисных государств [Pimouguet, 1994, p. 243–271; Karlsson, 1994, p. 141–153; Konecny, 1994, p. 315–326; Marksteiner, 1994, p. 299–314; ср. ASM IX 1993, S. 53–96]. Поэтому, принимая во внимание господство Пантикапея в Восточном Крыму по крайней мере с V в. до н.э., можно с большой долей вероятности допустить, что реорганизация поселений и усадеб в Восточной Таврике в первой половине III в. до н.э. происходила на хоре этого крупнейшего полисного центра Боспора.

Усилившееся к концу II в. до н.э. давление сарматов на Боспорское государство, требование дани, упадок экономики и торговли, сокращение количества сельских поселений и усадеб, их массовое захирение и гибель вместе с резким снижением урожайности зерновых вызвали кризис полисных отношений. Аналогичные сложности переживали Херсонес Таврический и Ольвия, испытывавшие серьезные катаклизмы в социально-политической жизни, усиленные наступлением на их владения крымских скифов. На Боспоре это привело к ослаблению тиранической власти Спартокидов и политической нестабильности. Выходом из катастрофической ситуации стала добровольная передача власти Митридату Евпатору в 109–107 гг. до н.э. Перисадом V, что превратило Боспор (вместе с Колхидой, Пафлагонией, Малой Арменией, Каппадокией Понтийской) в наследственный домен понтийского царя, «усыновленного» последним Спартокидом. Уния с Боспором, присоединение Тиры, Ольвии и Херсонеса Таврического к Понтийскому царству дали толчок возрождению торговли, усилению межпонтийских связей, что ускорило преодоление экономического и политического кризиса [Сапрыкин, 1996, с. 132–151, 166–186].

В структуре Понтийского государства Боспор рассматривался как источник аграрной продукции и налогов, поставщик людских ресурсов для войска. В самом Понтийском государстве со времени его создания в начале III в. до н.э. существовала царская собственность на землю, унаследованная от Персидского царства Ахеменидов. Задачей его правителей было добиться расширения наследственных доменов в Анатолии и подчинить прибрежные эллинские полисы, чтобы получить доступ к причерноморской торговле для получения доходов от сбыта продукции, выращиваемой на их хоре и на плодородных равнинах Пафлагонии и Понтийской Каппадокии. Ко второй половине II в. до н.э. большинство греческих городов на Южном побережье Черного моря было включено в структуру Понтийского государства. Ко времени прихода к власти Митридата Евпатора и особенно в конце столетия началось укрупнение царского землевладения путем создания военно-хозяйственных поселений, превращения крупнейших катойкий в полисы и включения в состав царства греческих городов. Это усилило царское землевладение на обширной территории, объявленной родовой и наследственной вотчиной понтийских монархов. Для

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

установления господства в Малой Азии и на Черном море Митридату Евпатору было крайне необходимо объединить владения в Анатолии и в причерноморской зоне, чтобы поднять экономику – основу могущества Понтийской державы в предстоящих войнах с Римом.

Поначалу, как только Митридат расширил власть в Северном Причерноморье, он сохранил и в ряде случаев восстановил полисное землевладение, предоставив крупнейшим полисам некоторые права политики и автономии, которые не имели даже полисные центры в Каппадокии Понтийской и Пафлагонии. Херсонес, Ольвия, Пантикапей, Фанагория, Горгиппия сохранили органы полисного управления и право чеканить монету, в том числе из серебра, что было крайне необычно для Понта. Однако превращение Боспора в наследственный домен Митридата VI, который как бы наследовал власть благодаря усыновлению последним представителем династии Спартокидов (аналогичная практика использовалась в Пафлагонии, Колхиде и Малой Армении для включения их в состав Понтийского государства) и потому назначал туда в качестве наместников своих сыновей, изменило характер земельных отношений. В 80–75 гг. до н.э. полисные владения были ограничены и царь на правах верховного собственника земли и наследственного правителя приступил к укреплению царского землевладения для контроля над полисами, отношения с которыми ухудшились после поражения в Первой войне с Римом. Поскольку основное количество хлеба поступало в Понт с варварской периферии, царь ограничил посредничество городов в торговле зерном и пошел на прямые контакты с варварской верхушкой для усиления экономических и политических позиций. Одновременно он начал привлекать на службу варваров и наемников из других областей Понта, в результате чего некоторые города, например, Фанагория, были вынуждены включить их в состав гражданских коллективов [Vinogradov, Wöhrle, 1992, S. 159-170]. В русле этой политики представители варварского окружения Боспора и даже выходцы из других областей, союзных Митридату, оседали на создаваемой царской хоре в качестве военно-хозяйственных поселенцев. Они осуществляли контроль за греческими городами с целью противодействовать их попыткам отпасть от Понта. Царское землевладение, укреплявшееся за счет строительства укреплений и фортов под надзором митридатовых наместников [Сапрыкин, Maslennikov, 1996, p. 1–14; Масленников, 2007, с. 211], должно было повысить рентабельность сельского хозяйства, вернуть Боспор в разряд ведущих производителей зерновых, упорядочить сбор налогов [Сапрыкин, 1996, с. 266–290; 1997, с. 200; 2003, с. 30; Сапрыкин, 2006, p. 281–283; 2004, p. 207]. Для строительства и функционирования царских укреплений привлекались новые группы варваров и воинов для охраны хоры, небольших аграрных владений городов и их границ. Вовлечение сарматов, сармато-меотов, скифов, дандариев и даже фракийцев в эти процессы способствовало эллинизации, усиливало царские воинские контингенты и ужесточало контроль правящей династии за всеми сферами жизни боспорских греков и варваров.

Опора на Херсонес, Ольвию, расширение на Боспоре царского землевладения,

Боспорские исследования, вып. XXXV

распространявшегося на греческие полисы, создание царских крепостей типа катойкий, градостроительство путем превращения некоторых из них в городские центры (Евпаторий в Крыму, Махара на Северном Кавказе), эллинизация варварских поселенцев на царской хоре – все это происходило в соответствии с основными признаками эллинизма [Сапрыкин, 2007, р. 309–317]. В результате со второй четверти I в. до н.э. Боспор стал развиваться по классическим канонам становления государств эллинистического мира. На смену тирании и полисному строю Спартокидов, не выдержавших кризиса полисных устоев, пришла новая структура власти [Виноградов Ю.Г., 1988, с. 16, 17; Сапрыкин, 2008, с. 229–234]. Она представляла собой наследственное правление в «родовом» царском домене, сформировавшемся на базе царского землевладения и провозглашения царя верховным собственником земли. Как следствие, на Боспоре прекратился полисный чекан, отныне сконцентрировавшийся в руках наместников [Frolova, Ireland, 2002, р. 11–31]. Хора Херсонеса и Ольвии резко сократилась, они приняли митридатовские гарнизоны, и их автономия была существенно ограничена [Сапрыкин, 1996, с. 166–186, 206–290; 1997, с. 190–204; 2008, с. 222; 2011, с. 568–574; 2013, 293–294; 2015, с. 109–119].

При митридатовском господстве Боспор ускоренными темпами превращался в эллинистическое государственное образование [Завойкин, 2009, с.233–236]. Отличительной чертой эллинистических государств после Александра являлось градостроительство – создание полисов греческого типа в условиях господства царского землевладения и царской хоры, населенной эллинизованными варварскими племенами. Аналогичная структура сложилась на Боспоре, за одним исключением – полисы там не надо было создавать заново, ибо они образовались задолго до Митридата Евпатора, но отныне подчинялись ему как верховному земельному собственнику, вследствие чего часть их владений отошла к царской и храмовой земле. В 60-е годы до н.э. Митридату, а затем в 50-е годы до н.э. его сыну Фарнаку потребовалось обложить повышенными налогами все население Боспора, поэтому полисы выступили против царской власти, что привело к почти полному ограничению их прав. Это в конце концов вызвало их восстание, что содействовало поражению и падению Митридата Евпатора и Фарнака [Gajdukevič, 1971, S. 318–323]. Во избежание этого и ради сохранения царского землевладения последующие боспорские цари, например Асандр, соблюдали баланс отношений между городами и царскими военно-хозяйственными поселенцами. Асандр титуловался сначала «архонтом Боспора», как некогда Спартокиды, демонстративно показывая, что соблюдает полисные традиции, хотя фактически управлял всем государством как его державный правитель. Затем он сделался царем, что позиционировало его как властителя Боспорского государства в целом, включая варварскую периферию [Сапрыкин, 2002, с. 55–90; Saprykin, 2000/2001, р. 91–102; Зубарь, Зинько, 2006, 143–145].

Однако римляне, опасаясь усиления митридатовских традиций, решили ликвидировать их путем присоединения Боспора к вассальным малоазийским царствам, в частности к Понту Полемонидов, где ранее было проведено перераспределение

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

родовых земельных владений митридатовской династии [Сапрыкин, 1996, с. 314–317; 2002, с. 115–118]. Это вызвало противодействие со стороны полисов и особенно эллинизованных варваров – поселенцев на царской хоре [Maslennikov, Treister, 1997, р. 5–14]. Поэтому преемники Асандра – Динамия и Аспург начали оказывать поддержку тем, кто отстаивал митридатовские принципы организации власти, являвшиеся по сути формами управления государством по типу эллинистических царств. Если ранее Спартокиды титуловались «архонтами Боспора и Феодосии и царями синдо-меотов», то Асандр и Динамия правили уже как полновластные царь и царица [КБН 30]. Аспург также получил титул царя как полновластный законный правитель [IOSPE I². 573; КБН 985; Блаватская, 1965, с. 36; Сапрыкин, 2002, с. 159; Кузнецов, 2006, с. 157], а затем стал титуловаться Великим царем, что дало ему возможность величаться «царствующим над всем Боспором и Феодосией и синдами и меотами и тарпитами и торетами и пессами и танаитами, подчинившим скифов и тавров» [КБН, 39, 40]. Это было полномасштабное монархическое правление по эллинистическому образцу. Поэтому преемники Аспурга с полным правом именовались царями или Великими царями, а не эфемерными царями на основе полисной тирании, как Спартокиды со времени Спартока III. Эта политическая сторона эллинистической цивилизации на Боспоре была объективным следствием расширения и углубления царского землевладения, что позволяло создавать новые катойкии и клерухии в виде укрепленных поселений по всей сельской периферии и усиливать контроль над полисами, которые все больше включались в структуру царского управления. Полисная власть была серьезно ограничена, поэтому цари и их наместники стремились больше ориентироваться на фиасы – союзы греков и эллинизованных варваров в городах, благодаря которым создавалась видимость свободы и культурных традиций греков [Завойкина, 2013, с. 52 сл.]. Римские власти поддерживали боспорских правителей в стремлении усиливать царское землевладение и эллинизацию варваров, так как это превращало Боспорское государство в истинно эллинистическое царство, которое могло стать мощным заслоном против кочевников и парфян [Панов, 2003, с. 119–121]. Боспор как вассал Римской империи сохранял государственность на основе социально-экономических отношений эллинизма с I в. до н.э. до первой половины III в. н.э. Только кризис III в. н.э. и вторжение готов прервали его развитие по пути эллинизма. После готских походов и усиления аланов Боспорское царство быстро варваризировалось, утрачивая равенство в балансе взаимоотношений между греками и варварами, которое поддерживалось с конца II в. до н.э. [Сапрыкин, 2003, с. 32–34; 2010, с. 126–128; Журавлев, Мокроусов, Сапрыкин, 2010, с. 167–192].

Таким образом, митридатовский и постмитридатовский периоды в истории Боспора, включая правление династии Тибериев-Юлиев, характеризуются развитием эллинизма. Боспорское государство, которое отныне называлось царством (термин чисто условный применительно к археанактидовскому и спартокидовскому времени), имело все черты классического эллинизма – взаимодействие и взаимовлияние

греческого и варварского элементов в экономической, политической, социальной и культурной жизни. Эллинизм на Боспоре развивался при содействии Римской империи, которая рассматривала его как сильное дружественное и вассальное государство. Феномен Боспора как античного греко-варварского государства заключался в том, что при Спартокидах оно было тираническим, полисным образованием, не являвшимся царством в полном смысле слова, а с I в. до н.э. развивалось как классическое эллинистическое царство.

Среди государств Причерноморья, которые по общим признакам эллинизма подходят под понятие эллинистических, нередко выделяют Фракию. Для понимания характера сложившихся там социально-экономических отношений, следует вернуться ко времени создания фракийской государственности. Возникшее во Фракии в V в. до н.э. Одрисское царство было непрочным. Оно напоминало союз племен во главе с наиболее сильным и влиятельным племенным кланом одрисов, выдвигавших своих правителей-вождей, которых греки по традиции именовали царями. От них номинально зависели мелкие племенные царьки и парадинасты, являвшиеся фактически самостоятельными правителями. Их взаимоотношения с одрисами строились на данничестве и взаимном подкупе. По требованию одрисского царя союзные и вассальные правители, а также наместники-парадинасты выставляли войска, за что получали долю военной добычи. Чем она была выше, тем чаще они подумывали о сепаратизме. Немало племен вообще не признавало господство одрисов и охотно поддерживало их противников. Одрисам не удалось создать централизованную монархию с прочной единоличной властью, их царство по большей части управлялось одновременно двумя-тремя властителями, что характеризует его как «троичное», т.е. как племенное объединение во главе с тремя главными племенными родами. На фракийских монетах конца V – начала III вв. до н.э. засвидетельствованы исключительно личные имена династов без титула, так как ни один из одрисских правителей не осмеливался официально принять царский титул [Yonkoukova, 1976, p. 66–81].

Подвластные одрисам племена и области выплачивали дань и постоянно посылали подношения, что обогащало фракийскую верхушку. Доходы знати строились на эксплуатации полузависимых и зависимых общинников, на изъятии излишков аграрной продукции. Большая часть урожая крестьян-общинников и изделия ремесленников попадали к местной аристократии и многочисленным греческим торговцам. По распоряжению одрисского царя подвластные ему наместники обязывали подданных выращивать пшеницу, которую доставляли в греческие прибрежные города для продажи, а доход от ее реализации поступал в царскую казну [Ps.-Arist. Oecon. 1251a..20.26]. Часть обедневших фракийцев оседала в городах, другие же нанимались в наемники к парадинастам и одрисским правителям, а также в другие государства, в частности на Боспор к Спартокидам. Рабовладение было примитивным, поскольку во фракийском обществе сохранялись сильные пережитки родового строя и племенных отношений. Основной социальной ячейкой оставалась фракийская община или деревня – кома [Златковская, 1971, с. 125–132]. В процессе развития торговли

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

и ремесла возникали поселения городского типа – последние исключительно для торговли с греками. Они либо попадали под власть греческих городов как часть их хоры, либо превращались в небольшие полисы (Бидзона, Акра, Тиридзис, Кипсела, Неонтейхос, поселение Янково в северо-восточной Фракии). Во внутренних районах возникали укрепления, которые имели цитадели – хорионы и мощные стены, так как служили резиденциями правителей и столицами небольших племенных территорий и округов. В стратегически важных укрепленных пунктах размещались гарнизоны царских войск, в том числе набранные из греков [Ps.Arist. Oecon. II 1351a. 27. 25–30].

Уже в V в. до н.э. фракийская элита подверглась эллинизации, что выражалось в распространении греческого языка, культуры, греческих культов, межэтнических браков фракийцев и греков. Не без влияния греков формировался и культ обожествленного правителя: одна из надписей на сосуде из Рогозенского клада «Котис, сын (или раб) Аполлона» означала, что Котис I находился под покровительством этого эллинского бога [Фол, Цветков, Машов, Иванов, 1988, с. 99]. Большая часть украшений, ювелирных изделий, керамики, бронзовой и драгоценной посуды, предметов вооружения, изготовленных греческими ремесленниками, попадала к фракийцам через греческие полисы, в частности Аполлонию Понтийскую и Месембрию. Во Фракии работали греческие архитекторы и художники, украшавшие погребальные склепы скульптурами и великолепными произведениями декоративной живописи (Казанлыкская гробница, Свештари и др.) [Danov, Ivanov, 1980, S. 25; Чичикова, Иванов, Енев, Кръстев, 1986, с. 1 сл.]. Об отношениях с греками и торговле подробно свидетельствует греческая надпись 359–342 гг. до н.э. из эллинского эмпория Пистирос (совр. Ветрен в районе г. Пловдив), который упоминается еще Геродотом (VII. 109).

В ней перечисляются обязательства неизвестного по имени фракийского правителя (вероятно, одрисского, м.б. Амадока или Керсеблепта) перед греческими городами Пистиросом, Маронеей, Аполлонией Понтийской и соседними эмпориями: все спорные дела между жителями эмпория передавались на рассмотрение их родственников, и только по необходимости взаимные претензии решались в присутствии фракийцев. Верховная власть давала гарантию не отменять долги, не лишать эмпоритов земли и пастбищ для скота, в связи с чем обещала не присылать «эпаулистов» («обитателей поселений, имений, дворов», вероятно, фракийцев–земледельцев и скотоводов). Запрещался обмен земельных участков–клеров жителями Пистироса и не допускалось делать это другим лицам. Она подтверждала обещание не захватывать владения эмпоритов ни представителями верховной власти, ни ее подданными. Правитель давал обязательство не вводить в Пистирос гарнизон и не поручать это делать другим, не облагать подорожной податью товары, которые ввозятся из Пистироса и других эмпориев в Маронею или из эмпориев и Маронеи в Пистирос. Однако торговые повозки эмпоритам предписывалось «открывать и закрывать, как и при Котисе». Давалось также обещание, что ни правитель, ни кто-либо из его людей не будет заключать в оковы, приговаривать к смерти, лишать имущества «ни при жизни ни после смерти» граждан Маронеи, Аполлонии Понтийской и Фасоса, про-

живающих в Пистироце [Avram, 1997/1998, p. 37–46; Domaradzka, 1999, p. 349–351; 2002, p. 339–342].

Из надписи следует, что греки-эмпориты во Фракии имели пахотную землю и выгоны, причем по решению царя не могли передавать их местным крестьянам-общинникам (по всей видимости, царь имел право давать земли эмпория фракийским крестьянам). В то же время правители, парадинасты и наместники нередко захватывали земли граждан греческих полисов, вмешивались во взаимные споры между эмпоритами по поводу недвижимости, вводили в города и укрепления гарнизоны воинов или наемников. По всей видимости, в IV в. до н.э. во Фракии племенная и родовая земельная собственность постепенно стала перерастать в некоторое подобие царской, что могло превратить правителя в верховного земельного собственника. Это сопровождалось захватом земель у крестьян-общинников и у некоторых греческих городов не только правителями, но и соправителями, парадинастами и наместниками. Однако в ряде случаев власть сохраняла собственность на землю у жителей греческих городов, так как была заинтересована в тесных связях с ними ради больших доходов от торговли эллинов и фракийцев. Взаимоотношения Одрисского царства и греческих полисов и эмпориев можно охарактеризовать как протекторат. Полисы сохраняли автономию, конституцию, земельные владения, торговые привилегии, их монетные дворы чеканили монеты от имени фракийских династов и царей и давали им денежные кредиты [Ps.-Arist. Oecon. II. 1351a. 27]. Греки были обязаны вносить подать в царскую казну деньгами и драгоценными изделиями, частично в виде торговых пошлин. Товарно-денежные отношения во Фракии в значительной степени стимулировались экономическими связями с греками, в том числе с причерноморскими полисами. Очевидно, большая часть торговых расходов перекладывалась на эллинские эмпории внутри страны и на прибрежные города.

Социально-экономические и политические отношения при господстве одрисов внешне напоминают условия, характерные для эллинистических государств [Delev, 1996, p. 139]. Однако эллинизм во Фракии к середине IV в. до н.э. вызревал на местной основе, без взаимодействия с восточными традициями, исключительно через превращение племенных отношений в раннегосударственные, когда царская собственность на землю только зарождалась, а власть не перешагнула племенные традиции. Никакой градостроительной политики и создания полисов не наблюдалось, власть царя (или племенного вождя) распространялась только на греческие эмпории, тогда как крупные полисы функционировали вне ее юрисдикции. Поэтому Фракийское царство V-IV вв. до н.э. не было эллинистическим, так как там не сложились социально-экономические и политические отношения, свойственные государствам эпохи эллинизма [Крыкин, 2002, с. 101–114; Высокий, 2003, с. 53–62; Габелко, 2009, с. 175].

В дальнейшем развитие эллинизма во Фракии замедлилось. Одной из главных причин было отсутствие долговременного македонского завоевания. Македонские правители стремились превратить фракийские земли в царский домен, основывали

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

города и военные колонии, но это не привело к созданию новой системы власти по эллинистическому образцу [Ellis, 1976, p. 87 сл.; Will, 1966, p. 220; Velkov, 1978]. Лисимах, получивший Фракию после раздела наследства Александра, основывал господство на подчинении местных племен, связанных с ним и его заместителями вассальными отношениями. Он создал систему клиентов – стратегов или гиппархов, которые после его смерти объявили себя самостоятельными правителями [Gattinoni, 1992, p. 102 сл.; Тачева, 1987, с. 13–27; Делев, 1992, с. 51–59]. Политика македонских царей была направлена на ослабление фракийцев [Liv. XXXIX. 35. 4] и закрепление отдельных районов Фракии в составе Македонского государства, для чего путем союзов с одними племенами ослаблялись другие племенные объединения.

В 331 г. до н.э. Одрисское государство обрело независимость и стало проводить антимакедонскую политику. С этой целью царь Севт III объединял вокруг себя полусамостоятельные племенные образования, вскоре превратившиеся в независимые домены [IGBulg III. 1731]. Это консервировало пережитки парадинастии, территориальное и племенное разделение страны, ослабляло царскую власть и препятствовало созданию централизованного государства эллинистического типа. При Севте III и его преемниках греческие полисы, например Месембрия и Аполлония Понтийская, выступали не как подданные, а как союзники фракийских династов и вождей, так как не входили в государство одрисов [IG II². 1. 349; IGBulg I². 307, 389]. Город Севтополь, который являлся резиденцией правителя еще в IV в. до н.э., при Севте III превратился в его столицу, но не в полисный центр. Позднее он служил местопребыванием парадинаста или гиппарха [Димитров, 1958, с. 697; 1984, с. 12; Тачева, 1987, с. 21]. Резиденциями местных правителей являлись Енос, Кипсела и Кабиле [Тачева, 1987, с. 21]. Последняя в III-II вв. до н.э. чеканила монеты со своей легендой, что свидетельствует о превращении в городской центр с признаками самоуправления полисного типа [Велков, 1982, с. 10].

Другая причина слабости государственности у фракийцев заключалась в том, что они позволили кельтам-галатам создать в юго-восточной Фракии свое государство Тила, которое предпринимало грабительские походы против греческих городов. Кельто-фракийская знать Тилы была достаточно эллинизована, но это не превращало государство в эллинистическое. Его основу составляли кельто-фракийские племенные союзы, собиравшие дань с местного населения и греческих полисов [Фол, 1975, с. 192; Домарадски, 1984, с. 83–88; Лазаров, 1996, с. 116–123]. В 213 г. до н.э. государство Тила пало и фракийцы перешли к сколачиванию временных племенных союзов для походов на Македонию. Это тормозило развитие государства, препятствовало формированию социально-экономических отношений, свойственных эллинизму, прежде всего градостроительной структуры, полисной системы, царского и полисного землевладения. Управление основывалось на данничестве и эксплуатации земледельцев-общинников. Власть племенных вождей опиралась на вассальные связи «династ – парадинаст», что было следствием традиционного троичного деления Фракии по племенному признаку [Dunant, Pouilloux, 1958, p. 6, 7, 44–50; Тачева,

1987, с. 117]. При Митридате Евпаторе влияние Понтийского царства во Фракии было незначительным, государственность оставалась слабой. Царь Понта поддерживал автономию греческих полисов причерноморского побережья [Молев, 1985, с. 285; Сапрыкин, 1994, с.14–33; 1996, с.151–160; McGing, 1986, p. 57, 58.], а с другой стороны, поощрял грабительские походы фракийских племен на Македонию и Грецию. Это углубляло раздробленность Фракии и препятствовало включению греческих полисов в домены фракийских династов.

В конце IV – начале III вв. до н. э. в северных районах Фракии, в Добрудже, дунайской дельте и междуречье Днестра и Дуная сложился гетский племенной союз во главе с Дромихетом. Его усиление было следствием агрессивной политики Лисимаха [Strabo VII. 3. 8; Paus. I. 9. 6; Plut. Dem. 29 (52); Memn. V; Diod. XXI. 11. 12; Polyb. Fr. 16; Piiescu, 1990, p. 106]. Эллинизация затронула только узкую прослойку местной знати, а рядовое население не воспринимало греческую культуру [Preda, 1973, p. 441–457; Donoiu, 1980, p. 5–7]. Среди гетских племен не было единства, власть в Гетике была полностью децентрализована. Провозглашение одного племенного вождя царем, например, Москона в Северной Добрудже или Тиамарка в Олтении, не затрагивало племенной социальной и экономической структуры, демонстрируя лишь укрупнение племенных союзов. Другие правители (Дромихет Младший, сын Дромихета, Зальмодегик, Золт), которые не провозглашали себя «царями», оставались по сути племенными вождями [Preda, 1964, p. 401–408; 1973, p. 181; Сапрыкин, 2010а, с. 258]. Отношения гетских правителей с греческими городами сводились к договорам о выплатах денег в виде дани либо к набегам на хору для ее взимания [Pippidi, 1961, p. 53–66; Карышковский, 1971, с. 36 сл.].

Господство в регионе в III – I вв. до н.э. скифских царей Добруджи, которые были эллинизованы в несколько большей степени и обогащались путем взимания дани с подчиненных им гетских племенных общин, усиливало разобщенность фракийцев на мелкие союзы племен во главе с множеством царьков. Набеги гетов на греков участились, поскольку гетские правители были вынуждены выплачивать дань скифской верхушке. Такое положение не содействовало включению эллинских полисов в социально-экономическую структуру Гетики, остававшейся враждебной эллинскому миру, хотя ее слегка эллинизованная племенная знать была заинтересована в торговле с греками и постепенно обогащалась. Однако это не создавало почвы для формирования государственно-административной системы эллинистического типа. Гетские и скифские цари не имели возможности включать эллинские полисы в свои домены ни как часть царской земли, которой не было, ни в качестве полунезависимых центров. Греческие полисы оставались независимыми и использовались варварами, особенно скифскими царями, для посредничества в отношениях с эллинистическими государствами. Они рассматривали их как источник доходов от торговли зерном, взимаемым с гетских земледельцев-общинников. Поэтому в Гетике и в Малой Скифии не сложилось социально-экономической структуры, характерной для эллинистических государств. Там не было городов – центров ремесла и торговли и столиц админи-

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

стративно-территориальных округов, а поселения городского типа служили скорее резиденциями племенных вождей и мелких правителей, нежели опорой власти еди-нодержавных правителей или их наместников [Калоянов, 1988, с. 73–77; Сапрыкин, 2010а, с. 256].

Попытки укрепить государственность в Гетике предпринимались во II – первой половине I вв. до н.э. Оролом (Ролесом) и Буребистой. Однако это было вызвано скорее внешней угрозой со стороны кельтов-бастарнов, сарматов и скифов, нежели последствием внутреннего развития гетского общества. Понтийский царь Митридат, поддерживавший греческие полисы – объект экспансии гетов, внес свой вклад в их раздробленность. Он заключил союз с Дромихетом, одним из вождей, потомком Дромихета, предводителя гетского племенного союза при Лисимахе [App. Mithr. 32. 1; Olshausen, 1974, S. 166; Тодоров, 1989, с. 25–28]. В результате другие гетские правители сохраняли по отношению к нему нейтралитет либо испытывали враждебность.

Объединение гетских племен при Буребисте нередко называют эллинистической монархией [Suceveanu, 1978, p. 107–114; Stefan, 1982, p. 86; Crişan, 1978, p. 40; Ruscu, 2002, p. 302–304]. Однако кратковременность его существования, политика, направленная на полное разрушение и опустошение греческих городов и их хоры, взятие заложников демонстрируют враждебность к грекам. Геты не испытывали желания использовать экономические и культурные возможности эллинских полисов для укрепления государства. Царский титул Буребисты и «институт друзей» всего лишь результат поверхностной эллинизации гетской верхушки, но не показатель прочного государственного организма. Государство Буребисты больше напоминало союз племен во главе с могущественным вождем, власть которого только начала перерастать в царскую. В Гетике не было ни одного урбанистического центра, тем более полисного типа, а царские укрепления – столицы являлись поселениями городского типа и имели варварский облик, как некогда при Дромихете Старшем и позднее при Децебале, царе дако-гетов. Превращение племенных резиденций в города только набирало силу. После убийства Буребисты его союз распался на четыре или пять частей, что свидетельствует о его слабости и племенном характере.

Рим стремился усилить позиции во Фракии и Гетике, чтобы создать условия для формирования централизованного государства, способного защищать его интересы в Подунайе и Причерноморье. Римляне поддерживали лояльно настроенную к грекам и римлянам часть племенной верхушки. Они понимали, что для достижения успеха следует расширить эллинизацию, наладить отношения племенных союзов с эллинскими полисами побережья. В отличие от Фракии, где греко-варварские контакты установились достаточно давно, в Гетике они практически не сложились. Геты не пошли на союз с римлянами [Flor. II. 28. 1-3], что не позволило создать в Гетике клиентное царство эллинистического характера. Там отсутствовали условия для преодоления племенной раздробленности, формирования царской земельной собственности, основания полисов и преобразования поселений городского типа и резиденций вождей в полисные центры.

Тем не менее, закрепившись на северо-востоке Балканского полуострова и распространив влияние до дельты Дуная, римляне предприняли ряд мер по недопущению нападений фракийских племен на Грецию и Македонию. В 57 г. до н.э. без участия римлян в Одрисском царстве произошло слияние правящих династий астов и одрисов, что должно было усилить фракийскую государственность, ослабить племенную раздробленность и ограничить влияние родовой аристократии, упрочить территориально-административное управление. Фракийские правители, которые ранее не имели царского титула, с начала I в. до н.э. официально величались «царями» (Мостис, Садал II, Рескупорид I, Котис IV), а в ряде мест появились наместники-стратеги, которые напрямую отчитывались перед царем. Реформа территориального управления, призванная изжить племенную раздробленность и собственность племенной аристократии, была направлена на объединение земель под властью царя. В декрете из Одесса середины I в. до н.э. упоминается подчинявшийся царю Садалу II «стратег хоры», прилегавшей к владениям этого полиса [IGBulg. I². 43], сохранявшего автономию и собственную хору. В декрете из Дионисополя середины – начала второй половины I в. до н.э. проводится четкое различие между землями греческих полисов Одесса, Каллатиса и Дионисополя и владениями Котиса*, граница между которыми удостоверялась стратегом царя, очевидно, его наместником на царской хоре, примыкавшей к сельской округе полисов [IGBulg. V. 5011]. Создававшаяся царская собственность на землю и развивавшееся на ее основе царское управление распространялись только на племенные союзы астов и одрисов, не охватывая эллинские полисы и ряд других племен, которые оставались вне царской юрисдикции. Поэтому мелкие правители также провозгласили себя царями, хотя на самом деле являлись племенными вождями.

Параллельно с усилением астов и одрисов возросло влияние сапеев, которые захватили часть владений Фасоса в Южной Фракии и пошли на союз с фракийским племенем корпилов [App. Bel. Civ., IV. 87, 88]. У них сохранялись пережитки племенного деления, парадинасты и соправители, что тормозило формирование государства. Гражданские войны в Риме еще больше раскололи фракийское общество: сапеи, дарданы, бесы, одрисы поддержали Помпея, однако после его гибели Гай Юлий Цезарь признал одрисского царя Садала II и тот заключил союз с цезарианцами. После убийства диктатора Садала II и его сын Котис переметнулись к республиканцам. Сапеи заняли противоположные позиции: племенная группировка во главе с Раском поддержала Марка Антония, а другая, возглавляемая его братом Рескупоридом, встала на сторону Брута и Кассия. После поражения республиканцев Марк Антоний признал Раска единоличным правителем, в результате чего сапейские властители стали именоваться царями [IG II/III². 3442, 3443]. Астейские и одрисские правители, поддержавшие Брута и Кассия, при Антонии утратили былое влияние.

* Согласно одной точке зрения, это Котис II из династии сапеев, по другой – Котис III из той же династии, а по третьей – Котис IV, сын Садала II, представитель астейско-одрисской династии.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

Часть их территории отошла к сапеям и даже Бизия, оплот астейской династии, оказалась под властью сапейского царя [IGBulg. I², p. 98]. Одрисы решили поправить положение во время противостоянии Октавиана и Антония и вошли в союз с сапеями: в битве при Акции в 31 г. до н.э. сапейский династ Реметалк I уже вместе с одрисским царем Садалом III оказывал поддержку Антонию, но после его поражения перешел к Октавиану. Из-за этого Октавиан Август не доверял Реметалку и не спешил признавать его царем [Plut. Ant., 61; Мор., 207]. Влияние римлян во Фракии было непрочным, против них были решительно настроены бесы, дарданы, меды и другие племена. Поэтому Август из желания создать противовес неблагонадежным сапеям и их династу Реметалку решил одновременно поддержать одрисскую династию. В 29 г. до н.э. на престол взошел астейско-одрисский царь Котис V, предки которого, как и он сам, выступали противниками Антония. Его приход к власти был связан с походом римского полководца Марка Лициния Красса против мезов, сердов, бастарнов, дарданов и бесов. Бесы были побеждены, а их земли вместе с общефракийским святилищем Диониса переданы одрисам [Dio Cass. LI. 23. 3-5; Flor. II. 36]. Сапейские правители отошли в тень, тем более что им не удалось отказаться от традиционного для фракийцев института соправительства (вместе с Реметалком правление осуществлял его брат Рескупорид).

Однако к 12/11 г. до н.э. вектор римской восточной политики изменился. Римская империя сделала ставку на вассальных царей, которые должны были защищать ее границы на Дунае. Перед правителями Фракии была поставлена задача укрепить римское влияние в греческих полисах и среди непокорных гетов, а также паннонцев, германских и кельтских племен. Одрисское царство было слабым для выполнения такой задачи. Сапеи же в лице династов Реметалка и Рескупорида, захвативших господство в стране и укреплявших власть ради объединения фракийских племен, подавляли антиримские мятежи на северо-западе своей державы [Dio Cass. V. 29. 3-5; 30. 3; Vel. Pat. II. 112. 4-5], помогали римлянам в борьбе с непокорными бесами, гетами (даками), бастарнами и скифами [Dio Cass. LIV. 34. 5-7; Ovid. Ex Ponto. I. 8. 11; IV. 9. 75; Tac. Ann. II. 64, 65]. Поэтому римляне решили укреплять Фракийское государство усилиями сапейских правителей. Реметалк получил царский титул, римское гражданство и управление восточными регионами Мезии до Дуная. В его государстве появился институт стратегов – царских наместников, резиденциями которых являлись укрепленные поселения и кастели, например, Тиридзис (совр. Калиакра) [IGBulg. I². 12]. Им подчинялись земли вокруг подвластных городов и крупных укреплений, а также округа, которые формировались на прежде племенных территориях. Несмотря на ликвидацию парадинастов, соправительство родственников династов сохранялось, а пережитки племенных отношений не были полностью преодолены. Римляне давали права гражданства фракийской знати, поощряли эллинизацию при посредничестве причерноморских полисов. Сапейские цари и поддерживавшие их римляне сумели установить достаточно тесные отношения с греческими полисами. Им было разрешено вести обширную торговлю с фракийским хинтерландом, так как

это обогащало казну царства. Денежные средства и дипломатические подарки от сапейских царей направлялись через города и прибрежные эмпории для подкупа вождей других племен. Поэтому было принято решение включить некоторые районы нижнедунайского региона и греческие полисы во Фракийское царство сапейских правителей [Тодоров, 1988, с. 93; Сапрыкин, 1995, с. 415–425]. Налоги с территории в устье Дуная и с полисов на Черноморском побережье поступали в казну Реметалка I [ISM I. 66], что обогащало фракийскую верхушку, прежде всего сапеев. Поэтому Фракийское государство из рыхлого полуплеменного объединения постепенно превращалось в государство централизованного типа, в котором вызревали отношения, свойственные эпохе эллинизма.

Фракия была неоднородна – экономически развитые южные и причерноморские районы соседствовали с отсталыми северными и горными регионами, где сохранялись патриархальные традиции и сильные пережитки родоплеменных отношений. Признаки, характерные для государств эллинистического типа, – эллинизация, царская и полисная земельная собственность, административно-территориальные единицы-стратегии – появились только на юге, юго- и северо-востоке страны. Племенная знать в отсталых районах была недовольна влиянием Рима и эллинизацией, а среди широких слоев населения, подвергавшихся социально-имущественному расслоению, нарастал протест. Он был особенно сильным среди мелких племен, страдавших от разорения фракийской общины. Эти причины привели к разделу государства между двумя представителями одной династии. В 13 г. н.э. после смерти Реметалка I и в связи с образованием в 14 г. н.э. новой римской провинции Мезия римляне отдали Котису III (VIII), сыну Реметалка, из династии сапеев, южные и причерноморские территории вместе с греческими городами [Ovid. Ex Ponto. II. 9. 7-10], а северные области передали его дяде Рескупориду. Они решили также связать брачной унией домен Котиса и Боспорское царство, чтобы создать в Причерноморье прочный заслон сарматской угрозе. Однако Рескупорид, стремясь стать во главе всей Фракии, коварно убил племянника, за что был свергнут, а впоследствии убит по приказу римлян. Владения Котиса достались его детям, которые правили под опекой римских чиновников, а царство Рескупорида отошло к его сыну Реметалку II. Фракийские племена, особенно койлалеты, дии и одрисы, были крайне возмущены создавшейся ситуацией и в 21 и 26 гг. н.э. поднимали антиримские восстания. Дети Котиса были отправлены в Рим, где воспитывались в римском духе вместе с будущим принцепсом Калигулой. Реметалк II подавил эти выступления и стал владыкой всей Фракии, получив от императора титул царя [Тас. Ann. III. 38; IV. 46]. При нем процесс превращения Фракии в централизованное государство эллинистического типа ускорился, появилось несколько новых стратегий – наместничеств, которые объединяли сразу несколько прежних племенных территорий. Его сподвижник Аполлоний, сын Ептайкента, эллинизованный фракиец из Бизии, получивший римское гражданство, являлся стратегом царя в «местности вокруг Анхиала», а позднее, после укрупнения административно-территориального деления страны, стал стратегом Анхиала,

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

Селетики и Русики, т.е. племенных областей царства [IGBulg. II. 743]. Реметалк II, как союзник и вассал Римской империи, расширил государство за счет северных областей в междуречье Дуная и Днестра, проводил активную внешнюю политику в Причерноморье и на юге Фракии. Однако пережитки племенного деления не были преодолены: титулатура Реметалка – «династ (царь) фракийцев Реметалк, сын династа Рескупорида, внук по отцу царя Котиса и внук по матери царя Реметалка» – отражала прежнюю племенную раздробленность государства.

В 38 г. н.э. к власти во Фракии пришел Реметалк III, старший сын Котиса III (VIII), получивший римское воспитание и образование при дворе императора Тиберия. Его воцарение вызвало резкое недовольство консервативной фракийской аристократии, выступившей против засилья римлян в стране и введения римских порядков. Эту позицию поддержали фракийские племена. В 46 г. н.э. царь пал жертвой очередного заговора. Римские власти, которые укрепляли владения в Подунайе и с этой целью в 44 г. н.э. выделили в качестве самостоятельной провинции Мезия (до этого она входила в состав провинции Ахайя), решили более не тратить силы и средства для создания во Фракии централизованного эллинистического государства. Опасаясь новой вспышки недовольства и чувствуя непрочность своих позиций, они в 46 г. н.э. превратили вассальное Фракийское царство в римскую провинцию. Этим завершилась история фракийской государственности, так и не оформившейся в эллинистическую по причине сохранения патриархальных традиций и ярко выраженного племенного деления, что служило препятствием для превращения Фракии в монархию эллинистического типа.

На противоположном берегу Черного моря, в Колхиде, также не сложились объективные условия для формирования централизованного государства эллинистического типа. Первое объединение западнокартвельских племен конца бронзового века, известное как Кулха, так и не достигнув уровня развитого государства, в последней четверти VIII в. до н.э. было разгромлено киммерийцами и скифами. Возникшее в VI в. до н.э. в районе Фасиса (Риони) государственное образование под названием Колхида также не отличалось внутренней прочностью [Меликишвили, 1959, с. 116; Лордкипанидзе Г.А., 1978, с.137]⁵. Одна из причин этого – обязанность выплачивать дары персам, так как Колхида подчинялась Персидской державе [Болтунова, 1979, с. 52]. Изучение некрополей колхского населения и сельских поселений VI–IV вв. до н.э. показывает, что в Колхиде происходили процессы социальной и имущественной дифференциации, выделение знати, придерживавшейся патриархальных и племенных традиций, формирование соседской общины и слоя свободных земледельцев-общинников. Коллективные погребения, которые просле-

---

⁵ О.Д. Лордкипанидзе, напротив, считает, что Колхидское государство VI–IV вв. до н.э. являлось мощным образованием с чертами древневосточной монархии с сильной царской властью, служилой знатью, постоянным войском [Лордкипанидзе О.Д., 1979]. Критику этих положений см. [Воронов, 1981, с. 336; Сапрыкин, 1982, с. 265–270].

живаются во многих регионах, свидетельствуют о сильных пережитках племенных и родовых традиций. Рост влияния и могущества знати, о чем говорят богатые погребения в некрополях Вани и Шромисубани, ставил ее выше рядовых общинников и закреплял ее политическое господство на местах. На определенном этапе социального развития эти процессы тормозили становление государства. А это создавало предпосылки для раздробленности страны на отдельные территориально-племенные районы во главе со скептухами – локальными мелкими правителями, выходцами из племенных родов и кланов, которые только номинально подчинялись власти верховных правителей. Поэтому к эпохе эллинизма у колхов не сложилось могущественного государства. Страбон говорит, что после походов Фрикса и Ясона с аргонавтами за золотым руном «последующие цари-преемники (очевидно, Ээта, царя колхов при Ясоне – С.С.) владели страной, разделенной на скептухии, но власть их была невелика» [Strabo XI. 2.18]. Включение Колхиды в Понтийское царство в 105–90 гг. до н.э. происходило неоднозначно – мирным путем через наследование земель, а также с использованием военной силы для подчинения царей-скептухов вокруг Фасиса [Memn. XXX; Justin XXXVIII. 7. 10]. Управлявшие страной наместники понтийского царя не смогли преодолеть раздробленность колхов, часть которых не желала подчиняться и даже отпала от Митридата Евпатора после 85 г. до н.э. Для окончательного преодоления раздробленности колхи попросили Митридата VI назначить им в наместники его сына Митридата Младшего. Это должно было закрепить статус Колхиды как наследственного домена понтийского монарха [App. Mithr. 64] и окончательно ликвидировать скептухии – основу племенной разобщенности Колхиды. Однако Митридат Младший был заподозрен в измене и казнен, что притормозило процессы объединения. Другой сын понтийского царя – Махар, став в 80 г. до н.э. новым наместником [App. Mithr. 67], продолжил политику, направленную на создание царской земельной собственности в Колхиде. Понтийские власти старались опираться в этом на греческие полисы Диоскурию и Фасис, которые издревле вели торговлю с многочисленными племенами Кавказа и служили источником эллинизации местного населения. Диоскурия превратилась в резиденцию Махара, одновременно осуществлявшего наместничество на Боспоре. Греческие полисы были заинтересованы в сохранении обширных торговых связей с племенами Колхиды, так как через их посредничество осуществлялись необходимые царю поставки сырья и продовольствия из внутренних районов страны. Внутренние области Колхиды, особенно горные районы, отличались устойчивостью племенных отношений. В бассейне реки Риони и других рек существовали укрепленные городища, населенные колхами. Они снабжали греческие города товарами сельскохозяйственного производства, древесиной, кожами, металлом, защищали колхские племенные союзы от экспансии греков и понтийцев, хотя их отношения были мирными и взаимовыгодными, что отвечало интересам колхской знати. Торговый обмен, развитие ремесел привлекали в окрестности греческих городов местное население, получавшее возможность вести собственное хозяйство. В результате часть оседлого населения превращалась

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

в обитателей дальней хоры, которые, проживая в деревнях, становились полузависимыми и неполноправными общинниками. Однако к концу II в. до н.э. греческие города начали утрачивать прежнее значение крупных торгово-экономических центров, их хора резко сократилась, что препятствовало активной эллинизации населения западных регионов Колхиды. Города лишь частично вписались в создававшуюся в Колхиде социально-экономическую структуру, основанную на царской земельной собственности, поскольку владели хорой исключительно в прибрежной зоне. Но даже там, в окрестностях Диоскурии, в это время набирали силу племенные союзы. В 70 г. до н.э., когда римляне осадили Синопу, командир царского гарнизона и ее наместник Клеохар бежал со сторонниками во внутренние районы Понта, населенные колхскими племенами – санигами и лазами, обитавшими по соседству с Диоскурией [Мемн. XVI. 54. 2].

Одним из крупных племенных союзов во внутренних областях Колхиды были мосхи, которые владели святилищем и оракулом Ино-Левкотей (Вани-Суриум?). Их территория была разделена между колхами, армянами и иберами [Strabo XI. 2. 18]. Гениохи, проживавшие на северных границах Колхиды, имели четырех царей [Strabo XI. 2. 13], а соаны, подчинившие другие племена в горных районах, одного царя, наминавшего вождя большого племенного союза, и совет из 300 человек, очевидно, совет племенных старейшин [Strabo XI. 2. 19; Plin. XXXIII. 52; Воронов, 1980, с. 73]. Измена Махара, бежавшего в 67 г. до н.э. на Боспор, прервала объединение племенных территорий и укрепление царской земельной собственности в Колхиде, что привело к очередному разъединению на полусамостоятельные племенные территории. Правившие после Махара наместники из числа «друзей» царя также не сумели закрепить полную царскую юрисдикцию в Колхиде и потому были вынуждены бежать вместе с отступавшим понтийским царем [Тодуа, 1990, с. 72]. Д. Браунд справедливо отмечает, что Митридат Евпатор, укрепляя свою власть в Колхиде, оставил в силе деление на скептухий с их племенными функциями [Braund, 1994, p. 156]. Поэтому некоторые племена и скептухи могли не признавать его власть или считать себя ее подданными чисто условно. Это стало причиной того, что, когда в 67 г. до н.э. он зимовал в Диоскурии, не отважился остановиться ни в одной из крепостей внутренней Колхиды, так как понимал непрочность своей власти в этой стране. Он мог быть уверен только в надежности прибрежных полисов и проживавших по соседству некоторых колхских племен [Лордкипанидзе Г.А., 1970, с. 25; Ломоури, 1979, с. 179]. Среди колхских скептухов наиболее действенную поддержку царю Понта оказал только Олтак [Ломоури, 1981, с. 109]. Страбон сообщает, что после падения Митридата Евпатора его владения в Колхиде были разделены между многими правителями [Strabo XI. 2. 18], что говорит о непрочности всей административно-территориальной конструкции и отсутствии сильного государства.

Политика римлян, в частности Гнея Помпея, который в 66 г. до н.э. дошел до устья Фасиса, также не содействовала усилению государственной власти у колхов. Дион Кассий свидетельствует, что Помпей прошел через земли колхов и их соседей,

«действуя то убеждением, то страхом» [Dio Cass. XXXVII. 3.2]. Это было связано с раздробленностью Колхиды, где одни племена и скептухи поддерживали римскую власть, а другие были к ней враждебны. Неоднозначная ситуация в Колхиде и в соседних областях стала одной из причин нежелания Помпея преследовать Митридата Евпатора, отступавшего на север. Римский полководец разделил владения Митридата Евпатора, лежавшие в сторону Армении и подле Колхиды, между различными властителями, сражавшимися на его стороне. Поэтому все области по эту сторону Фасиса перешли под власть римлян и назначенных ими властителей [Strabo XII. 3.1; ср. V. 4.2]. Одним из них был Аристарх, после свержения Махара один из наместников понтийского царя, который встал на сторону Помпея и по его распоряжению правил лишь частью страны [Сапрыкин, 2003а, с. 247–249]. В 48 г. до н.э. Фарнак II сверг Аристарха и разрушил святилище Левкотеи в Вани [Strabo XI. 2. 17], поскольку контролировавшие регион скептухи выступили против восстановления митридатовских порядков и придерживались проримской ориентации. После падения Фарнака святилище было окончательно разрушено Митридатом Пергамским, ставленником Цезаря [Strabo XI. 2. 17]. Последнее могло быть следствием того, что какая-то группа колхской знати и жречество из числа промитридатовских кругов все же поддержали Фарнака. Это говорит о раздробленности колхов, а агрессивные действия внешних сил только усугубляли общий раскол.

Включение Колхиды в состав Понтийского царства Полемонидов, в котором она пребывала до 64 г. н.э., не способствовало усилению колхской государственности и укреплению царской земельной собственности. Политика Полемонидов была направлена на уничтожение царских доменов и перераспределение наследственных земель Митридатидов между полисами, укреплениями городского типа и мелкими городами [Сапрыкин, 1996, с.308 сл.]. Поскольку в стране колхов этого можно было добиться только путем опоры на Фасис, Гиэнос и Диоскурию, которые пребывали в глубоком кризисе, практически не являясь уже греческими полисами в полном смысле слова, и не имели хоры, а царского землевладения в виде доменов создано не было, ибо господствовали племенные союзы, то провозглашение Полемона I и его вдовы Пифодориды «царями колхов» не изменило существующего порядка. Колхида по-прежнему управлялась скептухами и отдельными племенными союзами. Подобное положение не привело к формированию полновесного и сильного государственного образования у колхов и в эпоху Империи они продолжали пребывать в состоянии раздробленности на мелкие племена со своими правителями [Меликишвили, 1959, с. 333; Ломоури, 1981, с. 145]. Римляне учли создавшееся положение и строили политику, направленную на поддержку мелких вассальных царств, которые могли бы служить буфером между римскими провинциями Восточной Малой Азии и варварскими народами Северо-Восточного Причерноморья, главным образом, сарматами.

Таким образом, объективные условия развития Колхиды на протяжении длительного времени не способствовали преодолению раздробленности и формированию го-

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

сударства эллинистического типа. Отдельные племенные союзы, которые в римскую эпоху превратились в полузависимые от римлян царства, так и не перешагнувшие племенных традиций, являлись серьезным препятствием для закрепления царской земельной собственности и строительства на ее основе централизованного государства эллинистического типа. Рассмотренные выше причины и обстоятельства развития эллинизма в Причерноморье позволяют прийти к заключению, что условия для развития могущественного государства эллинистического типа были созданы только на Боспоре. Это было следствием его вхождения в Понтийское царство Митридата Евпатора и существования там развитых греческих полисов, ставших важной составной частью его политической и экономической структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Блаватская Т.В.* Аспург и Боспор // СА. 1965. № 3.
- Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985.
- Болтунова А. И.* Колхи и держава Ахеменидов // Проблемы античной истории и культуры. Т. 1. Ереван, 1979.
- Велков В.* Кабиле. Местоположение, проучвания, извори // Кабиле. Том. 1. София, 1982.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983.
- Виноградов Ю.Г.* Боспор и эллинизм // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1988.
- Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // ВДИ. 2001. № 4.
- Воронов Ю.Н.* Местное население Северо-Западной Колхиды в VIII – V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.
- Воронов Ю.Н.* Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М., 1980.
- Высокий М.Ф.* Черты протоэллинизма в Великой Греции (Сицилия) и Фракии // История и культура древнего мира. М., 1996.
- Высокий М.Ф.* Эллины в Одрисском царстве в V-IV вв. до н.э. // Studia historica. 2003. Вып. 3.
- Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «протоэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. XV.
- Гарбузов С.Г., Завойкин А.А.* Сельская территория Таманского полуострова в период поздних Спартокидов // БИ. 2014. XXX.
- Делев П.* Тракийското царство на Лизимах: някои териториални проблеми // Балкански древности. 1992. № 2.
- Димитров Д.П.* За укрепените вили и резиденции у траките в предримската епоха // Изследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958.
- Димитров Д.П.* Тракийският град Севтополис // Севтополис. Том 1. София, 1984.
- Домарадски М.* Келтите на Балканския полуостров. София, 1984.
- Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. I–III. М., 1890–1893.
- Дьяконов М.М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М., Л., 1953.
- Журавлев Д.В., Мокроусов С. В., Сапрыкин С.Ю.* Эпоха поздней античности // Античное наследие Кубани. Т. 2. М., 2010.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный

Боспорские исследования, вып. XXXV

- мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. М., Киев, Запорожье, 2007.
- Завойкин А.А.* Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь, Керчь, 2013.
- Завойкин А.А.* Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма // Scripta antiqua III. М., 2013а.
- Завойкина Н.В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.
- Зельин К.К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. XXII.
- Зельин К.К.* Основные черты эллинизма // ВДИ. 1955а. № 4.
- Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху // БИ. 2006. XII.
- Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Симферополь, 2007.
- Иванова А.П.* Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА. 1951. XV.
- Калянов С.* Проблемы на тракийския урбанизъм в гетските земи // Terra Antiqua Balcanica III. Serdicae, 1988.
- Карышковский П.О.* Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э. // ВДИ. 1971. № 2.
- Книпович Т.Н.* Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955.
- Колобова К.М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю.* От Скифии к Готии. Симферополь, 2004.
- Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кошеленко Г.А.* Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крыкин С.М.* Проблемы возникновения государственности у южных фракийцев // ПИФК. 2002. XII.
- Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.
- Лазаров Л.* О кельтском государстве с центром в Тиле при Каваре // ВДИ. 1996. № 1.
- Ломоури Н.Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.
- Ломоури Н.Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч. 1. Тбилиси, 1981.
- Лордкипанидзе Г.А.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970.
- Лордкипанидзе Г.А.* Колхида в VI–II вв. до н.э. Тбилиси, 1978.
- Лордкипанидзе О.Д.* Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси, 1979.
- Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М., Л., 1956.
- Масленников А.А.* К типологии боспорских поселений // СА. 1989. № 2.
- Масленников А.А.* Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 1996. № 3.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
- Масленников А.А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 2001. № 1.
- Масленников А.А.* Малые и малоисследованные города античного Боспора. Тула, 2004.
- Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. М., Киев, Запорожье, 2007.
- Масленников А.А.* Царская хора Боспора. Т. 1–3. М., 2010–2015.
- Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Молев Е.А.* Западнопонтийские города в антиримских войнах Митридата VI // Terra Antiqua Balcanica II. Sofia, 1985.
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Нейхардт А.А.* Рабство в греческих городах южного побережья Понта // Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н.* Крымская Скифия. Симферополь, 1990.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- Панов А.Р. Рим и Боспор: противостояние или сотрудничество? Нижний Новгород, 2013.
- Пети П., Ларонд А. Эллинистические цивилизации. М., 2004.
- Ранович А.Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии // ВДИ. 1947. № 2.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
- Розовский А.А. Понятие «эллинизм»: цивилизованный подход (постановка проблемы) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994.
- Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. Петроград, 1918.
- Сапрыкин С.Ю. Новые книги о древней Колхиде // СА. 1982. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. Тирания в припонтийских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984.
- Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
- Сапрыкин С.Ю. Митридат Евпатор и Фракия // Болгарский ежегодник I. Харьков, 1994.
- Сапрыкин С.Ю. Надпись фракийского царя из Тиры // Studia in honorem Georgi Michailov. Sofia, 1995.
- Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996.
- Сапрыкин С.Ю. Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир. Византия. Харьков, 1997.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. Аристарх Колхидский // Scripta Gregoriana. М., 2003а.
- Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
- Сапрыкин С.Ю. О хронологических границах эллинизма // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008.
- Сапрыкин С.Ю. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) // Античное наследие Кубани. Т. 2. М., 2010.
- Сапрыкин С.Ю. Гето-дакийские царства эллинистической эпохи // БИ. 2010а. XXIII.
- Сапрыкин С.Ю. «Малые» государства Причерноморья в эпоху эллинизма и ранней Римской империи // Всемирная история. Т. 1. М., 2011.
- Сапрыкин С.Ю. Традиции российской науки в изучении античного Причерноморья в Советскую и постсоветскую эпохи // Цивилизация и варварство. Парадоксы победы цивилизации над варварством. М., 2013.
- Сапрыкин С.Ю. Понтийские царства: от эллинизации к эллинизму // Цивилизация и варварство. Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство. М., 2015.
- Свенцицкая И.С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963.
- Сокольский Н.И. О периоде эллинизма в Северном Причерноморье // ВДИ. 1955. № 4.
- Сокольский Н.И. Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. В., 1961.
- Сокольский Н.И., Шелов Д.Б. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Соломатина Е.И. Рец.: Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников). М., 2010 // ВДИ. 2013. № 1.
- Суриков И.Е. Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.
- Суриков И.Е. Предпосылки становления культа правителей в доэллинистической Греции // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. СПб, 2016.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Тачева М. История на българските земи в древността. София, 1987.
- Тодоров И. Дополнение към Страбон VII. 3. 11 // Terra Antiqua Balcanica III. Serdicae, 1988.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Тодоров И.* Дромихет – един малко известен гетски владетел от началото на I в. пр. н.е. // *Terra Antiqua Balcanica IV. Serdicae*, 1989.
- Тодуа Т.Т.* Колхида в составе Понтийского царства. Тбилиси, 1990.
- Фол А.* Тракия и Балканы през ранноелинистическата епоха. София, 1975.
- Фол А., Цветков Б., Машов С., Иванов П.* Тракийското съкровище от Рогозен. София, 1988.
- Фролов Э.Д.* История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Фролов Э.Д.* Античная государственность на рубеже классики и эллинизма // *Эллинизм и Причерноморье*. Материалы Третьего всесоюзного симпозиума. Тбилиси, 1982а.
- Фролов Э.Д.* Гераклеийские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси, 1981.
- Фролов Э.Д.* Предэллинизм на греческом Западе (к проблеме отношений «полис-монархия» и «эллины-варвары») // ПИФК. 1996. 1.
- Хазанов А.М., Шкурко А.И.* Воздействие античной культуры на искусство и культуру скифо-сарматского мира // *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока*. М., 1978.
- Храпунов И.Н.* Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы. Симферополь, 1995.
- Чичикова М., Иванов Т., Енев М., Кръстев К.* Тракийската гробница от Свещари. София, 1986.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1984. М., 1985.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // *Причерноморье в эпоху эллинизма*. Тбилиси, 1985а.
- Яковенко Э.В.* Рядовые скифские погребения в курганах Крыма // *Древности Восточного Крыма*. Киев, 1970.
- Avram A.* Notes sur l'inscription de l'emporion de Pistiros de Thrace // *Il Mar Nero*. 1997/1998. III.
- Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambr., 1976.
- Bengtson H.* Wesenzüge der hellenistischen Zivilization. Brüssel, 1968.
- Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen Bd 1-2. München, 1967.
- Bikerman E.* Institutions de Seleucids. P., 1938.
- Billows R.A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden, N.Y., Köln.
- Bittner A.* Gesellschaft und Wirtschaft in Heraklea Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Bonn, 1998.
- Braund D.* Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562. Oxf., 1994.
- Briant P.* Rois, tributes et paysans. P., 1982.
- Bursten S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.
- Cohen R.* La Grece et l'hellénisation du monde ancienne. P., 1934.
- Cohen G.* The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization. Wiesbaden, 1978
- Crişan J.* Burebista and His Time. Bucuresti, 1978.
- Croiset M.* La civilisation hellénique. T. 1-2. P., 1922.
- Danov Ch., Ivanov T.* Antike Grabmäler in Bulgarien. Sofia, 1980.
- Dareste R., Haussoullier B. Reinach T.* Recueil des inscriptions juridiques grecques. P., 1898.
- Delev P.* Proto-Hellenistic and Early Hellenistic Phenomena in Ancient Thrace // *The Thracian World at the Crossroads of Civilisations*. Bucharest, 1996.
- Domaradzka L.* Monuments epigraphiques de Pistiros // *BCH*. 1999. T. 123.
- Domaradzka L.* Addenda ad Pistiros I: The Pistiros-Vetren Inscription // *Pistiros II. Excavations and Studies*. Prague, 2002.
- Donoiu J.* Monede daco-getice si efigii Romane. Bucuresti, 1980.
- Dunant Ch., Pouilloux J.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos // *Etudes thasiennes V*. P., 1958.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- Ellis J.R.* Philip II and Macedonian Imperialism. L., 1976.
- Finley M.* Ancient Economy. Berkley, Los Angeles, 1973.
- Forrest W.G.* Wege zur hellenischen Demokratie. Staatsdenken und politische Wirklichkeit von 800-400 v. Chr. München.
- Frolova N., Ireland S.* The Coinage of the Bosphoran Kingdom. Oxf. 2002.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosphoranische Reich. B., Amsterdam, 1971.
- Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982.
- Gattinoni F.L.* Lisimaco di Tracia. Milano, 1992.
- Grousset R.* Histoire d'Asie. T. 1. P., 1921.
- Guarducci M.* Epigrafia Greca. Vol. III. Roma, 1974.
- Hatzopoulos M.B.* Une donation du roi Lysimaque // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ V. Athens, 1988.
- Heinen H.* Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra. München, 2003.
- Homo L.* Alexandre le Grand. P., 1950.
- Iliescu V.* Alexander der Grosse und Dromichaites // Studia in honorem Borisi Gerov. Sofia, 1990.
- Jouguet P.* L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. P., 1937.
- Karlsson L.* Thoughts about Fortification in Caria from Mausolos to Demetrios Poliorketes // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Konecny A.* Militarisches Formengut – zivile Nutzung: die lykische Türme // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. B., 1978.
- Kreissig H.* Die Dorfgemeinde im Orient in der Hellenistischen Epoche // Les communautés rurales. Recueils de la société Jean Bodin. XLI.P., 1983.
- Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Vol. 2. P., 1949.
- Lepore E.* Problemi dell'organizzazione della chora coloniale // Problemes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Lévêque P.* Le monde hellénistique. P., 1969.
- Lotze D.* Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων // Studien zur Rechtstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum IV. Jahrhundert v. Chr. B., 1959.
- Marksteiner T.* Befestigte Siedlungen Lykiens in vorrömischer Zeit // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Martin R.* Rapports entre les structures urbaines et les mondes de division et d'exploration du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Maslennikov A.A., Treister M.Yu.* A Fragment of an Attic Helmet from the Settlement at Lake Chokrak // AncCiv. 1997. Vol. 4, no. 1.
- McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.
- Missitzis L.* A Royal Decree of Alexander the Great on the Land of Philippi // Ancient World. 1985. 12. No. 1-2.
- Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd I-III. Gotha, 1893–1903.
- Olshausen E.* Zum Hellenisierungsprozess am pontischen Königshof // Ancient Society. 1974. 5.
- Petit P.* La civilization hellénistique. P., 1965.
- Pimouguet I.* Les fortifications de la Pérée rhodienne // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Pippidi D.* Istros et les getes au IIIe siècle av. notre ère // SC. 1961. 3.
- Preda C.* Monede de un tip necunoscut provenind din Dobrogea // SCIV. 1964. XV, 3.
- Preda C.* Monedele geto-dacilor. Bucuresti, 1973.
- Robert J. et L.* Bulletin epigraphique // REG 1967.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922.
- Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I-III. Oxf., 1941.
- Roussel P.* La Grèce et l'Orient des guerres médiques à la conquête romaine. P., 1928.
- Ruscu L.* Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre. Cluj-Napoca, 2002.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A.* Bosporan Chora in The Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // *AncCiv.* 1996, Vol. 3, no. 1.
- Saprykin S.Ju.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I Centuries BC). Amsterdam, 1997.
- Saprykin S.Ju.* Bosporus on the Verge of the Christian Era (Outlines of Economic Development) // *TALANTA.* 2000/2001. Vol. 32/33.
- Saprykin S.Ju.* Polis Chora in the Kingdom of Bosporus // *Problemi della chora coloniale dall'occidente al Mar Nero.* Taranto, 2001.
- Saprykin S.Ju.* Chora and Polis in the Kingdom of Bosporus in the Classical and Hellenistic Periods // *Chora und Polis.* München, 2004.
- Saprykin S.Ju.* The Chora in the Bosporan Kingdom // *Surveying The Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective.* Aarhus, 2006.
- Saprykin S.Ju.* The Kingdom of Bosporus at the Turn of the Common Era: Barbarian and Roman Impact // *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.).* Bordeaux., 2007.
- Schuler Ch.* Ländliche Siedlungen und Gemeinden im hellenistischen und römischen Kleinasien München, 1998.
- Stefan A.* Études recentes d'épigraphie grecque en Roumanie // *Eirene.* 1982. 18.
- Suceveanu A.* Quelques reflexions autour du royaume de Burebista // *AMN.* 1978. 15.
- Toutain J.* L'économie antique. P., 1928.
- Velkov V.* Alexander der Grosse und Thrakien // *Festschrift G. Wirth.* Amsterdam, 1978.
- Vinogradov Ju. G., Wörrle M.* Die Söldner von Phanagoreia // *Chiron.* 1992. Bd 22.
- Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. Vol. I-II. Nancy, 1966-1967.
- Will E., Mossé Cl., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. P., 1975.
- Youroukova Y.* Coins of the Ancient Thracians. Oxf., 1976.
- Zawadzki T.* Quelques remarques sur l'étendue et l'accroissement des domaines des grands temples en Asie Mineure // *EOS.* 1952/1953. Vol. 46. Fasc. 1.

REFERENCES

- Anokhin V.A.* Monetnoe delo Bospora. Kiev, 1986.
- Avram A.* Notes sur l'inscription de l'emporie de Pistiros de Thrace // *Il Mar Nero.* 1997/1998. III.
- Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambr., 1976.
- Bengtson H.* Wesenzüge der hellenistischen Zivilization. Brüssel, 1968.
- Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen Bd 1-2. München, 1967.
- Bikerman E.* Institutions de Seleucids. P., 1938.
- Billows R.A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden, N.Y., Köln.
- Bittner A.* Gesellschaft und Wirtschaft in Heraklea Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Bonn, 1998.
- Blavatskaya T.V.* Aspourg i Bospor // *SA.* 1965. 3.
- Blavatskij V.D.* Antichnaya arkheologiya i istoriya. Moscow, 1985.
- Boltunova A.I.* Kolkhi i derzhava Akhemenidov // *Problemy antichnoy istorii i kul'tury.* T. 1. Erevan, 1979.
- Braund D.* Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562. Oxf., 1994.
- Briant P.* Rois, tributes et paysans. P., 1982.
- Bursten S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.
- Chichikova M., Ivanov T., Enev M., Krystev K.* Trakiyskata grobnitsa ot Sveschari. Sofia, 1986.
- Cohen R.* La Grece et l'hellénisation du monde ancienne. P., 1934.
- Cohen G.* The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization. Wiesbaden, 1978.
- Crişan J.* Burebista and His Time. Bucuresti, 1978.
- Croiset M.* La civilisation hellénique. T. 1-2. P., 1922

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- Danov Ch., Ivanov T.* Antike Grabmäler in Bulgarien. Sofia, 1980.
- Dareste R., Haussoullier B., Reinach T.* Recueil des inscriptions juridiques grecques. P., 1898.
- Delev P.* Trakijskoto tsarstvo na Lizimakh: nyakoi teritorialni problemy // Balkanski drevnosti. 1992. 2.
- Delev P.* Proto-Hellenistic and Early Hellenistic Phenomena in Ancient Thrace // The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. Bucharest, 1996.
- Dimitrov D.P.* Za ukrepenite vili i rezidentsii u trakite v predrimskata epokha // Izsledovaniya v chest na akad. D. Dechev. Sofia, 1958.
- Dimitrov D.P.* Trakijskiyat grad Sevtopolis // Sevtopolis. T. 1. Sofia, 1984.
- Domaradzka L.* Monuments epigraphiques de Pistiros // BCH. 1999. T. 123.
- Domaradzka L.* Addenda ad Pistiros I: The Pistiros-Vetren Inscription // Pistiros II. Excavations and Studies. Prague, 2002.
- Domaradzki M.* Keltite na Balkanskiya poluostrov. Sofia, 1984.
- Djakonov M.M.* Ocherk istorii drevnego Irana. Moscow, 1961.
- Donoiu J.* Monede daco-getice si efigii Romane. Bucuresti, 1980.
- Drojzen I.G.* Istoriya ellinizma. T. I-III. Moscow, 1890–1893.
- Dunant Ch., Pouilloux J.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos // Etudes thasiennes V. P., 1958.
- Ellis J.R.* Philip II and Macedonian Imperialism. L., 1976.
- Finley M.* Ancient Economy. Berkley, Los Angeles, 1973.
- Fol A.* Trakiya i Balkanite prez rannoelinisticheskata epokha. Sofia, 1975.
- Fol A., Zvetkov B., Maschov S., Ivanov P.* Trakiyskoto sokrovische ot Rogozen. Sofia, 1988.
- Forrest W.G.* Wege zur hellenischen Demokratie. Staatsdenken und politische Wirklichkeit von 800-400 v. Chr. München.
- Frolov E.D.* Istoriya ellinizma v biografiyakh ego tvortsov // Bengtson G. Praviteli epokhi ellinizma. Moscow, 1982.
- Frolov E.D.* Antichnaya gosudarstvennost' na rubezhe klassiki i ellinizma // Ellinizm I Prichernomor'ye. Materialy Tret'ego Vsesoyuznogo simpoziuma. Tbilisi, 1982a.
- Frolov E.D.* Gerakleyskie mariandiny (K probleme vzaimootnosheniy grecheskikh kolonistov I mestnykh plemen v zone doriyskoy kolonizatsii) // Demographicheskaya situatsiya v Prichernomor'ye v period Velikoy grecheskoy kolonizatsii. Tbilisi, 1981.
- Frolov E.D.* Predellinizm na grecheskom Zapade (k probleme odnoscheniy "polis-monarkhiya" i "elliny-varvary" // Problemy istorii, filologii, kul'tury 1996. 1.
- Frolova N., Ireland S.* The Coinage of the Bosporan Kingdom. Oxf. 2002.
- Gabelko O.L.* Esche raz o probleme protoellinizma // Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinsticheskom mire. Kazan', 2009.
- Gajdukevič V.F., Kaposchina S.I.* K voprosu o mestnykh elementakh v kul'ture antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya // SA. 1951. XV.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., Amsterdam, 1971.
- Garbuzov S.G., Zavoikin A.A.* Sel'skaya territoriya Tamanskogo poluostrova v period pozdnykh Spartokidov // Bosporkie issledovaniya. 2014. XXX.
- Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982.
- Gattinoni F.L.* Lisimaco di Tracia. Milano, 1992.
- Grousset R.* Histoire d'Asie. T. 1. P., 1921.
- Guarducci M.* Epigrafia Greca. Vol. III. Roma, 1974.
- Hatzopoulos M.B.* Une donation du roi Lysimaque // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ V. Athens, 1988.
- Heinen H.* Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra. München, 2003.
- Homo L.* Alexandre le Grand. P., 1950.
- Iliescu V.* Alexander der Grosse und Dromichaites // Studia in honorem Borisi Gerov. Sofia, 1990.
- Ivanova A.P.* Mestnye motivy v dekorativnoy skul'pture Bospora // SA. 1951. XV.
- Jouguet P.* L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. P., 1937.
- Kaloyanov S.* Problemy na trakiyskiya urbanizm v getskite zemi // Terra antique Balcanica III. Serdicae, 1988.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Karlsson L.* Thoughts about Fortification in Caria from Mausolos to Demetrios Poliorketes // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Karyschkovskiy P.O.* Istriya i ee sosedi na rubezhe III-II vv. Do n.e. // VDI. 1971. 2.
- Khazanov A.M., Schkurko A.I.* Vozdeystvie antichnoy kul'tury na iskusstvo i kul'turu skifo-sarmatskogo mira // Antichnost' i antichnye traditsii v kul'ture i iskusstve narodov Sovetskogo Vostoka. Moscow, 1978.
- Khrapunov I.N.* Ocherki etnicheskoy istorii Kryma v rannem zheleznom veke. Tavry, skify, sarmaty. Simpheropol, 1995.
- Knipovich T.N.* Osnovnye linii razvitiya iskusstva gorodov Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu // Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya. Moscow, Leningrad, 1955.
- Kolobova K.M.* Politicheskoe polozhenie gorodov v Bosporkom gosudarstve // VDI. 1953. 4.
- Koltukhov S.G., Yurochkin V.Ju.* Ot Skifii k Gotii. Simpheropol, 2004.
- Konecny A.* Militarisches Formengut – zivile Nutzung: die lykische Türme // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Koschelenko G.A.* Grecheskiy polis na ellinisticheskom Vostoke. Moscow, 1979.
- Koschelenko G.A.* Ellinizm: k sporam o suschnosti // Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura. Moscow, 1990.
- Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. B., 1978.
- Kreissig H.* Die Dorfgemeinde im Orient in der Hellenistischen Epoche // Les communautés rurales. Recueils de la société Jean Bodin. XLI.P., 1983.
- Kruglikova I.T.* Sel'skoe khoziaystvo Bospora. Moscow, 1975.
- Krykin S.M.* Problemy voznikoveniya gosudarstvennosti u juzhnykh fraktsiy // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2002. XII.
- Kuznetsov V.D.* Novye nadpisi iz Phanogorii // VDI. 2006. 1.
- Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Vol. 2. P., 1949.
- Lazarov L.* O kel'tskom gosudarstve s tsentrom v Tile pri Kavare // VDI. 1996. 1.
- Lepore E.* Problemi dell'organizzazione della chora coloniale // Problemes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Lévêque P.* Le monde hellénistique. P., 1969.
- Lomouri N.Ju.* K istorii Pontiyskogo tsarstva. Tbilisi, 1979.
- Lomouri N.Ju.* Gruzino-rimskie vzaimootnosheniya. T. 1. Tbilisi, 1981.
- Lordkipanidze G.A.* K istorii Drevney Kolkhidy. Tbilisi, 1970.
- Lordkipanidze G.A.* Kolkhida v VI-II vv. Do n.e. Tbilisi, 1978.
- Lordkipanidze O.D.* Drevnyaya Kolkhida. Mif i arkhologiya. Tbilisi, 1979.
- Lotze D.* Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων // Studien zur Rechtstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum IV. Jahrhundert v. Chr. B., 1959.
- Maksimova M.I.* Antichnye goroda Yougo-Vostochnogo Prichernomor'ya. Moscow, Leningrad, 1956.
- Marksteiner T.* Befestigte Siedlungen Lykiens in vorrömischer Zeit // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Martin R.* Rapports entre les structures urbaines et les mondes de division et d'exploration du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Maslennikov A.A.* K tipologii bosporskikh poseleniy // SA. 1989. 2.
- Maslennikov A.A.* Nekotorye problemy ranney istorii Bosporskogo gosudarstva v svete noveyschikh arkhologicheskikh issledovaniy v Vostochnom Krymu // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 1996. 3.
- Maslennikov A.A., Treister M. Yu.* A Fragment of an Attic Helmet from the Settlement at Lake Chokrak // AncCiv. 1997. Vol. 4, no. 1.
- Maslennikov A.A.* Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Moscow, 1998.
- Maslennikov A.A.* "Tsarskaya" khora Bospora na rubezhe V-IV vv. do n.e. // VDI. 2001. 1.
- Maslennikov A.A.* Malye i maloissledovannyye goroda antichnogo Bospora. Tula, 2004.
- Maslennikov A.A.* Krymskoe Priazov'e v antichnyuyu epokhu // Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy. Ol'viya, Skifiya, Bospor. Moscow, Kiev, Zaporozhje, 2007.
- Maslennikov A.A.* Tsarskaya khora Bospora. T. 1-3. Moscow, 2010–2015.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.
- Melikischvili G.A.* K istorii drevnej Gruzii. Tbilisi, 1959.
- Missizis L.* A Royal Decree of Alexander the Great on the Land of Philippi // *Ancient World*. 1985. 12. No. 1-2.
- Molev E.A.* Zapadnopontijskie goroda v antirimskikh voynakh Mitridata VI // *Terra Antiqua Balcanica II*. Sofia, 1985.
- Molev E.A.* Bospor v period ellinizma. Nizhniy Novgorod, 1994.
- Neikhardt A.A.* Rabstvo v grecheskikh gorodakh yuzhnogo poberezhya Ponta // *Rabstvo na periferii antichnogo mira*. Leningrad, 1968.
- Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd I- III. Gotha, 1893-1903.
- Olkhovskiy V.S., Khrapunov I.N.* Krymskaya Skifiya. Simpheropol, 1990.
- Olshausen E.* Zum Hellenisierungsprozess am pontischen Königshof // *Ancient Society*. 1974. 5.
- Panov A.R.* Rim i Bospor: protivostoyanie ili sotrudnichestvo? Nizhniy Novgorod, 2013.
- Petit P.* La civilization hellénistique. P., 1965.
- Petit P., Larond A.* Ellinisticheskaya zivilisatsiya. Moscow, 2004.
- Pimouguet I.* Les fortifications de la Pérée rhodienne // *Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale*// REA 1994. 96. 1-2.
- Pippidi D.* Istros et les getes au IIIe siecle av. notre ère // *SC*. 1961. 3.
- Preda C.* Monede de un tip necunoscut provenind din Dobrogea // *SCIV*. 1964. XV, 3.
- Preda C.* Monedele geto-dacilor. Bucuresti, 1973.
- Ranovich A.B.* Zavisimye krest'yane v ellinisticheskoy Maloy Azii // *VDI*. 1947. 2.
- Ranovich A.B.* Ellinizm i ego istoricheskaya rol'. Moscow, 1950.
- Robert J. et L.* Bulletin epigraphique // *REG* 1967.
- Rozovskiy A.A.* Ponyatie ellinizm: zivilizatsionnyy podkhod (postanovka problemy) // *Metodologiya I metodika izucheniya antichnogo mira*. Moscow, 1994.
- Rostovtsev M.I.* Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii. Petrograd, 1918.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922.
- Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I-III. Oxf., 1941.
- Roussel P.* La Grece et l'Orient des guerres médiques à la conquête romaine. P., 1928.
- Ruscu L.* Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre. Cluj-Napoca, 2002.
- Saprykin S. Ju.* Novye knigi o drevney Kolkhide // *SA*. 1982. 1.
- Saprykin S. Ju.* Tiraniya v pripontiyskikh gosudarstvakh // *Problemy sotsial'no-politicheskoy organizatsii i ideologii antichnogo obschestva*. Leningrad, 1984.
- Saprykin S. Ju.* Gerakleya Pontiyskaya i Khersones Tavricheskiy. Moscow, 1986.
- Saprykin S. Ju.* Mitridat Evpator i Frakiya // *Bolgarskiy ezhegodnik I*. Khar'kov, 1994.
- Saprykin S. Ju.* Nadpis' frakiyskogo tsarya iz Tiry // *Studia in honorem Georgi Michailov*. Sofia, 1995.
- Saprykin S. Ju.* Pontiyskoe tsarstvo. Moscow, 1996.
- Saprykin S. Ju.* Gorod I tsarskaya vlast' v Pontiyskom gosudarstve Mitridatidov // *Antichnyy mir. Vizantiya*. Khar'kov, 1997.
- Saprykin S. Ju., Maslennikov A.A.* Bosporan Chora in The Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // *AncCiv*. 1996, Vol. 3, no. 1.
- Saprykin S. Ju.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I Centuries BC). Amsterdam, 1997.
- Saprykin S. Ju.* Bosporus on the Verge of the Christian Era (Outlines of Economic Development) // *TALANTA*. 2000/2001. Vol. 32/33.
- Saprykin S. Ju.* Polis Chora in the Kingdom of Bosporus // *Problemi della chora coloniale dall' occidente al Mar Nero*. Taranto, 2001.
- Saprykin S. Ju.* Bosporkoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh. Moscow, 2002.
- Saprykin S. Ju.* Bosporskoe tsarstvo: ot tiranii k ellinisticheskoy monarkhii // *VDI*. 2003. 1.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Saprykin S. Ju.* Aristarkh Kolkhidskiy // Scripta Gregoriana. Moscow, 2003a.
- Saprykin S. Ju.* Chora and Polis in the Kingdom of Bosphorus in the Classical and Hellenistic Periods // Chora und Polis. München, 2004.
- Saprykin S. Ju.* The Chora in the Bosporan Kingdom // Surveying The Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus, 2006.
- Saprykin S. Ju.* Etudy po sotsial'noy i ekonomicheskoy istorii Bosporskogo tsarstva // Antichnaya tsivilizatsiya i varvary. Moscow, 2006.
- Saprykin S. Ju.* The Kingdom of Bosphorus at the Turn of the Common Era: Barbarian and Roman Impact // Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.). Bordeaux., 2007.
- Saprykin S. Ju.* O khronologicheskikh granitsakh ellinizma // Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveschenii. Saint-Peterbourg, 2008.
- Saprykin S. Ju.* Pozdneellinisticheskii i rimskiy periody (I v. do n.e. – seredina III v. n.e.) // Antichnoe nasledie Kubani. T. 2. Moscow, 2010.
- Saprykin S. Ju.* Getodakiyskie tsarstva ellinisticheskoy epokhi // Bosporski issledovaniya. 2010a. XXIII.
- Saprykin S. Ju.* „Malye“ gosudarstva Prichernomor'ya v epokhu ellinizma i ranney Rimskoy imperii // Vsemirnaya istoriya. T. 1. Moscow, 2011.
- Saprykin S. Ju.* Traditsii rossiyskoy nauki v izuchenii antichnogo Prichernomor'ya v Sovetskuyu i postsovetskuyu epokhi // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Paradoksy pobedy tsivilizatsii nad varvarstvom. Moscow, 2013.
- Saprykin S. Ju.* Pontiyskie tsarstva: ot ellinizatsii k ellinizmu // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Pogranich'e kak fenomen, sostoyanie i kul'turno istoricheskoe prostranstvo. Moscow, 2015.
- Shelov-Kovediaev F.V.* Istoriya Bospora v VI-IV vv. do n.e. // Drevneyschie gosudarstva na territorii SSSR. 1984. Moscow, 1985.
- Shelov-Kovediaev F.V.* O periode „protoellinizma“ na grecheskoy periferii (na primere Bospora) // Prichernomor'ye v epokhu ellinizma. Tbilisi, 1985a.
- Schuler Ch.* Ländliche Siedlungen und Gemeinden im hellenistischen und römischen Kleinasien München, 1998.
- Sokol'skiy N.I.* O periode ellinizma v Severnom Prichernomor'ye // VDI. 1955. 4.
- Sokol'skiy N.I.* Vzaimootnoscheniya antichnykh gosudarstv i plemen Severnogo Prichernomor'ya // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. B., 1961.
- Sokol'skiy N.I., Shelov D.B.* Istoricheskaya rol' antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya // Problemy istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu. Moscow, 1959.
- Solomatina E.I.* Rev.: Maslennikov A.A. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'ye). T. 1: Arkhitekturno-stroitel'naya i arkheologicheskaya kharakteristika pomyatnikov). Moscow, 2010 // VDI. 2013. 1.
- Stefan A.* Études recentes d'épigraphie grecque en Roumanie // Eirene. 1982. 18.
- Suceveanu A.* Quelques reflexions autour du royaume de Burebista // AMN. 1978. 15.
- Surikov I.E.* Politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira. Moscow, 2015.
- Surikov I.E.* Predposylki stanovleniya kul'ta praviteley v doellinisticheskoy Gretsii // “Bogi sredi lyudey”: kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskom mire. Saint-Peterbourg, 2016.
- Sventsitskaya I.S.* Sotsial'no-ekonomicheskie osobennosti ellinisticheskikh gosudarstv. Moscow, 1963.
- Tarn V.* Ellinisticheskaya tsivilizatsiya. Moscow, 1949.
- Tacheva M.* Istoriya na bylgarskite zemi v drevnostta. Sofia, 1987.
- Todorov I.* Dopylnenie kym Strabon VII. 3. 11 // Terra Antiqua Balcanica III. Serdicae, 1988.
- Todorov I.* Dromikhet – edin malko izvesten getski vladetel ot nachaloto na I v. pr. n.e. // Terra Antiqua Balcanica IV. Serdicae, 1989.
- Todua T.T.* Kolkhida v sostave Pontiyskogo tsarstva. Tbilisi, 1990.
- Toutain J.* L'économie antique. P., 1928.
- Velkov V.* Alexander der Grosse und Thrakien // Festschrift G. Wirth. Amsterdam, 1978.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- Velkov V. Kabile. Mestopolozhenie, prouchvaniya, izvori // Kabile. Tom 1. Sofia, 1982.
- Vinogradov Ju.G. Polis v Severnom Prichernomor'ye // Antichnaya Gretziya. T. 1. Moscow, 1983.
- Vinogradov Ju. G., Wörrle M. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. 1992. Bd 22.
- Vinogradov Ju.G. Bospor i ellinizm // III Vsesoyuznij simpozium po problemam ellinisticheskoy kul'tury na Vostoke. Erevan, 1988.
- Vinogradov Ju. A. Kurgany varvarskoj znati V v. do n.e. v rayone Bospora Kimmerijskogo (Opyt interpretatsii) // VDI. 2001. 4.
- Voronov Ju. N. Mestnoe naselenie Severo-Zapadnoy Kolkhidy v VIII – V vv. do n.e. // Demographicheskaya situatsiya v Prichernomor'ye v period Velikoy grecheskoy kolonizatsii. Tbilisi, 1981.
- Voronov Ju.N. Dioskouriada – Sebastopolis – Tskhum. Moscow, 1980.
- Vysokij M.F. Tcherty protoellinizma v Velikoj Gretsii (Sitsiliya) i Frakii // Istoriya I kul'tura drevnego mira. Moscow, 1996.
- Vysokij M.F. Elliny v Odrisskom tsarstve v V-IV vv. do n.e. // Studia historica 2003. Vyp. 3.
- Will E. Histoire politique du monde hellénistique. Vol. I-II. Nancy, 1966-1967.
- Will E., Mossé Cl., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. P., 1975.
- Yakovenko E.V. Ryadovye skifskie pogrebeniya v kurganakh Kryma // Drevnosti Vostochnogo Kryma. Kiev, 1970.
- Youroukova Y. Coins of the Ancient Thracians. Oxf., 1976.
- Zavoikin A.A. "Bosporkij fenomen" ili pseudo-ellinizm na Bospore // Drevnosti Bospora. 2001. T. 4.
- Zavoikin A.A. Bosporskaya monarkhiya: ot polisnoj tiranii k territorial'noj derzhave // Antichnyy mir I varvary na juge Rossii i Ukrainy. Olviya, Skifiya, Bospor. Moscow, Kiev, Zaporozhje, 2007.
- Zavoikin A.A. Ellinizm i Bospor // Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko- ellinisticheskom mire. Kazan', 2009.
- Zavoikin A.A. Obrazovanie bosporkogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov. Simpheropol', Kerch, 2013.
- Zavoikin A.A. Bosporskie greki i „aziatskie varvary“ v period arkhaiki – rannego ellinizma // Scripta antiqua III. Moscow, 2013a.
- Zavoikina N.V. Bosporkie phiassy: mezhdru polisom I monarkhiey. Moscow, 2013.
- Zawadzki T. Quelques remarques sur l'étendue et l'accroissement des domaines des grands temples en Asie Mineure // EOS.1952/1953. Vol. 46. Fasc. 1.
- Zel'in K.K. Nekotorye osnovnye problemy istorii ellinizma // SA. 1955. XXII.
- Zel'in K.K. Osnovnye cherty ellinizma// VDI. 1955a. 4.
- Zhebelev S.A. Severnoe Prichernomor'ye. Moscow, Leningrad, 1953.
- Zhuravlev D.V., Mokrousov S.V., Saprykin S.Ju. Epokha pozdnej atichnosti // Antichnoe nasledie Kubani. T. 2. Moscow, 2010.
- Zlatkovskaya T.D. Vozniknovenie gosudarstva u frakiytsev. Moscow, 1971.
- Zubar' V.M., Zin'ko V.N. Bospor Kimmeriyskiy v antichnuyu epokhu // Bosporkie issledovaniya. 2006. XII.
- Zubar' V.N, Son N.A. Severo-Zapadnoe Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu. Simpheropol, 2007.

Резюме

Статья посвящена проблеме эллинизма в древнем Причерноморье на примере трех регионов – Северного Причерноморья, преимущественно Боспорского государства, Западного Причерноморья, где существовало Фракийское государство, и Колхиды в Восточном Причерноморье. В статье делается вывод, что эллинизм как конкретное историческое явление, которое развивалось на основе социально-экономических отношений, пустил глубокие корни на Боспоре, поскольку там сформировались все признаки, характерные для этого исторического этапа развития государственности. Если до Митридата Евпатора Боспор представлял собой полисную структуру, где сложился тиранический режим Спартокидов, то после вхождения этого государства в состав державы Митридата Евпатора эллинистические отношения стали активно развиваться. Поэтому Боспорское государство как эллинистическое образование просуществовало со времени Митридата VI до середины III в. н.э. Его развитию там содействовала римская политика в Причерноморье, направленная на усиление его экономического и военного потенциала. Во Фракии и Колхиде, напротив, эллинистическая государственность в целом не сложилась по причине сильных пережитков племенного деления и раздробленности на самостоятельные племенные союзы. Во Фракии римская власть пыталась содействовать развитию эллинизма, однако пережитки племенного деления и сохранение соседских общин препятствовали становлению эллинистических отношений и государственности.

Ключевые слова: Боспор, Спартокиды, эллинизм, протоэллинизм, эллинизация, варваризация, Фракия, Колхида, Митридат Евпатор, Понтийское царство, геты, одрисы, колхи.

Summary

The article is devoted to the problem of Hellenism in the ancient Black Sea Littoral, particularly in its three local regions – the North Black Sea Coast (the Kingdom of Bosphorus), the West Black Sea Coast (Thrace) and Colchis on the East Black Sea Coast. The main conclusion is as follows: Hellenism as concrete historical phenomenon was developing on the base of social and economic relations. It was deeply growing at Bosphorus where one can find all signs characteristic for the particular etape of Hellenistic statehood. Before Mithridates Eupator Bosphorus was a kind of polis state with tyranic power of the Spartocids, but since it became a part of the Panpontic state of Mithridates VI the social, economic, political and cultural relations took an active start in developing like in Hellenistic kingdoms of Asia Minor and Near East some centuries earlier. Hellenistic features at Bosphorus, due to the social-economic structure in the ancestral kingdom of Mithridates VI, endured until the middle of the 3rd century AD. The development of Hellenism at Bosphorus was promoted by the Romans, who were greatly interested in the growth of its economic and military power in order to make it as a barrier against the barbarians. Unlike Bosphorus Hellenism in Thrace and Colchis was weak and really unaccomplished because of strong survivals of tribal division, different independent tribal unions, separatism and disunity of territories. The Romans at some point were promoting the moulding of Hellenism in Thrace, but the tribal subdivision, paradyndasty and conservation of peasant communities hindered the creation of Hellenistic relations and statehood of Hellenistic type.

Keywords: Bosphorus, the Spartocids, Hellenism, protohellenism, Hellenization, barbarization, Thrace, Colchis, Mithridates Eupator, the Pontic kingdom, Getae, Odryssi, Colchians.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапрыкин Сергей Юрьевич, д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН.
8 (495) 939 06 07
mithridates@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Saprykin Sergey Jurievich, professor,
Head of the Department of Ancient History
in the Moscow State University,
Leading Scientific Researcher, Institute of
World History, Russian Academy of Sciences.
8 (495) 939 06 07
mithridates@mail.ru

Н.В. МОЛЕВА
N.V. MOLEVA

ЭЛИТА БОСПОРА: ПОПЫТКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИГРАФИИ¹ THE ELITE OF THE BOSPORAN KINGDOM: ATTEMPT SOCIAL STRATIGRAPHY

Элитой считается тот слой традиционного общества, который играл главную роль в политике, культуре, религиозной жизни. Для Боспорского государства деятельность элиты нашла отражение в нарративных, эпиграфических и археологических источниках. В сочинениях античных авторов мы находим сведения о правителях, ученых, деятелях искусства, связанных с Боспором. Памятники эпиграфики дают материалы для выводов о деятельности жрецов, творчестве поэтов, строительных успехах, военных операциях, имевших место на Боспоре. Деятельность элиты отражена и в археологических контекстах: это особенности погребального обряда, а также «совокупность предметов высокого качества изготовления или высокой значимости содержания» [Тульпе, 2016, с. 13].

Элитарные слои боспорского населения играли главную роль в политике, культуре и религии. Однако сам термин «элита» является слишком общим и нуждается в дифференциации. Тем более что современное его понимание существенно отличается от того, что имело место в древнегреческих государствах. Каждый слой боспорской элиты обладал своим набором знаний, умений и компетенций, хотя, все вместе взятые, они оказывали благотворное воздействие на каждого человека [Тульпе, 2016, с. 15]. В предлагаемой статье мы попытаемся выделить слои (страты) в боспорской элите, опираясь в основном на эпиграфические источники.

Упомянув о «типологии элит», И. Е. Суриков уделил самое пристальное внимание первому типу – аристократической элите (*kaloí kagathoi*), прекрасной и доблестной, самой развитой, самой образованной, военно и спортивно подготовленной части гражданского коллектива, обладавшей наиболее широким кругозором. Конечно, все они были представителями знатных родов [Суриков, 2009, с. 34, 51]. Он выделил также признаки греческой аристократии, составляющие базу ее власти:

- экономическое могущество и богатство;
- занятие всех важных должностей в государстве;
- исключительное положение в религиозной жизни;

---

¹ Некоторые положения этой статьи в тезисном варианте прозвучали в докладе на конференции в Санкт-Петербурге в ноябре 2016 г. [Молева, 2016].

Молева Н.В. Элита Боспора: попытка социальной ...

- военный престиж;
- участие в панэллинских агонах, особенно в спортивных состязаниях [Суриков, 2000, с. 13–17].

Если судить по памятникам боспорской эпиграфики, все эти признаки вполне подходят для выделения боспорской аристократической элиты, ведущей силы внешней и внутренней политики государства во все века его существования.

В трудах, посвященных истории Боспора, термин «элита» встречается редко. У М. И. Ростовцева есть определение «полуиранская аристократия» [Ростовцев, 1918, с. 150–152]. В. Ф. Гайдукевич пишет о знати землевладельческой, торговой, местной (варварской) как о социальной опоре царской власти [Гайдукевич, 1955, с. 115]. В. Д. Блаватский пользуется терминами «местная знать», «социальные верхи Боспора» [Блаватский, 1964, с. 46–47, 63, 90, 202, 213]. Во всех этих случаях имеются в виду приближенные боспорских царей, влияющие на политические события. А. А. Масленников, характеризуя верхушку боспорского общества, отмечает, что аристократия являлась самой влиятельной группой и включала в себя руководителей различных звеньев государственного аппарата. Причем все без исключения должностные лица носили греческие имена, а во II–III вв. н.э. к ним присоединялись еще и римские. В ряде случаев магистратуры могли переходить от отца к сыну [Масленников, 1990, с. 111–113].

Имея в виду позднеэллинистический период в истории Боспора, С.Ю. Сапрыкин использует такое обозначение элит, как «боспорская верхушка» и союзные ей катойки [Сапрыкин, 2010, с. 111]. Опорой царской власти он считает наместников царя, командиров гарнизонов и людей, занимавших высокие полисные должности (политархи, лохаги), и союзную племенную аристократию [Сапрыкин, 2010, с. 121].

Ю.А. Виноградов, наряду с обозначениями «местная аристократия», «варварская аристократия» [Виноградов, 2009, с. 75, 77, 79], часто употребляет термины «элита Боспорского царства», «скифская элита», «варварская элита» [Виноградов, 2009, с. 62, 65].

В военной иерархии аристократия была представлена тяжелой конницей [Масленников, 1990, с. 42]. Изображения таких всадников часто встречаются на рельефных надгробиях (КБН–Альбом. 294, 491, 1238 и др. Табл. 3). А.А. Завойкин в своей монографии использует словосочетание «верхи боспорского общества» и «знатные роды», отмечая их большую роль в истории Боспора [Завойкин, 2013, с. 455, 457]. Н.И. Сударев пишет о «верхушке населения городов» [Сударев, 2004, с. 218]. В.А. Горончаровский, акцентируя внимание на военной аристократии, служившей при дворе, называет ее «элитным подразделением», выступавшим на войне как конный корпус [Горончаровский, 2003, с. 25].

Оставляя в стороне сложный вопрос об этнической принадлежности боспорской аристократии, заметим лишь, что М.И. Ростовцев считал, что основным составляющим ее элементом был фракийский, а позже – сарматский [Ростовцев, 1918, с. 147–150]. В.Д. Блаватский называл ее «эллинизированной местной знатью», имевшей

Боспорские исследования, вып. XXXV

родство с синдо-меотскими родами [Блаватский, 1964, с. 73, 90]. В.Ф. Гайдукевич отмечал, что богатые землевладельцы, жрецы, судохозяева состояли в основном из греков [Гайдукевич, 1949, с. 63]. Ю. А. Виноградов пишет о «полуварварской элите Боспора, для культуры которой типична выразительная военизированная окраска [Виноградов, 2007, с. 133]. Безусловно, несмотря на редкие случаи употребления термина «элита», высшие слои боспорского общества, по большей части сосредоточенные в Пантикапее, резко выделялись в среде боспорских граждан (οι πολιται) или «боспоритов», подданных боспорских царей [Завойкин, 2013, с. 443, 448, 452]. Не случайно многие эпитафии на надгробных памятниках (некоторые из ценного привозного мрамора) происходят из столицы. Такие надгробия были дорогими и доступными лишь людям, в руках которых скопились значительные богатства. В качестве примера можно привести мраморную стелу, увенчанную фронтоном и тремя акротериями вифинца Тертия, сына Руфа, судовладельца, жившего и умершего на Боспоре в III в. н.э. (КБН 732; КБН-Альбом 732).

Кроме всего прочего, аристократы являлись жрецами всех крупных храмов. В культурах государственного значения роль жрецов, вероятно, исполняли боспорские цари, в частности в таинствах в честь Деметры и Керы, совершавшихся по образцу элевсинских [Скржинская, 2009, с. 86-87]. Одна из боспорских надписей III в. до н.э. (КБН 25) называет Левкона, сына Перисада II, ставшего впоследствии царем Левконом II, отбывшим срок своего жречества и поставившим мраморную статую Аполлону Врачу.

Во II в. н.э. царь Савромат II упоминается в надписях как пожизненный первосвященник (КБН 1045, 1122). В первые века н.э. жрецы назначались боспорскими царями и такое жречество могло быть пожизненным с передачей этого звания потомкам (КБН 1050). Очевидно, что такой почет оказывался приближенным царя. Факт, что на Боспоре жречество происходило из элитных (аристократических) слоев населения, подтверждается многочисленными посвятельными надписями, выполненными на плитах и постаментах статуй из дорогого привозного мрамора (КБН 6, 6а, 8, 10, 13, 14, 20, 21, 25, 974, 1040, 1042, 1044).

В общественной и религиозной жизни государства жреческие должности были доступны и знатым женщинам. Известны пять посвящений Деметре, Артемиде, Афродите и Матери Фригийской (Кибеле), сделанные от имени жриц (КБН 6а, 8, 14, 21, 1040). Кстати, В.П. Яйленко считает жриц храмов Афродиты, в частности – в Нимфее, представительницами царского дома Спартокидов [Яйленко, 1995, с. 236-237]. Известно также немало имен женщин, делавших значительные пожертвования в храмы [Скржинская, 2010, с. 27]. Одна из них – Гликерия, первая жена царя Асандра, построила на свои средства мраморный фонтан у источника с пресной водой в Нимфее (КБН 913) и удостоилась эпитафии, написанной «очень хорошим местным поэтом» [Twardecki, 2012, с. 504].

Представители аристократической элиты, являясь также профессиональными военными, образовывали военно-религиозные братства аристократического харак-

Молева Н.В. Элита Боспора: попытка социальной ...

тера – синоды [Блаватский, 1964, с. 213]. Такие объединения упоминаются в боспорских надписях II-III вв. н.э. (КБН, 81, 82,86, 91,96, 98,99, 103,105,108).

Элитарность этих слоев боспорского общества достаточно полно отражена в самых различных источниках. Об этом свидетельствует, например, то, что погребения в курганах, склепах, саркофагах производились в соответствии с греческими традициями, с палестрическим инвентарем, иногда – с кремацией покойных [Кунин, Кунина, 1962, с. 282, 286]. Кстати, сам обряд кремации, как и наличие оружия в могилах, Н. И. Сударев, вслед за Е. Г. Кастанаян, считает характерной чертой погребального обряда греческой верхушки населения боспорских городов и отмечает сочетание таких признаков с палестрическими чертами [Кастанаян, 1959, с. 294; Сударев, 2004, с. 211; Сударев, 2005, с. 279–289]. Им было подсчитано, что на территории Европейского Боспора такие погребения составляют 10%. Вероятно, именно столько аристократии было в составе населения столицы и ее окрестностей. Втрое меньше подобных захоронений отмечено на азиатской стороне [Сударев, 2004, с. 210]. Типичной эпиграммой, отразившей доблесть воина-боспорца Аполлония, погибшего от страшного варварского копья и находящегося в обители героев, воздается «почетная слава и честь» (КБН 119).

Высокий общественный статус боспорской элиты отражен и в таких эпиграфических источниках, как манумиссии, надписи фиасов и строительные, списки имен победителей спортивных агонов (наиболее знаменит горгиппийский – КБН. 1137) и стихотворные эпитафии. Последних известно 44. Создателями этих написанных элегическим дистихом поэтических произведений были местные стихотворцы. Все их творения являются единственными дошедшими до нас подлинными образцами поэтического творчества боспорян. В них воспеваются добродетели умерших. Именно «воспеваются», так как музыка часто сопровождала исполнение большинства стихотворных произведений и поэты часто были одновременно и композиторами [Скржинская, 2009, с. 281]. Нам известен музыкант Исил, получивший образование на Боспоре, своей родине [Молева, 2005, с. 62].

В эпитафиях на памятниках мужчин указываются качества, присущие аристократии – воинам, доблестным защитникам Отечества. Так, к самым главным достоинствам мужчин и юношей относятся военная доблесть и слава на поле боя, бесстрашие, честь, справедливость, верность, безукоризненная дружба. Они сравниваются с троянскими героями и, конечно, пребывают вместе с ними в загробном мире (КБН. 119, 131, 136, 1057). Особого упоминания заслуживают стихотворные надписи, подчеркивающие высокий общественный характер деятельности умерших. В числе их «Мастус, стяжавший почеть царей и сограждан» (КБН. 138), «Хариксен... почет и добрую славу стяжав от царя и народа» (КБН. 140).

Большинство специалистов считают, что авторы боспорских эпитафий были хорошо образованными людьми. Их стихотворения неординарные, стилистические приемы яркие, содержание свидетельствует о знакомстве с древнегреческой поэзией и философскими сочинениями. Они принадлежали к боспорской интеллектуальной

элите [Скржинская, 2016, с. 19]. А. Твардецкий в качестве блестящих примеров творчества боспорских поэтов, заслуживающих самой высокой оценки, приводит эпитафии Смикра (КБН 118), Гекатея (КБН 121) и Гликариона [Болтунова, 1968, с. 131-132]. Он относит этих авторов к интеллектуальной элите и считает IV-III вв. до н.э. «золотым веком» культурного развития Боспорского царства и временем существования в Пантикапее поэтического сообщества [Twardecki, 2010, с. 524; Twardecki, 2011, с. 461-462]. К сожалению, нам почти не известны имена боспорских поэтов, сочинителей эпитафий. У греков отсутствие указаний на авторство стихов на надгробиях было правилом [Доватур, 1992, с. 12]. Единственное имя такого поэта, дошедшее до нас, сохранилось в эпитафии Гликариона, который деяния своих соотечественников «воспевал благочестивым языком» [Болтунова, 1968, с. 132]. А.И. Болтунова считала Гликариона местным боспорским поэтом, профессиональным сочинителем эпитафий, творившим в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. [Болтунова, 1968, с. 132].

Отметим, что творческая судьба авторов эпитафий может считаться завидной: стихи, сочиненные ими 2,5 – 2 тысячи лет назад, звучат и в наше время. Все они рассчитаны на внимание читателя и долговременное существование. И такая читающая аудитория на боспорских некрополях была многочисленной [Панченко, 1992, с. 42]. Не будем забывать, что древние греки регулярно и довольно часто посещали некрополи в дни поминовения и похорон, прочитывая и оценивая стихотворные надписи на надгробиях [Молев, Молева, 2015, с. 39].

Наиболее интересным с исторической и культурной точек зрения представляется то обстоятельство, что в боспорских эпитафиях нашел отражение еще один тип элиты – интеллектуальный. Т.В. Блаватская в своей работе, посвященной греческой интеллигенции, относит к этой категории работников умственного труда, профессионалов в своем деле, людей, создававших культурные ценности [Блаватская, 1983, с. 3]. Их труд пользовался огромным спросом. Среди этих творцов были свободные граждане, и их положение было почетным в обществе [Глазычев, 2000, с. 117]. К этой группе работников умственного труда отнесем философов, писателей, переводчиков, учителей, музыкантов (сочинителей и выдающихся исполнителей музыкальных произведений) и, конечно, поэтов.

К боспорским философам можно отнести Стратоника, Смикра и Гекатея. Их надгробные эпитафии производят большое впечатление: Стратоник «причисленный к прежним великим людям... мудрость которого узнают из его книг бесчисленные века» (КБН 145); Смикр, давший согражданам «наилучший образ мыслей и «учивший на распутьях дорог» (КБН 118); Гекатей «запечатлевший славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения» (КБН 121). Д.В. Панченко считает, что последняя надпись представляет собой концентрированное и цельное выражение жизненной позиции [Панченко, 1992, с. 30].

До нас дошли также косвенные сведения о сочинениях боспорских историков. К сожалению, их труды не сохранились. Однако ими активно пользовались греческие и римские писатели. В частности, Страбон, Диодор Сицилийский, Дион Кассий.

Молева Н.В. Элита Боспора: попытка социальной ...

Безусловно, исторические сочинения могли писать только высокообразованные люди из элитных слоев общества [Скржинская, 2016, с. 17].

Вероятно, и личные связи боспорских ученых с интеллектуальной элитой Греции могли быть весьма частыми и сложными [Завойкин, 2013, с. 455]. В своем духовном развитии боспорские авторы старались не отставать от центров греческой культуры и оставили после себя «живую память», «почетную славу» и книги для потомков.

Особо хочется отметить труд переводчиков, также людей высокообразованных и свободных граждан. Известны две надгробные стелы II и III вв. н.э., упоминающие переводчиков Перисала и Ревсинала (КБН 698, Пантикапей), а также Герака «главного переводчика аланов» (КБН 1053, Гермонасса). Все имена, названные в этих надписях, имеют патронимики. Их профессия была весьма почетной, а социальный статус достаточно высоким, что подтверждает и хорошее качество их надгробий.

В одной из боспорских надписей упоминается Авл Ситессий – эмпирик (КБН 519). Вероятнее всего, это врач эмпирической школы. Судя по имени, он был римлянином, практиковавшим в Пантикапее в первой половине II в. н.э. На его стеле есть изображения змеи и свитка.

Среди представителей интеллигентных профессий могли быть и люди с довольно низким социальным статусом, которые не удостоились патронимиков в надгробных надписях, хотя они были состоятельными пантикапейцами. Это Гиакинф, Сократ и Милесий, служащие приходной канцелярии, которым в I в. н.э. была поставлена мраморная (!) стела (КБН 519). К таким людям можно также отнести и представителей вспомогательных интеллигентных профессий, обладавших значительной грамотностью, – переписчиков, резчиков надписей, мелких служащих [Блаватский, 1964, с. 22]. Конечно, их вряд ли можно считать интеллектуальной элитой, но представители этих профессий также оставили свой след в культуре Боспора.

Произведения же боспорских стихотворцев в виде эпитафий сохранились до нашего времени. Такого рода сочинения ведут свое начало от речей, произнесенных над могилами («ἐπι» – над, «τάφος» – погребение, могила); позднее сущность такой речи, облеченная в поэтическую форму, высекалась на надгробиях [Федосеев, Кучеревская, Артеменко, 2013, с. 5]. Как уже отмечалось выше, авторы таких стихов принадлежали к интеллектуальной элите и были людьми хорошо образованными, владеющими законами жанра, использовали яркие стилистические приемы и знакомство с философскими сочинениями [Матковская, 2000, с. 91; Скржинская, 2016, с. 19].

Следует заметить, что достаточно высокий уровень образованности был доступен и знатным боспорянкам. Такие их черты, как благородство, скромность, верность, талант, которые позволяют сравнивать их с Музами и даже считать 10-1 Музой, встречаются в женских эпитафиях (КБН 130, 144). Вероятно, такое образование и воспитание они получали в семье [Молева, 2004, с. 68-69].

Поэтические строки боспорских поэтов воспевают такие достоинства лучших людей, как мудрость, образованность, любовь к наукам, благоразумная жизнь, благочестивый язык, добрый нрав. Как правило, в этих строках упоминаются Музы и

Хариты, покровительницы интеллектуальных занятий [КБН 118, 125, 146; Болтунова, 1968, с. 132]. По своей сути такие стихи – гимн красоте человеческой души [Молева, 2005, с. 215].

Любовь к поэтическому творчеству была свойственна боспорской интеллектуальной элите. Об этом свидетельствует факт существования поэтических агонов в Пантикапее. Известно полное граффито на донце чернолаковой солонки начала IV в. до н.э.: ΕΠΟΣ. ΝΙΚΗ ΓΥΓΗΝΤΟΣ ΚΑΙ ΠΑΤΑΙΚΟΥ. (*Состязание в эпической поэзии. Победа Гигеса и Патайка.*). Очевидно, агональный характер греческой культуры был присущ и Боспору [Блаватский, 1964, с. 93, рис. 28].

Разумеется, выделяя отдельные фразы из эпитафий и давая им оценку, мы не должны забывать о целостности форм этих произведений. Кроме возвеличивания заслуг умерших, в них отражено горе родных, поставивших надгробие «памяти ради» (ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ). Собственные чувства, заслуги живых родственников тоже подробно перечисляются [Молев, Молева, 2015, с. 40–42]. Так, в надписи в честь Аполлония, погибшего в бою с варварами, отмечена печаль его супруги, которая «стонет в слезах, восприняв неожиданную скорбь... все полно горя» (КБН. 119), что хорошо оттеняет как мужество павшего героя, так и горе его вдовы [Гаврилов, 2005, с. 71]. Заметим, что в стихотворных эпитафиях восхваление военной доблести, как правило, не соседствует с указанием на интеллектуальные таланты. Вероятно, эти категории боспорской элиты хотя и сосуществовали в одном обществе, но жили каждая своими интересами и ценностями. Творческие личности находили себе единственно возможную опору – сообщество себе подобных и равных [Глазычев, 2000, с. 121].

Однако именно представители интеллектуальной элиты Боспора, прежде всего поэты и историки, увековечивали и военные подвиги, и научные достижения боспоритов, донесли до нас их духовный мир, чувства, эмоции, их веру, надежду, любовь. Ни один другой письменный источник не дает такой информации.

В заключение отметим еще один вид элиты, который таковым (за редким исключением) в Греции не считался. Условно назовем его «художественной (творческой) интеллигенцией» и отнесем к ней архитекторов, скульпторов, камнерезчиков, художников, торевтов. Большинство таких людей жили за счет своей квалификации, работали за деньги и часто приравнивались к ремесленникам. Соответственно положение их считалось зависимым, а социальный статус пониженным. Л.П. Маринович отмечала, что в Греции презирали не сам труд ремесленника, а его зависимое положение [Маринович, 2000, с. 116]. Эти люди создавали свои шедевры собственными руками. Их труд оплачивался довольно дорого.

Среди них следует отметить особое положение архитекторов, уровень образования которых был очень высок, требовал больших средств и значительного времени. По большей части это были свободные граждане, принадлежавшие к интеллектуальной элите. На Боспоре нам известны имена четырех архитекторов, восстановивших крепостные стены, башню и рыночную площадь. Все они работали в III в. н.э. на Тамани и в Танаисе. Это Диофант, сын Неопола, Навак, сын Мевака, Аврелий

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. 1955. Т. I. С. 23–47.
Gajdukevich V.F. Istorija antichnih gorodov Severnogo Prichernomorja // AGSP. 1955. T. 1. S. 23–47.
- Глазычев В.Л.* Проблема интеллектуала: от классики к эллинизму // ΣΙΣΣΙΤΙΑ. Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2000. С. 117–121.
Glazychev V.L. Problema intelektuala: ot klassiki k ellinizmu // ΣΙΣΣΙΤΙΑ. Отв. red. V.Ju. Zuev. SPb., 2000. S. 117–121.
- Горончаровский В.А.* Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб. - М., 2003. 224 с.
Goroncharovskij V.A. Mezhdu imperiej i varvarami. Voennoe delo Voopora rimskogo vremeni. SPb., - M., 2003. 224 s.
- Доватур А.И.* Проводы Феофилы (CIRB 130) // Этюды по истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 11–27.
Dovatur A.I. Provody Pheophily (CIRB 130) // Etjudy po istorii i culture Severnogo prichernomorja. SPb., 1992. S. 11–27.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь-Керчь, 2013. 592 с.
Zavoikin A.A. Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva. Arheologija i hronologija stanovlenija derzhavy Spartokidov. Simopheropol-Kerch, 2013. 592 s.
- Иванова А.А.* Скульптура и живопись Боспора. М., 1961. 150 с.
Ivanova A.A. Skulptura i zhivopis Bospora. M., 1961. 150 s.
- Кастанаян Е.Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов в VI–IV вв. до н.э. и их местные особенности // МИА. 1959. № 69. С. 257–296.
Kastanajan E.G. Gruntovyje ntkropoli bosporskih gorodov v VI-IV vv. do n.e. I ih mestnyje osobennosti // MIA. 1959. № 69. S. 257–296.
- Корпус боспорских надписей. Л., 1965. 952 с.
Korpus bosporskih nadpisej. L., 1965. 952 s.
- Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004. 432 с.
Korpus bosporskih nadpisej. Albom illustratsij. SPb., 2004. 432 s.
- Колобов А.В.* Римские легионы вне полей сражений. Пермь, 1999. 40 с.
Kolobov A.V. Rimskie legion vne polei srazhenij. Perm, 1999. 40s.
- Кунин В.Э., Кунина Н.З.* Курганные погребения пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине Керчи // АИБ. 1962. Вып. 2. С. 281–301.
Kunin V.E., Kunina N.Z. Kurgannyje pogrebenija pantikapeiskogo nekropolja na severo-vostochnoi okraine Kerchi // AIB. 1962. Vyp. 2. S. 281–301.
- Маринович Л.П.* Презирали ли древние греки труд? // ΣΙΣΣΙΤΙΑ. Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2000. С. 111–117.
Marinovich L.P. Prezirali li drevnie greki trud? // ΣΙΣΣΙΤΙΑ. Отв. red. V.Ju. Zuev. SPb., 2000. S. 111–117.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. 228 с.
Maslennikov A.A. Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervyh vekah n.e. M., 1990. 228 s.
- Матковская Т.А.* Камень, изливающий немую скорбь. Керчь, 2000. 96 с.
Matkovskaja T.A. Kamen, izlivajushchij nemuju skorb. Kerch. 2000. 96 s.
- Молев Е.А., Молева Н.В.* МННМН ХΑΡΙΝ...Чья память была увековечена в боспорских надгробных эпитафиях? // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов / Под ред. А. Н. Маслова, А. В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2015. С. 36–43.
Molev E.A., Moleva N.V. MNHMN XAPIN...Chja pamjat byla uvekovechena v bosporskih nadgrobnih epitafijah? // V teni Mnemoziny: kommemorativnyje praktiki v obshchestvah proshlogo. Sbornik nauchnyh trudov / pod red. A.N. Maslova, A.V. Mahlajuka. Nizhni Nivgorod, 2015. S. 36–43.
- Молева Н.В.* Боспорская женщина в семье и обществе // Историк, археолог, литератор. / отв. ред. В.А. Храшовский. СПб., 2004. С. 67–72.

Молева Н.В. Элита Боспора: попытка социальной ...

- Moleva N.V.* Bosporskaja zhenshchina v semje I obshchestve // Istorik, arheolog, literator. / otv. Red. V.A. Hrshanovskij. SPb., 2004. S. 67–72.
- Молева Н.В.* Музы и музыка на Боспоре // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 61–64.
- Moleva N.V.* Muzy I muzyka na Bospore // Bosporskij fenomen. Problema sootnoshenija pismennyh I arheologicheskikh istochnikov. SPb., 2005. S. 61–64.
- Молева Н.В.* Боспорская элита в стихотворных надгробных надписях // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного «круглого стола» 22–25 ноября 2016 г. СПб., 2016. С. 40–46.
- Moleva N.V.* Bosporskaja elita v stihotvornyh nadgrobnyh nadpisjah // Elita Bospora I Bosporskaja elitarnaja kultura. Materialy Mezhdunaridnogo «kruglogo stola» 22–25 nojabrja 2016 g. SPb., 2016. S. 40–46.
- Панченко Д.В.* Эпитафия Гекатея (CIRB 121): конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 28–42.
- Panchenko D.V.* Epitaphija Gekateja (CIRB 121): konfessija, filosofskij topos ili vybor puti? // Etudy po antichnoj istorii I culture Severnogo Prichernomorja. SPb., 1992. S. 28–42.
- Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 1918. 180 с.
- Rostovtsev M.I.* Ellinstvo I iranstvo na juge Rossii. Petrograd, 1918. 180 s.
- Сапрыкин С.Ю.* Позднеэллинистический и римский периоды // Античное наследие Кубани. Гл. ред. Кузнецов В.Д. Т. 2. Ч. VIII. Гл. 2. С. 80–132.
- Saprykin S.Ju.* Pozdneellinisticheskij I rimskij periody // Antichnoe nasledie Kubany / gl.red. Kuznetsov V.D. T. 2. Ch. VIII. Gl. 2. S. 80–132.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладу и Северном Причерноморье. Киев, 2009. 366 с.
- Skrzhinskaja M.V.* Drevnegrecheskie prazdniki v ellade I Severnom Prichernomorje. Kiev, 2009. 366 s.
- Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010. 324 с.
- Skrzhinskaja M.V.* Kulturnyje traditsii Ellady v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomorja. Kiev, 2010. 324 s.
- Скржинская М.В.* Интеллектуальные занятия боспорской элиты // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного «круглого стола» 22–25 ноября 2016 г. СПб., 2016. С. 16–20.
- Skrzhinskaja M.V.* Intellektualnye zanjatija bosporskoj elity // Elita Bospora I Bosporskaja elitarnaja kultura. Materialy Mezhdunaridnogo «kruglogo stola» 22–25 nojabrja 2016 g. SPb., 2016. S.
- Сударев Н. И.* Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н.э. Типы и хронология // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 208–219.
- Sudarev N.I.* Krematsija na Bospore v VI–II vv. do n.e. Typy i hronologija // Bosporskij fenomen. Problemy hronologii i datirovki pamjatnikov. SPb., 2004. S. 208–219.
- Сударев Н.И.* К вопросу об этнической принадлежности погребений с оружием из боспорских некрополей VI–III вв. до н.э. // VI Боспорские чтения. Керчь, 2005. С. 275–284.
- Sudarev N.I.* K voprosu ob etnicheskoi prinadlezhnosti pogrebenij s oruzhiem iz bosporskih nekropolej VI–III vv. do n.e. // VI Bosporskie chtenija, Kerch, 2005. S. 275–284.
- Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. 284 с.
- Surikov I.E.* Iz istorii grecheskoj aristokratii pozdnearhaicheskoj i ranneklassicheskoj epoh. M., 2000. 284 s.
- Суриков И. Е.* Аристократия и демос. М., 2009. 256 с.
- Surikov I.E.* Aristokratija i demos. M., 2009. 256 s.
- Тюльпе И.А.* Понятие «элитарная культура» в традиционном обществе // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного «круглого стола» 22–25 ноября 2016 г. СПб., 2016. С. 11–16.
- Elita Bospora I Bosporskaja elitarnaja kultura. Materialy Mezhdunaridnogo «kruglogo stola» 22–25 nojabrja 2016 g. SPb., 2016. S.*

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Федосеев Н.Ф., Кучеревская Н.Л., Артеменко Е.Д.* Продвинулись звезды... Керчь, 2013. 60 с.
Fedoseev N.F., Kucherevskaja N.L., Artemenko E.D. Prodvynulis zvezdy... Kerch, 2013. 60 s.
- Яйленко В.П.* Женщина, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 204–272.
- Jailenko V.P.* Zhenshchina, Aphrodita i zhritsa Spartokidov v novyh bosporskih nadpisjah // Zhenshchina v antichnom mire. M., 1995. S. 204–272.
- Twardecki A.* Priest and poet ? // XI Bosporskie chtenija, Kerch, 2010. С. 519–525.
- Twardecki A.* Greek poetry in the Bosporan kingdom // XII Bosporskie chtenija, Kerch, 2011. С. 458–463.
- Twardecki A.* Greek metric inscription about fountain building // XIII Bosporskie chtenija, Kerch, 2012. С. 501–507.

Резюме

В статье делается попытка выделения трех слоев боспорской элиты: аристократов – воинов, жрецов, спортсменов; интеллектуалов – философов, ученых, поэтов; художественной интеллигенции – скульпторов, архитекторов, художников. В качестве основного источника привлекаются эпиграфические тексты Боспора и данные археологии.

Ключевые слова: элита, Боспор, слой, аристократия, интеллектуалы, творчество.

Summary

The article attempts to highlight three layers Bosporan elite: aristocrats - warriors, priests, athletes; intellectuals - philosophers, scientists, poets; artistic intelligentsia - sculptors, architects, and artists. As the main source involved in epigraphic texts of the Bosporus and materials of archaeology.

Keywords: elite, Bosporus, the layer, the aristocracy, intellectuals, creative.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Молева Наталья Владимировна,
к.и.н., доцент,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
Нижний Новгород, Россия.
8-910-897-29-58.
molev.eugeny@yandex.ru
07.00.03.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moleva Natalija Vladimirovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia,
8-910-897-29-58.
molev.eugeny@yandex.ru
07.00.03.

Н.И. ВИНОКУРОВ
N.I. VINOKUROV

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОНСТРУКЦИИ РАННЕЙ ЦИТАДЕЛИ
ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ
NEW DATA ON THE CONSTRUCTION OF THE EARLY CITADEL
OF THE SETTLEMENT ARTESIAN IN THE CRIMEAN AZOV AREA**

В 2014–2016 гг. продолжались работы по исследованию остатков ранней цитадели городища Артезиан. Внутренняя часть крепости полностью раскопана в период 2003–2013 гг. Раскопочные работы в настоящий момент концентрируются на периферии объекта: траншеях выборок крепостных стен и центральной части городища между ранней цитаделью и контрэскарпом оборонительного рва.

Ранняя цитадель имела небольшие размеры, почти квадратную форму, ориентирована по сторонам света, с небольшим смещением к ССЗ-ЮЮВ (рис. 1–2)¹. Ширина крепости снаружи: с запада на восток не превышала 27,50 м, с севера на юг – 27,78 м (внутри: с запада на восток – 22,55 м, с севера на юг – 21,39 м). Каменные кладки внешних стен выбраны, но их направление фиксировалось траншеями выборок и остатками фундаментов. Исходя из глубины и ширины фундаментов, высота куртин внешних стен была не менее шести метров, но реально, по-видимому, больше². Площадь ранней цитадели по периметру стен, по уточненным данным 2015 г., достигала около 764 кв. м (внутри – в пределах 482 кв. м)³, что близко по значению подобным крепостям Боспора. Они были типовыми для второй половины первого века до н.э. – начала первого века нашей эры. Их распространение можно связывать с периодом правления царей Асандра и Аспурга. Возможными прототипами боспорских крепостей могли быть малоазийские или северо-причерноморские позднеэллинистические форты и усадьбы, сооруженные по модульному принципу [см. подробнее: Буйских, 2016, с. 75–89].

Вокруг артезианской крепости был выкопан ров, в западной линии которого имелся проезд в виде грунтовой перемычки шириной 5 м, укрепленной контрофорсами из квадратов и блоков, с дренажом для отвода избытка воды в сторону южной балки. Впрочем, желоб дренажа быстро заилился, что вынудило облицевать борта рва камнем.

---

¹ Сейчас готовятся к печати материалы, посвященные нескольким вариантам архитектурной реконструкции крепости, которые выйдут в специальных публикациях.

² Уклон контрофорса рва дает возможность реконструировать минимальную высоту стены до 12 м.

³ Эти параметры еще могут быть скорректированы, так как промеры проводились по траншеям выборок стен. Также не удалось определить достаточно точно размеры цитадели с севера на юг. Ее северная часть перекрыта стеной поздней цитадели и пока недоступна для исследования. До раскопок 2012 г. предполагалось, что площадь цитадели была несколько больше – 856 кв. м, а внутри – 546 кв. м.

Пространство между крепостными стенами и рвом было застроено полуподвальными хранилищами со вкопанными пифосами. Они имели сырцовые стены на каменном цоколе, покрытые камышом и керамической черепицей крыши, примыкавшие одной стороной к стенам крепости. Полуподвалы сгорели в узком хронологическом промежутке между 44/45–46 гг. во время первого штурма цитадели в начале боспоро-римской войны. Тогда цитадель взята не была. Как показали работы 2016 г., первый неудачный штурм крепости был, по-видимому, предпринят с северной стороны. Именно там под крепостной стеной 194 среди разрушенных строительных остатков полуподвалов были найдены десятки целых и разбитых на куски пережженных морских галек. Среди этих метательных снарядов нападавших, привезенных с Черноморского побережья, только изредка встречались пращевые и метательные ядра из песчаника, обычные для культурных слоёв городища Артезиан⁴.

Защитники крепости после первого штурма предприняли экстренные меры по её дополнительной защите. Они снесли и засыпали руины сгоревших полуподвалов, пристроили с южной стороны крепости полукруглый контрофорс, а с северо-западного угла – квадратную или полукруглую башню, от которой остался массивный фундамент, частично раскопанный в 2016 г. Предпринятые меры по укреплению фортификации акрополя городища оказались недостаточными. Цитадель при новой штурмовке войсками Котиса I и римлян в 46/47 гг. была сожжена. Её насельники, сторонники мятежного Митридата III, погибли.

Два слоя горения, которые были открыты в 2015–2016 г. севернее цитадели: ранний (пожар 2) и поздний (пожар 1), отразили последовательность этих драматических событий. Последний пожар был наиболее сокрушительным. После него внутри крепости остались продукты горения толщиной до 1,20–1,50 м, впоследствии перекопанные победителями в поисках ценной утвари и сокровищ. Показателем интенсивности пожара, в котором погибла цитадель, являются пережженные до краснофиолетовых оттенков плиты северной вымостки⁵ и внутренних стен её помещений, резко контрастирующие с естественным цветом квадров и плит фундаментов крепостных стен, совершенно не пострадавших от действия огня и высоких температур [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 42].

Кладки цитадели возведены опытными фортификаторами, умело применявшими на практике различные антисейсмические приемы. Внешняя линия крепостных стен цитадели являлась важным конструктивным элементом внутренней планировки. При этом обращает внимание заметная разница в уровне древних жилых горизонтов, которые севернее и восточнее крепости находились выше западных и южных на 1,25 м. Интересно, что дно рва с северо-восточной стороны располагалось также

⁴ На Азовском побережье подобные гальки не встречаются. Ближайшие галечные осыпи находятся под обрывистыми склонами Керченского полуострова на берегу Керченского пролива и на Черноморском побережье.

⁵ Вымостка раскопана в 2010–2012 гг.

Винокуров Н.И. Новые данные о конструкции ...

на 1,25 м выше, чем дно рва в западной линии, около дороги через ров. Возможно, такой рельеф способствовал защите крепости с наиболее уязвимых направлений, с запада и юга, где стены оказывались заметно выше по отношению к поверхности почвы, чем на севере и юге.

Как было установлено раскопками 2013–2016 гг., крепостные стены ранней цитадели были выложены на глубоко заглубленных эластичных ленточных фундаментах, которые представляли собой монументальные кладки, выстроенные уступами: нижние ряды шире верхних, по трехслойной двухлицевой двухрядной постелистой тычково-ложковой системе, с элементами сложной орфостатной кладки (в третьем вертикальном ряду) (рис. 1–3). Они пересекались в углах впереплет. Их ширина достигала в основании до 2,80 м. Ширина цоколя крепостных стен не превышала 2,40 м.

Менее мощные фундаменты внутренних стен крепости пристроены к крепостным стенам в стык. Они были сложены впереплет друг с другом на бутово-глинистой подушке по трехслойной двухлицевой постелистой тычково-ложковой системе из квадров желтого и белого известняка (рис. 1–3). Внутренние стены сохранились в высоту на 0,43–1,40 м. Их ширина – до 1,72 м. Кладка стен аккуратная. Притеска швов очень плотная. В качестве скрепляющего раствора использована пластичная желтая глина. Ширина их фундамента около 2,10 м.

Некоторое внимание следует уделить особенностям устройства *строительных траншей* (СТ) под фундаменты крепостных стен. Как показали исследования последних лет, изначально они имели трапециевидное в разрезе сечение (рис. 1–3). Их борта немного расширялись книзу (до 2,83 м), что облегчало укладку вертикальных рядов камня ступенями и препятствовало обвалу стенок. Кроме того, такое устройство траншей расширяло площадь базы ленточного фундамента, ослабляло давление на грунт строительных конструкций. Тем самым уменьшались затраты на производство работ, расход строительных материалов, при сохранении качества и прочности стен. Подобным образом были выкопаны и строительные траншеи под основания внутренних стен цитадели (рис. 3–5). После гибели крепости, когда выбирался камень, их борта обваливались, первоначальная форма траншей сохранилась только ближе ко дну. Лучше всего строительные траншеи уцелели в торцевых частях внутренних стен, например, на стыках перегородки 176 с восточной крепостной стеной 186⁶ и перегородки 169⁷ с северной стеной 194 (рис. 3–5).

---

⁶ В 2014 г. в западном борту ТВ-186 была расчищена торцевая часть внутренней стены 176 ранней цитадели. Она примыкала к крепостным стенам под прямым углом. Ее подошва (отметка –3,80) находилась выше подошвы крепостных стен на 0,50 м (отметка – 4,30). Строительная траншея под фундамент стены 176 была трапециевидной в разрезе формы, ее борта немного расширялись книзу. Ширина ее у дна – 2,13/2,15 м, в средней части – 2,17 м (на уровне отметки – 3,24), в верхней части – 2,10 м. Глубина – 1,20 м. Ширина фундамента кладки составляет 2,13–2,16 м, высота – 0,54 м; ширина цоколя – 2,10 м, высота – 0,53 м; ширина собственно кладки стены – 1,90 м, высота – 0,96 м (отметка верха – 179). В отличие от крепостных стен ее фундамент сложен не из квадров, а из бута, пролитого желтой глиной с примесью мелкой известковой крошки. Поверх бута следовал ярус цокольной квадратной кладки, выше

Раскопками открыт полуподвальный ярус застройки ранней цитадели (рис. 1–2). Десять его прямоугольных помещений образованы пересечением крепостных и внутренних стен. Три внутренних помещения цитадели располагались вдоль западной крепостной стены, с юга на север: юго-западное угловое помещение 1, узкое помещение 2, выполнявшее, по-видимому, функцию проходного, и северо-западное помещение 3. Вдоль южной стены – за помещением 1 следовало самое большое центральное помещение 4. Три других помещения 5–7 примыкали к ним с востока. Восточнее помещения 4 располагались помещения 7 и 10, имевшие хозяйственно-хранилищное назначение. В северной части цитадели находились помещения 5, 6 и 9, в одном из них была мукомольня. Жилой горизонт маркирован вымостками проходов между помещениями и выявлен локальными участками в помещениях 1, 4, 6, 8, 9. В основном именно там оказались непо потревоженные перекопами слои пожара, залегавшие *in situ*. Помещения нескольких верхних этажей не сохранились. Прямые данные об их планировке отсутствуют. Исходя из расположения несущих стен, можно предполагать, что они могли располагаться подобно помещениям нижнего этажа.

Все проходные помещения вымощены крупными плитами ожелезненного мшанкового известняка и плитами из разобранных более ранних построек. На некоторых из плит прослежены следы цемянкового раствора, скорее всего, от разобранных виноделен, нежели от следов ремонта. Внешняя поверхность плит заглажена ногами и прокалена огнем пожара. Вымостка покоилась на слое погребенной почвы, также пострадавшей от действия огня.

В полуподвальных хранилищах с пифосами отмостка была только вокруг сосудов, но далеко не везде и не по всей площади помещений. Возможно, полы были глинобитными или дощатыми. Например, достоверно зафиксирован пол или помост из досок в мукомольном помещении 6, где находились плиты зернотерок. Пифосы во внутренних помещениях-хранилищах были заглублены в грунт на различную глубину. Осажденные перед штурмом выкопали некоторые сосуды, чтобы на их место спрятать клады-жертвоприношения. При этом они сильно спешили, сосуды разбивались, извлекались по частям, мотыги, которые использовались для этой цели, бросались рядом.

которого была выстроена кладка тела стены. Для выравнивания рядов квадров использовались мелкие камни. Система кладки стандартная для всех внутренних перегородок цитадели: двухлицевая постелистая тычково-ложковая, однорядная, трехслойная, с элементами мозаичной кладки. Скрепляющим раствором служила желтая глина.

⁷ Северная торцевая часть стены 169 была полностью раскопана в 2016 г. в ходе исследования заполнения ТВ-194. Её высота: до 1,54 м (отметки –2,03–1,83), ширина цоколя 2,08 м, ширина тела стены 1,94 м. Стена была сложена на антисейсмическом глинисто-бутовом основании мощностью до 0,43 м в строительной траншее трапециевидной в разрезе формы. Ширина траншеи 2,10 м, глубина 0,94–0,98 м (отметки дна –3,80, верха –2,86). Траншея прорезала погребенную почву горизонтов «В» и «С», восточную часть дна более ранней хозяйственной ямы, наполовину уничтоженную СТ-194, а также – верх ремонтной забутовки в южном борту ТВ-194 над платформой из квадров [см. Отчет ААЭ, 2016 г. рис. 23, 27–28].

Каменные кладки внешних стен практически полностью выбраны, но их направление фиксировалось траншеями выборки. Примыкавшие к ним внутренние перегородки также пострадали от выборки, но они сохранились существенно лучше.

Западная и южная линии крепостных стен цитадели – 78.1 и 175 – имели одинаковую глубину фундамента – 1,60–1,70 м (от поверхности вымостки внутреннего помещения 1), ширину – не менее 2,40 м, при ширине фундаментов до 3,00 м. Они раскопаны в 2006–2008 гг. В 2011 г. частично открыта восточная линия оборонительной стены 186 (рис. 1). Конструкция её кладки неизвестна. От стены осталась только траншея выборки, заполненная мешаным золисто-сырцовым грунтом с большим содержанием продуктов горения и щебнем.

В 2013 г. на дне траншеи выборки южной крепостной стены (ТВ-175) удалось обнаружить её каменный фундамент (рис. 1–2). Он сложен по двухлицевой, трехслойной, постелистой, тычково-ложковой, двухрядной системе, насухо, из больших квадров белого известняка. Притеска швов очень неплотная. Зазоры между квадрами достигали 20–40 мм. Они не были заполнены раствором. Возможно, это был особый строительный прием, позволявший создавать эластично-подвижный фундамент, способный гасить сейсмические импульсы малой и средней мощности. Щели между квадрами нижнего яруса кладки перекрывались квадрами верхнего яруса, установленными насухо. Квадры в фундамент укладывались с наружной стороны, что привело к повреждениям внешнего борта строительной траншеи.

Пространство между бортом строительной траншеи и цоколем кладки было забито гидроупорным грунтом: жёлтой плотной глиной с известковой крошкой и мелким бутом. Поверх него выложена однорядная кладка из обитых квадров и полуквадров, выбракованных при строительных работах. Камни в кладке располагались в одну линию, на постелистых сторонах, торцами друг к другу. Они следовали вдоль внешнего фасада южной крепостной стены, вплотную к нему. В качестве скрепляющего раствора в кладке использована пластичная жёлтая глина. Такой мощный гидроизолирующий панцирь из квадров и полуквадров укреплял основание кладки, предохранял песчано-глинистые борта и дно траншеи от размыва и просадок. При этом плотная глинистая трамбовка препятствовала насыщению влагой известняковых камней, исключала возможность вымораживания и последующего разрушения фундамента.

Следует отметить, что в южном борту ТВ-175 хорошо просматривались остатки культурного слоя времени, предшествующего строительству ранней цитадели [см. Отчет 2008 г., рис. 23.2]. Мощность его около 0,60–1,20 м. Он сохранился участками. Среди напластований хорошо читался корытообразный котлован. В нижней части его заполнял глинисто-щебенистый грунт, а в верхней – золистый комковатый, очень плотный грунт, насыщенный органикой, скорее всего из накопителя выгребной ямы⁸.

---

⁸ Первоначальное мнение о том, что этот массив грунта мог образоваться во время существования ранней цитадели, подтверждения не нашел. Доследовать этот участок пока не удалось, так как его пришлось засыпать отвальным грунтом для предохранения от разграбления.

В 2015 г. в северо-восточном углу ранней цитадели, образованном пересечением восточной и северной крепостных стен (186 и 194), был раскопан еще один уцелевший фундамент, на этот раз с цокольным рядом – от северной крепостной стены 194 на месте стыковки с восточной стеной 186 (рис. 1–2). Фундамент стены 194 сохранился существенно лучше, чем в ТВ-175. Его длина 9,02 м, ширина до 2,78 м, высота около двух метров (до 4-х вертикальных рядов кладки). Многие важные конструктивные элементы фундамента прекрасно сохранились. Благодаря этой находке удалось понять, как были сложены внешние стены крепости времени правления царей Асандра, Аспурга и Митридата III.

Фундамент крепостной стены 194 выложен уступами, нижние ряды шире верхних. Нижний первый ряд квадров самый широкий – до 2,76–2,80 м (1–3, 6). Квадры в этом ряду установлены вплотную к бортам строительной траншеи. По системе кладки первый ряд фундамента аналогичен фундаменту северной стены 175. Как и там, он сложен по двухлицевой, трехслойной, постелистой, тычково-ложковой, двухрядной системе, насухо, из больших квадров белого и желтого известняка. Притеска швов неплотная. Промежутки между квадрами специально ничем не заполнялись. Иногда в щели между блоками в процессе подгонки камней друг к другу случайно проваливались остатки строительного отёса: известковая крошка и отдельные кусочки щебня. Верхние ряды кладки выстроены по трехслойной, двухлицевой, двухрядной, постелистой, тычково-ложковой системе с элементами сложной орфостатной кладки (в третьем вертикальном ряду).

Намеренная укладка квадров с промежутками – особый антисейсмический прием по созданию нижнего яруса эластичной кладки, способной сопротивляться сейсмическим колебаниям малой степени интенсивности. Второй антисейсмический прием – сооружение фундамента, цоколя и тела стены уступами, что придавало ей особую прочность. В результате каждый ее ряд оказывался на очень крепком основании. Необычно расположение квадров в кладке среднего слоя нижнего яруса фундамента, в котором прослежены намеренные смещения в установке блоков, хорошо заметные на торцах фундамента. Видимое «хаотическое» их расположение не небрежность строителей, а особый антисейсмический прием, препятствующий смещению лицевых фасов фундамента, чтобы при разновеликих колебаниях отдельных блоков уменьшалось воздействие сейсмических импульсов на кладку крепостной стены в целом. Направленные сейсмические импульсы тем самым гасились, оказываясь менее разрушительными как по горизонталям, так и по вертикалям кладки, без губительных резонансных явлений.

Квадры второго и третьего вертикального рядов фундамента примыкали вплотную, без зазора, к внутреннему южному борту СТ-194. От внешнего северного борта СТ-194 они отстояли соответственно на 0,12–0,16 м и 0,20–0,23 м. Таким образом, ширина второго вертикального ряда фундамента стены 194 достигала 2,61–2,67 м, третьего – 2,53–2,62 м (1–3, 6). Как и в южной крепостной стене пространство между бортом строительной траншеи и цоколем кладки заполняла гидроупорная жёлтая

Винокуров Н.И. Новые данные о конструкции ...

плотная глина с известковой крошкой и мелким бутом. Она прослежена с северной стороны стены 194⁹.

Во втором вертикальном ряду, как и в первом, фасы выложены очень тщательно, с притеской швов между рядами насухо, «по-красному». В то же время средний горизонтальный слой из некалиброванных квадров довольно небрежен. Между квадрями оставлены довольно большие щели. Пустоты между рядами выравнивались пластинами желтой плотной глины, известковой крошки и бутом [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 33.3–4]. Фактически, такое устройство второго вертикального ряда кладки также преследовало антисейсмические цели: создавало эластичный пояс внутри фундамента, не так жестко связанный с внешними фасадами.

Третий вертикальный ряд фундамента уложен идеально ровно, мелкие неровности были стесаны, а выемки заполнены серо-желтой пластичной глиной с известковой крошкой. Благодаря чему верхний четвертый ряд кладки был положен насухо, на выведенную в «ноль» ровную поверхность. Кроме того, именно в этом ряду кладки установлены орфостатно плиты, которые способствовали лучшей перевязке слоев, придавали ленточному фундаменту большую прочность, а кладка при этом приобретала монолитность. Таким образом, если нижние два ряда были эластичны, и каждый ряд по-своему гасил сейсмические колебания, то её третий ряд представлял собой уже более монументальную, единую конструкцию, которая за счет своей прочности не передавала колебания вверх, балансируя на нижнем основании.

---

⁹ Верх северного борта строительной траншеи 194 располагался на 0,51–0,55 м (на отметке –1,96) выше уровня вымостки полуподвалов внутренних помещений цитадели – жилого горизонта первой половины I в. н. э. (отметки –2,47–2,51). Глубина траншеи от вымостки – 1,77–1,82 м [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 18, 25]. Северный борт СТ-194 был поврежден во время строительных работ. Зазор между ним и квадрями фундамента стены 194 плотно забит гидроупорной забутовкой из серо-желтой глины и бута [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 18, 34, 36]. Она сохранилась не только на уровне 2–3 ряда квадров стены 194, но и немного выше уровня её кладки [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 18, 36–37.1]. Аналогичная стратиграфическая картина наблюдалась в ТВ-186 [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 37.2]. Севернее СТ-194 в слое строительного отёса (на отметке – 1,59) обломков архитектурной детали – карниза или надгробия(?) (к.о. 85/2015) из серо-белого известняка с обработкой под скарапель, с остатками синей краски на лицевой поверхности и свинцовой заливкой в гнезде для пилона [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 18, 38–40]. Её размер: 290x209 мм.

В 2016 г. золисто-глинистое заполнение между выбранной кладкой 194 и бортом траншеи прослежено на 18 м вдоль северного борта строительной траншеи стены 194 (СТ-194). Его отличали значительная плотность при ширине до 0,15 м и отсутствие находок, за исключением многочисленных мелких стенок амфор. Заполнение СТ-194 нарушено многочисленными ямами северного хранилища 4 первой половины I века н.э. и неоднократно в древности перекапывалось, что хорошо зафиксировал стратиграфический профиль культурных напластований севернее стены 194 [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 18, 37–38]. Кроме того, при выборке камня из стены 194 во второй половине I в. н.э. часть заполнения СТ-194 была уничтожена. Здесь не сохранилось перекрытие строительного шва технологической однорядной кладкой, как в южной крепостной стене 175. По-видимому, она была полностью выбрана при устройстве хранилища 4 с пифосами и(или) после гибели цитадели – во время разборки её стен на строительный материал. Важно отметить, что стена-перегородка 179/189 поздней цитадели проходила точно по трассе северного борта СТ-194, что также повлияло на сохранность гидроупорной забутовки СТ-194.

Хотя многие квадры фундамента стены 194 имели следы сейсмических воздействий: сколы углов, диагональные трещины, но она не получила по всей своей длине заметных сейсмических деформаций. Следовательно, ленточный эластичный фундамент ранней цитадели был хорошо адаптирован к нагрузкам, правильно рассчитан и в целом выдержал проверку временем и землетрясениями.

Что касается четвертого вертикального ряда фундамента, то кладка этого яруса была, скорее всего, уже цокольной. Она возвышалась над уровнем жилого горизонта крепости – южной вымостки вдоль фасада стены 194 – на 0,07–0,09 м. Ширина кладки 194 на уровне 4-го ряда была, по всей видимости, не более 2,40–2,42 м¹⁰. Такой вывод можно сделать на основании промеров и данных вертикальной и горизонтальной стратиграфии. Кроме того, эту версию подтверждает взаиморасположение северного борта СТ-194, блока цокольного 4-го ряда кладки 194 и вымостки помещений 5–6¹¹ [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 18, 35].

Плиты вымостки северных внутренних помещений ранней цитадели примыкали вплотную к цоколю стены 194, но после выборки камней фундамента стали нависать над южным бортом ТВ-194, перекрывая его на 0,08–0,10 м [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 18, 31, 34–35].

Квадры в кладке стены 194 изготовлены из плотного серо-белого известняка и более рыхлого желтого ракушечника. Их размер: 1,24 x 0,64 x 0,54 м; 1,06 x 0,56 x 0,47 м; 1,04 x 0,69 x 0,57 м; 0,72 x 0,59 x 0,48 м; 0,98 x 0,63 x 0,35 м; 0,72 x 0,59 x 0,48 м. Для перевязки горизонтальных слоев квадратной кладки использовались орфостатно установленные плиты, высеченные из плотного серого и белого известняка (размером 1,28 x 0,49 x 0,32 м; 1,06 x 0,42 x 0,48 м) (рис. 1–2, 6–7). Все камни в кладке хорошо обработаны. На их боковых сторонах заметны следы инструментов каменотесов с острым рабочим краем.

На одном квадре 4-го ряда стены 194 сохранился руст, обращенный внутрь помещения 5 ранней цитадели [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 18, 33]. Интересны также подпрямоугольные выемки, которые имелись на торцах, реже – на боковых поверхностях многих квадров. Они, по-видимому, предназначались для фиксации захватов подъемного устройства. Впрочем, некоторые глубокие прямоугольные вырубывы могли остаться от вытасненных пиранов: крепёжных деталей в виде металлического стержня или бруска, вставляемых в гнёзда на гранях сопрягаемых каменных блоков.

На поверхности некоторых квадров выявлены пласты розовато-белого известкового раствора [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 31.1, 32]. Раствор имел толщину до 5–10 мм и был положен в два слоя. Верхний слой хорошо заполирован и на поверх-

¹⁰ Получается, что нижний ряд фундамента имел ширину до 9 футов, а собственно цоколь стены – до 8 футов.

¹¹ Между плитами вымостки помещений 5–6 и блоком 4-го ряда оставалось небольшое пространство шириной до 0,10–0,15 м, удобное для установки на ребро плит или деревянных лаг. Здесь сохранилась линза переотложенного рыхлого горелого грунта с большим количеством углей и пережженных зерен злаков, без других находок.

Винокуров Н.И. Новые данные о конструкции ...

ности одного из квадратов остался переход, оформленный в виде едва заметного откоса, напоминавшего декоративный «руст». Такой элемент украшения интерьера, совершенно не характерный и даже излишний для гидротехнических и винодельческих объектов, был вполне обычен для облицовки внутренних торжественных помещений богатого здания.

Следует напомнить, что в 2011 г. в вымостке помещений 5 и 7 севернее стены 194 также во вторичном использовании выявлено несколько квадратных плит с аналогичным раствором на поверхности, а в 2014 г. – в заполнении ТВ-186 – прямоугольная плита, облицованная раствором. Отдельные куски штукатурки на основе известкового раствора достаточно часто встречались в слое разрушения ранней цитадели, во внутренних помещениях и за пределами крепостных стен. Сначала было высказано предположение, что обломки штукатурки остались от разрушенных виноделен I в. до н.э., руины которых открыты на несколько десятков метров севернее, на раскопе I. Но, судя по размерам квадратов со следами раствора, они более типичны для монументальных сооружений: храмов, общественных зданий, фортификационных сооружений.

Наличие штукатурки, разнокалиберный характер квадратов, блоков и плит, выемки под пироны и обитые углы камней, использованных в конструкции фундаментов, свидетельствуют о том, что ранняя цитадель построена из вторичного строительного материала. В этой связи становится понятным принадлежность многочисленных архитектурных деталей дорического и ионического ордеров, обломки которых найдены на акрополе городища. Часть из них была выявлена в слое строительного отёса, связанного с периодом возведения ранней цитадели. Дорогостоящие раскрашенные в яркие цвета архитектурные детали для строителей цитадели ничего не означали. Их обтесывали при подгонке по месту как обычный камень. При этом металлические крепёжные детали извлекались, сильно выступавшие декоративные элементы сбивались, как и пласты раствора, мешавшие нормальной укладке стен.

Датировка и место расположения разобранных монументальных объектов – вопрос открытый. Ниже строительных конструкций ранней цитадели ничего обнаружить не удалось, так как перед её постройкой была произведена грандиозная перепланировка центральной возвышенности городища и прилегающих к нему кварталов, где располагался акрополь. Вполне допустимо, что часть материала для ранней цитадели была добыта из стен большого по площади южного комплекса 4. Это было здание правильной планировки со стандартными помещениями, напоминавшими казармы, разрушенное, по-видимому, землетрясением 63-го до н.э. Его юго-западный угол, сложенный по редкой «шахматной» системе из хорошо обработанных квадратов, блоков и плит, попал в пределы раскопа II 1997–2000 гг.

В 2016 г. в западной части траншеи выборки стены 194, на её дне, раскопана необычная забутовка. Она выявлена на глубине 1,65–70 м от поверхности северной вымостки помещений 6 и 9 ранней цитадели (на отметках 4,34–4,46). Забутовка

представляла собой массив плотно утрамбованной и спланированной серо-зеленой, местами серо-коричневой глины с известковой крошкой, средним и мелким бутом. Толщина этой глинисто-бутовой субструкции 0,07–0,14 м. Она перекрывала мощную прямоугольную платформу из квадров, поверхность которой находилась заметно ниже уровня дна траншеи, выравнивая дно строительной траншеи под фундамент стены 194 (рис. 1–2, 7).

Платформа из квадров находилась в глубоком котловане, выкопанном в материковом дне строительной траншеи до возведения стен ранней цитадели. В плане котлован имел близкую к прямоугольной форму, в сечении, очевидно, был корытообразным. Его длина с запада на восток 4,86 м, ширина точно соответствовала придонной части СТ-194 – 2,75–2,81 м. Дно котлована, как и уровень залегания подошвы платформы, ещё не установлено. В глубину он исследован до 1,12 м. Западный его борт подрезан в юго-западном углу боковой фаской и сужался книзу. Очевидно, он был поврежден при устройстве квадратной платформы. Восточный борт имел небольшой уступ (шириной 0,23 м, глубиной 0,27 м), ниже которого следовал отвесно.

Размер *платформы*, вытянутой, как и котлован, с запада на восток: 4,24/4,34 x 2,75 м (рис. 1–2, 7). Её площадь достигала 12 кв. м. Она оказалась очень массивной. По вертикали прослежено, по меньшей мере, два ряда квадров, которые между собой пригнаны насухо (рис. 1–26). Верхний ряд сложен по постелистой тычково-ложковой трехслойной схеме без применения соединительного раствора. Её периметр составляли 14 квадров и блоков, один из них – юго-западный угловой квадрат – по каким-то причинам отсутствовал. Место под удаленный квадрат было забито глиной и бутовым камнем до поверхности квадра из второго, нижнего ряда. Размер квадров и блоков в платформе: 1,07 x 0,59 x 0,51 м; 1,03 x 0,58 x 0,53 м; 1,01 x 0,53 x 0,51 м; 0,98 x 0,57 x 0,43 м; 0,66 x 0,53 x 0,27 м. Притеска рядов «по-красному», очень плотная. Верх второго ряда залегал на отметке – 4,94. Конструкция нижнего ряда осталась неизвестной.

Поверхность квадров платформы располагалась ниже уровня подошвы фундамента стены 194 на 0,07–0,14 м (на отметках – 4,49–4,50). Перепад высот между ними компенсировался упомянутой выше каменно-глиняной забутовкой, которая настолько хорошо маскировала квадры, что платформа не была разобрана в середине I века нашей эры в ходе тотальной выборки стен ранней цитадели.

Кладка верхнего яруса по периметру платформы зеркально повторялась: её юго-западный угол был подобен северо-восточному, а северо-западный – юго-восточному (рис. 1–2, 7). На длинные стороны платформы приходилось два квадра, развернутых на фасад ложками, четыре квадра – тычками; на короткие стороны выходили два квадра ложками и один тычком. С восточной стороны платформы внутри периметра из квадров располагались ещё два обитых квадра. Они были установлены на постель, параллельно друг другу, с некоторым разворотом по отношению к другим квадрам, по линии ССЗ-ЮЮВ. Квадры внутри платформы нестандартны. Их размер: 1,18 x 0,70 x 0,53 м; 0,89 x 0,53 x 0,41 м. Свободные промежутки внутри квадров

в 2014–2015 гг.¹², Такой грунт, опасный просадками и деформациями, не мог быть надёжной опорой для подъёмника. По этой причине только специально сооруженная, прочная и устойчивая квадратная платформа могла помочь решить эту проблему.

В этой связи следует привести ещё одно наблюдение. Выше квадратной платформы южный борт СТ-195 был наискось прорезан каким-то тяжелым предметом. На месте повреждения в нижней части борта над платформой осталось хорошо заметное углубление неправильной серповидной формы (рис. 3). Его размер: длина 1,46 м, высота 0,76 м, глубина более 0,30 м. Выемка по высоте соответствовала ширине и высоте стандартного квадрата. По-видимому, какой-то квадрат при монтаже во время постройки платформы или при эксплуатации подъёмника «ушел» с нормальной траектории, оборвал такелаж и сорвался с крепления, задев по траектории падения борт. Его пришлось ремонтировать, так как он мог обвалиться. Строители плотно заполнили выемку своеобразным клейким «пластырем» из массы бута, щебня, известковой крошки на пластичной желтой глине. Он оказался очень прочным и простоял неповрежденным до момента открытия почти две тысячи лет, хотя верх этой забутовки был подрезан при выкапывании строительной траншеи под фундамент перегородки-стены 169, пристроенной под прямым углом с юга к северной крепостной стене 194.

Интересно также было провести сопоставление длины платформы на дне СТ-194 с уцелевшими фрагментами фундаментов крепостных стен. Получилось, что в восточной части ТВ-194 длина кладки 194 ровно в два раза превышала длину западной платформы. Что касается фундамента южной крепостной стены 175, то он был близок к открытой платформе, превышая её по длине лишь на один квадрат (рис. 1–2). Вполне допустимо, что каменные останцы крепостных стен также служили для установки подъёмных механизмов. Только платформа из квадратов на дне ТВ-194 использовалась во время строительства ранней цитадели, а останцы фундаментов крепостных стен – при её разборке. В результате ценный строительный материал, из которого они были сложены, так и не был разобран, оставшись в траншеях выборок после прекращения работы подъёмных устройств.

Менее массивные *внутренние стены ранней цитадели* – 81, 169, 173, 176, 177, с шириной фундаментов до 2,10 м (около семи локтей), выполняли функцию контрофорсов и отгораживали помещения. Их фундамент был выше на 0,60–0,78 м кре-

---

¹² В северо-восточном углу ранней цитадели в глинисто-песчаном дне строительной траншеи (СТ-194 и СТ-186) обнаружены небольшие аморфные углубления-западины, которые образовались в древности во время монтажа крепостных стен. Они были выбиты в мягком материковом грунте ногами рабочих и собственно квадратами, когда их устанавливали по месту. Образовавшиеся ямки глубиной до 0,15 м диаметром 0,25–0,31 (отметки дна –4,40–4,45) были забиты строителями цитадели мелким бутом, щебнем и глиной. Вдоль восточного торца квадратов стены 194 эти углубления были выровнены небольшой отмосткой из мелкого бута [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 25.1]. Ниже южного углового квадрата в ТВ-186 в одной из таких ямок найдена стенка красноглиняной амфоры [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 28.2, 29.2].

Винокуров Н.И. Новые данные о конструкции ...

постных стен¹³. Высота их – 0,43–1,40 м. Ширина – до 1,72 м. Кладки 169, 177, 184 ориентированы с севера на юг. Перпендикулярные им стены вытянуты с запада на восток с небольшим смещением к ССЗ-ЮЮВ (как и внешние стены цитадели), – 176, 173, 173.1, 81 и 81.1. Лучше других сохранились кладки 176 и 169 (рис. 1–5). Первая из них – стена 176 – осталась на всем протяжении – около 22 м – от западной крепостной стены 78.1 до восточной 186. В высоту она уцелела до 2,04 м. Перпендикулярная ей перегородка 169, вытянутая с севера на юг, отделяла друг от друга смежные помещения 6 и 9. Она сложена по двухлицевой постелистой трехслойной однорядной системе из квадров с использованием жёлтого глинистого раствора. Общая её длина 21,23 м при ширине 1,76 м (на фундаменте шириной 2,18 м). Её высота 1,10–1,16 м (2–2¼ ряда вертикальной кладки). В северной части между помещениями находился проем шириной 1,20 м. Полом прохода служил нижний ряд камней фундамента стены 169. Стены в проеме закопчены, прогорели, сильно растрескались и отслаивались. Следов деревянных рам и подтесок под них выявить по этой причине не удалось.

Другие кладки сохранились существенно хуже, так как почти полностью выбраны. На месте остались отдельные блоки и остатки бутовых фундаментов. Судя по отдельным фрагментам кладки, в основание внутренних стен слоями укладывался плотно утрамбованный бутовый камень, пролитый глинистым раствором с известковой крошкой. Иногда использовались правильно лежащие плиты и квадры, инкорпорированные в бутовую кладку. Ее дополнительно выравнивали и только тогда выкладывали известняковые квадры. В целом толщина ленточного фундамента под внутренние стены, установленного на такую своеобразную эластичную антисейсмическую подушку, была не менее 0,80–0,90 м.

Внешние поверхности стен раскопанных внутренних помещений цитадели сильно обгорели и закопчены. Наиболее сильные повреждения от действия огня прослежены в стыковочных узлах кладок. Камни, выходявшие на фасад, растрескались как по вертикали, так и по горизонтали. Они были прокалены пожаром до красно-бурого цвета, покрыты копотью, крошились и расслаивались. Такие перегоревшие, лопнувшие на куски квадры не годились для строительства и поэтому не были использованы при возведении новой цитадели, оставшись невыбранными. Менее пережженные камни, особенно из крепостных стен, были вновь использованы при сооружении поздней цитадели.

Пока не удалось понять назначение трапецевидной в плане *выборки* материкового грунта, которая была обнаружена в 2014 г. во внутреннем северо-восточном углу цитадели, в месте стыка фундаментов стен 186 и 194 [см. Отчёт ААЭ 2015 г., рис. 23, 25, 27–28, 41]. Выборка выкопана с южной стороны стены 194 (рис. 1, 8). Она вытянута с запада на восток. Ее восточная часть была выявлена в 2014 г., а западная

---

¹³ Дно ТВ-81 было углублено ниже на 0,12–0,18 м дна ТВ-169. В длину ТВ-78.1 выявлена на 15,70 м, ТВ-175 – на 14,80 м, ТВ-169 – на 18,20 м, ТВ-81 – на 6,90 м, ТВ-173 – на – 6,20 м.

– в 2015 г.¹⁴. Выборка полностью не исследована, но ее размер известен. Ширина в верхней части достигала 1,78 м, длина (с запада на восток) – 1,90 м, глубина до 1,84–1,86 м. Внизу она была уже, чем вверху, – 1,45 м. Ее борта сужались с северной стороны книзу. Выборка перекрыта плитами южной вымостки помещения 5 и прочно забутована сбросом строительного и бытового мусора, прослоенного материковым грунтом, синхронным времени сооружения цитадели. Он состоял преимущественно из обломков квадров, бута, известковой крошки. В нём найдены угли, известковая крошка, бутовый камень, прослойки пепла и золы, отдельные фрагменты стенок амфор и простых гончарных сосудов. Отмечу открытый на глубине угловой продольный скол квадра из белого мраморовидного известняка (1,07 x 0,60 x 0,22/0,34 м) (на отметках – 3,32–3,54). Судя по стратиграфии, заполнение выборки происходило по мере укладки фундамента крепостных стен. Эта выборка имела, по всей вероятности, технологический, строительный характер. Возможно, она была необходима для установки опор крана или подобного монтажного устройства. Случайный характер её появления исключен (например, в результате обрушения борта): слишком правильную форму имеет выборка, она явно инкорпорирована в систему строительных траншей под фундаменты стен ранней цитадели.

Одним из самых сложных вопросов при реконструкции зданий и крепостных сооружений является восстановление устройства кровли. Конструкция и планировка артезианского здания ранней цитадели предполагает наличие двускатной крыши. Многочисленные находки обломков керамических граненых и желобчатых калиптеров и соленов позволяют говорить, что в качестве покрытия кровли использовалась черепица. Однако в слое гомогенного пожара были обнаружены отдельные обломки соленов и профиль двускатного конькового калиптера, высеченных из плотного бело-серого известняка. Сочетание двух типов черепицы: из известняка и керамики в конструкции кровли возможно, но, скорее всего, каменная черепица была более прочной и ее применение в качестве покрытия крыши башнеобразного сооружения ранней цитадели более оправдано с фортификационной точки зрения. Керамическая черепица могла использоваться и для крыш более поздних зданий, которые были пристроены снаружи к стенам цитадели.

Под черепицей находился слой изолирующего материала на основе переплетенных камышовых матов или связанных в несколько слоев пучков тростника, обмазанных толстым слоем глины. Прокаленные огнем обломки такой глиняной обмазки от утепления крыши на камышовой основе были найдены в слое гибели крепости. Её толщина была значительна: до 0,12 м. Основой крыши служили массивные дубовые балки прямоугольного сечения, угли от которых массово встречались в слое пожара. Толщина балок реконструируется по длине железных гвоздей – в пределах 120–250 мм.

¹⁴ Дно располагалось на отметках – 4,30–4,40, верх – под плитами северной вымостки на отметках – 2,54–2,58.

Винокуров Н.И. Новые данные о конструкции ...

Итак, благодаря археологическим работам последних лет на городище Артезиан удалось установить: конструкцию фундаментов и цокольной кладки крепостных и внутренних стен ранней цитадели как в целом, так и в деталях; использование антисейсмических строительных приёмов при их сооружении; применение гидроизолирующего глинисто-бутового раствора и специальной защитной кладки для закрытия шва между бортом строительной траншеи и внешним фасом фундамента; возможное применение подъемных устройств, установленных на специальную квадратную платформу во время строительства крепости, а на останцы выбранных стен цитадели – во время её демонтажа; вторичное использование квадров и плит в конструкции стен ранней цитадели из разрушенных более ранних монументальных построек, имевших в своей конструкции декоративные ордерные элементы и известковую штукатурку, поверхность которой была оформлена рустами; применение в конструкции крыши крепости коньковых двускатных черепиц из известняка, свидетельствовавших о двускатной конструкции кровли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И. Золотые статыры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2015.
- Буйских А.В. Херсонесская строительная традиция и Боспор // Древности Боспора. Т. 20. М. 2016. С. 75–89. 536 с.
- Винокуров Н.И. Отчеты о научно-исследовательских работах Артезианской археологической экспедиции на территории Ленинского района Автономной Республики Крым в 2003–2013 гг. (ИА РАН). М.
- Винокуров Н.И. Отчет об археологических раскопках Артезианской археологической экспедиции МПГУ на территории Ленинского района Республики Крым в 2013 г. Москва, 2014.
- Винокуров Н.И. Отчет об археологических раскопках Артезианской археологической экспедиции МПГУ на территории Ленинского района Республики Крым в 2014 г. Москва, 2015.
- Винокуров Н.И. Отчет об археологических раскопках Артезианской археологической экспедиции МПГУ на территории Ленинского района Республики Крым в 2015 г. Москва, 2016.
- Винокуров Н.И. Гибель ранней цитадели городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф (VI Боспорские чтения). Керчь. 2005. С. 50–60.
- Винокуров Н.И. Во всем ли виноваты варвары? Para bellum 28. 2007. С. 17–56.
- Винокуров Н.И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria (IX Боспорские чтения). Керчь. 2008. С. 67–77.
- Винокуров Н.И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье. Para bellum 31, 2009. С. 9–16.
- Винокуров Н.И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.). СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. Т. I. Москва–Киев, 2010. С. 38–44.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Vinokurov N.I. Zolotyе statery Aspurga i Mitridata III i novye komplekсы s monetami i uvelirnymi izdeliyami s gorodishcha Artezian // VDI. 2015.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Byiskich A.V. Hersonessaika stroitelnaia traditsiia i Bospor // *Drevosti Bospora*. Т. 20. М. 2016. s. 75–89. 536 с.
- Vinokurov N.I. Otchyoty o nauchno-izyskatel'skikh rabotakh Artezianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na territorii Leninskogo rayona Avtonomnoy Republik Krym v 2003–2013 gg. (Arkhiv IA RAN). 2003–2013: [Report on scientific and research works conducted by the Artezian archaeological Mission in the territory of Leninskiy region of the Autonomous Republic of Crimea in 2003–2013 (Archives of the Institute of Archaeology, RAS)]. Moscow. 2003–2013:
- Vinokurov N.I. Otchet o arheologicheskikh raskopkakh Artezianskoy arheologicheskoy jekspeditsii MPGU na territorii Leninskogo rajona Respubliki Krym v 2014 g. Moskva, 2015.
- Vinokurov N.I. Otchet o arheologicheskikh raskopkakh Artezianskoy arheologicheskoy jekspeditsii MPGU na territorii Leninskogo rajona Respubliki Krym v 2015 g. Moskva, 2016.
- Vinokurov N.I.: Vo vsyom li vinovaty varvary? [Is it entirely the Barbarians fault?] *Para bellum* 28, 2007. С. 17–56.
- Vinokurov N.I. Gibel' rannei „Tsitadeli“ gorodishcha Artezian [The destruction of the earlier “Citadel” of Artezian Settlement]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiyi varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizatsii i katastrof*. [The Bosporus Cimmerian and the barbarian world during the period of the Antiquity and the Middle Ages. Periods of destabilization and catastrophes] (VI Bosporskie chteniya [The 6th Bosporan Readings]). Kerch, 2005: s.50–60.
- Vinokurov N.I. Voyna, pozhar ili prirodnaia katarstrofa: arkheologicheskie kriterii otsenok posledstviy katastrof na pamyatnikakh antichnoy arkheologii v Krymskom Priazov'e [A war, conflagration or natural catastrophe: archaeological criteria for the estimation of impact of catastrophes at antique archaeological sites in the Crimean Priazov'e]. In V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiyi i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Militaria*. [The Bosporus Cimmerian and the barbarian world during the period of the Antiquity and the Middle Ages. Militaria] (IX Bosporskie chteniya [The 9th Bosporan Readings]). Kerch. 2008. S. 67–77.
- Vinokurov N.I. Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i gibel' ranney tsitadeli gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [The Bosporan-Roman War of 44/45–49 AD and the destruction of the earlier citadel of Artezian Settlement]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk, A.A. Zavoikin (eds.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie otkrytiya i nakhodki* [ΣΥΜΒΟΛΑ. The Antique world of the Northern Black Sea Region. Recent discoveries and finds]. Vol. I. Moscow–Kiev. 2010. S. 38–44.
- Vinokurov N.I. Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i pervaya nakhodka gladiusa v Krymskaya Priazov'e [The Bosporan-Roman War of the 44/45–49 AD and the first find of gladius in the Crimean Priazov'e]. *Para bellum* 31. 2009. S. 9–16.

Резюме

В 2014–2016 гг. продолжались работы по исследованию остатков ранней цитадели городища Артезиан, внутренняя часть которой полностью раскопана в период 2003–2013 гг. Раскопочные работы в настоящий момент концентрируются на периферии объекта: траншеях выборок крепостных стен и центральной части городища между ранней цитаделью и контрэскарпом оборонительного рва.

Во время раскопок удалось выяснить конструкцию фундаментов и цокольной кладки крепостных и внутренних стен ранней цитадели как в целом, так и в деталях; применение антисейсмических строительных приёмов и гидроизолирующего глинисто-бутового раствора, а также специальной защитной кладки для закрытия шва между бортом строительной траншеи и внешним фасом фундамента; наличие квадратной платформы и останцев выбранных стен цитадели, которые могли быть базой для установки крановых устройств; вторичное использование квадров и плит в конструкции стен ранней цитадели из разрушенных более ранних монументальных построек, имевших в своей конструкции декоративные ордерные

Винокуров Н.И. Новые данные о конструкции ...

элементы и известковую штукатурку, поверхность которой была оформлена рустами; применение в конструкции крыши крепости коньковых двускатных черепиц из известняка, свидетельствовавших о двускатной конструкции её кровли.

Ключевые слова: Боспор, городище Артезиан, Рим, Аспург, Митридат III, Котис I, римско-боспорская война 45–49 гг. н.э., фортификация, землетрясение.

Summary

In 2014-2016, work on the studying remains of the early citadel of the Artesian settlement continued. The inner part of the citadel was completely excavated in 2003-2013. Excavation works are currently concentrated on the periphery of the object: in trenches of samples of fortress walls and the central part of the site of the ancient settlement between the early citadel and the counterscarp of the defensive ditch.

During excavations it was possible to find out the construction of the foundations and the basement of the fortress and inner walls of the early citadel, both in general and in detail. The use of anti-seismic construction techniques and a waterproofing clay-and-mud solution, as well as a special protective masonry to seal the seam between the side of the construction trench and the external foundation was evidenced. There was a quadra platform and the remains of the selected walls of the citadel, which could be the base for the installation of crane devices. There was secondary use of quadrae and slabs in the construction of the walls of the early citadel from the destroyed earlier monumental buildings, which had decorative order elements and lime plaster, the surfaces of which were decorated with rust, in their construction. Use of ridge gable roof tiles made of limestone in the construction of fortress roof testifies the gable roof construction.

Keywords: Bosphorus, Artesian settlement, Rome, Aspurgus, The King Mithridates III, Cotys I, The Roman - Bosphoran War of 45-49 AD, fortification, earthquake.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Винокуров Николай Игоревич – д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков МПГУ,
vinokurovn@list.ru,
+79165415774

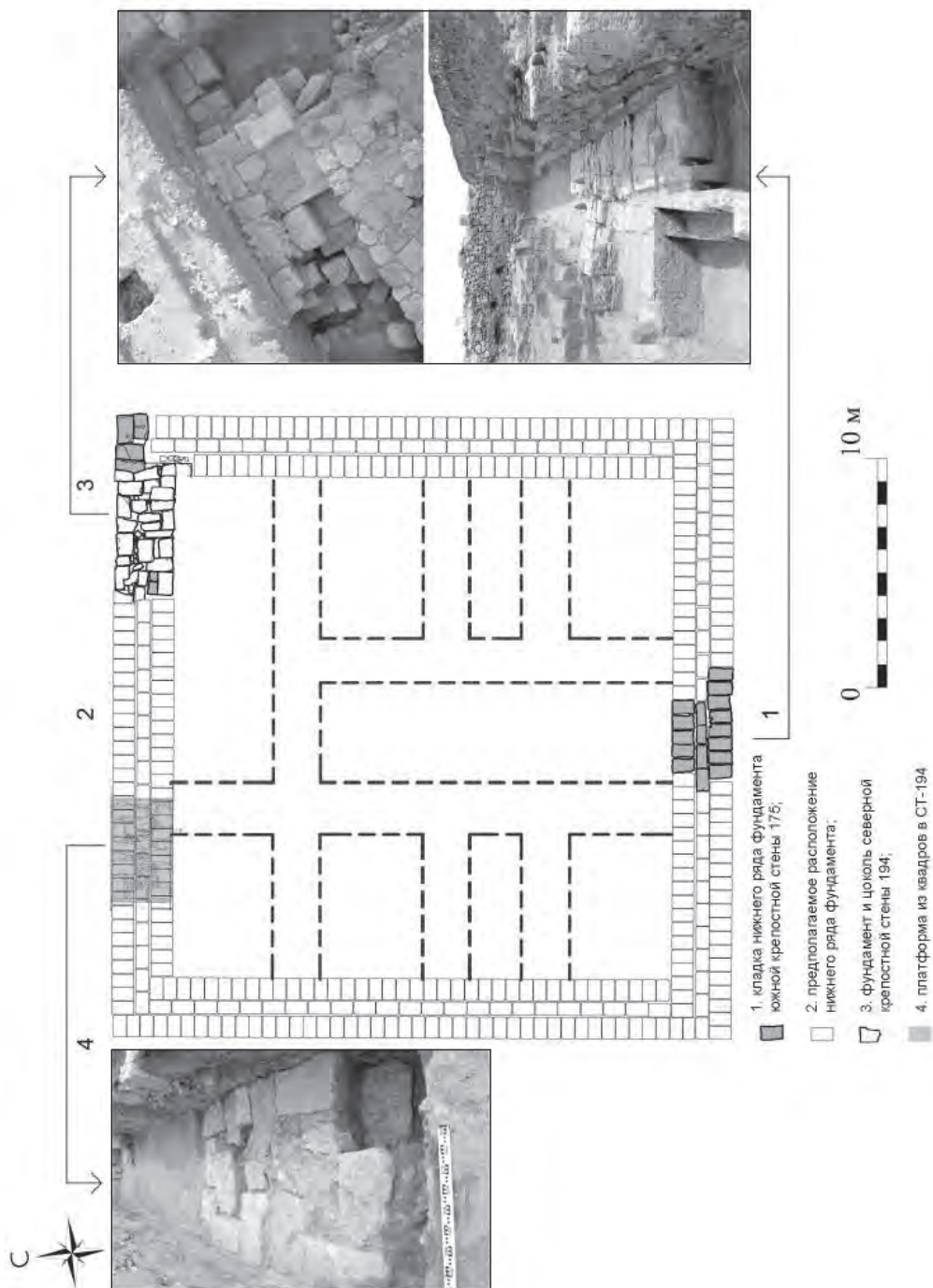
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai I. Vinokourov, DSc, Prof.
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
vinokurovn@list.ru,
+79165415774

Рис. 1. План-схема ранней цитадели.

Рис. 2. Расположение платформы и фундаментов крепостных стен (схема-реконструкция Т.В. Блудновой; фото автора).

Рис. 3.2. Вид с юга на стратиграфию заполнения траншеи выборки восточной крепостной стены ранней цитадели ТВ -186 до 46/47 г. н. э.).

Рис. 3.1. Вид с востока на стратиграфию культурных напластований в борту траншеи выборки восточной крепостной стены ранней цитадели ТВ -186 и профиль фундамента северной стены 194 в северо-восточном углу ранней цитадели (до 46/47 г. н. э.).

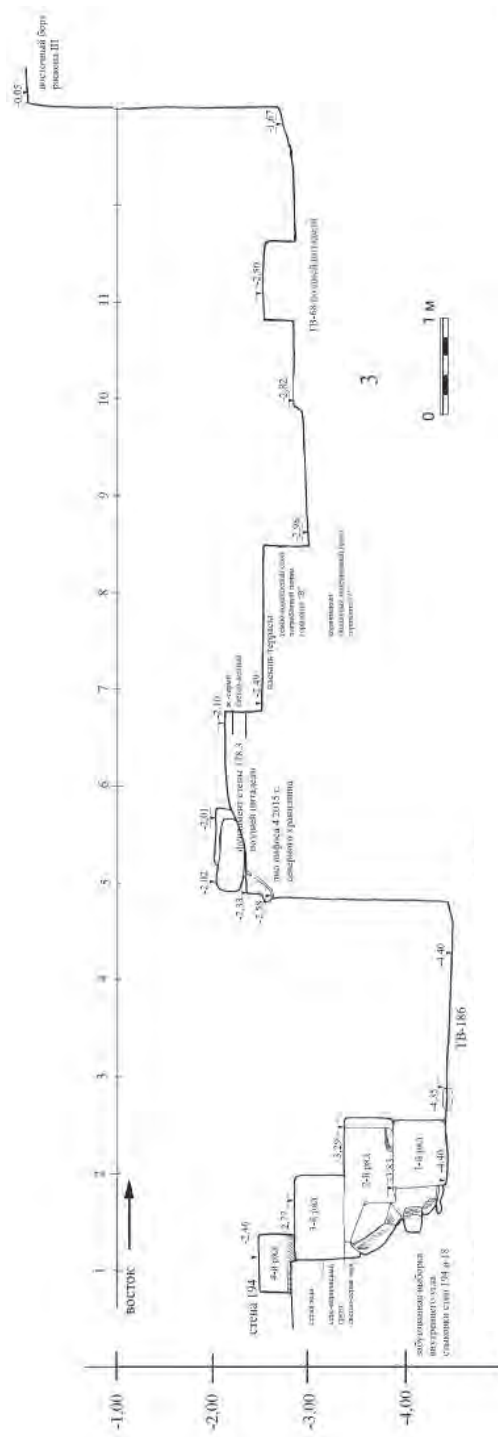

Рис. 3.3. Вид-разрез через линию Ю81,30 вдоль стены 194; разрез ТВ-186 и пифоса 4 северного хранилища (до 46/47 г. н. э.).

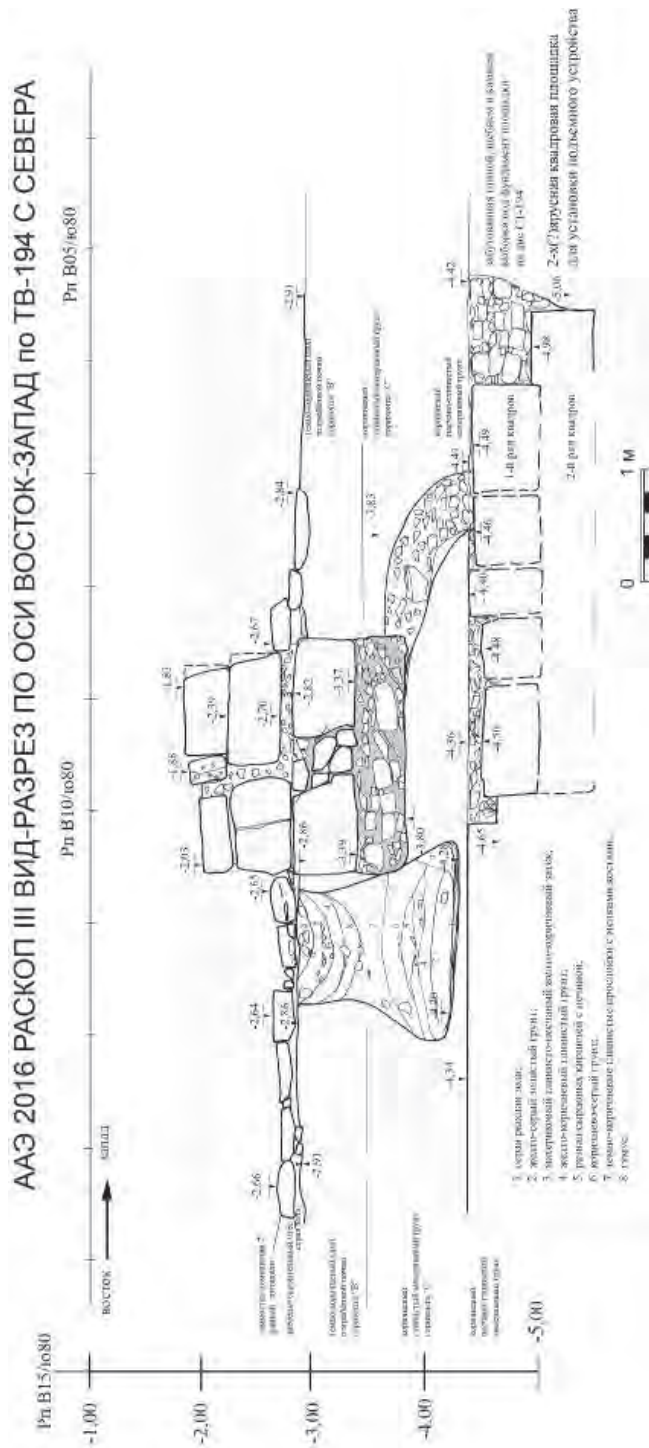

Рис. 3.4. Вид с севера на стратиграфию культурных слоёв до 46/47 г. н. э. в южном борту траншеи выборки северной крепостной стены ранней цитадели 194, а также на торцевую часть стены 169.

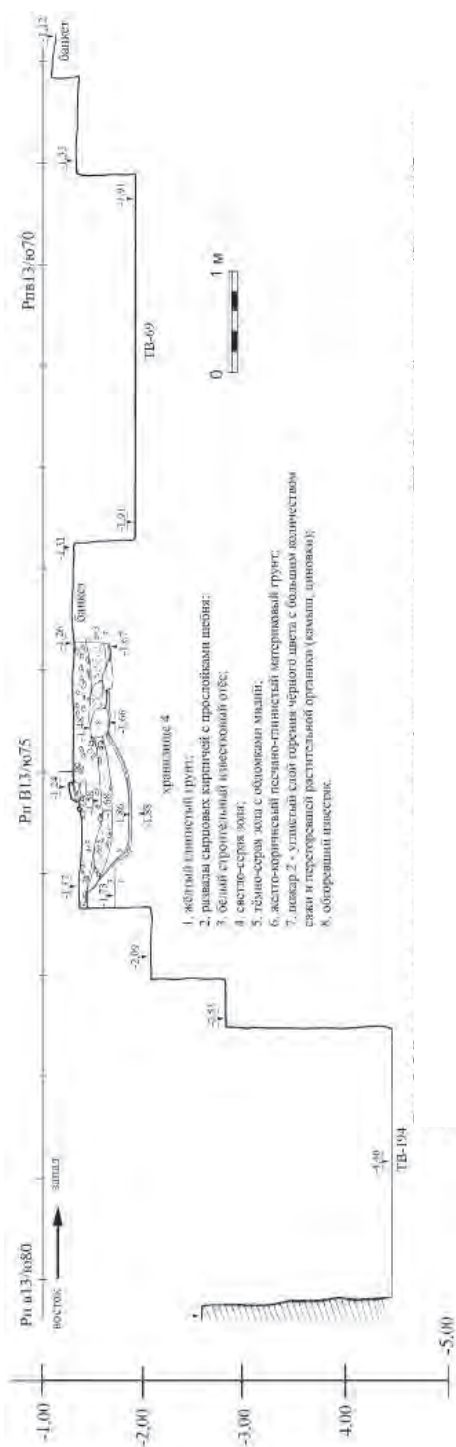
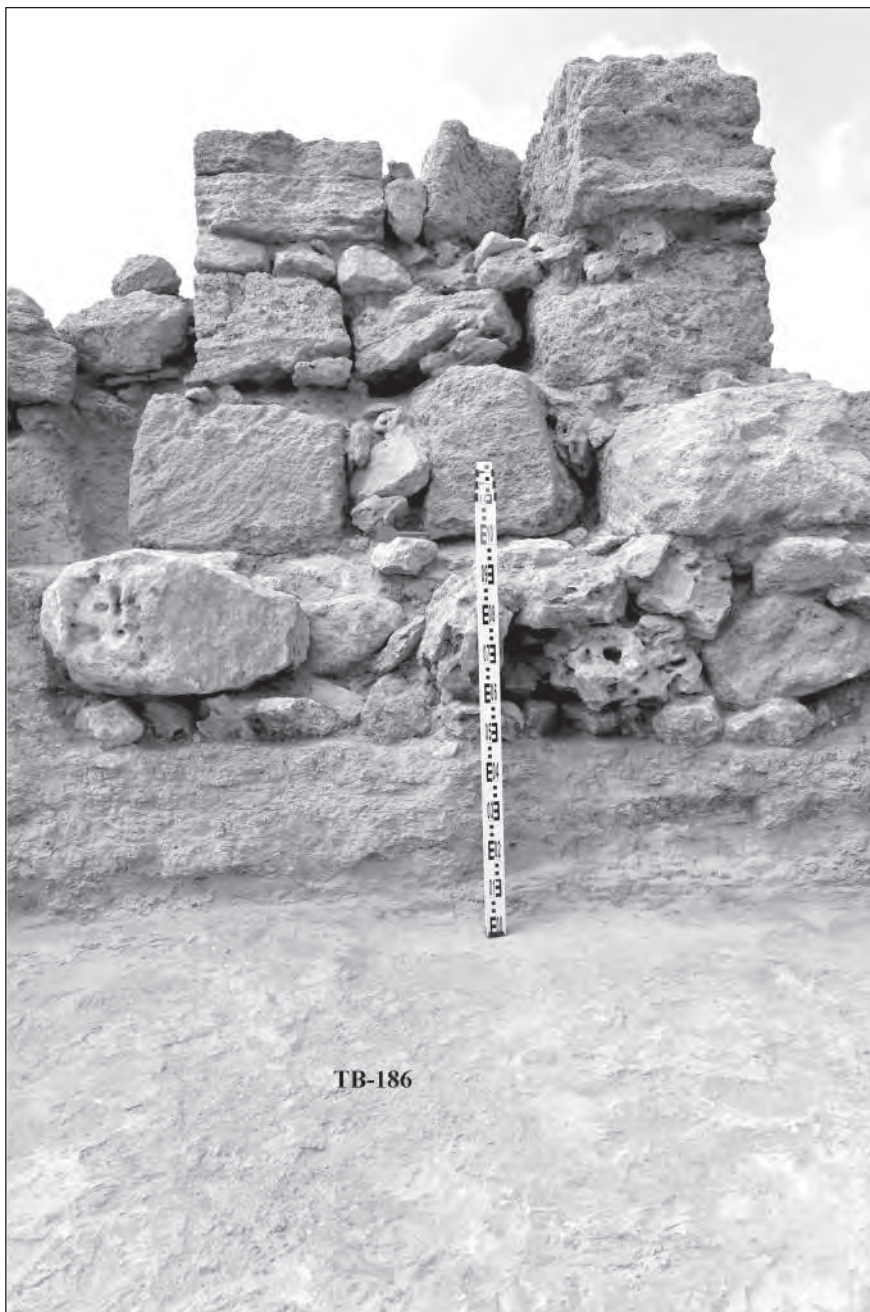

Рис. 3.5. Вид-разрез с востока на стратиграфию хранилища 4 севернее ТВ-194 ранней цитадели 194 до 46/47 г. н. э. по линии В13/Ю80-Ю65.

Рис. 4. Торцевая часть кладки 176 на месте стыка с восточной крепостной стеной 186. Вид с востока. Раскоп III.

Рис. 5.1 Северная торцевая часть перегородки - стены 169 на месте стыка с северной крепостной стеной 194. Вид с северо-запада. В ходе работ 2016 г.

Рис. 5.2. Северная торцевая часть перегородки - стены 169 на месте стыка с северной крепостной стеной 194. Вид с севера. Раскоп III. 2016 г.

Рис. 6. Траншея выборки (ТВ-194) северной крепостной стены 194.
Вид с востока. Северная прирезка раскопа III 2016 г.

Рис. 7. Платформа из квадров в траншее выборки (ТВ-194) северной крепостной стены 194. Вид с запада (1-2) и востока (3). Северная прирезка раскопа III 2016 г.

1

2

Рис. 8.1–2. Забутованная выборка и северная часть ТВ-186 на месте стыковки с северной крепостной стеной ТВ-194. Вид с юго-востока. До начала и после работ 2015 г.

В.А. ХРШАНОВСКИЙ
V.A. KHRSHANOVSKII

**МЕЖДУ ГОТАМИ И ГУННАМИ.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА
IV в. н.э. (По результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг.)
BETWEEN GOTHs AND HUNS.
NEW MATERIALS TO THE HISTORY OF EUROPEAN BOSPORUS
OF IV century AD (Based on excavations of the necropolis of Kytaiа in 2009–2016)**

В 2008 году археологическая экспедиция Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург), которая на протяжении 40 лет (с некоторыми перерывами) проводила археологические раскопки в Восточном Крыму, прекратила свое существование. С 1968 по 1979 г. некрополи возле города-крепости Илурат исследовались под руководством М.М. Кубланова. На протяжении последующих 25 лет (с 1984 по 2008 г.) экспедицию музея возглавлял автор статьи. В 1989 году, одновременно с работой на Илуратском плато, начались охранно-спасательные работы на некрополях, расположенных на Китейской равнине в непосредственной близости от античного города Китей.

После отказа Государственного музея истории религии продолжать археологические исследования на Керченском полуострове основным источником их финансирования стал Благотворительный фонд «Деметра». Только благодаря этому до 2013 года включительно продолжались охранно-спасательные работы на грунтовых и курганных некрополях возле Илурата и Китея. С 2014 года по настоящее время они сосредоточены на юго-западном участке некрополя Китея, в зоне интенсивной береговой абразии (рис. 1).

* * *

На юго-западном участке некрополя Китея охранно-спасательные работы начались ещё в 1992 году исследованием многочисленных грабительских шурфов. В ходе многолетних исследований (до 2009 года) здесь были обнаружены пять раскопов (XXIII, XXV, XXXIII, XXXIII-A, XL) (рис. 2), в которых найдены три монументальных склепа, сложенных из блоков и плит известняка (№ 141, 206, 300), один грунтовой (засыпной) склеп (№ 344), около 40 грунтовых и плитовых могил, а также многочисленные следы разнообразных по форме и богатым по материалу тризн.

Наличие в культурном слое этого участка разновременных материалов (от IV в. до н. э. до IV в. н. э.) на протяжении длительного времени не позволяло датировать по материалу из грунта заполнения каменные склепы с разрушенными сводами и грунтовой засыпной склеп. Однако в последующие годы (с 2009 по 2016) было полностью завершено исследование склепа № 344 (раскоп XL) и заложены два новых

раскопа (XLVI и XLVII) (рис. 2), в которых обнаружены «закрытые» комплексы (не потревоженные могилы, ритуальные конструкции, жертвенные ямы), что позволило «расслоить» открытые здесь до настоящего времени погребальные и поминальные сооружения. Самые ранние из них, как теперь представляется, относятся ко второй половине IV–началу III вв. до н. э., самые поздние – к концу III–IV вв. н. э. Среди первых оказались элитные эллинистические склепы [Хршановский, 2013, с. 182–200] и необычное грунтовое погребение старика с младенцем [Хршановский, 2004, с. 387, рис. 4]. Ко вторым – поздним – относятся грунтовой склеп № 344 [Хршановский, 2010, с. 455–456], более четырех десятков погребений в грунтовых и плитовых могилах [Хршановский, 2016, с. 108–141] и сопутствующие им тризны.

Поздние следы погребально-поминальных и ритуальных действий, открытые на юго-западном участке некрополя Китея, связаны с одним из наиболее темных и сложных периодов боспорской истории – IV в. н. э. Публикация новых материалов, найденных в ходе раскопок последних лет, позволяет уточнить их хронологию и сделать первые предварительные выводы о возможной этнокультурной принадлежности тех, кто между нашествиями готов и гуннов оказался на Китейской равнине и оставил здесь столь многочисленные и монументальные следы.

К самым большим погребальным сооружениям этого времени относится склеп № 344 (раскоп XL), расположенный рядом с эллинистическими склепами № 206 (раскоп XXXIII), № 141 (раскоп XXV), в непосредственной близости от склепа № 300 (раскоп XXXIII А), который исследовался на протяжении восьми полевых сезонов (с 2002 по 2009 г.) (рис. 2). Склеп был вырублен с уровня древнего горизонта в пласте мягкого (в настоящее время полуразложившегося и крошащегося) известняка и очень плотной материковой (зеленой с белыми глазками) глине. Как и соседние эллинистические склепы № 141 и 300, он был ориентирован с юга на север (рис. 3а, б).

Камера склепа имела подпрямоугольную форму (вытянута в меридиональном направлении). Длина камеры 5,5–6,3 м, ширина 4–4,3 м, глубина (от пола – выровненной материковой глины – до уровня древнего горизонта от 0,5 до 1 м), до современной дневной поверхности – 2,4–2,5 м. Подводящий к камере дромос подквадратной формы длиной 2–2,6 м, шириной 2,5–3,5 м был отделен от камеры невысокой, вырубленной в материковой глине ступенькой-порогом (высота – 0,12–0,2 м). Соответственно и пол дромоса по отношению к полу камеры был выше на такую же величину.

Никаких следов перекрытия склепа обнаружено не было. Создалось впечатление, что после совершения погребальных и сопутствующих поминальных ритуалов он был засыпан слоем серо-желтого суглинка мощностью до 1,3 м.

Пласт известняка, прорубленный при сооружении склепа, отчетливее всего читался в северной стенке камеры (борту раскопа). По всей вероятности, из обломков известняка этого же пласта было сооружено и сохранившееся частично символическое ограждение (кромлех?). Оно было зафиксировано в виде полукруга над северной стеной камеры склепа (за годы раскопок 6 из 8 камней обрушились) (рис. 3а). Возможно,

Хршановский В.А. Между готами и гуннами ...

в южной половине склепа на уровне древнего горизонта ограждение имело продолжение из гораздо более мелких необработанных камней, доходя до дромоса.

Внутренние границы (стенки) камеры склепа с северной, западной и восточной сторон были определены (иногда условно) по выходам предматерикового суглинка и зеленой материковой глины. С южной – камеру от дромоса отделял невысокий (0,12-0,2 м) порог, также вырубленный в материке.

Западная и восточная стенки подводящего к камере дромоса были образованы невысокими (до 0,3 м) подрубками в пласте известняка. Обозначенные камнями и подрубкой в скальном массиве линии внешнего контура камеры на юге симметрично с запада и востока закруглялись и замыкались у входа в дромос.

Склеп был ограблен в древности. Стратиграфия слоев нарушена.

Лишь в нескольких местах удалось зафиксировать выгороженные ритуальные площадки с зольными пятнами и другими следами совершенных тризн.

Одним из таких объектов оказалось зольное пятно в восточной части дромоса, возле которого *in situ* был зафиксирован керамический комплекс: в краснолаковой тарелке лежала на боку лепная ойнохоя (рис. 4, 1-3). В этом же слое в непосредственной близости был найден и глиняный светильник с рельефными круглыми точками-горошинами на плечах (рис. 4, 4).

При всей необычности формы – склеп без перекрытия – назначение открытой в XL раскопе конструкции сомнений не вызывало. В грунте заполнения на разных уровнях повсеместно встречались разрозненные человеческие кости. Качество антропологического материала (многочисленные человеческие останки были разметаны по всему раскопу, на разных уровнях, что практически делало невозможным выявление и идентификацию костей каждого отдельного субъекта) позволило лишь примерно установить общее количество погребенных – около 30. Среди них было не менее 20 взрослых (4 мужчины, 5 женщин, пол остальных не установлен), подросток 8-13 лет и 9-10 детей (от новорожденных до 10 лет). Взрослые были преимущественно представлены мужчинами и женщинами среднего возраста, но имелось и несколько пожилых людей: 55–60 лет.

Наряду с костными останками людей возле ритуальных площадок с зольниками и в мешаном грунте заполнения склепа были обнаружены многочисленные кости животных (иногда кальцинированные): лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки, зайца и птиц (серого домашнего гуся, домашней курицы, пустельги, балобана, дрофы, лебеда-шипунa, белолобoгo гуся, пеганки, утки, полевого луна, чернозобой гагары, черношейной поганки, большой поганки, большого баклана, огари, орлана-белохвоста, домового сыча, морской чернети, неопределимой воробьиной птицы, серой куропатки, хохлатой чернети), дельфина и рыб (в том числе осетра).

В ходе раскопок часто встречались скопления раковин улиток-виноградниц, створки морских раковин, клешни краба, морские окатыши (в том числе окаменелости), галька, угольки.

Стратиграфия слоев над зольниками («пойманная» ненарушенной в нескольких

местах) свидетельствовала о череде совершавшихся над ними ритуальных действий, в том числе с возжиганием огня. Их связь с совершавшимися здесь поминальными обрядами (тризнами), включавшими жертвоприношения животных, не вызывает сомнений.

Хронология этого погребально-поминального комплекса поначалу вызывала недоумение. В грунте заполнения склепа и над ним, как в мешаном переотложенном слое, повсеместно соседствовали вещи от IV в. до н. э. до конца III-IV вв. н. э.

Выявленная «вилка» прослеживалась по всем датирующимся материалам. Так амфорная керамика была представлена как (в меньшем количестве) фрагментами (в том числе с клеймами) греческого импорта начиная с IV в. до н. э. (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа), так (в большем количестве) и поздними III-IV вв. до н. э.: узкогорлыми светлоглиняными типа Е (по Шелову), красноглиняными с ребристым туловом, светлоглиняными толстостенными типа 104 по Зеест. Расписная и кружальная керамика с лаковым покрытием – от обломков краснофигурных расписных, сетчатого лекифа и чернолаковых сосудов до гораздо более многочисленных фрагментов поздних краснолаковых (в том числе «рыбных блюд»). Кружальная посуда без покрытия была представлена широким спектром обломков светлоглиняной, красноглиняной, сероглиняной и чернолощеной керамики, не поддающейся узкой датировке. Были представлены среди керамических остатков и лепные сосуды (в том числе орнаментированные), являющиеся скорее этнокультурным, чем хронологическим маркером.

Немногочисленные фрагменты эллинистических терракотовых статуэток и масок, найденные в ходе раскопок, как представляется, были вторично использованы, в отличие от предположительно синхронных склепу обломков глиняных светильников (маленьких закрытых однорожковых со щитком «в виде раковины» и открытого лепного на высокой ножке – III-IV вв. н. э.). Керамические пряслица и грузила не могут быть привлечены для уточнения хронологии комплекса, как и довольно многочисленные стеклянные и янтарные бусины, как правило, широко датирующиеся римским временем. В числе прочих находок необходимо отметить обломки стеклянных сосудов, трехгранный втульчатый наконечник стрелы, фрагменты зеркал. Довольно многочисленны были и железные предметы: обломки мечей, ножей, элементы конской упряжи, кольца. Встречались костяные изделия как целые (проколки), так и сильно фрагментированные.

Бесспорным дополнительным признаком ритуального характера совершавшихся в склепе № 344 действий являлось наличие в грунте заполнения «странных» вещей, принадлежавших другой исторической эпохе, – обломка каменного топора, кремневых орудий и отщепов или просто осколков гранита, кусков мела, астрагалов, вероятно наделяемых теми, кто их использовал при совершении погребально-поминальных обрядов, каким-то особым смыслом.

Если исходить из того, что сооружение склепа и совершенные в нем ритуальные действия были произведены одновременно, а обнаруженный в ходе исследования материал имеет при этом хронологическую вилку в 700 лет, датировать весь погреб-

Хршановский В.А. Между готами и гуннами ...

бально-поминальный комплекс нужно *по самым поздним* из них. В связи с этим встает важнейшая задача: на основании имеющегося материала определить верхнюю хронологическую границу сооружения и использования склепа № 344.

Наиболее надежную (и узкую) датировку – в данном случае для определения *terminus post quem* сооружения и использования склепа № 344 – дают монеты. В ходе его исследования было найдено 5 медных монет. Большинство из них было сильно коррозировано, потерто и с трудом подавалось определению. Тем не менее с достаточной степенью вероятности можно утверждать, что нижнюю хронологическую границу найденного в склепе материала маркировала медная пантикапейская монета конца IV в. до н. э. – Л.с. Голова бородатого сатира вправо; О.с. ПАН; протома орлиноголового грифона влево, внизу осетр (рис. 5, 1а, б) – датируемая 314–310 гг. до н.э. [Анохин, 1986, № 111, с. 140] или 330–315 гг. до н. э. [Абрамзон, Иванина, 2010, № 138, 140, 144, с. 232, табл. 82]. Зато пять других относились к выпускам последних боспорских царей: одна Рескупорида IV (242/243 – 276/277) с датой ГМФ – 543 г. б. э. или 246/247 г. н. э. [Анохин, 1986, № 694, с. 170] и четыре Фофорса (285/6 – 309/310). Три из них из-за плохой сохранности могут быть лишь условно отнесены к типам № 739а, 743а и 746а по Анохину [он же, с. 172]. Четвертая – Л.с. Бюст царя вправо. О.с. Голова императора вправо, справа тамга (рис. 5, 2а, б) – датируется 290/292 гг. н. э. [он же, № 736, с. 172] или 295 г. н. э. [Абрамзон, Иванина, 2010, № 503, с. 110, табл. 123].

Зафиксированный *in situ* в дромосе склепа керамический комплекс (рис. 4, 1) по типу краснолаковой тарелки понтийской сигилляты (рис. 4, 3) традиционно мог бы широко датироваться от конца I в. до III в. н.э. [Крапивина, 1993, с. 74, рис. 77, тип 16б-в; Журавлев, 2010, кат. № 111, с. 46, табл. 18, форма 4.2], но по огрубленной форме, толщине стенок и плохому качеству лака скорее относится к IV в. н.э. и находит себе близкие аналогии среди подобных сосудов этого времени [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2005, с. 89, вар. 1в, табл. XVIII, 28-29]. Эту датировку подтверждает и найденный здесь же формованный закрытый грушевидный светильник с округлым рожком, наlepной петлеvidной ручкой и плечиками, украшенными рельефными круглыми точками-горошинами на плечах (рис. 4, 4). По заключению Д.В. Журавлева такие светильники характерны для III в. н.э., но близкие по типу встречаются и в комплексах первой половины IV в. н.э. [Зубарев, Крайнева, 2007, с. 201, рис. 7.2]. Среди многочисленных фрагментов поздних красноглиняных амфор оказалось горло амфоры не установленного типа с биконическим венчиком и реберчатymi стенками (рис. 5, 5), которая по заключению О.В. Шарова также датируется IV в. н. э.

Заслуживают упоминания две находки, не способные сузить (или подтвердить) датировку склепа № 344, но интересные сами по себе: небольшая бронзовая статуэтка лежащей собаки (рис. 5, 3) и импортная фигурная фибула-брошь в виде бегущего льва (рис. 5, 4), датируемая II в. н. э. [Кругликова, 2009, с. 240–243].

Таким образом, с достаточным основанием можно утверждать, что склеп № 344 был сооружен и использован для погребально-поминальных действий в конце III – IV вв. н. э.

Разрушенные к этому времени соседние склепы, сооруженные в IV в. до н. э. (№ 141, 206 и 300), были использованы вторично. Но уже не по своему первоначальному назначению, а как ритуальные площадки с поминальными тризнами, сопутствующие расположенным поблизости синхронным погребениям в грунтовых и плитовых могилах [см. Хршановский, 2016, с. 108–141].

Небезынтересно, что в центральной части некрополя Китея в 90-х годах XX века уже были открыты, исследованы и доследованы после грабителей склепы № 263, 265 и 269. Первый из них, сложенный из блоков и плит известняка с мощеным полом и предположительно полуциркульным сводом, напоминал по архитектуре и конструкции эллинистические склепы юго-западного участка [Хршановский, 2002, с. 313–316, рис. 1]. Два других – № 265 и 269 были вырублены в скальном массиве [там же, рис. 2-3]. Последний, как и склеп № 344, не имел никаких признаков свода (перекрытия). Весьма вероятно, что его изначально не было и над склепом № 265. Во всяком случае, при последнем использовании его в прежнем качестве погребального сооружения он, как и два других, был просто засыпан грунтом. При наличии во всех трех склепах материала II–III вв. н. э. по монетам последних боспорских царей – Фофорса, Рескупорида IV и V эти погребальные комплексы датируются не ранее чем второй четвертью IV в. н. э. [Хршановский, 2002, с. 313–323].

Таким образом, погребальная культура, выявленная в центральной части некрополя Китея в склепах № 263, 265, 269, и по времени, и по зафиксированному обряду кажется очень близка (если не тождественна) погребально-поминальным комплексам, открытым в первом десятилетии XXI века на юго-западном участке.

После завершения раскопок склепа № 344 в 40 м к юго-востоку, в зоне береговой абразии, был заложен еще один раскоп, получивший порядковый номер XLVI (рис. 2). Через шесть лет он приобрел форму правильного прямоугольника (10 – 20 м). В раскопе были обнаружены три грунтовые могилы (№ 382, 384 и 386), несколько жертвенных ям (№ 377–379, 381, 383, 385, ритуальный комплекс № 380 и захоронение лошади (рис. 6). Все перечисленные выше объекты были перекрыты общей насыпью из серо-желтого рассыпчатого суглинка, которая имела форму вала шириной около 20 м, высотой до 2 м, вытянутого в меридиональном направлении. Южная оконечность вала (вместе с частью высокого обрывистого берега и всем, что на нем находилось) к настоящему времени разрушена интенсивной береговой абразией (рис. 1). Но в северном направлении вал отчетливо прослеживается не менее чем на 80 м. Возможно, такая же насыпь имелась и над склепом № 344, а общее количество заметных на этом участке (к западу от западной крепостной стены Китея) параллельных друг другу «валов», вытянутых с юга на север, насчитывает более двух десятков.

Самым монументальным сооружением, обнаруженным под насыпью в раскопе XLVI, оказался ритуальный комплекс № 380 (рис. 7, а, б). Он представлял собой подпрямоугольное в плане сооружение, вытянутое с юга на север (с небольшим отклонением к востоку). Длина его – 5,2–5,7 м, ширина – 2,8 м. Стены сооружения сложены иррегулярной постелистой кладкой в 2–3 слоя из уплощенных разнокалиберных

Хршановский В.А. Между готами и гуннами ...

каменной. Можно предположить, что почти по всему периметру они сохранились на свою первоначальную высоту – 0,8-1 м. Внутри огражденного пространства, в середине комплекса, находилась круглая в плане яма диаметром около 1,8 м. Глубина ямы 1,7 м. На дне ее оказался дисковидный алтарь-жертвенник, вырезанный из известняка. Обнаруженные в грунте заполнения над комплексом № 380 многочисленные фрагменты амфор, чернолаковой и краснолаковой посуды, расписного лагиноса, кружальных и лепных сосудов широко датируются тем же временем, что и материал из предыдущего раскопа, – IV в. до н. э. – IV в. н. э.

В юго-западном углу ритуального сооружения № 380 на уровне пола была обнаружена *in situ* верхняя часть лепного горшка. Внутри него на заполнявшем его грунте лежала кость животного (рис. 8, 1-2). На уровне пола (древнего горизонта) преобладал материал позднеримского времени, представленный преимущественно обломками светлоглиняных и красноглиняных амфор с реберчатым туловом и лепных сосудов.

С внешней стороны ритуального комплекса, непосредственно за северной частью восточной стены, была открыта ещё одна, связанная с ним, жертвенная яма, получившая № 381. Диаметр ямы около 2 м, устанавливаемая глубина не менее 1,25-1,3 м. Яма была впущена в насыпь, перекрывающую ритуальный комплекс № 380, и, следовательно, является более поздней. За южной частью восточной стены находилось плохо сохранившееся конское захоронение. К костяку оказалось приставлено скульптурное изображение головы лошади, вырезанное из мергеля [Кучеревская, 2013, с. 703–705].

За северо-западным углом ритуального комплекса № 380 найдены и исследованы две непо потревоженные грунтовые могилы № 382 и 384, перекрытые плитами известняка [см. Хршановский, 2016, с. 122-123, рис. 11–14]. Как и большинство погребальных комплексов, открытых на этом участке некрополя, они имели меридиональную ориентацию.

На дне первой (№ 382) было обнаружено погребение женщины 35–40 лет. Костяк в анатомическом порядке лежал на спине, головой к северу. Погребальный инвентарь состоял из 37 бусин в виде тонких дисков из глухого темного стекла (анalogии не найдены) и 15 бусин с металлической прокладкой, наиболее распространенных в Северном Причерноморье в первые века н. э. Две подвески в форме пирамидок из зерни светлого металла, скорее всего, представляют собой не отдельные предметы (подвески?), а вторично использованные элементы сережек, появляющихся (по заключению М.Ю. Трейстера) не ранее конца IV в. н. э.

В непосредственной близости от могилы № 382 в том же слое была открыта и исследована еще одна перекрытая пятью грубо обработанными плитами известняка грунтовая могила, получившая порядковый № 384. Она также имела вытянутую прямоугольную форму и меридиональную ориентацию (в отличие от предыдущей, с отклонением к северу–северо-востоку и юг–юго-западу). Судя по древесному тлену и гвоздям, обнаруженным в грунте заполнения и на дне могилы, захоронение было совершено в гробу. Погребенный – мужчина 35-40 лет – лежал на спине, головой на север–северо-восток. В ногах погребенного лежал двуручный лепной кувшин, воз-

ле кисти левой руки было найдено бронзовое кольцо, под головой – несколько стеклянных бусин. Близкие по типу стеклянные бочковидные бусины с металлической прокладкой встречаются только в комплексах римского времени. Лепной кувшин и бронзовое кольцо не могут быть привлечены для уточнения датировки.

В третьей могиле – № 386, расположенной к западу от могилы № 382, никаких следов погребенного и погребальных действий не обнаружено.

В восточной части раскопа, рядом с ритуальным комплексом № 383 (жертвенной ямой, перекрытой грубо обколотой плитой известняка), был обнаружен *in situ* наполненный углями красноглиняный горшок с ручкой.

В отличие от раскопа XL в насыпи, перекрывающей погребально-поминальные комплексы и на уровне древнего горизонта (вне могил № 382 и 384), кости человека встречались крайне редко и могли быть отнесены к случайным находкам. Зато и в насыпи, и на полу комплекса № 380 в изобилии были представлены кости животных, как их отдельных частей, так и целых особей (лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, собаки, зайца-русака), а также птиц, дельфина, рыб и клешни краба.

Помимо синхронных следов жертвоприношений животных в раскопе XLVI, как и над склепом № 344 в XL раскопе, содержалось большое количество разновременного материала с той же хронологической вилкой: IV в. до н.э.–IV в. н.э. Эллинистический материал IV–II вв. до н.э. был представлен довольно многочисленными фрагментами (в том числе с клеймами) импортной амфорной керамики (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа, Родос), обломками расписных чернолаковых сосудов (на некоторых из них имелись граффито), терракотовыми статуэтками, раннеэллинистической медной пантикапейской монетой (Л.с. Голова бородатого сатира. О.с. стерта) (рис.10, 1), условно датирующейся ок. 310 – 304 гг. до н.э. [Анохин, 1986, № 132, с. 141]. Скорее всего, эти вещи были взяты из эллинистических склепов, расположенных поблизости (к тому времени, по всей вероятности, уже разрушенных и разграбленных). В меньшем количестве присутствовал материал I в. до н.э. – II в. н.э.: фрагменты амфоры, расписной керамики, краснолаковых сосудов, медная пантикапейская монета, по ближайшей аналогии – Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Пасущийся Пегас влево (рис. 10, 2), датирующаяся ок. 47–37 гг. до н.э. [Анохин, 1986, № 250, с. 148]. Среди амфорных клейм этого времени заслуживает упоминания редкое для Северного Причерноморья римское клеймо VISELL[II] [Павличенко, 2013, с. 100–107].

Общее количество и местонахождение гораздо более ранних «асинхронных» вещей могут свидетельствовать о том, что эти «чужие» вещи были преднамеренно собраны, принесены и вторично использованы в погребально-поминальных обрядах в конце III–IV вв. н. э. Косвенным подтверждением высказанного предположения является то, что многие фрагменты амфор с клеймами как будто специально сколоты или обломаны, а некоторые клейма находились на окатышах, по всей вероятности, как и многочисленные гальки и створки раковин, были подобраны в море или на берегу на значительном удалении от места находки. Кроме того, помимо эллинистических вещей здесь, так же как и в предыдущем раскопе, оказались (вряд ли случайно)

Хршановский В.А. Между готами и гуннами ...

каменные орудия труда и «отходы» их производства (обломок топора, кремневый нож, кремневые отщепы).

Возможно, среди медных монет, найденных в XLVI раскопе, были и монеты последних боспорских царей, которые определили бы и здесь нижнюю хронологическую границу. К сожалению, все они оказались сильно коррозированы и изображение на них не сохранилось. Единственным ориентиром могут быть развалы амфор рядом с могилами № 382 и 384, зафиксированные *in situ* на уровне древнего горизонта (рис. 9, 1-3). По сохранившимся нижним частям без полного профиля они не могут быть точно атрибутированы. Но их принадлежность к поздним красноглиняным реберчатым амфорам бесспорна. По дну и ножке первая может быть широкогорлой [Абрамов, 1993, табл. 64, тип. 7.23, с. 51] или типа М. 273 по Н.С. Robinson [он же, табл. 65, II, тип 7. 29, с. 51-52], вторая – близка по форме к круглодонным, вытянутой формы [Зеест, 1960, тип XXXIX, 99, с. 120]. Нижняя граница первой, в таком случае – вторая половина III в. н. э., второй – IV в. н. э.

В последнем из раскопов этого участка – XLVII, заложенном в 2016 году, в скоплении керамических остатков (тризне?) также преобладали стенки красноглиняных реберчатых амфор. Но среди них оказались и два горла с венчиками светлоглиняных толстостенных (рис. 10, 4), надежно датирующихся концом III - IV вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 121-122, табл. 104а], что подтверждает предварительную датировку и всех поздних погребально-поминальных действий на юго-западном участке китейского некрополя.

Среди подавляющего большинства стенок реберчатых красноглиняных амфор и обломков лепной посуды крайне неожиданными оказались пять фрагментов сосуда с рельефными изображениями театральных (трагических) масок, виноградной лозой и кистью винограда, мордой козла и туловищем еще одного четвероногого животного (козла или собаки) (рис. 10, 3).

По первому, предварительному заключению Н. В. Молевой, глина, из которой сделан сосуд, светло-красная, пористая, слоистая, с редкими белыми и темными включениями – боспорская, возможно, даже взята из окрестностей Китея. Внешняя поверхность покрыта тонким светлым, желтоватым ангобом. Поверх ангоба сосуд был раскрашен голубой краской, следы которой местами (в основном в углублениях) сохранились. Насколько можно судить по имеющимся фрагментам, сосуд представлял собой чашу большого диаметра с вертикальными стенками и широким слабо выраженным венчиком, подчеркнутым на лицевой стороне тонкой бороздкой. Рельеф был оттиснут в форме, глаза и рты масок и доработаны стекой.

Сюжет рельефа, по всей вероятности, носит культовый (дионисийский?) характер. Однако на данном (начальном) этапе исследования отсутствие близких аналогий не позволяет ни уточнить назначение сосуда, ни определить время его создания. Известные кувшины из такой же глины датируются II-III вв. н. э.

Установленное время возникновения и функционирования грунтового некрополя на юго-западном участке китейского некрополя – конец III–IV вв. н. э. не может не ставить его появление в зависимость от последствий готских походов середины

– второй половины III в. н. э. «В целом этническая ситуация в Восточном Крыму во второй половине III–IV вв. на основе отрывочных письменных свидетельств и археологических источников представляется достаточно сложной и пестрой. Неоднократные вторжения во второй половине III в. значительных полиэтнических варварских групп, во главе которых стояли германские, в том числе, возможно, и готские дружины, приводят к значительному перемещению сельского населения европейской части Боспора и инфильтрации этих «условно» готских элементов в состав городского населения. Особенно это характерно для Пантикапея-Боспора и Китея, а вероятно, и Киммерика» [Зинько, 2008, с. 135]. Другие авторы отмечают, что в это же время на Боспоре прослеживается аланская волна [Масленников, 1997, с. 40] и в целом «резко возрастает сармато-аланский этнос» [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2005, с. 193].

Массовую тезаврацию кладов с монетами последних боспорских царей М.Г. Абрамзон связывает с периодическими набегами в 20-х – начале 40-х гг. IV в. объединений племен различных этнических групп, «в первую очередь сармато-аланов и германских дружин с Меотиды» [Абрамзон, 2016, с. 9]. Подтверждением того, что происходившие в это время на Боспоре процессы затронули Китей, является найденный там в 2012 году клад позднебоспорских статеров [Абрамзон, Молев, 2016, с. 387–409] и, возможно, находка на некрополе импортной фибулы-броши (рис. 5, 4).

Важным этнокультурным индикатором могут оказаться многочисленные лепные сосуды, обнаруженные в тризнах и в могилах юго-западного участка китейского некрополя (рис. 4, 2; 8, 2). Так, лепному амфороидному сосуду, обнаруженному в ногах погребенного в могиле № 384 [Хршановский, 2016, с. 140, рис. 14, 1], по заключению Н.А. Гаврилюк, есть аналогии на Кавказе, в культуре аланов.

С этим коррелируют и данные антропологического анализа: в трех исследованных на этом участке могилах (№ 123, 243, 332) у погребенных зафиксированы следы прижизненной деформации черепа лобно-теменной давящей повязкой, что может являться признаком их принадлежности к сармато-аланской этнической группе.

Уточнение общей и внутренней хронологии исследуемого участка некрополя и выявление его этнокультурных компонентов должны произойти в ходе дальнейших археологических раскопок, накопления и осмысления полученного материала.

Весьма плодотворным для понимания процессов, происходивших на Европейском Боспоре после «готских» походов, представляется сопоставление позднеантичных участков некрополя и городища Китея с другими археологическими памятниками того же IV в. н. э., открытыми и исследованными в последние десятилетия на городище и некрополе Белинское [см. например, Зубарев, 2009, с. 175–181] и на Илуратском плато [Хршановский, 2015, с. 142–147].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М. Г., Иванина О. А. Античные монеты. Том II. Киев, 2010.

Абрамзон М. Г. Массовая тезаврация на Боспоре в 320-х – начале 340-х гг. н. э.: проблема интерпретации // Боспорские чтения XVII. Керчь, 2016.

Хршановский В.А. Между готами и гуннами ...

- Абрамзон М. Г., Молев Е. А. Клад позднебоспорских статов из Китея, 2012 // ВДИ № 2, 2016.
- Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология. Боспорский сборник 3. М., 1993.
- Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. МИА № 83. М., 1960.
- Зинько В. Н. «Готы» в Восточном Крыму // БИ XIX. Симферополь-Керчь, 2008.
- Зубарев В. Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III-IV вв. н. э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // БЧ X. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
- Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Светильники городища Белинское // ДБ Т. 7. М, 2004.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. Симферополь, 2010а.
- Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, 1993.
- Кругликова Я. В. Фибула-брошь из некрополя Китея // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. М-лы международной научной конференции. СПб., 2009.
- Кучеревская Н. Л. О консервации скульптуры из осадочных камнеподобных пород // Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013.
- Масленников А. А. Население Боспорского царства в первые века н. э. М., 1997.
- Павличенко Н. А. Находка римского клейма в Китее // ФИДИТИЯ: памяти Ю.В. Андреева. Сб. научных трудов. СПб., 2013.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // *Stratum plus*. 2003-2004, №4. СПб – Кишинев – Одесса – Бухарест, 2005.
- Хршановский В. А. Погребальные комплексы IV в. н. э. на некрополе Китея // БИ. Вып II. Симферополь, 2002.
- Хршановский В. А. Новые погребальные комплексы V-IV вв. до н. э. на некрополе Китея // Боспорские чтения V. Этнические процессы. Керчь, 2004.
- Хршановский В. А. Раскопки некрополей Китея и Илурата в 2009 году // Археологічні дослідження в Україні 2009. Київ–Луцьк, 2010.
- Хршановский В. А. Элитные склепы IV-III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой. Сб. научных статей. Вып. 2. Нижний Новгород, 2013.
- Хршановский В.А. Круглые святилища на Илуратском плато // Таврические студии № 7. Симферополь, 2015.
- Хршановский В. А. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // Культурный слой. Сб. научных статей. Вып. 4. Нижний Новгород, 2016.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Ivanina O.A. *Antichnye monety*. Vol. II, Kiev, 2010.
- Abramzon M.G. Massovaia tezavrizatsiia na Bospore v 320- nachale 340 gg. n.e. *Bosporskie chteniia* XVII. Kerch', 2016.
- Abramzon M.G., Molev E.A. Klad pozdnebosporsskikh staterov iz Kiteia. *VDI* № 2, 2016.
- Abramov A.P. Antichnye amfoty. Periodizatsiia i khronologiia. *Bosporskii sbornik* 3. M., 1993.
- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev, 1986.
- Khrshanovskii V.A. Pogrebal'nye kompleksy IV v.n.e. na nekropole Kiteia. *BI* Vyp. II. Simferopol', 2002.
- Khrshanovskii V.A. Novye pogrebal'nye kompleksy V-IV vv.d.n.e. na nekropole Kiteia. *Bosporskie chteniia V. Etnicheskie protsessy*. Kerch', 2004.
- Khrshanovskii V.A. Raskopki nekropolei Kiteia i Ilurata v 2009 godu. *Arkheologichni doslidzhinnia v Ukraini*. Kiev-Luts'k, 2010.
- Khrshanovskii V.A. Elitnye sklepy IV-III vv.do n.e. na iugo-zapadnom uchastke nekropolia Kiteia. *Kul'turnyi sloi. Sb. Nauchnykh statei*. Vyp. 2. Nizhnii Novgorod, 2013.
- Khrshanovskii V.A. Kruglye sviatilishcha na Iluratskom plato. *Tavrisheskie studii* № 7. Simferopol', 2015.
- Khrshanovskii V.A. Gruntovye mogily na iugo-zapadnom uchastke nekropolia Kiteia (po materialam raskopk 1992–2013) *Kul'turnyi sloi. Sb. Nauchnykh statei*. Vyp. 4. Nizhnii Novgorod, 2016.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Krapivina V.V. *Ol'viia. Material'naia kul'tura I-IV vv.n.e.* Kiev, 1993.
- Kruglikova Ia.V. Fibula-brosh' iz nekropolia Kiteia. *Bosporskii fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. St.Pb., 2009*
- Kucherevskaia N.L. O konservatsii skul'ptury iz osadochnykh kamnepodobnykh porod. *Bosporskii fenomen: greki I varvary na evraziiskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. St.Pb., 2013.*
- Maslennikov A.A. *Naselenie Bosporskogo tsarstva v pervye veka n.e.* M., 1997.
- Pavlichenko N.A. Nakhodka rimskogo kleima v Kitee. *FIDITIIa: pamiati Iu.V. Andreeva. Sb. Nauchnykh trudov. St.Pb., 2013.*
- Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugii Khersonesa v pervoi polovine i tysiacheletiiia novoi ery (po materialam nekropolia "Sovkhoz № 10». *Stratum plus. 2003-2004, №4. St.Pb- Kishinev- Odessa-Bukharest, 2005.*
- Zeest I.B. Keramicheskaia tara Bospora. *MIA № 83. M., 1960.*
- Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaia keramika Iugo-zapadnogo Kryma I-III vv.n.e.* Simferopol', 2010.
- Zin'ko V.N. "Goty" v Vostochnom Krymu. *BI XIX. Simferopol'-Kerch', 2008.*
- Zubarev V.G. K voprosu ob etnicheskom sostave zhitelei sel'skikh poselenii Evropeiskogo Bospora v III -IV vv.n.e.(po materialam gorodishcha Belinskoe I ego nekropolia) *Bosporskie Chteniia X. Aktual'nye problemy. Kerch', 2009.*
- Zubarev V.G., Kraineva A.A. Svetil'niki gorodishcha Belinskoe. *DB T. 7. M., 2004.*

Резюме

Статья посвящена итогам раскопок последних лет на юго-западном участке некрополя Китея. Заложенные в зоне интенсивной береговой абразии раскопы XLVI и XLVII подтвердили предположение о том, что здесь находится грунтовой некрополь IV в. н. э. Многочисленные монументальные следы погребальных и погребально-поминальных действий, открытые в ходе исследований, позволили предположить, что некрополь принадлежит сармато-аланам, активно проникавшим на Боспор после «готских» походов середины – второй половины III в. н. э.

Ключевые слова: Боспорское царство, «готские» походы, Китей, грунтовой некрополь, сармато-аланский этнос.

Summary

The article is devoted to the results of excavations of recent years in the south-western section of the necropolis of Kytaiia. The excavations XLVI and XLVII laid in the zone of intensive coastal abrasion confirmed the assumption that there is an underground vault of the IVth century AD. Numerous monumental traces of burial and burial funeral actions, discovered during the research, allowed to assume that the necropolis belongs to the Sarmatian Alans, who actively penetrated into the Bosphorus after the «Gothic» campaigns of the middle and the second half of the III century AD.

Keywords: Bosphoran Kingdom, «Gothic» campaigns, Kytaiia, underground vault, Sarmatian-Alanian ethnos.

СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Хршановский Владимир Андреевич, к. ф. н.,
Институт археологии РАН,
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
научный сотрудник.
+7 921-743-66-64
vax48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hrshanovskij Vladimir Andreevich, PhD,
Institute of Archeology RAS,
117036, Moscow, UL. DM. Ulyanova, 19.
Researcher.
+7 921-743-66-64
vax48@mail.ru

Рис. 1. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Вид с запада.

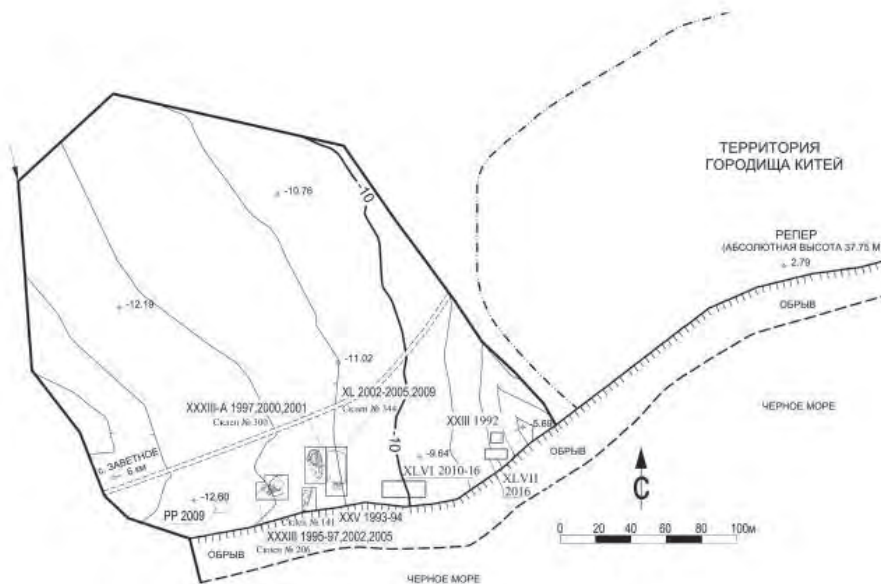

Рис. 2. Некрополь Китея. Юго-западный участок.
План с обозначением раскопов.

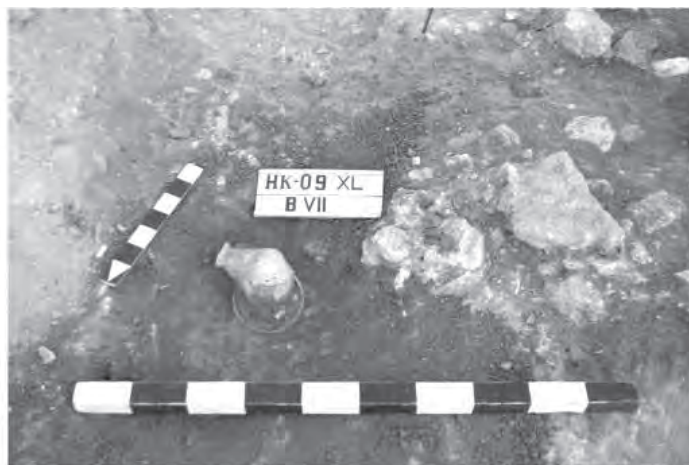
а

б

Рис. 3а,б. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XL. Склеп 344.
а) Вид с юга. б) Вид с востока.

1

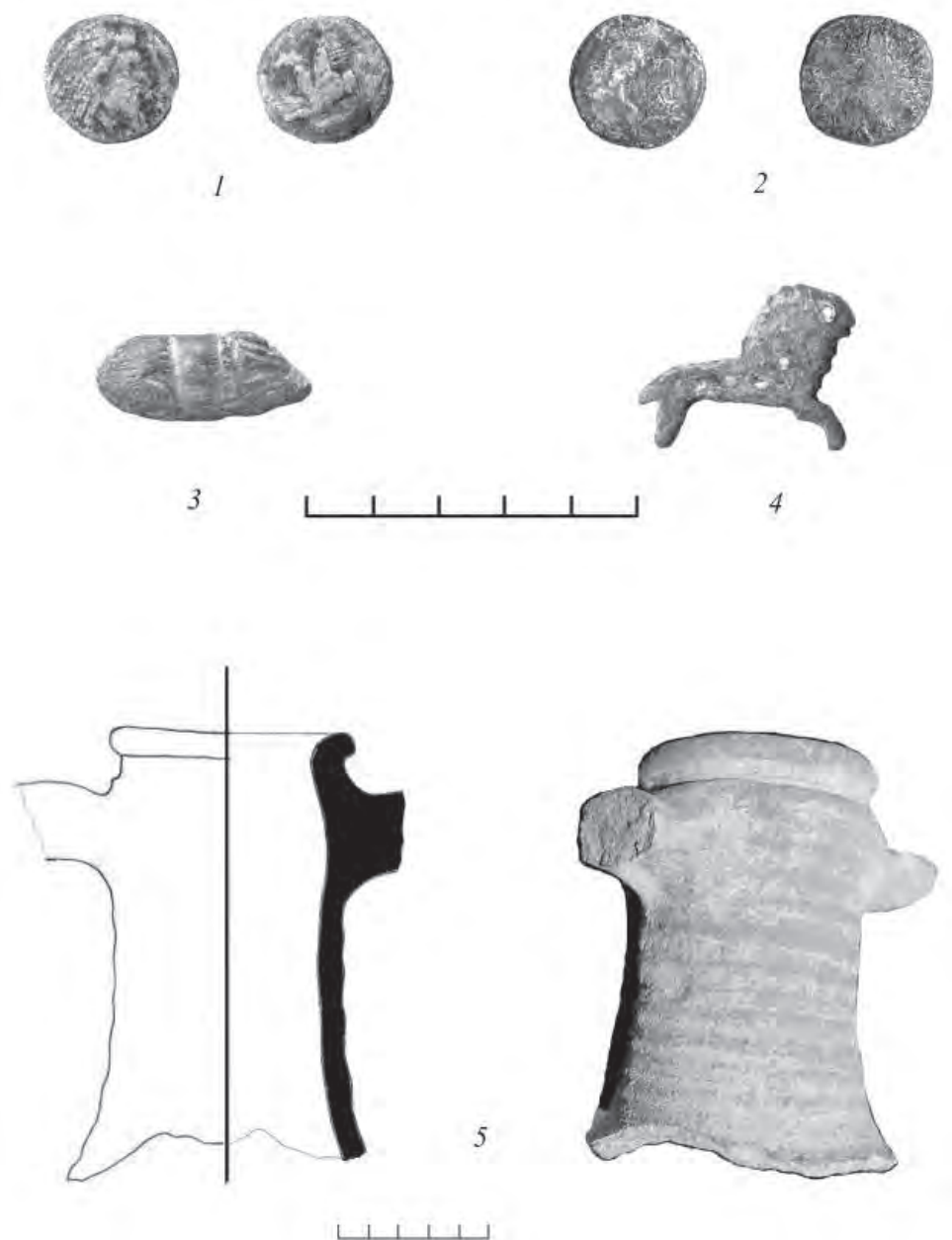
2

3

4

Рис. 4, 1-4.

1 – некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XL. Склеп 344. Керамический комплекс в дромосе;
2 – ойнохоя лепная; 3 – тарелка краснолаковая; 4 – светильник красноглиняный.

Рис. 5, 1-5. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XL.

Склеп 344. Находки из грунта заполнения:

- 1 – медная пантикапейская монета; 2 – медная монета Фофарса;
- 3 – бронзовая статуэтка в виде лежащей собаки; 4 – бронзовая фибула-брошь в виде бегущего льва;
- 5 – горло узкогорлой красноглиняной амфоры с ребристыми стенками.

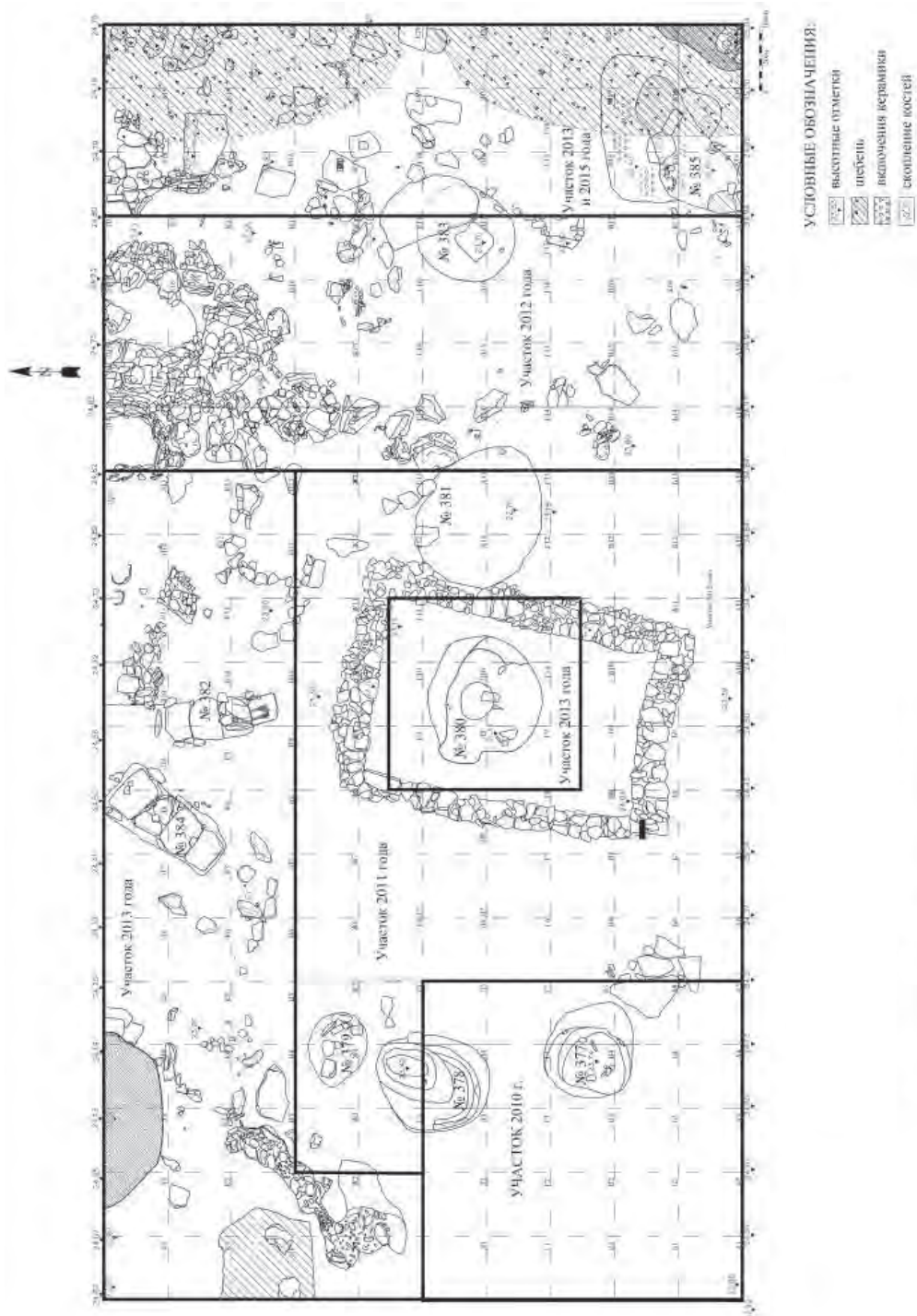

Рис. 6. Некрополь Кигея. Юго-западный участок. Раскол XLVI. Общий план с обозначением объектов.

а

б

Рис. 7а,б. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XLVI:
а) общий вид с северо-запада; б) вид с юга.

1

2

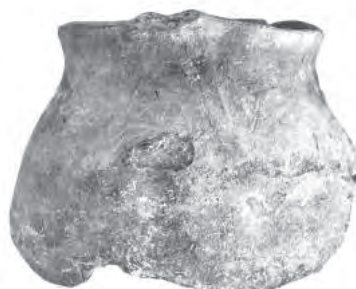
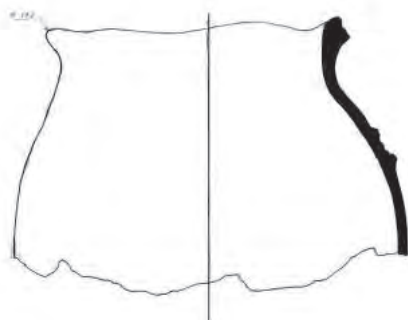

Рис. 8, 1-2. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XLVI.
Ритуальный комплекс № 380. Тризна.

1 – вид с севера; 2 – лепной горшок из комплекса.

Рис. 9, 1-3. Некрополь Китея. Юго-западный участок.
Раскоп XLVI. Тризна около могил № 382 и 384.

1 – вид с юга; 2-3 – амфоры из тризны.

Рис. 10, 1-4. Некрополь Китея.

Юго-западный участок. Раскоп XLVI.

1, 2 – медные пантикапейские монеты; 3 – стенки (ритуального?) сосуда с рельефным орнаментом (дионисийский сюжет);

4 – горло светлоглиняной толстостенной амфоры.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО
N.A. ALEKSEIENKO

**ИССЛЕДОВАТЕЛИ XIX-XX ВВ. И ЗАРОЖДЕНИЕ КРЫМСКОЙ
СФРАГИСТИКИ: К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКОЙ
АДМИНИСТРАЦИИ НА БОСПОРЕ¹**
**NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURY RESEARCHERS AND THE
ORIGINS OF THE CRIMEAN SIGILLOGRAPHY: ON THE PROBLEM
OF THE BYZANTINE ADMINISTRATION IN BOSPOROS**

Еще на заре византистики один из корифеев византийской сфрагистики Густав Шлюмберже обратил свое внимание на моливдовулы причерноморского региона, посвятив им специальную работу, в которой собрал известные в то время немногочисленные печати чиновников Херсона и Болгарии [Schlumberger, 1881, p. 136–154]. Дальнейшее развитие интереса к истории византийской Таврики можно видеть в его знаменитой «Сигиллографии», представившей моливдовулы из многих регионов империи [Schlumberger, 1884]. Однако крымская тема и здесь не получила широкого освящения и была представлена исключительно печатями Херсона, которым был посвящен специальный раздел [Schlumberger, 1884, p. 235-238]. Во второй половине 80-х гг. XIX в. появляются первые публикации херсонских печатей и в России. В.Н. Юргевич в «Записках Одесского общества истории и древностей» издает моливдовулы, происходящие из начавшихся раскопок Херсонеса Таврического [Юргевич, 1886, с. 5–10; Юргевич, 1889, с. 41–43]. Специальную статью моливдовулам фемы Херсон посвящает И.И. Толстой, в которой, кроме девяти экземпляров, изданных Г. Шлюмберже и В.Н. Юргевичем, фигурируют еще шесть новых печатей херсонских чиновников [Толстой, 1887, с. 28–43].

Однако известий о находках моливдовул на других таврических территориях, в том числе и на Боспоре, так и не было; последний для сфрагистов по-прежнему оставался своеобразной *terra incognita*. Лишь спустя десятилетие Г. Шлюмберже все-таки удалось ввести в научный оборот первую боспорскую буллу (рис. 1) – печать стратига Боспора, протоспафария Аркадия [Schlumberger, 1895, p. 206-207] и таким образом стать своеобразным родоначальником боспорской сфрагистики.

К сожалению, современное местонахождение моливдовула не известно, и мы можем судить о нем лишь по изданному Г. Шлюмберже рисунку печати (рис. 1). Стилистически моливдовул принадлежит памятникам конца X – начала XI вв. Аналогичную датировку памятника предусматривали в свое время и Н. и В. Зайбты, упоминая его в своей работе, посвященной херсонским стратигам [Зайбт, Зайбт, 1995, с. 95]. Мало понятно и происхождение моливдовула. Г. Шлюмберже лишь пи-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

Боспорские исследования, вып. XXXV

в том числе из Крыма. В его картотеке печатей, ныне хранящейся в Государственном Эрмитаже, сохранились важные для нас сведения о месте находки или приобретения некоторых экземпляров.

К середине 30-х гг. Н.П. Лихачев заканчивает свой главный труд по сфрагистике, к сожалению, увидевший свет лишь спустя много лет после смерти ученого благодаря упорству и настойчивости его последователей. В византийский раздел «Сфрагистического альбома», который получил название «Моливдовулы греческого Востока», были включены одна из печатей Херсонской фемы и три моливдовула, происхождение которых связано непосредственно с Боспором [Лихачев, 1991, с. 57-58, № 13 (М-7989), табл. LIX, 13; с. 108, № 15 (М-8086), табл. LXIII, 15; с. 118-119, № 13 (М-8219), табл. LXIV, 13; с. 149, № 12 (М-6260), табл. LXVII, 12]. Е.В. Степанова в последнее время к печатям боспорского происхождения присоединила еще два экземпляра, для которых существуют соответствующие отметки в картотеке, сделанные рукой Н.П. Лихачева [Степанова, 2007, с. 366-367, № 3 (М-5935) и № 4 (М-11567), рис. 3-4].

С довоенных времен вплоть до последних десятилетий многие вопросы, связанные с изучением политико-административной истории и развитием сфрагистики Восточного Крыма, и в особенности Боспора, по причине и слабой освещенности в источниках и практического отсутствия самих моливдовулов так и оставались в большинстве своем не исследованными.

В то же время, как мы попытались показать выше, вопрос о существовании византийской администрации на Боспоре находился в поле зрения исследователей с первых моментов возникновения интереса к средневековой истории этого региона. К сожалению, источники сохранили для нас ничтожно малое количество свидетельств по данному вопросу. В дальнейшем, судя по всему, мы можем рассчитывать в лучшем случае лишь на помощь данных памятников археологии. Не вызывает сомнения, что ведущее место среди них наряду с возможным обнаружением каких-либо новых эпиграфических свидетельств займут моливдовулы – беспристрастные источники исторических реалий, свидетелями которых они являлись, отражающие истинное положение своих владельцев в византийском государстве и обществе и тем самым показывающие роль и значение местного *status quo* для империи.

Напомним, что в традиционных письменных источниках IX – середины X вв., в которых перечислен многочисленный бюрократический аппарат империи, представители боспорской администрации никак не обозначены. Отсутствуют они и среди имперских функционеров Тактикаона Успенского (842–843), и в «Клиторологии» Филофея (899), и в Тактиконе Бенешевича (934–944) [Успенский, 1898; Oikonomides, 1972]. Та же ситуация и с нарративными памятниками. Означает ли это, что собственного аппарата управления или представителей центральной администрации на Боспоре до середины X в. не существовало?

Как известно, заинтересованность Византии в этом стратегически важном регионе, контролировавшем внешнеполитическую обстановку на северных границах

не располагаем ни ее изображением, ни точным воспроизведением легенды. Тем не менее ее наличие может свидетельствовать в пользу мнения А.И. Айбабина, что Боспор не только с последней четверти IX в., но, возможно, и ранее уже принадлежал Византии [Айбабин, 1999, с. 222]. К сожалению, те немногочисленные сфрагистические находки, известные к настоящему времени на Боспоре и относящиеся к рассматриваемому периоду, также не проливают свет на данную проблему.

Безусловно, находки византийских моливдовулов на территории самого города Керчи так или иначе свидетельствуют о контактах боспорских властей с имперской администрацией. Один из таких примеров – относительно недавно обнаруженная печать с крестообразной монограммой имени Максима VII столетия, происходящая со склона горы Митридат [Алексеев, 2011, с. 128, № 7]. Другой пример – давно известная печать, принадлежавшая спафарию Боспора Георгию Цуле, датируемая началом XI в. [Соколова, 1971, с. 70, № 1 (ГИМ 159); Соколова, 1983, с. 103, № 2, с. 133, прим. 235], дающая основание полагать о наличии в этот период официальной византийской администрации в регионе.

Сегодня мы имеем возможность ввести в научный оборот второй экземпляр данного моливдовула, происходящего из подводных находок в Судакской гавани².

1. Частная коллекция (рис. 2).

Диаметр – 23 мм; толщина пластинки – 2 мм.

Сохранность: пробита с одного края; на лицевой стороне снизу имеет повреждения (утраты металла) поля по линии канала; покрыта серо-коричневой патиной.

Аверс. Погрудное изображение св. Георгия, одетого в плащ, анфас; над головой нимб. По сторонам фигуры в поле надпись в столбик: слева – не сохранилась; справа – Ο ΠΡΟΦΗΤΗΣ – Ὁ ἅγιος Γεώργιος – св. Георгий. Жемчужный ободок практически не сохранился.

Реверс. Пятистрочная надпись в жемчужном ободке (плохо сохранился):
 Η ΓΕΩΡΓΙΟΥ ΤΟΥ ΠΡΟΦΗΤΗ ΤΟΥ ΓΕΩΡΓΙΟΥ ΤΟΥ ΤΣΟΥΛΑΤΟΥ
 ΒΟΣΠΟΡΟΥ – Георгий из рода Цулы, протоспафария Босфора.

К сожалению, сохранность легенды новой находки, так же как и из собрания ГИМа, не полная. Однако она все-таки позволяет при соотнесении сохранившихся литер на обеих печатях дать полную реконструкцию надписи оборотной стороны. И.В. Соколова в свое время высказывала ряд сомнений относительно использования родительного или дательного падежей в надписи. На наш взгляд, новая печать подтверждает точку зрения исследовательницы, что здесь применена формула с использованием в начале надписи слова «печать» (σφραγίς), которая иногда лишь подразумевается (но не пишется), и соответственно начертание надписи в родительном падеже, о чем свидетельствуют сохранившиеся лигатуры дифтонга ου. Кроме того, наша находка позволяет уточнить и написание топо-

² Автор выражает глубокую благодарность Ю.А. Цепкову за предоставленную возможность изучения и публикации моливдовула.

Очевидно, еще одним дополнительным подтверждением существования на Боспоре местной администрации являются и находки здесь древнерусских печатей. Видимо, нет оснований сомневаться, что буллы Ратибора, Олега-Михаила и Владимира Мономаха [библиографию см.: Степанова, 2007, с. 365], обнаруженные в районе Керчи, являются свидетельством тесных русско-византийских контактов в XI столетии. Среди удивительных памятников, хотя он и найден на другом берегу пролива, на Тамани, нельзя не назвать и моливдовул конца X в. с уникальной надписью «для переправы» [Лихачев, 1930, с. 44-45; Степанова, 2007, с. 371-372, № 11; Чхаидзе, 2015, с. 81, № 40], который, скорее всего, свидетельствует о возможном существовании на Боспоре некоего таможенного пункта, подобного Херсону.

Таким образом, как показывают находки памятников сфрагистики в Восточном Крыму, несмотря на их очевидную немногочисленность и пока недостаточную редкость, последние все же обладают ценной и полезной информацией о контактах Боспора с окружающим миром и охватывают практически весь период византийского присутствия в Таврике. Существование этих связей и особенно присутствие на Боспоре моливдовулов представителей провинциальной администрации и имперского нобилитета, на наш взгляд, – безусловное свидетельство наличия в регионе представителей официальных имперских властей.

Вне всякого сомнения, продолжение исследований средневековых объектов как в самой Керчи, так и ее округе принесут новые интересные открытия, и мы со временем сможем говорить не только о византийском присутствии на Боспоре, но, возможно, удастся проследить и определенные особенности или специфику административной системы в регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 452 с.
- Алексеевко Н.А.* Печати боспорских иерархов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Сб. научных трудов. Севастополь; Краков, 2001. С. 131–138.
- Алексеевко Н.А.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ 2006. Т. XII (2). С. 564–570.
- Алексеевко Н.А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ 40. Екатеринбург, 2011. С. 121–135.
- Алексеевко Н.А., Самойленко Ю.Н.* Моливдовулы деятелей церкви из херсонского архива: новые находки // AMV. Varna, 2008. Vol. VII(2). С. 91–99.
- Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 91–97.
- Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Вып. 1. С. 657–672.
- Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892–1894 гг. // МАР. 1895. Т. 17. 86 с. 2 табл.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. 143 с. 18 табл.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1906. Т. 18. С. 95–137.
- Лихачев Н.П.* Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911. 264 с. VIII табл. (+ 36 с. описание таблиц).

Алексеев Н.А. Исследователи XIX-XX вв. ...

- Лихачев Н.П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2 // Труды музея палеографии. Л., 1930. Т. 2. 280 с.
- Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока // Научное наследие. М.: Наука, 1991. Т. 19. 360 с.
- Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. Симферополь, 2001. Т. 2. С. 336–361.
- Панченко Б.А.* Каталог моливдовулов. София, 1908. 178 с. XVII табл.
- Проконий Кессарийский.* О постройках // ВДИ. 1939. № 4. С. 203–283.
- Смычков К.Д.* Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 124–129.
- Соколова И.В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 года в Херсоне // Палестинский сборник. Л., 1971. Т. 23(86). С. 68–74.
- Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 176 с. XI схем. XX табл.
- Степанова Е.В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
- Толстой И.И.* О византийских печатях Херсонской фемы // ЗРАО. 1887. Т. II. с. 28–43.
- Успенский Ф.И.* Византийская Табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т. III. С. 98–137.
- Чахидзе В.Н.* Византийские печати из Тамани М., 2015, 202 с.
- Шандровская В.С., Янин В.Л.* Н.П. Лихачев и его труд «Моливдовулы греческого Востока» // В: Н.П. Лихачев «Моливдовулы греческого Востока». М.: Наука, 1991. С. 5–19.
- Юргевич В.Н.* Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. 14. С. 2–21.
- Юргевич В.Н.* Свинцовые печати, хранящиеся в музее // ЗООИД. Одесса, 1889. Т. 15. С. 41–46.
- Янин В.Л.* К столетию со дня рождения Н.П. Лихачева // СА. М., 1962. № 2. С. 10–16.
- Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. Paris, 2012, 268 p.
- Везз Н.* Αναγνώσεις καὶ κατατάξεις βυζαντινῶν μολυβδόβουλων // JIAN. 1911. Vol. 13.
- Birch W.G.* Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. London, 1898. Vol. 5. 1044 p. XVIII pl.
- Ebersolt J.* Sceaux bizantins du Musée de Constantinople // RN. Paris, 1914. Vol. 18. P. 207–243, 377–409.
- Κωνσταντοπούλος Κ.Μ.* Βυζαντιακὰ Μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἐθνικῷ Νομισματικῷ Μουσείῳ Ἀθηνῶν // JIAN. 1902. Vol. 5. P. 149–164.
- Κωνσταντοπούλος Κ.Μ.* Βυζαντιακὰ Μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἐθνικῷ Νομισματικῷ Μουσείῳ Ἀθηνῶν // JIAN. 1906. Vol. 9. P. 61–146.
- Κωνσταντοπούλος Κ.Μ.* Βυζαντιακὰ Μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθῆναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. ἐν Ἀθῆναις, 1917. 432 p.
- Oikonomides N.* Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. Paris. 1972. 404 p.
- Schlumberger G.* Sceaux byzantins le thème de Cherson et la Bulgarie // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. Paris, 1881. P. 136–154.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884. 748 p.
- Schlumberger G.L.* Mélanges d'archéologie byzantine: monnaies, médailles, méreaux, jetons, amulettes, bulles d'or et de plomb, poids de verre et de bronze, ivoire, objets d'orfèvrerie, bagues, reliquaires, etc. Paris: E. Leroux, 1895a.
- Schlumberger G.* Sceaux byzantins inédits. Mélanges d'archéologie byzantine. Paris, 1895b. P. 199–274.
- Schlumberger G.* Sceaux byzantin inédits // RN. Paris, 1916. Vol. 20. P. 32–46.

REFERENCES

- Ajbabin A.I.* *Etnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol', 1999, 452 p.
- Alekseienko N.A.* Pechati bosporskih ierarkhov iz Khersona. *Problemy religij stran chernomorsko-sredizemnomorskogo regiona*. Sb. nauchnyh trudov. Sevastopol'; Krakow, 2001, pp. 131–138.
- Alekseienko N.A.* Vizantijskaja administracija na Bospore vo vtoroj polovine X v. (po dannym pamjatnikov sfragistiki). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2006, vol. XII (2), pp. 564–570.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Alekseienko N.A. Novye nahodki vizantijskikh pečatej na territorii Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2011, vol. 40, pp. 121–135.
- Alekseienko N.A., Samojlenko Ju.N. Molivdovuly dejatelej cerkvi iz hersonskogo arhiva: novye nahodki. *Acta Musei Varnensis*, Varna, 2008, vol. VII(2), pp. 91–99.
- Zajbt N., Zajbt V. Pečati stratigov vizantijskoj themy Kherson. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Simferopol', 1995, vol. 27, pp. 91–97.
- Latyshev V.V. Jetjudy po vizantijskoj jepigrafike. *Vizantijskii Vremennik*, 1894, vol. 1, pp. 657–672.
- Latyshev V.V. Grecheskie i latinskie nadpisi, najdenne v juzhnoj Rossii v 1892–1894 gg. *Materialy po arkheologii Rossii*, 1895, vol. 17. 86 p., 2 pl.
- Latyshev V.V. Sbornik grecheskih nadpisej hristianskih vremen iz Juzhnoj Rossii. SPb., 1896, 143 p., 18 pl.
- Latyshev V.V. Jepigraficheskie novosti iz Juzhnoj Rossii. *Izvestiia Imperatorskoj Arkheologicheskoi Komissii*, 1906, vol. 18, pp. 95–137.
- Lihachev N.P. *Istoricheskoe znachenie italo-grecheskoj ikonopisi. Izobrazhenija Bogomateri v proizvedenijah italo-grecheskih ikonopiscev i ih vlijanie na kompozicii nekotoryh proslavlennyh russkikh ikon*. SPb., 1911, 264 p., VIII pl.
- Lihachev N.P. Materialy dlja istorii russkoj i vizantijskoj sfragistiki. Part 2. *Trudy muzeja paleografii*. L., 1930, vol. 2, 280 p.
- Lihachev N.P. Molivdovuly grecheskogo Vostoka. *Nauchnoe nasledie*. M.: Nauka, 1991, vol. 19, 360 p.
- Naumenko V.E. Mesto Bospora v sisteme vizantijsko-hazarskih otnoshenij. *Bakhchisarajskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol', 2001, vol. 2, pp. 336–361.
- Panchenko B.A. *Katalog molivdovulov*. Sofija, 1908, 178 p., XVII pl.
- Prokopij Kessarijskij. O postrojkah. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1939, № 4, pp. 203–283.
- Smychkov K.D. Pečati cerkovnyh ierarhov iz Khersona. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 1999, vol. 30, pp. 124–129.
- Sokolova I.V. Pečati Georgija Tzouly i sobytija 1016 goda v Khersone. *Palestinskij Sbornik*, L., 1971, vol. 23(86), pp. 68–74.
- Sokolova I.V. *Monety i pečati vizantijskogo Khersona*. L.: Iskusstvo, 1983. 176 p. XX pl.
- Stepanova E.V. Vizantijskie pečati, najdenne v Kerchi i na Tamanskom poluostrrove, iz sobranija N.P. Lihacheva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol'; Kerch', 2007, vol. XIII, pp. 364–374.
- Tolstoj I.I. O vizantijskikh pečatjah hersonskoj femy // ZRAO. 1887. T. II. S. 28–43.
- Uspenskij F.I. Vizantijskaja Tabel' o rangah. *Izvestija Rossijskogo arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole*, 1898, vol. III, pp. 98–137.
- Chhaidze V.N. *Vizantijskie pečati iz Tamani*. M., 2015, 202 p.
- Shandrovskaia V.S., Janin V.L. N.P. Lihachev i ego trud «Molivdovuly grecheskogo Vostoka». In: *Lihachev N.P. Molivdovuly grecheskogo Vostoka*. M.: Nauka, 1991, pp. 5–19.
- Jurjevich V.N. Dve pečati, najdenne v vizantijskom Khersone v 1884 g. *Zapiski Odesskogo Obschestva Istorii i Drevnostejj*, Odessa, 1886, vol. 14, pp. 2–21.
- Jurjevich V.N. Svincovye pečati, hranjashhiesja v muzee. *Zapiski Odesskogo Obschestva Istorii i Drevnostejj*, Odessa, 1889, vol. 15, pp. 41–46.
- Janin V.L. K stoletiju so dnja rozhdenija N.P. Lihacheva. *Sovietskaja Arkheologija*. M., 1962, № 2, pp. 10–16.
- Alekseyenko N. *L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux*. Paris, 2012, 268 p.
- Βεεζ Ν. Ἀναγνώσεις καὶ κατατάξεις βυζαντινῶν μολυβδοβούλλων. *Journal International d'Archéologie numismatique*, 1911, vol. 13.
- Birch W.G. *Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum*. London, 1898, vol. 5, 1044 p., XVIII pl.
- Ebersolt J. Sceaux bizantins du Musée de Constantinople. *Revue Numismatique*, Paris, 1914, vol. 18, pp. 207–243, 377–409.
- Κωνσταντοπούλος Κ.Μ. Βυζαντιὰ Μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἑθνικῷ Νομισματικῷ Μουσείῳ Ἀθηνῶν. *Journal International d'Archéologie numismatique*, 1902, vol. 5, pp. 149–164.

Алексеенко Н.А. Исследователи XIX-XX вв. ...

Κωνσταντοπουλος Κ.Μ. Βυζαντιακά Μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἐθνικῷ Νομισματικῷ Μουσείῳ Ἀθηνῶν. *Journal International d'Archéologie numismatique*, 1906. vol. 9, pp. 61–146.

Κωνσταντοπουλος Κ.Μ. Βυζαντιακά Μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθῆναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. ἐν Ἀθῆναις, 1917, 432 p.

Oikonomides N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. Paris, 1972, 404 p.

Schlumberger G. Sceaux byzantins le thème de Cherson et la Bulgarie // *Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France*. Paris, 1881. P. 136–154.

Schlumberger G. *Sigillographie de l'Empire Byzantin*. Paris, 1884. 748 p.

Schlumberger G.L. *Mélanges d'archéologie byzantine: monnaies, médailles, méreaux, jetons, amulettes, bulles d'or et de plomb, poids de verre et de bronze, ivoire, objets d'orfèvrerie, bagues, reliquaires, etc.* Paris: E. Leroux, 1895a.

Schlumberger G. Sceaux byzantins inédits. *Mélanges d'archéologie byzantine*, Paris, 1895b, pp. 199–274.

Schlumberger G. Sceaux byzantin inédits. *Revue Numismatique*, Paris, 1916, vol. 20, pp. 32–46.

Резюме

Моливдовулы византийской Таврики находятся в зоне внимания исследователей с самого начала изучения истории этого региона. Однако сначала лишь византийский Херсон был единственным местом находок византийских печатей в Крыму. Известия о памятниках сфрагистики с других таврических территорий, в том числе и с Боспора, долгое время составляли исключительную редкость.

Тем не менее сегодня памятники сфрагистики на Боспоре, несмотря на их малочисленность, все же обладают ценной информацией о контактах Боспора с окружающим миром и охватывают практически весь период византийского присутствия в Таврике. Находки здесь моливдовулов не только представителей провинциальной администрации, но и имперского нобилитета, безусловно, свидетельствуют о наличии в регионе, по крайней мере, со второй половины X в. представителей официальной византийской администрации.

Ключевые слова: сфрагистика, печати (моливдовулы), византийская Таврика, Херсон, Боспор, провинциальная администрация.

Summary

The *molybdoboulla* in Byzantine Taurica reside in the sphere of scholarly interest for the very beginning of the studies in the history of this region. However, initially Byzantine Cherson was the only place in the Crimea where Byzantine seals were discovered. For a long period, there were a very few accounts of sigillographic monuments from other areas of Taurica, Bosphoros in particular. Nonetheless, today sigillographic monuments in Bosphoros, still few in number, present valuable data on Bosphoros' contacts with outside world and envelope the entire period of the Byzantine presence in Taurica. Local finds of the *molybdoboulla* of both officials of the local administration and the imperial elite form a doubtless evidence that representatives of official Byzantine administration resided in the region from the second half of the tenth century at the earliest.

Keywords: sigillography, seals (*molybdoboulla*), Byzantine Taurica, Cherson, Bosphoros, provincial administration.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеенко Николай Александрович, к.и.н.,
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
заведующий филиалом «Крепость Чембало»
chembalo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekseienko, Nicholas.
dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), CSc.,
State Museum-Preserve "Tauric Chersonese",
chef of Departement "Fortress Chembalo"
chembalo@yandex.ru

Рис. 1. Печать Аркадия, протоспафария и стратига Боспора (конец X – начало XI вв.)
(по Г. Шлюмберже, 1895).

Рис. 2. Печать Георгия Цулы, протоспафария и стратига Боспора (XI в.)
(частная коллекция).

В.Е. НАУМЕНКО, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
V.E. NAUMENKO, L.IU. PONOMAREV

**КАМЕННАЯ ИКОНА ИЗ НОВОГО КВАРАНТИНА (КЕРЧЬ):
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАХОДКИ¹
STONE ICON FROM THE NEW QUARANTINE (KERCH):
THE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CONTEXT
OF THE DISCOVERY**

Долгое время, вплоть до конца прошлого столетия, изучение памятников средневекового Боспора-Керчи не привлекало особого внимания исследователей. Лишь в последние десятилетия ситуация начала резко меняться к лучшему. В научный оборот введены не только отдельные материалы современных раскопок городища, но и ряд средневековых находок из Керчи, хранящиеся ныне в коллекциях Керченского музея, Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея [Артеменко, 2010, с. 8–12; Артеменко, 2011, с. 254–259; Артеменко, Желтикова, 2014, с. 144–174; Иванина, 2008, с. 61–86; Журавлев, 2012, с. 91–92; Куликов, Иванина, 2008, с. 44–50; Иванина, Федосеев, 2014, с. 138–143; Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 149–171; Засецкая, 2008; Сидоренко, 2003, с. 355–392].

Следует также сказать, что в целом коллекция Керченского музея сильно пострадала во время Великой Отечественной войны. Многие ценные экспонаты, в том числе и средневекового времени, оказались утраченными. О некоторых из них сведения сохранились лишь благодаря кратким публикациям либо архивным сведениям. Одной из таких ныне уже утраченных находок, несущих, как нам представляется, важную дополнительную информацию о средневековой истории и исторической топографии Боспора, посвящена настоящая статья.

В 1895 г. на северном берегу Керченской бухты, в районе Нового Карантина, случайно была обнаружена барельефная икона, вырезанная на известняковой плите (рис. 1, I). К сожалению, обстоятельства и точное место ее находки остались неизвестны [Кондаков, 1896, с. 34]. В этом же году икону приобрел известный керченский коллекционер Александр Васильевич Новиков (1843–1916), частное собрание античных древностей которого имело в то время широкую известность не только в Крыму, но и за его пределами [Ящуржинский, 1890, с. 113; Боровкова, 1999, с. 74–79]. Позднее он передал икону в церковь Благовещения Пресвятой Богородицы и святого Николая Чудотворца, сооруженную в 1895 г. рядом с Александровской муж-

---

¹ Публикация представляет собой значительно дополненный и переработанный вариант статьи, опубликованной в 2015 г. [Науменко, Пономарев, 2015а, с. 275–288]. Доклад на эту же тему был прочитан в рамках Международной научной конференции «II Свято-Владимирские чтения, посвященные 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира» (Севастополь, 24–29 июля 2015 г.) [Науменко, Пономарев, 2015б, с. 39–40].

ской гимназией г. Керчи [Кулаковский, 1908, с. 540] (рис. 2,2). Выбор этой церкви для хранения христианской реликвии, скорее всего, был обусловлен тем, что ее посещали воспитанницы Романовской женской гимназии, попечителем которой являлся сам А.В. Новиков [Боровкова, 1999, с. 78].

В 20-е гг. XX в., после того как храм был закрыт², икону в числе прочих имевших историческую ценность христианских реликвий, изъятых из керченских церквей, передали на постоянное хранение в Керченский музей древностей. Она в отличие от многих других не попала в запасники музея. В 1926 г. ее среди экспонатов, выставленных в витрине № 36 византийского отдела музея, перечисляет Ю.Ю. Марти [Марти, 1926, с. 49, № 132]. Свидетельство директора Керченского музея подтверждается одной из немногих сохранившихся фотографий средневековой экспозиции, датированной 1923–1925 гг. [Быковская, 2014, с. 31, фото 4].

Позднее интерес к уникальной керченской находке был утрачен, и в довоенных музейных научных изданиях она уже более не упоминается. Неизвестной остается и дальнейшая судьба иконы. Можно лишь предполагать, что она, как и многие другие предметы христианского культа из керченских церквей, включая деревянный потир, Евангелие и Апостол из церкви Иоанна Предтечи, была утрачена при эвакуации музея во время Великой Отечественной войны [Быковская, 2012, с. 19]. Таким образом, получить дополнительные сведения об истории иконы могут лишь дальнейшие разыскания в музейном архиве.

К счастью, едва ли не сразу после находки иконы на нее обратил внимание Н.П. Кондаков. В 1896 г. он опубликовал барельеф в своей работе «Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода» [Кондаков, 1896, с. 34–36, рис. 8]. При этом исследователь не ограничился простым описанием иконы, а сопроводил свой текст фотографией, на которой хорошо различимы практически все мелкие детали находки (рис. 2,1). В своей работе основное внимание Н.П. Кондаков уделил интерпретации изображенных на иконе сюжетов. Наблюдения же относительно времени и места изготовления барельефа ограничены в публикации несколькими предложениями, к сожалению, не подкрепленными имеющимися аналогиями.

Не обошел вниманием эту уникальную находку и Ю.А. Кулаковский, который упомянул о ней в 1908 г. в статье «Керчь и ее христианские памятники», помещенной в девятом томе «Православной богословской энциклопедии». Благодаря этой публикации удалось узнать, что икона была в свое время подарена А.В. Новиковым уже упомянутой церкви Пресвятой Богородицы, в остальном же автор ограничился кратким ее описанием, в основу которого положен «первоисточник» – работа Н.П. Кондакова [Кулаковский, 1908, с. 540].

В советский период, как и многие другие памятники христианского искусства

² Решение о ликвидации храма было принято 21 февраля 1923 г. В 1925 г. в здании церкви разместился клуб, а после войны в нем был открыт кинотеатр «Ударник» (ул. Советская, 40). В 1992 г. здание было снесено.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

из Керчи, каменная икона оказалась фактически забытой. Как уже упоминалось, в 1926 г. о ней, как об одном из знаковых музейных экспонатов средневековой эпохи, упомянул Ю.Ю. Марти, но приведенные им краткие сведения о памятнике ничего нового к уже известным не добавили [Марти, 1926, с. 49]. Наконец, в середине 60-х гг. XX в. об иконе бегло и в контексте совершенно иной христианской находки из Приазовья вспомнил А.В. Гадло [Гадло, 1965, с. 224].

Таким образом, икона подробно была рассмотрена только ее первым издателем – Н.П. Кондаковым. По его словам, она вырезана на известняковой плите размерами «12×11 вершков» (53,28×48,84 см) и имела «превосходную сохранность», что полностью подтверждается приведенной фотографией [Кондаков, 1896, рис. 8]. Позднее, вероятно, когда икона уже попала в коллекцию А.В. Новикова или в гимназическую церковь, ее обрамили «оправой из черного камня», о которой в 1926 г. также упомянул Ю.Ю. Марти [Марти, 1926, с. 49]. Но с какой целью икона была снабжена специальной оправой, из какого материала была сделана последняя, осталось неизвестным.

Поверхность известняковой плиты, ставшей основой для изготовления иконы, была сплошь покрыта рельефными изображениями, заключенными в рамку с арочным сводом. По краю, выделенным узкой полочкой, изображена вьющаяся виноградная лоза. Между ее симметрично расположенными завитками помещены гроздья из трех-четырёх ягод и стилизованные трехзубчатые листья. Растительными мотивами, напоминающими стилизованные четырёхлепестковые лилии, заполнены также верхние углы плиты. Центральное поле обрамлено четырьмя рядами рельефных багет и полочек, расположенных уступами. Одна из них вырезана в виде «перевитого шнура».

Сама икона по вертикали разделена на три многофигурные композиции, сюжет и персонажи которых были в основном атрибутированы Н.П. Кондаковым. Верхний ярус представляет собой сцену Благовещения, в центре которой помещены Богородица, Святой Дух, сходящий на ее голову в виде голубя, и архангел Гавриил с лилией (символом непорочной чистоты Девы Марии) и посохом (?) в руках. По сторонам от них изображены два Евангелиста, свидетельствующие миру о происшедшем чуде, за ними – кресты Голгофы.

Левая сторона среднего яруса заполнена фигурами трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста «с творениями и благословляющею десницею». Справа от них изображены апостолы Петр и Павел, в руках которых находится символическое изображение Церкви Христовой.

По краям нижнего яруса помещены два, обращенных друг к другу, святых воина с нимбами, изображенные как триумфаторы – на торжественно шагающем (высоко поднимающем переднюю ногу) коне, с копьём в руке и развевающимся плащом [ср.: Алпатов, 1957, с. 296–297; Степаненко, 2000, с. 110, 114]. К сожалению, какие-либо дополнительные детали, позволяющие их персонифицировать, на фотографии иконы не различимы. Однако среди многочисленных святых воинов XI–XIV вв. наибольшей популярностью пользовались, как известно, Святой Георгий Победоносец,

Святой Дмитрий Солунский, Святой Феодор Тирон и Святой Феодор Стратилат, изображения которых в виде всадников получили широкое распространение в византийском искусстве начиная с XII–XIII вв. [Лазарев, 1953, с. 205–207; Алпатов, 1957, с. 296–297; Пекарская, Пуцко, 1991, с. 133, прим. 7; Атанасов, 2001, с. 259–261; Колпакова, 2013, с. 1127; Колпакова, 2014, с. 942]³. При этом в нашем случае речь, видимо, идет о воинах-змеборцах. В пользу этого указывает положение их правой руки, наносящей удар копьем, которое обращено наконечником к копытам коня, где обычно на иконах и помещался змей.

Больше вопросов вызывает атрибуция центральной фигуры нижнего яруса иконы, симметрично расположенной между всадниками. Н.П. Кондаков видел в ней изображение Симеона Столпника на «фигурной капители», оставив свой выбор, правда, без должной аргументации. Однако предмет, на котором находится святой, не похож на «фигурную капитель». Не напоминает он и столп (колонну) или башню, характерную для изображений святых-столпников в византийской и древнерусской иконографии [ср.: Мнева, 1963, с. 94, № 25, рис. 44; 45; Жишкович, 1998, с. 19, рис. на с. 12]. Скорее, это изображение следует интерпретировать как чашу-потир⁴. Наконец, наш святой представлен на фоне портала прямоугольной формы (врата в Царствие Небесное?), что также не характерно для иконографии столпников. Таким образом, атрибуция данного персонажа иконы, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении.

Дискуссионным остается и время изготовления иконы. Впервые и по сути единственным исследователем, который изучал данный вопрос, остается тот же Н.П. Кондаков, который полагал, что икона могла быть изготовлена в генуэзскую эпоху, но «для греческой церкви, греческим мастером... в стиле корсунских крестов и кадил IX–XII столетий» [Кондаков, 1896, с. 36]. Иными словами, исследователь допустил возможность ее датировки временем не ранее XIV в.⁵

К сожалению, данный период истории Боспора-Керчи остается пока еще слабо изученным. Недостаточно исследованы городские культурные напластования го-

³ К этому же времени относятся фрески с изображениями конных святых воинов в пещерных храмах Юго-Западного Крыма [Домбровский, 1966, с. 32–42, рис. 18; 19; Степаненко, 2003, с. 452–456; Гайдуков, Карнаушенко, Джанов, 2002, с. 131]. Из раскопок Херсонеса происходят фрагментированная икона Св. Георгия на коне (X–XII вв.) и поливная чаша XIII в. с изображением святого воина-всадника [Византийский..., 1991, с. 91, № 90; Наследие..., 2011, с. 361, 637, № 431]. Об особом отношении к воинам-святым у позднесредневекового населения Крыма свидетельствует тот факт, что из 150 церквей, оставленных христианами полуострова в 1778 г., 55 были освящены именами Георгия Победоносца, Феодора Тирона, Феодора Стратилата и Дмитрия Солунского [Мальгин, 1995, с. 151–169].

⁴ Иногда, правда, башня изображалась с чашеобразной надстройкой, в которой находился святой. В качестве примера можно привести фреску Феофана Грека (1378 г.) с изображением Симеона Столпника, Симеона Столпника Дивногорца и Алипия Столпника в новгородской церкви Спаса Преображения на Ильиной улице.

⁵ Этой же точки зрения ныне придерживается Е.И. Архипова. Правда, эта информация носит устный характер, за что мы ей высказываем глубокую благодарность.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

родища XIII–XV вв. К тому же они почти не опубликованы [Зеест, Якобсон, 1965, с. 63–66; Макарова, 1998, с. 391; Макарова, 2003, с. 70; Занкин, 1991, с. 21–22; Занкин, 2001, с. 46; Бочаров, 2013а, с. 37; Айбабин, 2003а, с. 284–285]⁶. Лишь немногие сельские поселения и могильники из округа Боспора могут быть картографированы на археологической карте региона этого времени [Гаврилов, 2008а, с. 375–376, 379; Гаврилов, 2008б, с. 140–141; Бочаров, 2013а, с. 37–39; Пономарев, 2009, с. 514–516; Зинько, Пономарев, 2013, с. 447–448]⁷.

О Керченском полуострове интересующего нас времени почти не сохранилось сведений в нарративных источниках. К тому же, по вполне понятным причинам, в них чаще всего упоминается Воспоро-Керчь – важнейший стратегический и торговый центр на водном пути из Черного моря в Тану (Азов) [Брун, 1877, с. 252; Бочаров, 2003, с. 46]. В 1299 г., по сообщению Рукн ад-Дина Бейбарса, Керчь в числе некоторых других крымских городов была разорена войсками Ногая [Тизенгаузен, 1884, с. 111–112; Веселовский, 1922, с. 46; Мыщ, 2015, с. 114–115]. В начале XIV в. в ней обосновались венецианцы, затем – генуэзцы и город, по словам папы Иоанна XXII (1333 г.), стал «именитым, обширным, весьма населенным, изобилующим всяческими благами» [Мурзакевич, 1837, с. 44; Брун, 1877, с. 251; Брун, 1879, с. 204–205; Ковалевский, 1905, с. 152; Кулаковский, 1906, с. 101; Извлечение..., 1915, с. 101–102, 154; Айбабин, 2003а, с. 284; Артеменко, 2006, с. 74–76; Господаренко, 2011, с. 54–55; Пилипчук, 2014, с. 44]⁸.

В конце XIII в. изменился статус Боспорской епископской кафедры Константинопольского патриархата, которая с этого времени упоминается в *Notitiae episcopatuum* как митрополия [Бертье-Делагард, 2011, с. 42, 125; Кропоткин, 1958, с. 203, табл. 1]. К 1303 г. в Воспоро уже действовала католическая епископская кафедра, реорганизованная в 1333 г. в митрополию, которую возглавил Франциск де Камерино [Богданова, 1991, с. 33].

Остальные населенные пункты Керченского полуострова, включая и ближайшие к Воспоро, в письменных источниках практически не упоминаются. То же самое,

---

⁶ То же самое можно сказать о крепостных сооружениях Керчи генуэзского периода [Артеменко, 2007, с. 18–24; Михайлова, 2012, с. 113–128; Бочаров, 2015, с. 127–148] и городских некрополях этого времени. Исключение составляют несколько могил некрополя близ церкви Иоанна Предтечи, датированных Т.И. Макаровой в пределах XIII–XIV вв. [Макарова, 1998, с. 382; Макарова, 2003, с. 72–73], и обломок известнякового надгробия 1375 г., обнаруженного при неизвестных обстоятельствах в 1865 г. во дворе одного из домов по ул. Босфорской (совр. ул. Свердлова) [Латышев, 1896, с. 96–97, № 96].

⁷ В 1949–1964 гг. несколько десятков разновременных позднесредневековых поселений были обнаружены на Керченском полуострове В.В. Веселовым. Однако хронологических рамок для них исследователь не установил. Более того, они были включены в составленную по результатам его разведок «Сводную ведомость» в одну группу как «средневековые» памятники [Веселов, 2005, с. 107–180]. Поэтому без повторных разведок выделить среди них поселения XIII–XV вв. не представляется возможным.

⁸ Совершенно иную характеристику дал городу В. Л. Егоров в своей монографии «Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.». По его мнению, в XIII в. он «был заброшен и в дальнейшем... не играл какой-либо заметной роли» в экономической жизни полуострова [Егоров, 2010, с. 89].

за исключением нескольких отрывочных свидетельств арабских географов, можно сказать и о полуострове в целом, территория которого отнесена в энциклопедии каирского ученого Шихаб ад-дина ал-Калкашанди (1355–1418) к Азовскому тюмену (округу-иклиму) правого крыла Золотой Орды [Григорьев, Фролова, 1999, с. 42–88; Крамаровский, 2003, с. 507].

В первой трети XIV в. сирийский историк и географ Абу-л-Фида назвал земли, лежащие к северу и востоку от «ал-Кафы» (Феодосии), «пустыней ал-Кибджак» («степями кипчаков») [Коновалова, 1994, с. 20–21; Коновалова, 2009, с. 123]. По мнению И.Г. Коноваловой, автор подразумевал в данном случае степные пространства Крыма, населенные кочевниками, «пришедшими в Северное Причерноморье еще в домонгольское время» [Коновалова, 2009, с. 159]. Учитывая один из указанных Абу-л-Фидой ориентиров – «к востоку от ал-Кафы», в ареал их обитания арабский географ включил и Керченский полуостров⁹. «Неверными кибджаками» (кипчаками-христианами?) назвал он и жителей «Ал-Карши» (Керчи) [Коновалова, 2009, с. 123, 159; ср.: Брун, 1874, с. 251]¹⁰.

Сведения Абу-л-Фиды подтверждает арабский купец и путешественник Ибн-Батутта, который в 30-е гг. XIV в. совершил краткую остановку в Керчи, а затем

⁹ К 40-м гг. X в. степные районы Крыма оказались под контролем печенегов, на что вполне определенно указывают границы их кочевий – «Пачинакии», пролежавшие, по словам Константина Багрянородного, в непосредственной близости от Херсона и Боспора [Константин Багрянородный, 1989, с. 36–37, 40–41, 156–157]. В конце XI в. в Крыму появляются кипчаки-половцы (куманы) [Анна Комнина, 1965, с. 266]. Следы их пребывания на Керченском полуострове зафиксированы в основном благодаря впускным захоронениям в насыпях более ранних курганов и в античных склепах, а также нескольким каменным изваяниям и находкам кочевнической керамики [Гадло, 2004, с. 116; Айбабин, 2003б, с. 80; Пономарев, 2004, с. 164–169; Пономарев, 2013, с. 384–387; Чхаидзе, 2016, рис. 1; Артеменко, 2008, с. 51–60; Артеменко, 2009, с. 28–33; Федосеев, Пономарев, 2012, рис. 13, 10]. Не исключено, что некоторые из них, перейдя к оседлости, поселились в Сугдее и Боспоре [Майко, 2008, с. 20–25; Майко, 2009, с. 273–274, 282; Майко, 2010а, с. 269; Майко, 2010б, с. 44–45; Плетнева, 1987, с. 260; Джанов, Майко, 1998, с. 171]. В первой половине XIII в., после того как в Крыму обосновались монголы-татары, смешанное печенежско-половецкое население не было полностью уничтожено [Рубрук, 1957, с. 90], какая-то его часть подчинилась завоевателям [Айбабин, 2003б, с. 81; Ченцова, 1996, с. 178; Половец, 2012, с. 15; Крамаровский, 2010, с. 508; Анохин, 1991, с. 6–8; Смирнов, 2011, с. 50]. В Восточном Крыму наиболее поздние, связываемые с ним кочевнические погребения и захоронения лошадей, датируются концом XIII – первой половиной XIV вв. [Айбабин, 2003б, с. 81; Грач, 1999, с. 64, рис. 25].

¹⁰ Видимо, речь идет о половцах, осевших на Боспоре, как и в других крымских городах [Тизенгаузен, 1884, с. 26, 63]. Немалую часть городского и сельского населения Крыма в середине XIII – первой половине XV вв. составляли аланы [Тизенгаузен, 1884, с. 63; Якубовский, 1928, с. 64–65; Бубенок, 2004а, с. 195–204; Рубрук, 1957, с. 105–106; Епископа..., 1898, с. 17–18; Брун, 1871, с. 16–17; Кулаковский, 1898, с. 9, 10, 16; Карсанов, 1992, с. 160]. И хотя в Керчи источники о них не упоминают, возможно, они составляли какую-то часть ее христианской общины, поскольку руководить местной паствой между 1222–1240 гг. был назначен отец епископа Феодора Аланского – алан по своему происхождению [Епископа..., 1898, с. 19–20; Кулаковский, 1898, с. 9; Кулаковский, 2000, с. 148, 206; Бубенок, 2004а, с. 190; Бубенок, 2001, с. 21]. Таким образом, есть все основания полагать, что население Керчи в XIII–XIV вв., как и других восточно-крымских городов, в том числе Сугдеи и Солхата, представляло собой «смесь всех народов» [Васильевский, 1915, с. 178, 188].

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

пересек степными дорогами Керченский полуостров и благополучно прибыл в Кафу. Накануне поездки он узнал, что «местность эта... принадлежит к степи, известной под именем Дешт-Кипчака», а в прилегающих к Керчи степных районах проживает народ «именем Кипчак». При этом Ибн-Батутта счел нужным уточнить, что придерживается этот народ «христианской веры» [Тизенгаузен, 1884, с. 279; Кулаковский, 1906, с. 104–105]. Таким образом, как совершенно справедливо отметила С.А. Плетнева, присутствие в этом регионе кипчаков-половцев «было вполне реальным», причем «не только сохранилось название местности, но и само население не потеряло имени сто лет спустя после завоевания» [Плетнева, 1990, с. 185–186].

В конце XIII – начале XIV вв., как считают некоторые исследователи, на Керченском полуострове оседают выходцы с Прикубанья и Северо-Западного Кавказа – народы адыгского происхождения, известные в византийских, древнерусских, европейских и восточных источниках как «касоги», «зихи», «черкасы», «черкесы», «кабарда» [Бочаров, 2001, с. 161; Бочаров, 2013а, с. 40; Бубенок, 2004б, с. 30, 34; Маврина, 2007, с. 71]¹¹. Как и «народ Кипчак», они придерживались христианской веры, но в отличие от них вели оседлый образ жизни. Возможно, именно с их переселением на Керченский полуостров связано появление в регионе новых сельских поселений, в частности, нескольких прибрежных пунктов, указанных на средневековых компасных картах-портоланах. Местоположение восьми из них – Завида, Конестассе, Чиприко, Кавалари, Аспромити, Пондико, Дзукалай, Каркавони с различной степенью уверенности удалось соотнести с определенным населенным пунктом на местности [Бочаров, 2001, с. 157–161, рис. 1, 2, 3–4; Бочаров, 2013, с. 37–40; Бочаров, Коваль, 2011а, с. 127; Бочаров, Коваль, 2011б, с. 47–48; Бочаров, 2016, с. 266, рис. 1; Гордеев, 2013, с. 28; Гордеев, 2014, с. 324–338; Господаренко, 2014, с. 115].

Один из этих локализованных прибрежных пунктов имеет, по-видимому, самое непосредственное отношение к рассматриваемой нами каменной иконе. Напомним, что икона была найдена на территории Нового Карантина, устроенного в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. на северном берегу Керченской бухты, в районе небольшого скалистого мыса, впоследствии названного Карантинным мысом, территорию к северу от которого в античную эпоху занимал боспорский город Мирмекий [Гайдукевич, 1941, рис. 2; 3; 6; Бутягин, Виноградов, 2006, рис. 1; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 360] (рис. 1,2). В период позднего средневековья на месте античного городища разместилось небольшое укрепленное поселение. Исследователями ныне оно отождествляется с пунктом Пондико (Pondica, Pondici, Pondico, Pondicorega) на средневековых портоланах конца XIII–XVII вв. [Брун, 1877, с. 235; Брун, 1879, с. 205; Извлечение..., 1915, с. 102; Гайдукевич, Леви, Прушевская, 1941, с. 147; Бочаров, 2001, с. 159–160; Бочаров, 2013а, с. 39; Фоменко, 2011, с. 130]. Впервые под названием «Pondicorega» поселение обозначено на итальянской карте, датированной около 1296 г. Всего же А.Ю. Гордеевым

¹¹ О роли Черкесии в политической и экономической жизни региона см.: [Озова, 2013, с. 145–171].

учтено 25 вариантов его написания; при этом наиболее устойчивой оказалась форма «Pondico» [Гордеев, 2014, с. 334].

В процессе раскопок, проводившихся на Мирмекийском городище с 1934 г., в районе Карантинного мыса и к северо-западу от него (так называемый «раскоп «С»») были обнаружены участки каменной оборонительной стены толщиной до 2,6 м, крепостного рва шириной 2,1 м и глубиной до 1,25 м, а также донжона, возведенного на месте разрушенной античной гробницы [Дюбрюкс, 2010, II, рис. 360; Бутягин, 2004, с. 48–49]¹². По мнению А.Ю. Виноградова, защищенная оборонительным периметром площадь составляла не более 0,3 га [Виноградов, 2010, с. 452].

Внутри крепости и за ее пределами исследованы остатки нескольких каменных домов с жилыми и хозяйственными помещениями, двух полуземлянок с печью и суфой, хозяйственных ям, очагов и каменных вымосток, датируемых керамикой (прежде всего фрагментами амфор и поливной посуды), нумизматическим материалом (золотоордынские анонимные пулы середины XIII – середины XIV вв. и конца XIV – начала XV вв., монеты ханов Узбека (1312–1341), Хызр-Хана (1359–1361) и Хаджи Гирея I (1441–1466)) и другими находками (железными арбалетными болтами) конца XIII – XV вв. [Гайдукевич, 1937, с. 219; Гайдукевич, 1940, с. 305; Гайдукевич, Леви, Прушевская, 1941, с. 126, 137, 139, рис. 24; 25; Харко, 1952, с. 358; Гайдукевич, 1952, с. 178–180, 211–219; Гайдукевич, 1987, с. 147–149; Виноградов, 1993, с. 31–32; Виноградов, Бутягин, Чистов, 1999, с. 79; Бутягин, Виноградов, Чистов, 2000, с. 23; Бутягин, Виноградов, Чистов, 2001, с. 84; Бутягин, Виноградов, Новоселова, Чистов, 2003, с. 29; Бутягин, Виноградов, 2006б, с. 47, 49; Бутягин, 2007, с. 50; Бутягин, 2008а, с. 87; Бутягин, 2008б, с. 95; Виноградов, 2010, с. 452–453, рис. 403; Бутягин, Столяренко, 2014, с. 18; Вахонеев, 2007, с. 5–22].

В западной части городища раскопками Ф.И. Гросса, В.Ф. Гайдукевича и А.М. Бутягина выявлен обширный плитово-грунтовой христианский некрополь, исследованные погребения которого датируются в пределах XIII–XIV вв. [Гайдукевич, 1940, с. 305–306; Гайдукевич, 1952, с. 211–219; Бутягин, 2003а, с. 38–41; Бутягин, Чистов, 2004, с. 77; Бутягин, 2005, с. 76, рис. 3; Бутягин, 2006б, с. 83; Бутягин, 2006в, с. 65–67, рис. 2; Бутягин, Виноградов, 2006, с. 49–51, рис. 32; 33; Пономарьев, Нікітаев, 2014, с. 49–53]. Большинство из них представляют собой плитовые гробницы. На плитах некоторых из них вырезаны кресты. В могилах зачищены одиночные и многократные захоронения. Погребенные уложены в вытянутом положении на спине головой на запад и, за редким исключением, на восток. Большая часть погребений безынвентарные. В других обнаружены поясные наконечники и пряжки, бронзовые круглые пуговицы, колокольчики, серьги, перстни, ожерелья из бус и отдельные бусины, ножи, наперстки, железное кресало с кремнем, монеты. Несколько могил от-

¹² На плане П. Дюбрюкса (не позднее 1833 г.) башня-донжон на месте античной гробницы и оборонительная стена выделены красным цветом и обозначены цифрами 15 и 16 [Дюбрюкс, 2010, II, с. 149, рис. 360; Бутягин, 2006а, с. 29].

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

личает более богатый инвентарь, преимущественно аксессуары одежды, украшения и предметы личного обихода [Бутягин, Виноградов, 2006, с. 51, 79, кат. 69–79; Бутягин, 2003б, с. 63]. Недалеко от могильника вполне могла быть возведена церковь, которой, возможно, и принадлежала найденная в 1895 г. каменная храмовая икона¹³.

В настоящее время на территории Керченского полуострова известно пока только две церкви этого времени. Одна из них керченская церковь Иоанна Предтечи, которую в 30-е гг. XIV в. посетил Ибн-Батутта, обративший внимание на фреску с изображением воина, опоясанного мечом, и с копьем в руке [Тизенгаузен, 1884, с. 279]¹⁴. Как показали раскопки Т.И. Макаровой, в XIV в., возможно, одновременно со строительством генуэзской крепости Воспоро ее подвергли серьезной реконструкции [Макарова, 1982, с. 102–103, рис. 8; Макарова, 1998, с. 380–381, рис. 15; Макарова, 2003, с. 72; Бочаров, 2013б, с. 346]. К этому же времени относят фрески с изображениями неизвестных святых, обнаруженные в 1937–1938 гг. на южной стене алтарной апсиды и столбах алтарной арки [Гузанов, 2006; Мемуары..., 2013, с. 350–351, прим. 22; Домбровский, 1966, с. 68–70, рис. 37; 38; Попов, 1988, с. 547–569; Попов, 1995, с. 117–126].

Другой интересующей нас церковью, кстати единственной, раскопанной на сельской периферии Боспора, является церковь в окрестностях с. Золотое на территории средневекового некрополя, расположившегося в одной из бухт на восточном берегу Казантипского залива [Орлов, 1979, с. 124–126, рис. 6; 7]. Она представляла собой однефный храм, размеры которого по внешнему обводу составляли 5,0 × 7,2 м. Терminus ante quem для функционирования памятника дают четыре серебряных дирхема хана Узбека крымского чекана, выпущенных в 1313–1314 гг. и обнаруженных под подошвой фундамента одной из стен храма [Орлов, 1979, с. 124, рис. 6, 2].

В 0,2 км к северу от некрополя Золотое было обнаружено поселение, в пределах которого на площади около 100 кв. м был прослежен культурный слой с находками XIII–XIV вв. По мнению Р.С. Орлова, оно погибло в 90-е гг. XIV в., в период военно-политических междоусобиц золотоордынского хана Тохтамыша и самаркандского эмира Тимура-Тамерлана [Корпусова, Орлов, Гершкович, 1974, с. 292; Орлов, 1979, с. 128]¹⁵. Недавно это поселение было атрибутировано С.Г. Бочаровым как пункт

¹³ К числу таких храмовых икон вполне могла относиться византийская рельефная деревянная икона «Св. Георгия-воина с житием» XI–XII вв. или конца XII – середины XIII вв. (106,8×74,75 см), вывезенная митрополитом Игнатием из Крыма в 1778 г. и хранившаяся затем в Харлампиевской церкви г. Мариуполя. Однако происхождение иконы доподлинно не установлено [Бертъе-Делагард, 1910, с. 13–20, фото на вклейке с. 102; Византия..., 1997, с. 52, № 51; Пуцко, 1971, с. 313–331; Пуцко, 2014, с. 96–98, рис. 2].

¹⁴ К сожалению, Ибн-Батутта не упомянул название церкви, но в первой трети XVII в. она, по свидетельству Эмиддио Дортелли д'Асколи, была освящена во имя св. Георгия [Дортелли д'Асколи, 1902, с. 122].

¹⁵ В.Л. Мыц полагает, что «крымский поход» Тимура является не более чем «историографическим мифом», не нашедшим пока отражения в материалах археологических исследований памятников золотоордынского времени на полуострове [Мыц, 2009, с. 45–63; Мыц, 2015, с. 99–124]. На наш взгляд, это заключение представляется преждевременным, по крайней мере, до публикации основных результатов

Дзукалаи (Zucalai, Zucalay), впервые отмеченный на карте-портолане 1325–1330 гг. [Бочаров, 2001, с. 160; Бочаров, Коваль, 2011, с. 127; Бочаров, 2013а, с. 39; Гордеев, 2014, с. 333]¹⁶.

Могильник в окрестностях с. Золотое, на территории которого всего было раскопано 143 захоронения, как и некрополь поселения Пондико, датируется в пределах XIII–XIV вв. Исследованные погребальные сооружения представлены грунтовыми могилами, перекрытыми досками либо каменными плитами, а также плитовыми могилами. При этом последние составляли более половины от всех изученных погребений; в одиннадцати из них на торцевых плитах и плитах перекрытия был высечен крест. Еще один крест обнаружен на плите, перекрывавшей грунтовую могилу.

На христианскую принадлежность погребенных указывали и другие находки, в частности медный медальон с изображением Богоматери Оранты и головные повязки, орнаментированные знаками в виде свастики. Остальной погребальный инвентарь представлен аксессуарами одежды, украшениями, амулетами, зеркалами, деревянным гребнем, орудиями труда и наконечниками стрел. По мнению Р.С. Орлова, могильник оставлен «греками-византийцами, либо грецизированным местным населением», уцелевшим после первых татарских набегов в 20-х гг. XIII в. При этом исследователь отметил, что близкие по конструкции, погребальному обряду и инвентарю плитовые могилы были обнаружены на синхронных средневековых могильниках Северного Кавказа [Корпусова, Орлов, Гершкович, 1974, с. 291–293; Орлов, 1979, с. 116–124; Корпусова, 1983, с. 14; Корпусова, 1995, с. 144; Корпусова, 2000, с. 156–161; Корпусова, Бредіс, 2000, с. 66–67, рис. 1; Корпусова, 2002а, с. 132–137; Корпусова, 2002б, с. 207–221]¹⁷.

Помимо Воспоро (Керчи) и Дзукалаи (Золотое), небольшие храмы, вне всякого сомнения, возводили и на всех других более-менее значимых поселениях Керченского полуострова, большую часть жителей которых, судя по оставленным ими могильникам, составляли христиане¹⁸ и, как справедливо в свое время указал Ю.А. Кулаковский, «греческого православного исповедания» [Кулаковский, 1906, с. 105]. Возможно, в дальнейшем какая-то часть из них будет найдена, а для некоторых других косвенным свидетельством их существования могут стать находки, подобные храмовой каменной иконе из Нового карантин.

исследований культурных горизонтов второй половины XIV в. из раскопок Херсонеса, Солхата и Мангупского городища.

¹⁶ Предполагается также, что пункт Дзукалаи мог находиться на мысе Казантип [Гордеев, 2014, с. 334], но в свете современных археологических данных эта локализация пока не находит подтверждения.

¹⁷ Изначально могильник ошибочно был отнесен к раннехристианскому времени или датировался в пределах X–XII вв. [Корпусова, 1971, с. 91; Орлов, 1972, с. 389–390; Кругликова, 1975, с. 107, 246; Пироро, 1977, с. 72; Масленников, 1980, с. 67, прим. 14].

¹⁸ Помимо Мирмекия и с. Золотое, еще один плитово-грунтовой могильник этого периода открыт в 1988 г. В.Н. Корпусовой на северо-восточной оконечности Керченского полуострова в окрестностях с. Осовины [Зинько, Пономарев, 2007, с. 184, рис. 1]. В 1989 г. могильник исследовал В.Н. Зинько. На участке, раскопанном В.Н. Корпусовой, количество погребений, на плитах которых был изображен крест, достигало 10% [Корпусова, 2002а, с. 132; Корпусова, 2002б, с. 207–221].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. Симферополь, 2003а. Вып. X. С. 277–306.
- Айбабин А.И.* Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / под ред. С.А. Плетневой, Т.И. Макаровой. М.: Наука, 2003. С. 74–81.
- Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 292–310.
- Анна Комнина.* Алексиада / вступ. ст., пер., комм. Я.Н. Любарского; отв. ред. А.П. Каждан. М.: Наука, 1965. 688 с.
- Анохин В.В.* Позднеконечнический некрополь у Евпатории // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1991. Вып. 1. С. 6–8.
- Артеменко О.Д.* Італійська колонія Воспоро (XIII–XV ст.) // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини / под ред. В.Д. Сидоренко. К., 2006. Вип. 3. Ч. 1. До 180-річчя Керченського музею старожитностей. С. 73–80.
- Артеменко Е.Д.* Старая крепость Керчь // Материалы научно-практической конференции «VII Таврические научные чтения», г. Симферополь, 19 мая 2006 г. Симферополь, 2007. Ч. 1. С. 18–24.
- Артеменко Е.Д.* Половецкие изваяния из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. II. С. 51–60.
- Артеменко Е.Д.* Половецкие изваяния XII в. из лапидария Керченского музея // Материалы научно-практической конференции «IX Таврические научные чтения», г. Симферополь, 30 мая 2008 г. Симферополь, 2009. Ч. I. С. 28–33.
- Артеменко Е.Д.* Амфоры из купола церкви Иоанна Предтечи в Керчи // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы: материалы международной научной конференции. Керчь, 2010. С. 8–12.
- Артеменко Е.Д.* Раннесредневековое изваяние из Керчи: к интерпретации сюжета // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 254–259.
- Артеменко Е.Д., Желтикова А.Л.* Гончарные светильники XIV–XVIII вв. из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 144–174.
- Атанасов Г.* Свети Георги Победоносец: култ и образ в православния изток през средновековието. Варна: Зограф, 2001. 386 с.
- Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие // ЗООИД. Одесса, 1910. Т. XXVIII. Отд. I. С. 1–108.
- Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды: в 3 т. Избранные труды по истории христианства в Крыму. II. Симферополь: Доля, 2011. С. 7–138.
- Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир (К XVIII Международному конгрессу византинистов) / под ред. Г.Г. Литаврина. М.: Издательство МГУ, 1991. С. 19–49.
- Боровкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Благотворительный фонд «Деметра», 1999 (Древности Керчи. Вып. 4). 159 с.
- Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции (27–29 июля 2001 г.). Керчь, 2001. С. 157–161.
- Бочаров С.Г.* Генуэзская крепость Воспоро в XIV–XV веках // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Резюме докладов XI Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2003. С. 46.
- Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Крымские прибрежные поселения в инфраструктуре международной мор-

Боспорские исследования, вып. XXXV

- ской торговли Руси и Средиземноморья в XIII–XV вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / под ред. Н.А. Макарова, Н.Е. Носова. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: ИА РАН, 2011а. Т. II. С. 127.
- Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Карты-портоланы и археологическая ситуация на Крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011б. С. 46–49.
- Бочаров С.Г.* Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013а. С. 37–40.
- Бочаров С.Г.* Крепостные сооружения города Боспора–Воспоро в XIV–XV вв. Реконструкция // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., 2013б. С. 342–348.
- Бочаров С.Г.* Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро в XIV–XV вв. // Причерноморье в средние века. М., 2015. Вып. IX. С. 127–148.
- Бочаров С.Г.* Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова / под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 263–268.
- Брун Ф.К.* Материалы для истории Сугдеи // Новороссийский календарь на 1872 високосный год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Одесса: Тип. П. Францова, 1871. С. 3–38.
- Брун Ф.К.* О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средние века // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1877. Т. XXIII. С. 231–258.
- Брун Ф.К.* О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Брун Ф. К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России (1852–1877). Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. Ч. I. С. 189–240.
- Бубенок О.Б.* Поширення християнства серед аланів Північного Причорномор'я // Східний Світ. К., 2001. № 1/2000. С. 15–35.
- Бубенок О.Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XIV вв.). К.: Истина, 2004а. 324 с.
- Бубенок О.Б.* К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: материалы международной научной конференции. Керчь, 2004б. С. 30–35.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А., Чистов Д.Е.* Раскопки городища Мирмекий в 1999 г. // Отчетная археологическая сессия за 1999 г. Тезисы докладов. СПб., 2000. С. 23–25.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А., Чистов Д.Е.* Раскопки Мирмекия в 2000 г. // АБУ 1999–2000 рр. / под ред. Д.Н. Козака, Н.О. Гаврилюк. К., 2001. С. 84–85.
- Бутягин А.М.* Средневековый некрополь Мирмекия // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья: материалы международной научной конференции. Керчь, 2003а. С. 38–41.
- Бутягин А.М.* Работы Мирмекийской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа // АБУ 2001–2002 рр. / под ред. Н.О. Гаврилюк. К., 2003б. С. 61–65.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А., Новоселова Н.Ю., Чистов Д.Е.* Работы Мирмекийской экспедиции в 2002 г. // Отчетная археологическая сессия за 2002 год. Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 29–32.
- Бутягин А.М.* Пять лет работ Мирмекийской экспедиции // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: материалы международной научной конференции. Керчь, 2004. С. 48–53.
- Бутягин А.М., Чистов Д.Е.* Работы Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 г. // АБУ 2002–2003 рр. / под ред. Н.О. Гаврилюк. К., 2004. Вып. 6. С. 77–78.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

- Бутягин А.М.* Раскопки городища Мирмекий в 2004 г. // АДУ 2003–2004 рр. / под ред. Н.О. Гаврилюк. Київ; Запоріжжя, 2005. Вип. 7. С. 74–77.
- Бутягин А.М.* Акрополь Мирмекия в свете археологических исследований // БИ. Симферополь; Керчь, 2006а. Вип. XIII. С. 16–30.
- Бутягин А.М.* Работы Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2005 г. // АДУ 2004–2005 рр. / под ред. Н.О. Гаврилюк. Київ; Запоріжжя, 2006б. Вип. 8. С. 81–84.
- Бутягин А.М.* Мирмекийская экспедиция // СГЭ. СПб., 2006в. Вип. LXIV. С. 64–67.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* История и археология древнего Мирмекия // Мирмекий в свете новых археологических исследований / авт. кат. А.М. Бутягин, пер. на англ. Ю.Р. Редькиной. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. С. 4–51.
- Бутягин А.М.* Раскопки городища Мирмекий в 2007 г. // АДУ 2006–2007 рр. / за ред. Н.О. Гаврилюк. Київ; Запоріжжя, 2007. Вип. 9. С. 48–50.
- Бутягин А.М.* Погребение на Карантинном мысу // Древнее Причерноморье. Одесса, 2008а. Вип. VIII. С. 83–88.
- Бутягин А.М.* Десять лет работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного «круглого стола», посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008. С. 94–98.
- Бутягин А.М., Столяренко П.Г.* Раскопки Мирмекия в 2013 г. // АДУ 2013 р. / под ред. Д.Н. Козака. К., 2014. С. 17–18.
- Быковская Н.В.* К вопросу о закрытии культовых учреждений Керчи и церковных ценностях // Тезисы научной отчетной конференции VII музейных чтений 18 декабря 2012 года. Керчь, 2012. С. 17–19.
- Быковская Н.В.* Керченский музей древностей в 20-е гг. XX в. по документам архива Главнауки и архива Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вип. IV. С. 24–50.
- Васильевский В.Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского // Васильевский В.Г. Труды. Петроград: Тип. Императорской Академии наук, 1915. Т. 3. С. 142–288.
- Вахонеев В.В.* Средневековая крепость Пондико в Восточном Крыму // Просемінарій. Медієвістика, історія Церкви, науки та культури. К., 2007. Вип. 6. С. 5–22.
- Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. / Древности Боспора. Supplementum II. М.: ИА РАН, 2005. 264 с.
- Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии. Петроград, 1922. Серия VIII. Т. XIII. № 6. 58 с.
- Византийский Херсон:* Каталог выставки / авт.-сост. Л.А. Голофаст, А.И. Романчук, С.Г. Рыжов, И.А. Антонова, под ред. И.С. Чичурова. М.: Наука, 1991. 256 с.
- Виноградов Ю.А.* Исследования на городище Мирмекий // АДУ 1992 р. / под ред. Д.Н. Козака, Н.О. Гаврилюк. К., 1993. С. 31–33.
- Виноградов Ю.А., Бутягин А.М., Чистов Д.Е.* Раскопки городища Мирмекий в сезоне 1999 года // АБУ 1998–1999 рр. / под ред. Д.Н. Козака, Н.О. Гаврилюк. К., 1999. С. 79.
- Виноградов Ю.А.* Городище Мирмекий // Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред.: д.и.н. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010. Т. I: Тексты. С. 445–453.
- Візантія і Київська Русь:* Каталог виставки / вступ. ст. І.Ф. Тоцька, Г.Ю. Івакін; упор. В.М. Колпакова, І.В. Шульц. К.: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 1997. 60 с.
- Гаврилюк А.В.* Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Судейский сборник. Киев; Судак, 2008а. Вип. III. С. 331–384.
- Гаврилюк А.В.* Поселения раннего средневековья в Юго-Восточном Крыму (материалы к археологической карте) // БИАС. Симферополь, 2008б. Вип. 3. С. 132–142.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Гадло А.В.* Новый памятник тмутараканского времени из Приазовья // СА. 1965. № 2. С. 217–224.
- Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 362 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове (По раскопкам 1932–1936 гг.) // ВДИ. 1937. № 1. С. 216–239.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937–39 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 300–317.
- Гайдукевич В.Ф.* Археологические изучения Мирмекия // МИА. 1941. № 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса). С. 96–109.
- Гайдукевич В.Ф., Леви Е.И., Прушевская Е.О.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА. 1941. № 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса). С. 110–148.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25 (Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.). С. 135–222.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 181 с.
- Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н., Джанов А.В.* Новые данные по храмовым росписям Эски-Кермена и его окружи // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии / под ред. В.Ю. Юрочкина. К.: Стилос, 2002. С. 114–132.
- Гордеев А.Ю.* Топоніміка узбережжя Чорного та Азовського морів на картах-портоланах XIV–XVII століть // Вісник геодезії та картографії. К., 2013. № 2 (83). С. 28–35.
- Гордеев А.Ю.* Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV–XVII веков. К.: Academia.edu, 2014. 475 с.
- Господаренко О.В.* Італійська колонізація Північного Причорномор'я у XIII–XIV ст. // Чорноморський літопис. Миколаїв, 2011. Вип. 4. С. 52–58.
- Господаренко О.В.* Кафа і Тана в системі італійської міжнародної торгівлі XIII – XV ст. // Історичний архів. Миколаїв, 2014. Вип. 13. С. 111–116.
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.
- Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII. С. 42–88.
- Гузанов Ф.В.* К истории открытия древнерусских стенописей в 1930-е годы // Проблемы сохранения и реставрации монументальной живописи: Чтения памяти Л. А. Лелекова – 2006: Материалы конференции ГосНИИР, 26 апреля 2006 г. М., 2006. [Электронное издание]. URL: <http://www.art-con.ru/node/1316> (дата обращения 26. 11. 2015).
- Джанов А.В., Майко В.В.* Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI–XII вв. // ХСб. Севастополь, 1998. Вып. IX. С. 160–181.
- Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. К.: Наукова думка, 1966. 112 с.
- [Дортелли д'Асколи Э.] Описание Черного моря и Таврии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Таврии и проч. 1634 г. / пер. Н.Н. Пименова. Издано с прим. почетн. чл. А.Л. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. XXIV. Отд. 1. С. 89–180.
- Дюбрьюкс П.* Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред. д.и.н. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010. Т. II: Иллюстрации. 310 с.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Красанд, 2010. 248 с.
- Епископа Феодора «Аланское послание» / пер. Ю.А. Кулаковского // ЗООИД. Одесса, 1898. Т. XXI. Отд. II. С. 11–27.
- Жишковиц В.І.* Давньоукраїнська рельєфна ікона XI – початку XIV століть // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1998. Т. ССXXXVI. Праці Комісії образотворчого та ужиткового мистецтва. С. 7–24.
- Журавлев Д.В.* Две глиняные ампулы с изображением святого Мины из Крыма // РА. 2012. № 3. С. 91–96.
- Занкин А.Б.* Исследования средневекового Корчева // АДУ 1990 р. / под ред. С.Д. Крижицького. К., 1991. С. 21–22.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

- Занкин А.Б. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї / за ред. О.О. Паршиної. К.: Стилос, 2001. С. 46–51.
- Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI, VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Вып. XX. 224 с.
- Зеест И.Б., Якобсон А.Л. Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 62–69.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Овины-I // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 183–196.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. Симферополь; Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 435–453.
- Иванина О.А. Стеклянные браслеты из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. II. С. 61–86.
- Иванина О.А., Куликов А.В., Холодков В.Н. Византийские монеты VI–VII вв. в собрании Керченского заповедника (к истории денежного обращения в Таврике в эпоху раннего средневековья) // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I (к 180-летию Керченского музея древностей). С. 149–171.
- Иванина О.А., Федосеев Н.Ф. О некоторых христианских реликвиях из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 138–143.
- Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда: «История торговли Востока в средние века» / пер. Л.П. Колли // ИТУАК. Симферополь, 1915. № 52. С. 68–185.
- Карсанов А.Н. Крымские аланы // Аланы и Кавказ. Alanica II. / под ред. В.Х. Тменова. Владикавказ; Цхинвал: СОИГИС Юго-Осетинский НИИ, 1992. С. 152–176.
- Ковалевский М.М. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Таврике в XIV веке // Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902 г. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. Т. II. С. 109–174.
- Колтакова Н.Я. Еволюція іконографічних типів зображення св. Георгія у мистецтві Візантії // Народознавчі зошити. Львів, 2013. Серія мистецтвознавча. № 6 (114). С. 1121–1130.
- Колтакова Н.Я. Образ св. Георгія у мистецтві Візантії // Народознавчі зошити. Львів, 2014. Серія мистецтвознавча. № 5 (119). С. 936–945.
- Кондаков Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896. Т. 1. 214 с.
- Коновалова И.Г. Население городов Северного Причерноморья в XII–XIV вв. (по арабским источникам) // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва 18–20 апреля 1994 г. М., 1994. С. 19–21.
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарии. М.: Восточная литература, 2009 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). 223 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий) / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 496 с.
- Корпусова В.Н. Некрополь у с. Золотое // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 86–92.
- Корпусова В.Н., Орлов Р.С. Раскопки некрополя сельского поселения европейской части Боспора // АО 1970 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1972. С. 266–267.
- Корпусова В.Н., Орлов Р.С., Гершкович Я.П. Работы у с. Золотое // АО 1973 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1974. С. 291–293.
- Корпусова В.Н. Некрополь Золотое (к этнокультурной истории Европейского Боспора). К.: Наукова думка, 1983. 184 с.
- Корпусова В.М. Про колекцію середньовічних тканин з некрополю Золоте // Археологія. 1995. № 1. С. 144–148.
- Корпусова В.М. Символіка поховального інвентаря християнського населення Криму (за матеріалами

Боспорские исследования, вып. XXXV

- некрополя XIII–XIV ст. Золоте, Крым) // Музейні читання: Матеріали наукової конференції, 24 грудня 1999 р., м. Київ. К., 2000. С. 156–161.
- Корпусова В.М., Бредіс Н.Ю.* До питання походження археологічного текстилю XIII–XIV ст. з некрополлю Золоте (Крим) // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. К., 2000. Вип. 4. С. 66–70.
- Корпусова В.Н.* Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции (16–22 сентября 2002 г.). Киев; Судак, 2002а. С. 132–137.
- Корпусова В.М.* Поховально-вітварні плити в історії християнського поховального обряду Криму (За матеріалами некрополів Золоте, Осовини. XIII–XIV ст.) // Музейні читання. Матеріали наукової конференції, грудень 2001 р. К., 2002б. С. 207–221.
- Крамаровский М.Г.* Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 506–532.
- Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 198–218.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
- Кулаковский Ю.А.* Христианство у аланов // ВВ. 1898. Т. V. Вып. 1–2. С. 1–18.
- Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. К.: Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1906. 141 с.
- Кулаковский Ю.А.* Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия в 12 т. / под ред. Н.Н. Глубоковского. СПб.: Тип. Сибирского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России, 1908. Т. IX: Кармелиты – Κοιμή. С. 535–543.
- Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступ. ст., коммент., карта: С.М. Перевалов. СПб.: Алетейя, 2000. 318 с. (Византийская библиотека. Исследования).
- Куликов А.В., Иванина О.А.* Об одном скульптурном портрете Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. II. С. 44–50.
- Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. 1953. Т. VI. С. 186–222.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1896. 143 с.
- Маврина О.С.* Взаємовідносини черкесів з Кримським ханством у період пізнього середньовіччя // Сходознавство. К., 2007. № 37. С. 71–79.
- Майко В.В.* Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X–XI вв. Мода или неоднородность этноса // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень, 2008. Т. II. С. 20–28.
- Майко В.В.* Сугдея второй половины X – XI вв. между Византией и Тмутараканью // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 272–288.
- Майко В.В.* Таврика VIII–XI вв. между Византией, Хазарией и Русью // Археологія і давня історія України. К., 2010а. Вип. 1. С. 266–272.
- Майко В.В.* Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей // Ruthenica. К., 2010б. Вып. IX. С. 37–48.
- Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 91–106.
- Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 344–393.
- Макарова Т.И.* Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / под ред. С.А. Плетневой, Т.И. Макаровой. М.: Наука, 2003 (Археология). С. 68–73.
- Мальгин А.В.* Из наследия А. Л. Бертье-Делагарда // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1/94 год. С. 151–169.
- Марти Ю.Ю.* Путеводитель по керченским древностям. Керчь: 4-я Гостинография Крымполиграфтреста, 1926. 60 с.
- Масленников А.А.* К истории населения хоры Европейского Боспора в I в. до н. э. // СА. 1980. № 4. С. 65–74.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

- Мемуары Павла Юкина. 40 лет моей работы / публ. и коммент. И.Л. Кызласовой // Софія Київська: Візантія, Русь, Україна / за ред. Ю.А. Мищика. К., 2013. Вип. III: збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Єгора Кузьмича Редіна (1863–1908). С. 345–370.
- Михайлова М.Б. Крепость Керчь – памятник средневековой фортификации и ядро русского города периода классицизма // Архитектурное наследие. М., 2012. № 56. С. 113–128.
- Мнева Н.Е. Новгородская школа XIII – начала XVI вв. // Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог Древнерусской живописи XI – начала XVIII вв.: Опыт историко-художественной классификации. М.: Искусство, 1863. Т. 1: XI в. – начало XVI века. С. 83–180.
- Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837. 91 с.
- Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
- Мыц В.Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда / под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015 (Археологические источники Восточной Европы). С. 99–124.
- Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев; Нац. Заповедник «Херсонес Таврический» и др. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техасского университета, 2011. 708 с.
- Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К изучению исторической топографии средневековой Керчи: византийская каменная икона из Нового карантин // АДСВ. Екатеринбург, 2015а. Вып. 43. С. 275–288.
- Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Об одной забытой христианской реликвии из Керчи: византийская каменная икона из района Нового карантин // II Свято-Владимирские чтения. Международная научная конференция, посвященная 1000-летию преставления святого равноапостольского князя Владимира. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2015б. С. 39–40.
- Озова Ф.А. Черкесо-итальянские исторические пересечения и параллели // Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов к 75-летию Исмаила Магомедовича Чеченова / под ред. Б.Х. Бгажнокова, В.А. Фоменко. Нальчик, 2013. Вып. 2 С. 139–171.
- Орлов Р.С. Исследование раннесредневекового могильника на Керченском полуострове // АО 1971 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1972. С. 389–390.
- Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья / под ред. В.Д. Барана. К.: Наукова думка, 1979. С. 114–129.
- Пекарская Л.В., Пуцко В.Г. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия: сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов) / под ред. П.П. Толочко. К.: Наукова думка, 1991. С. 131–138.
- Пилипчук Я.В. Крим у політиці Джучидів (кінець XIII – третя четверть XV ст.) // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії / под. ред. В. Смоля. К.: Інститут історії України НАН України, 2014. С. 40–62.
- Пиоро И.С. Готы-тетракситы или готы-трапезиты? // Некоторые вопросы археологии Украины: Сб. ст. / под ред. Н.Н. Бондаря. К.: Наукова думка, 1977. С. 66–74.
- Плетнева С.А. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани // СА. 1987. № 1. С. 258–262.
- Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 210 с.
- Половец В.М. Половці і монголо-татари // Сіверянський літопис. Чернігів, 2012. № 1–2 (103–104). С. 11–17.
- Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X – XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II международной научной конференции (12–16 сентября 2004 г.). Киев; Судак. Ч. II. С. 164–169.
- Пономарев Л.Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // БИ. Симферополь; Керчь, 2009. Вып. XXI. С. 490–520.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Пономарев Л.Ю. Степи Керченского полуострова во второй половине X – XIII вв. (по материалам археологических исследований) // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории: материалы международной научной конференции. Керчь, 2013. С. 384–391.
- Пономарьев Д.Ю., Никитаев А.В. Особенности повреждения костей скелета населения генуэзской колонии XIII–XIV вв. городища Мирмекий // Судова-медична експертиза. К., 2014. № 1. С. 49–53.
- Попов Г.В. Византийские фрески второй половины XIV в. в Керчи (Крым) // *Bulgaria Pontico. Medii Aevi* II, Nessebre: 26–30 mai 1982. Sofia, 1988. II. С. 547–569.
- Попов Г.В. Два фрагмента росписи церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Древнерусское искусство. Балканы. Русь / под ред. А.И. Комеча, О.Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 117–126.
- Пуцко В.Г. Мариупольский рельеф св. Георгия // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1971. Т. XIII. С. 313–331.
- Пуцко В.Г. Византийская деревянная скульптура // Сборник радова Византолошког института. Београд, 2014. Т. LI. С. 93–109.
- Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1957. С. 84–194.
- Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 355–392.
- Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII–XV вв. М.: Вече, 2011. 336 с.
- Степаненко В.П. Образ святого Георгия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике до-монгольского периода // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 106–117.
- Степаненко В.П. К иконографии фрески «Трех всадников» под Эски-Керменом // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 452–457.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. 563 с.
- Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. М., 2012. Т. 16. С. 491–525.
- Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М.: Индрик, 2011. 424 с.
- Харко Л.П. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25 (Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.). С. 357–362.
- Ченцова В.Г. Материалы к истории Херсона в средние века // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 171–184.
- Чхаидзе В.Н. Военная организация кочевников Крыма в XII–XIV веках // «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова / под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 302–304.
- Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в нач. XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // ВВ. 1928. Т. 25. С. 53–76.
- Яциуржинский Х.П. Керченские древности // ИТУАК. Симферополь, 1890. № 10. С. 113–119.

REFERENCES

- Aibabin A.I. Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. po arkheologicheskim svidetel'stvam. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2003a, vol. X, pp. 277–306.
- Aibabin A.I. Step' i Iugo-Zapadniy Krym. S.A. Pletneva, T.I. Makarova (Ed.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka*. Moscow: Nauka Publ., 2003 (Arkheologiya), pp. 74–81.
- Alpatov M.V. *Obraz Georgiia-voina v iskusstve Vizantii i Drevnei Rusi. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 1956, vol. XII, pp. 292–310.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

- Anna Komnina. *Aleksjada vstup. st., per., komment. Ia.N. Liubarskogo; otv. red. A.P. Kazhdan.* Moscow: Nauka Publ., 1965, 688 p.
- Anokhin V.V. *Pozdnekochevnicheskii nekropol' u Evpatorii. Problemy istorii Kryma. Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii.* Simferopol', 1991, vol. 1, pp. 6–8.
- Artemenko O.D. Italiis'ka koloniia Vosporo (XIII–XV st.). V.D. Sidorenko (Ed.). *Suchasni problemi doslidzhennia, restavratsii ta zberezhenia kul'turnoi spadshchini.* Kiev, 2006, vol. 3, Ch. 1. Do 180-richchia Kerchenskogo muzeiu starozhitnosti, pp. 73–80.
- Artemenko E.D. Staraia krepost' Kerch'. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «VII Tavricheskie nauchnye chteniia», g. Simferopol', 19 maia 2006 g.* Simferopol', 2007, Ch. 1, pp. 18–24.
- Artemenko E.D. Polovetskie izvaianiia iz fondov Kerchenskogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Kerch', 2008, vol. II, pp. 51–60.
- Artemenko E.D. Polovetskie izvaianiia XII v. iz lapidariia Kerchenskogo muzeia. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «IX Tavricheskie nauchnye chteniia», g. Simferopol', 30 maia 2008 g.* Simferopol', 2009, Ch. I, pp. 28–33.
- Artemenko E.D. Amfory iz kupola tserkvi Ioanna Predtechy v Kerchi. *XI Bosporskie chteniia. Bosporskimmeritskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Remesla i promysly: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2010, pp. 8–12.
- Artemenko E.D. Rannesrednevekovoe izvaianie iz Kerchi: k interpretatsii suzheta. *Bosporskii fenomen: naselenie, iazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Sankt-Peterburg, 2011, pp. 254–259.
- Artemenko E.D., Zheltikova A.L. Goncharnye svetil'niki XIV–XVIII vv. iz fondov Kerchenskogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 144–174.
- Atanasov G. *Sveti Georgi Pobedonosets: kult i obraz v pravoslavniia iztok prez srednovikovieta.* Varna: Zograf Publ., 2001, 386 p.
- Bert'e-Delagard A.L. K istorii khristianstva v Krymu. Mnimoe tysiacheletie. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti.* Odessa, 1910, vol. XXVIII. Otd. I, pp. 1–108.
- Bert'e-Delagard A.L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ia v Tavride. Bert'e-Delagard A.L. *Izbrannye trudy: v 3 t. Izbrannye trudy po istorii khristianstva v Krymu. II.* Simferopol': Dolia Publ., 2011, pp. 7–138.
- Bogdanova N.M. Tserkov' Khersona v X–XV vv. G.G. Litavrin (Ed.). *Vizantiia. Sredizemnomor'e. Slavianskii mir (K XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov).* Moscow: Moskovskii Gosudarstvennyi universitet Press., 1991, pp. 19–49.
- Borovkova V.N. *Kollektsionery i torgovtsy kerchenskimi drevnostiami.* Kerch': Blagotvoritel'nyi fond «Demetra», 1999 (Drevnosti Kerchi. vol. 4), 159 p.
- Bocharov S.G. Zametki po istoricheskoi geografii genuezskoi Gazarii XIV–XV vekov. *175 let Kerchenskomu Muzeiu Drevnosti. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (27–29 iul'ia 2001 g.).* Kerch', 2001, pp. 157–161.
- Bocharov S.G. Genuezskaiia krepost' Vosporo v XIV–XV vekakh. *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka. Reziume dokladov XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Rostov-na-Donu, 2003, pp. 46.
- Bocharov S.G., Koval' V.Iu. Krymskie pribrezhnye poseleniia v infrastrukture mezhdunarodnoi morskoi trgovli Rusi i Sredizemnomor'ia v XIII–XV vv. N.A. Makarov, N.E. Nosov (Ed.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda.* Sankt-Peterburg; Moscow; Velikii Novgorod: IA RAN Press., 2011a, vol. II, p. 127.
- Bocharov S.G., Koval' V.Iu. Karty-portolany i arkheologicheskaiia situatsiia na krymskom poberezh'e v kontekste vizantiisko-genuezskoi chernomorskoii trgovli. *Rossiiskoe vizantinovedenie: traditsii i perspektivy. Tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov.* Moscow, 2011b, pp. 46–49.
- Bocharov S.G. Poseleniia XIII–XV vv. na poberezh'e Kerchenskogo poluostrova – sviazi s regionom Kubani. *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia: Materialy konferentsii.* Krasnodar, 2013a, pp. 37–40.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Bocharov S.G. Krepostnye sooruzheniia goroda Bospora–Vosporo v XIV–XV vv. Rekonstruktsiia. *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 19–22 noiabria 2013 g.)*. Sankt-Peterburg, 2013b, pp. 342–348.
- Bocharov S.G. Fortifikatsionnye sooruzheniia genuezskogo Vosporo v XIV–XV vv. *Prichernomor'e v srednie veka*. Moscow, 2015, vol. IX, pp. 127–148.
- Bocharov S.G. Istoricheskaia geografiia Genuezskoi Gazarii 1275–1475 gg. S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov (Ed.). «*Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy*» *Materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiatii G. A. Fedorova-Davydova*. Kazan'; Ialta; Kishinev, 2016, pp. 263–268.
- Brun F.K. Materialy dlia istorii Sugdei. *Novorossiiskii kalendar' na 1872 visokosnyi god, izdavaemyi ot kantseliarii Novorossiiskogo i Bessarabskogo general-gubernatora*. Odessa: P. Frantsova Publ., 1871, pp. 3–38.
- Brun F.K. O raznykh nazvaniakh Kerchi i ee okrestnostei v drevnosti i srednikh vekakh. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta*. Odessa, 1877, vol. XXIII, pp. 231–258.
- Brun F.K. O poseleniakh ital'ianskikh v Gazarii. Topograficheskie i istoricheskie zametki. Brun F.K. *Chernomor'e. Sbornik issledovanií po istoricheskoi geografii iuzhnoi Rossii (1852–1877)*. Odessa: G. Ul'rikha Publ., 1879, Ch. I, pp. 189–240.
- Bubenok O.B. Poshirennia khristianstva sered alaniv Pivnichnogo Prichernomor'ia. *Skhidnii Svit*. Kiev, 2001. № 1/2000, pp. 15–35.
- Bubenok O.B. *Alany-asy v Zolotoi Orde (XIII–XIV vv.)*. Kiev: Istina Publ., 2004a, 324 p.
- Bubenok O.B. K voprosu o vremeni i prichinakh pereselenii cherkesov v Krym. V *Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Etnicheskie protsessy: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kerch', 2004b, pp. 30–35.
- Butiagin A.M., Vinogradov Iu.A., Chistov D.E. Raskopki gorodishcha Mirmekii v 1999 g. *Otchetnaia arkhologicheskaiia sessiia za 1999 g. Tezisy dokladov*. Sankt-Peterburg, 2000, pp. 23–25.
- Butiagin A.M., Vinogradov Iu.A., Chistov D.E. Raskopki Mirmekiia v 2000 g. *D.N. Kozak, N.O. Gavriliuk (Ed.) Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 1999–2000 rr.* Kiev, 2001, pp. 84–85.
- Butiagin A.M. Srednevekovyi nekropol' Mirmekiia. *IV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii: Pont i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kerch', 2003a, pp. 38–41.
- Butiagin A.M. Raboty Mirmekiiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii Gos. Ermitazha. *N.O. Gavriliuk (Ed.) Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2001–2002 rr.* Kiev, 2003b, pp. 61–65.
- Butiagin A.M., Vinogradov Iu.A., Novoselova N.Iu., Chistov D.E. Raboty Mirmekiiskoi ekspeditsii v 2002 g. *Otchetnaia arkhologicheskaiia sessiia za 2002 god. Tezisy dokladov*. Sankt-Peterburg, 2003, pp. 29–32.
- Butiagin A.M. Piat' let rabot Mirmekiiskoi ekspeditsii. V *Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Etnicheskie protsessy: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kerch', 2004, pp. 48–53.
- Butiagin A.M., Chistov D.E. Raboty Mirmekiiskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2003 g. *N.O. Gavriliuk (Ed.) Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 2002–2003 rr.* Kiev, 2004, vol. 6, pp. 77–78.
- Butiagin A.M. Raskopki gorodishcha Mirmekii v 2004 g. *N.O. Gavriliuk (Ed.) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2003–2004 rr.* Kiïv; Zaporizhzhia, 2005, vol. 7, pp. 74–77.
- Butiagin A.M. Akropol' Mirmekiia v svete arkhologicheskikh issledovanií. *Bosporskie issledovaniia. Simferopol'*; Kerch', 2006a, vol. XIII, pp. 16–30.
- Butiagin A.M. Raboty Mirmekiiskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2005 g. *N.O. Gavriliuk (Ed.) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2004–2005 rr.* Kiïv; Zaporizhzhia, 2006b, vol. 8, pp. 81–84.
- Butiagin A.M. Mirmekiiskaia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*. Sankt-Peterburg, 2006v, vol. LXIV, pp. 64–67.
- Butiagin A.M., Vinogradov Iu.A. *Istoriia i arkhologiiia drevnego Mirmekiia. Mirmekii v svete novykh*

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

- arkheologicheskikh issledovaniï*, avt. kat. A.M. Butiagin, per. na angl. Iu.R. Red'kinoi. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh Press., 2006, pp. 4–51.
- Butiagin A.M. Raskopki gorodishcha Mirmekii v 2007 g. *N.O. Gavriiliuk (Ed.). Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2006–2007 rr.* Kiïv; Zaporizhzhia, 2007, vol. 9, pp. 48–50.
- Butiagin A.M. Pogrebenie na Karantinnom mysu // *Drevnee Prichernomor'e*. Odessa, 2008a, vol. VIII, pp. 83–88.
- Butiagin A.M. Desiat' let robot Mirmekiiskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. *Bospor i Severnoe Prichernomor'e v antichnuïu epokhu. Materialy iubileinogo mezhdunarodnogo kruglogo stola, posviashchennogo 10-letiiu konferentsii «Bosporskii fenomen»*. Sankt-Peterburg, 2008, pp. 94–98.
- Butiagin A.M., Stoliarenko P.G. Raskopki Mirmekiia v 2013 g. *D.N. Kozak (Ed.). Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2013 r.* Kiïv, 2014, pp. 17–18.
- Bykovskaia N.V. K voprosu o zakrytii kul'tovykh uchrezhdenii Kerchi i tserkovnykh tsennostiakh. *Tezisy nauchnoi otchetnoi konferentsii VII muzeinye chteniia 18 dekabria 2012 goda*. Kerch', 2012, pp. 17–19.
- Bykovskaia N.V. Kerchenskii muzei drevnostei v 20-e gg. KhKh v. po dokumentam arkhiva Glavnauki i arkhiva Kerchenskogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 24–50.
- Vasil'evskii V.G. Vvedenie v Zhitie sv. Stefana Surozhskogo. Vasil'evskii V.G. *Trudy*. Petrograd: Imperatorskaia Akademiia nauk Press., 1915, vol. 3, pp. 142–288.
- Vakhoneev V.V. Srednevekovaia krepost' Pondiko v Vostochnom Krymu. *Proseminarii. Medievistika, istoriia Tserkvi, nauki ta kul'turi*. Kiev, 2007, vol. 6, pp. 5–22.
- Veselov V.V. *Svodnaia vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg. Drevnosti Bospora. Supplementum II*. Moscow: IA RAN Press., 2005, 264 p.
- Veselovskii N.I. Khan iz temnikov Zolotoi Ordy Nogai i ego vremia. *Zapiski Rossiiskoi Akademii nauk po otdeleniiu istoricheskikh nauk i filologii*. Petrograd, 1922, Seriia VIII, vol. XIII, № 6, 58 p.
- I. S. Chichurov (Ed). *Vizantiiskii Kherson: Katalog vystavki*, avt.-sost. L.A. Golofast, A.I. Romanchuk, S.G. Ryzhov, I.A. Antonova. Moscow: Nauka Publ., 1991, 256 p.
- Vinogradov Iu.A. Issledovaniia na gorodishche Mirmekii. *D.N. Kozak, N.O. Gavriiliuk (Ed.). Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 1992 roku*. Kiïv, 1993, pp. 31–33.
- Vinogradov Iu.A., Butiagin A.M., Chistov D.E. Raskopki gorodishcha Mirmekii v sezone 1999 goda. *D.N. Kozak, N.O. Gavriiliuk (Ed.). Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 1998–1999 rr.* Kiïv, 1999, p. 79.
- Vinogradov Iu.A. Gorodishche Mirmekii. *Diubriuks P. Sbranie sochinenii: v 2 t.*, sost. i otv. red.: d.i.n. I.V. Tunkina; podgot. tekstov I.V. Tunkinoi i N.L. Sukhacheva; per. s fr. iaz. N.L. Sukhacheva. Sankt-Peterburg: Kolo Publ., 2010, vol. I: Teksty, pp. 445–453.
- Vizantiia i Kiïvs'ka Rus': Katalog vistavki*, vstup. st. I.F. Tots'ka, G.Iu. Ivakin; upor. V.M. Kolpakova, I.V. Shul'ts. Kiev: Natsional'nii Kievo-Pechers'kii istoriko-kul'turnii zapovidnik Press., 1997, 60 p.
- Gavrilov A.V. Srednevekoveye pamiatniki Iugo-Vostochnogo Kryma (materialy k arkheologicheskoi karte). *Sugdeiskii sbornik*. Kiev; Sudak, 2008a, vol. III, pp. 331–384.
- Gavrilov A.V. Poseleniia rannego srednevekov'ia v Iugo-Vostochnom Krymu (materialy k arkheologicheskoi karte). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*. Simferopol', 2008b, vol. 3, pp. 132–142.
- Gadlo A.V. Novyi pamiatnik tmutarakanskogo vremeni iz Priazov'ia. *Sovetskaia arkheologiia*. 1965, № 2, pp. 217–224.
- Gadlo A.V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi universitet Press., 2004, 362 p.
- Gaidukevich V.F. Bosporskie goroda Tiritaka i Mirmekii na Kerchenskom poluostrove (Po raskopkam 1932–1936 gg.). *Vestnik drevnei istorii*, 1937, № 1, pp. 216–239.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Mirmekiia i Tiritaki, arkheologicheskie razvedki na Kerchenskom poluostrove v 1937–39 gg. *Vestnik drevnei istorii*, 1940, № 3–4, pp. 300–317.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Gaidukevich V.F. Arkheologicheskie izuchenie Mirmekii. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, № 4 (Arkheologicheskie pamiatniki Bospora i Khersonesa), pp. 96–109.
- Gaidukevich V.F., Levi E.I., Prushevskaiia E.O. Raskopki severnoi i zapadnoi chastei Mirmekii v 1934 g. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, № 4 (Arkheologicheskie pamiatniki Bospora i Khersonesa), pp. 110–148.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Mirmekii v 1935–1938 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, № 25 (Bosporskie goroda. I. Itogi arkheologicheskikh issledovaniĭ Tiritaki i Mirmekii v 1935–1940 gg.), pp. 135–222.
- Gaidukevich V.F. *Antichnye goroda Bospora. Mirmekii*. Leningrad: Nauka Publ., 1987, 181 p.
- Gaidukov N.E., Karnausenko E.N., Dzhhanov A.V. Novye dannye po khramovym rospisiam Eski-Kermena i ego okrugii. V.Iu. *Iurochkin (Ed.). Pravoslavnye drevnosti Tavriki: Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii*. Kiev: Stilos Publ., 2002, pp. 114–132.
- Gordeev A.Iu. Toponimika uzberezhzhia Chornogo ta Azovskogo moriv na kartakh-portolanakh XIV–XVII stolit'. *Visnik geodezii ta kartografii*. Kiev, 2013, № 2 (83), pp. 28–35.
- Gordeev A.Iu. *Toponimii poberezh'ia Chernogo i Azovskogo morei na kartakh-portolanakh XIV–XVII vekov*. Kiev: Academia.edu Publ., 2014, 475 p.
- Gospodarenko O.V. Italiis'ka kolonizatsiia Pivnichnogo Prichornomor'ia u XIII–XIV st. *Chornomors'kii litopis*. Mikolaiv, 2011, vol. 4, pp. 52–58.
- Gospodarenko O.V. Kafa i Tana v sistemi italiis'koĭ mizhnarodnoi torgivli XIII – XV st. *Istoriichnii arkhiv*. Mikolaiv, 2014, vol. 13, pp. 111–116.
- Grach N.L. *Nekropol' Nimfeia*. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 1999, 328 p.
- Grigor'ev A.P., Frolova O.B. Geograficheskoe opisanie Zolotoi Ordy v entsiklopedii al-Kalkashandi. *Istoriografiia i istochnikovedenie stran Azii i Afriki*. Sankt-Peterburg, 1999, vol. XVIII, pp. 42–88.
- Guzanov F.V. K istorii otkrytiia drevnerusskikh stenopisei v 1930-e gody. *Problemy sokhraneniia i restavratsii monumental'noi zhivopisi: Chteniia pamiati L. A. Lelekova – 2006: Materialy konferentsii GosNIIR, 26 apreliia 2006 g.* Moscow, 2006. [Elektronnoe izdanie]. URL: <http://www.art-con.ru/node/1316> (data obrashcheniia 26. 11. 2015).
- Dzhhanov A.V., Maiko V.V. Vizantiia i kochevniki v iugo-vostochnoi Tavrike v XI–XII vv. *Khersonesskii sbornik*. Sevastopol', 1998, vol. IX, pp. 160–181.
- Dombrovskii O.I. *Freski srednevekovogo Kryma*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1966, 112 p.
- [Dortelli d'Askoli E.] Opisanie Chernogo moria i Tatarii, sostavil dominikanets Emiddio Dorteili d'Askoli, prefekt Kafy, Tatarii i proch. 1634 g. / per. N.N. Pimenova. Izdano s prim. poch. chl. A.L. Bert'e-Delagarda. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1902, vol. XXIV, Otd. 1, pp. 89–180.
- Diubriuks P. *Sobranie sochinenii: v 2 t., sost. i otv. red. d.i.n. I.V. Tunkina; podgot. tekstov I.V. Tunkinoi i N.L. Sukhacheva; per. s fr. iaz. N.L. Sukhacheva*. Sankt-Peterburg: Kolo Publ., 2010, vol. II: Illiustratsii, 310 p.
- Egorov V.L. *Istoriicheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* Moscow: Krasand Publ., 2010, 248 p.
- Episkopa Feodora «Alanskoe poslanie», per. Iu.A. Kulakovskogo. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1898, vol. XXI, Otd. II, pp. 11–27.
- Zhishkovich V.I. Davn'oukraïns'ka rel'efna ikona XI – pochatku XIV stolit'. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. L'viv, 1998, vol. CCXXXVI. Pratsi Komisii obrazotvorchogo ta uzhitkovogo mistetstva, pp. 7–24.
- Zhuravlev D.V. Dve gliniane ampuly s izobrazheniem sviatogo Miny iz Kryma. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2012, № 3, pp. 91–96.
- Zankin A.B. Issledovaniia srednevekovogo Korcheva. S.D. Krizhits'kii (Ed.). *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 1990 r.* Kiiv, 1991, pp. 21–22.
- Zankin A.B. Kolleksiia graffiti na amfornoi tare iz raskopok v g. Kerchi. O.O. Parshina (Ed.). *Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Prichornomor'ĭ*. Kiiv: Stilos Publ., 2001, pp. 46–51.
- Zasetskaia I.P. Stekliannaia posuda nekropolia Bospora vtoroi poloviny IV – rubezha VI–VII vv. n. e.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

- (iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha). *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol'; Kerch', 2008, vol. XX, 224 p.
- Zeest I.B., Iakobson A.L. Raskopki v Kerchi v 1963 g. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1965, vol. 104, pp. 62–69.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie komplekсы poseleniia Oviny-I. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2007, vol. XIII, pp. 183–196.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Razvedki A. V. Gadlo na Kerchenskom poluostrove v 1962 g. (v svete sovremennykh arkheologicheskikh dannykh). *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol'; Kerch', 2013, vol. XXVIII, pp. 435–453.
- Ivanina O.A. Steklianye braslety iz fondov Kerchenskogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Kerch', 2008, vol. II, pp. 61–86.
- Ivanina O.A., Kulikov A.V., Kholodkov V.N. Vizantiiskie monety VI–VII vv. v sobranii Kerchenskogo zapovednika (k istorii denezhnogo obrashcheniia v Tavrike v epokhu rannego srednevekov'ia). *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Kerch', 2006, vol. I (k 180-letiiu Kerchenskogo Muzeia Drevnostei), pp. 149–171.
- Ivanina O.A., Fedoseev N.F. O nekotorykh khristianskikh relikviiakh iz fondov Kerchenskogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 138–143.
- Izvlечение iz sochineniia Vil'gel'ma Geida: «Istoriia torgovli Vostoka v srednie veka», per. L.P. Kolli. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1915, № 52, pp. 68–185.
- Karsanov A.N. Krymskie alany. V. Kh. Tmenov (Ed.). *Alany i Kavkaz. Alanica II*. Vladikavkaz; Tskhinval: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh issledovaniy Press., 1992, pp. 152–176.
- Kovalevskii M.M. K rannei istorii Azova. Venetsianskaia i genuezskaia kolonii v Tane v XIV veke. *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove, 1902 g.* Moscow: G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1905, vol. II, pp. 109–174.
- Kolpakova N.Ia. Evoliutsiia ikonografichnikh tipiv zobrazhennia sv. Georgiia u mistetstvi Vizantiï. *Narodoznavchi zoshiti*. L'viv, 2013, Seriia mistetstvovoznavcha, № 6 (114), pp. 1121–1130.
- Kolpakova N.Ia. Obraz sv. Georgiia u mistetstvi Vizantiï. *Narodoznavchi zoshiti*. L'viv, 2014, Seriia mistetstvovoznavcha, № 5 (119), pp. 936–945.
- Kondakov N.P. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda*. Sankt-Peterburg: Glavnoe upravlenie udelov Press, 1896, vol. 1, 214 p.
- Konovalova I.G. Naselenie gorodov Severnogo Prichernomor'ia v XII–XIV vv. (po arabskim istochnikam). *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Drevniaia Rus' v sisteme etnopoliticheskikh i kul'turnykh svyazi. Chteniia pamiati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto*. Moskva 18–20 aprelia 1994 g. Moscow, 1994, pp. 19–21.
- Konovalova I.G. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII–XIV vv.: tekst, perevod, kommentarii*. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 2009 (Drevneishie istochniki po istorii Vostochnoi Evropy), 223 p.
- Konstantin Bagrianorodnyi. *Ob upravlenii imperiei (tekst, perevod, kommentarii)*, pod red. G.G. Litavrina, A.P. Novosel'tseva. Moscow: Nauka Publ., 1989, 496 p.
- Korpusova V.N. Nekropol' u s. Zolotoe. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1971, vol. 128, pp. 86–92.
- Korpusova V.N., Orlov R.S. Raskopki nekropolia sel'skogo poseleniia evropeiskoi chasti Bospora B.A. Rybakov (Ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1970 goda*. Moscow: Nauka Publ., 1972, pp. 266–267.
- Korpusova V.N., Orlov R.S., Gershkovich Ia.P. Raboty u s. Zolotoe. B.A. Rybakov (Ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 goda*. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 291–293.
- Korpusova V.N. *Nekropol' Zolotoe (k etnokul'turnoi istorii evropeiskogo Bospora)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1983, 184 p.
- Korpusova V.M. Pro kolektsiiu seredn'ovichnikh tkanin z nekropoliu Zolote. *Arkheologiya*, 1995, № 1, pp. 144–148.
- Korpusova V.M. Simvolika pokhval'nogo inventaria khristians'kogo naselennia Krimu (za materialami

Боспорские исследования, вып. XXXV

- nekropolia XIII–XIV st. Zolote, Krim). *Muzeini chitannia: Materiali naukoivoi konferentsii, 24 grudnia 1999 r., m. Kiiv*. Kiiv, 2000, pp. 156–161.
- Korpusova V.M., Bredis N.Iu. Do pitannia pokhodzhennia arkeologichnogo tekstiliu XIII–XIV st. z nekropoliu Zolote (Krim). *Arkheometriia ta okhorona istoriko-kul'turnoi spadshchini*. Kiev, 2000, vol. 4, pp. 66–70.
- Korpusova V.N. Ob odnoi osobennosti khristianskogo pogrebal'nogo obriada srednevekovogo naseleniia Vostochnogo Kryma. *Surozh, Sugdeia, Soldaiia v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. Materialy nauchnoi konferentsii (16–22 sentiabria 2002 g.)*. Kiev; Sudak, 2002a, pp. 132–137.
- Korpusova V.M. Pokhoval'no-vivtarni pliti v istorii khristians'kogo pokhoval'nogo obriadu Krimu (Za materialami nekropoliv Zolote, Osovini. XIII–XIV st.). *Muzeini chitannia. Materiali naukoivoi konferentsii, grudn' 2001 r.* Kiiv, 2002b, pp. 207–221.
- Kramarovskii M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII–XV vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2003, vol. X, pp. 506–532.
- Kropotkin V.V. Iz istorii srednevekovogo Kryma. *Sovetskaia arkheologiia*, 1958, vol. XXVIII, pp. 198–218.
- Kruglikova I.T. *Sel'skoe khoziaistvo Bospora*. Moscow: Nauka Publ., 1975, 300 p.
- Kulakovskii Iu.A. Khristianstvo u alan. *Vizantiiskii vremennik*, 1898, vol. V, Vyp. 1–2, pp. 1–18.
- Kulakovskii Iu.A. *Proshloe Tavridy. Kratkii istoricheskii ocherk*. Kiev: Tipo-litografiia Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K° Publ., 1906, 141 p.
- Kulakovskii Iu.A. Kerch' i ee khristianskie pamiatniki. *N.N. Glubokovskii (Ed.). Pravoslavnaia bogoslovskaia entsiklopediia: v 12 t.* Sankt-Peterburg: Sibirskoe aktsionernoie obshchestvo pechatnogo i pishebumazhnogo dela v Rossii Press., 1908, vol. IX: Karmelity – Kovn', pp. 535–543.
- Kulakovskii Iu.A. *Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii*, Sost., vstup. st., komment., karta: S.M. Perevalov. Sankt-Peterburg: Aleteiia Publ., 2000, 318 p. (Vizantiiskaia biblioteka. Issledovaniia).
- Kulikov A.V., Ivanina O.A. Ob odnom skul'pturnom portrete Kerchenskogo lapidariia. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Kerch', 2008, vol. II, pp. 44–50.
- Lazarev V.N. Novyi pamiatnik stankovoi zhivopisi XII v. i obraz Georgiia-voina v vizantiiskom i drevnerusskom iskusstve. *Vizantiiskii vremennik*, 1953, vol. VI, pp. 186–222.
- Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Akademiia nauk Press., 1896, 143 p.
- Mavrina O.S. Vzaemovidnosini cherkesiv z Krims'kim khanstvom u period pizn'ogo seredn'ovichchia. *Skhodoznavstvo*. Kiiv, 2007, № 37, pp. 71–79.
- Maiko V.V. Kochevnicheskie elementy gorodskoi kul'tury Sugdei X–XI vv. Moda ili neodnorodnost' etnosa. *Starodavnii Iskorosten' i slov'ians'ki gradi*. Korosten', 2008, vol. II, pp. 20–28.
- Maiko V.V. Sugdeia vtoroi poloviny X – XI v. mezhdu Vizantiei i Tmutarakan'iu. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*. Ekaterinburg, 2009, vol. 39, pp. 272–288.
- Maiko V.V. Tavrika VIII–XI vv. mezhdu Vizantiei, Khazariei i Rus'iu. *Arkheologiia i davnii istoriia Ukraïni*. Kiiv, 2010a, vol. 1, pp. 266–272.
- Maiko V.V. Tmutarakan' i Vostochnyi Krym. Osnovnye etapy etnokul'turnykh sviazei. *Ruthenica*. Kiiv, 2010b, vol. IX, pp. 37–48.
- Makarova T.I. Arkheologicheskie dannye dlia datirovki tserkvi Ioanna Predtechii v Kerchi. *Sovetskaia arkheologiia*, 1982, № 4, pp. 91–106.
- Makarova T.I. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 1998, vol. VI, pp. 344–393.
- Makarova T.I. Bospor-Korchev. *S.A. Pletneva, T.I. Makarova (Ed.). Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka*. Moscow: Nauka Publ., 2003 (Arkheologiia), pp. 68–73.
- Mal'gin A.V. Iz naslediia A. L. Bert'e-Delagarda. *Krymskii muzei*. Simferopol', 1995, № 1/94 god, pp. 151–169.
- Marti Iu.Iu. *Putevoditel' po kerchenskimi drevnostiam*. Kerch': 4-ia Gostipografiia Krympoligrafrestra, 1926, 60 p.
- Maslennikov A.A. K istorii naseleniia khory Evropeiskogo Bospora v I v. do n. e. *Sovetskaia arkheologiia*, 1980, № 4, pp. 65–74.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Каменная икона ...

- Memuary Pavla Iukina. 40 let moei raboty, publ. i komment. I.L. Kyzlasovoi. *Iu.A. Mitsik (Ed.). Sofiia Kiivs'ka: Vizantiia, Rus', Ukraïna*. Kiïv, 2013, vol. III: zbirka naukovikh prats', prisviachena 150-littiu z dnia narodzhennia Egora Kuz'micha Redina (1863–1908), pp. 345–370.
- Mikhailova M.B. Krepost' Kerch' – pamiatnik srednevekovoi fortifikatsii i iadro russkogo goroda perioda klassitsizma. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. Moscow, 2012, № 56, pp. 113–128.
- Mneva N.E. Novgorodskaia shkola XIII–nachala XVI veka. Antonova V.I., Mneva N.E. *Katalog Drevnerusskoi zhivopisi XI – nachala XVIII vv.: Opyt istoriko-khudozhestvennoi klassifikatsii*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1863, vol. 1: XI – nachalo XVI veka, pp. 83–180.
- Murzakevich N.N. *Istoriia genuezskikh poselenii v Krymu*. Odessa: Gorodskaia tipografiia, 1837, 91 p.
- Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol': Universum Publ., 2009, 528 p.
- Myts V.L. «Krymskii pokhod» Timura v 1395 g.: istoriograficheskii konfuz, ili arkheologiiia protiv istoriograficheskoi traditsii. S.G. Bocharov, A.G. Sidikov (Ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda*. Kazan'; Simferopol'; Kishinev: Stratum Rlus Publ., 2015 (Arkheologicheskie istochniki Vostochnoi Evropy), pp. 99–124.
- Nasledie vizantiiskogo Khersona*, T. Iashaeva, E. Denisova, N. Gin'kut, V. Zaleskaia, D. Zhuravlev; Nats. Zapovednik «Khersones Tavricheskii» i dr. Sevastopol': Teleskop Publ.; Ostin: IKA Tekhasskii universitet Press., 2011. 708 p.
- Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. K izucheniiu istoricheskoi topografii srednevekovoi Kerchi: vizantiiskaia kamennaia ikona iz «Novogo karantina». *Antichnaia drevnost' i srednie veka*. Ekaterinburg, 2015a, vol. 43, pp. 275–288.
- Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Ob odnoi zabytoi khristianskoi relikvii iz Kerchi: vizantiiskaia kamennaia ikona iz raiona «Novogo Karantina». *II Sviato-Vladimirskie chteniia. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 1000-letiiu predstavleniia sviatogo ravnoapostol'nogo kniazia Vladimira. Tezisy dokladov i soobshchenii*. Sevastopol', 2015b, pp. 39–40.
- Ozova F.A. Cherkeso-ital'ianskie istoricheskie persecheniia i paralleli. B.Kh. Bgazhnokov, V.A. Fomenko (Ed.). *Arkheologiiia i etnologiia Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov k 75-letiiu Ismaila Magomedovicha Chechenova*. Nal'chik, 2013, vol. 2, pp. 139–171.
- Orlov R.S. Issledovanie rannesrednevekovogo mogil'nika na Kerchenskom poluostrove. B.A. Rybakov (Ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda*. Moscow: Nauka Publ., 1972, pp. 389–390.
- Orlov R.S. Iz istorii sel'skogo naseleniia Kerchenskogo poluostrova v XIII–XIV vv. V.D. Baran (Ed.). *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1979, pp. 114–129.
- Pekarskaia L.V., Putsko V.G. Vizantiiskaia melkaia plastika iz arkheologicheskikh nakhodok na Ukraine. P.P. Tolochko (Ed.). *Iuzhnaia Rus' i Vizantiia: sb. nauch. tr. (k XVIII kongressu vizantinistov)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1991, pp. 131–138.
- Pilipchuk Ia.V. Krim u polititsi Dzhuchidiv (kinets' XIII – tretia chetvert' XV st.). V. Smolii (Ed.). *Krim vid antichnosti do s'ogodennia: Istorichni studii*. Kiïv: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni Press., 2014, pp. 40–62.
- Pioro I.S. Goty-tetraksity ili goty-trapezity? N.N. Bondar' (Ed.). *Nekotorye voprosy arkheologii Ukrainy: Sb. st.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1977, pp. 66–74.
- Pletneva S.A. Gliniany riton iz Korcheva i bronzovaia lichina iz Tmutarakani. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1987, № 1, pp. 258–262.
- Pletneva S.A. *Polovtsy*. Moscow: Nauka Publ., 1990, 210 p.
- Polovets' V.M. Polovtsi i mongolo-tatari. *Siverians'kii litopis*. Chernigiv, 2012, № 1–2 (103–104), pp. 11–17.
- Ponomarev L.Iu. O naselenii Kerchenskogo poluostrova vo vtoroi polovine X – XIII vv. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture. Materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (12–16 sentiabria 2004 g.)*. Kiev; Sudak, Ch. II, pp. 164–169.
- Ponomarev L.Iu. K arkheologicheskoi karte srednevekovykh pamiatnikov vostochnoi okonechnosti Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskije issledovaniia*. Simferopol'; Kerch', 2009, vol. XXI, pp. 490–520.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Ponomarev L.Iu. Stepi Kerchenskogo poluostrova vo vtoroi polovine X – XIII vv. (po materialam arkheologicheskikh issledovaniu). *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kerch', 2013, pp. 384–391.
- Ponomar'ov D.Iu., Nikitaev A.V. Osobennosti povrezhdeniia kostei skeleta naseleniia genuezskoi kolonii XIII–XIV vv. gorodishcha Mirmekii. *Sudova-medichna ekspertiza*. Kiev, 2014, № 1, pp. 49–53.
- Popov G.V. Vizantiiskie freski vtoroi poloviny XIV v. v Kerchi (Krym). *Bulgaria Pontico. Medii Aevi II, Nessebre: 26–30 mai 1982*. Sofia, 1988, vol. II, pp. 547–569.
- Popov G.V. Dva fragmenta rospisi tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. A.I. Komech, O.E. Etingof (Ed.). *Drevnerusskoe iskusstvo. Balkany. Rus'*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1995, pp. 117–126.
- Putsko V.G. Mariupol'skii rel'ef sv. Georgiia. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*. Beograd, 1971, vol. XIII, pp. 313–331.
- Putsko V.G. Vizantiiskaia dereviannaia skul'ptura. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*. Beograd, 2014, vol. LI, pp. 93–109.
- Rubruk G. Puteshestvie v vostochnye strany. N.P. Shastina (Ed.). *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka*. Moscow: Geograf. Lit. Publ., 1957, pp. 84–194.
- Sidorenko V.A. Mednaia chekanka vizantiiskogo Bospora (590–668 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2003, vol. X, pp. 355–392.
- Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo XIII–XV vv.* Moscow: Veche Publ., 2011, 336 p.
- Stepanenko V.P. Obraz sviatogo Georgiia-vsadnika v vizantiiskoi i drevnerusskoi sfragistike domongol'skogo perioda. *Problemy istorii Rossii*. Ekaterinburg, 2000, vol. 3, pp. 106–117.
- Stepanenko V.P. K ikonografii freski «Treh vsadnikov» pod Eski-Kermenom. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2003, vol. X, pp. 452–457.
- Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy*. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskaia Akademiia nauk Press., 1884, vol. I: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh, 563 p.
- Fedoseev N.F., Ponomarev L.Iu. Sklep № 6 na Kyzaul'skom nekropole. *Drevnosti Bospora*. Moscow, 2012, vol. 16, pp. 491–525.
- Fomenko I.K. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII – XVII v.* Moscow: Indrik Publ., 2011, 424 p.
- Kharko L.P. Monety iz raskopok Tiritaki i Mirmekii v 1935–1938 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, № 25 (Bosporskie goroda. I. Itogi arkheologicheskikh issledovaniu Tiritaki i Mirmekii v 1935–1940 gg.), pp. 357–362.
- Chentsova V.G. Materialy k istorii Khersona v srednie veka. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 1996, vol. V, pp. 171–184.
- Chkhaidze V.N. Voennaia organizatsiia kochevnikov Kryma v XII–XIV vekakh. S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov (Ed.). «Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy» *Materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova*. Kazan'; Ialta; Kishinev, 2016, pp. 302–304.
- Iakubovskii A.Iu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziiskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nach. XIII v. (Cherty iz torgovoi zhizni polovetskikh stepei). *Vizantiiskii vremennik*, 1928, vol. 25, pp. 53–76.
- Iashchurzhinskii Kh.P. Kerchenske drevnosti. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1890, № 10, pp. 113–119.

Резюме

Статья посвящена барельефной каменной иконе, которая была обнаружена в 1895 г. на северном берегу Керченского залива, в районе античного городища Мирмекий. По мнению Н. П. Кондакова, она была изготовлена в генозскую эпоху, то есть не ранее XIV в. В это время на месте городища Мирмекий располагался населенный пункт Пондико, упоминающийся на средневековых компасных картах конца XIII–XVII вв. В процессе раскопок на городище были обнаружены участки оборонительной стены, рва и донжона. Внутри крепости и за ее пределами исследованы несколько каменных домов, две полуземлянки и другие объекты инфраструктуры поселения. Датируются они концом XIII – XV вв. В юго-западной части городища выявлен христианский некрополь XIII–XIV вв. Недалеко от него могла быть возведена церковь, которой, возможно, и принадлежала найденная в 1895 г. каменная храмовая икона.

Ключевые слова: Керчь, Боспор, каменная икона, городище Мирмекий, Пондико.

Summary

The article is devoted bas-relief stone icon, which was discovered in 1895 on the north shore of the Gulf of Kerch, near the ancient settlement Mirmekiy. According to N. P. Kondakov, it was made in the Genoese era, that is, not before the XIV century. At this time, on the site of ancient settlement located Mirmekiy town Pondiko mentioned on medieval maps compass end of XIII–XVII centuries. In the course of excavations at the ancient settlement were discovered portions of the defensive wall, a moat and a dungeon. Inside the fortress and outside investigated several stone houses, two huts and other facilities of settlement infrastructure. They date back to the end of the XIII–XV centuries. In the southwestern part of the settlement revealed christian necropolis XIII–XIV centuries. Not far from the church could be built, which may have belonged to and found in 1895, a stone church icon.

Keywords: Kerch, Bosphorus, rock icon, Mirmeky, Pondiko.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Науменко Валерий Евгеньевич, к.и.н.,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
старший научный сотрудник.
byzance@rambler.ru

Пономарев Леонид Юрьевич,
Центр археологических исследований Фонда «Деметра»,
научный сотрудник.
info@bfdemetra.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Naumenko Valerij Evgen'evich, CSc.,
Crimean Federal University Research Center
of History and Archaeology of the Crimea,
senior Researcher.
byzance@rambler.ru

Ponomarev Leonid Iur'evich,
Center for Archaeological Research
of the Foundation «Demetra»,
junior Researcher.
info@bfdemetra.org

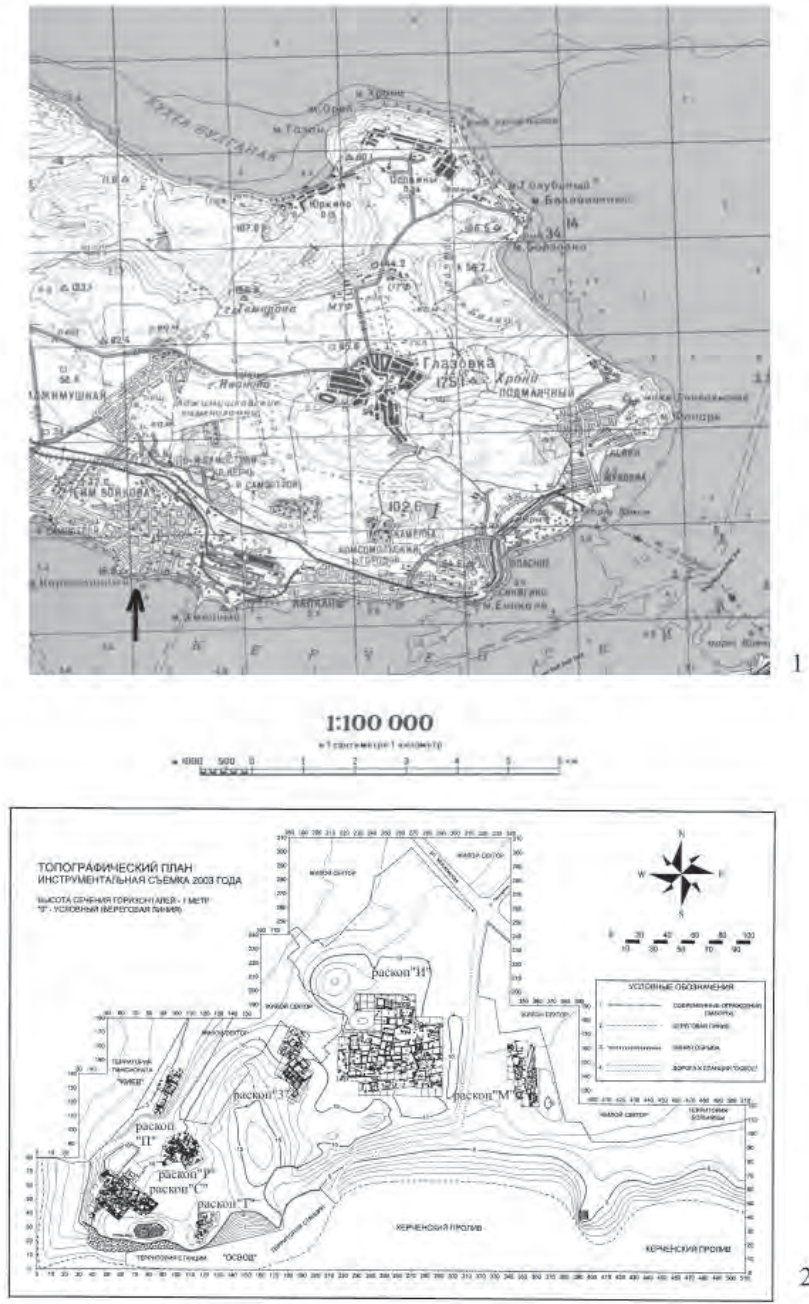

Рис. 1 – топографическая карта северо-восточной оконечности Керченского полуострова с обозначением места находки иконы; 2 – топографический план городища Мирмекий (инструментальная съемка 2000 г.).

1

2

Рис. 2. 1 – икона (фотография по Кондаков, 1896);
2 – церковь Благовещения Пресвятой Богородицы и святителя Николая Чудотворца.

ПУБЛИКАЦИИ

О.Ю. СОКОЛОВА

O.YU. SOKOLOVA

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА ИЗ РАСКОПОК НИМФЕЯ В КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА¹ BRONZE MIRRORS FROM NYMPHAION 'S EXCAVATION IN A COLLECTION STATE HERMITAGE

В коллекции из раскопок боспорского города Нимфея, которая хранится в Государственном Эрмитаже, представлена довольно значительная группа изделий из бронзы. Среди них следует выделить 14 экземпляров бронзовых зеркал, которые происходят из раскопок как на территории городища с 1939 по 1991 г., так и преимущественно нимфейского некрополя, которые проводились в 1876–1880 и 1973–1978 гг. По мнению исследователей, первые зеркала с ручками появились в период Среднего царства в Египте и в дальнейшем получают широкое распространение в Средиземноморье – на Крите, Кипре, а в начале VI в. до н.э. появляются в Греции [Билимович, 1976, с. 33]. Греки приписывали изобретение зеркал Гефесту [Procl. In Plat. Tim I, 142, 26; II, 80, 20]. Кроме утилитарного назначения, зеркала играли важную роль в религиозных культурах разных народов, для гадания, им приписывали волшебную силу [Скуднова, 1962, с. 6–7; Коробкова, 2003]. Греки использовали зеркала во время предсказаний в святилище Деметры в Патрах [Paus. VII, 21, 12], а в аргивском Герайоне были найдены миниатюрные зеркала, которые использовались в качестве вотивов [Oberländer, 1967, S. 237–244 N 363–378]. В связи с этим следует отметить находку трех нимфейских зеркал в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры (ГЭ, инв. № НФ.39.555, НФ.39.571, НФ.39.608) [Худяк, 1952, с. 264, 266] и одного зеркала – в «фависсе» этого здания (ГЭ, инв. № НФ.41.93) [Худяк, 1952, с. 263–264. рис. 24, верх].

Судя по изображениям на различных изделиях, зеркала являлись атрибутом божеств, в частности, скифской верховной богини, атрибутом божественной власти [Хазанов, 1971, с. 93; Высотская, 1994, с. 119]. Помимо этого, зеркала выполняли роль оберегов, апотропеев и не только при жизни, но и после смерти, о чем свидетельствуют их находки в погребениях. Особо следует отметить случаи, когда зеркала клали в могилу разбитыми [Соломоник, 1983, с. 91; Скрипкин, 1990, с. 90; Фиалко, 2011, с. 81–85; Вагнер, 2012, с. 173–174].

По находкам в Греции исследователи выделяют три основных типа зеркал: зер-

---

¹ В данной работе дается общая характеристика коллекции зеркал из раскопок Нимфея, которые хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, по типологическим признакам, без проведения спектрального и химического анализов.

Соколова О.Ю. Бронзовые зеркала ...

кала на подставках; зеркала с ручками, которые делятся на класс плоских зеркал и класс зеркал со стержнем для насаживания ручки; зеркала с крышками [Билимович, 1976, с. 33]. В отличие от эллипсоидных египетских зеркал греческие были круглыми с плоскими или слегка выпуклыми дисками. При их изготовлении использовалась преимущественно бронза, но по археологическим находкам и письменным источникам известно, что зеркала могли быть из золота и серебра [Билимович, 1976, с. 33, 54 прим. 14; Скржинская, 1984, с. 106–107], а ручки – цельнолитые с диском, а также из дерева или кости.

В монографии Т.М. Кузнецовой [2002; 2010] дается обзор публикаций зеркал с обширной территории, в которых отражено все многообразие подхода к классификации данной группы материала [Кузнецова, 2002, с. 11–16], а также предлагается классификация зеркал из раскопок памятников степной и лесостепной зон Северного Причерноморья с привлечением аналогий с территории от Карпато-Балканского региона до Саяно-Алтая. Все зеркала разделены на 2 класса – односоставные и сложносоставные. В зависимости от наличия и расположения ручки относительно диска зеркала распределяются по отделам. А во II классе по материалу, из которого изготовлены ручки, выделяется 5 групп и в 6 группу входят зеркала с утраченными ручками [Кузнецова, 2002, с. 32].

Зеркала из нимфейской коллекции можно разбить на два основных типа: зеркала с ручками и дисковидные зеркала (без ручек). Первый тип зеркал делится на три группы: 1. зеркала со стержнем для насадки ручки; 2. зеркала с приклепанной ручкой; 3. зеркала с ручкой-петелькой. Отсутствие ручек у нимфейских зеркал первого типа затрудняет поиск аналогий для них и соотнесение их с разработанными классификациями.

Зеркала со стержнем для насадки ручки были обычно литыми, при этом диск отливался вместе со стержнем, а насаживаемая ручка изготавливалась из дерева или кости. В нимфейской коллекции представлено два зеркала этого типа. Одно из них (ГЭ, инв. № ННФ.76.223 – табл. 1,1) найдено в женском погребении вместе с амфориском, датируемым концом VI – началом V вв. до н.э. [Грач, 1999, с. 98–99], и хисосским кубком второй половины VI в. до н.э. [Буйских, 2013, с. 174, № 10.142, рис. 169]. Следует отметить, что бронзовый стержень у этого зеркала в процессе эксплуатации был обломан и вместо него с обратной стороны припаян железный, который прикрывает бронзовая пластинка в виде листа плюща. Выступ для стержня украшен рельефной пальметкой [ср. Билимович, 1976, с. № 29]. Подобные зеркала исследователи относят к группе «рельефных» аттических зеркал с «Y-образным» выступом под диском [Oberländer, 1967, S. 128–149; Кузнецова, 2010, с. 42, с. 53, табл. 32 № 361-a].

Второе зеркало (ГЭ, инв. № ГК/Н.95 – табл. 1,2) было обнаружено в 1876 г. при раскопках гробницы в кургане 24. Погребальный инвентарь из этого захоронения разнообразен и представлен золотыми украшениями и нашивными бляшками, чернолаковыми и краснофигурными вазами, бронзовыми и серебряными сосудами,

Боспорские исследования, вып. XXXV

бронзовым канделябром, украшенным фигуркой атлета, большим количеством оружия [Силантьева, 1959, с. 56–71, 104–105]. В целом, весь набор инвентаря относится ко второй четверти – середине V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 66, 105].

Выступ с четырехгранным штифтом у зеркала из кургана 24 украшен резными волютами, соединенными семилепестковой пальметткой, а по краю диска – изображениями животных: на одной стороне – львы, собаки, пантера (?); на другой – львы, собаки, грифон (?). Данное зеркало по форме относится к подгруппе зеркал «с волютообразными выступами под диском и стержнем для насадки ручки» группы аттических «рельефных» зеркал [Oberländer, 1967, S. 128–149; ср. Кузнецова, 2010, с. 41 рис. 13, с. 49–50, 52 табл. 28–29, 31], время существования которых V в. до н.э.

Аналогиями нимфейскому экземпляру могут служить ещё два зеркала эрмитажного собрания – из раскопок на Митридате в Керчи [Билимович, 1976, с. 41–42, рис. 8, с. 44, 61 кат. 29] и зеркало из VI Семибратнего кургана [Билимович, 1976, с. 41–42, рис. 9, с. 44, 61 кат. 30]. По мнению З.А. Билимович, эти зеркала могли быть изготовлены в северопричерноморской мастерской по греческому образцу [Билимович, 1974, с. 44].

Следующая группа включает **зеркала с приклепанной ручкой**. Диски для этих зеркал отливались отдельно, затем у края просверливались отверстия, где при помощи заклепок крепилась ручка, которая могла быть изготовлена из бронзы, железа, дерева или кости. Среди них выделяются два вида зеркал – **с плоским диском и с диском с бортиком**.

К первому виду относятся два зеркала из нимфейской коллекции, которые имеют слегка выгнутые диски с точечным орнаментом вдоль края. Сохранившиеся отверстия у края одного из зеркал фиксируют место крепления ручки при помощи заклепок (ГЭ, инв. № ГК/Н.44 – табл. 1,3). Это зеркало было найдено в богатом воинском захоронении со скифскими чертами погребального обряда, которое датируется второй половиной V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 71–78; с. 72 рис. 39.1; с. 105–106]. У второго зеркала с точечным орнаментом (ГЭ, инв. № НФ.39.608 – табл. 1,4) сильно обломаны края, поэтому следов крепления ручки не зафиксировано. Найдено оно в святилище Деметры, в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. [Худяк, 1952, с. 266].

Точечный орнамент по краю диска отмечен на некоторых цельнолитых односоставных зеркалах, которые получили название «пелопонесских», так как первоначально в большом количестве были найдены на Пелопоннесе. Они имели широкое распространение в Греции и на островах в VI–V вв. до н.э. [Oberländer, 1967, S. 238–243 N 366–389; Билимович, 1976, с. 41–42]. Аналогичные по форме зеркала известны и в Северном Причерноморье, в частности в некрополе Ольвии [Билимович, 1976, с. 41–42]. Зеркала из степной и лесостепной зон Северного Причерноморья выделены Кузнецовой Т.М. в V тип II отдела I класса [Кузнецова, 1987, с. 38, рис. 3; Кузнецова, 2002. Табл. 39.45–46]. В классе сложносоставных зеркал пуансонный орнамент по краю отмечен для зеркал X типа I группы II от-

Соколова О.Ю. Бронзовые зеркала ...

дела с плоским без бортика диском, которые встречаются в комплексах IV–III вв. до н.э. [Кузнецова, 1987, с. 39-40, рис. 4 часть 1; с. 45 табл. 1; ср. Кузнецова, 2010, с. 142 рис. 25, с. 179 рис. 29, табл. 138–140, 142–144].

Возможно, еще два зеркала нимфейской коллекции следует отнести к группе зеркал с боковыми ручками. Два зеркала (ГЭ, инв. № НФ.39.555 и ННФ.77.165 – табл. 1,5–6) имеют круглый слегка выгнутый диск, при этом у второго экземпляра край с небольшим утолщением. Зеркала были найдены в обломках, на которых не сохранилось даже следов крепления ручки к диску, что, к сожалению, не позволяет однозначно определить тип изделий – были это цельнолитые изделия или с приклепанными ручками. По сопровождающему инвентарю оба зеркала датируются V в. до н.э. [Худяк, 1952, с. 266; Грач. 1999, с. 96 № 4].

Ко второму виду зеркал с приклепанной ручкой в нимфейской коллекции относится **зеркало с бортиком** из фависсы в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры (ГЭ, инв. № НФ.41.93 – табл. 1,7). Исследователи отмечают, что тип зеркал с бортиком и боковой ручкой был создан ольвийскими мастерами в соответствии со вкусами внешнего рынка [Скржинская, 1984, с. 115]. Появляются эти зеркала не ранее второй половины VI в. до н.э., получив в литературе название «ольвийские» или «скифские» [Скуднава, 1962; Кузнецова, 2010, с. 239]. Для этих зеркал применялся особый прием крепления ручки к диску, при этом ручки украшались фигурками животных. Ручки с фигурками животных отливались отдельно от диска. У диска удалялась часть бортика, и на это место припаивался полукруглый выступ, оформляющий верхнюю часть ручки [Скржинская, 1984, с. 116].

Т.М. Кузнецова, проанализировав находки подобных зеркал на обширной территории, отмечает, что они фиксируют направления, которые известны как «священные пути» греков [Кузнецова, 2002, с. 219], а ареал их распространения свидетельствует об их связи с античным миром, а не со скифами [Кузнецова, 2002, с. 208]. Автор предлагает называть подобные изделия «зеркалами – <патерами>» [Кузнецова, 2002, с. 208], отмечая, что данная форма, возможно, является прототипом для античных патер более позднего периода [Кузнецова, 2002, с. 208, 219; Кузнецова, 2010, с. 7–8]. Отмечено, что часть подобных изделий является продукцией северопричерноморских мастеров [Кузнецова, 2002, с. 241].

Последняя группа зеркал I типа, представленная в нимфейской коллекции, – **зеркала с ручкой-петелькой**. Это два миниатюрных зеркала с валиком по краю, рельефным орнаментом и ручкой-петелькой (ГЭ, инв. №№ ННФ.74.375, ННФ.74.401 – табл. 1,8–9) из раскопок некрополя и небольшой фрагмент аналогичного зеркала, найденный на городище (ГЭ, инв. № НФ.62.302 – табл. 1,10). Зеркала с боковой петелькой известны по находкам в Поволжье, на Кубани, в Крыму, на Украине и вплоть до Румынии [Соломоник, 1959, с. 36; Хазанов, 1963, с. 65]. Подобные изделия получили распространение в Северном Причерноморье начиная с I в. и далее во II–III вв. н.э. [Книпович, 1949, с. 57; Глухов, 2003, с. 94–95]. Появление их связано с притоком в этот регион сарматов. Разные специалисты занимались разработкой

типологии и классификации зеркал-подвесок, определением центров их производства [Хазанов, 1963. № 3, с. 65–66; Скрипкин, 1990; Глухов, 2003]. Одни полагают, что этот тип зеркал пришел из Сибири [Хазанов, 1963, с. 65], другие считают, что их производили на Кавказе и затем экспортировали в другие районы [Абрамова, 1971, с. 131; Барцева, 1971, с. 133–138].

Одно из нимфейских зеркал этой группы украшено солярным орнаментом в виде лучей, которые расходятся от окружности с небольшой выпуклостью в центре (ГЭ, инв. № ННФ.74.401 – табл. 1,8). Зеркала с похожим орнаментом известны по находкам в Танаисе [Книпович, 1949, с. 56, рис. 14а], Усть-Альминском некрополе [Высотская, 1994, с. 117–118, рис. 35.3], некрополе Неаполя Скифского [Драчук, 1975, табл. XVI, рис. 29, 30; Соломоник, 1959, с. 37–38, рис. VI, IV; Сымонович, 1983, с. 97, табл. XLII.16]. Нимфейское зеркало найдено в ограбленной катакомбе № 23, материал из которой датируется второй половиной I–III вв. до н.э. [Грач, 1999, с. 154].

У второго зеркала (ГЭ, инв. № ННФ.74.375 – табл. 1,9) поверхность повреждена, поэтому полностью рассмотреть орнамент не удастся: частично прослеживается небольшая окружность в центре, от которой расходятся лучи, часть которых завершается «гусиными лапками». Зеркала с орнаментом в виде «гусиных лапок», в том числе сочетающихся со свастикой, встречаются в Прикубанье [Соломоник, 1959, с. 145 сл., № 108–113; Драчук, 1975. Табл. XVIII.6, 7], Крыму [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 2.26; 8.92; Сымонович, 1983, с. 97, табл. XLII.10–11, 14–15, 17, 19, 21], Среднем Поднепровье [Драчук, 1975, табл. XVI.44, 48]. Нимфейское зеркало найдено в ограбленной катакомбе № 22, материал из которой датируется концом I–II вв. до н.э. [Грач, 1999, с. 118].

Еще один экземпляр в этой группе представлен обломком миниатюрного круглого зеркала с валиком по краю и частью рельефного орнамента в виде тамгообразных знаков (ГЭ, инв. №№ НФ.62.302 – табл. 1,10). Найден фрагмент при раскопках на городище в слое первых веков н.э. К сожалению, фрагмент очень небольшой по размерам и восстановить рисунок орнамента затруднительно. В целом, подобные зеркала с ручкой-петелькой были распространены в I–III вв. н.э.

Простые **дисковидные зеркала без ручек** представлены в нимфейской коллекции двумя экземплярами. Одно из зеркал, диаметром 9,1 см (ГЭ, инв. № НФ.39.571 – табл. 1,11), было найдено в святилище Деметры, в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. [Худяк, 1952, с. 266].

Второе, диаметром 8,5 см (ГЭ, инв. № ННФ.76.190 – табл. 1,12), происходит из разрушенного погребения А-122 нимфейского некрополя [Грач, 1999, с. 66; с. 230 табл. 66.2]. В заполнении могилы вместе с зеркалом найдены: фрагментированная «смычковая» фибула², 4 лигнитовые бусины [тип 27а – Алексеева, 1978, с. 14,

² Ареал распространения «смычковых» фибул Крым, единично – нижний Днепр и Кубань. Датируются они временем с конца I – начала II вв. н.э. и по II–III вв. н.э. – Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д 1–30. 1966. С. 47.

Соколова О.Ю. Бронзовые зеркала ...

табл. 20.41] и стреловидная подвеска [тип 84 – Алексеева, 1978, с. 18, табл. 22.1-5], фрагмент стеклянной глазчатой бусины и железный гвоздь, что позволяет датировать данное погребение II–III вв. н.э.

Дисковидные зеркала являются довольно распространенным типом. Они встречаются в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья в материалах из раскопок памятников IV–III вв. до н.э. Кузнецова Т.М. отнесла их к III отделу I класса – односоставные зеркала с плоским диском без бортика и без ручек [Кузнецова, 1987, с. 38–39, рис. 3].

В сарматских памятниках простые дисковидные зеркала без ручек известны на протяжении длительного времени. Хазанов А.М., выделяя эти зеркала в VI группу, отмечает, что на территории распространения сарматской культуры эти зеркала появляются в конце III в. до н.э. и получают наибольшее развитие в I в. до н.э. – I в. н.э. [Хазанов, 1963, с. 58, 59 рис. 1; с. 62]. Мошкова М.Г. связывает их происхождение с савроматскими зеркалами [Мошкова, 1963, с. 41]. По классификации Скрипкина А.С. дисковидные зеркала без ручек относятся к типу 1.0, для которого выделяются два варианта в зависимости от диаметра диска: с диаметром 50–90 мм – вариант 1 [Скрипкин, 1990, с. 93, 261 рис. 34.1–7], а с диаметром 100–240 мм – вариант 2 [Скрипкин, 1990, с. 93, 261 рис. 34.8–10].

В катакомбе № 26 (ГЭ, инв. № ННФ.74.513 – табл. 1,14) и в склепе № А-77 (пол. № НН.76.229 – табл. 1,13) были найдены фрагменты зеркал с плоским диском и гладким краем, сохранность которых затрудняет отнесение их к какому-либо определенному типу. Каменный склеп № А-77 был ограблен и содержал разновременный материал от III в. до н.э. до I в. н.э., среди которого и были обнаружены фрагменты от плоского диска бронзового зеркала [Грач, 1999, с. 55 № 23]. В катакомбе № 26 зеркало обнаружено среди погребального инвентаря на северной лежанке (погребение II). Краснолаковый малоазиатский кувшин I в. н.э. и стеклянный кубок, датируемый серединой I в. н.э. – серединой II в. н.э., позволяют отнести зеркало к изделиям второй половины I–II вв. н.э. [Грач, 1999, с. 168, с. 307 табл. 175.29; Жижина, 1997, с. 154].

Таким образом, бронзовые зеркала небольшой, но разнообразной коллекции из раскопок Нимфея, хранящейся в Государственном Эрмитаже, относятся к двум хронологическим группам – конец VI – начало IV вв. до н.э. и I–III вв. н.э. Среди них представлены два типа изделий: зеркала с ручками и дисковидные зеркала (без ручек). Наиболее многочисленны зеркала первого типа, среди которых выделяются три группы: зеркала со стержнем для насадки ручки; зеркала с приклепанной ручкой и зеркала с ручкой-петелькой. К сожалению, отсутствие самих ручек у нимфейских зеркал первого типа затрудняет поиск аналогий для них и сопоставление с разработанными классификациями зеркал для разных территорий. Подобные зеркала (с утраченными ручками) Кузнецова Т.М. выделяла в отдельный 6 тип [Кузнецова, 2010].

В целом, можно отметить наличие в коллекции изделий греческих мастеров (кат. 1) и зеркал, изготовленных северопричерноморскими мастерами по греческим

Боспорские исследования, вып. XXXV

образцам (кат. 2, 7). 4 экземпляра зеркал (кат. 8-10, 12) характерны для материалов из раскопок сарматских памятников, что позволяет говорить как о наличии торговых контактов Нимфея с сарматами, так и о возможном присутствии представителей сарматских племен среди жителей города. Следующим этапом работы, для уточнения вопросов происхождения и производства зеркал нимфейской коллекции, будет проведение спектрального и химического анализа этих изделий.

КАТАЛОГ

1. *Зеркало в виде круглого диска с рельефной пальметткой на Y-образном выступе и железным штифтом* (табл. 1,1).

Аттика. Конец VI – начало V вв. до н.э.

Дл. (общая) 19 см, дм. 14,8 см.

Бронза, железо. Пatina темно-зеленая с пятнами темно-коричневого цвета. Литое.

Склеено из 3 фрагментов. Зеркало и ручка покрыты взбугрившимися наростами.

Металл расслаивается.

Нимфей. Некрополь, погребение Г–4. Грач Н.Л. 1976 г.

Передано из Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа 1976 г.

Инв. № ННФ.76.223.

Зеркало в виде круглого плоского диска с утолщением по краю, с Y-образным выступом под диском и частью штифта для ручки. Бронзовый штифт был обломан, вместо него с оборотной стороны припаян железный, прикрытый бронзовой пластинкой в виде листа плюща. На лицевой стороне зеркала на выступе – изображение пальметтки.

Литература: Грач, 1999, с. 98–99, № 4; рис. 41,3; с. 279 табл. 140,7; Кузнецова, 2010, с. 53 табл. 32 № 361-а.

Аналогии: Oberländer, 1967. N 199, 203.

2. *Зеркало двустороннее, с резным орнаментом* (табл. 1,2).

Северное Причерноморье. Вторая четверть – середина V в. до н.э.

Дл. со штифтом 24,5 см, дм. 19,6 см, толщина края 0,6 см.

Бронза. Пatina темно-коричневая. Литое.

Поверхность местами повреждена.

Нимфей. Некрополь, курган 24, каменная гробница 19. Люценко А.Е. 1876.

Передано из археологической комиссии.

Инв. № ГК/Н.95.

Массивное плоское двустороннее зеркало с круглым диском, узкими бортиками с обеих сторон и выступом с четырехгранным штифтом. На выступе резьбой исполнены волюты, соединенные семилепестковой пальметткой. По краю диска резные изображения животных: на одной стороне – львы, собаки, пантера (?); на другой – львы, собаки, грифон (?). На штифте просверлены два круглых отверстия для крепления ручки. Нижняя часть округлых выступов сточена.

Соколова О.Ю. Бронзовые зеркала ...

Литература: ОАК за 1876 г. // с. XVIII; Ростовцев, 1925, с. 392; Силантьева, 1959. № 69, с. 66–67, рис. 36,1; с. 104, приложение № 113; Билимович, 1973, с. 44, 49 прим. 28; Билимович, 1976, с. 43, 65, с. 61 кат. 28; Древний город, 1999, с. 94 кат. 228; Кузнецова, 2010, с. 41, с. 290 № 142.

Аналогии: Билимович, 1976, с. 42, рис. 8–9, кат. 29, 30; Oberländer, 1967, N 206–209, 213; ср. Кузнецов, 2010, табл. 28, 31.

3. Зеркало с точечным орнаментом по краю (табл. 1,3).

Вторая половина V в. до н.э.

Дм. 14,8 см.

Бронза. Пatina темно-коричневая. Литое.

По краю часть диска утрачена, поверхность диска местами повреждена коррозией.

Нимфей. Некрополь, курган 17, каменная гробница 19. Люценко А.Е. 1876.

Передано из археологической комиссии.

Инв. № ГК/Н.44.

Зеркало с круглым, слегка выгнутым диском и ровным краем. На выпуклой стороне на расстоянии 0,5 см от края идет точечный орнамент, диаметр углублений 0,1 см. В месте крепления диска с ручкой край с изъёмом, сохранились два сквозных отверстия и часть третьего. Ручка утрачена.

Литература: Силантьева, 1959, с. 72, рис. 39,2; с. 106, приложение № 114; Кузнецова, 2010, с. 41, с. 215 табл. 142 № 141; 290 № 142.

Аналогии: ср. Билимович, 1973, с. 41, рис. 7; с. 60, кат. 16; с. 61 кат. 23.

4. Зеркало с точечным орнаментом по краю, фрагментированное (табл. 1,4).

Вторая половина V в. до н.э.

Дм. 14,0 см, толщина 0,05 см.

Бронза. Пatina оливкового цвета. Литое.

Значительная часть диска утрачена. Поверхность диска повреждена коррозией.

Нимфей. Святилище Деметры, здание второй половины V – начала IV вв. до н.э.

Худяк М.М. 1939 г.

Передано из археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1939 г.

Инв. № НФ.39.608.

Зеркало в виде гладкого, слегка выгнутого диска, с ровным краем, фрагментированное. На выпуклой стороне на расстоянии 0,7 см от края идет точечный орнамент, диаметр углублений 0,1 см.

Литература: Худяк, 1952, с. 266; Худяк, 1962, с. 50.

Аналогии: Билимович, 1973, с. 41, рис. 7; с. 60 кат. 16; с. 61 кат. 23; ср. Кузнецова, 2002, табл. 39, 45.

5. Зеркало с круглым диском, фрагментированное (табл. 1,5).

V в. до н.э.

Боспорские исследования, вып. XXXV

Дм. 13,9 см.

Бронза. Пatina коричневая.

В 6 фрагментах, часть диска утрачена. Поверхность повреждена.

Нимфей. Святилище Деметры, здание второй половины V – начала IV вв. до н.э.

Худяк М.М. 1939 г.

Передано из археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, 1939 г.

Инв. № НФ.39.555.

Зеркало с круглым, слегка выгнутым диском и ровным краем, фрагментированное.

Литература: Худяк, 1952, с. 266; Худяк, 1962, с. 50.

6. *Зеркало с круглым диском, фрагментированное* (табл. 1,6).

Последняя треть V в. до н.э.

Дм. 14,2 см, толщ. 0,1 см, толщ. края 0,2 см.

Бронза. Пatina черная.

В 18 фрагментах, часть диска утрачена. Поверхность повреждена.

Нимфей. Некрополь, погребение В–11. Грач Н.Л. 1977 г.

Передано из Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1977 г.

Инв. № ННФ.77.165.

Зеркало с круглым, слегка выгнутым диском, слегка утолщенным краем, фрагментированное.

Литература: Грач, 1999, с. 96 № 4, с. 276 табл. 137,4.

7. *Зеркало с бортиком – «патера»* (табл. 1,7).

V в. до н.э.

Дм. 18,7 см, высота бортика 0,7–0,9 см, диаметр отверстий 0,4 см.

Бронза. Пatina оливковая с коричневыми пятнами.

Трещины. Поверхность диска повреждена коррозией.

Нимфей. Святилище Деметры, фависса в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. Худяк М.М. 1941 г.

Передано из археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, 1941 г.

Инв. № НФ.41.93.

Зеркало в виде плоского круглого диска, с узким треугольным в сечении бортиком и с выемкой для крепления ручки. Ручка утрачена. По линии крепления ручки расположены четыре отверстия.

Литература: Худяк, 1952, с. 264, рис. 24, верх; Худяк, 1962, с. 49.

Аналогии: ср. Кузнецова, 2002, табл. 96–115, 116–118.

8. *Зеркало миниатюрное с рельефным орнаментом* (табл. 1,8).

Вторая половина I–II вв. н.э.

Дм. 4,1 см.

Соколова О.Ю. Бронзовые зеркала ...

Бронза. Патины коричневая.

Петлевидная ручка повреждена.

Нимфей. Некрополь, катакомба К-23. Грач Н.Л. 1974 г. Передано из Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа 1974 г.

Инв. № ННФ.74.401.

Зеркало миниатюрное с остатками петлевидной ручки и рельефным орнаментом на оборотной стороне: валик по краю, в центре небольшая выпуклость, вокруг которой прослеживается окружность и расходится лучевой орнамент.

Литература: Грач, 1999, с. 154 № 7.

Аналогии: Высотская, 1994, с. 118 рис. 35.3.

9. Зеркало миниатюрное с рельефным орнаментом, фрагментированное (табл. 1,9).

Конец I–II вв. н.э.

Дм. 4 см.

Бронза. Патины темно-оливкового цвета.

Склеено из 4 обломков. Часть диска отсутствует.

Нимфей. Некрополь, катакомба К-22. Грач Н.Л. 1974 г.

Передано из Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа 1974 г.

Инв. № ННФ.74.375.

Зеркало миниатюрное, фрагментированное, с валиком по краю и рельефным орнаментом: в центре размещена небольшая окружность, от которой отходят лучи, часть из них завершается «гусиными лапками». Поверхность зеркала повреждена, поэтому полностью рассмотреть орнамент не удастся.

Литература: Грач, 1999, с. 118 № 10; рис. 48.

Аналогии: ср. Соломоник, 1959, с. 148 № 114, 116.

10. Обломок маленького зеркала (табл. 1,10).

I–III вв. н.э.

Диам. 6,0 см, валик шир. 0,5 см.

Бронза. Патины темно-оливковая.

Фрагмент, трещины.

Нимфей. Скуднова В.М. 1962 г.

Передано из Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа 1962 г.

Инв. № НФ.62.302.

Обломок миниатюрного круглого зеркала. На оборотной стороне – валик по краю и рельефный орнамент в виде тамгообразных знаков.

Публикуется впервые.

Аналогии: ср. Соломоник, 1959, с. 145–146, с. 148 № 108.

11. Зеркало в виде тонкого диска, фрагментированное (табл. 1,11).

V в. до н.э.

Боспорские исследования, вып. XXXV

Дм. 9,1 см.

Бронза. Пatina коричневая.

Часть диска утрачена. Склеено из 7 обломков, смонтировано на пленке.

Нимфей. Святилище Деметры, здание второй половины V – начала IV вв. до н.э.

Худяк М.М. 1939 г.

Передано из археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1939 г.

Инв. № НФ.39.571.

Зеркало в виде тонкого плоского диска с ровным краем, фрагментированное.

Литература: Худяк, 1952, с. 266; Худяк, 1962, с. 50.

12. *Зеркало с круглым диском, фрагментированное* (табл. 1,12).

II–III вв. н.э.

Дм. 8,5 см.

Бронза. Пatina зеленая.

Склеено из 12 фрагментов, часть диска утрачена. Поверхность повреждена.

Нимфей. Некрополь, погребение А–122. Грач Н.Л. 1976 г.

Передано из Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1976 г.

Инв. № ННФ.76.190.

Зеркало в виде плоского диска с ровным краем, фрагментированное.

Литература: Грач, 1999, с. 66 № 1, с. 230 табл. 66,2.

13. *Фрагменты плоского зеркала* (табл. 1,13).

III в. до н.э. – I в. н.э.

Диаметр 8,0 см.

Бронза. Пatina оливкового цвета с коричневыми пятнами.

Три фрагмента, один склеен из двух обломков.

Нимфей. Некрополь, склеп А–77. Грач Н.Л. 1976 г.

Передано из Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа 1976 г.

Пол. № НН.76.229.

Фрагменты, возможно, от нескольких зеркал с плоским диском. Два фрагмента плоские с ровным гладким краем, третий – с ровным краем, слегка выгнутое к центру.

Литература: Грач, 1999, с. 55 № 23; с. 216 табл. 44,7.

14. *Фрагменты плоского зеркала* (табл. 1,14).

I–II вв. н.э.

Диаметр 9,0 см.

Бронза. Коричнево-зеленая пatina.

Нимфей. Некрополь, катакомба К–26, погребение II на северной лежанке.

Грач Н.Л. 1974 г.

Передано из Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа 1974 г.

Соколова О.Ю. Бронзовые зеркала ...

Инв. № ННФ.74.513.

Фрагменты круглого плоского зеркала.

Литература: Грач, 1999, с. 168 № 39; с. 307 табл. 175, 29.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века н.э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / под ред. Орешникова С.М. и др. Москва: Советская Россия, 1971. С. 121–132.
- Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д 1–30. 1966. 148 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г 1–12. 1978. 120 с.
- Барцева Т.Б.* Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / под ред. Орешникова С.М. и др. Москва: Советская Россия, 1971. – 265 с. С. 133–138.
- Билимович З.А.* Аттические зеркала в Северном Причерноморье // Памятники античного прикладного искусства / науч. ред. К.С. Горбунова. Ленинград: Аврора, 1973. С. 42–50.
- Билимович З.А.* Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. Т. XVII. 1976. С. 32–66.
- Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: Стародавній Світ, 2013. 456 с.
- Вагнер Е.В.* История изучения сарматских зеркал // Вестник Волгоградского университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. Вып. 1 (21). С. 168–176.
- Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Материалы по археологии Крыма. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. 208 с.
- Глухов А.А.* Типология и хронология зеркал среднесарматского времени // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2003. Вып. 6. С. 89–102.
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. Л.: Наука, 1999. 328 с.
- Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.
- Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб.: издательство Государственного Эрмитажа, 1999. 140 с.
- Жижина Н.К.* Комплекс гипсовых рельефов из земляного склепа некрополя Нимфея и вопросы реконструкции декора боспорских деревянных саркофагов римского времени // ТГЭ. 1997. Т. XXVIII. С. 149–166.
- Книпович Т.Н.* Танаис. Историко-археологическое исследование. Москва – Ленинград: издательство Академии наук СССР, 1949. 180 с.
- Коробкова Е.А.* О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2003. Вып. 6. С. 103–107.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение) // СА. 1987. № 1. С. 35–47.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. I. Москва: Индрик, 2002. 352 с.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. II. Москва: Таус, 2010. 426 с.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д 1–10.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 4–107.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: издательство Саратовского университета, 1990. 303 с.
- Скуднова В.М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 5–27.
- Скржинская М.В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья / отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1984. С. 105–129.
- Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1959. 184 с.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Соломоник Э.И. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые века н.э. / отв. ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 80–95.
- Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 176 с.
- Фиалко Е.Е. Зеркала в обрядах скифов // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 79–94.
- Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
- Худяк М.М. Раскопки святилища в Нимфее // СА. 1952. Т. 16. С. 232–281.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III веков до н.э. Л.: издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 65 с.: 25 л. ил.
- Oberländer P. Griechische Handspiegel. Hamburg, 1967.

REFERENCES

- Abramova M.P. Zerkala gornyx rayonov Severnogo Kavkaza v pervye veka n.e. *Oreshnikov S.M. etc. (Eds.). Istorija i kul'tura Vostochnoy Evropy po arheologicheskim dannym*. Moskva: Sovetskaya Rossiya Publ., 1971, pp. 121–132.
- Ambroz A.K. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR*. Svod arheologicheskikh istochnikov. Issue D 1-30. Moskva: Nayka Publ., 1966, 148 p.
- Alekseeva E.M. *Antichnuyе busy Severnogo Prichernomor'ya*. Svod arheologicheskikh istochnikov. Issue G 1–12, Moskva: Nayka Publ., 1978, 120 p.
- Bartseva T.B. Predvaritel'nye resyl'taty spektral'nogo izucheniya zerkal-podvesok. *Oreshnikov S.M. etc. (Eds.). Istorija i kul'tura Vostochnoy Evropy po arheologicheskim dannym*. Moskva: Sovetskaya Rossiya Publ., 1971, pp. 133–138.
- Bilimovich Z.A. Atticheskie zerkala v Severnom Prichernomor'e. *Gorbunova K.S. (Ed.). Pamyatniki antichnogo prikladnogo iskusstva*. Leningrad: Avrora Publ., 1973, pp. 42–50.
- Bilimovich Z.A. Grecheskie bronzovye zerkala ermitazhnogo sobraniya. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, vol. XVII, 1976, pp. 32–66.
- Buyskikh A.V. *Arkhaischeskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (vostichnogrecheskaya? lakonskaya, korinfskaya, imitatsii)*. Kiev: Starodavniy Svit, 2013, 456 p.
- Vagner E.V. Istorija izucheniya sarmatskikh zerkal. *Vestnik Volgogradskogo universiteta*. Seriya 4: Istorija. Religiovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012, vol. 1 (21), pp. 168–176.
- Vysotskaya T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. *Materialy po arkheologii Kryma*. Kiev: Kievskaya Akademiya Evrobiznesa Publ., 1994, 208 p.
- Glukhov A.A. Tipologiya i khronologiya zerkal srednesarmatskogo vremeni. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik*, Volgograd, 2003, vol. 6, pp. 89–102.
- Grach N.L. *Nekropol' Nimfeya*. Leningrad: Nauka Publ., 1999, 328 p.
- Drachuk V.S. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Tamgoobraznye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1975, 224 p.
- Drevnii gorod Nimfei*. Katalog vystavki. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 1999, 140 p.
- Zhizhina N.K. Kompleks gipsovykh rel'efov iz zemlyanogo sklepa nekropolya Nimfeya i voprosy rekonstruktsii bosporskikh derevyannykh sarkofagov rimskogo vremeni. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1997, vol. XXVIII, pp. 149–166.
- Knipovich T.N. *Tanais. Istoriko-archeologicheskoe issledovanie*. Moskva – Leningrad: Akademiya Nauk SSSR Publ., 1949, 180 p.
- Korobkova E.A. O semanticheskom znachenii zerkal v sarmatskoy kul'ture. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik*, Volgograd, 2003, vol. 6, pp. 103–107.
- Kuznetsova T.M. Zerkala iz skifskikh pamyatnikov VI–III vv. do n.e. (klassifikatsiya i khronologicheskoe raspredelenie). *Sovetskaya arkheologiya*, 1987, vol. 1, pp. 35–47.
- Kuznetsova T.M. *Zerkala Skifii VI–III vv. do n.e.* Vol. I. Moskva: Indrik Publ., 2002, 352 p.
- Kuznetsova T.M. *Zerkala Skifii VI–III vv. do n.e.* Vol. II. Moskva: Tausc Publ., 2010, 426 p.

Соколова О.Ю. Бронзовые зеркала ...

- Moshkova M.G. *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury*. Svod arheologicheskikh istochnikov. Issue. D 1-10. Moskva: Nayka Publ., 1963.
- Silant'eva L.F. Nekropol' Nimfeya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1959, vol. 69, pp. 4–107.
- Skripkin A.S. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt*. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 1990. 303 p.
- Skudnova V.M. Skifskie zerkala iz arkhaiskogo nekropolya Ol'vii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1962, vol. VII, pp. 5–27.
- Skrzhinskaya M.V. Zerkala arkhaiskogo perioda iz Ol'vii i Berezani. *Kryzhitskiy S. D. (Ed.) Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1984, pp. 105–129.
- Solomonik E.I. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1959, 184 p.
- Solomonik E.I. Neskol'ko pamyatnikov s sarmatskimi znakami. *Vysotskaya T.N. (Ed.) Naselenie Kryma v pervye veka n.e.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1983, pp. 8–95.
- Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1983, 176 p.
- Fialko E.E. Zerkala v obyadakh skifov. *Bosporskie issledovaniya*, 2011, vol. XXV, pp. 79–94.
- Khazanov A.M. Genezis sarmatskikh zerkal. *Sovetskaya arkheologiya*, 1963, № 4, pp. 58–71.
- Khazanov A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov*. Moskva: Nauka Publ., 1971. 172 p.
- Khudyak M. M. Raskopki svyatilishcha v Nimfee. *Sovetskaya arkheologiya*, 1952, vol. 16, pp. 232–281.
- Khudyak M.M. *Iz istoriji Nimfeja VI–III vv. do n.e.* Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 1962. 65 p.
- Oberländer P. *Griechische Handspiegel*. Hamburg, 1967.

Резюме

В коллекции Государственного Эрмитажа представлено 14 зеркал из раскопок боспорского города Нимфея. Среди них выделяются два типа изделий: зеркала с ручками и диско-видные зеркала (без ручек). Наиболее многочисленны зеркала первого типа, которые можно разделить на три группы: зеркала со стержнем для насадки ручки; зеркала с приклепанной ручкой и зеркала с ручкой-петелькой. Отсутствие самих ручек у нимфейских зеркал первого типа затрудняет поиск аналогий и сопоставление с разработанными классификациями зеркал для разных территорий. Все зеркала делятся на две хронологические группы – конец VI – начало IV вв. до н.э. и I–III вв. н.э. При этом следует отметить наличие в коллекции изделий греческих мастеров и зеркал, изготовленных северопричерноморскими мастерами по греческим образцам, а также изделий, характерных для сарматских памятников.

Ключевые слова: Нимфей, зеркала, типология.

Summary

The collection of the State Hermitage presents 14 mirrors from the excavations of the Bosporan city of Nymphaeum. Among them are two types of products: mirrors with handles and disc-shaped mirrors (without pens). The most numerous are mirrors of the first type, which can be divided into three groups: mirrors with a rod for a handle nozzle; Mirrors with riveted handle and mirrors with a knob-loop. The absence of the handles of Nymphaeum mirrors of the first type makes it difficult to find analogies and comparison with the developed classifications of mirrors for different territories. All mirrors are divided into two chronological groups - the end of the VI - the beginning of the IV centuries BC and I-III centuries AD. In this case, it should be noted the presence in the collection of products of Greek masters and mirrors made by the Northern Black Sea masters on Greek samples, as well as products characteristic of Sarmatian monuments.

Keywords: Nymphaeum, mirrors, typology.

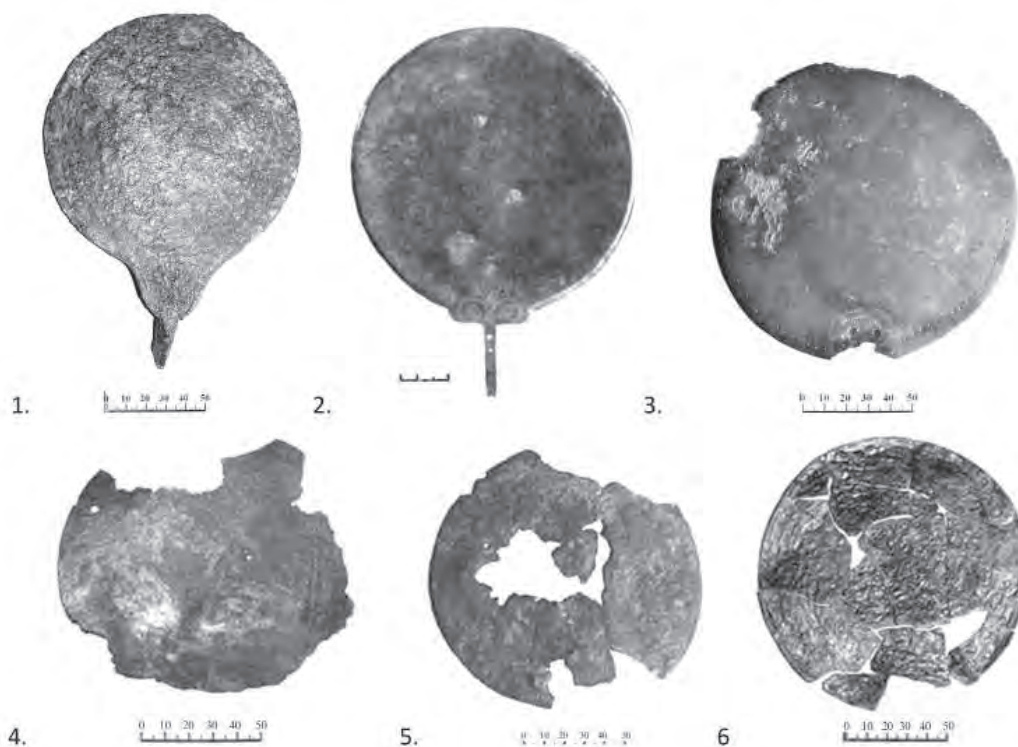
Боспорские исследования, вып. XXXV

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Ольга Юрьевна,
Государственный Эрмитаж,
190000, Россия, г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 34,
старший научный сотрудник ОАМ.
oyusokol@mail.ru
7(812)3121564.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Ol'ga Yur'evna,
The State Hermitage Museum,
190000, Russia, St.-Petersburg, 34 Dvortsovaya emb.
Senior Researcher,
oyusokol@mail.ru
7(812)3121564.

Рис. 1. Зеркало из погребения Г-4, инв. № ННФ.76.223 (фото Соколовой О.Ю.).

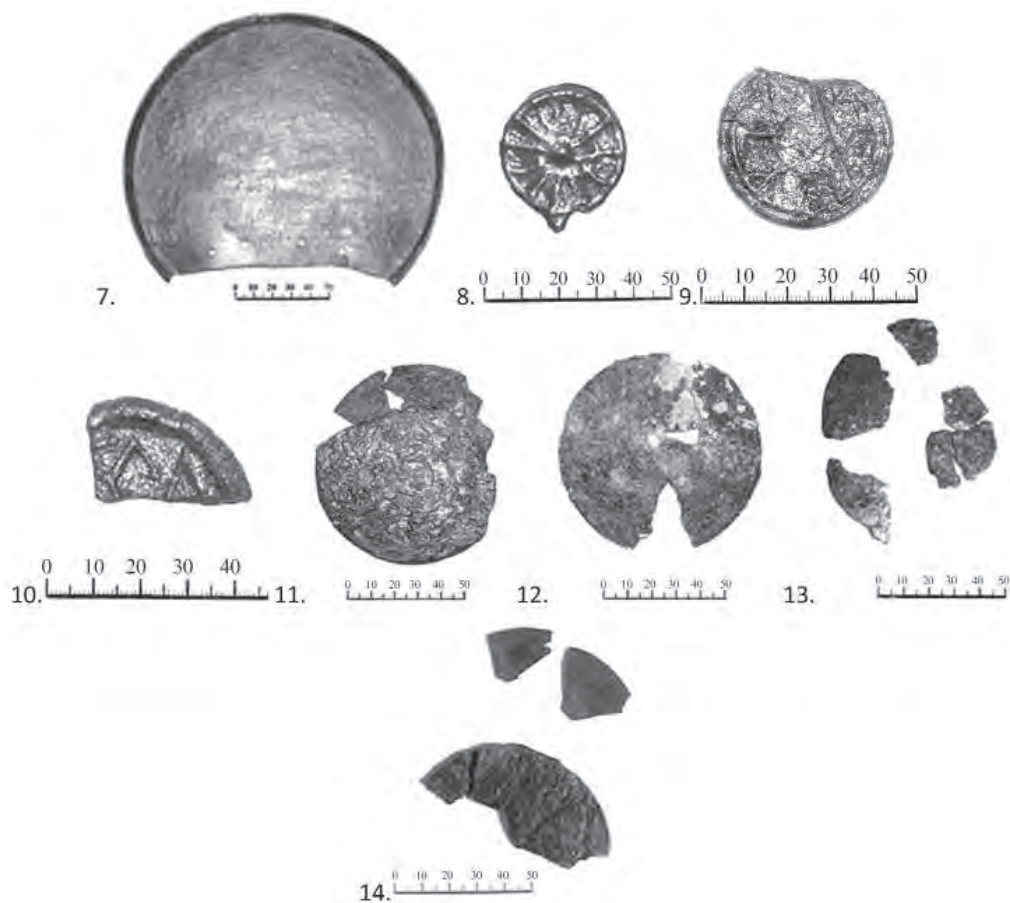
Рис. 2. Зеркало из каменной гробницы 19 в кургане 24, инв. № ГК/Н.95 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 3. Зеркало из каменной гробницы 19 в кургане 17, инв. № ГК/Н.44 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 4. Зеркало из здания второй половины V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры, инв. № НФ.39.608 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 5. Зеркало из здания второй половины V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры, инв. № НФ.39.555 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 6. Зеркало из погребения В-11, инв. № ННФ.77.165 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 7. Зеркало из фависсы в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры, инв. № НФ.41.93 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 8. Зеркало из катакомбы К-23, инв. № ННФ.74.401 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 9. Зеркало из катакомбы К-22, инв. № ННФ.74.375 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 10. Зеркало из раскопок на городище, № НФ.62.302 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 11. Зеркало из здания второй половины V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры, инв. № НФ.39.571 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 12. Зеркало из погребения А-122, инв. № ННФ.76.190 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 13. Зеркало из погребения А-77, пол. № НН.76.229 (фото Соколовой О.Ю.).

Рис. 14. Зеркало из катакомбы К-26, инв. № ННФ.74.513 (фото Соколовой О.Ю.).

В.М. ПЕТРОВСКИЙ
V.M. PETROVSKIY

**КОРАБЕЛЬНЫЙ ЛЕС В ГРЕЧЕСКОМ СУДОСТРОЕНИИ
КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА
TIMBER SHIPBUILDING IN THE GREEK CLASSICAL PERIOD**

Географическое положение южной части Балканского полуострова и прилегающих островов таково, что морские перевозки играли и играют здесь наиболее важную, предпочтительную роль перед прочими методами транспортировки грузов. Береговая полоса полуострова изрезана заливами, проливами и бухтами так, что «в материковой Греции нет ни одного места, которое было бы удалено от морского побережья на расстояние свыше 90 км. С другой стороны, на Эгейском море трудно найти точку, которая отстояла бы от ближайшей суши более чем на 60 км» [Шувалов 2004, с. 3].

С расцветом греческой культуры к началу классического периода увеличивается интенсивность торговых перевозок между городами и государствами. Торговые пути постепенно распространились во все части Средиземноморья, их обслуживание нуждалось в постройке большого числа торговых судов, что в свою очередь требовало все больших объемов корабельного леса на их постройку. Увеличивалось время на обработку корабельного дерева, его транспортировку, что привело к тому, что на рубеже VI–V вв. до н.э. в крупнейших полисах Греции сложилось целое направление в хозяйстве, определяемое как «экономика корабельного леса» («timber economy») [Craesman, 2010, p. 4].

К началу классического периода кораблестроители уже имели значительный опыт в своем ремесле и широко использовали в кораблестроении различные породы древесины со всего Средиземноморья, прекрасно разбираясь в них, зная свойства каждой из пород и используя их качества. В этом плане важна информация Теофраста (370–288 гг. до н.э.), который в своем труде «Исследование о растениях» подробно и всесторонне описал различные сорта древесины. Сведения об использовании леса в судостроении Теофраст, судя по всему, получал от специалистов-корабелов и по сути собрал знания, накопленные к тому времени. Некоторую информацию об использовании пригодной для судостроения древесины и ареалах распространения тех или иных видов деревьев можно получить у Геродота [Геродот, 1999], Диодора Сицилийского [Диодор, 2005], Страбона [Страбон, 1964] и Плиния Старшего [Плиний Старший, 1994]. Другим источником сведений являются находки затонувших в разных частях Средиземноморья торговых судов классического и эллинистического периодов. Однако хотя и было открыто около 70 мест корабле-

Петровский В.М. Корабельный лес ...

крушений классического периода (и, по меньшей мере, 65 судов эллинистического времени), почти все они остаются малоисследованными [Creaesman, 2010, p. 116].

Изучение погибших в те периоды торговых судов к настоящему моменту полностью выявило состав деревянных частей пока лишь на одном судне, частично порода древесины определена еще на шести судах, это:

1) судно, загнувшее около 400 года до н.э. у местечка Маган Михаэль (Ma'agan Mikhael) (Хайфа, Израиль) [Creaesman, 2010, p. 116];

2) судно «Гела 2» («Gela 2») – у берегов южной Сицилии (погибшее около 475 г. до н.э.), корабельное дерево здесь сохранилось достаточно хорошо, но сам корпус был раздавлен 20 тоннами балласта, и с 2008 года все дерево находится на консервации;

3) судно «Портичелло» («Porticello») – в Мессинском проливе (примерно 399–385 гг. до н.э.).

4) судно «Матариа» («Mataria») – в районе Каира (около 400 до н.э.), сохранились лишь незначительные части деревянных конструкций;

5) судно «Текташ Бурну» («Tektas Burnu»), найденное у п-ва Эритрея (Западная Турция) (примерно в 440–425 годах до н.э.), корпус полностью разрушен, сохранились лишь куски дерева непонятного назначения [Creaesman, 2010, p. 116];

6) судно «Кирения» («Kyrenia») – у берегов Кипра (конец IV в. до н.э.) [Steffy, 1985, p. 76];

7) судно «Кизилбурун» («Kizilburun») – у о. Хиос (323–331 гг. до н.э.) [Littlefield, 2012, p. 6].

Последнее судно, несмотря на то, что корпус его целиком разрушен, было полностью раскопано, что позволило даже по небольшим остаткам дерева уверенно определить древесину различных элементов конструкции.

Здесь перечислены все суда классического периода, которые были хотя бы в малой степени изучены на предмет определения пород древесины в их конструкции. «Национальную» принадлежность их определить практически невозможно, но можно сделать определенные выводы о методах судостроения в античной Греции, поскольку маловероятно, что эти методы сильно отличались друг от друга в разных частях Средиземного моря.

Всю эту информацию можно свести в единую таблицу с распределением видов деревьев (и, соответственно, пород древесины) в том или ином конструктивном элементе:

Табл. 1
Породы древесины в элементах конструкции корпуса античных судов

Судно	Обшивка	Набор	Крепеж	Прочие элементы
«Gela 2»	Сосна	Дуб	Дуб	Клен
«Tektas Burnu»	Сосна	Сосна, дуб	Сосна	Вяз

«Ma'agan Mikhael»	<i>Калабрийская сосна</i>	<i>Калабрийская сосна</i>	<i>Дуб кермесовый, бук</i>	<i>Дуб, ясень, тростник обыкновенный, тростник гигантский</i>
«Porticello»	<i>Сосна</i>	Не определено	Не определено	Не определено
«Mataria»	<i>Сикомор</i>	<i>Не определено</i>	<i>Зизифус</i>	Не определено
«Kyrenia»	<i>Алеппская сосна</i>	<i>Алеппская сосна</i>	<i>Дуб турецкий</i>	Не определено
«Kizilburun»	<i>Сосна черная</i>	<i>Сосна черная, ясень</i>	Не определено	Не определено

Таким образом, несмотря на небольшое количество археологического материала, в настоящее время все же можно делать определенные выводы о породах древесины, которые использовали кораблестроители для тех или иных элементов набора корпуса и оснастки. Главными из них, как видно из таблицы, были дуб (шедший на конструкцию набора корпуса) и сосна (применявшаяся преимущественно для обшивки). Кроме того, можно предположить, что широко использовались и другие породы дерева в тех частях конструкции, которые не сохранились на месте гибели судна (весла, мачты, надстройки и др.).

Главными конструктивными элементами набора корпуса любого корабля являются киль, штевни и шпангоуты. Все эти элементы, судя по археологическим находкам, были сделаны в основном из дуба (табл. 1).

Дополнительную информацию о твердых сортах древесины дают античные источники. Так, Плиний описывает четыре вида, которые современными исследователями твердо привязаны к современным же названиям: 1) каменный дуб (*Quercus ilex*), 2) дуб черешчатый (*Quercus robur*), 3) дуб Фрайнетто (*Quercus aesculus*), 4) дуб чернильный (*Quercus cerrus*). Из них наиболее ценными в производстве были дуб черешчатый и дуб Фрайнетто. Похожая ситуация и у Теофраста, который описывает пять видов дуба, однако его названия отличаются от современных, а понятия «род» и «вид» у Теофраста совершенно не соответствуют современной ботанической терминологии [Теофраст III, 8, 5]. Согласно этому автору, наименее подходящими для судостроения видами дуба являются «дуб широколистный» (очевидно, *Quercus cerrus*) и «дуб толстокожий» по причине их подверженности гниению в воде и оттого, что черви истачивают их сильнее прочих. Превосходное качество древесины, пригодной для судостроения, Теофраст отмечает у «настоящего, подлинного дуба» [Теофраст III.8.5], который, видимо, известен в наше время, как *Quercus aegilops*.

Другое замечание Теофраста касается гниения дуба в зависимости от солёности воды: «Другие деревья не гниют при определенном использовании и в определенной среде: вяз, например, – под открытым небом, а дуб – зарытый в землю или погруженный в воду. Он, кажется, вообще не поддается гниению. Поэтому из него и строят суда для плавания по рекам и озерам: в морской воде он начинает гнить» [Теофраст V.4.3].

и «Кирения» («Kirenia») [Sterry, 1985, p.76]. Увеличение углов изгиба борта требовало более надежного крепления обшивки и привело к окончательному отходу от сшивного метода крепления, тогда как число точек креплений шипами или нагелями возросло. Новые способы креплений позволили увеличить и число шпангоутов на судне [Zeev, 2010, tab. 9]. Так, если на «Гела 1» («Gela 1») расстояние между шпангоутами было 84 см, то суда последующих периодов имеют: 70 см на «Гела 2» («Gela 2»); 75 см – на «Маган Михаель» («Ma'agan Mikhael») и 25 см на самом позднем по времени постройки в этом ряду «Кирения» («Kyrenia») [McCarthy, 2005, p. 118].

Таким образом, если прежде (видимо, ранее VI века до н.э.) для создания шпангоута материал для него требовалось подобрать в дикой природе, изогнуть самостоятельно или вырастить с нужным углом изгиба, то теперь внедрение составного шпангоута и новых методов крепежа позволили создавать любые углы и изгибы из самых твердых пород дерева. Именно это привело к рождению «бокалообразного» корпуса, как более удобного для транспортировки, устойчивого к заваливанию на волне, с лучшей устойчивостью и с большим числом шпангоутов. Новые методы крепежа и набор из твердых пород дерева в свою очередь привели к еще одному важному открытию – судостроитель теперь мог отказаться от формулы последовательности сборки корпуса, которая условно называется «сначала обшивка», при которой на начальном этапе строительства создавалась обшивка, а затем в нее вставлялись элементы набора корпуса. Это, впрочем, не означало одномоментного отказа от схемы «сначала обшивка», она продолжала существовать на всем протяжении классического периода [Steffy, 1985, p. 3]. Силовым элементом при формуле «сначала набор» являлись киль, шпангоуты и штевни, состоящие полностью из твердых пород дерева с аналогичным же по надежности крепежом. С другой стороны, из табл. 1 видно, что для силового набора далеко не всегда использовались именно твердые породы древесины. Это согласуется и со сведениями Теофраста: «Передняя часть киля, к которой прикрепляют обшивку и балки по сторонам носа, делают из ясеня, шелковицы и вяза: все эти части должны быть крепкими» [Теофраст: V.7.3]. Он также упоминает о том, что для шпангоутов хорошо подходит акация [Теофраст: IV.2.8], что, впрочем, не подтверждается археологическими находками.

Исходя из приведенных выше сведений, можно сделать вывод о том, что дуб и другие твердые породы древесины уже в начале классического периода заняли свое место в качестве материала для создания силового набора корпуса, но, видимо, при дефиците дуба или иных твердых пород судостроители использовали для набора и более мягкие породы.

Второй по значимости древесиной в античном судостроении были хвойные породы и, в частности, сосна *Pinus sylvestris*. Находки подтверждают, что древесина хвойных пород преобладает в обшивке именно торговых судов. Поскольку для торгового судна большую роль играет срок его службы [Моррисон, 2014, с. 111], то хвойные породы (ель, кипарис, можжевельник, лиственница, сосна) из-за содержащейся в них смолы, отпугивающей червей-древоточцев, больше подходили для набора обшивки.

Петровский В.М. Корабельный лес ...

Сосна, видимо, была более доступна, так как распространено это дерево во многих частях Средиземноморья, растет оно быстро и имеет относительно ровный, прямой ствол. Однако идентифицировать сосну, используемую судостроителями классического периода, довольно сложно, так как она имеет 13 видов в Средиземноморском регионе, а в связи с практически полным исчезновением сосны в этом регионе в наше время большой проблемой является поиск и установление распространения видов сосны в древности [Creaesman, 2010, p. 111].

Теофраст различает, кроме садовой, два вида сосны: идейскую (т.е. с горного хребта Ида) [очевидно, *Pinus laricio* (сосна корсиканская)] и приморскую [очевидно, *Pinus halepensis* (сосна алеппская)] с указанием, что древесина крепче у последней [Теофраст, III.9.1]. Это, впрочем, не означает, что для обшивки использовалась исключительно алеппская сосна, поскольку обычная европейская сосна (*Pinus silvestris*) распространена более широко (судостроитель, как указано выше в случае с твердыми породами, зачастую использовал не то дерево, что лучше подходит, а то, что более доступно). Древесина европейской сосны более устойчива к службе в качестве обшивки корабля, чем у сосны из окрестностей Алеппо, которая в случае, если растет не вдоль побережья, а дальше от моря, редко вырастает более 15 метров в высоту и древесина не столь крепка [Meiggs, 1985, p. 44]. Кроме того, сосна шла на изготовление весел [Геродот, V. 23].

Согласно Теофрасту, «те части на судне, которые надо выгибать, делают из шелковицы, ясеня, вяза и платана: тут требуются вязкость и крепость. Худший из этих деревьев платан: он скоро начинает гнить. В триерах эти части иногда делают из алеппской сосны, потому что она легка» [Теофраст, V.7.3].

Таким образом, именно сосна была выбрана в качестве обшивки из-за ее устойчивости к гниению в воде, распространенности сосны в природе и доступности ее в обработке. Примечательно, что на судне «Маган Михаэль» («Ma'agan Mikhael») почти вся обшивка была сделана по направлению роста деревьев, то есть доски крепились в направлении носа судна теми частями, которые при жизни дерева были его вершиной, а корневые части шли к корме. Однако и автор наблюдения, и прочие исследователи судна «Маган Михаэль» («Ma'agan Mikhael») [Zeev, 2010, p. 446] полагают, что подобная практика не была распространена и перед нами единичный случай такого способа обшивки [Creaesman, 2010, p. 26].

Несмотря на то, что в табл. 1 кедр как элемент конструкции не был обнаружен, Теофраст ставит его на третье место по значимости после дуба и сосны, поскольку кедр отличался большой длиной ствола и малым количеством сучков, а смола его устойчива к вредителям. Широкое использование кедровой древесины в судостроении подтверждают и другие античные авторы. Так, Диодор сообщает, что кедр и кипарис с гор Ливана, Тавра и с о. Родос применялись при постройке большого флота при осаде Тира Антигоном [Диодор, XIX, 58, 3-4]. Страбон, описывая поселение Гамаксия (в Памфилии), упоминает о том, что среди прочего корабельного леса, свозимого туда, был преимущественно кедр [Страбон, XIV, 5, 3], Плиний пишет о

пользе и долговечности кедра, правда, в постройках на суше [Плиний, XIII, 11, 53]. С этим соглашаются и современные исследователи: «Кедр более долговечен в соленой воде, он более тверд и легок в работе с медными и бронзовыми гвоздями, чем другие породы дерева» [Meiggs, 1985, p. 25].

Однако, несмотря на то, что кедр по сведениям античных авторов использовался довольно широко, к настоящему времени не обнаружены суда классического периода, где обшивка или силовые конструкции состояли бы из кедра.

Определить, какой именно вид кедра употреблялся для постройки судов, затруднительно как из-за малого числа находок кедра на античных судах, так и в силу того, что слово «kedros» в греческих и римских текстах могло означать как кедр, так и можжевельник, т.е. и письменные источники не помогают различить тот или иной вид кораблестроительного кедра [Steaesman, 2010, p. 108].

Оснастка судна, в частности рангоут, изготавливались главным образом из ели и пихты (ель и пихта использовались для корпусов боевых кораблей, что сообщало им меньший вес – ключевой фактор скорости и маневренности [Моррисон, 2014, p. 175]). Выбор пихты для рангоута очевиден, так как это дерево в процессе роста не дает сучков на большей части длины своего ствола, к тому же сам ствол довольно прямой и высокий и хорошо подходит для рей, мачт и весел. В процессе обработки ствол срубленного дерева можно, при необходимости, сделать тоньше, полностью сохраняя при этом его прочность, путем постепенного и равномерного, один за другим снятия слоев, как это описывает Теофраст [Теофраст, V.1.7]. Одновременно большая подверженность гниению под воздействием корабельного червя у пихты в случае изготовления из нее именно весел и мачт не так критична, поскольку эти элементы не находятся постоянно в воде.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прочность дуба и бука, стойкость к воздействию корабельного червя сосны, неподатливость гниению в воде у кедра и ели, прямые и длинные стволы у пихты и сделали эти породы древесины основным судостроительным материалом античности. Однако, кроме качеств самой древесины, не менее важную роль играла ее доступность. И зачастую кораблестроитель прибегал не к тому дереву, что служило бы лучше в том или ином узле конструкции корпуса, а к тому, что было под рукой (на корабле Кирения (Kirenia), например, обнаружены деревянные элементы как минимум с трех ранее построенных кораблей).

Другой пример использования местных и наиболее доступных пород дерева – это судно классического периода «Маган Михаэль» («Ma'agan Mikhael»). Исследования этого судна показали, что киль, шпангоуты, бимсы¹, кормовой и носовой штевни, обшивка, степс мачты² и стрингеры³ сделаны из калабрийской сосны (*Pinus brutia*).

¹ Бимс – поперечная балка, поддерживающая палубу.

² Степс мачты – гнездо, установленное на днище судна, в которое вставляется нижняя часть мачты.

³ Стрингер – элемент продольного крепления набора корпуса судна.

Петровский В.М. Корабельный лес ...

Крепежные шипы и якорь сделаны из калабрийского дуба (*Quercus coccifera*), одна часть фальшкиля – из дуба пушистого (*Quercus pubescens*), а вторая – из скального дуба (*Quercus petraea*). Один шип сделан из дуба восточного (*Fagus orientalis*), один клин – из ясеня обыкновенного (*Fraxinus excelsior*), одна из частей якоря сделана из кизила (*Cornus sanguinea*). Из 119 фрагментов дерева, найденных на месте кораблекрушения «Маган Михаэль» («Ma'agan Mikhael»), 97 – это калабрийская сосна, а 17 – калабрийский дуб, на долю прочих пород древесины приходится всего пять фрагментов дерева [Efe, 2012, p. 2]. То есть и здесь мы видим, что кораблестроитель брал как раз те виды деревьев, которые были ему доступны. По этой причине ареалы распространения того или иного вида дерева играли в судостроении античности не менее важную роль, чем качества самой древесины, и следует рассмотреть их подробнее.

На островах Эгейского моря, на Кипре и западных берегах современной Турции в античное время была распространена сосна обыкновенная (*Pinus halepensis*), где сосны, растущие выше 1200 метров над уровнем моря, имели более крепкую древесину, высокий ствол и больше ценились в строительстве. Наряду с обыкновенной сосной в Греции и восточном Средиземноморье распространена сосна черная (*Pinus nigra*) (она же имеет довольно широкий ареал распространения в Италии и западной части средиземноморского побережья). Часто встречающаяся в конструкции судов алеппская сосна (ее же упоминает и Теофраст [Теофраст, V.7.1]) особо распространена была на Кипре. Геродот приводит сведения об огромных сосновых лесах во Фракии [Геродот, V, 23].

Кедр в античности рос в горах Сицилии, в Сирии и на Финикийском побережье (горы Ливан и Антиливан) [Craesman, 2010, p. 112]. Там же широко распространены были кипарис и можжевельник. Из них кипарис, по свидетельству Теофраста, рос на островах Восточного Средиземноморья и в Ливане и ценился за 30-метровую высоту ствола [Meiggs, 1985, p. 46].

Наиболее ценный лес, независимо от вида деревьев, рос в Македонии и во Фракии, что ставило некоторые греческие полисы в зависимость от поставок корабельного леса. Геродот и Теофраст соглашались с тем, что Афины, несмотря на то, что имели один из самых больших торговых флотов античного мира, были бедны лесом и вынуждены были получать его из этих регионов (а также из Халкидики и соседних Эвбеи и Беотии).

Дуб и вяз произрастали повсеместно, но гораздо более важным фактором, чем географическое расположение дерева, были климатические и природные данные тех регионов, где произрастали те или иные виды деревьев. Большую роль играло то, где именно росло дерево: в горной местности, в ущелье, на морском берегу и т.п. Теофраст дает сведения, что древесина лучше у тех экземпляров, что растут в горах, они «... если они занимают подходящую для себя местность, оказываются красивее и сильнее, особенно на плоскогорьях; за ними следуют растущие внизу и в котловинах. Самыми плохими деревьями будут деревья с вершин, кроме тех,

Боспорские исследования, вып. XXXV

которые от природы любят холод» [Теофраст, III.3.2]. Так, бук, растущий в горах, прекрасно подходит для кораблестроения, тогда как он же, но растущий в долине, вообще не годен ни на какое строительство [Теофраст III.10.1]. Похожее наблюдение, но над пихтой сделано современными исследователями: «в Греции и Италии пихта главным образом произрастает в верхних зонах и чаще всего используется для кораблестроения» [Meiggs, 1985, p. 43]. Аналогичная ситуация и с той пихтой, которая растет в закрытых ущельях, «из нее получают превосходные стропила, балки и рей, а также мачты исключительной высоты, но небольшой крепости; мачты из деревьев, выросших на солнце, будут ниже, но в то же время плотнее и крепче» [Теофраст IV.1.2].

Античные авторы различают лес по качеству и в зависимости от стран, где он произрастает, считая лучшим лес из Македонии. На втором месте стоит лес с Понта, на третьем – с Риндака (ныне Лупан, река впадающая в Мраморное море), на четвертом – энианский (в Фессалии), хуже всего парнасский и эвбейский лес, он «суковатый, занозистый и быстро начинающий гнить» [Теофраст, V.2.1]. Это распределение леса по качеству в зависимости от географии подтверждает и Плиний [Плиний, XV.97]. Диодор пишет о прекрасном корабельном лесе с гор Ливана, Тавра и с о. Родос [Диодор, XIX.58.3-4] и дубовых лесах в Герейских горах на Сицилии [Диодор, IV.85.1]. Страбон приводит сведения о хорошем корабельном лесе в Синопской области и Вифинии [Страбон, XII.3.12], считая, однако, что лучший корабельный лес происходит из Памфилии (область в южной части Малой Азии) [Страбон, XIV.5.3].

Таким образом, приведенные выше сведения, извлеченные из сочинений античных авторов и полученные в ходе археологических исследований, дают понятие о том, каким именно образом античные судостроители подходили к вопросу выбора пород древесины для того или иного элемента в конструкции корабля. Естественно, что предпочтительным было использование твердых пород древесины для деталей набора и крепежа, устойчивых к вредителям и одновременно гибких для обшивки, прочных на излом для мачт и весел и т.п. Одновременно судостроитель понимал и разницу в качестве среди древесины определенной породы, знал, в каком регионе произрастают лучшие для судостроения деревья. Лучшей иллюстрацией тому будет еще один пример. Известно, что прочность древесных пород при сохранении в воде или при наличии в окружающей среде большого количества влаги, если взять за 100 единиц дуб, будет выражена следующими числами по отношению к дубу: дуб – 100, ольха – 100, ильм – 90, бук – 70–100, сосна – 80, молодая сосна – 70. Отсюда следует, что более твердые породы древесины (бук, дуб) должны были, по идее, использоваться для силового набора корпуса, тогда как более легкие и простые в обработке сосна и кедр – служить досками обшивки. Однако археологический материал свидетельствует о другом. Так, на судне (точнее, относительно небольшой, длиной в 8 м, лодке) «Матария» («Mataria») набор сделан из сикомора, а обшивка из зизифуса. Оба этих небольших

Петровский В.М. Корабельный лес ...

дерева имеют малый ареал распространения в Египте и Передней Азии и не обладают каким-либо длинным и ровным стволом, что ограничивает их использование в судостроении. По всей видимости, судно «Матариа» («Mataria») было построено в Египте при соблюдении всех судостроительных норм античной судостроительной традиции и служило, видимо, для плаваний вдоль побережья Египта, а может быть, и только по Нилу, где и погибло. Аналогично распределение пород древесины и на остальных исследованных античных судах (таб.1). Таким образом, из археологического материала и сообщений древних авторов совершенно определенно следует вывод, что лес на постройку торгового судна брался, как правило, тот, что оказывался доступен судостроителю на момент постройки судна. Обшивка и силовой элемент корпуса могли быть собраны как из сосны («Ma'agan Mikhael», «Porticello», «Kyrenia» и «Kizilburun»), так и из дуба («Gela 2»), равно как и прочие элементы конструкции корпуса, кроме системы крепежа. Крепеж во всех рассматриваемых здесь примерах выполнен из твердой древесины. Мачты, реи, весла и прочие круглые в сечении элементы создавались из сосны и пихты, то есть вновь из того дерева, что было доступнее кораблестроителю.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Геродот.* История / Пер. Г.А. Стратановского / Геродот. М.: Ладомир, ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 752 с.
- Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека / Пер. О.П. Цибенко / Диодор Сицилийский. СПб.: Алетея, 2005. – 377 с.
- Моррисон Дж.С., Уильямс Р.Т.* Греческие весельные корабли. История мореплавания и кораблестроения в Древней Греции. М.: Центрполиграф, 2014. – 252 с.
- Плиний Старший.* Естествознание / Пер. и примечания Г.А. Тароньяна / Плиний Старший. - М.: АН СССР, 1994. – 454 с.
- Страбон.* География: в 17 кн. / Пер. Г.А. Стратановского / Страбон. - М.; Л.: Наука, 1964. – 944 с.
- Феофраст.* Исследование о растениях / Пер. М.Е. Сергеевко / Феофраст. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 589 с.
- Шувалов В.В.* «Морская политика Афин (архаический и раннеклассический период)», Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, 2004.
- Efe R., Ozturk M., Ghazanfar S.* Environment and Ecology in the Mediterranean Region Cambridge Scholars Publishing, Cambridge. 2012.
- Carlson, D.N.* Cargo in Context: The Morphology, Stamping, and Origins of the Amphoras from a Fifth-Century B.C. Ionian Shipwreck. University of Texas, 2010.
- Creaesman P.* Extracting cultural information from ship timber. Texas A&M Press, 2010.
- Littlefield J.D.* The hull remains of the late Hellenistic shipwreck at Kizilburun, Turkeya. University of Texas, 2012.
- McCarthy M.* Ships' Fastenings: From Sewn Boat to Steamship, Texas A&M University Press, Texas, 2005.
- Meiggs R.* Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World, Oxford University Press, 1982.
- Steffy R.* The Kyrenia Ship: An Interim Report on Its Hull Construction // American Journal of Archaeology. 1985. № 1. pp. 71–101.
- Zeev A., Kahanov Y., Tresman J., Artzy M.* The Ma'agan Mikhael Ship. Volume 3: a reconstruction of the hull // The International Journal of Nautical Archaeology. 2010. № 2. pp. 446–469.

REFERENCES

- Carlson, D.N. Cargo in Context: *The Morphology, Stamping, and Origins of the Amphoras from a Fifth-Century B.C. Ionian Shipwreck*. University of Texas, 2010.
- Creasman P. *Extracting cultural information from ship timber*. Texas A&M Press, 2010.
- Diodor Sitsiliisky (Translation by Tsibenko O.P.) Istoricheskaia biblioteka. Diodor Sitsiliisky. SPb: Aleteia, 2005, 377 p.
- Efe R., Ozturk M., Ghazanfar S. *Environment and Ecology in the Mediterranean Region*. Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, 2012.
- Gerodotes. *History* (Translation by Stratanovsky) Gerodot. M., Ladomir Pb., Firma "Izdatel'stvo AST, 1999. 752 p.
- Littlefield J.D. *The hull remains of the late Hellenistic shipwreck at Kizilburun, Turkey*. University of Texas, 2012.
- McCarthy M. *Ships' Fastenings: From Sewn Boat to Steamship*, Texas A&M University Press, Texas, 2005.
- Meiggs R. *Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World*, Oxford University Press, 1982.
- Morrison J.S., Williams R.T. *Grecheskie vesel'nye korabli. Istoriiia moreplavaniia I korablestroeniia v Drevnei Gretsii*. M., Tsentrpoligraf 2014, 252 p.
- Pliny Starshy. *Estestvoznanie*. (Translation by Taronian G.A.) Pliny Starshy. M., AN SSSR, 1994. 454 p.
- Shuvalov V.V. *Morskaia politika Afin (arkhaicheskyi ranneklassichesky period)*. Abstract of kandidat. diss. St.Petersburg State University, 2014.
- Steffy R. *The Kyrenia Ship: An Interim Report on Its Hull Construction*. American Journal of Archaeology. 1985. №1. pp. 71–101.
- Strabo. *Geographiia: v 17 kn.* (Translation by Stratanovsky G.A.) *Strabon*. M., L, Nauka Pb., 1964. 944 p.
- Teofrast. *Issledovaniia o rasteniiakh* (Translation by Sergeenko M.E.) *Feofrast*. M., L., AN SSSR, 1951. 589 p.
- Zeev A., Kahanov Y., Tresman J., Artzy M. *The Ma'agan Mikhael Ship. Volume 3: a reconstruction of the hull*. The International Journal of Nautical Archaeology. 2010. № 2. pp. 446–469.

Резюме

Целью статьи является рассмотрение распределения пород древесины в античном судостроении в зависимости от того, какую именно деталь судна хотел получить древний мастер. На основе археологических данных показано, что кораблестроитель зачастую использовал не ту древесину, что лучше подходила для той или иной детали, а лишь ту, что оказывалась доступна на момент постройки судна, включая как минимум одно судно, полностью построенное из древесины кустарников.

Ключевые слова: корабельный лес, породы древесины, античное судостроение, торговое судно, подводная археология.

Summary

The purpose of this article is to examine the distribution of wood in ancient shipbuilding, depending on what part of the ship was wanted by the ancient master. Based on archaeological data, it is shown that the shipbuilder often used a wrong kind of wood, the only one that was available at the time of construction of the vessel, including at least one vessel, constructed entirely of wood shrubs.

Key words: Ship timber, wood, antique shipbuilding, merchant ship, underwater archaeology.

Петровский В.М. Корабельный лес ...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петровский Василий Михайлович,
магистрант 2-го курса кафедры Всеобщей истории
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrovsky Vasily Mikhailovich,
Saratov State University named after N.G.Chernyshevsky
Department of Universal History, 2 course Master's degree.

А.В. КОВАЛЬЧУК
A.V. KOVAL'CHUK

О ДАТИРОВКЕ ПОСЕЛЕНИЯ КАЗАНТИП-ВОСТОЧНЫЙ 2*
ABOUT THE DATING OF THE SETTLEMENT
KAZANTIP-VOSTOCHNY 2

В 2012 году ко мне обратился А. А. Масленников с просьбой опубликовать часть архивных материалов Восточно-Крымской археологической экспедиции, в результате в свет вышла статья «Поселение Казантип-восточный 2. Общая характеристика и датировка» [Ковальчук, 2013, с. 186–192]. Как следует из названия, основной целью работы было предоставление общей информации о памятнике (местоположение, своеобразие памятника, общая характеристика открытых построек и периодов существования поселения, основных типов находок, его датировка), а не детального разбора строительных остатков и исчерпывающей публикации различных категорий материала [Федосеев, 2016, с. 135].

Данная статья вызвала критику со стороны Н. Ф. Федосеева, высказанную им в двух работах [Федосеев, 2016, с. 135–137; Федосеев, 2016а, с. 257] в эмоционально-агрессивной манере, не принятой в кругу современного научного сообщества. Будучи вынуждены отреагировать на нее, мы должны указать на несостоятельность ее основных моментов. Остановимся еще раз на двух спорных темах: коллекции керамических клейм, происходящих с поселения, и общей датировке памятника.

В статье нами были опубликованы 22 клейма, восстановления которых производились на основании фотографий, приложенных к отчетам И. М. Безрученко за 1996 и 1997 гг., из них 21 оттиск относится к продукции Родоса (19 амфорных клейм и два клейма на лагиносе), одно клеймо происходит из Синопы [Ковальчук, 2013, с. 193].

Н. Ф. Федосеев, ознакомившийся с данной коллекцией лично в поле и в фондах Керченского заповедника, заявляет: «Мои выводы коренным образом расходятся с выводами А. В. Ковальчук» [Федосеев, 2016, с. 136] и обвиняет нас в заимствовании его определений клейм из полевого отчета [Федосеев, 2016, с. 136, примечание 4]. Оба обвинения довольно серьезны, однако высказываются Н. Ф. Федосеевым не первый раз в сторону различных исследователей [Федосеев, 2016б, с. 21; Федосеев, 2013, с. 356].

В табл. 1 мы приводим реконструкции клейм, фигурирующие в отчетах И.М. Безрученко за 1996-1997 гг., наши восстановления и итог работы оппо-

---

* Статья выполнена в рамках работы над проектом РГНФ № 15–31-10125 «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований».

Ковальчук А.В. О датировке поселения ...

нента. Как мы видим, отчеты изобилуют ошибочными прочтениями легенд клейм, многочисленными погрешностями в греческом языке (отсутствие ударений, несовместимые сочетания букв, написание сигмы в конце слова и т.д.), датировки давно устарели. По словам Н. Ф. Федосеева, эти чтения и определения оттисков производились им лично [Федосеев, 2016, с. 136]. К сожалению, в отчетах И. М. Безрученко упоминание Н.Ф. Федосеева в качестве эксперта, проводившего анализ этой категории материала, отсутствует, иначе мы, безусловно, сослались бы на него.

Если же мы сравним наши прочтения и содержащиеся в статье Н. Ф. Федосеева за 2016 год, то увидим, что из 22 клейм восстановление 13 легенд полностью совпадает, 2 оттиска различаются определением центра производства, в трех – чтение совпадает, они отличаются определением эмблем, фигурирующих в клеймах. Казалось бы, у нас больше оснований говорить о заимствованиях, но мы убеждены в возможности получения сходных результатов, когда работа производится на профессиональном уровне.

Безусловной заслугой Н. Ф. Федосеева является реконструкция 4 клейм, легенды которых были сильно затерты и не читались по фотоснимкам.

Некоторые восстановления, предложенные исследователем, вызывают ряд вопросов. Например, прочтение Δαμοκράτης в круглом очень сильно побитом клейме (1996 г. № 17). Дополнительные клейма с эпсилонем встречаются не только при его клеймах. Не понятно, о каком клейме идет речь под № 14 (1996. № 4), так как в отчете за 1996 год под № 4 фигурирует дополнительно клеймо с легендой «Т звездочка», упоминаемое в статье Н. Ф. Федосеева под № 9, на фотографии же представлено клеймо, значащееся в отчете за 1996 год под № 20, а в нашей публикации – под № 17, а не 19. Также предположение о том, что клейма в виде восьмилучевой звезды отпечатаны на лагиносах книдского происхождения, не имеет под собой достаточных оснований.

Н. Ф. Федосеев также впервые вводит в научный оборот 19 новых амфорных оттисков (6 клейм не подлежат восстановлению), которые были получены в ходе работ И. М. Безрученко в 1992 году, однако сведения о них и их фотографии по непонятным причинам отсутствуют в данном отчете.

Исходя из известных нам данных, мы охарактеризовали временные рамки коллекции керамических клейм поселения 189–86 гг. до н. э. [Ковальчук, 2013, с. 193]. Н.Ф. Федосеев с учетом новых сведений определяет хронологические рамки коллекции керамических оттисков (223)220–86 гг. до н. э. [Федосеев, 2016, с. 136]. В связи со всем вышесказанным заявление о том, что наша публикация клейм «изобилует ошибками» [Федосеев, 2016, с. 135], и слова о «коренных» [Федосеев, 2016, с. 136] различиях в определении клейменого материала вызывают у нас, по меньшей мере, недоумение.

Обратимся еще раз к вопросу о времени существования памятника.

Н. Ф. Федосеев для определения хронологических рамок поселения Казантип-восточный 2 использует даты коллекции керамических клейм (220–86 гг. до н. э.)

Боспорские исследования, вып. XXXV

[Федосеев, 2016, с. 135, 137], уверенный в превалировании данного материала над остальными категориями находок. Это противоречит не только приведенному выше в его статье мнению И. М. Безрученко [Федосеев, 2016, с. 137], который предварительно определил время существования памятника в рамках хронологического периода с конца III в. до н. э. по II в. н. э., но и датировкам массового археологического материала.

На поселении было найдено значительное количество лепной и простой столовой посуды, фрагментов амфорной тары, отсюда происходит также некоторое количество фрагментов чернолаковой посуды. Анализ двух последних категорий находок позволил нам расширить время существования памятника (конец IV в. до н. э. – начало III в. н. э.) [Ковальчук, 2013, с. 193].

Нами был проанализирован весь амфорный материал, сведения о котором были предоставлены И. М. Безрученко в полевых отчетах. Результатом этой работы стало составление таблицы 1 и приложение рисунков амфорных профилей, фигурировавших в приложении к отчетам [Ковальчук, 2013, с. 191–194]. Упрек об отсутствии рисунков и фотографий целого ряда амфорных фрагментов [Федосеев, 2016, с. 136], имеющих значение для датировки памятника, следует переадресовать автору археологических работ. Мнение Н. Ф. Федосеева о наличии в отчетах за 1996–1997 гг. рисунков «практически всех профильных частей» [Федосеев, 2016, с. 136, примечание 5] ошибочно. Действительно, к отчету за 1996 год приложены планы, чертежи и фотографии строительных остатков [Безрученко, 1997, рис. 1–21], фотографии [Безрученко, 1997, рис. 22, 24–25, 27–29, 31–35] и рисунки керамики [Безрученко, 1997, рис. 23, 26], а также других категорий индивидуальных находок, таких как изделия из кости и металла, терракоты, грузил [Безрученко, 1997, рис. 30, 36–42], керамические клейма [Безрученко, 1997, рис. 43–60]. Таким образом, заметим, что отчет за 1996 год содержит прорисовки двух (!) амфорных профилей [Безрученко, 1997, с. 72, рис. 26, № 49, 62], ни одного столовой керамики и один (!) рисунок лепного горшка [Безрученко, 1997, с. 72, рис. 26, № 50].

В отчете за 1992 год фотографии и рисунки находок вообще отсутствуют. Намного лучше обстоит дело с отчетом о раскопках за 1997 год. Он, помимо фотографий, содержит довольно многочисленные рисунки керамического материала: лепной и столовой посуды, а также некоторое число амфорных фрагментов [Безрученко, 1998, рис. 51, 1–11; рис. 60, 1–2; рис. 63, 5–6; рис. 64, 1; рис. 67, 1–4; рис. 68, 6], однако далеко не все профили, упомянутые в тексте отчета. Таким образом, согласно отчетам, в результате раскопок в 1992–1997 гг. в нашем распоряжении оказывается 23 амфорных профиля, 20 из которых приведены в нашей статье [Ковальчук, 2013, с. 191–192, рис. 5–6]. Мы дали себе труд составить таблицу всех амфорных фрагментов, которые были упомянуты в текстовой части отчетов И. М. Безрученко [Ковальчук, 2013, с. 193–194, табл. 1].

В процентном отношении это выглядит следующим образом: на амфоры родосского производства приходится 28,3 % от всех амфорных находок, на Синопу –

Ковальчук А.В. О датировке поселения ...

18, 2 %, на светлоглиняные амфоры – 8%. Далее по убывающей следуют: Гераклея (5, 6 %), светлоглиняные двустольные (4 %), амфоры с воронкообразным горлом (3, 6 %), Кос (3, 3 %), Колхида (2, 5 %), Фасос (2, 4 %), Херсонес (1, 7 %), амфоры Солоха I, II, Хиос, Лесбос, Усть-лаба (3, 5 %). 9, 3 % – амфоры неизвестных центров. Самые поздние амфоры II–III вв. н. э. составляют 9, 6 % от общего числа соответствующих идентифицируемых обломков. Находки довольно значительного числа поздних амфор (красноглиняные с трехгранными венцами, красноглиняные с ручками треугольного сечения, пестроглиняные амфоры, амфоры с ручками типа «Мирмекий» и тд.) позволили нам говорить о том, что жизнь на поселении Казантип 2 в той или иной степени продолжалась вплоть до III в. н. э. [Ковальчук, 2013, с. 193], что согласовывается с мнением И. Т. Кругликовой [Кругликова, 1975, с. 274, № 238].

Кроме того, на поселении присутствует множество фрагментов амфор классического времени [Гераклея, Солоха I, Солоха II, Фасос, Хиос (колпачковый), Менда], безусловно, относящихся к более раннему времени, чем конец III в. до н. э.

Значительная часть фрагментов чернолаковой керамики, найденных на поселении, также относится еще к первой половине III в. до н. э.¹ (рис. 1, 1, 4-5, 8). Это ножки канфаров и миска с загнутым внутрь краем с насечками и пальметтой.

Таким образом, рассмотренная совокупность археологического материала позволяет нам датировать время существования поселения Казантип-восточный 2 IV в. до н. э. – III в. н. э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Безрученко И. М.* Отчет о полевых археологических исследованиях Казантипского отряда Института археологии Российской Академии наук поселения Казантип-восточный. М., 1993 // Архив ИА РАН. № 550.
- Безрученко И. М.* Отчет Казантипской археологической экспедиции ИА РАН за 1996 год. М., 1997 // Архив ИА РАН. № 777.
- Безрученко И. М.* Отчет Казантипской археологической экспедиции ИА РАН за 1997 год. М., 1998 // Архив ИА РАН. № 828.
- Ковальчук А. В.* Поселение Казантип-восточный 2. Общая характеристика и датировка // ДБ. М.: , 2013. Т. 17. С. 186–201.
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Федосеев Н. Ф.* Керамические клейма поселения Казантип 1 // История и археология Крыма. Т. 3. Симферополь, 2016. С. 135–149.
- Федосеев Н. Ф.* Еще раз о боспорских клеймах // ПИФК. Москва-Магнитогорск, 2016а. № 2.
- Федосеев Н. Ф.* Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Т. II. Керчь, 2016б.
- Федосеев Н. Ф.* Рецензия. Гаврилов А. В. Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии античных памятников). // АМА. Вып. 16. Саратов, 2013. С. 354–368.

---

¹ Выражаем благодарность Т. В. Егоровой за помощь в определении фрагментов.

Резюме

В статье рассматривается история публикации и датировка коллекции амфорных клейм, происходящей с поселения Казантип-восточный 2. Эта группа находок относится ко времени с 220 по 86 год до н. э. Время существования памятника выходит за эти рамки. Анализ массового археологического материала (амфор и черного лака) позволяет определить его IV в. до н. э. – III в. н. э.

Ключевые слова: Античный Боспор, поселение Казантип-восточный 2, амфорные клейма, чернолаковая посуда.

Summary

Анализ массового археологического материала (амфор и черного лака) позволяет определить его IV в. до н. э. – III в. н. э. The article considers the history of publication and dating of the collection of amphorae stamps originating from the settlement of Kazantip-Vostochny 2. This group of finds dates back to the period from 220 to 86 BC. The lifetime of the monument goes out of the frame. Analysis of the mass archaeological material (amphorae and black lacquer) makes it possible to date it back to the IV century BC – III century AD.

Key words: Antique Bosphorus, settlement Kazantip-Vostochny 2, amphorae stamps, black – lacquered ware.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковальчук Анна Витальевна,
Институт археологии РАН,
научный сотрудник,
8(916)6274264
nako@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

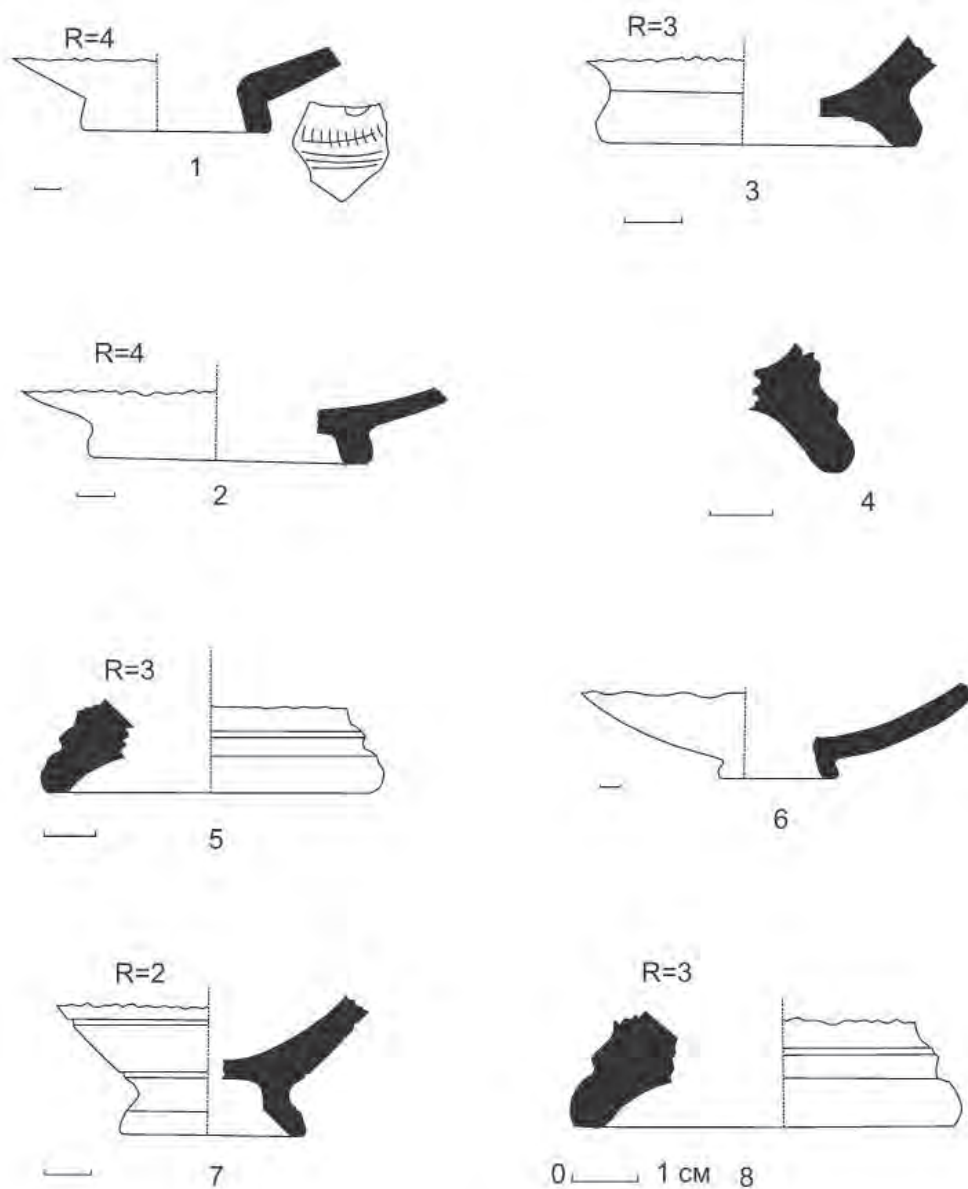
Koval'chuk Anna Vital'evna,
Institute of archaeology RAS,
researcher,
8(916)6274264
nako@mail.ru

Боспорские исследования, вып. XXXV

13	1996, № 7	цветок граната	затерто, вокруг цветка [.αλοε]	‘Επι Ίερ(-) ‘Αγορα[νάκτος] Πανάμου ок. 108 г. до н. э.
14	1996, № 8	не читается	Затерто [...τιμους]	Μ[αρσυ]α? ‘Αγριανίου ретроградно 198-108 гг. до н. э.
15	1996, № 15	не читается	затерто	.... стерта надпись из 3 строк
16	1996, № 17	цветок граната	затерто, вокруг цветка	затерто, вокруг цветка [Δαμοκράτης?] дополнительное клеймо Ε 145–86 гг. до н. э.
17	1996, № 20	не читается	[]/ Αγρ[ιανί]ου	‘Επι Κλεωνομου ω курсивная ок. 182 г. до н. э.
18	1997, № 3	----ισ	[.νου]ς	[]ς
19	1996, № 4	Т восьмилучевая звезда	Т звездочка 132–121 гг. до н. э.	Т звездочка
20	1996, № 19	восьмилучевая звезда лагинос (Родос)	Восьмилучевая звезда 160–153 гг. до н. э.	Восьмилучевая звезда круглое лагинос
21	1996, № 61		Восьмилучевая звезда 160–153 гг. до н. э.	Восьмилучевая звезда круглое лагинос Книд?
22	1996, № 12	Δασ Αδραστου сер.–III четв. II в. до н. э.	Δαζ/ ‘Αδράσ[του] 150-125 гг. до н. э.	Δαζ ‘Αδράσ[του]

Рис. 1. Чернотапокая керамика с поселения Казантип-восточный 2

[Безрученко, 1998, с. 66, рис. 52; с. 73, рис. 59].

- 1 – донце чернотапоковой миски с насечками и штапованным орнаментом в виде пальметт;
 2, 3 – донце тарелок бурого лака; 4, 5 – ножки канфаров черного лака; 6 – донце тарелки бурого лака;
 7 – донце закрытого сосуда бурого лака с разводами; 8 – ножка канфара черного лака.

И.Н. ХРАПУНОВ, С.А. МУЛЬД, В.Ф. СТОЛБА, А.А. СТОЯНОВА
I.N. KHRAPUNOV, S.A MUL'D, V.F. STOLBA, A.A. STOIANOVA

**ИССЛЕДОВАНИЯ 2015 ГОДА В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ
КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
RESEARCH IN THE WESTERN PART OF THE KERCH
PENINSULA IN 2015**

В 2015 г. экспедиция фонда «Наследие тысячелетий» провела исследования археологических памятников на трассе строящейся ЛЭП в рамках проекта «Сооружение электросетевого энергомоста «Российская Федерация – Республика Крым». Раскапывалось восемь объектов. Все они выявлены в ходе разведок 2014 г., произведенных сотрудниками Института археологии Крыма РАН. Выбор мест раскопов во всех случаях диктовался размещением опор высоковольтной ЛЭП (рис. 1).

Поселение Горностаевка-западная

По данным разведки, поселение расположено в 1,5 км к западу от северо-западной окраины с. Горностаевка Ленинского района Республики Крым на распаханном поле (рис. 1). Раскопано 625 кв. м. Глубина распашки составляла 0,2–0,3 м. Под распаханым слоем залегал слой темной гумусированной земли мощностью 0,3–0,4 м. Этот слой перекрывал материк, представлявший собой очень плотный суглинок темно-коричневого цвета. В распаханном слое и слое темной земли встречались вперемешку различные современные изделия и единичные мелкие обломки амфор.

В материке обнаружена круглая в плане яма, книзу она расширялась (рис. 2). Диаметр верхнего края составлял 1,6 м, по дну – 1,9 м, глубина – 0,9 м. Яма была заполнена темной гумусированной землей. На 0,1–0,15 м выше дна обнаружено погребение. Погребенного положили на правый бок так, что позвоночник, кроме шейного отдела, располагался перпендикулярно восточной стене ямы, в которую упирались тазовые кости. Шейный отдел позвоночника изогнут в юго-западном направлении. Череп ориентирован лицевой частью на юго-восток, теменной частью – на юго-запад. Ноги были вытянуты почти под прямым углом к тазу вдоль восточной стены ямы. Левую руку согнули в локте почти под прямым углом. Малая лучевая кость частично оказалась под черепом, кисть находилась вплотную к черепу. Правая рука вытянута почти под прямым углом к позвоночнику параллельно ногам. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Культурная принадлежность памятника раскопками не установлена. Обломки амфор для этого слишком малы, погребение безынвентарное, поза погребенного не находит соответствия в известных археологических культурах.

Поселение Ленинское V

По данным разведки, поселение Ленинское V расположено в 1,96 км к северу от развилки асфальтированных дорог Керчь – Феодосия – Ленинское, в 2,84 км к юго-востоку от юго-восточной окраины с. Романово Ленинского района Республики Крым на распаханном поле (рис. 1).

Раскопано 100 кв. м. Во всех квадратах глубина распашки составляла 0,1 м. Под распаханым слоем залегал слой темной гумусированной земли мощностью 0,2–0,4 м. Этот слой перекрывал материк, представлявший собой очень плотный суглинок темно-коричневого цвета.

Никаких находок, кроме современного мусора, сделано не было. Таким образом, данные разведки оказались ошибочными. Поселения на месте раскопа не оказалось.

Поселение Романово I

Поселение Романово I расположено в 2,1 км к юго-востоку от юго-восточной окраины с. Романово Ленинского района Республики Крым и в 2,95 км к северо-востоку от развилки асфальтированных дорог Керчь – Феодосия – Виноградный на распаханном поле (рис. 1).

Исследования велись в двух раскопах площадью 200 и 100 кв. м.

Под распаханым дерновым слоем залегал слой светлой золистой земли мощностью 0,2 м. Под ним находился слой темной гумусированной земли мощностью 0,3–0,4 м. В некоторых местах эти два слоя разделялись тонкой прослойкой золы. Распашка в некоторых местах достигала материка, который представлял собой светло-желтый или светло-коричневый плотный суглинок.

Обломки керамических сосудов и кости животных встречались, главным образом, в слое светлой золистой земли. Отдельные находки происходят из верхней части слоя темной гумусированной земли. С глубины приблизительно 0,4 м слой стерилен. Большинство находок представляют собой обломки татарских керамических сосудов, в том числе покрытых поливой (рис. 3,1,2,4). Среди них попадались буквально единичные фрагменты лепной керамики (рис. 3,3). Найдены кремневый ретушированный отщеп (рис. 3,5) и татарская бронзовая монета очень плохой сохранности (рис. 3,6).

В материке обнаружили заполнение хозяйственной ямы. В раскопе оказалась лишь ее незначительная часть (0,6 × 0,5 м, глубина 0,3 м). Ее заполнение состояло из золистой земли с включениями камней и угольков. В заполнении найдены мелкие обломки керамических сосудов и кости животных. Судя по стратиграфии, яма была впущена с уровня слоя светлой золистой земли.

В качестве подъемного материала неподалеку от раскопов обнаружены каменные грузило (рис. 3,8), терочник (рис. 3,7), обломки двух топоров (рис. 3,9,10).

У с. Романово на месте наших раскопов, вероятно, находилось татарское поселение. Его культурный слой распахан. По всей видимости, на месте татарского поселения или вблизи него существовали поселения античного времени и эпохи бронзы. Из античного поселения происходят мелкие обломки амфор, а из поселений эпохи

бронзы – мелкие фрагменты лепных сосудов, кремневый ретушированный отщеп, а также каменные изделия, найденные неподалеку от раскопа в качестве подъемного материала.

Могильник Батальное-северное

По данным разведки, в 2,2 км к северо-западу от трассы Феодосия – Керчь, в 1,7 км к северу от северной окраины с. Батальное Ленинского района Республики Крым, в 0,45 км к западу от искусственного озера, занимающего устье обширной балки, в 2 км к востоку от Ак-Монайского перешейка располагалось поселение, названное Батальное-северное (рис. 1).

На распаханном поле заложили на расстоянии 50 м друг от друга два раскопа площадью по 100 кв. м каждый. Находок в раскопах обнаружено не было, но на уровне материка зафиксированы пятна заполнения могил. Всего обнаружено 15 погребальных сооружений (4 – в раскопе 1, 11 – в раскопе 2), из которых 7 представляют собой простые грунтовые ямы, 5 подбойных могил, еще 3 условно можно также отнести к группе подбойных. Все могилы ориентированы по линии восток – запад с небольшими отклонениями (рис. 4).

Могила № 1 прямоугольной формы в плане с округленными углами (рис. 5,1). Размеры ямы на уровне материка $2,15 \times 0,7$ м. Глубина от современной дневной поверхности – 1,2 м, в материке – 0,7 м. На высоте 0,4 м от дна, в бортах, вероятно, были сделаны «заплечики», ныне разрушившиеся. Поэтому в верхней части борта неровные, постепенно сужающиеся могилу книзу. Расположенные ниже «заплечиков» части бортов вертикальные. Дно горизонтальное. Размеры могилы по дну $1,9 \times 0,2-0,4$ м.

Погребение совершено на дне могилы в вытянутом положении на спине, головой на запад. Правая рука была согнута в локте так, что кисть оказалась на костях таза. Левая рука вытянута, но кисть ее повернута вправо, она лежит на головке левой бедренной кости. Ноги вытянуты, стопы сведены. В заполнении могилы найдены обломки железного предмета.

Могила № 2 прямоугольной формы в плане с округленными углами (рис. 5,2). Размеры ямы на уровне материка $1,95 \times 0,8$ м. Глубина от современной дневной поверхности – 1,35 м, в материке – 0,7 м. На высоте приблизительно 0,6 м от дна в длинных бортах, вероятно, были сделаны «заплечики», ныне разрушившиеся. Выше «заплечиков» борта неровные, могильная яма сужается книзу. Ниже уровня «заплечиков» борта могилы почти вертикальные. Дно горизонтальное. Размеры могилы по дну $1,93 \times 0,3-0,5$ м. У южной стены могилы, в 0,4 м от ее юго-восточного угла, приблизительно на уровне «заплечиков» сохранились фрагменты двух плашек размерами $0,15 \times 0,03$ м и $0,06 \times 0,03$ м. Они направлены поперек могилы. Вероятно, они сохранились *in situ* и представляют собой остатки деревянного перекрытия, лежавшего на «заплечиках» и перекрывавшего могилу. В головах погребенного, немного выше уровня черепа, находился обломок деревянной конструкции размером $0,3 \times 0,06$ м. Очевидно, он тоже был частью перекрытия, но в отличие от плашек провалился в заполнение могилы.

Погребение совершено на дне могилы в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях. Кисти находились на тазовых костях, вероятно, одна на другой. Ноги были вытянуты, немного согнуты в коленях и повернуты вправо таким образом, что фаланги левой ноги оказались на стопе правой. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 3 прямоугольной формы в плане, с округленными торцевыми бортами (рис. 6,1). В восточном направлении она слегка сужается. Ее размеры на уровне материка: длина 2,1 м, ширина у западного торца – 0,75 м, у восточного – 0,6 м. Глубина от современной дневной поверхности 1,4 м, в материке – 0,8 м. В длинных бортах, вероятно, были сделаны «заплечики», ныне разрушившиеся. Поэтому в верхней части борта неровные, могильная яма сужается книзу. На высоте приблизительно 0,4 м от дна они становятся почти вертикальными. Дно горизонтальное. Размеры могилы по дну 1,85 × 0,5 м.

Погребение совершено на дне могилы в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп повернут вправо, лицевой частью на юг, нижняя челюсть лежит на правой ключице. Руки вытянуты. Левая рука частично перекрыта тазовыми костями, но кисть лежит на головке левой бедренной кости. Правая нога согнута в колене, стопы повернуты вправо. Рядом с черепом, слева на дне могилы, лежала монета (рис. 3, 11).

Описание монеты: Крым. Таш-Тимур [796] г.х. AR. Вес = 1,11 г; диаметр = 1,4 мм. Номинал – данг. Л.с. В поле: [Султан] / законный Та /ш Тиму[r] хан. О.с. В поле: Бита в / городе [Крым] / [796] [Иванов, 2001, с. 464, № 394]. 796 г.х. = 6 ноября 1393 – 26 октября 1394.¹

Могила № 4 прямоугольной формы в плане, с округленными торцевыми бортами (рис. 6,2). Ее размеры на уровне материка 1,8 × 0,85 м. Глубина от современной дневной поверхности 1,05 м, в материке – 0,6 м. На высоте 0,35 м от дна в длинных бортах были сделаны частично разрушившиеся «заплечики». Их ширина составляла приблизительно 0,1–0,15 м. Выше заплечиков борта неровные, могильная яма сужается книзу. Ниже уровня «заплечиков» борта могилы почти вертикальные. Дно горизонтальное. Размеры могилы по дну 1,75 × 0,45 м. В восточной части могилы на уровне материка в заполнении расчищены три небольших камня и лежавшая плашмя плита. Возможно, они представляли собой часть перекрытия или, скорее, опознавательного знака над могилой.

Погребение было совершено на дне могилы в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Руки вытянуты. Левая кисть лежит на головке левой бедренной кости. Правая кисть разрушена грызунами. Ноги были вытянуты, в стопах сведены, левая стопа лежала на правой. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 5 прямоугольной формы в плане, с округленными углами (рис. 6,3).

¹ Определил и описал монету А. В. Якушечкин.

Размеры могилы на уровне материка $1,9 \times 0,7$ м. Глубина от современной дневной поверхности 1,1 м, в материке – 0,6 м. Все борта, кроме южного, невертикальные, они сужают могилу ко дну. В южном борту сделан небольшой подбой, расширяющий могилу на 0,1 м. Вероятно, он имел лишь символическое значение. Его пол и дно ямы находятся в одной горизонтальной плоскости.

Погребение совершено на полу подбоя, вплотную к южной стене. Погребенный положен на правый бок, головой на юго-запад. Правая рука вытянута. Левая рука согнута в локте, кисть находится вплотную к тазовым костям. Ноги были согнуты в коленях, стопы находятся вплотную друг к другу. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 6 прямоугольной формы в плане, с округленными углами (рис. 6,4). Размеры могилы на уровне материка $2,1 \times 0,6$ м. Глубина от современной дневной поверхности 0,9–1,0 м, в материке – 0,5 м. Северный борт невертикальный, он сужает могилу ко дну в юго-западной части на 0,05 м, в северо-восточной – на 0,25 м. Дно в продольном вертикальном разрезе горизонтальное на две трети длины, далее повышается к юго-западному борту на 0,1 м. Размеры могилы по дну $1,9 \times 0,3–0,5$ м.

Погребение совершено на дне могилы в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Череп повернут вправо. Правая рука была согнута в плечевом суставе так, что ключица прикасалась к челюсти. Левая рука немного согнута в локте. Ноги вытянуты, стопы завалились вправо. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 7 прямоугольной формы в плане, с округленными углами (рис. 8,1). Северный борт на половину длины скошен к восточному борту. В нем на высоте 0,15 м от дна имеется ступенька шириной 0,1 м. В южном борту могилы у его юго-западного угла сделан небольшой подбой длиной 0,9 м, глубиной 0,1 м. Дно горизонтальное. Размеры могилы на уровне материка $1,8 \times 0,6$ м, по дну – $1,7 \times 0,5$ м. Глубина от современной дневной поверхности 0,9–1,0 м, в материке – 0,45 м.

Погребение совершено на дне могилы в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп немного повернут вправо. Руки вытянуты, левая кисть частично находилась под головкой левой бедренной кости. Ноги были вытянуты, сведены в коленях и в стопах. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 8 прямоугольной формы в плане с округленными углами (рис. 8,2). Западный и северный борта незначительно сужают могилу ко дну. Размеры могилы на уровне материка $2,1 \times 0,7$ м, по дну – $2,0 \times 0,6$ м. Дно горизонтальное. Глубина от современной дневной поверхности 0,85–0,95 м, в материке – 0,4 м.

Погребение совершено на дне могилы в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп завалился влево. Руки немного согнуты в локтях, кисти лежат на головках бедренных костей. У левого бедра, таза и под черепом обнаружены фрагменты почти полностью истлевшей деревянной конструкции. На уровне костяка и остатков дерева найдены 11 железных гвоздей (рис. 3,14), которые располагались вокруг погребенного и, вероятно, скрепляли деревянную конструкцию.

Могила № 9 подбойная (рис. 7,1,2). Входная яма прямоугольной формы в плане.

от перекрытия или заклада, и камень, вероятно, обозначавший могилу на древней дневной поверхности.

Прямоугольный в плане подбой выкопан в южном борту входной ямы. Его размеры $2,0 \times 0,4$ м. Общая ширина могилы 1,0 м. Пол подбоя плавно повышается к задней стенке на 0,1 м. Свод разрушен, поэтому граница между подбоем и входной ямой определена условно, а приведенная выше ширина подбоя и входной ямы приближительна.

Погребение совершили вплотную к задней стенке подбоя, на правом боку, головой на запад. Руки вытянуты, ноги перекрещены в голених. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 12 подбойная (рис. 9,2). Входная яма прямоугольной формы в плане. Южный борт разрушен. Длина ямы 2,0 м, ширина – 0,6 м. Глубина от современной дневной поверхности 1,1 м, в материке – 0,5–0,6 м. Дно понижается на 0,07 м к северо-восточному борту. У дна входной ямы обнаружены фрагменты плашек размерами от $0,15 \times 0,05$ м до $0,08 \times 0,03$ м. Они были направлены поперек входной ямы. Некоторые из них находились на дне, иногда под углом, опираясь на дно одним концом, в других случаях располагались почти горизонтально у самого дна. Вероятно, плашки представляют собой остатки заклада.

Прямоугольный в плане подбой выкопан в южной стене входной ямы. Его размеры $2,0 \times 0,2$ м. Пол подбоя незначительно углублен относительно уровня дна. Свод разрушен. Граница между подбоем и входной ямой определена условно, а приведенные выше ширина подбоя и входной ямы приближительны.

Погребение совершили в подбое в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Руки были вытянуты. Кисть правой руки находилась под головкой правой бедренной кости, кисть левой – на головке левой бедренной кости. Ноги вытянуты. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 13 прямоугольной формы в плане, с округленными углами (рис. 9,3). Размеры могилы на уровне материка $1,5 \times 0,7$ м, по дну – $1,4 \times 0,6$ м. Дно горизонтальное. Глубина от современной дневной поверхности 0,95 м, в материке – 0,25 м.

Погребение совершено у южной стены могилы, в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Череп повернут вправо. Левая рука была согнута в локте, кисть находилась у тазовых костей. У правой руки кисть повернута влево к тазовым костям. Ноги были согнуты в коленях, завалились вправо. По положению костяка можно предположить, что размещен он был в подбойной камере, свод которой не удалось зафиксировать. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 14 подбойная (рис. 9,4). Входная яма прямоугольной формы в плане. Южный борт разрушен. Северный и восточный борта не вертикальные, незначительно уменьшают площадь дна. Длина ямы по верхнему краю 2,3 м, реконструируемая ширина – 0,6 м. Дно горизонтальное. Глубина от современной дневной поверхности 1,1 м, в материке – 0,35–0,5 м.

Прямоугольный в плане подбой выкопан в южной стене входной ямы. Его разме-

ры 2,2 x 0,25 м. Общая ширина могилы 0,9 м. Пол подбоя немного ниже дна входной ямы. На границе подбоя и входной ямы зафиксирована плохо сохранившаяся доска длиной 1,5 м – вероятно, остатки деревянной конструкции (гроба?). Под ней лежал крупный камень. Еще один камень находился в головах погребенного.

Погребение совершено в подбое в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп повернут вправо. Руки были вытянуты. Кисть правой руки находилась под тазовыми костями, кисть левой – на головке левого бедра. Ноги были немного согнуты в коленях, повернуты вправо. Стопы расположены вплотную друг к другу. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 15 прямоугольной формы в плане, с округленными торцевыми бортами (рис. 7,3). Четверть площади могилы, примыкающая к северо-восточному углу, перерезана погребальной камерой соседней могилы № 9 (рис. 7,1). Ее пол находился на 0,07 м выше дна могилы №15. Размеры могилы на уровне материка 2,2 × 0,6 м, по дну ширина уменьшается до 0,45 м. Глубина от современной дневной поверхности 1,3 м, в материке – 0,5 м. Дно могилы понижается к северо-восточному борту на 0,13 м.

Погребение совершено на дне могилы, в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Лицевой частью череп слегка развернут на юг. Руки были немного согнуты в локтях, их кисти частично находились под головками бедренных костей. Ноги вытянуты. На тазовых костях слева находился обломок железного ножа, у левой ноги – фрагменты бронзового пластинчатого предмета с пуансонным орнаментом (рис. 3,15).

В результате работ выяснилось, что поселения, вопреки данным археологической разведки 2014 г., на месте раскопов не оказалось. Обнаружен могильник с единственной датирующей вещью – монетой Таш-Тимура. Это означает, что погребения совершались в Золотоордынский период, до образования Крымского ханства. Могильник исследован далеко не полностью. Могилы, наверняка, можно обнаружить при расширении наших раскопов в любую сторону.

Поселение Батальное-северное I

Поселение расположено в 2,3 км к северу от трассы Феодосия – Керчь, в 1,7 км к северо-востоку от северной окраины с. Батальное, в 0,25 км к северо-западу от искусственного озера, занимающего устье обширной балки (рис. 1).

Исследования велись в двух раскопах площадью 150 и 100 кв. м, расположенных на распаханном поле.

Глубина распашки составляла 0,2 м. Под распаханым слоем залегал слой плотной глинистой земли мощностью 0,4 м. Этот слой перекрывал материк, представлявший собой очень плотный суглинок темно-коричневого цвета. На материке зачищены не содержавшие находок участки глины желтого цвета (рис. 10). В распаханном слое и слое плотной глинистой земли встречались вперемешку различные современные изделия, единичные обломки сосудов татарского и эллинистического времени. Среди последних следует отметить ножки гераклейской и фасосской (рис. 3,19) амфор.

В материке обнаружена круглая в плане яма, заполненная темным глинистым грунтом. Ее диаметр составлял 0,7 м, глубина – 0,2 м. Стены ямы неперпендикулярные, поэтому она сужается ко дну. Диаметр ее дна составлял 0,55 м (рис. 10). На дне ямы находились обломок венчика лепного сосуда и фрагмент горла гераклейской амфоры с двустрочным энглифическим клеймом [ἐπὶ Β]άκχο | [Γέρ]ων; эмблема «виноградная гроздь» (рис. 11,1). Βάκχος принадлежит к числу наиболее ранних магистратов группы IV, которых В. И. Кац объединяет в подгруппу IVA и относит к 50-м – 40-м гг. IV в. до н.э. [Кас, 2003, р. 261–278; Кац, 2007б, с. 430, 432]. Тем же временем датирует их и С. Ю. Монахов [Монахов, 1999, с. 321]. Клейма Бакха, как с эпонимным предлогом, так и без, встречаются на амфорах типа II с коническим туловом [Монахов, 2003, с. 135] и представлены в ряде комплексов. Среди них – тризна кургана №8 группы «Чередникова Могила», где встречены девять клейм этого магистрата в сочетании с пятью различными фабрикантскими именами: Ἀπολλώνιος, Ἀρτέμων, Βόταχος, Γύαλος и Μῦς. [Монахов, 1999, с. 341, 343, табл. 148; Teleaga, 2003, S. 86, Nr. 45]. Среди фабрикантов, работавших при нем, помимо Артемона, известно и несколько других, имена которых заканчиваются на -ων: Δαμοφῶν, Γέρων и Ἐράτων. Судя по длине второй строки в нашем клейме, в данном случае это может быть только Герон.

Не в яме, но прямо над ней обнаружены обломки стенки чернолакового сосуда второй половины IV в. до н.э. Рядом с раскопом в качестве подъемного материала обнаружены обломки двух ручек синопских амфор.

Клеймо № 1 (рис. 11,2). Трехстрочное клеймо магистрата группы III Аполлодора 2 (подгруппы IIIA и IIIB по Кацу и Гарлану соответственно) [Кац, 2007, с. 438, № 45; Garlan, 2004, р. 96, nos. 41–45]. В правой части оттиск обломан, но довольно надежно восстанавливается следующим образом: Ἀπολλοδ[ώρου] | [ἀ]στ[υ]νόμου. | Ἦφ[αι]στίο[υ]; эмблемы «канфар» и «гроздь винограда». Принимая хронологию Каца, клеймо следует датировать периодом с конца 20-х гг. IV в. по начало III в. до н.э. Близкую дату, в пределах двух последних десятилетий IV в., предлагает и Коновичи, размещая Аполлодора 2 в своей группе IIb [Conovici, 1998, р. 33, nos. 34–36]. К значительно более раннему времени деятельность этого магистрата относит Федосеев [Fedoseev, 1999, р. 31, no. 15].

Клеймо № 2 (рис. 11,3). Судя по сохранившимся остаткам трех строк и эмблеме, клеймо принадлежит магистрату группы III Посию 1 (подгруппы IIIC и IIIA по Гарлану и Кацу соответственно) [Кац, 2007, с. 438, №44; Garlan, 2004, р. 96, nos. 50–53] и может быть восстановлено следующим образом: [Πόσι]ος | [ἀ]στ[υ]νό(μο) | [Ποσειδῶ]ν[ί]ο?; эмблемы «голова Гелиоса + ?». Деятельность Посия 2 приходится на тот же период, что и Аполлодора 2: конец 20-х гг. IV в. – начало III в. до н.э.

Обнаруженные в раскопах фрагменты керамических сосудов происходят, вероятно, из поселений эллинистического и татарского времени. Эллинистическому поселению, возможно, принадлежала яма, нижняя часть которой обнаружена в материке. Не исключено, что расположенные на материке участки желтой глины представляют собой остатки каких-то построек.

Поселение Батальное-северное II

Поселение расположено в 2,3 км к северу от трассы Феодосия – Керчь, в 1,7 км к северо-востоку от северной окраины с. Батальное, в 0,17 км к северо-западу от искусственного озера, занимающего устье обширной балки (рис. 1). Памятник находится на пашенном поле, на небольшой, выделяющейся в рельефе возвышенности, представляющей собой пологий западный склон древней балки. В ее устье находится озеро. Восточный склон балки более крутой и высокий. Он переходит в доминирующую над местностью возвышенность, на вершине которой расположено несколько курганов.

Исследования велись в двух раскопах площадью 175 и 100 кв. м, расположенных на распаханном поле (рис. 12).

Глубина распашки составляла 0,2–0,3 м. Под распаханым слоем залегал слой темной гумусированной земли мощностью 0,5 м. Этот слой перекрывал материк, представлявший собой очень плотный светлый суглинок с включениями мелких камней. В слое темной земли сделано довольно много находок обломков керамических сосудов. В том числе стенки лепных сосудов, украшенные расчлененными валиками (рис. 3,17,18), ручки и ножки амфор. Обнаружены фрагмент венчика синопской амфоры, обломки венчика (рис. 11,4), ножек (рис. 11,5,6) и горла с клеймом (рис. 11,11) гераклейских амфор, обломок дна поливного гончарного сосуда татарского времени (рис. 11,7), кованый железный гвоздь (рис. 11,8).

Энглифическое двустрочное клеймо (рис. 11,11) группы IVA по классификации Каца [Кац, 2007, с. 432б, № 50]. Окончание имени магистрата во второй строке утрачено, что не мешает, однако, надежному восстановлению всего клейма: $\text{Κόκκο[ς] | Ἀμφ[ίτα]}$. Магистратура Ἀμφίτας, одного из первых эпонимов группы IV, приходится на середину IV в. до н.э., примерно на тот же период, что и деятельность Бакха, представленного на вышеописанном клейме из поселения Батальное-северное I. В отличие от последнего, однако, его клейма известны не только на конических амфорах типа II, но и на сосудах типа I-A-2 [Монахов, 2003, с. 133, 135].

Непосредственно под распаханым слоем зафиксирована обожженная поверхность красного цвета. Она прямоугольная в плане размером $0,8 \times 0,6$ м. Оказалась в раскопе не полностью, уходит под восточный борт раскопа.

В раскопе № 1 обнаружены шесть выкопанных в материке хозяйственных ям (рис. 12).

Хоз. яма № 1 округлая в плане, ко дну расширяется. Ее диаметр на уровне материка составлял 1,0 м, по дну – 1,4 м, глубина от уровня материка – 0,8 м. В центре яма была заполнена мягкой темной землей, вдоль стен – плотным желтым суглинком. Вероятно, суглинок представляет собой древнее заполнение ямы. В более позднее время его выбрали и заполнили яму вторично темной землей. В темной земле встречены мелкие обломки гончарных и лепных сосудов, кости животных. Следует отметить находку двух фрагментов лепных сосудов, украшенных под венчиками гладкими валиками (рис. 11,9,10).

Хоз. яма № 2 округлая в плане. Ее диаметр на уровне материка составлял 0,9 м, глубина от уровня материка – 0,4 м. В дне имелось углубление диаметром 0,3 м, глубиной 0,1 м. Заполнение ямы состояло из темной гумусированной земли, в которой попадались кости животных.

Хоз. яма № 3 округлая в плане, ко дну расширяется. Ее диаметр на уровне материка составлял 1,1 м, по дну – 1,6 м, глубина от уровня материка – 1,0 м. В центре яма была заполнена мягкой темной землей, вдоль стен – плотным желтым суглинком. Вероятно, суглинок представляет собой древнее заполнение ямы. В более позднее время его выбрали и заполнили яму вторично темной землей. В заполнении найдены мелкие обломки лепных и гончарных сосудов, амфор. Наряду с обломками керамики античного времени встречались фрагменты поливных татарских сосудов.

Хоз. яма № 4, вероятно, представляет собой остатки двух ям, одна из которых частично разрушила другую. Лучше сохранившаяся яма округлая в плане, ко дну расширяется. Ее диаметр на уровне материка составлял 1,1 м, по дну – 1,7 м, глубина от уровня материка – 1,0 м. С северо-запада к ней примыкают остатки другой ямы, имевшей диаметр 1,4 м, сохранившейся на глубину 0,3 м. В центре яма была заполнена мягкой темной землей, вдоль стен – плотным желтым суглинком. Вероятно, суглинок представляет собой древнее заполнение ямы. В более позднее время его выбрали и заполнили яму вторично темной землей. В темной земле встречены мелкие обломки керамики, кости животных.

Хоз. яма № 5 округлая в плане. Ее диаметр на уровне материка составлял 1,3 м, глубина от уровня материка – 0,3 м. В заполнении встречены обломок ручки амфоры, мелкие фрагменты керамики, кости животных.

Хоз. яма № 6 округлая в плане. Ее диаметр на уровне материка составлял 1,2 м, глубина от уровня материка – 0,4 м. В заполнении встречены мелкие фрагменты керамики и многочисленные кости животных.

В раскопе № 2 обнаружена хозяйственная яма, частично уходящая под борт раскопа. Ко дну она расширяется. Ее диаметр на уровне материка составлял 1,1 м, по дну – 1,8 м, глубина от уровня материка 0,9 м. Яма была заполнена темной землей с прослойками суглинка и включением большого количества камней. Археологический материал в заполнении не обнаружен.

На месте поселения Батальное-северное II сохранились остатки объектов эллинистического времени в виде хозяйственных ям и участка обожженной поверхности. Перекрывавший эти объекты культурный слой эллинистического поселения поврежден в результате хозяйственной деятельности более поздних эпох, в частности, многолетней распашкой.

Поселение Шибан I

Поселение Шибан I расположено в 2,8 км к юго-западу от с. Ячменное, в 1,3 км к юго-востоку от восточного уреза Фронтковского водохранилища (рис. 1). Оно расположено на склоне небольшой возвышенности, вытянутой с запада на восток. С юга возвышенность ограничивает грунтовая дорога, за которой расположено распахан-

ное поле, выходящее своей южной границей к трассе «Керчь – Феодосия». На месте поселения выделяются три всхолмления, представляющие собой остатки зольников.

На покрытом разнотравной растительностью склоне, на котором расположено поселение, разметили два раскопа площадью по 224 кв. м каждый.

В раскопе № 1 в дерне, наряду с обломками крымско-татарских керамических сосудов, встречались довольно многочисленные современные изделия, в частности, осколки снарядов и патроны времен Второй Мировой войны. Среди находок, сделанных в дерне, следует отметить фрагмент дна гончарного сосуда на кольцевом поддоне с растительным орнаментом на внутренней поверхности (рис. 15,1), керамические курительные трубки (рис. 15,2,3), отшлифованный камень с прочерченной полосой.

Сразу под дерном по всей площади раскопа залегал слой золистей темно-коричневой земли мощностью 0,2–0,25 м (рис. 13). В нем найдены фрагменты керамических сосудов, черепицы «татарки», кости животных. Из находок, сделанных в этом слое, следует отметить железный гвоздь (рис. 15,11), обломок оселка (рис. 15,10), венчик стеклянного сосуда (рис. 15, 4), керамическую курительную трубку (рис. 15,5).

Слой золистей земли залегал непосредственно на материке, представлявшем собой плотный суглинок темно-коричневого цвета.

В квадрате 2 обнаружена выкопанная в материке траншея (рис. 13). Она пересекала квадрат, уходя в его западный и южный борта. Ширина траншеи составляет 1,0–1,5 м, глубина 0,18–0,22 м. Она была заполнена золой с включениями углей, костей животных и обломков стенок керамических сосудов. На дне траншеи обнаружены куски обожженной глины, а также ямки глубиной 0,08–0,25 м, в которых находились раздавленные фрагменты стенок керамических сосудов. В заполнении траншеи обнаружен также сохранившийся полный профиль фрагмент керамического сосуда, покрытый желто-зеленой поливой (рис. 15,18).

В квадрате 7 и прирезке 7а обнаружены четыре выкопанные в материке ямы, заполненные золистей землей. Все они округлые в плане. Диаметр ямы № 1 на уровне материка составлял 0,96 м. Ко дну она немного сужалась, диаметр дна составлял 0,82 м. Глубина ямы – 0,44 м от уровня материка. Диаметр ямы №2 составлял 1,38 м, глубина от уровня материка – 0,08–0,1 м. Диаметр ямы № 3 составлял 1,3 м, глубина от уровня материка – 0,08–0,1 м. Диаметр ямы №4 составлял 0,6 м, глубина от уровня материка – 0,16 м. В заполнении ям встречались мелкие обломки керамических сосудов, черепицы «татарки», кости животных. В яме № 4 обнаружены фрагменты, из которых склеился полный профиль покрытого изнутри зеленой поливой блюда на кольцевом поддоне (рис. 15,16).

В качестве подъемного материала на месте раскопа № 1 обнаружено литое бронзовое украшение (рис.15,7).

Раскоп № 2 располагался в 50 м к северу, выше по склону от раскопа № 1. Западная часть раскопа (квадраты 1–6) оказалась на месте зольника, поэтому под дерном в этом месте залегал слой золы мощностью 0,4 м, постепенно сходящийся

«на нет» в восточном направлении. В квадратах 7–10 слоя золы не было, как не было и какого-либо иного культурного слоя. Дерновый слой в восточной части раскопа № 2 залегал непосредственно на материке.

Дерновый слой имел мощность в среднем 0,1 м. В нем сделано довольно много находок. В том числе фрагменты сохранивших полный профиль покрытых зеленой поливой керамических сосудов (рис. 15,17), створка раковины с просверленным отверстием (рис. 15,14), обломки керамических курительных трубок (рис. 15,6,8).

В квадрате 3 на глубине 0,5–0,6 м от уровня современной дневной поверхности, в слое золы, в центральной части квадрата обнаружен костяк человека. Погребение совершено головой на запад, в вытянутом положении на спине, со сложенными на тазе кистями рук. Череп отсутствовал. Мелкие кости (фаланги пальцев рук и ног) перемещены грызунами. Верхняя часть костяка располагалась в небольшом углублении, выкопанном в слое золы. Ноги и шейные позвонки находились выше уровня таза (рис. 14). Погребальный инвентарь не обнаружен.

Слой золы чрезвычайно насыщен костями животных, обломками керамических сосудов и черепицы. Среди них можно выделить обломок керамической курительной трубки, фрагмент покрытого зеленой поливой керамического сосуда с носиком (рис. 15,15), фрагмент сохранившего полный профиль гончарного сосуда, покрытого зеленой поливой, еще один покрытый зеленой поливой фрагмент сосуда с полой ручкой (рис. 15,13), фрагмент покрытой зеленой поливой тарелки (рис. 15,9), покрытую зеленой поливой крышку, сделанную из стенки сосуда (рис. 15,12), оселок, железный гвоздь.

В качестве подъемного материала на месте раскопа № 2 обнаружен фрагмент керамической курительной трубки (рис. 15,19).

Судя по фрагментам гончарной керамики, в том числе поливной, находкам обломков керамических трубок, черепицам «татарки» и другим находкам, поселение Шибан I датируется XVII – началом XIX вв. Оно оставлено крымскотатарским населением. О том, что поселение существовало еще в начале XIX в., свидетельствует его присутствие как населенного пункта на военно-топографической карте Мухина 1817 г.

В 2015 г. изучена лишь небольшая, окраинная, часть поселения. Причем восточная часть раскопа № 2 оказалась уже за его пределами, поэтому в раскопах не оказалось жилых и хозяйственных построек.

Поселение Тюреке II

Поселение расположено в 4,8 км к северо-востоку от поселка Приморский Феодосийского горсовета, в 2,0 км к югу от Фронтového водохранилища, на северо-восточном берегу почти высохшего и заросшего камышами озера Тюреке, на южном склоне небольшой, покрытой разнотравьем безымянной возвышенности (рис. 1).

На месте поселения разместили раскоп площадью 75 кв. м (рис. 16). Мощность дернового слоя на месте раскопа составляла 0,1 м. В дерне, наряду с обломками крымскотатарских керамических сосудов, встречались довольно многочисленные

современные изделия, в частности, осколки снарядов и патроны времен Второй Мировой войны. Кроме того, обнаружен фрагмент изделия из белого мрамора (рис. 17,7).

Под дерном по всей площади раскопа залегал слой золистой земли мощностью 0,1–0,15 м. Несомненно, это культурный слой, образовавшийся во время функционирования поселения. Золистый слой насыщен находками, в частности, фрагментами черепицы «татарки» и костями животных. Среди многих мелких обломков керамических сосудов выделим фрагмент верхней части амфоры (рис. 17,10). Кроме того, обнаружены свинцовое пряслице (рис. 17,3), фрагмент керамической трубки (рис. 17,6), бронзовое изделие в виде диска с загнутыми краями (рис. 17,1).

Золистый слой перекрывал материк. При зачистке материка выявились заполнения пяти ям. Все они округлые в плане.

Яма № 1 ко дну расширяется, стены и дно неровные. Диаметр ямы на уровне материка составлял 0,9 м, по дну – 1,0 м, глубина – 0,4 м. Заполнение состояло из серой золистой земли с включением углей и камней. В заполнении найдены мелкие обломки стенок керамических сосудов, в том числе покрытых зеленой поливой, а также астрагал с просверленным отверстием (рис. 17,9).

Яма № 2 сужается книзу, образуя на высоте 0,15 м от дна ступеньки шириной до 0,2 м. Диаметр ямы на уровне материка 0,9 м, по дну – 0,6 м, глубина от уровня материка – 0,4 м. Заполнение состояло из золистой земли с включением многочисленных угольков и камней. На дне зачищено пятно горелого слоя. В заполнении обнаружены фрагменты черепицы «татарки», мелкие обломки гончарных сосудов, кости животных.

Яма № 3 диаметром 0,6 м, глубиной 0,25 м заполнена золистой землей. В заполнении обнаружено несколько обломков стенок гончарных сосудов, в том числе покрытых зеленой поливой, а также обломок бронзовой серьги (рис. 17, 5).

Яма № 4 диаметром 0,4 м, глубиной 0,8 м. Заполнение ничем не отличалось от культурного слоя поселения. В заполнении встречено семь мелких обломков стенок гончарных сосудов.

Яма № 5 книзу сужалась. Диаметр ямы на уровне материка 0,6 м, по дну – 0,8 м, глубина – 0,45 м. Заполнение состояло из золистой земли с включением многочисленных угольков. В заполнении встречались довольно многочисленные обломки керамических сосудов и кости животных. Среди сосудов выделяются покрытые красной обмазкой (рис. 17,8) и зеленой поливой (рис. 17,11).

В качестве подъемного материала обнаружены фрагмент керамической курительной трубки (рис. 17,2) и астрагал со срезанной, украшенной точечным орнаментом боковой поверхностью (рис. 17,4).

Судя по фрагментам гончарной керамики, в том числе поливной, находкам обломков керамических трубок, черепицы «татарки», поселение Тюреке II существовало в XVII–XVIII вв. Оно оставлено крымскотатарским населением. Вероятно, в начале XIX в. населенного пункта уже не было, поэтому он не отмечен на карте Мухина 1817 г.

Боспорские исследования, вып. XXXV

В 2015 г. изучена лишь небольшая, возможно окраинная, часть поселения. Во всяком случае, в раскопе не оказалось жилых и хозяйственных построек, из которых состояли все крымскотатарские поселения XVII–XVIII вв.

Благодаря работам 2015 г. на территории Керченского полуострова были частично исследованы остатки поселений эллинистического времени Батальное-северное I и II, могильник золотоордынского времени Батальное-северное, крымскотатарские поселения Романово I, Шибан I и Тюреке II. Вероятно, неподалеку от раскопа на поселении Романово I находились поселения эпохи бронзы и эллинистического времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов Н.Н.* Клад джучидских монет, найденный в Крыму в 1964 г. // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь, 2001. С. 454–484.
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. 487 с. (БИ. Вып. XVIII)
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. 678 с.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре. Москва; Саратов, 2003. 361 с.
- Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope / Histria. VIII. Bucarest; Paris, 1998. 206 p.
- Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire / Y. Garlan (éd.). Aix-en-Provence, 1999, P. 27–48.
- Garlan Y.* Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Istanbul, 2004. 310 p.
- Кас V.I.* A new chronology for the ceramic stamps of Herakleia Pontike // The cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday / P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba (eds.). Aarhus, 2003. P. 261–278.
- Teleaga E.* Beiträge zur Chronologie der Amphorenstempel und der Amphoren von Heraklea Pontike // Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. 22. 2003. S. 69–113.

REFERENCES

- Ivanov N.N.* Klad džučidskich monet najdenyj v Krymu v 1964 g. // MAIET. Vyp. VIII. Simferopol, 2001. S. 454–484.
- Кас V.I.* Grečeskie keramičeskie klejma epochi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izučeniya). Simferopol; Kerch, 2007. 487 s. (BI. Vyp. XVIII).
- Monachov S.Ju.* Grečeskie amfory v Pričernomor'e. Kompleksy keramičeskoj tary VII–II vekov do n.e. Saratov, 1999. 678 s.
- Monachov S.Ju.* Grečeskie amfory v Pričernomor'e. Tipologija amfor veduščich centrov – eksporterov tovarov v keramičeskoj tare. Moskva; Saratov, 2003. 361 s.
- Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope / Histria. VIII. Bucarest; Paris, 1998. 206 p.
- Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire / Y. Garlan (éd.). Aix-en-Provence, 1999, P. 27–48.
- Garlan Y.* Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Istanbul, 2004. 310 p.
- Кас V.I.* A new chronology for the ceramic stamps of Herakleia Pontike // The cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday / P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba (eds.). Aarhus, 2003. P. 261–278.
- Teleaga E.* Beiträge zur Chronologie der Amphorenstempel und der Amphoren von Heraklea Pontike // Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. 22. 2003. S. 69–113.

Боспорские исследования, вып. XXXV

Стоянова Анастасия Анзоровна, к.и.н.,
Институт археологии Крыма РАН,
295033, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Вернадского, 2,
старший научный сотрудник.
+7(978) 849-08-94
ancient2008@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

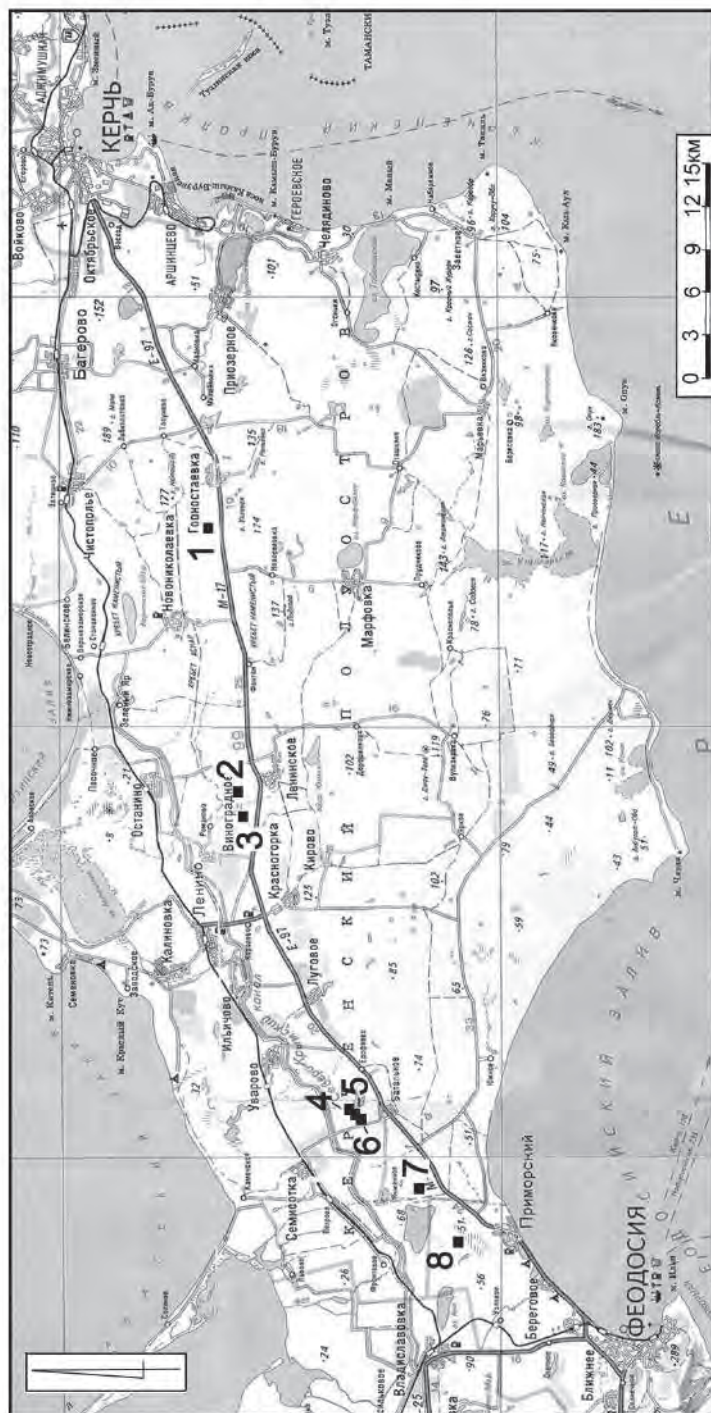
Khrapunov Igor' Nikolaevich, DSc,
Crimean Federal University named after Vernadsky V.I.
295033, Republic of Crimea, Simferopol, pr. Vernadskogo, 4,
Professor,
+7(978) 867-97-56
igorkhrapunov@mail.ru

Mul'd Sergei Al'fredovich
Research Center of History and Archaeology of the Crimea
of the Crimean Federal University named after Vernadsky V.I.
295033, Republic of Crimea, Simferopol, pr. Vernadskogo, 4,
Researcher,
+7(978) 824-57-82
muld@mail.ru

Stolba Vladimir Fedorovich, DSc
Aarhus University, Denmark,
klavs@cas.au.dk

Stoianova Anastasiia Anzorovna, CSc,
RAS Institute of Archaeology of the Crimea,
295033, Republic of Crimea, Simferopol, pr. Vernadskogo, 2,
Senior Resarcher,
+7(978) 849-08-94
ancient2008@mail.ru

Рис. 1. Месторасположение археологических объектов, исследованных в 2015 г. в рамках проекта «Сооружение электросетевого энергомота «Российская Федерация – Республика Крым»:

- 1 – поселение Горноставка-западная; 2 – поселение Ленинское V; 3 – поселение Романово I;
- 4 – поселение Батальное-северное II; 5 – поселение Батальное-северное I; 6 – могильник Батальное-северное;
- 7 – поселение Шибан I; 8 – поселение Туреке II.

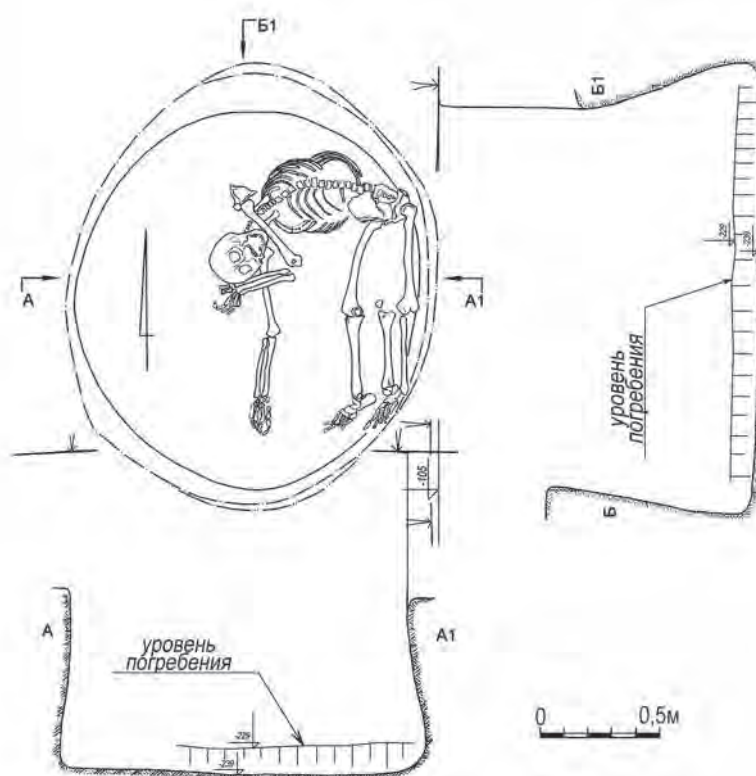
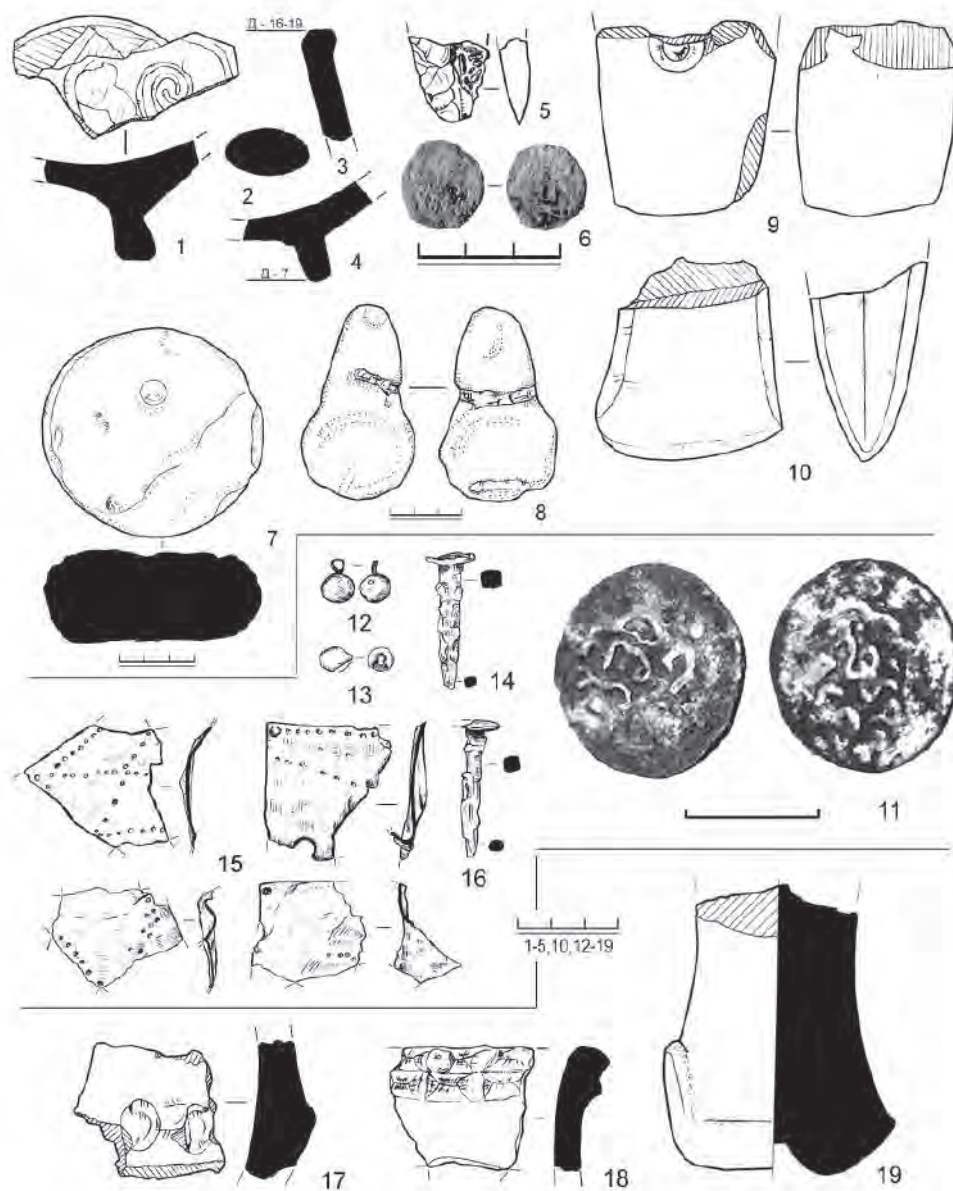

Рис. 2. Поселение Горностаевка-западная. Погребение в яме № 1.

Рис. 3. Находки из поселения Романово I (1 – 10), могильника Батальное-северное (11 – 16), поселений Батальное-северное I (19) и Батальное-северное II (17, 18):

1, 2, 4 – фрагменты гончарных сосудов; 3, 17, 18 – фрагменты лепных сосудов; 5 – отщеп кремневый; 6, 11 – монеты бронзовые; 7 – терочник каменный; 8 – грузило каменное; 9, 10 – фрагменты каменных топоров; 12 – подвеска бронзовая; 13 – бусина стеклянная; 14, 16 – гвозди железные; 15 – фрагменты бронзового предмета; 19 – фрагмент амфоры.

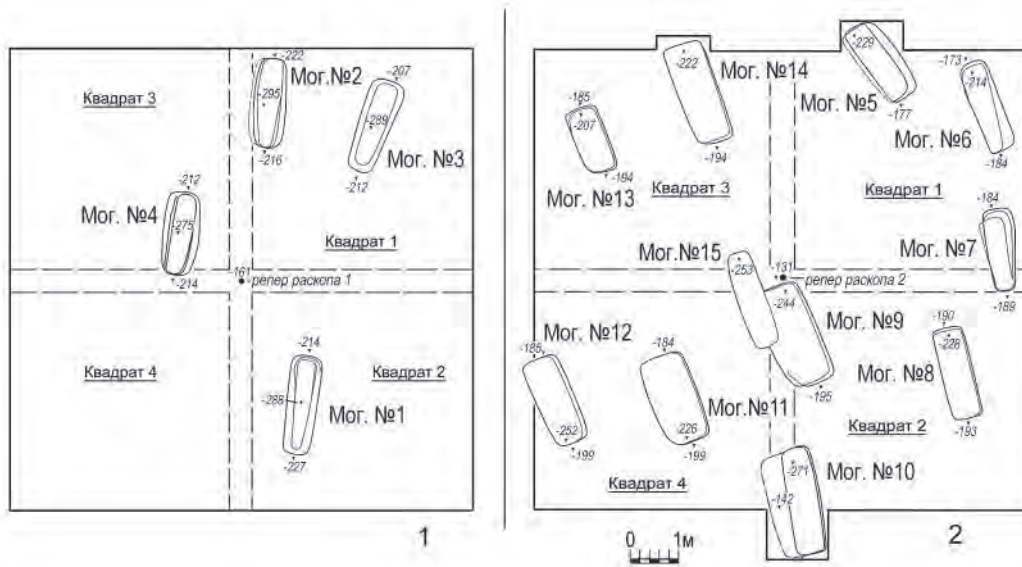

Рис. 4. Могильник Батальное-северное. Планы раскопок.
1 – план раскопа 1; 2 – план раскопа 2.

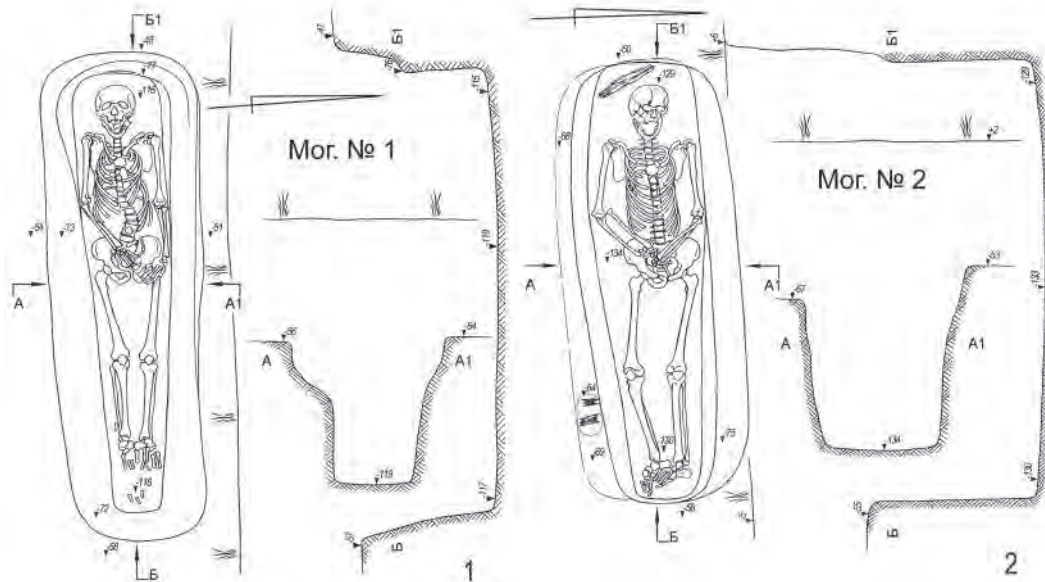

Рис. 5. Могильник Батальное-северное. Могилы № 1 и 2. Планы и разрезы.

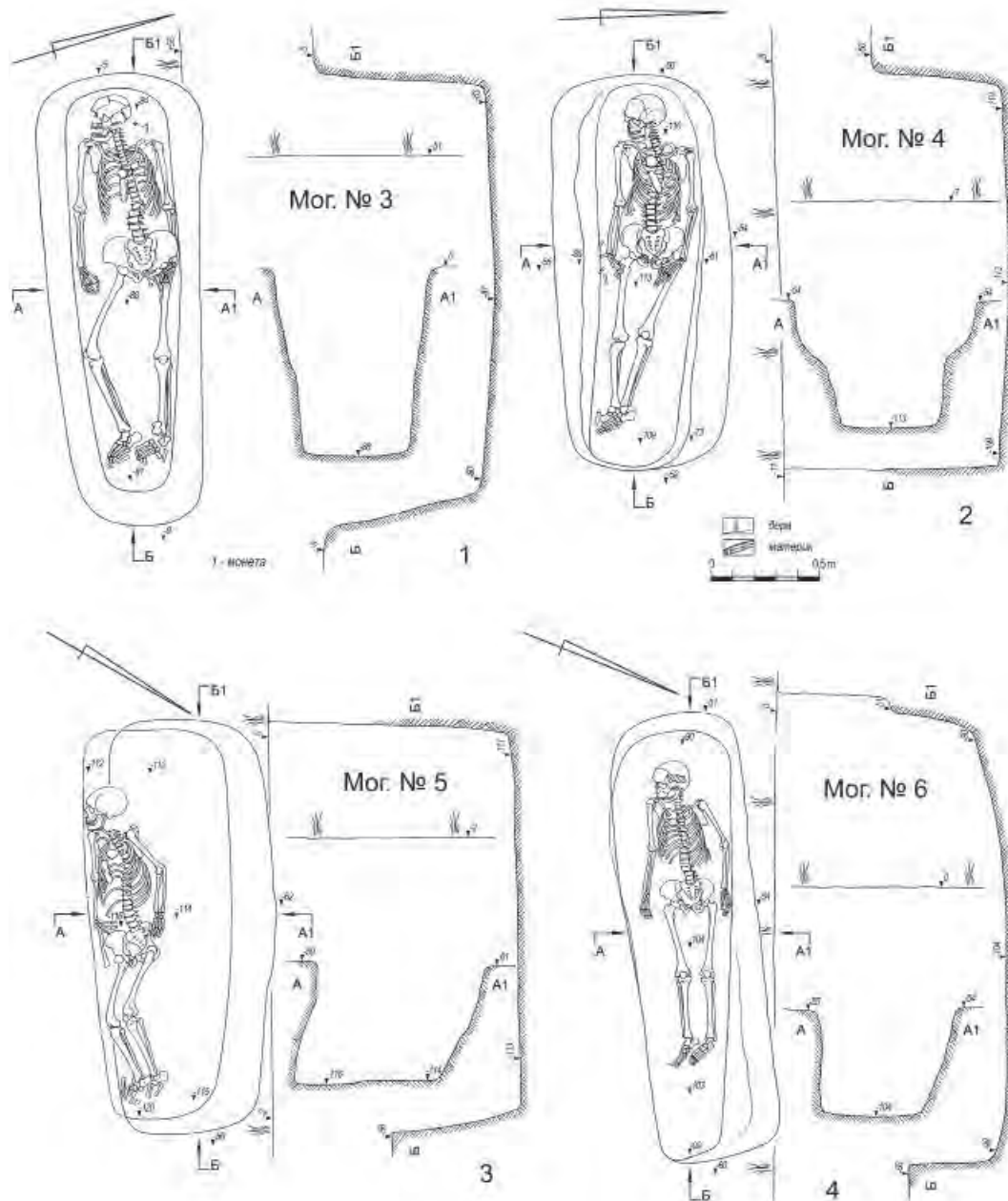

Рис. 6. Могильник Батальное-северное. Могилы № 3 – 6. Планы и разрезы.

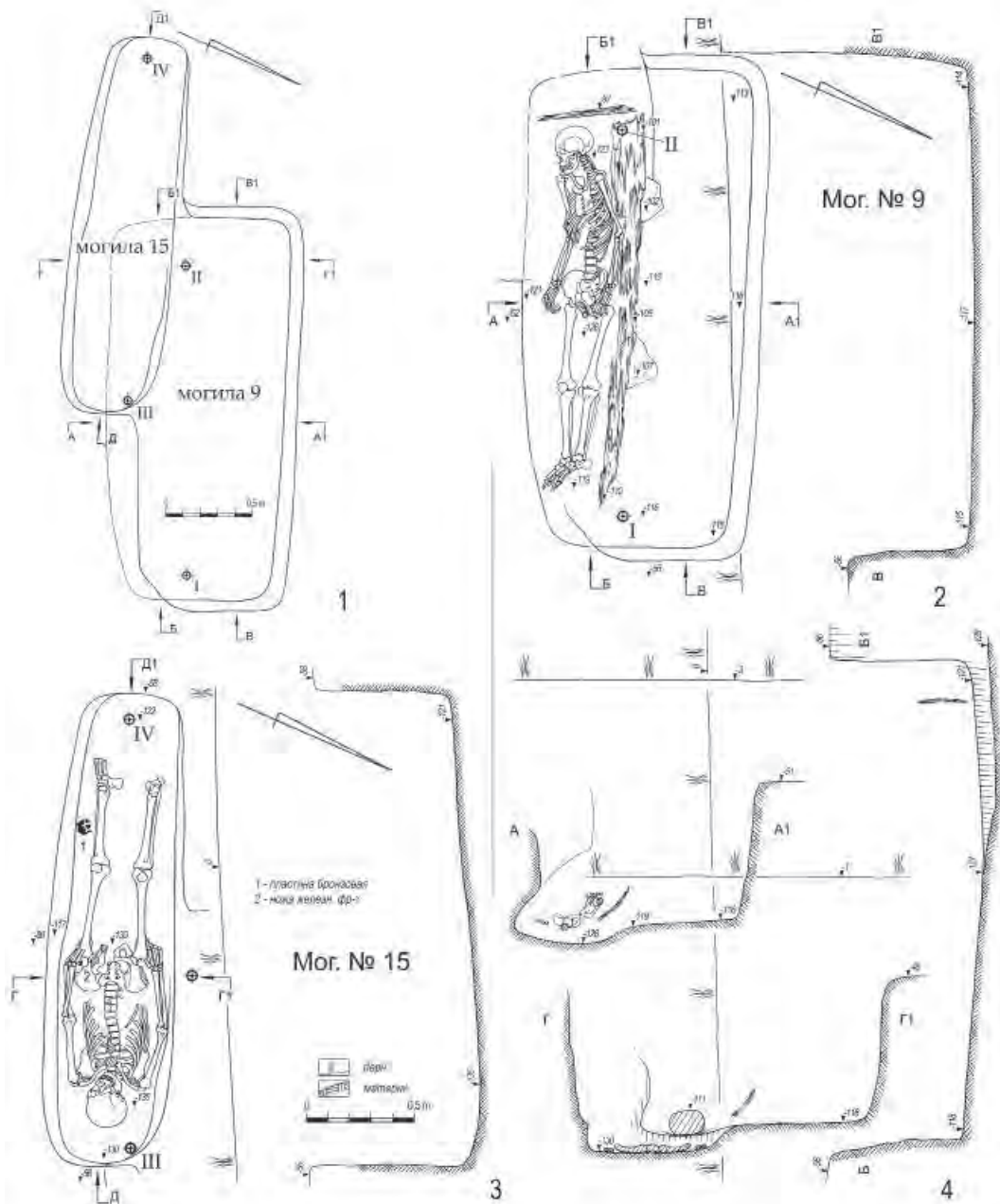

Рис. 7. Могильник Батальное-северное. Могилы № 9 и 15. Планы и разрезы.

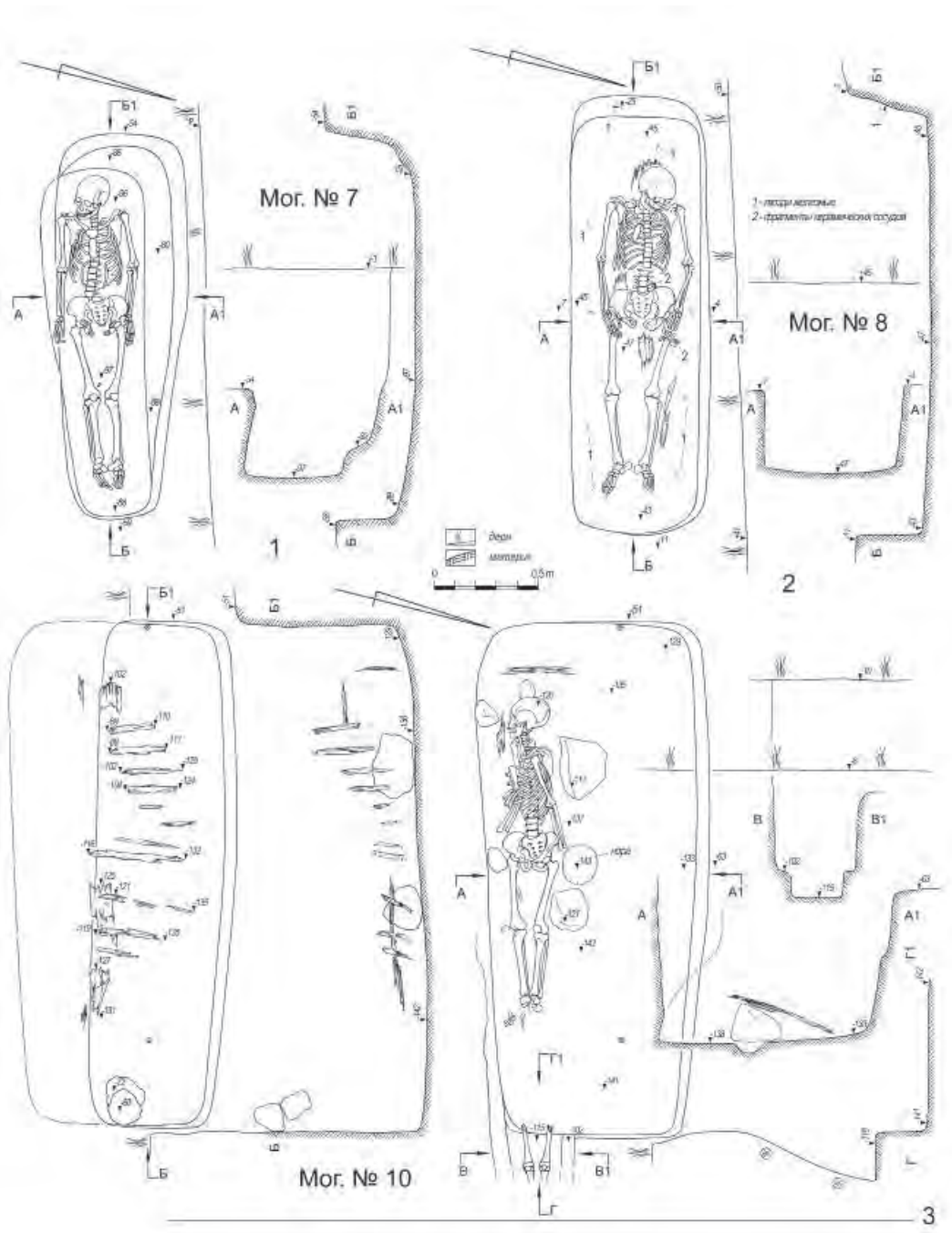

Рис. 8. Могильник Батальное-северное. Могилы № 7, 8, 10. Планы и разрезы.

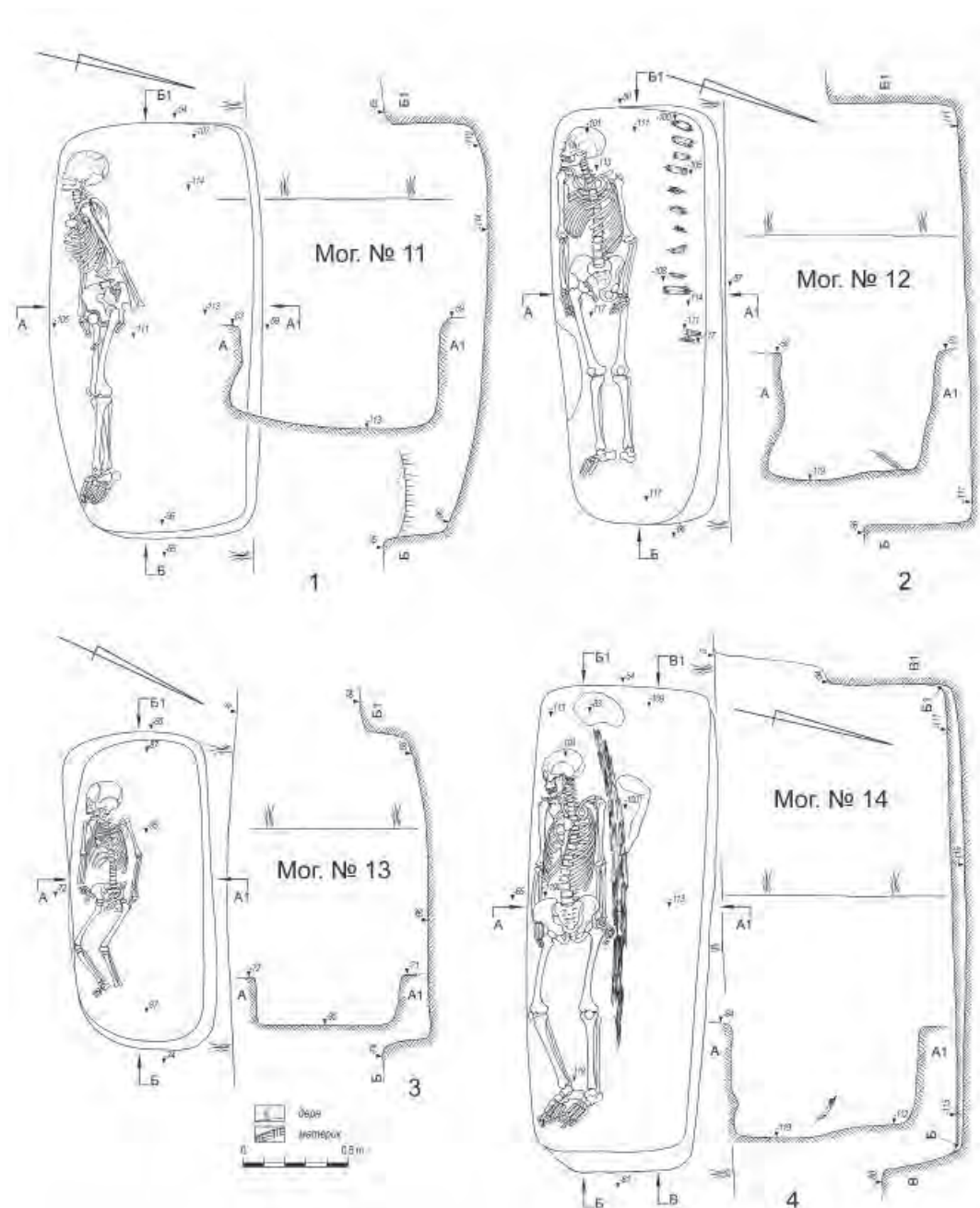

Рис. 9. Могильник Батальное-северное. Могилы № 11 – 14. Планы и разрезы.

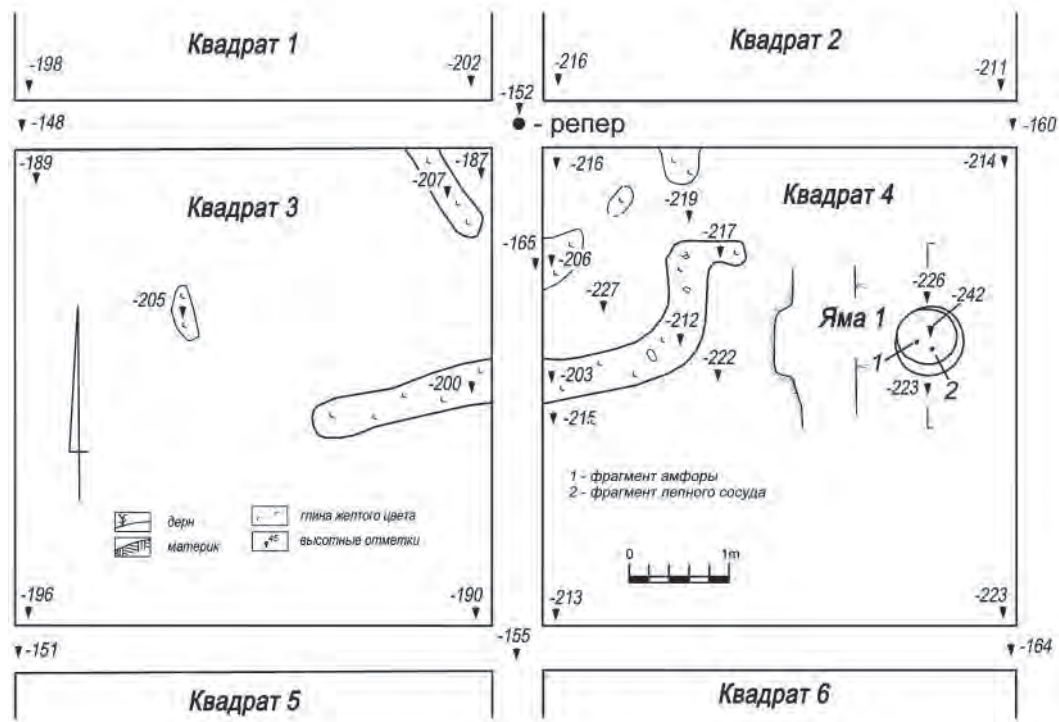

Рис. 10. Поселение Батальное-северное I. План раскопа.

Рис. 11. Находки из поселений Батальное-северное I (1 – 3) и Батальное-северное II (4 – 11):
1 – 3, 4 – 6, 11 – фрагменты амфор; 7 – фрагмент гончарного сосуда; 8 – гвоздь железный;
9, 10 – фрагменты лепных сосудов.

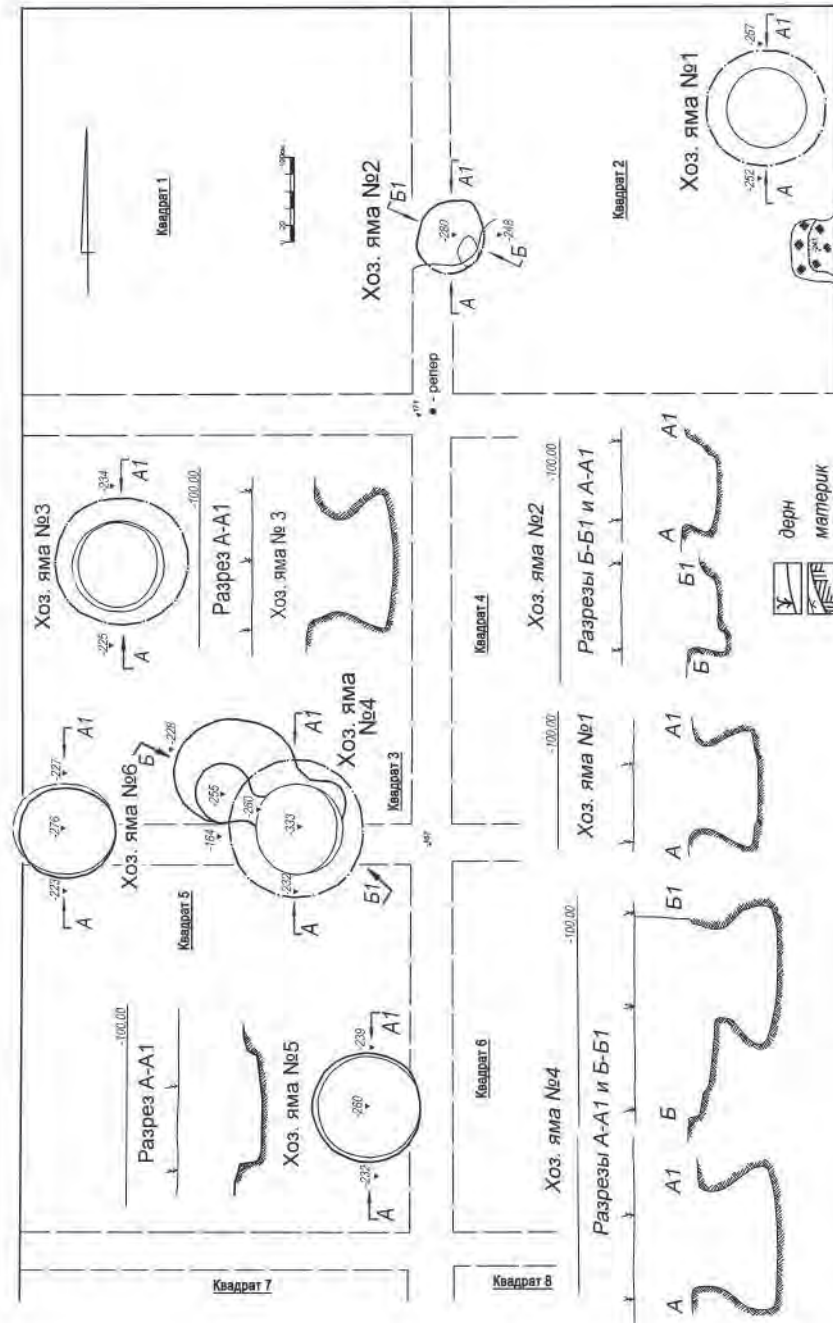

Рис. 12. Поселение Багальное-северное II. План раскопа I и разрезы хозяйственных ям.

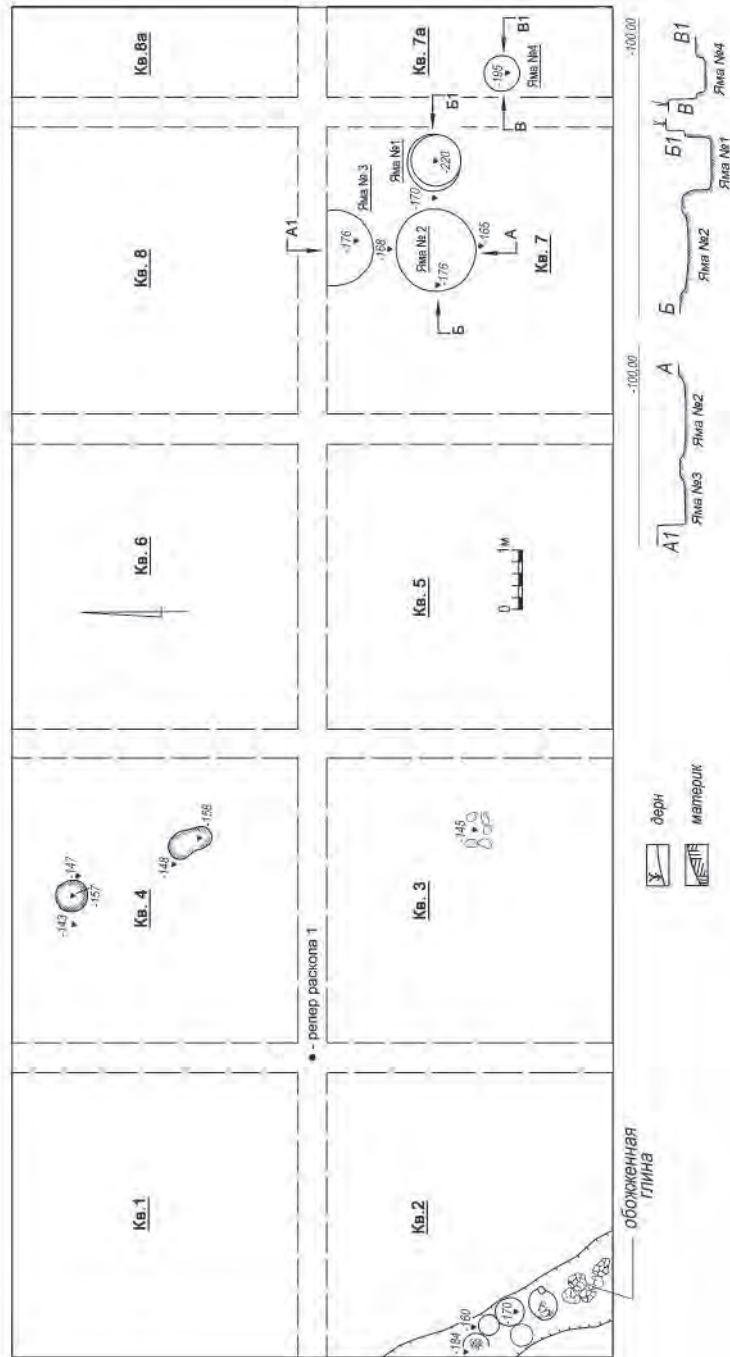

Рис. 13. Поселение Шибан I. План раскопа № 1 и разрезы ям.

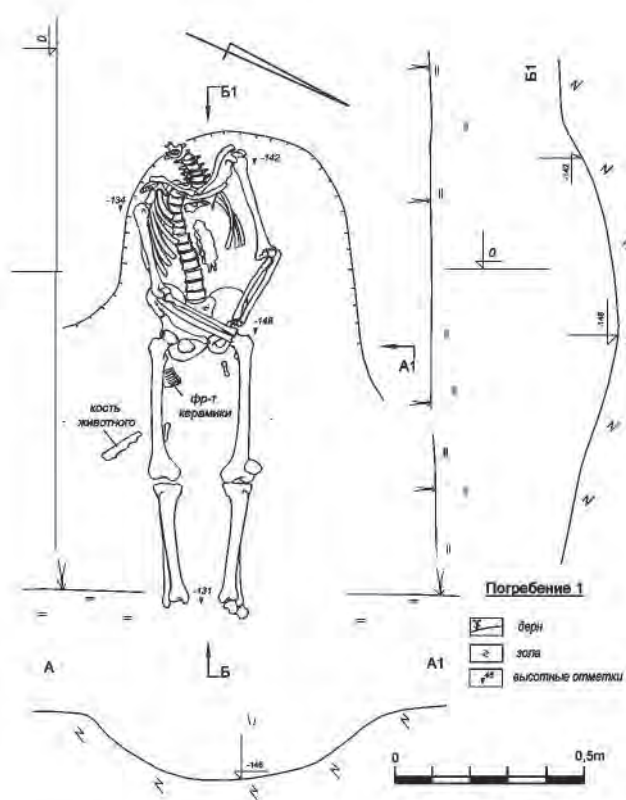
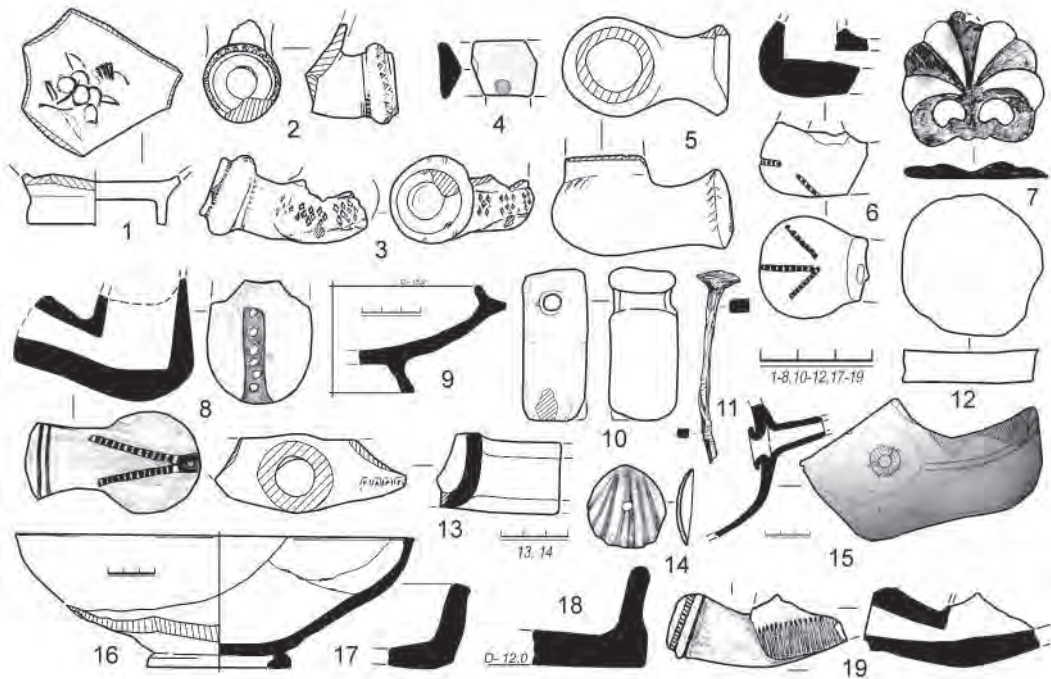

Рис. 14. Поселение Шибан I. Погребение 1.

Рис. 15. Поселение Шибан I.

Находки: 1,9,13,15,16-18 – фрагменты керамических сосудов; 2,3,5,6,8,19 – керамические курительные трубки; 4 – фрагмент венчика стеклянного сосуда; 7 – бронзовое украшение; 10 – каменный оселок; 11 – железный гвоздь; 12 – керамическая крышка; 14 – створка раковины.

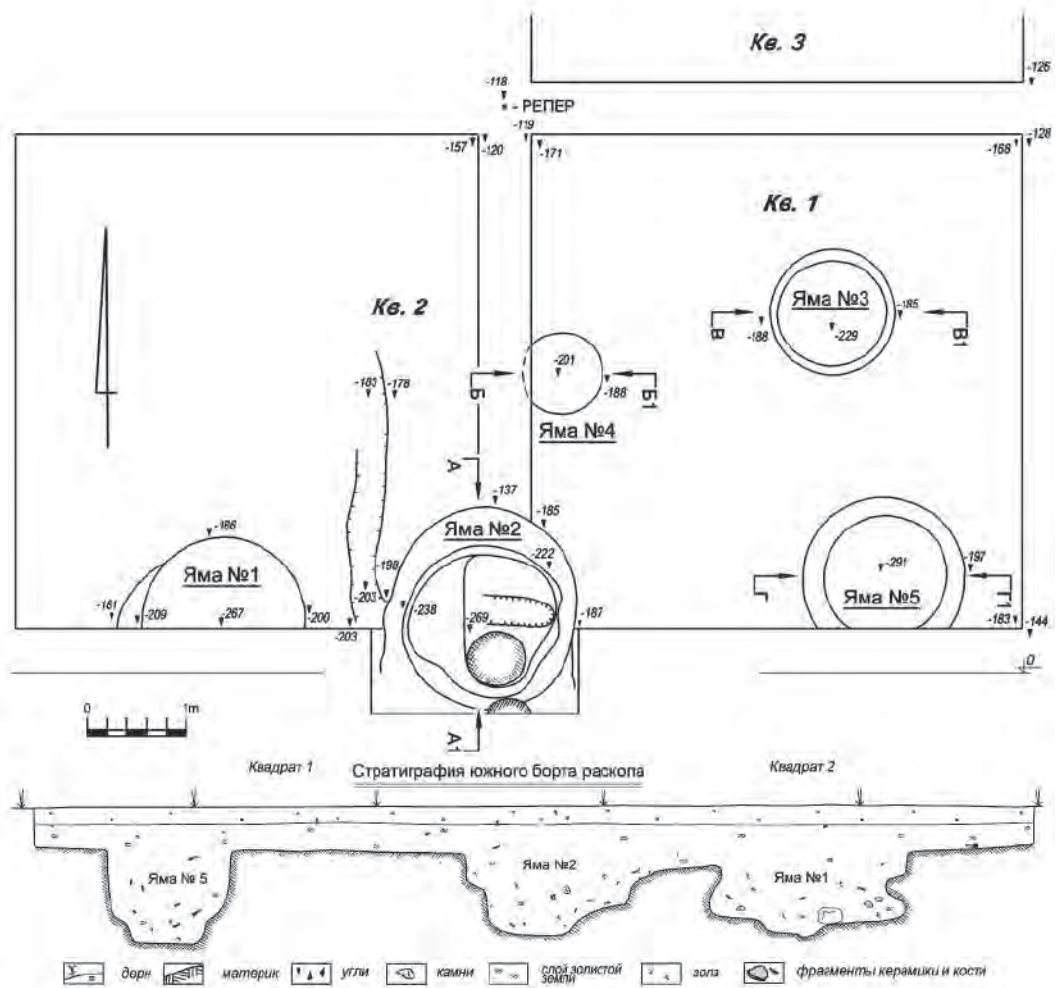
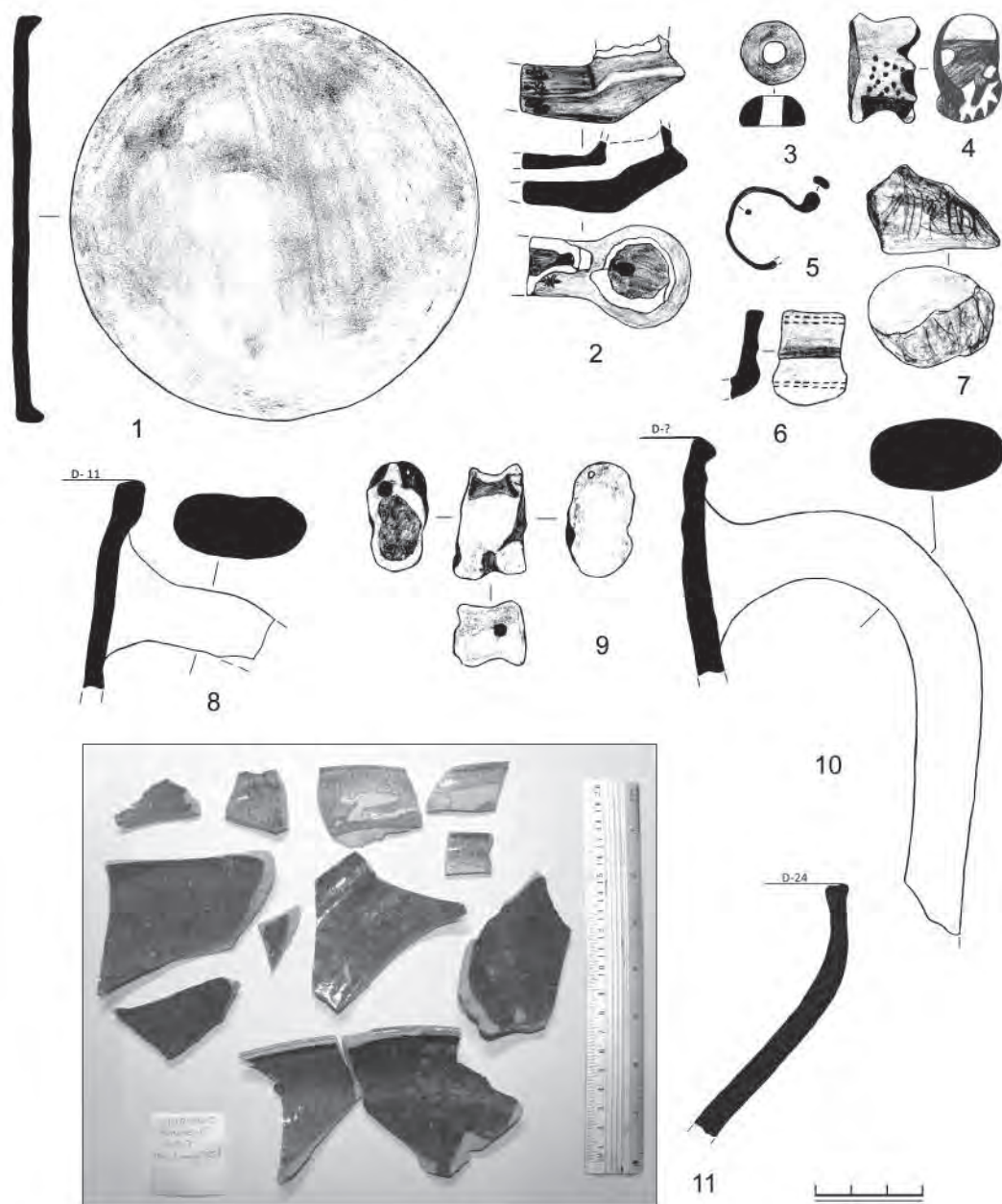

Рис. 16. Поселение Тюреке II. План раскопа и стратиграфия южного борта.

Рис. 17. Поселение Тюреке II.

Находки: 1 – бронзовое дисковидное изделие; 2, 6 – фрагменты курительных трубок; 3 – свинцовое пряслице; 4, 9 – астрагалы; 5 – фрагмент бронзовой серьги; 7 – фрагмент мраморного изделия; 8, 10, 11 – фрагменты керамики.

Д.Ю. ПОНОМАРЕВ, А.В. НИКИТАЕВ
D.IU. PONOMAREV, A.V. NIKITAEV

**МОЧЕКАМЕННАЯ И ЖЕЛЧНОКАМЕННАЯ БОЛЕЗНЬ У
НАСЕЛЕНИЯ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО БОСПОРА
URINARY AND CHOLELITHIASIS DISEASE AMONG THE
POPULATION OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL BOSPORUS**

Мочекаменная и желчнокаменная болезнь – это постоянные спутники жителей различных континентов и стран мира в различные времена, эпохи и неравномерно распределены на земном шаре. Имеются отдельные географические районы, где они являются краевой патологией и встречаются очень часто. Крымский полуостров также не исключение, поскольку географически и исторически был и есть контактной зоной этносов и культур. Конечно же, это проявилось в палеопатогеографии урוליриаза и холелитиаза в древнем Крыму.

Предметом изучения палеопатологии, как правило, являются кости скелета, на которых обнаруживаются морфологические проявления патологических состояний не только опорно-двигательного аппарата, а также иных систем организма. Но редкой находкой для палеопатолога являются камни – так называемые конкременты. Конкременты (от лат. concrementum – сросток) представляют собой плотные образования, свободно лежащие в полостных органах или же в выводных протоках желез, формируясь из солей жидкостей, находящихся в них. С чем же связана редкость таких находок? Конечно, в первую очередь, это слабая устойчивость их к механическим и физико-химическим факторам почвы в погребении. Во-вторых, относительная редкость заболеваний, приводящих к образованию конкрементов в организме человека.

Наши исследования с 2000 года ввели в научный оборот новые случаи мочекаменной и желчнокаменной болезни среди населения античного и средневекового Боспора [Пономарев, 2000; Пономарев, 2001; Пономарев, Никитаев, Курч, 2013]. Это три объекта. Первый – камень мочевого пузыря, обнаруженный в погребении из античного могильника Челядиново-восточное. Второй, также камень мочевого пузыря, из средневекового некрополя на территории городища Мирмекий. Третья находка – камень желчного пузыря из погребения № 2 поселения Бондаренково VII. Находки топографически достаточно разбросаны, что, конечно же, связано с редкостью их обнаружения (рис. 1).

МОЧЕКАМЕННАЯ БОЛЕЗНЬ

Мочекаменная болезнь – хроническое заболевание, сопровождающееся образованием в почках, мочеточниках и мочевом пузыре камней разной величины, структуры и химического состава. Образование конкрементов в мочевыделительной

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников, связанных с находками мочевых и желчных камней среди костей скелета погребенных.

1 – античное поселение и могильник Челядиново-восточное; 2 – средневековый некрополь городища Мирмекий (поселение Пондики); 3 – античное поселение Бондаренково VII.

системе возможно в любом возрасте, но наблюдается чаще всего у лиц старше 30 – 40 лет. В русскоязычной литературе нам не встретились ссылки на находки мочевых камней в древних погребениях на территории бывшего СССР [Рохлин, 1965; Дэрумс, 1996; Дэрумс, 1970; Пирпилашвили, 1973]. В обобщающих работах авторы ссылались лишь на данные зарубежных авторов и, как правило, это было описание камней, обнаруженных в египетских мумиях [Вылегжанин, 1932; Герценберг, 1932].

Сведений о наличии мочекаменной болезни у первобытного человека в известной нам литературе нет. Она становится известной с эпохи античной цивилизации из древнейших памятников письменности, а также работ археологов и палеопатологов. Самый ранний камень у человека обнаружен Смитом [Smith, 1901, по Вайнберг, 1971] в Египте в мумии, которой, по данным египтологов, насчитывалось около 7000 лет. Камень располагался в области малого таза и относится к конкрементам мочевого пузыря. Археологом Шэттоком [Joly, 1929, по Смеловский, 1965] описаны четыре камня у египетской мумии, погребенной, судя по дате на гробнице, в 1440 г. до н.э. Они были расположены на уровне первого поясничного позвонка и относят-

ся, по-видимому, к почечным камням. В работе Betschai 1951 г. [по Вайнберг, 1971] о распространении уролитиаза в Египте приводятся фотографии мочевых камней, найденных в скелетах мумий, погребенных в XII в. до н.э. В Америке археологом Вильямсом обнаружен пузырьный камень, также у мумии, из индейского могильника в Аризоне, погребенной в середине XVII века [Butt, 1956, по Смеловский, 1965].

Уролитиаз был хорошо известен врачам древней Греции и Рима. В IV в. до н.э. Гиппократом дано довольно точное описание и название мочекаменной болезни [Гиппократ, 1994]: «...Четыре болезни происходят от почек. Вот симптомы первой: острая боль чувствуется в почке, пояснице, паху, яичке, соответственно почке; больной часто мочится, мало-помалу моча прекращается, и с мочой выходит песок ... Многие врачи, не понимающие болезни, видя песок, думают, что мочевой пузырь страдает от камня, но это не мочевой пузырь, но почка страдает от камня ...». Автор клятвы врача хорошо знал не только о камнях мочевого пузыря, но и камнях почек. Не зря его высказыванию принадлежит афоризм: «У кого в моче оседает песок, у тех мочевой пузырь страдает камнем» [Гиппократ, 1994]. В Римской империи врачеватели к оперативному лечению камней мочевого пузыря относились сдержанно и не рекомендовали его своим последователям. Так Авл Корнелий Цельс приводит технику камнесечения и показания к хирургическому лечению камней мочевого пузыря [Цельс, 1960].

В IX-X вв. н.э. в «Житии» Серапиона Зармского [Вайнберг, 1971], хранящемся в созданном им монастыре в Грузии, имеются следующие строки, относящиеся к мочекаменной болезни: «...и вот прибыл к нему человек, который чрезвычайно страдал от резких болей, ибо кровь текла из его срама... И вдруг, на виду у всех выпали два камня, поразительные по величине, исцелился сей человек полностью...»

Под названием камнесечение с древних времен известны хирургические методы лечения мочекаменной болезни. Они упоминаются в памятнике письменности «suttura» VI в. до н.э. У древних китайцев и индусов камнесечение положило начало особому ремеслу [Hemsbach, 1850, по Смеловский, 1965]. Занимавшиеся им «камнесеки», пользуясь примитивными способами, были искусными специалистами по извлечению камней из нижних мочевых путей. На Востоке в IX-X вв. Абу-Али Ибн-Сина диагностировал, лечил и оперировал камни мочевого пузыря. В XI в. н.э. Серапион Старший упоминает о предложении древних врачевателей удалять камень из почки каленным железом со стороны спины [Вайнберг, 1971]. В средневековой Европе камнесечением занимались ремесленники или монахи. Камни удаляли через разрез мочеиспускательного канала на промежности над введенным в уретру металлическим бужом. Мочеиспускательный канал рассекался на промежности, и через разрез уретры в мочевой пузырь вводили щипцы, которыми извлекали камень. Операции производились в антисанитарных условиях неграмотными в области медицины людьми и сопровождались высокой (до 50%) летальностью. Распространение мочекаменной болезни отмечается в XVI–XVIII столетиях. Было замечено, что она сопутствует войнам и периодам наибольшего материального упадка населения и неодинаково распространена в разных странах.

Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В. Мочекаменная ...

Древние камни имели приблизительно тот же состав, что и камни современного человека [Смеловский, 1965]. Пузырный камень, извлеченный из египетской мумии, состоял из двух основных веществ: наружная корка из фосфатов, а ядро – почти из чистой мочевой кислоты, а почечный камень – из карбоната кальция и фосфорнокислого кальция с небольшим количеством оксалатов. Такими же смешанными по химическому составу – оксалато-фосфато-карбонатными – были камни, найденные в скелете из древнего индейского могильника в Америке.

УРОЛИТ В ПОГРЕБЕНИИ АНТИЧНОГО МОГИЛЬНИКА ЧЕЛЯДИНОВО-ВОСТОЧНОЕ

Боспорская охранно-археологическая экспедиция под руководством д.и.н. В.Н. Зинько в 1995 г. проводила раскопки кургана № 16 могильника Челядиново-восточное, расположенного в 2,1 км от с. Челядиново Ленинского района АР Крым. В процессе раскопок было раскрыто грунтовое погребение (М-4) женщины, умершей в возрасте 40-50 лет. Автор раскопок датировал погребение IV-III вв. до н. э. [Зинько, 1996; Зинько, 1998]. Среди фрагментов тазовых костей обнаружен мочево́й камень, указывающий на наличие у женщины при жизни мочекаменной болезни – уролитиаза.

Мочево́й камень сохранился практически полностью и имеет овально-яйцевидную текстуру (рис. 2, А,Б). Длина сохранившегося фрагмента камня 40 мм, диаметр в средней части – 28 мм. Конкремент плотной консистенции. Наружная поверхность образования мелкозернистая, коричневатого-желтого цвета. В центре его расположена полость цилиндрической формы диаметром 9 мм, внутренняя поверхность которой мелкобугристая, рыхлая, белого цвета.

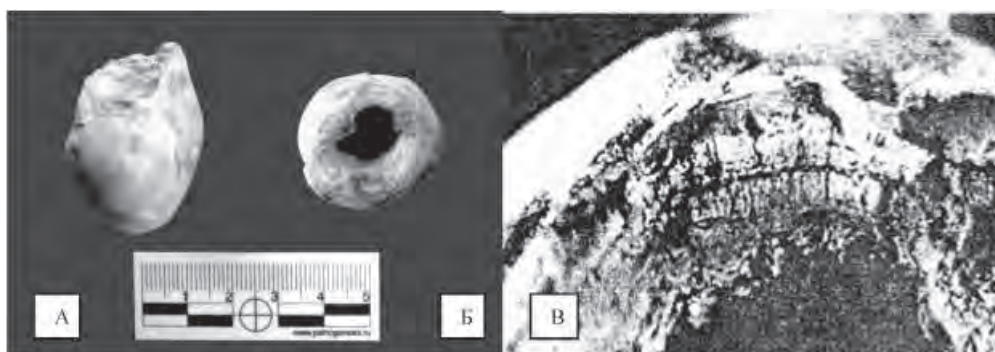

Рис. 2. Камень мочевого пузыря. Могильник Челядиново-восточное, курган № 16.

А – камень мочевого пузыря, общий вид; Б – камень мочевого пузыря с видом на полость – камнеобразующую матрицу; В – макрофотография стенки мочевого камня со слоисто-радиальной структурой.

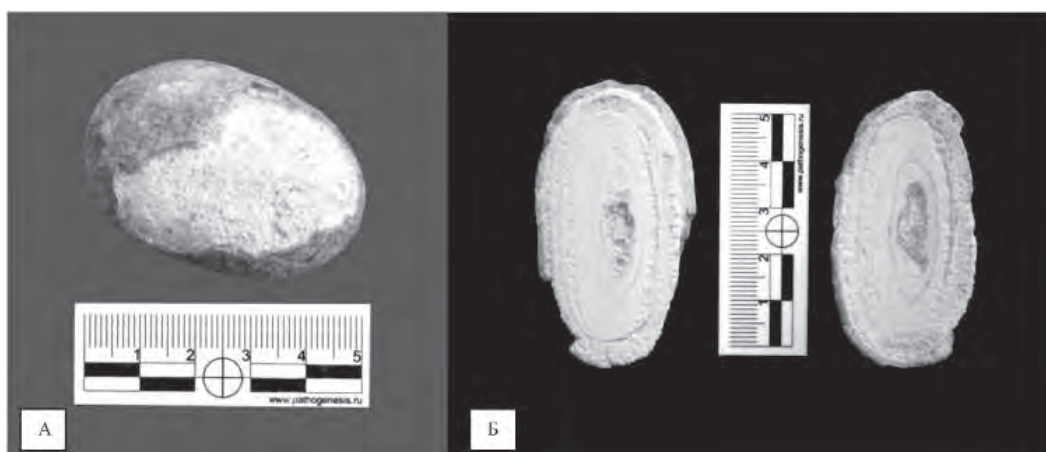
Полость локализуется на месте разрушенного органического основного вещества – каменной матрицы (stenmatrix), которая является основой для образования любого конкремента. В соответствии с кристаллизационной теорией матрикс факти-

чески является ядром, на поверхности которого образуются ростки радиально и концентрически разрастающихся кристаллов. Такие кристаллические ядра могут образовывать и посторонние тела: колонии бактерий, поврежденные участки слизистой оболочки и пр. На поверхности излома конкремент имеет ритмично-слоистую структуру (рис. 2, В), сформированную периодичным изменением состава минералообразующих растворов, то есть по химическому составу камень является смешанным [Егизарян, Джафаров 1972]. Его структура обусловлена чередованием солей щавелевой кислоты (оксалатов) в кристаллической форме (коричневато-желтого цвета) и аморфных фосфатов (белого цвета).

УРОЛИТ В ПОГРЕБЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ НА ГОРОДИЩЕ МИРМЕКИЙ

Еще один камень мочевого пузыря обнаружен среди костей в могиле № 53-а средневекового некрополя на городище Мирмекий. Автор раскопок к.и.н. А.М. Бутягин (зав. сектором археологии Северного Причерноморья отдела античного мира ФГУК «Государственный Эрмитаж») датирует могильник XIV – XVI вв. н.э. и считает, что он принадлежал небольшому поселению Пондико [Бутягин, 2003]. В могиле находился скелет женщины, умершей в возрасте 40 – 50 лет.

Камень мочевого пузыря вытянуто-овальной текстуры, размерами 48x27x33 мм (рис. 3, А). Наружная поверхность конкремента на сохранившихся участках мелкобугристая, с участками буровато-коричневого и светло-желтого оттенков. На поверхности распила образование имеет ритмично-слоистую структуру (рис. 3, Б), которая сформирована солями щавелевой кислоты (оксалатами) в кристаллической форме

Рис. 3. Камень мочевого пузыря из погребения в могиле № 53-а средневекового некрополя на городище Мирмекий.

А – камень мочевого пузыря, общий вид; Б – камень мочевого пузыря, продольный распил, в центральной части визуализируется камнеобразующая матрица.

Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В. Мочекаменная ...

(коричневато-желтого цвета) и аморфными фосфатами (белого цвета). В центральной части камня расположена полость овальной формы, размерами 9x7x5 мм, являющаяся матриксом в процессе петрификации конкремента.

Нами был обнаружен аналогичный по морфологии и минералогическому составу камень (рис. 4, А,Б) мочевого пузыря на современном материале (мужчина, 65 лет, г. Керчь). Стоит отметить практически полную идентичность текстуры и структуры современного и древнего камней мочевого пузыря.

Учеными кафедры урологии лечебного факультета Крымского медицинского института были получены статистические данные по распространенности мочекамен-

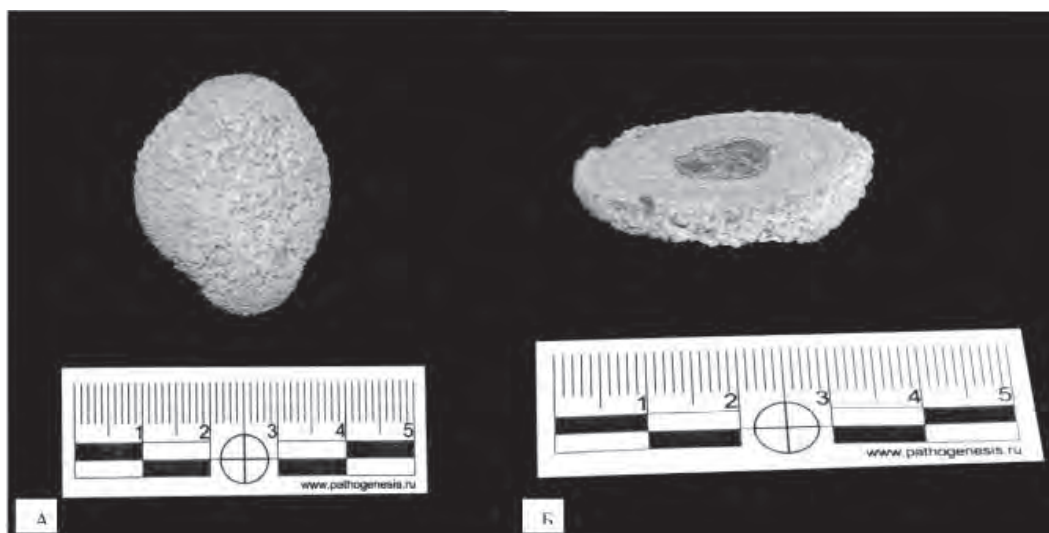

Рис. 4. Камень мочевого пузыря. Современный материал. Мужчина, 65 лет.

А- общий вид уrolита; Б – уrolит на поперечном распиле, в центральной части камня видна камнеобразующая матрица (более темного оттенка)

ной болезни в Крыму [Шимкус, Ташиев, 1964]. Уролитиаз был диагностирован у 0,1% жителей Крыма и географически распространен относительно равномерно, отличаясь меньшим количеством больных на Керченском полуострове, хотя в этом регионе самая высокая жесткость воды. Больше количество случаев уролитиаза зарегистрировано в г. Симферополе и районе леса и лесостепи полуострова, где общая жесткость воды одна из самых низких на территории Крыма. То есть, по мнению авторов, потребление воды не оказывает решающего влияния на образование мочевых камней.

ЖЕЛЧНОКАМЕННАЯ БОЛЕЗНЬ

Желчнокаменная болезнь (холелитиаз) – полиэтиологическое заболевание, характеризующееся образованием камней (конкрементов) в желчевыводящих путях, желчном пузыре (холецистолитиаз) и в протоках (холедохолитиаз). Патогенез камнеобразования сложен и определяется общими факторами – нарушением обмена

веществ, приобретенного или наследственного характера. Особое значение имеют нарушения обмена жиров (холестерина), нуклеопротеидов, ряда углеводов и минералов. По данным V.Сoyn и L.Cholenfield (по Комаров, 1995), желчнокаменной болезнью страдают около 10% современного населения мира, а первые упоминания о желчнокаменной болезни относятся к глубокой древности, когда желчные камни использовались в качестве ритуальных украшений и в культовых обрядах. Желчные камни формируются в результате осаждения нерастворимых компонентов желчи: холестерина, желчных пигментов, солей кальция и некоторых типов белков. Их делят на холестериновые, пигментные и редкие – известковые, которые образованы карбонатом кальция, а также смешанные. Химический состав конкремента меняется от центра к периферии и также формируется из матрикса. Как и в случае с уролитазом, камнеобразование в желчных путях у древнего человека также не являлось редкостью.

Среди костей скелета женщины в погребении № 2 (яма № 6) поселения Бондаренково VII был обнаружен камень желчного пузыря.

Конкремент по форме представлен образованием, идентичным наполненному желчному пузырю (рис. № 5, А), и имеет вид соединенных между собой трех бочонкообразных образований, разделенных друг от друга кольцевидными желобовидными бороздами. Камень размерами 5,8 x 1,8 x 1,6 см, серовато-белого цвета. Поверхность его мелкозернистая, с единичными мелкими выступами. Найденный конкремент относится к известковым овальным камням, состоящим из бочонкообразных сегментов. В целях уточнения структуры камень распилен в продольной плоскости с получением шлифа. На поверхности распила видно, что центральную часть занимает полость, заполненная крошкообразной, крупнопористой

Рис. 5. Камни желчного пузыря.

А – камень желчного пузыря, общий вид, поселение Бондаренково VII, могила 2;
Б – камни желчного пузыря, общий вид, мужчина 45 и 56 лет, современное население, АР Крым.

каменистой субстанцией, которая сформировалась на месте органической матрицы (рис. 6, А) с которой и началось его формирование (инициация). Промежуточный (второй) слой плотный, аморфный, бесструктурный, молочно-белого цвета и занимает более 50% радиуса камня (0,3-0,7 см). Поверхностный (третий) слой нечетко отграничен от промежуточного, но кардинально отличается по структуре. Он представлен мелкопористым, местами мелкослоистым напластованием с белесовато-желтоватым оттенком толщиной 0,2-0,3 см. Такая структура конкремента обусловлена тем, что на момент смерти женщины камень находился в стадии петрификации, в связи с чем поверхностный слой частично сформирован. В нашей научной коллекции, собранной в морге Керченского отделения судмедэкспертизы, имеются камни желчного пузыря современного человека, двух мужчин, умерших в возрасте 45 и 56 лет. Они практически аналогичны по форме, размерам и структуре желчным камням древних людей (рис. 5, Б, рис. 6, В). Не является исключением аналогия, приведенная Aschoff [Федоров, 1934]. Автор наглядно демонстрирует на рисунке структуру камня желчного пузыря на продольном распиле с визуализирующей матрицей (рис. 6, Б).

В наших случаях маловероятно, чтобы причиной смерти погребенных послужила мочекаменная и желчнокаменная болезнь. Скорее всего, смерть последовала от заболеваний, в симптомокомплекс которых входили уrolитиаз или холелитиаз.

Обнаруженные конкременты подтверждают древность мочекаменной болезни и указывают на необходимость систематических совместных археологических и палеопатологических исследований античных и средневековых могильников Крыма. Такой подход позволит получить статистические данные по частоте и распространенности мочекаменной и желчнокаменной болезнью у древнего населения Тавриды.

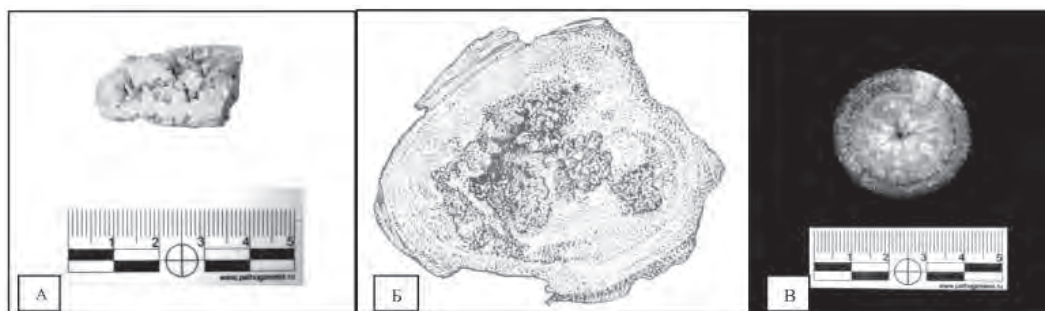

Рис. 6. Камни желчного пузыря.

А – камень желчного пузыря, продольный распил, поселение Бондаренково VII, могила 2;
Б – камень желчного пузыря, продольный распил (Aschoff, по Федорову, 1934); В – камень желчного пузыря, поперечный распил, современное население, мужчина, 54 года, АР Крым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутиягин А.М. Средневековый некрополь Мирмекия. // Материалы IV Боспорских чтений. Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь. 2003.
- Вайнберг З.С. Камни почек. М. 1971.
- Вылегжанин Н.И. Палеопатология. // Казанский медицинский журнал. 1932. № 5-6.
- Герценберг Е. Палеопатология. // Большая медицинская энциклопедия. М., 1932. Т. 24.
- Гиппократ. Избранные книги. Перевод с греческого проф. В.И. Руднева. Редакция вступительной статьи и примечания проф. В.П.Карпова. М. 1994.
- Егiazарян А.Г., Джафаров А.А. К петрографической характеристике и условиям образования мочевых камней. // Журнал экспериментальной и клинической медицины. 1972. № 6.
- Зинько В.Н. Отчет о работе Боспорской охранно-археологической экспедиции в 1995 году. // Научный архив КФ ИА НАНУ. 1996. Том 1.
- Зинько В.Н. Погребальные комплексы с хоры Нимфея. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Колпаков И.С., Глики Н.В. Морфология и генезис мочевых камней по данным поляризационно-оптического исследования оксалатов кальция. // Урология и нефрология. 1965. № 2.
- Пономарев Д.Ю. Мочекаменная болезнь на территории античного Боспора. // Боспор Киммерийский. На перекрестье греческого и варварского миров (античность и средневековье). Материалы I Боспорских чтений. Керчь. 2000 г.
- Пономарев Д.Ю. Палеопатогеография мочекаменной болезни в Крыму в античную и средневековую эпохи. // Боспорские исследования. Вып. 1. 2001 г.
- Пономарев Д.Ю. Антропологические материалы могильников хоры Нимфея (демографические и палеопатологические данные). // Боспорские исследования. Вып. IV. Хора Боспорского города Нимфея. Керчь. 2003.
- Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В., Курч А.М. Новые данные палеопатологии античного Боспора (по материалам археологических исследований поселения Бондаренково VII. // Таврийські студії. Історичні науки. № 1 (4) – 2013.
- Смеловский В.П. Мочекаменная болезнь. Куйбышев, 1965.
- Тиктинский О.Л. Уролитиаз. Л. 1989.
- Федоров С.П. Желчные камни и хирургия желчных путей. Изд. 2. Л. – М. 1934.
- Цельс Авл Корнелий. О медицине. Пер. с лат. С.М. Каца. Куйбышев. 1960.
- Шимкус Э.М., Тащев Ю.С. Мочекаменная болезнь у жителей Крыма и результаты ее хирургического лечения. // Вопросы урологии. 1964. Вып. 1.

REFERENCES

- Butiagin A.M. Srednevekovy nekropol' Mirmekii. *Materialy IV Bosporskikh chtenii. Bospor Kimmeriiskii: Pont i varvarsky mir v period antichnosti i srednevekov'ia.* Kerch', 2003.
- Gertsenberg E. Paleopatologiya. *Bol'shaia meditsinskaya entsiklopediya.* M., 1932. Vol. 24.
- Gippokrat. *Izbrannye knigi. Perevod s grecheskogo prof. V.I. Rudneva. Redaktsiya vstupitel'noi stat'i i primechaniia prof. V.P. Karpova.* M., 1994.
- Egiazarian A.G., Dzhaфарov A.A. K petrograficheskoi kharakteristike i usloviiam obrazovaniia mochevykh kamnei. *Zhurnal eksperimental'noi i klinicheskoi meditsiny.* 1972. № 6.
- Fedorov S.P. *Zhelchnye kamni i khirurgiya zhelchnykh putei.* 2. L. – M., 1934
- Kolpakov I.S., Gliki N.V. Morfologiya i genesis mochevykh kamnei po dannym poliarizatsionno-opticheskogo issledovaniia oksalatov kal'tsiia. *Urologiya i nefrologiya.* 1965. № 2.
- Ponomarev D.Iu. Mochekamennaia bolezni' na teriitorii antichnogo Bospora. *Bospor Kimmeriiskii. Na perekrest'e grecheskogo i varvarskogo mirov (antichnost' i srednevekov'e).* *Materialy I Bosporskikh chtenii.* Kerch', 2000.
- Ponomarev D.Iu. Paleopatografiia mochekamennoi bolezni v Krymu v antichnuiu isrednevekovuiu epokhi. *Bosporskie issledovaniia.* Vyp. 1. 2001.

Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В. Мочекаменная ...

- Ponomarev D.Iu. Antropologicheskie materialy mogil'nikov khory Nimfeia (demograficheskie i paleopatologicheskie dannye). *Bosporskie issledovaniia*. Vyp. IV. *Khora Bosporskogo goroda Nimfeia*. Kerch, 2003.
- Ponomarev D.Iu., Nikitaev A.V., Kurch A.M. Novye dannye paleopatologii antichnogo Bospora (po materialam arkhelogicheskikh issledovaniy poseleniya Bondarenkovo VII. *Tavriiski studii. Istorychni nauki*. № 1 (4) 2013.
- Shimkus E.M., Tashiev Iu.S. Mochekamennaia bolezni' u zhitelei Kryma i rezul'tatu ee khirurgicheskogo lecheniia. *Voprosy urologii*. 1964. Vyp. 1.
- Smelovskiy V.P. *Mochekamennaia bolezni'*. Kuibyshev, 1965.
- Tiktinsky O.L. *Urolitiaz*. L., 1989.
- Tsel's Avl Kornelii. *O meditsine*. Translation by Kats S.M. Kuibyshev. 1960.
- Vainberg Z.S. *Kamni pochek*. M., 1971.
- Vylegzhanin N.I. Paleopatologiya. *Kazansky meditsinsky zhurnal*. 1932. № 5-6.
- Zin'ko V.N. Otchet o rabote Bosporskoj okhranno-arkheologicheskoi ekspeditsii v 1995 godu. *Nauchnyi arkhiv KF IA NANU*. 1996. Vol 1.
- Zin'ko V.N. Pogrebal'nye komplekсы s khory Nimfeia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki*. Simferopol', 1998. Vyp. VI.

Резюме

В статье разбирается редкое явление в палеопатологии – конкременты. Конкременты (от лат. concrementum – сrostок) представляют собой плотные образования, свободно лежащие в полостных органах или же в выводных протоках желез, формируясь из солей жидкостей, находящихся в них. С чем же связана редкость таких находок? Во-первых, это слабая устойчивость их к механическим и физико-химическим факторам почвы в погребении. Во-вторых, относительная редкость заболеваний, приводящих к образованию конкрементов в организме человека.

Ключевые слова: палеопатология, мочекаменная болезнь, желчнокаменная болезнь, средневековый Боспор.

Summary

The article deals with a rare phenomenon in paleopathology as - concrements. Concrements (from the Latin "corpusclementum") are dense formations freely lying in the cavity organs, or in the excretory ducts of the glands, being formed from salts of their fluids. What is the reason for the rarity of such findings? Of course, firstly, this is their weak resistance to the mechanical and physicochemical factors of soil in a burial. Secondly, it is the relative scarcity of diseases leading to the formation of concrements in the human body.

Key words: paleopathology, urolithiasis, cholelithiasis, medieval Bosphorus.

Боспорские исследования, вып. XXXV

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пономарев Денис Юрьевич,
врач, судебно-медицинский эксперт Керченского отделения
Крымского республиканского учреждения
«Бюро судебно-медицинской экспертизы»,
298302, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Керчь, ул. Шлагбаумская, 39.

Никитаев Алексей Владимирович,
врач, судебно-медицинский эксперт Керченского отделения
Крымского республиканского учреждения
«Бюро судебно-медицинской экспертизы»,
298302, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Керчь, ул. Шлагбаумская, 39.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ponomarev Denis Iur'evich,
Kerch branch of the Crimean Republican institution
"Bureau of Forensic Medical Examination",
Doctor, forensic expert,
Slagbaumskaia Street, 39, Kerch', Russian Federation, 298302.

Nikitaev Aleksei Vladimirovich,
Kerch branch of the Crimean Republican institution
"Bureau of Forensic Medical Examination" (beginning - Ivanchenko ED),
Doctor, forensic expert,
Slagbaumskaia Street, 39, Kerch', Russian Federation, 298302.

В.Г. ЗУБАРЕВ, В.В. МАЙКО, С.В. ЯРЦЕВ
V.G. ZUBAREV, V.V. MAIKO, S.V. IARTSEV

**НОВЫЙ СКЛЕП С РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫМИ МАТЕРИАЛАМИ
ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ¹
NEW BURIAL VAULT WITH EARLY MEDIEVAL MATERIALS
FROM EXCAVATIONS OF NECROPOLIS OF THE SETTLEMENT
BELINSKOYE**

Некрополь городища Белинское расположен в Восточном Крыму на Керченском полуострове, в 1,5 км к югу от с. Белинское Ленинского района. Площадь некрополя в отмеченных границах составляет 7,8 га. Исследования могильника проводятся с 2005 года [Зубарев, Ланцов, 2006, с. 316–339]. К настоящему времени в центральной и южной частях некрополя раскопано 23 склепа и столько же грунтовых погребений. На центральном участке все захоронения связаны с античным периодом в истории городища. В южной части несколько безынвентарных погребений, предположительно относятся к салтовскому периоду.

На центральном участке, где доминирующим типом могил являются погребения в вырубных склепах с коротким дромосом, по крайней мере, в двух из них обнаружены следы использования погребальных сооружений в период средневековья. В первом случае это несколько вторичных захоронений в погребальной камере склепа № 16, как с инвентарём (сабли и элементы конской упряжи), так и без него, датированных концом XI–XII вв. [Зубарев, Леонтьева, 2012, с. 169–177]. Во втором случае это граффити салтовского времени на стене погребальной камеры склепа № 19 [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 321, рис. 1, 2] и, возможно, связанное с ним вторичное погребение в этом склепе [Зубарев, Пономарёв, Ефимёнок, 2014, с. 248–269].

В 2014 году при зачистке материковой скалы в центральной части некрополя рядом со склепом № 19 был выявлен новый склеп (склеп № 23), относящийся к типу вырубных склепов с коротким дромосом. Его исследования, проводившиеся в течение 2014–2015 гг., показали присутствие раннесредневековых материалов.

Конструкция склепа обычна для данного некрополя. Он состоит из могильной (придромосной) ямы, короткого дромоса и погребальной камеры. Ориентирован по продольной оси С–Ю (рис. 1, 1). Отличительными особенностями, определяющими подтип склепа, являются отсутствие лежанки внутри погребальной камеры и относительно высокий вход в неё. Последняя особенность имела место ещё в одном из

---

¹ Работа выполнена в рамках НИР "Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджизельской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена" в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/БЧ).

исследованных на некрополе склепов (склеп № 21), также расположенном рядом со склепом № 19, но при этом не содержащим раннесредневекового материала.

Могильная яма трапециевидной формы, ориентированная по продольной оси С-Ю. Длина могильной ямы 2,5 м. Ширина в северной части 1,33 м, в южной 1,65 м. Глубина 1,7 м. Вырублена в скальном грунте жёлтого ракушечника. В дальней от дромоса части имеются 3 ступени. Со стороны дромоса фрагментарно сохранилась закладная плита, отваленная от входного отверстия. Размеры закладной плиты 1,1 x 1,35 x 0,2 м.

Грунт заполнения в верхней части могильной ямы тёмно-серый с включением мелких камней и белой крошки. В грунте присутствовало также большое количество раковин виноградной улитки. Мощность слоя – 0,6 м. Под ним слой жёлто-коричневого суглинка с понижением в сторону дромоса. Мощность слоя до 1,1 м. Под ним дно могильной ямы – жёлтый ракушечник. Слой суглинка, вероятно, образовался при первичной засыпке ямы. Слой тёмно-серой супеси является результатом вторичного использования склепа в более позднее время. И в том и другом слое присутствовали фрагменты керамических изделий.

Находки из тёмно-серого слоя представлены фрагментами тарной, столовой, краснолаковой и лепной посуды. Из профильных частей можно отметить ножку амфоры типа «Делакеу» (рис. 2, 1), фрагмент дна кувшина на кольцевом поддоне (рис. 2, 5) и фрагмент венчика краснолаковой миски (рис. 2, 2).

Находки из слоя жёлто-коричневого суглинка представлены фрагментами амфор, из которых отметим фрагмент венчика амфоры типа F по Д.Б. Шелову (рис. 2, 3) и фрагмент ручки амфоры того же типа (рис. 2, 4); фрагменты стенок лепной посуды и небольшой лепной кубок (рис. 2, 6).

Дромос представляет собой короткий сводчатый коридор длиной 0,45 м. Высота входного отверстия – 1,3 м, ширина – 0,7 м. Пол дромоса ниже уровня дна могильной ямы. Дромос полностью был заполнен грунтом, аналогичным по структуре грунту заполнения могильной ямы.

Единственной находкой в грунте заполнения дромоса стало надгробие с изображением креста (рис. 2, 7).

Погребальная камера полуовальной формы. Свод полуциркульный. Лежанка отсутствует, однако у южной, дальней от дромоса стены были обнаружены два хорошо обработанных каменных блока, возможно, первоначально использовавшиеся в качестве лежанки. Пол погребальной камеры ниже уровня основания дромоса на 0,45 м. Дромос соединяется с погребальной камерой ступенькой, вырубленной внутри дромоса. Площадь камеры – 10,62 м. Высота камеры в северной части со стороны дромоса – 1,75 м. Со стороны южной, дальней от дромоса стены – 2,0 м. Расстояние между северной и южной стенами – 3,6 м. Расстояние по оси З-В – 2,95 м.

В северной стене справа и слева от дромоса имеются ниши под светильники. Восемь ниш выявлено в западной стене (рис. 2, 8). Две из них предназначались под светильники, а остальные представляли собой ниши с полукольцами для

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп...

привязывания или подвешивания. Ещё две аналогичные ниши обнаружены в восточной стене и одна – в своде камеры. На восточной стене камеры имелись, кроме того, граффити в виде креста и тамги салтовского времени [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 321, рис. 1, 3].

Камера была заполнена грунтом по всей площади с понижением к южной стене. Грунт заполнения неоднородный. В верхней части это тёмно-серый грунт на основе суглинка с примесью камней. Под ним слой жёлто-коричневого суглинка. На глубине 1,78 м от свода камеры выявлена прослойка серого грунта, сформированная на основе глины и золы, с примесью небольших кусочков древесного угля. Толщина прослойки 0,1 м.

Фрагменты человеческих останков обнаружены во всех трёх горизонтах грунта заполнения камеры, однако наибольшее их скопление приходится на слой жёлто-коричневого суглинка. Большинство скелетов сдвинуто со своих первоначальных мест, анатомическая последовательность костей скелета нарушена. Кроме того, следует отметить, что человеческие останки были в ряде случаев перемешаны с костями животных и, как показал анализ антропологического материала, фрагменты скелетов погребённых были перемешаны между собой и разбросаны по разным частям погребальной камеры.

Кроме человеческих останков, в погребальной камере были выявлены останки лошади. Скелет не полный. Присутствуют череп и кости ног, причём найдены они в переотложенном грунте и в разных частях погребальной камеры. На вопрос, являются ли эти останки следствием разрушения захоронения или же они попали в склеп по иной причине, однозначно ответить нельзя.

Находки из тёмно-серого слоя заполнения камеры немногочисленны и в основном представлены стенками амфор и столовой посуды. Из профилированных частей отметим фрагмент венчика лепного горшка.

Большинство находок происходит из слоя жёлто-коричневого суглинка заполнения камеры склепа. Помимо стенок тарной, столовой, и лепной посуды, в нём были найдены фрагменты донца и венчиков краснолаковых тарелок, фрагмент ручки лепного сосуда, стилизованной под килик, фрагмент венчика кухонного сосуда (котла?). Особо следует отметить два обломка мраморной плитки, два изделия из стенок амфор (амфорные пробки) (рис. 3, 2,3), изделие из камня, фрагмент бронзового перстня (рис. 3, 12), фрагмент железной скобы, фрагмент железного гвоздя (рис. 3, 13,14) и бронзовую подвеску (рис. 3, 11).

Некоторые предметы были найдены рядом со скоплением скелетов или непосредственно в этих скоплениях, что однозначно позволяет отнести их к предметам погребального инвентаря. К таким находкам относятся: железная пряжка (рис. 3, 15), два сломанных пополам железных ножа (рис. 3, 16,17), бронзовый перстень с щитком (рис. 3, 10), два небольших обломка костяного гребня (рис. 3, 8,9). Особо отметим находку трёх изделий из кости мелкого рогатого скота (игольники) салтовского времени (рис. 3, 5-7).

Под двумя нишами в северной стене были найдены два краснолаковых однорожковых закрытых светильника (рис. 3, 1,4).

Остановимся подробнее на некоторых наиболее значимых находках из погребальной камеры склепа.

Несколько изделий относятся, вероятно, к периоду строительства склепа. Это два краснолаковых однорожковых закрытых светильника (рис. 3, 1,4). Один из них рубчатый с рельефным орнаментом на щитке в виде косых линий и наклепов возле рожка, другой – с рельефным изображением в виде раковины. Интересен и предмет из камня, являющийся, возможно, макетом закрытого однорожкового светильника. Подобное изделие было найдено в заполнении домашнего алтаря античного времени на городище Белинское.

Пряжка бесщитковая круглой формы (железо) (рис. 3, 15). Два фрагмента. Часть язычка отколота. Подобные пряжки достаточно широко известны среди погребального инвентаря салтовских некрополей Восточного Крыма Тепсень [Майко, 2004, с. 134, рис. 74, 2] и Сугдея [Майко, 2007, с. 158, рис. 101, 6], жилых и хозяйственных сооружений второй половины VIII-IX вв. [Майко, 2004, с. 217, рис. 123, 7]. Известны они и среди погребального инвентаря некрополей и жилых сооружений Сугдеи второй половины X-XI вв. [Майко, 2007, с. 33, рис. 21, 12,13; Майко, 2014, с. 401, рис. 134, 2].

Перстни с плоским ромбическим щитком (бронза) (рис. 3, 10,12). Второе изделие разломано. Оба относятся к простым литым изделиям второй половины VIII-IX вв. с уплощенной жуковиной, широко распространенным среди материалов салтовских памятников Восточного Крыма [Майко, 2007, с. 177].

Ножи (железо) (рис. 3, 16,17). Оба разломаны на две части. К сожалению, эта категория находок еще в большей степени, чем две предыдущие, не является хронологическим индикатором. Подобные ножи, относящиеся к категории бытовых [Плетнева, 1989, с. 91], широко известны, в том числе и на салтовских памятниках Восточного Крыма [Майко, 2004, с. 215, рис. 122; Майко, 2007, с. 159, рис. 102, 20,21].

Подвеска для серьги (бронза) (рис. 3, 11). Сохранилась только нижняя часть привески, что затрудняет поиск аналогий и датировку. Отметим, что в материалах салтовских памятников Восточного Крыма присутствует группа подобных изделий второй половины VIII-IX вв. с бронзовыми литыми привесками [Майко, 2007, с. 178]. Возможно, к этой категории находок относится и публикуемый экземпляр.

Особо следует отметить находку двух мелких фрагментов *костяного гребня* (рис. 3, 8,9). Судя по всему, они относятся к одному изделию, которое с большой степенью вероятности можно отнести к широко известным односторонним составным гребням-расческам. От нашего изделия сохранился только фрагмент лицевой накладки, орнаментированной традиционными концентрическими окружностями, скрепленный с фрагментом пластины с зубьями (рис. 3, 8). Сохранился и один больший фрагмент еще одной пластины с зубьями (рис. 3, 9). В материалах салтовских памятников полуострова костяные гребни-расчески неизвестны. Единственные

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп...

фрагментированные экземпляры известны в материалах раскопок на плато Мангуп [Душенко, 2016, с. 25], где они датируются второй половиной X – первой половиной XI вв. Не исключено и их производство на этом городище. В целом эта категория бытовых предметов получила распространение в Европе начиная со второй половины X в. Именно этим временем датируются экземпляры в материалах древнерусских и скандинавских памятников [Давидан, 1962, с. 95–103; Колчин, 1982, с. 164]. В.Е. Флеровой на материалах Саркела-Белой Вежи сделана попытка выделить наиболее раннюю категорию расчесок, датируемую до середины X в. [Флёрва, 1998, с. 625–627]. Однако датировка, предложенная на анализе стратиграфической ситуации Саркела, нуждается в дополнительной аргументации. Вероятнее всего, гребень-расческу из склепа 23 надо датировать второй половиной X-XI вв. Однако, учитывая сильную фрагментарность изделия, это не более чем предположение.

Особое место среди находок занимают три *игольника*, сделанные из трубчатых костей мелкого рогатого скота (рис. 3, 5-7), частично проанализированных в отдельной публикации [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 321, рис. 1, 5-7]. Тем не менее, напомним основные положения.

Один – является, вероятно, неорнаментированной заготовкой (рис. 3, 5). Второй, со сквозным отверстием, украшен в нижней части горизонтальными линиями и четырьмя поясами, заполненными небрежным сетчатым орнаментом, характерным для орнаментации костяных изделий салтовской культуры (рис. 3, 6). Третье изделие, обработанное наиболее тщательно, имеет сюжетный орнамент (рис. 3, 7).

Данная категория костяных находок является хорошо известной в материалах салтовской культуры и достаточно подробно рассмотрена в литературе [Флёрва, 1996, с. 297–299]. В большинстве случаев они представляют собой полые, тщательно выделанные изнутри цилиндрические предметы, традиционно изготавливаемые из трубчатых костей мелкого рогатого скота. В качестве крымских аналогий можно упомянуть два *игольника* из материалов Тепсеньского городища [Майко, 2004, с. 232, рис. 131,4,5], предмет из погребального инвентаря могильника Ай-Фока близ с. Морское [Баранов, 1991, с. 148, рис. 2, 24], а также *игольницу* с четырьмя тамгообразными знаками из связанного с последним некрополем поселения [Майко, 1996, 145, 1, 5].

Очевидно, эта категория предметов была многофункциональной. Как справедливо отмечают исследователи, во-первых, трудно провести грань, в частности, между *игольниками* и костяными рукоятками шильев или ножей, во-вторых, не исключено их использование и в качестве украшений или амулетов [Флёрва, 1996, с. 297]. Эту мысль подтверждают не только упомянутая *игольница* из Морского с тамгообразными знаками, но и публикуемое изделие из склепа № 23.

Наибольший интерес представляет *игольник* с сюжетным орнаментом (рис. 3, 7). В нижней и верхней частях предмет украшен поясами насечек, обрамляющих композицию. Над нижним поясом расположены три ряда пересекающихся дуг, украшенных аналогичными насечками. Центром сюжетной композиции является, вероятно, доста-

точно реалистичное изображение парнокопытного животного, очевидно косули, помещенное сразу над дугами. Туловище ее заполнено аккуратными параллельными линиями. Над ней прочерчены чередующиеся в шахматном порядке четыре изображения хищных птиц, которые мастер попытался зафиксировать в полете. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить кажущееся перпендикулярным их расположение по отношению к животному. Несмотря на схематичность изображения птиц с распростертыми крыльями и хвостами, их принадлежность к хищникам, исходя из прорисованных клювов, обращенных к земле, не вызывает сомнения. Напомним в этой связи, что в изобразительном мире Хазарии хищные птицы всегда играли особую роль и их изображения, даже предельно схематичные, всегда отличались от водоплавающих птиц [Флёрова, 2001, с. 72]. Туловища птиц заполнены косыми чередующимися черточками, а крылья и хвосты – аккуратными параллельными и расходящимися линиями соответственно. Отметим, что типологически близкая манера изображения орлов отмечена на ручке широко известного кипского ковша, происходящего из некрополя Кип III лесного Прииртышья, который датируется IX-X вв. [Флёрова, 2001, с. 95, рис. 29,1].

С большой долей вероятности можно предположить, что дуги обозначают горы, а расположенный над ними сюжет трактовать как сцену терзания хищными птицами, связанными с символикой неба и солнца, парнокопытных животных. Эти сцены известны в том числе и в хазарской мифологии, о которой мы до сих пор знаем чрезвычайно мало. В большинстве случаев дошедшие до нас графические изображения средневековой тюркской, в том числе и хазарской культуры сохранились на костяных горловинах бурдюков, больших по размерам, нежели публикуемый игольник. Наиболее известной и опубликованной остается сцена терзаний хищными птицами парнокопытных животных из Саркела [Флёрова, 2013, с. 122, табл. X, 4; Флёрова, 2001, с. 70]. Напомним, что и там все фигуры композиции заполнены точками.

Таким образом, анализ материала позволяет говорить минимум о двух периодах в истории использования склепа № 23. Первый, связанный с постройкой склепа, относится к IV в. н.э. (основанием для датировки служат фрагменты амфор типа F по Д.Б. Шелову и типа «Делакеу», а также два краснолаковых светильника).

Второй период связан с салтовским временем (основанием для датировки служит наличие фрагментов салтовской посуды, в том числе горшка с внутренними ушками, в заполнении погребальной камеры, а также немногочисленный погребальный инвентарь). Помимо этого, косвенным аргументом являются и некоторые индивидуальные особенности на костях скелетов погребённых в склепе № 23, если их сравнивать с результатами антропологического анализа костных останков из склепов некрополя городища Белинское, где присутствие салтовского населения не прослеживается [Зубарев, Пономарёв, 2009, с. 224–231]. Нигде ранее не выявлены следы венерических заболеваний и случаи заболевания бруцеллёзом. Резко увеличилось количество переломов костей в структуре травматизма (71,4%). Возможно, эти различия также свидетельствуют в пользу салтовского перезахоронения в склепе.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп...

Косвенным аргументом в пользу использования склепа № 23 в салтовское время являются и граффити в дальней от дромоса части восточной стены погребальной камеры. Они представляют собой тамгообразный знак в виде нескольких пересекающихся линий и расположенный рядом с ним, но несколько выше, простой крест. Данные изображения уже подробно анализировались нами ранее [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 321, рис. 1, 3], поэтому нет необходимости повторяться в поиске аналогий. Ограничимся лишь констатацией факта их широкого бытования на поселениях салтово-маяцкой культуры и тем, что изображение простого прямого креста известно, как правило, в сопровождении других знаков [Флёрова, 2013, с. 29]. В данной статье для нас более важным является вопрос о времени появления граффити на стене погребальной камеры и об интерпретации их функционального назначения.

Если о тамгообразных знаках в виде ломаных линий с точки зрения их хронологии ничего определённого сказать нельзя, то в отношении простого прямого креста как будто бы можно говорить о начале времени его распространения со второй половины IX века [Флёрова, 2013, с. 153, табл. XIX], что совпадает со временем появления салтовского поселения в восточной части городища Белинское. Впрочем, для нас, пожалуй, более важным является определение целей нанесения этих знаков на стену погребальной камеры. В.Е. Флёрова достаточно убедительно обосновывает магическое назначение знаков, отмечая среди прочего тот факт, что имели случаи помещения меченых кирпичей в погребение Саркельского могильника, кургана Романовского I могильника и средневекового могильника у Сопота [Флёрова, 2013, с. 53].

В пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что аналогичные знаки в виде двузубца и простого креста, нанесённые практически в том же месте погребальной камеры, но уже другого склепа № 19, никак не могли быть связаны с хозяйственной деятельностью, так как следов этой деятельности обнаружено не было. Зато имело место аналогичное склепу № 23 перезахоронение перемешанных и раздробленных костей скелетов в аналогичном по структуре слое желто-коричневого суглинка, правда, без какого-либо погребального инвентаря. Кроме того, знаки в виде крестов в 2005 году были обнаружены ещё на одном склепе некрополя – склепе № 4. Здесь они располагались над входом в погребальную камеру и на западной стене входа в погребальную камеру [Зубарев, Ланцов 2006, 334, рис. 7]. Никаких следов хозяйственного использования склепа в период раннего средневековья также не выявлено.

Такую же функцию мог выполнять и каменный блок с прочерченным на нём крестом, найденный в заполнении дромоса склепа № 23. С другой стороны, его хронологическое соответствие (несмотря на близость техники нанесения) знакам внутри погребальной камеры не бесспорно. Дело в том, что мы не исключаем возможность использования погребальной камеры и в более поздний период, в конце XI–XII вв. На это, в частности, указывает идентичность структуры верхнего слоя, перекрывающего жёлто-коричневый суглинок, в заполнении погребальной камеры склепа № 23 грунту заполнения могильной ямы и погребальной камеры склепа № 16, в котором были выявлены погребения указанного времени. Там же было найдено и захо-

ронение лошади, аналогичное обнаруженному в рассматриваемом в статье склепе [Зубарев, Леонтьева, 2012, с. 176].

И последнее, знаки в античных склепах некрополя городища Белинское типологически наиболее близки северокавказскому типу знаков памятников Хазарии [Флёрова, 2013, с. 155, табл. XXI, 4]. Учитывая то обстоятельство, что в составе населения античного городища Белинское немалую часть (особенно на последних этапах его существования) составляли выходцы из того же региона [Зубарев, 2009, с. 176–178], нельзя исключать наличие определённой связи между теми, кто жил здесь в период античности, и теми, кто пришёл им на смену.

Определённый диссонанс в картину салтовских перезахоронений вносит наличие в стенах склепа «колец» для привязи мелкого рогатого скота. Подобные «кольца» известны на Кызаульском некрополе, где их наличие, по мнению Н.Ф. Федосеева и Л.Ю. Пономарёва, свидетельствует о хозяйственном использовании склепа между серединой VIII и первой половиной X вв. [Федосеев, Пономарев, 2012, с. 510–511, рис.15]. Сочетание такого функционального назначения с имеющимися в нашем склепе перезахоронениями в одно и то же время маловероятно. Следовательно, использование погребальной камеры склепа в качестве укрытия для животных могло осуществляться только до того, как в склепе было произведено перезахоронение. В пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что часть «колец» была засыпана слоем суглинка, в котором и было осуществлено перезахоронение.

В этой связи несомненный интерес представляют результаты работ 2016 года в западной части некрополя городища Белинское. Здесь, в непосредственной близости от местоположения склепов с раннесредневековыми материалами, обнаружены остатки кошары салтовского времени. Предварительный анализ керамического материала позволяет говорить о том, что время начала её функционирования относится как минимум ко второй половине VIII века. В то же время салтовский материал с территории античного городища, включая хорошо выраженный слой этого времени с остатками фундаментов построек в восточной части, датируется не ранее второй половины IX века. Можно предположить, что на начальном этапе освоения территории носителями салтовской культуры они располагались исключительно на правой (восточной) стороне Аджиэльской балки и именно в это время использовали часть склепов под укрытие для скота. На противоположной же стороне располагался могильник (несколько безынвентарных захоронений салтовского времени было обнаружено в восточной части городища). В дальнейшем основное поселение переместилось на левую сторону, заняв часть античного городища. Территория же некрополя стала использоваться по прямому назначению.

Наиболее сложным является вопрос об интерпретации зафиксированного в заполнении склепа средневекового погребального обряда. Если о разрозненных костях, найденных в переотложенном грунте верхнего заполнения погребальной камеры, сказать что-либо конкретное не представляется возможным, то останки, выявленные в жёлто-коричневом суглинке, дают некоторые основания для его решения.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп ...

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что все эти останки образуют одиннадцать отдельных групп, изолированных друг от друга (рис. 1, 2). Анализ костей показал, что в каждой такой группе смешаны раздробленные кости как животных, так и людей. Кости людей оказались «перемесом» (останки одних и тех же индивидов встречались в разных группах). Таким образом, можно предположить, что имело место перезахоронение останков погребённых. Всего в одиннадцати группах выявлены останки 38 индивидов, из которых 10 принадлежали мужчинам в возрасте от 20 до 50 лет, 6 – женщинам в возрасте от 20 до 50 лет, 17 – детям в возрасте 0-7 лет и 5 – детям в возрасте 7-14 лет².

Анализ костей животных, обнаруженных в выделенных группах, представлен в следующей таблице³:

БАЭ 2015	Могильник			
	Склеп № 23			
	КРС	МРС	Свинья	Собака
Фрагмент черепа		1 (барашек)		
Фрагмент челюсти		1	1	4
Зубы	1	5		
Плечо	1			3
Лопатка				3
Позвонок		11	3	
Ребро	10	25	5	13
Лучевая	1			3
Локтевая				2
Метаподий	1	1		14
Таз		7		
Б.берцовая		1		1
Пяточная	2			2
1 фаланга		2		4
Итого	16	53	9	49

Кости животных в целом имели хорошую сохранность, механические повреждения есть, но в большинстве своём они имеют приобретённый от времени и завалов характер, следы воздействия огня отсутствуют. Большая часть костей принадлежала молодым особям.

² Анализ антропологического материала Д.Ю. Пономарёв и А. В. Никитаев (г. Керчь).

³ Остеологический анализ М.О. Жутенкова (г. Тула).

Среди всех салтовских памятников Таврики наиболее ярко обряд совместного погребения людей и жертвенных животных известен благодаря раскопкам салтовского поселения на месте античного городища Артезиан, расположенного в прямой видимости от нашего памятника. Именно здесь в центральной части поселения выделено два условных культовых комплекса. В состав одного из них, «южного», входило совместное захоронение в каменном ящике подростка и частей туши быка и, что наиболее важно, два жертвоприношения, состоявших из расчлененных останков людей и животных. В составе другого, «юго-восточного культового комплекса», было исследовано захоронение в хозяйственной яме расчлененных останков подростков и домашних собак [Винокуров, Пономарев, 2015, с. 18–22; Винокуров, Пономарев, 2016, с. 208–211].

Таким образом, материалы склепа № 23 некрополя городища Белинское дают уникальную возможность подтвердить существование у салтовцев Крыма языческих верований, связанных с культом домашних животных, при совершении которых производилось перезахоронение некоторых костей погребенных с принесением в жертву частей расчлененных туш животных.

Итак, строительство склепа № 23 и первичные захоронения в нём следует отнести ко времени не ранее первой половины IV в. н.э. Затем погребальная камера склепа использовалась в качестве укрытия для мелкого рогатого скота (конец VIII–первая половина IX вв.). Со второй половины IX в. в камере были осуществлены перезахоронения, возможно, ритуального характера, связанные с языческими культурами. Именно с этими захоронениями связано появление знаков на стене камеры, имевших магическое значение. Тогда же античный некрополь стал использоваться по своему прямому назначению. На это, в частности, указывает наличие безынвентарных погребений салтовского времени в южной части некрополя. В последний раз погребальная камера была использована во второй половине X–XI вв. Возможно, с этим периодом связано захоронение лошади и каменный блок с прочерченным на нём крестом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991. С. 145–159.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // Lauea I. Античный мир и средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков, 2015. С. 18–22.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе 1 в 1989–2001 гг.) // ПИФК, 2016, № 1. С. 184–232.
- Давидан О.И.* Гребни старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962. С. 95–103.
- Душенко А.А.* Косторезное дело Мангупа. Автореферат дис. к.и.н. Симферополь, 2016. 30 с.
- Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III–IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // БЧ. X. 2009. С. 176–178.
- Зубарев В.Г., Ланцов С.Б.* Некрополь городища Белинское (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. Т. 10. 2006. С. 316–339.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп ...

- Зубарев В.Г., Леонтьева В.А. Погребение кочевников из некрополя городища Белинское // ДБ. Т. 16. 2012. С. 169–177.
- Зубарев В.Г., Пономарёв Д.Ю. Антропологические материалы из погребений некрополя городища Белинское // ДБ. Т. 13. 2009. С. 224–231.
- Зубарев В.Г., Пономарёв Д.Ю., Ефимёнок В.А. Новый склеп с полуциркульным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища Белинское // БИ. Вып. XXX. 2013. С. 248–269.
- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник «50 лет раскопок Новгорода». М., 1982, С. 156–177.
- Майко В.В. Комплексът прабългарски паметници от VII–X вв. край с. Морское в юго-източен Крим // БСП. Т. 5. В. Търново, 1996. С. 127–148.
- Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004. 316 с.
- Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007. 273 с.
- Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. 467 с.
- Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Раннесредневековые материалы городища Белинское в Восточном Крыму // ДБ. Т. 20. 2016. С. 320–329.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. 287 с.
- Федосеев Н.Ф., Пономарёв Л.Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. Т. 16. 2012. С. 491–525.
- Флёрова В.Е. Домашние промыслы в Саркеле-Белой Веже (по материалам коллекций костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996. С. 277–332.
- Флёрова В.Е. Гребни средневекового Подонья по материалам Саркела - Белой Вежи // МАИЭТ. Т.VI. Симферополь, 1998. С. 625–634.
- Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Москва-Иерусалим. 2001. 160 с.
- Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М. 2013. 176 с.

REFERENCES

- Baranov I.A. Bolgaro-hazarskij gorizont srednevekovoj Sugdei // Problemi na prab"lgarskata istoriya i kultura. Sofiya, 1991. S. 145–159.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.YU. Saltovo-mayackoe poselenie na antichnom gorodishche Artezian (Kerchenskij poluostrov) // Laurea I. Antichnyj mir i Srednie veka: Shteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Materialy. Har'kov, 2015. S. 18–22.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.YU. Central'nyj uchastok saltovo-mayackogo poseleniya na gorodishche Artezian (po itogam issledovanij na raskope I v 1989–2001 gg.) // PIFK, 2016, № 1. S. 184–232.
- Davidan O.I. Grebni Staroj Ladogi // Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo EHRmitazha. Vol. 4. Leningrad, 1962. S. 95–103.
- Dushenko A.A. Kostoreznoe delo Mangupa. PhD thesis in historical science, specialty - archaeology. Simferopol', 2016. 30 s.
- Zubarev V.G. K voprosu ob etnicheskom sostave zhitelej sel'skih poselenij Evropejskogo Bospora v III – IV vv. n.eh. (po materialam gorodishcha Belinskoe i ego nekropolya) // BCH. X. 2009. S. 176–178.
- Zubarev V.G., Lantsov S.B. Nekropol' gorodishcha Belinskoe (predvaritel'nye rezul'taty pervyh raskopok) // DB. Vol. 10. 2006. S. 316–339.
- Zubarev V.G., Leont'eva V.A. Pogrebenie kochevnikov iz nekropolya gorodishcha Belinskoe // DB. Vol. 16. 2012. S. 169–177.
- Zubarev V.G., Ponomaryov D.YU. Antropologicheskie materialy iz pogrebenij nekropolya gorodishcha «Belinskoe» // DB. Vol. 13. 2009. S. 224–231.
- Zubarev V.G., Ponomaryov D.YU., Efimyonok V.A. Novyj sklep s polucirkul'nym perekrytiem rimskogo vremeni iz raskopok nekropolya gorodishcha «Belinskoe» // BI. Vol. XXX. 2013. S. 248–269.
- Kolchin B.A. Hronologiya novgorodskih drevnostej // Novgorodskij sbornik «50 let raskopok Novgoroda». Moscow, 1982, S. 156–177.
- Maiko V.V. Kompleks"t prab"lgarski pаметnici ot VII-X vv. kraj s. Morskoe v yugo-iztochen Krim // BSP. Vol. 5. V. Tърново, 1996. S. 127–148.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Maiko V.V.* Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu. Kiev, 2004. 316 s.
- Maiko V.V.* Srednevekovye nekropoli Sudakskoj doliny. Kiev, 2007. 273 s.
- Maiko V.V.* Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X-XII vv. Kiev, 2014. 467 s.
- Maiko V.V., Zubarev V.G., Yartsev S.V.* Rannesrednevekovye materialy gorodishcha «Belinskoe» v Vostochnom Krymu // DB. Vol. 20. 2016. S. 320–329.
- Pletneva S.A.* Na slavyano-hazarskom pogranič'e. Moscow, 1989. 287 s.
- Fedoseev N.F., Ponomaryov L.YU.* Sklep № 6 na Kyzaul'skom nekropole // DB. Vol. 16. 2012. S. 491–525.
- Flyorova V.E.* Domashnie promysly v Sarkele-Beloj Vezhe (po materialam kollekcij kostyanyh izdelij) // Kul'tury Evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n. ch. Samara, 1996. S. 277–332.
- Flyorova V.E.* Grebni srednevekovogo Podon'ya po materialam Sarkela - Beloj Vezhi // MAIET. Vol.VI. Simferopol', 1998. S. 625–634.
- Flyorova V.E.* Obrazy i syuzhety mifologii Hazarii. Moscow-Ierusalim, 2001. 160 s.
- Flyorova V.E.* Graffiti Hazarii. Moscow, 2013. 176 s.

Резюме

В статье рассматриваются материалы, полученные в ходе раскопок 2014 – 2015 гг. в центральной части некрополя городища Белинское, расположенного в Восточном Крыму. В результате проведённых работ здесь был выявлен новый склеп античного времени со следами его использования в более позднее время. Анализ артефактов, найденных в грунте заполнения погребальной камеры, позволяет сделать вывод о том, что склеп, помимо античного времени, активно использовался в салтовский период и, возможно, в XI–XII вв. Характер этого использования был двойкий. С одной стороны, обнаружены остатки средневековых захоронений. С другой – имеются следы, свидетельствующие об использовании погребальной камеры в качестве укрытия для мелкого рогатого скота. Кроме разрозненных предметов погребального инвентаря в статье также рассматриваются граффити на стене погребальной камеры и надгробие, найденное в грунте заполнения дромоса.

Ключевые слова: некрополь городища Белинское, вырубной склеп с коротким дромосом античного времени, салтовский период, погребальный инвентарь, граффити на стене погребальной камеры.

Summary

The materials, got during excavations 2014 – 2015 in the central part of the necropolis of the settlement "Belinskoye", located in the East Crimea, are examined in the article. As a result of the conducted works, the new burial vault of ancient time with tracks of its use in later time was educed here. The analysis of the artifacts found in ground of filling of the funeral chamber allows to draw conclusion that the burial vault, besides ancient time, was actively used in a Saltovo period and, maybe, in the XI – XII centuries. The pattern of this use was dual. On the one hand, bits and pieces of medieval burial places were found. On the other hand, there are tracks testifying the use of the funeral chamber as the shelter for small cattle. Graffiti on the wall of the funeral chamber and a tombstone found in ground of filling of dromos along with separate articles of funeral inventory are also examined in the article.

Keywords: necropolis of the settlement Belinskoye, burial vault with a short dromos of ancient time, Saltovo period, funeral inventory, graffiti on the wall of the funeral chamber.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Новый склеп ...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
профессор кафедры истории и археологии,
300045, г. Тула, ул. Кауля, д.13, корп.3, кв. 78.
parosta@mail.ru

Майко Вадим Владиславович, д.и.н.,
Институт археологии Крыма РАН,
вр.и.о. директора,
295007, г. Симферополь, ул. Севастопольская, д. 29, кв. 46.
vadimmaiko1966@mail.ru

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
доцент кафедры истории и археологии,
300021, г. Тула, ул. Кутузова, д.84, кв. 54.
s-yartsev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubarev Viktor Gennad'evich, DSc,
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
Department of History and Archeology, Prof.,
Kaul' Street, 13, Housing 3, Apt. 13, Tula, 300045
parosta@mail.ru

Maiko Vadim Vladislavovich, DSc,
Institute of Archeology of the Crimea, RAS
Acting Director,
Sevastopol'skaia Street, 29, Apt.46, Simferopol', 295007.
vadimmaiko1966@mail.ru

Iartsev Sergei Vladimirovich, DSc,
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
Department of History and Archeology, Ass. Prof., DSc,
Kutuzov Street, 84, Apt. 54, Tula, 300021
s-yartsev@yandex.ru

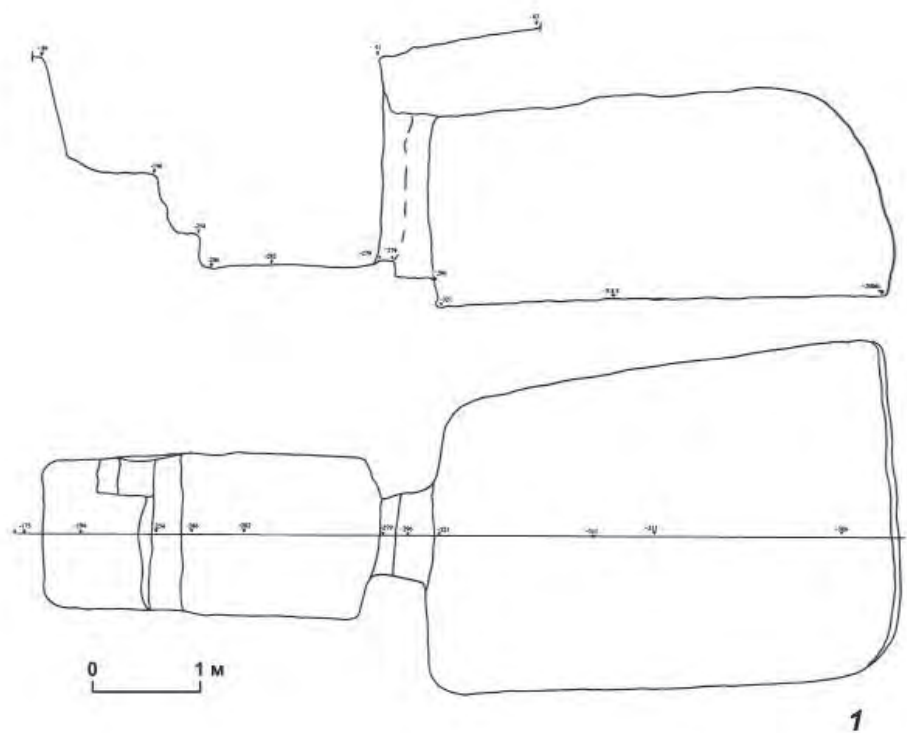
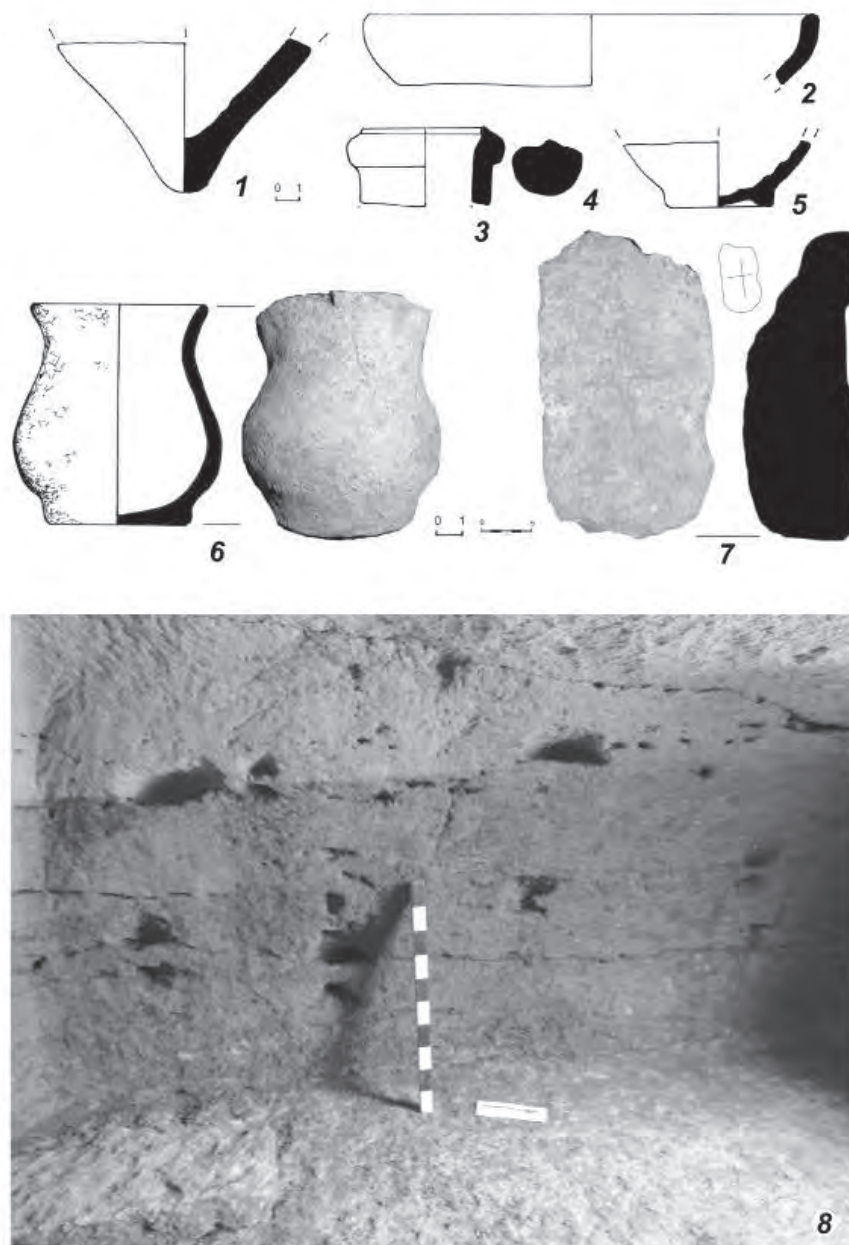

Рис. 1. План склепа № 23 и общий вид одной из групп перезахороненных костей в слое жёлто-коричневого суглинка в заполнении погребальной камеры.

Рис. 2. Археологический материал из заполнения могильной ямы и общий вид западной стены склепа.
1-6 – керамический материал из могильной ямы; 7 – камень с крестом из заполнения дромоса;
8 – кольца для привязывания животных и ниши для светильников.

Рис. 3. Археологический материал из погребальной камеры и скопления перезахороненных костей.
 1-4,11-14 – из заполнения камеры; 5-10,15-17 – из скопления перезахороненных костей.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
YU.A. VINOGRADOV

РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГ КИРИЛЛ РОДИОНОВИЧ БЕГИЧЕВ¹ RUSSIAN ARCHAEOLOGIST KIRILL RODIONOVICH BEGICHEV

Кирилл Родионович Бегичев – человек, стоявший у истоков боспорской (а можно сказать и шире – российской археологии) и сделавший для неё очень и очень многое. Имя его отнюдь не забыто [см.: Ростовцев, 1925, с. 263; Марти, 1926, с. 20-21, 29, 62–65; Тункина, 2002, с. 299; Лазенкова, 2003, с. 28-29; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009, с. 53], но единственная специальная работа, посвящённая его жизненному пути, появилась совсем недавно [Виноградов, 2016]. Об этом человеке, к огромному сожалению, мы знаем чрезвычайно мало. Не сохранилось ни единого портретного изображения, которое можно было бы уверенно с ним связать, правда, в деле, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и содержащем большое число документов, связанных с его профессиональной деятельностью, имеется фотография мужчины, к сожалению, не аннотированная [рис. 1; ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 1]. Фотография относится к концу 1850-х – началу 1860-х гг., и очень может быть, что на ней изображён именно К.Р. Бегичев [Богданов, Захаров, 2015, с. 211, рис. 1].

Так уж получилось, что имеющиеся архивные документы не позволяют нам назвать точной даты рождения К.Р. Бегичева [Тункина, 2002, с. 299, прим. 117]. Тем не менее из этих документов известно, что в 1837 г. ему исполнилось 18 лет [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 30, л. 9], а в 1846 г. – 27 [ф. 9, д. 22, л. 6-9; д. 30, л. 9], т.е. год рождения приходится на 1819-ый.

В археологию этот человек попал после довольно продолжительной военной службы. В 1846 г. штабс-капитан К.Р. Бегичев оставил её, и генерал-лейтенант Соболевский, временно командовавший тогда 5-м пехотным корпусом, в котором проходил службу будущий археолог, дал ему краткую характеристику [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 30, л. 9-10]. Этот документ содержит важные сведения о жизни Кирилла Родионовича до его поступления на службу в Керченский музей древностей.

Итак, Кирилл Родионов, сын Бегичев 2-й (т.е. у него был старший брат), происходил из дворян Могилевской губернии. О его родителях армейский документ, естественно, сведений не приводит, но сообщает, что 13 февраля 1835 г. тот был принят в

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX – начала XX вв. и курганные древности Европейского Боспора».

Дворянский полк для «научения порядка военной службы». В этом полку К.Р. Бегичев дослужился до унтер-офицера и 5 мая 1837 г. был произведён в прапорщики, «имея от роду восемнадцать лет». Затем 27 июля этого года он был определён в Минский пехотный полк и прибыл в него 5 октября. Здесь «для испытания по службе» молодой офицер был прикомандирован к Первому учебному карабинерному полку и переведён в него 29 декабря 1838 г. В этом полку К.Р. Бегичев дослужился до чина поручика и 3 мая 1843 г. был переведён в Виленский егерский полк. Во время службы в составе виленцев в январе 1844 г. он принял участие в походе из города Севастополя на Кавказ для усиления Отдельного Кавказского корпуса. После того как полк достиг г. Керчи, 21 января он был переправлен на судах Черноморского флота через Керченский пролив в г. Тамань. Оттуда путь его пролегал к Усть-Лабинской крепости. Из неё К.Р. Бегичев был направлен в крепость Владикавказ, куда и прибыл 11 марта 1844 г.

Документ сообщает также, что особых поручений К.Р. Бегичев никогда не имел, но в числе прочих штаб- и обер-офицеров неоднократно получал «Высочайшие благоволения» за смотры, ученья, манёвры и т.п. Специально отмечено также: «Российской грамоте читать и писать умеет, закон Божий, геометрию, арифметику, правила строевой гарнизонной и лагерной службы, главные правила тактики и малой войны, полевую фортификацию, законоведение и гимнастику знает». Подготовка, надо признать, весьма солидная, но спрашивается, как это всё могло помочь К.Р. Бегичеву в его будущих занятиях археологией? Далее в этом документе записано: «В штрафе по суду и без суда не был. Высочайшим замечаниям и выговорам не подвергался. ... Жалобам не подвергался. ... В неприличном поведении оглашаем и изобличаем не был». Как будто служба шла своим обычным путём, К.Р. Бегичев дослужился до звания штабс-капитана, но вдруг решил оставить карьеру офицера по причине плохого здоровья.

Дальнейшие события жизни К.Р. Бегичева кратко изложены в рапорте, направленном 10 марта 1853 г. керчь-еникальским градоначальником Д.И. Гагариным министру уделов Л.А. Перовскому [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 22, л. 3]. Из него становится известно, что, подав заявление об отставке, Кирилл Родионович выхлопотал себе четырёхмесячный отпуск и прибыл в г. Керчь, где 10 января 1845 г. по распоряжению тогдашнего градоначальника генерал-майора князя З.С. Херхеулидзе был допущен к исполнению должности скульптора и рисовальщика при Керченском музее. Увольнение со службы было получено позднее – только 22 марта этого года. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор утвердил его в новой должности 17 июня 1846 г. Помимо обязанностей скульптора и рисовальщика, К.Р. Бегичев с 7 марта стал даже исполнять обязанности директора музея [там же]. Директором Керченского музея древностей тогда, как известно, был А.Б. Ашик, но он вынужден был часто уезжать в Одессу, поскольку одновременно являлся и директором Одесского музея. Не трудно понять, что отношения с непосредственным начальником у Кирилла Родионовича не сложились [Тункина, 2002, с. 299].

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

В мае 1846 г. по распоряжению министра Императорского двора К.Р. Бегичев был командирован в С-Петербург для доставления в Императорский Эрмитаж керченских древностей. Доставленные вещи произвели на императора большое впечатление, и Кирилл Родионович «за труды и усердие по части археологии» был награждён бриллиантовым перстнем. Складывается впечатление, что в С-Петербурге К.Р. Бегичев бывал довольно часто.

В «Формулярном списке» К.Р. Бегичева записано, что, помимо своих основных обязанностей, он «исправлял должность директора Керченского музея с 7 марта 1846 г. по 31 мая 1850 г.» [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 22, л. 6–9]. В октябре 1850 г. в Керчи было сделано замечательное открытие – керченский мещанин М.И. Щербина в одном из курганов на Глиннице обнаружил мраморную статую мужчины, потом при его участии была найдена и другая, женская. Эти находку приписал себе А.Б. Ашик; летом 1851 г., когда Л.А. Перовский находился проездом в Керчи, К.Р. Бегичев поведал ему об обстоятельствах этого дела [Бич, 1958, с. 89]. В 1852 г. А.Б. Ашик со скандалом лишился своего поста [Тункина, 2002, с. 301–302]. Что касается Кирилла Родионовича, то он с 4 октября 1851 г. был «допущен вновь к исправлению должности директора музея» [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 22, л. 3]. Происшедшие перемены, казалось бы, обещали К.Р. Бегичеву существенное продвижение по служебной лестнице.

Но вернёмся несколько назад, к событиям 1845 г., ознаменовавшим крутой поворот в судьбе Кирилла Родионовича. Спрашивается, что могло стать причиной его? Почему явно совсем неплохой, исполнительный офицер, каким был К.Р. Бегичев, вдруг захотел переквалифицироваться в археологи? Что заставило его оставить налаженный порядок военной службы и обратиться к занятию, которое ему было совершенно неизвестно? Плохое здоровье – причина, конечно, очень веская, но и полевая работа археолога требует хорошего здоровья. Самое простое объяснение состоит в признании факта, что К.Р. Бегичева увлекли памятники классической древности, которые он увидел в Крыму; Волынский полк, как было сказано, стоял в Севастополе. Поход на Кавказ, прошедший через Керчь и Тамань, возможно, укрепил этот интерес. Однако даже увлечённому археологией человеку как-то не разумно ни с того ни с сего бросать свою службу и отправляться в Керчь, надеясь поступить на работу в музей древностей. Приходится предполагать, что в Керчи во время похода на Кавказ произошла встреча (встречи?) К.Р. Бегичева с князем З.С. Херхеулидзе и, по всей видимости, керченскими археологами. Без такой встречи и какой-то предварительной договорённости трудно понять, как он решился отправиться в Керчь из Владикавказа, даже не получив отставки.

Другой вопрос связан с тем, что простой армейский офицер был взят на должность скульптора и рисовальщика. Человека с улицы, как известно, в художники не берут. Для этого нужно обладать особым талантом и специальным образованием. Такого образования у К.Р. Бегичева явно не было! Конечно, можно предполагать о врождённой художественной одарённости этого человека. Здесь, однако, следует

указать на другое важное обстоятельство – старший брат Кирилла Родионовича, Александр Родионович Бегичев (1816–1894), был достаточно известным художником-пейзажистом². Может быть, от него Кирилл Родионович усвоил основы работы художника? Во всяком случае, рисунки боспорских древностей, «археологические пейзажи» окрестностей Керчи и пр. у него получались совсем неплохо; есть сведения, что он даже писал портреты [Жиль, 2009, с. 260].

Понятно, что на К.Р. Бегичева было возложено проведение археологических раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, которые, по заключению петербургского начальства, «производил он с отличным усердием». Граф Л.А. Перовский, принимавший активные меры к организации археологических исследований в России [о нём см.: Майков, 1902, с. 541–550; Петрова, 1997, с. 190-191; Тункина, 2002, с. 252–255], даже выхлопотал для него подарок из Императорского кабинета – часы стоимостью 315 руб. [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 22, л. 5]. Если учесть, что годовое жалованье титулярного советника К.Р. Бегичева в то время составляло всего 572 руб. в год, то этот подарок следует признать не просто ценным, а очень ценным.

О работе К.Р. Бегичева в качестве художника в это время мы знаем не очень много. Однако А.Б. Ашик в третьем томе «Воспорского царства» заметил, что рисунки к его книге были исполнены К.Р. Бегичевым, при этом работа оплачивалась из личных средств автора и обошлась ему не дёшево [Ашик, 1849, с. XVII]. Позднее он исполнил некоторые рисунки к фундаментальному изданию «Древности Боспора Киммерийского» (СПб, 1854) [Тункина, 2002, с.240-241; Жиль, 2009, с. 270].

В 1851 г. Л.А. Перовский посетил район Боспора Киммерийского, осмотрел тамошние памятники древности. К.К. Гёrc отмечал, что в этом году у графа возникла мысль «поручить производство раскопок на Таманском полуострове исправляющему обязанности директора Керченского музея Кириллу Родионовичу Бегичеву, который с начала 1852 г. и приступил к этим работам» [Гёrc, 1898б, с. 53-54]. На самом деле раскопки были начаты ещё в 1851 г., но оказались безуспешными. А.А. Гвоздев, являвшийся секретарём Л.А. Перовского, в своём письме К.Р. Бегичеву от 7 ноября 1851 г. отметил, что граф «не мог не заметить, что Вам не следовало производить ни раскопок для отыскания пещеры, в которой будто бы найдены были саркофаги малолетними Осташевыми³, ни разрытий в том месте, где были отысканы медали отставным есаулом Пуленцовым⁴, так как граф лично Вам говорил, что Его Сиятельству желательно было бы при случае самому приступить к этим разысканиям» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 12]. В этом письме отмечено

² А.Р. Бегичев, как и младший брат, был военным, дослужившимся до чина генерал-майора. В 1860-ые годы он был вольнослушателем Академии художеств, в 1863 г. даже получил 2-ую серебряную медаль; участвовал в выставках Московского общества и Академии художеств [см.: Булгаков, 1889, с. 67; Художники народов СССР, 1979, с. 317].

³ Об этой пещере см.: Гёrc, 1898а, с. 67-68.

⁴ Об этом кладе см.: Гёrc, 1898б, с. 37-44.

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

также, что рисунки К.Р. Бегичева, относящиеся к этим раскопкам, Л.А. Перовским получены, а рисунки с изображением обломков мраморных статуй, найденных в Керчи, возвращаются художнику [там же, л. 13].

В письме А.А. Гвоздева содержится и иная, очень важная для нас информация [там же, л. 12 об]:

«Господин министр совершенно одобряет предложение Ваше оставить раскопку курганов, производимую *на счёт*⁵ Его Сиятельства; равным образом признаёт полезным расследовать, как Вы предполагаете, одну из огромных насыпей, рисунок которых Вами представлен, и один из тех курганов, которые имеют уже впадины, – в надежде отыскать какие-нибудь любопытные мраморные произведения. Но сии последние работы будут предприняты на счёт правительства, о чём Вы в своё время получите предписание через местное начальство».

Для правильного понимания отношений, сложившихся между Л.А. Перовским и К.Р. Бегичевым ни в коем случае не следует упускать из вида, что граф был увлечённым нумизматом, коллекционируя, прежде всего, боспорские монеты (золотые, серебряные и очень хорошие бронзовые), и Кирилл Родионович стал добывать для него всё новые и новые находки такого рода, создав целую агентурную сеть, поставлявшую ему редкие монеты. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится неоконченное сочинение Е.Е. Люценко «Несколько слов о нумизматической переписке К.Р. Бегичева с графом Л.А. Перовским», в нём он писал о Кирилле Родионовиче как о «главном агенте по приобретении монет для составления босфорской коллекции графа Перовского» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 364]. Эта коллекция монет Боспора Киммерийского «едва ли не была единственною в Европе» [там же, л. 363 об.; см. также: Богданов, Захаров, 2015, с. 210–214].

План археологических работ на 1852 г. был составлен К.Р. Бегичевым и одобрен Л.А. Перовским [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 64], он включал раскопки не только курганов в окрестностях Сенной, а также у Южного кордона в районе Тузлы, но и турецкой крепости под Таманью, и селения Фонтан [НА ИИМК, ф. 9, оп. 1, д. 15, л. 44]. В мае Л.А. Перовский в сопровождении Н.И. Надеждина и А.А. Сибирского вторично посетил Керчь и Тамань. Тогда под его наблюдением были раскопаны два кургана в окрестностях древней Фанагории, в результате чего открыты весьма любопытные древние гробницы. Непосредственным руководителем этих раскопок был К.Р. Бегичев [Гёрц, 1898а, с. 52–95; Застрожнова, 2014, с. 472–474]. Работы под его руководством в Тамани были продолжены в 1853–1855 гг. [Гёрц, 1898а, с. 96–135; Застрожнова, 2014, с. 474–478; 2016, с. 143–146].

Что касается раскопок 1852 г., то они проходили непросто, и в письме К.Р. Бегичева от 10 июня чувствуется чуть ли не отчаяние: «Положение моё теперь весьма затруднительно: на Тузле ничего не открыто; в Тамани ничего не окончено; на Фонтане ничего не начато» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 71]. Тем не менее,

---

⁵ Слова, выделенные курсивом здесь и далее, в документах подчёркнуты карандашом (Ю.В.).

раскопки этого года дали несомненный научный результат, в частности на некрополе Фанагории была открыта хрестоматийно известная гробница с фигурными сосудами [ДБК, с. 92-96, табл. LXX; Застрожнова, 2012, с. 203–207].

В декабре 1851 г., т.е. ещё до проведения масштабных раскопок на Таманском полуострове, К.Р. Бегичев обратился к Л.А. Перовскому с одной инициативой. Дело в том, что тогда керчь-еникальский градоначальник по настоянию Кирилла Родионовича запретил местным татарам добывать камень в курганах без надлежащего на то разрешения от музея. Смысл такого запрета вполне понятен. Татары, однако, этим решением были очень не довольны и обратились к властям с весьма неожиданной просьбой – позволить им «рыть курганы с целью разыскания в них древностей». Средств на раскопки, естественно, не хватало, и К.Р. Бегичев принял тогда «соломоново решение» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 16]:

«Я дозволил им раскопку курганов с тем условием, чтобы раскопка была произведена ими в местах им указанных и чтобы каждая яма в кургане была как следует окончена. Обещая им за то с моей стороны: за каждую находку из золотых вещей платить стоимость золота по весу, а за другие вещи – давать на магарыч, предоставляя им в то же время право на вывоз камней из курганов, которые будут уже исследованы. Таким образом, теперь работают до 40 человек татар, из коих одни отрывают гробницы, другие собирают камень».

Кирилл Родионович даже доложил в Петербург, что таким образом было открыто более 20 гробниц и 4 катакомбы [там же, л. 17]. Л.А. Перовского, однако, такие успехи керченских археологов не обрадовали, и в письме А.А. Гвоздева от 21 января 1852 г. по этому поводу сказано [там же, л. 25 об. – 26]:

«Его Сиятельство изволил заметить, что Вы напрасно дали позволение татарам разрывать курганы, если это разрытие предоставлено им самим без всякого надзора, так как в письме своём Вы не упоминаете, чтобы за ними было наблюдение. Хотя такой способ и обходится дешёво, но зато он не представляет никакого обеспечения к тому, чтобы все находимые предметы были предъявляемы, тем более что назначенная Вам плата за золотые вещи так незначительна, что находчикам гораздо выгоднее сбывать отысканные ими золотые вещи предпочтительно евреям и армянам. Надо платить вдвое против ценности золота»⁶.

Замечания Л.А. Перовского в данном случае следует признать вполне разумными. Несколько иначе дело обстояло с разработанными им в 1851 г. «Общими правилами для представления правительству древних вещей, находимых в Керченском

⁶ В письме от 21 апреля 1853 г. Л.А. Перовский писал по этому вопросу: «Вообще следует заметить, что за древние золотые вещи, приобретаемые для Музеума Эрмитажа, назначено платить вдвое против веса золота по той причине, что вещи сии обыкновенно обращают на себя внимание изящностью своих форм и красотой отделки; но в случае, когда сия последняя представляет что-нибудь особенно замечательное, можно заплатить и более двойной цены золота. Если же, напротив, продаваемая вещь не хорошо сохранена и отделка её не имеет в себе ничего особенного, то хотя и можно купить её, но следует стараться приобрести дешевле сказанной оценки» [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 112].

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

градоначальстве и его окрестностях» [см.: Виноградов, 2015а]. Этот документ, подготовленный по всем правилам бюрократической премудрости, прежде всего устанавливал жёсткое правило – все древние вещи, найденные частными лицами, должны были передаваться керчь-еникальскому градоначальнику и тому уже следовало направлять их в С-Петербург для возможного приобретения в музей Императорского Эрмитажа. От К.Р. Бегичева требовалось принять эту систему к неукоснительному исполнению [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 19]. Однако в реальной жизни это было непросто, «Общие правила» оказались малоэффективными, и на один их изъян Кирилл Родионович указал в письме от 12 февраля 1852 г. Дело в том, что при точном соблюдении этой инструкции он уже не имел права приобретать для Л.А. Перовского золотые и серебряные монеты, поскольку это, мягко говоря, не находило понимания у градоначальника [там же, л. 35]. Возможно, по причине этого замечания в ответном письме от 6 марта 1852 г. А.А. Гвоздев резко одёрнул керченского археолога, указав ему, что граф «постоянно озабочивается и желает, чтобы поручения его были исполняемы со всею возможною *точностию* и *скоростию*, и потому Вам не мешает принять за правило при получении приказаний Его Сиятельства, прямо ли от него самого или передаваемых через меня, отвечать по ним с *первою почтою*. Я тем более имею основание Вам это сообщить, что такого рода совет имеет единственную целью направить Ваши действия к угождению г. министру и, следовательно, и к Вашей собственной пользе» [там же, л. 38].

Надо признать, что резкости подобного рода в переписке Л.А. Перовского с К.Р. Бегичевым встречаются крайне редко. Напротив, граф по-своему заботился о служебном росте лиц, которые оказались с ним связанными. Нет сомнения, что по его указанию А.А. Гвоздев в письме от 8 января 1852 г. советовал К.Р. Бегичеву [там же, л. 21]:

«В бытность Вашу в Петербурге, помнится мне, я говорил Вам о необходимости переименоваться в гражданский чин и для возвращения хоть сколько-нибудь потерянного Вами старшинства представить на уважение высшего начальства какие-либо акты и документы, которые доказывали бы, что Вы со дня увольнения Вашего из военной службы проводили время не праздно, а трудились для науки и исполняли служебные обязанности по гражданскому ведомству. Я и теперь остаюсь при том же мнении, видя, что, если Вы не будете заботиться о приведении в ясность служебного Вашего положения, то нисколько не можете подвинуться вперёд и в настоящем Вашем отставном военном чине не будете в состоянии никогда занять порядочной гражданской должности. Следовательно, от Вас самих зависеть будет подать прошение и представить доказательства, которые дали бы высшему начальству Вашему возможность сделать в этом отношении что-либо в Вашу пользу».

К.Р. Бегичев прислушался к этому совету и писал А.А. Гвоздеву 18 ноября [там же, л. 86]:

«Собрав все документы, какие нашлись в делах градоначальства об определении моём к Музеуму, я сам составил по ним свой формулярный список, изложив в нём

подробно обстоятельства, сопровождавшие переход от службы военной к гражданской и определение моё к Музеуму. Других документов, доказывающих пользу моей службы при Музеуме, я надеяться <получить> не могу по той причине, что теперешний градоначальник, не зная моей службы, не может о ней свидетельствовать.

С моей стороны я могу только прибавить, что всё, что высшему начальству угодно будет для меня сделать, послужит мне обязательством – быть искренне признательным и полезным до последней моей минуты».

Л.А. Перовский, ставший в 1852 г. министром уделов и управляющим Императорского кабинета, 8 апреля 1853 г. принял постановление «О штате Керченского музеума древностей и о суммах, на содержание его назначенных» [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 28, л. 1-2]. В нём, в частности, было сказано:

«При развитии ныне археологических разысканий и при производстве оных в одно время в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове необходимо, чтобы в каждой из сих местностей находился особый чиновник для главного надзора за разысканиями.

Потому я признаю необходимым, чтобы каждому из главных лиц, которые будут заведывать раскопками в обеих помянутых местностях, было придано в помощь ещё по одному младшему чиновнику.

На сём основании я полагал бы определить при директоре помощника, но для соблюдения экономии назначить в сию должность нынешнего рисовальщика и скульптора при музеуме штабс-капитана Бегичева с настоящим его содержанием⁷, в помощь же им для наблюдения и надзора за раскопками прибавить двух младших чиновников».

Несколько ранее принятия этого программного документа, 30 марта 1853 г., на должность директора Керченского музея древностей был назначен А.Е. Люценко [о нём см.: Лазенкова, 2001, с. 287–292; 2003, с. 23–29; Тункина, 2002, с. 303–304, прим. 140; Зуев, 2007, с. 8–13]. Соответственно, К.Р. Бегичев получил должность помощника директора, и первостепенной задачей его профессиональной деятельности стало проведение раскопок на Таманском полуострове. Обязанностей рисовальщика и скульптора с него при этом никто не снимал! В июне 1853 г. в Керчь прибыли чиновники А.С. Линевич и Я.М. Лазаревский, один из которых должен был помогать А.Е. Люценко при раскопках на территории Керченского градоначальства, а другой, соответственно, – К.Р. Бегичеву на Таманском полуострове.

Совсем не праздным является вопрос: а как Кирилл Родионович воспринял факт назначения на директорский пост Александра Ефимовича? Неужели он, неоднократно исполнявший обязанности директора, не мечтал видеть себя в этой должности, так сказать, на постоянной основе? Однако судить о том, как складывались отношения этих двух незаурядных личностей, почти невозможно. Тем не менее, приведу одно место из письма, адресованного А.Е. Люценко из Петербурга К.Р. Бегичеву 24 января 1856 г. [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 241 об.]:

⁷ При сём на помощнике директора должны лежать и обязанности рисовальщика и скульптора.

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

«Окончание последнего письма Вашего крайне меня удивило. Вы сознаётесь, что не умели оценить меня по справочным ценам, и только теперь начинаете догадываться, какое сокровище имели в *своём* директоре <...>, причём просите меня не принимать этих слов за излишние. Конечно, это излишние, но только не сердечные, а *другое*. Благодарю Вас за откровенность и догадливость. Впрочем, мы квиты. Я понял давно, что такое жить (? – Ю.В.) в *своём* помощнике и считаю Вас не только любезным, но и дорогим во многих отношениях. В отсутствии человека узнают по письмам, а ваши всегда были так искренни и красноречивы».

К сожалению, письма К.Р. Бегичева, о которых упоминает А.Е. Люценко и которые могли бы прояснить поставленный выше вопрос, остаются для нас неизвестными. Несмотря на это, можно признать, что два керченских археолога были людьми глубоко преданными делу изучения боспорских древностей, но характеры и темпераменты их были различны, да и к формально-бюрократической стороне своей профессиональной деятельности, о чём будет сказано ниже, они относились по-разному. Тем не менее, есть все основания считать, что между ними сложились вполне нормальные, рабочие отношения, а может быть, даже дружба.

В 1854 г. началась Крымская война [Быковская, 2015, с. 29–46], но на деятельности керченских археологов она поначалу никак не сказалась. Однако весной 1855 г. положение Керчи сделалось не только неблагоприятным для археологических разысканий, но даже не безопасным для самого пребывания в этом городе. Возле Камыш-Буруна уже постоянно стояли неприятельские пароходы, блокирующие вход в пролив.

В сложившихся тогда условиях важнейшей задачей сотрудников Керченского музея древностей была забота о спасении его собрания, и к выполнению этой задачи они приступили заблаговременно, без всякой спешки. Многие экспонаты из музея были эвакуированы в г. Бердянск ещё в апреле 1854 г. К.Р. Бегичев писал по этому поводу Л.А. Перовскому 24 апреля 1854 г., когда вражеские корабли только появились около Такильского маяка [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 137]:

«По распоряжению г. градоначальника древние вещи, отобранные согласно секретного предписания Вашего Сиятельства от 23 февраля № 289, отправляются сегодня на пакет-ботном пароходе “Таганрог” в г. Бердянск, для хранения впредь до востребования в ведомстве Бердянской таможни. В числе отправляемых вещей заключаются почти все наши рисованные вазы; стеклянные, глиняные и другие мелочи наиболее замечательные и все без исключения золотые вещи. Также <будут вывезены> замечательнейшие из книг библиотеки музеума».

Несмотря на опасную ситуацию, в Керчи были предприняты ограниченные раскопки, а основные усилия было решено сосредоточить на Тамани, поскольку положение там казалось безопасней. Чиновники Керченского музея во главе с К.Р. Бегичевым переправились на другую сторону пролива 5 мая 1855 г. и приступили там к раскопкам курганов. А.Е. Люценко же по поручению Л.А. Перовского отправился в Екатеринославскую губернию для раскопок Александропольского кургана. В этой сложнейшей обстановке на Кирилла Родионовича было возложено управление музе-

ем и передана вся документация и имевшаяся в музее сумма денег, всего 2307 рублей серебром [НА ИИМК, ф. 9, д. 47, л. 46].

Именно К.Р. Бегичев доложил Л.А. Перовскому об обстоятельствах захвата Керчи вражеским десантом. В своём рапорте он, в частности, писал [там же, л. 52-53]:

«Положение наше на Таманском полуострове сделалось критическим. Если не подоспеют войска, ожидаемые с правого фланга, то трудно предвидеть, что может случиться. При первой возможности я поспешу переехать в г. Ставрополь, куда постараюсь перевезти также дела и другие принадлежности музеума, доставленные для хранения на станцию Сенную. ... Работы по раскопке курганов, предпринятые близ ст. Сенной, будут сегодня прекращены».

Надо признать, что действия отставного штабс-капитана были образцом организованности и дисциплинированности. Он сумел спасти документацию музея и имеющиеся в нём денежные средства и, в конце концов, прибыл к А.Е. Люценко под Екатеринбург. За всё это К.Р. Бегичев получил заслуженную награду – бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг. [НА ИИМК РАН, ф. 1, 1861 г., д. 3, л. 3].

После завершения Крымской войны археологические работы в районе Боспора Киммерийского пошли своим чередом сначала под Феодосией, а потом и на берегах пролива. Но тут в рабочий процесс вмешался один бюрократический момент. Петербургское начальство решило, что необходимо подвести итог материальных потерь Музея древностей в прошедшей войне. Такое решение, в общем, вполне оправданно, поскольку действительно было бесполезно узнать, каким образом были израсходованы казённые деньги, что из музейного имущества сохранилось, а что безвозвратно утеряно. Всё это так, но к исполнению начальственных указаний главные сотрудники музея отнеслись по-разному. К.Р. Бегичев, как представляется, решил отделаться формальной отпиской, а вот А.Е. Люценко оказался сторонником предельной точности в составлении отчётного документа. В общем, ему пришлось довольно резко отчитать своего помощника.

Из сохранившейся переписки понятно, что К.Р. Бегичев направил директору музея несколько посланий, и они того никак не удовлетворили, во всяком случае, 24 января 1856 г. Александр Ефимович указывал Кириллу Родионовичу [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 240 – 241]:

«В первой из сих бумаг Вы ссылаетесь на письмо моё от 7 октября, на основании которой просите разрешения на производство каких-то новых расходов, предполагаемых Вами для сохранения казённой мебели в Черномории, не упоминая в следующих потом отзывах о действительной надобности сих расходов и о количестве их. Ссылка ваша на письмо моё показалась мне немного крючкотою. Впрочем, я просил бы Вас не делать подобных ссылок в бумагах Ваших ко мне, которые должны иметь одну форму и один официальный характер; в представлениях же графу (Л.А. Перовскому – Ю.В.) подписываться так: за отсутствием директора помощник его такой-то, или исправляющий его должность такой-то. Примите этот добрый со-

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

вет за правило и поверьте его *справедливости*. Следуя другому порядку, Вы сильно компрометируете не меня, а собственную свою персону. Советую Вам также быть осторожным в употреблении наличных сумм музеума, потому что заимообразное расходование их произвело маленькую путаницу в наших счетах, которые по случаю перевода всех сумм в Екатеринославскую казённую палату следует привести в ясность. Несмотря на возражения мои, Канцелярия графа (Л.А. Перовского – Ю.В.) находит некоторые из ваших расходов не совсем основательными, как например: выдачу содержания Линевичу за всё время просроченного им отпуска, выписку фуражных денег по прекращении археологических занятий в Крыму и Черномории и т.п. Больше всего нужно стараться, чтобы ко всем статьям расхода были приложены расписки получателей денег, без чего статьи сии в книгах или особой ведомости не будут приняты».

Спору нет, расходование государственных денег требует точности и аккуратности. Никаких отступлений от формальных правил здесь быть не должно, но далее в переписке Александра Ефимовича с Кириллом Родионовичем появляются предметы, которые, как представляется, не стоили даже чернил, потраченных на составление писем. В послании от 12 января 1857 г., которое уже цитировалось выше, А.Е. Люценко, в частности, заметил [ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 255 об. - 256]:

«Вы сказали мне недавно, что не намерены переделывать (? – Ю.В.) своих описей, как бы они не были неверны. Если это так, то я действительно принуждён буду прибегнуть к оговоркам, которые могут иметь весьма неприятные последствия, как для Вас, так и для меня, или пожалеть об излишней своей доверчивости и принять на свой счёт показанные в Вашей описи лишние колёса и деревянные лопаты, которых я никогда не принимал от Вас, точно так же, как и других вещей, заготовленных собственно для таманских работ и только временно находившихся в Керчи в общем нашем сарае. Я должен буду оговорить, что показанные в ней 12 железных решёт и 12 ножей приняты мною не 18 октября, а 13 июня, и не от Вас, а от градоначальника по предписанию его от 2 июня 1853 года № 4902-й, о чём мною и донесено ему. Составного же железного шупа в кожаном чехле я никогда не видел и только от Савельича слышал о существовании его в Тамани».

Через три дня, т.е. 15 января этого года, пресловутые тачки опять стали важной темой в переписке [там же, л. 257 об. - 258]:

«9 тачек и 7 чугунных колёс я принуждён был включить в опись от 18 октября 1853 года (хотя Вы и не сделали этого), потому что без этого включения они не могли быть переданы в арестант<скую> полуроту 26 апреля 1854 г. Я полагаю, что тачки эти, те самые, которые были поломаны с двумя чугунными колёсами случайным обвалом земли в 1852 году, как видно из донесения Вашего градоначальнику от 24 августа 1853 года за № 58-м. Что же касается до 7 чугунных колёс, то из отчёта видно, что в 1852 году заготовлено было Вами для таманских работ только 12 чуг. колёс, которые (с двумя прикупленными к ним в замен разбитых в 1853 г.) оставались на Сенной; мною же заготовлено было для керченских работ в 1853 году всего 20 чу-

гунных колёс, которые и были переданы при тачках в арестантскую роту 26 апреля 1854 г. Следовательно, помянутые 7 чугунных колёс принадлежат к дополнительному изготовлению. Впрочем, если для Вас любопытно разрешить эту загадку, то потрудитесь припомнить, когда они были изготовлены. К 10-ти же тачкам, которые я принял от Вас, они принадлежать не могут, потому что тачки эти положительно снабжены были деревянными колёсами.

Неприятностями я называю небрежно составленные Вами описи, за правильность которых я отвечаю. Если Вы были далеки от них, то я желал бы быть ещё дальше».

Приведённые документы, на мой взгляд, оставляют какое-то странное впечатление. Россия в Крымской войне понесла большие людские потери, а о материальных и говорить не приходится – они были огромны. А тут два уважаемых человека спорят из-за колёс к тачкам. Уверен, что А.Е. Люценко и мысли не допускал, что К.Р. Бегичев в целях личной наживы продал их кому-нибудь из местных жителей. Дело здесь в ином – в особенностях его характера, проявлявшихся в излишней щепетильности.

К 1858 г. относятся первые рисунки К.Р. Бегичева, хранящиеся сейчас в Научном архиве ИИМК РАН. Это пейзажная зарисовка местности около речки Мелек-Чесме с обозначением важных археологических памятников, которые там находились (рис. 2). Один из таких памятников – Мелек-Чесменский курган – был раскопан в этом году, в результате чего был открыт ограбленный, но замечательный по своей архитектуре каменный склеп с уступчатым перекрытием.

В 1858 г. было сделано одно из важнейших открытий в истории боспорской археологии, связанное с исследованием кургана на Павловском мысу. К.Р. Бегичев сделал зарисовку этой местности (рис. 3), составил планы и разрезы раскопок Второго Павловского кургана [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 148–151, рис. 5–8].

Вскоре в истории отечественной археологии произошла в высшей степени существенная перемена – 2 февраля 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, во главе которой был поставлен граф С.Г. Строганов. Керченский музей древностей был включён в структуру этой организации [Виноградов, 2012, с. 32–33]. К.Р. Бегичев при этом был оставлен на должности помощника директора, но за ним по-прежнему сохранялись и обязанности рисовальщика. Теперь Кирилл Родионович уже не проводил самостоятельных исследований на Таманском полуострове, всем этим занимался А.Е. Люценко, а он, конечно, очень нуждался в помощнике, который мог в нужный момент заменить его. Петербургское начальство требовало, чтобы результаты раскопок были документированы профессионально выполненными рисунками, и эта нелёгкая работа целиком ложилась на плечи К.Р. Бегичева.

Керченские археологи, естественно, надеялись, что создание Императорской археологической комиссии приведёт к улучшению их положения, прежде всего, материального, но эти надежды оказались напрасными. Время, когда ими управлял граф Л.А. Перовский, теперь казалось им почти идиллическим, на этой почве, естественно, возникло недовольство. Его выражением стало письмо С.Г. Стро-

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

ганову от К.Р. Бегичева, написанное 27 апреля 1859 г. Для того чтобы в полной мере представить себе суть начавшегося было конфликта, приведу текст письма полностью [НА ИИМК, ф. 1, 1859 г., д. 7, л. 11-12]:

«Простите за смелость, с которой я обращаюсь к Вашему Сиятельству. Меня вынуждает к тому крайность, о которой Ваше Сиятельство, конечно, не извещены, но которая ставит меня в положение близкое к отчаянию. Находясь при Керченском музее 15 лет в качестве рисовальщика, скульптора и разыскателя древностей, я получал постоянно одно и то же жалованье 572 рубля. Недостаток этого содержания был для меня всегда чувствителен и требовал особенных усилий и трудов с моей стороны для поддержания себя. Окончив дела по службе, я принимался за частную работу, *не зная почти никогда, что такое свободное время и покой*. Таким образом прошли 15 лет, я трудился, жил и надеялся – мне казалось неестественным, чтобы судьба моя наконец не изменилась и чтобы хоть на старости лет мне не дали содержания, которое обеспечило бы моё существование без всяких посторонних трудов, для которых здоровье моё не может больше служить мне.

Полученные здесь на днях новые штаты лишили меня этой надежды – новыми штатами мне определены всё те же 572 рубля, тогда как в Керчи по её исключительному положению относительно цен на все жизненные потребности нужно *по крайней мере втрое больше*.

При таком положении дел мне остаётся или искать другое место, или просить об улучшении моей участи. Я предпочитаю последнее, потому что я свыкся здесь с моею обязанностью и могу быть здесь полезен более, чем где-нибудь.

По положению новой Императорской археологической комиссии от Вашего Сиятельства все зависит, и я всепокорнейше прошу Вас дать мне другое назначение, какое бы то ни было; я надеюсь оправдать себя, *но* (подчеркнуто двумя чертами – Ю.В.) с высшим содержанием или же, если это окажется невозможным, позволить мне просить у Вашего Сиятельства отпуска в С-Петербург с сохранением содержания для приискания какого-либо места по другому ведомству».

Директор музея А.Е. Люценко в письме, направленном С.Г. Строганову 5 мая, полностью поддержал своего помощника [там же, л. 10; Виноградов, 2012, с. 36-37]. Письмо К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии оставил без ответа, точнее, ответом на обе керченские корреспонденции стало его послание А.Е. Люценко, датированное 4-м июня 1859 г. [НА ИИМК, ф. 1, 1859 г., д. 7, л. 14-15; Виноградов, 2012, с. 37-38]. В нём граф внёс ясность в вопрос взаимоотношений директора музея и его помощника. Главная обязанность последнего, как оказалось, состоит в подготовке нужных рисунков, а также, по усмотрению директора, в оказании помощи руководству музея. В отношении самого К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии писал:

«Что касается до докладной госп. Бегичева, то, имея полное уважение к Вашему ходатайству, я не могу перевести его на другое высшее место с высшим содержанием, по неимению для него мест ни в Археологической комиссии, ни в Римской. Если

Боспорские исследования, вып. XXXV

же, как он излагает в своей докладной записке, для его потребности на этом месте нужно ему получать по крайней мере втрое больше теперешнего его содержания и он полагает искать себе место в другом ведомстве, то я не нахожу к последнему никаких препятствий, но не разрешаю ему для этого отпуска с содержанием в Петербург, особенно в настоящее время, когда для Вас должен быть нужен помощник. В том случае, когда он останется при своих желаниях или будет уклоняться от исполнения своих обязанностей, покорнейше прошу Вас от моего имени предложить ему подать просьбу об отставке».

Нетрудно понять, что после такого послания керченские археологи приняли своего рода холодный душ. В результате К.Р. Бегичев до конца своих дней довольствовался содержанием в 572 руб., правда, в августе 1860 г. он получил звание надворного советника [НА ИИМК, ф. 1, 1861 г., д. 3, л. 1–4], но это событие, по всей видимости, было весьма слабым утешением для человека, столь стеснённого в денежных средствах. В этом же году ему было разрешено приобрести новую лошадь, поскольку старая с 1853 г. «пришла в совершенную негодность и не может служить для дальнейшего употребления» [НА ИИМК, ф. 1, 1860 г., д. 18, л. 1]. На покупку новой лошади и починку старого седла Кириллу Родионовичу было выделено 60 руб.

Несмотря на все лишения и несбывшиеся надежды, К.Р. Бегичев продолжил свою работу на посту помощника директора. В это время он сделал бесценные зарисовки раскопок курганного некрополя Юз-Оба (Сто холмов) под Керчью, который в наши дни признаётся некрополем боспорской знати IV в. до н.э. [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 155-156, рис. 12-13; с. 168, рис. 25; с. 172, рис. 29; с. 177–181, рис. 33-36; с. 188, рис. 45; с. 192, рис. 49]. Эти раскопки были начаты ещё в 1858 г., но особой масштабностью отличались в 1859 г. Кирилл Родионович на своих рисунках не просто изобразил местность, на которой расположены курганы, но составил весьма содержательное их описание, высказав чрезвычайно важные замечания о структуре курганного могильника.

В некоторых курганах Юз-Обы были обнаружены монументальные каменные склепы. Особую известность заслужили склепы с уступчатым перекрытием. Среди таких памятников, зарисованных К.Р. Бегичевым, – гробница № 50 Третьего кургана (рис. 4) и двойная гробница № 48 Пятого кургана [там же, с. 180, рис. 35]. Хорошо известен и другой его рисунок, изображающий склеп № 47 Шестого кургана (рис. 5). К сожалению, исследователи не дали этому склепу должной оценки, а между тем он в высшей степени любопытен. Рисунок К.Р. Бегичева не оставляет сомнения в том, что эта гробница имела арочное перекрытие. Погребение в этом склепе не было ограблено, и оно датируется в пределах второй половины IV в. до н.э. В общем, перед нами одна из самых ранних (и хорошо датированных!) арок в античном мире [там же, с. 62–66]. Жаль, что западные коллеги её не знают, а соотечественники как будто давно о ней забыли.

В поисках древних сокровищ А.Е. Люценко предпринял раскопки самого большого кургана окрестностей Керчи – Кара-Обы [см.: Стоянов, 2014, с. 619–638]. Его

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

высота тогда достигала почти 26 м. Рисунки, составленные К.Р. Бегичевым, позволяют представить и грандиозность этого памятника, и масштаб проведённых на нём исследований (рис. 6). Несмотря на все старания, археологи не открыли здесь никакой, даже ограбленной монументальной гробницы. Кара-Оба остаётся одним из самых загадочных памятников Боспора Киммерийского.

Последним археологическим рисунком К.Р. Бегичева является изображение Острого (Десятого) кургана некрополя Юз-Оба, сделанное им в 1860 г. (рис. 7). Основные исследования этого кургана развернулись уже без него [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 72–83].

Между тем, положение Кирилла Родионовича становилось всё более и более тяжёлым. А.Е. Люценко, прекрасно понимая это, писал по этому поводу в С-Петербург [НА ИИМК, ф. 1, 1861 г., д. 6, л. 2 об. – 3]:

«... положение моего помощника, терпящего во всём крайнюю нужду, при возрастающей в Керчи с каждым годом дороговизне на квартиры и все жизненные потребности – сильно огорчает меня. Страдая последнее время опасною грудною болезнию и при всём том исполняя усердно свою обязанность, он лишён средств нанять для себя человека и пригласить доктора; из 560 р. получаемого им в год содержания он платит ныне 200 р. за квартиру, состоящую из двух комнат с конюшнею для помещения лошади. Остальных 360 р. в год едва ли достаточно, чтобы содержать себя и иметь необходимую одежду. Содержание казённой лошади, на которую отпускается 107 р. в год, по нынешним ценам, достигающим, на прим., на овёс до 6 р. четверть, сделалось также обременительным. Пособие, оказанное Вашим Сиятельством моему помощнику, я счёл бы особенною для себя милостию, о которой я и осмеливаюсь ходатайствовать пред Вашим Сиятельством в уважение долговременной и полезной службы г. Бегичева при Керченском музее».

В марте 1861 года, когда у К.Р. Бегичева стала быстро прогрессировать чахотка, А.Е. Люценко выхлопотал ему 200 руб. материальной помощи [НА ИИМК РАН, ф. 1, 1861 г., д. 6, л. 7], но этих средств могло хватить разве что на оплату квартиры за год [там же, л. 2], для достойного лечения их явно недоставало. Всего через год болезнь свела К.Р. Бегичева в могилу. А.Е. Люценко докладывал об этом С.Г. Строганову 9 марта [ф. 1, 1862 г., д. 9, л. 1]:

«Имею честь донести Вашему Сиятельству, что помощник мой, надворный советник Бегичев, после продолжительных страданий скончался 7-го числа сего месяца в 3 часа пополудни, от чахотки».

Узнав о смерти археолога, С.Г. Строганов в своём письме А.Е. Люценко от 28 марта 1862 г. отметил [ф. 1. 1862 г. № 9, л. 3]:

«С истинным сожалением узнал я из донесения Вашего о смерти Бегичева. Археологическая комиссия потеряла в нём усердного и добросовестного чиновника и человека, во многих отношениях полезного для керченских разысканий. Жалею о нём тем более теперь, когда опять настало время для производства раскопок, Вы остались без помощника».

Боспорские исследования, вып. XXXV

Помощником А.Е. Люценко, как известно, вскоре стал Ф.И. Гросс [Виноградов, 2015б, с. 317–326].

К.Р. Бегичев прожил очень недолгую жизнь, всего 43 года, 17 из которых посвятил служению археологии. Для изучения древностей Боспора Киммерийского он сделал чрезвычайно много. Его рисунки – бесценные свидетельства сделанных при его участии археологических открытий. Уверен, что давно пора собрать все эти рисунки вместе и опубликовать в виде специального издания. Такая публикация стала бы лучшим памятником российскому археологу Кириллу Родионовичу Бегичеву.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашик А.* Веспорское царство. Одесса, 1848.
- Бич О.И.* Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. // СА. 1958. Вып. XXVIII.
- Богданов А.А., Захаров Е.В.* «Нумизматическая переписка» К.Р. Бегичева и А.Е. Люценко с Л.А. Перовским и С.Г. Строгановым // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 г. М., 2015.
- Булгаков Ф.И.* Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, гравёры и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия. Т. I. СПб, 1889.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859 – 1917). БИ. 2012. Вып. XXVII.
- Виноградов Ю.А.* Небольшой этюд по истории боспорской археологии: Л.А. Перовский о приобретении древностей у населения // БИ. 2015а. Вып. 31.
- Виноградов Ю.А.* Российский археолог Фёдор Иванович Гросс // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015б.
- Виноградов Ю.А.* Российский археолог Кирилл Родионович Бегичев // Боспорские чтения. XVII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Сmealова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь, Керчь, 2012.
- Гёргс К.К.* Собрание сочинений. Т. 1. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб, 1898а.
- Гёргс К.К.* Собрание сочинений. Т. 2. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. СПб, 1898б.
- Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик, 2009.
- Застрожнова Е.Г.* Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 года: к истории открытия // РА. 2012. № 1.
- Застрожнова Е.Г.* Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева) // БИ. Вып. XXX. 2014.
- Застрожнова Е.Г.* Погребения боспорской элиты из раскопок К.Р. Бегичевым курганного некрополя Фанагории (1853–1855 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного «круглого стола» 22–25 ноября 2016 г. СПб, 2016.
- Зуев В.Ю.* К юбилею Александра Ефимовича Люценко // БФ: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. I. СПб, 2007.
- Лазенкова Л.М.* Керченский музей древностей. Исследователи: «Почтенный» археолог А.Е. Люценко // БФ: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб, 2001.
- Лазенкова Л.* Керченский музей древностей. Основатели, исследователи. Керчь, 2003.
- Майков П.* Перовский Лев Алексеевич // Русский биографический словарь. Т. XIII. СПб, 1902.
- Марти Ю.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л.* Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия (1859 – 1917).

Виноградов Ю.А. Российский археолог ...

К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009.

Петрова М.М. Археология в жизни министра внутренних дел России Л.А. Перовского // Археология Крыма. 1997. Т. I.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. (Л.), 1925.

Стоянов Р.В. Из истории исследования кургана Кара-Оба // БИ. Вып. XXX. 2014.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб, 2002.

Художники народов СССР. Библиографический словарь. Т. I. М., 1979.

REFERENCES

Ashik A. *Vosporskoe tsarstvo*. Odessa, 1848.

Bich O.I. Arkhivnye dannye o statuiakh, naidennykh v Kerchi v 1850 g. *Sovetskaia arkheologiya*. 1958. Vol. 28.

Bulgakov F.I. *Nashi khudozhniki (zhivopistsy, skul'ptory, mozaichisty, graviory i medal'ery) na Akademicheskikh vystavkakh poslednego 25-letia*. Т. I. SPb, 1889.

Gyorts K.K. *Sobranie sochinenii*. Т. I. Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova. SPb, 1898a.

Gyorts K.K. *Sobranie sochinenii*. Т. II. Istoricheskii obzor arkheologicheskikh issledovaniy i otkrytii na Tamanskom poluostrove. SPb, 1898b.

Khudozhniki narodov SSSR. Biobibliograficheskii slovar'. Т. I. М., 1979.

Lazenkova L.M. Kerchenskii muzei drevnostei. Issledovateli: "Pochtennyi arkheolog A.E. Liutsenko. *Bosporskii fenomen. Kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva*. St.Petersburg, 2001.

Lazenkova L. *Kerchenskii muzei drevnostei. Osnovateli, issledovateli*. Kerch', 2003.

Maikov P. Pervskii Lev Alekseevich. *Russkii biograficheskii slovar'*. Vol. XIII. SPb, 1902.

Marti Yu. *Sto let Kerchenskogo muzeia*. Kerch', 1926.

Medvedeva M.V., Vsevirov L.M., Musin A.E., Tikhonov I.L. Oчерк istorii dejatel'nosti Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. *Imperatorskaia arheologicheskaya komissiya (1859 – 1917). K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo nasledia*. SPb, 2009.

Petrova M.M. Arheologiya v zhizni ministra vnutrennikh del Rossii L.A. Perovskogo. *Arheologiya Kryma*. 1997. Т. I.

Rostovtsev M.I. *Skifiya i Bospor*. (Leningrad), 1925.

Stoianov R.V. Iz istorii issledovaniia kurgana Kara-Oba. *Bosporskie issledovaniia*. 2014. Vol. XXX.

Tunkina I.V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyach Rossii (XVIII – sredina XIX v.)*. М., 2002.

Vinogradov Yu.A. Stranitsy istorii boeporskoj arheologii. Epoha Imperatorskoi arheologicheskoi komissii. *Bosporskie issledovaniia*. 2012. Vol. XXVII.

Vinogradov Yu.A. Nebol'shoi etud po istorii bosporskoj arheologii. *Bosporskie issledovaniia*. 2015a. Vol. XXXI.

Vinogradov Ya.A. Rossiiskii arkheolog Fiodor Ivanovich Gross. *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiiu V.P. Tolstikova*. М., 2015b.

Vinogradov Yu.A. Rossiyskii arheolog Kirill Rodionovich Begichev. *Bosporskie Chteniya. XVII. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Issledovateli i issledovaniya*. Kerch, 2016.

Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. *Yuz-Oba. Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora. T. I. Istorii izucheniia i topografiia*. Simferopol' – Kerch', 2012.

Zastrohznova E.G. Pogrebenie s naborom figurnykh polikhromnykh sosudov iz Fanagorii 1852 g.: k istorii otkrytiia. *Rossiiskaia arheologiya*. 2012. № 1.

Zastrohznova E.G. Arkheologicheskie raskopki Fanagorii v 1852–1855 gg. (po materialam polevogo hzurnala K.R. Begicheva. *Bosporskie issledovaniia*. 2014. Vol. XXX.

Zastrohznova E.G. Pogrebeniia bosporskoj elity iz raskopok K.R. Begicheva kurgannogo nekropolia

Боспорские исследования, вып. XXXV

Fanagorii (1853–1855 gg.). *Elita Bospora I bosporskaia elitarnaia kul'tura. Materialy mehzdunarodnogo Kruglogo stola 22–25 noiabria 2016 g.* St.Peterburg, 2016.

Zhil' F.A. *Pis'ma o Kavkaze i Kryme.* Nal'chik, 2009.

Zuev V.Yu. К Iubileiu Aleksandra Efimovicha Liutsenko. *Bosporskii fenomen: sakral'nyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok.* St.Petersburg.

Резюме

Статья посвящена описанию жизненного пути К.Р. Бегичева (1817–1862). Этот человек, оставив воинскую службу, поступил в Керченский музей древностей в 1845 г. на должность художника и скульптора. Ему также неоднократно пришлось исполнять обязанности директора музея. К.Р. Бегичев принимал активное участие в раскопках боспорских курганов. Он исполнил большое количество рисунков, на которых запечатлены моменты этих раскопок, а также сделанные тогда находки. Его рисунки являются бесценными документами своего времени.

Ключевые слова: история науки, боспорская археология, Керченский музей, Императорская археологическая комиссия.

Summary

The article describes the life path of K.R. Begichev (1817-1862). After leaving military service, this man got the position of an artist and sculptor in the Kerch Museum of Antiquities in 1845. He also repeatedly had to perform the duties of the director of the museum. Begichev K.R. took an active part in the excavations of burial mounds of the Bosporus. He performed a large number of drawings, which depicted the moments of those excavations, as well as of the findings. His drawings are invaluable documents of that time.

Keywords: history of science, Bosporus archaeology, the Kerch museum, Imperial Archaeological Commission.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
Институт истории материальной
культуры РАН (С-Петербург),
ведущий научный сотрудник
vincat2008@yandex.ru

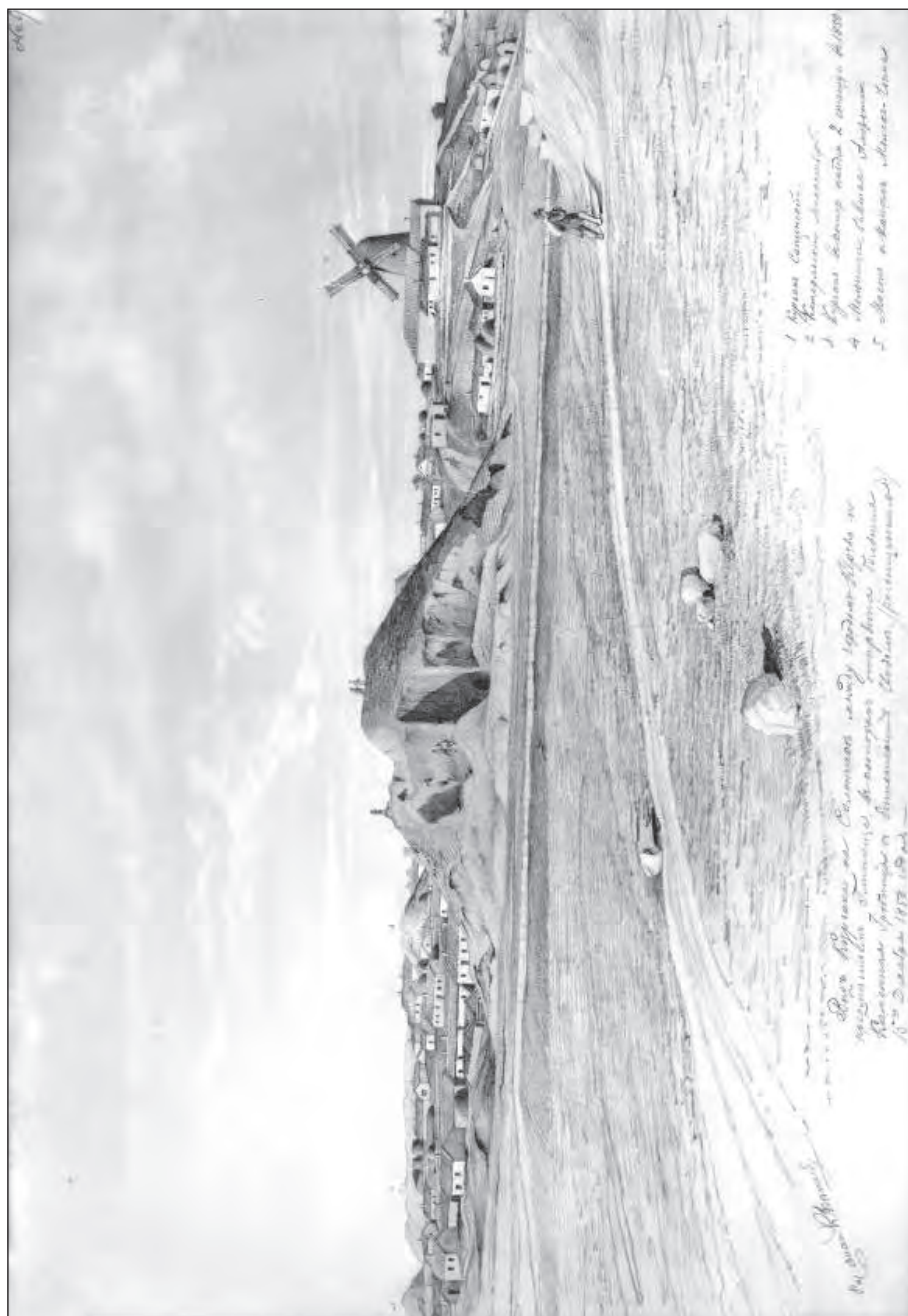
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Yurii Alekseevich, DSc,
Institute for the History of Material
Culture (St. Petersburg),
Leading scientific researcher
vincat2008@yandex.ru

Рис. 1. Бегичев К.Р. (?). Фотография конца 1850-х – начала 1860-х гг.
[ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, д. 146, л. 1].

Рис. 2. Бегичев К.Р. Вид кургана на Солончаке (Мелек-Чесменского), между городом и предместьем Глинище, в котором открыта каменная гробница с египетским сводом (разграбленная) 15 декабря 1858 г. [НА ИИМК РАН, р. 1, д. 562, л. 9].
1 – курган Солончакский; 2 – мельница; 3 – курган, в котором найдены две статуи в 1850 г.;
4 – мельница, бывшая Амореги; 5 – мост и канал Мелек-Чесме.

Рис. 3. Бегичев К.Р. Вид Второго скалистого кургана на Павловском мысу с юго-восточной стороны. 29 мая 1858 г.
[НА ИИМК РАН, р. 1, д. 562, л. 1].

Рис. 4. Бегичев К.Р. Уступчатый склеп № 50, открытый в Третьем кургане некрополя Юз-Оба, 1859 г.
[НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 11].

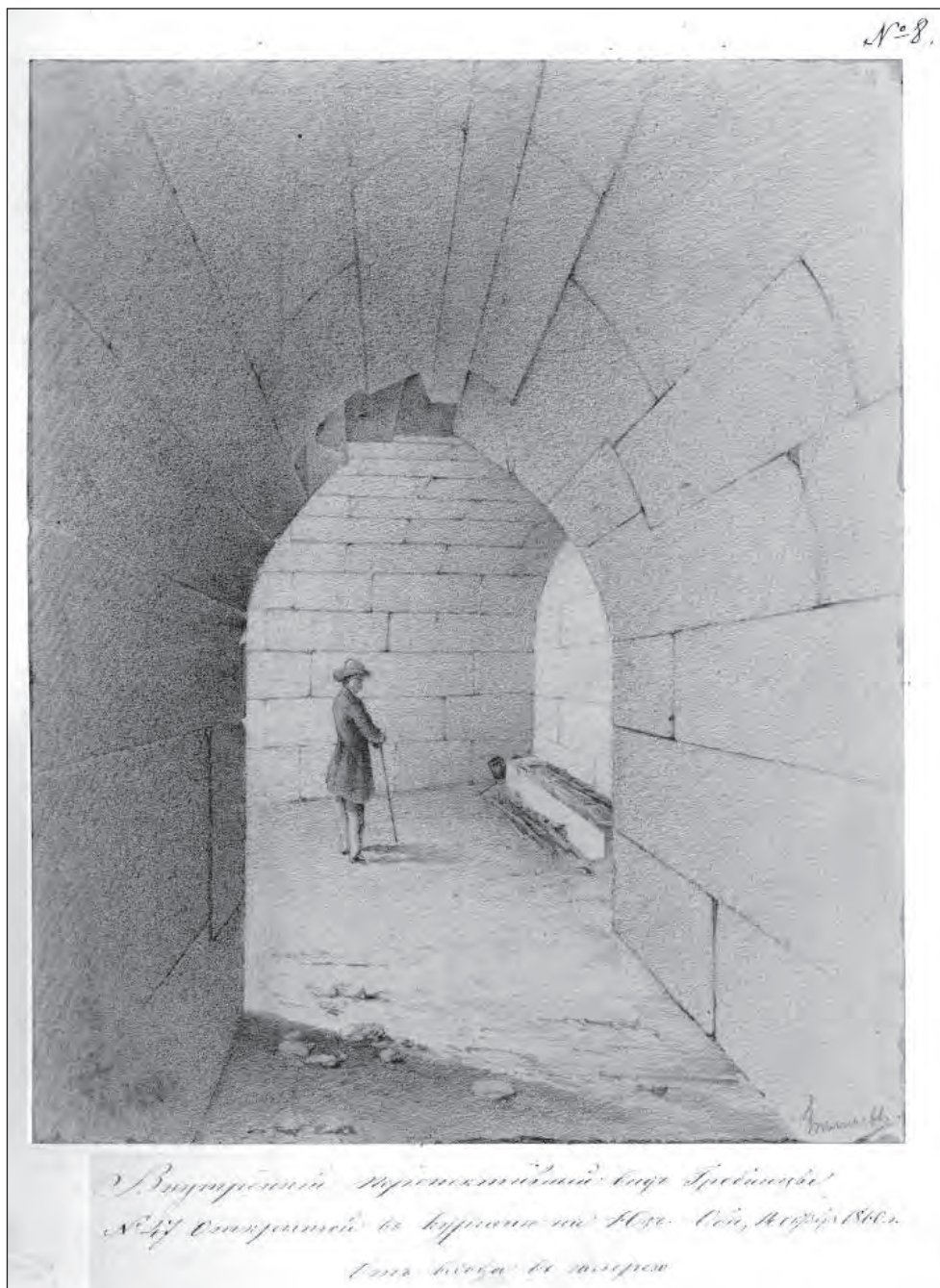

Рис. 5. Бегичев К.Р. Гробница № 47, открытая в Шестом кургане некрополя Юз-Оба [НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 21].

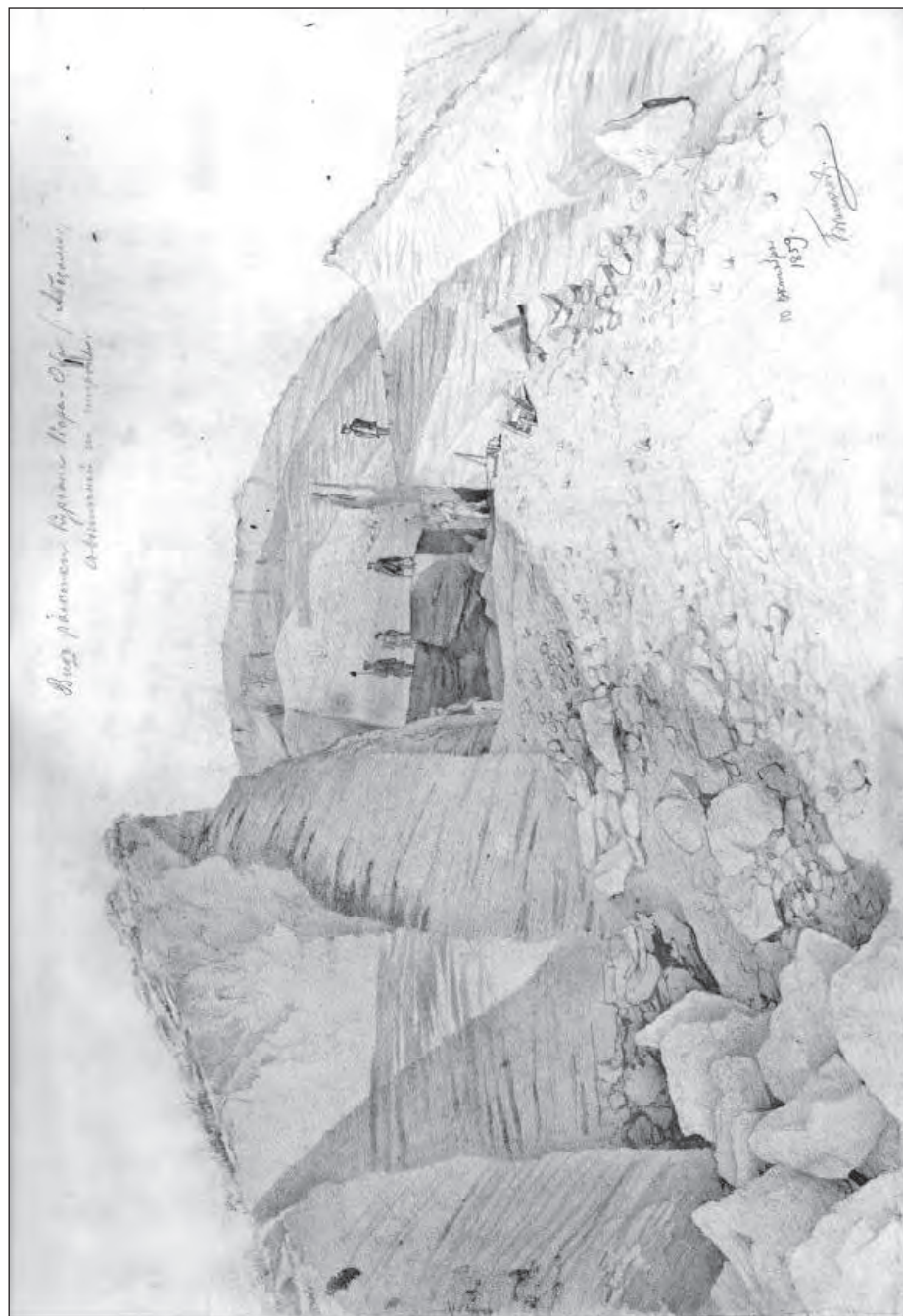

Рис. 6. Бегичев К.Р. Раскопки кургана Кара-Оба (Абазали) с восточной стороны. 10 октября 1859 г. [НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 5].

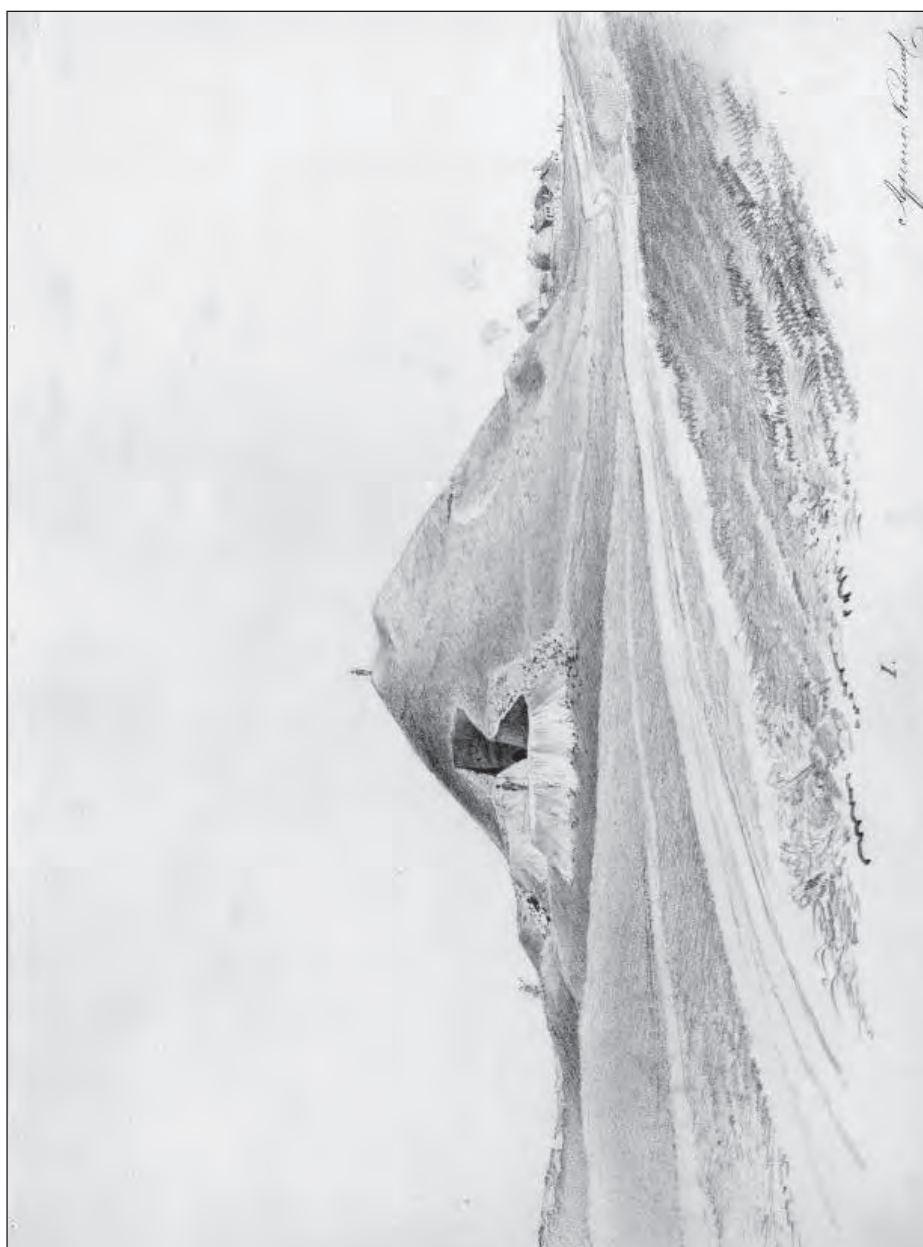

Рис. 7. Бегичев К.Р. Острый (Десятый) курган некрополя Юз-Оба [НА ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 29].

М.Ю. ВАХТИНА
M.IU. VAKHTINA

**ИЗ ИСТОРИИ РАСКОПОК КУРГАНА НА ТЕМИР-ГОРЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН)¹**
**FROM THE HISTORY OF EXCAVATION OF THE MOUND ON TEMIR-GORA
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF IIMK RAS)**

Скифский курган на Темир-Горе в Восточном Крыму (рис. 1) был исследован в 1869-1870 гг. П.И. Хицуновым и А.Е. Люценко [ОАК за 1869 г., с. XII-XIII; ОАК за 1870-71 гг., с. XX-XXIII].

Насыпь кургана была сооружена в эпоху архаики над его основным погребением. В последующие периоды он продолжал использоваться для захоронений, что указывает на высокое «сакральное» значение этого памятника в сознании древних обитателей региона [Виноградов, 2001, с. 87]. Несмотря на то, что курган на Темир-Горе и отдельные вещи, найденные в процессе раскопок, хорошо известны специалистам, история изучения памятника и комплексы погребений, на наш взгляд, все еще нуждаются в подробных специальных исследованиях. Исследователи, обращающиеся к материалам кургана, опираются на статью Э.В. Яковенко, в которой был предпринят полный анализ полевой документации и предложены реконструкции и датировки захоронений, открытых в кургане, вышедшую около полувека назад [Яковенко, 1972, с. 259–267]. Позже Т.М. Кузнецова предложила свою интерпретацию «могильника на Темир-Горе» [Кузнецова, 2002, с. 85–89, рис. 1].

В работе Э.В. Яковенко впервые были наиболее полно учтены данные о раскопках кургана, содержащиеся в документах научного архива ИИМК РАН. Исследовательница отметила, что «раскопки проводились со значительными перерывами» [Яковенко, 1972, с. 259], в чем, впрочем, не было ничего необычного. Таким же образом, в несколько приемов, был исследован целый ряд грандиозных курганов Северного Причерноморья, в числе которых – Большая и Малая Близницы, курган на Васюринской горе и многие другие. Однако курган на Темир-Горе, значительный по величине, все же уступал насыпям аристократических курганов Боспора IV в. до н.э. Причины, из-за которых этот курган копался двумя исследователями и в течение двух сезонов, сводились (как это обычно бывает) к целому ряду конкретных обстоятельств. Они отражены в материалах научного архива ИИМК РАН, к которым мы и обратились.

П.И. Хицунов и события, предшествующие раскопкам кургана. Личность и биография одного из исследователей Темир-Горы, директора Керченского музея древностей А.Е. Люценко, заслуженно привлекает внимание исследователей

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10151.

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

[Лазенкова, 2001; 2003, с. 23-28; Виноградов, 2009, с. 250 сл.]. Другой исследователь, П.И. Хицунов, оставил менее яркий след в истории археологической науки. Попытки оценить вклад этого исследователя-энтузиаста в изучение природы и истории юга Российской Империи стали предприниматься сравнительно недавно [Амельченко, 2004, с. 221; Вахтина, 2016а, с. 74–76]. Живое внимание П.И. Хицунова привлекали достопримечательности, в том числе древности юга Российской Империи. Его перу принадлежат «Заметки по пути от реки Дона до Пятигорска, с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных Минеральных Вод», вышедшие в журнале «Отечественные Записки» в 1841 г. [Хицунов, 1841].

В период, предшествующий раскопкам кургана на Темир-Горе, надворный советник Петр Иванович Хицунов находился в отставке, однако активно проявлял себя на общественном и научном поприще. Сохранилась подробная докладная записка от 18 марта 1868 г. (1868 г., д. 41, л. 10), адресованная директору Керченского музея древностей А.Е. Люценко, в которой П.И. Хицунов выражал желание заняться изучением древностей. Приведем выдержки из этого документа, как нам кажется, прекрасно характеризующие этого разностороннего и любознательного человека.

«Давно заявлял я желание принять деятельное участие в разысканиях древностей и Ваше Превосходительство всегда одобряли мысль мою, содействуя мне опытными советами и руководствами по этой части.

На днях я узнал, что заведовавший Феодосийским музеем древностей, предположивший с весны нынешнего года производить в окрестностях Феодосии раскопки, – недавно умер, а за смертью его столь важные для науки изыскания в замечательной местности остаются неисполненными.

Если справедлив слух, что дело находится в таком положении, то я с истинною ревностию любителя готов посветить себя на служение столь полезной отрасли исторической науки. Мне кажется, что я с пользою мог бы заступить должность умершего хранителя музея в Феодосии, по указаниям просвещенных членов Археологической Комиссии и Вашим руководством заниматься обследованиями Феодосийской почвы.

Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать мне в содействии Вашем касательно определению меня в должность хранителя Феодосийского музея и производства там разыскания древностей.

Касательно вознаграждения мне по означенной должности, на действительной ли это будет службе или частным образом, я совершенно предоставляю усмотрению Начальства... [.....]. Надеюсь, что Ваше Превосходительство, зная меня лично, не оставите выразить о мне благоприятного отзыва перед Высшим Начальством. При сем имею честь на обороте сего присовокупить о себе краткие сведения из имеющихся документов, в готовности по первому требованию представить их в подлиннике. Отставной Надворный Советник Петр Хицунов».

Вакансия в Феодосийском музее освободилась после смерти его директора Н.А. Чекалева; после его кончины в марте 1868 г. должность директора принял на

себя И.С. Бескровный, имевший, как и П.И. Хицунов, чин надворного советника [Тункина, 2011, с. 182].

«Краткие сведения», изложенные в «Записке о надворном Советнике Петре Ивановиче Хицунове», также сохранились в архивном деле. Приведем почти полностью текст этой, как мы сказали бы теперь, краткой автобиографии². Из нее следует, что П.И. Хицунов получил образование «... в Главном Педагогическом Институте по филолого-историческому факультету в 1839 г., где кроме греко-римской словесности слушал лекции о древностях классических у профессоров Грефе и Гримма и проч. факультетские предметы. Поступив затем на службу в Кавказскую Областную Гимназию старшим учителем (и библиотекарем гимназии) по Русской словесности, состоял вообще в Кавказском и Закавказском крае на службе до половины 1850 года в должностях инспектора Инспектора Гимназии, директора Училищ в Кавказской обл. и Черномории и инспектора классов Закавказского Института Благородных девиц. В продолжение своей службы всегда заслуживал отличные отзывы начальства, но по случаю сильного расстройства здоровья должен был оставить оную, прослужа беспорочно по учебному ведомству около 12-ти лет, да прежде в общегражданской службе более 8-ми лет; удостоин получить полную пенсию по учреждениям Государыни Императрицы. Кроме прямых своих обязанностей по службе, Начальству угодно было мне давать разные другие порученности – разбор старинных архивов на Кавказе, редакцию Кавказского календаря, редакцию и сотрудничество газет «Кавказа», «Закавказского Вестника» и разработку данных по Истории, Статистике, Географии и Этнографии края, описание городов, Заведование делами Статистического Комитета и т.д. В разных периодических изданиях по означенным частям напечатано довольно моих статей, начиная с 1839 года. И последнее время не оставляю продолжать моих слабых трудов по литературе, сообщая свои описания из путешествий, совершенных мною по разным странам. Обязанным считаю присовокупить, что после поправления здоровья я выслушал курс Медицинских и естественных наук в Медико-Хирургической Академии в С.Петербурге, с половины 1851 до половины 1857 года. Для усиления средств к содержанию себя и совершению путешествий, кроме занятий в периодич. изданиях, время от времени продолжал частно заниматься педагогией, как в С.Петербурге, так и в провинциях, между прочим заведовал Благотворительным Пансионом при Варшавской Русской гимназии и преподаванием учебных предметов в Ставропольской и Черноморской Гимназиях. Петр Хицунов» (1868 г., д. 41, л. 11).

А.Е. Люценко откликнулся на просьбу П.И. Хицунова и рекомендовал его Археологической комиссии. В 1868-69 гг. директор Керченского музея занимался раскопками в Керчи и на Тамани (1868 г., д. 41, л. 58–67). Много сил и времени весною 1868 г., очевидно, отнимала у него и конфликтная ситуация с Керчь-Еникальским градоначальником вице-адмиралом А.А. Спицыным – первым требовавшим прекра-

² Авторская орфография и пунктуация сохранена.

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

щения раскопок на г. Митридат. Документы, направленные градоначальником в комиссию, и ответные пояснительные записки А.Е. Люценко, повествующие об этой достаточно длительной и, по-видимому, неприятной «тяжбе», также хранятся в деле (1868 г., д. 41, л. 15-17; Виноградов, 2009, с. 298–301). В этот период времени директор Керченского музея неоднократно обращался в Комиссию с просьбой об увольнении по состоянию здоровья, которое неуклонно ухудшалось (1868, д. 41, л. 13; Лазенкова, 2003, с. 26-27).

Благодаря хлопотам председателя Археологической комиссии графа С.Г. Строганова А.Е. Люценко был предоставлен четырехмесячный отпуск. В письме от 15 апреля 1869 г. (1869 г., д. 7, л. 12) А.Е. Люценко благодарит его за хлопоты, сообщает, что готовится к отъезду и ждет приезда В.Г. Тизенгаузена «для временной передачи ему Музея, что конечно же, было бы удобнее сдачи его больному моему помощнику Ф. Гроссу». В том же письме он упоминает и о П.И. Хицунове, к этому времени, очевидно, активно помогавшем ему в работе. «Относительно П. Хицунова, имею честь доложить, что уверенный заранее в благосклонности Вашего Сиятельства на мое о нем представление от 7-го февраля, я допустил его к участию в раскопках, которые пока мы производим с ним совокупно, с помощью буровых скважин, в боковых частях полуразрытых курганов, лежащих поблизости от Керчи между селениями: Глинище и Катерлес, причем в случае болезни или дурной погоды, препятствующих мне приезжать на работы, он согласился бескорыстно заменять меня, наблюдая за правильным их производством, при содействии опытных надсмотрщиков Музея. Результатом этих раскопок, начатых 10-го марта, было открытие в упомянутых курганах 4-х черепичных и 2-х каменных уцелевших гробниц, из которых в одной – каменной, с прахом сожженного на костре покойника, отыскано не менее 45 золотых, поврежденных огнем золотых вещей довольно изящной работы...

Приготовляясь в дорогу, я привожу Музей в более систематический порядок... [...] Что же касается до г. Хицунова, то, присмотревшись к механическим приемам моих раскопок, он теперь изучает местность и старается выбрать несколько курганов, наименее тронутых прежними искателями, чтобы при благоприятной погоде приступить самому к разысканиям, получив от меня для этого некоторую сумму, согласно разрешению Вашего сиятельства... Вообще, усердие, добросовестность и научные познания этого деятеля не позволяют сомневаться в пользе, которую он может принести своими трудами археологии» (л. 12-13).

Дождавшись приезда В.Г. Тизенгаузена и передав ему 12 июня 1869 г. руководство музеем, А.Е. Люценко 22 июня уехал за границу. Отъезд пришлось немного отложить и «из-за перемещения на другую квартиру» (л. 15). Сначала А.Е. Люценко отправился в Вену, а оттуда, после консультации с врачами, – на минеральные воды в Карлсбад.

В его отсутствие должность заведующего музеем вскоре, вероятно, вследствие занятости В.Г. Тизенгаузена раскопками на Тамани (1869 г., д. 4, л. 14), временно перешла к Ф.И. Гроссу. Между тем П.И. Хицунов начал свои, по-видимому, первые

самостоятельные археологические изыскания на Тамани и в Керчи. На Тамани он занимался раскопками Острого кургана, «лежавшего близ Лысой горы» (л. 19-20), а вскоре после этого приступил к исследованиям кургана на Темир-Горе.

О раскопках кургана на Темир-Горе

Э.В. Яковенко писала о том, что слабая изученность основного погребения кургана объясняется не только «малочисленностью данных об обстоятельствах раскопок, но и крайне сжатой, а зачастую и путаной публикацией отчетов П.И. Хицунова и А.Е. Люценко» [Яковенко, 1972, с. 259]. Однако в научном архиве ИИМК РАН хранятся достаточно подробные «Журналы археологических разысканий» обоих исследователей, позволяющие судить о различных этапах работы на Темир-Горе. Архивные документы содержат подробные описания открываемых комплексов и отдельных вещей, описи находок, в том числе находок, переданных в Археологическую комиссию, описи сделанных фотографий и иллюстраций [ф. 1, 1869, д. 4; 1870, д. 23]. По этим материалам можно судить и об общем уровне (и методике) проведенных раскопок – достаточно высоком и хорошо документированном для своего времени. Исследователи постоянно отмечали размеры, расположение и ориентировку раскопов. А.Е. Люценко, подводя итоги проделанных работ, писал: «Сделано с разных сторон, в насыпи означенного кургана, [...] несколько раскопов, обнаруживших почти всю внутренность того кургана, между оградною его стеною и центром» [1870, д. 23, л. 29 об.]. Судя по описанию и рисунку Ф.И. Гросса (рис. 2), насыпь кургана была пересечена несколькими траншеями, а вершина разобрана. Следы старых работ отчетливо видны и в наши дни (рис. 3).

П.И. Хицунов начал раскопки 1 сентября 1869 г. и завершил их 7 октября этого года. Его «Журнал археологических разысканий» [л. 24–30] по стилю и оформлению (рис. 4) очень близок «Журналам» А.Е. Люценко, которые, очевидно, были взяты за образец. Описание раскопок на Темир-Горе [1869 г., д. 23, л. 27-29] предваряет образное и одновременно точное описание расположения кургана. «Так называемая Темир-Гора, в 4,5 – 5,5 верстах (4.8 – 5.9 км – М.В.), на северо-востоке от Керчи и 4-х (4.3 км) на севере от Еникале. Она состоит в скалистой цепи холмов, которые тянутся полукругом с запада на восток по северной окраине Керченского полуострова, ограничивая с той стороны г. Керчь и оканчиваясь скалами у Азовского моря³. На природных возвышениях этой цепи насыпаны курганы, начиная с известного огромного кургана Кара-Оба». У подошвы кургана находился «виноградный сад» Г. Калафати, а несколько ниже – сад Г. Кумича «с древнейшим и замечательнейшим по форме колодезцем пресной воды». «[...] Темир-Гора, со стоящим на вершине ее курганом, значительно выдается своей огромностью из рядовых окружающих ее

³ Как правило, «значимость» и «сакральность» места, открывающийся оттуда «широкий обзор» производили впечатление на всех, кому удалось посетить курган. Вот как гораздо позже писал об этом В.Ф. Гайдукевич: «С вершины горы открывается широкая панорама: виден Керченский пролив и противоположный берег Таманского полуострова, Азовское море, на юго-западе в излучине Керченской бухты отчетливо видна Керчь» [Гайдукевич, 1941, с. 45].

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

скалистых возвышенностей. [...] По предварительному осмотру и приблизительно-му барометрическому измерению высоты этой местности, считая от морского берега Керчи более 37 саж. (приблизительно 79 м – *М.В.*), от подошвы же своей до вершины кургана более 22 саж. (50 м); сам курган вышиною около 4 саж. (8.5 м), а в окружности у подошвы до 42 саж. (90 м); вершина его, по видимой впадине, кажется давно снята, и разрушены раскопами в разных местах западная и восточная стороны у подошвы кургана; южная, покатая сторона кургана сохранилась неприкосновенною».

П.И. Хицунов начал раскопки в юго-западной части кургана, недалеко от его подошвы, где исследовал «южное пепелище», «в предположении открыть здесь фундаменты древних зданий или мраморы с надписями». С этой целью им было сделано два разреза на расстоянии 15 сажени (примерно 32 м) друг от друга, глубиной до материка. Один из них имел 3 сажени в длину, 2 сажени в ширину, $\frac{3}{4}$ сажени в глубину (соответственно 6.41 x 4.27 x 1.6 м), второй – 9 сажени в длину, 1,5 в ширину и $\frac{7}{9}$ в глубину (19.2 x 3. 20 x 1.66 м). Здесь были обнаружены обломки «грубых статуэток», клеймо с надписью ΑΣΤΙΝΟΜ... ΕΛΚΙΝΙΩΥ... ΤΟΥ... ΤΑΙ..., «в конце надписи рельефный бюст какого-то лица» (л. 28), а также монета с изображением лука, стрелы и надписью ΠΑΝ. П.И. Хицунов полагал, что здесь существовало поселение. Вскоре был обнаружен «жженный точок» (остатки трупосожжения), где 18 сентября были найдены первые золотые украшения (л. 28-29). В конце «Журнала» П.И. Хицунов писал, что должен был отлучиться, «тогда как прибывший из-за границы А.Е. Люценко изъявлял желание продолжить мой раскоп и доследовать под насыпью точек, который я предполагал закончить раскрытием по своем возвращении, то я и согласился на это, передав г. исполнявшему тогда обязанности Директора Ф.И. Гроссу оставшуюся тогда у меня на руках небольшую сумму от аванса, с выражением своего согласия на продолжение в отсутствие мое означенного раскопа» (л. 30). Прервав раскопки, П.И. Хицунов уехал в Таганрог, где он тогда проживал и где 29 ноября 1869 г. и завершил свой «Журнал». К раскопкам кургана на Темир-Горе он более не вернулся.

Мы можем сейчас только гадать, что побудило П.И. Хицунова покинуть раскопки Темир-Горы в столь интересный и ответственный момент – не завершив исследования «точка», из которого извлекались золотые вещи. Неясно, были ли это неотложные семейные дела или же иные обстоятельства. Вскоре он был направлен Археологической комиссией на Нижний Дон, где в 1870-1871 гг. провел раскопки городища Танаис и одного кургана из группы «Пять Братьев» [ОАК за 1870-1871 гг., с. XXIII-XXIV; Шелов, 1967, с. 29-30]. Возможно, увлечение исследованиями древностей Подонья не способствовало дальнейшему участию П.И. Хицунова в раскопках Керченского музея.

Что же касается раскопок кургана на Темир-Горе, то они были успешно продолжены и завершены директором музея. А.Е. Люценко вернулся в Керчь в конце сентября 1869 г., за месяц до окончания своего четырехмесячного отпуска. Не вступая официально в должность, он принимал «некоторое участие в трудах помощника мо-

его Гросса и П. Хицунова, чему особенно благоприятствовала прекрасная погода».⁴ В своем отчете за 1869 г. А.Е. Люценко писал также, что «... по случаю кратковременной отлучки в Таганрог г. Хицунова, мне довелось окончательно расследовать замечательную жженую гробницу, открытую им в кургане, находящемся на Темир-Горе» (1869 г., д. 7, л. 17). Здесь «... в дополнение к найденным в упомянутой гробнице г. Хицуновым золотым вещицам – было открытие в ней по одной паре массивных бронзовых запястий, обложенных листовым золотом и украшенных по концам золотыми львиными головами весьма изящной отделки, двух золотых перстней с перегоревшими камнями, на которых была заметна весьма интересная резьба и проч. Впрочем, все эти вещи сильно повреждены огнем» (л. 18).

А.Е. Люценко составил «Примечания к журналу археологических разысканий» П.И. Хицунова. Эти «примечания» содержат 7 пунктов (1869 г., д. 4, л. 34-35). А.Е. Люценко выразил сожаление по поводу прекращения П.И. Хицуновым исследований на Тамани. «Очень жаль, что г. Хицунов, найдя в этой местности две каменные гробницы, с одними костями скелетов, без вещей, прекратил дальнейшие... расследования». Большинство же замечаний касались раскопок кургана на Темир-Горе. Так, стены, обнаруженные в основании насыпи кургана, А.Е. Люценко определил как «каменную ограду», т.е. крепиду. По этому поводу он писал: «Стены эти, обнаруживаемые в основании курганов под насыпью их, на расстоянии 2 или 3 сажень от окружности подошвы, известны под названием не завалов, а круглых, каменных оград. Не позволяя курганной насыпи оседать и скатываться вниз, они состоят обыкновенно из двух, трех или четырех рядов больших тесаных плит известкового камня, лежащих один на другом отвесно; в некоторых же курганах, как, например, в Царском, имеют форму треугольного вала, сложенного из обломков плит, дикарных камней и мелкого щебня». В последнем, седьмом пункте, А.Е. Люценко коснулся обстоятельств своего вовлечения в процесс раскопок кургана на Темир-Горе. «Я изъявил не желание продолжать этот раскоп и доследовать открытый в нем жженный точок, а опасение, чтобы обнаруженная уже часть жженой гробницы не подверглась расхищению во время отсутствия г. Хицунова, и потому вынужден был вызваться окончить расследование, остановленное поездкой его в Таганрог».

В целом директор Керченского музея древностей благожелательно отнесся к деятельности П.И. Хицунова и высоко оценивал ее результаты. «За исключением этих маловажных неясностей, – писал А.Е. Люценко, – журнал г. Хицунова составлен довольно отчетливо. Что же касается до самих раскопок его, то из подробного описания их видно, что они произведены добросовестно и с достаточным пониманием дела» (1869 г., д. 4, л. 35).

Курган на Темир-Горе был доследован в следующем, 1870 г. Результаты раскопок отражены в «Журнале археологических разысканий» А.Е. Люценко [1870 г.,

⁴ Согласно донесению А.Е. Люценко в Комиссию, «разыскания директора Музея в окрестностях Керчи» велись с 8-го октября 1869 г. по 1 января 1870 г. (1869 г., д. 7, л. 21–23).

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

д. 23, л. 29–32]. Отметим, что здесь приведены данные о размерах кургана, отличающиеся от указанных в «Журнале» П.И. Хицунова. А.Е. Люценко писал, что наибольшая высота насыпи достигала 2 ½ саж., т.е. немногим более 5,33 м [1870, д. 23, л. 29]. Основные исследования памятника были проведены с 30 марта по 14 июня. В результате были открыты центральная гробница кургана и целый ряд более поздних захоронений [Яковенко, 1972, с. 265]. Был также исследован небольшой курган «у подошвы Темир-Горы с восточной стороны ее»; здесь была обнаружена «обложенная дикарными камнями гробница с одним остоном, лежавшим головой на восток», у ног его находился «самый простой глиняный горшок с 4-мя маленькими ушками» (л. 32).

Итоги раскопок кургана описаны в «Журнале» [1870, д. 23, л. 28–33], а также кратко изложены в «Рапорте» А.Е. Люценко в Комиссию от 28 декабря 1870 г. [1870, д. 23, л. 21–22]. В «Рапорте» указаны места, где проходили работы и сроки их проведения. Приведем выдержки из этого документа: «... археологические разыскания в сем году, начатые мною 5 января и прекращенные 22-го минувшего октября, произведены в следующих местностях: [.....] С 30-го марта по 14-е июня. В большом кургане, на вершине так называемой Темир-Горы... и в древних пепелищах означенной горы. Расследование большого кургана на вершине Темир-Горы привело к открытию – на поверхности больших каменных завалов, лежащих в основании его, близ центра, довольно значительной четырехугольной гробницы, построенной из мелких булыжных камней на извести и оштукатуренной внутри, но уже без крыши, давно обысканной и наполненной доверху землею; под самими же завалами – 4-х небольших гробниц, сложенных небрежно из ломаного дикаря и заключавших в себя каждая по несколько человеческих остовов, лежащих в совершенном беспорядке; почти круглой, вырубленной в скалистом материке ямы с одним человеческим остоном, у ног которого найден разбитый на мелкие части глиняный кувшин, с замечательным рисунком в архаическом стиле; остатков от погребального, по-видимому, уже тронутого костра, на котором, судя по найденным обломкам меча, был погребен какой-то воин, и таких же остатков другого костра, с большим числом перегорелых костей разных животных и черепков от глиняной посуды, заставляющих предполагать, что здесь была совершена тризна в память сожженной женщины, гробница которой открыта в прошлом году. В числе упомянутых выше черепков оказалось несколько, принадлежавших греческой патере, с весьма интересным и хорошего стиля рисунком. Кроме того, в насыпи означенного кургана, с южной стороны его, найдено почти полное число обломков от большого греческого кратера, с рисунком также весьма интересным, а в пепелищах, примыкающих к этому кургану, с западной его стороны, обнаружены основания стен каких-то обширных укреплений, сложенные насухо из ломаных штук дикарного камня, две глиняные статуйки, несколько монет, относящихся к Боспорскому царству, и остатки довольно хорошо сохранившейся цистерны, с которой снят точный рисунок» [л. 22].

На основании данных, приведенных в отчетах, исследователи с уверенностью пишут о восьми захоронениях (одном, в основном относящемся к архаическому вре-

мени, и семи впускных, более поздних), открытых в кургане. Как мы неоднократно упоминали выше, первая реконструкция кургана на Темир-Горе, как погребального комплекса, принадлежала Э.В. Яковенко [Яковенко, 1972, с. 260–266]. Позже свою интерпретацию памятника, реконструкции и датировки обнаруженных захоронений предложила Т.М. Кузнецова [Кузнецова, 2002, с. 81–89, рис. 1].

Понимая, что подробный анализ комплексов Темир-Горы, равно как и оценка кургана как огромного погребального памятника, требует специального исследования, все же выскажем здесь некоторые соображения по поводу открытых здесь захоронений и отдельных вещей.

О погребальных комплексах Темир-Горы

Погребениям, открытым в кургане, А. Е. Люценко дал «сплошную» нумерацию; исследователь присвоил последовательные номера всем захоронениям, открытым им в течение полевых сезонов 1869–70 гг. Порядковые номера комплексов Темир-Горы в полевой документации следуют за номерами погребений, открытых «у татарского кладбища с правой стороны от феодосийской дороги» [1870, д. 23, л. 25]. Кратко рассмотрим эти объекты.

Основное погребение. Особый интерес исследователей, как правило, привлекает основное погребение кургана № 81, принадлежащее к архаическому времени. Внимание к центральному захоронению вполне объяснимо – этот комплекс чрезвычайно важен для изучения «ключевых» проблем региона; в их числе – облик и составляющие элементы раннескифской культуры, а также вопросы, связанные с первыми греко-варварскими взаимодействиями в Северном Причерноморье. Захоронение было совершено в округлой в плане яме, «вырубленной в скалистом основании упомянутого кургана, близ центра его» [1870, д. 23, л. 32]. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. У ног его были найдены обломки греческого сосуда, у левой руки лежали 6 костяных полых трубочек, 8 костяных грибовидных «гвоздиков», бронзовая, обернутая золотым листом колчанная застежка, подтреугольная костяная бляшка в виде свернувшегося кошачьего хищника («пантеры») и костяная головка длинноклювой хищной птицы или грифона (рис. 5).

Обломки греческого сосуда, найденные в погребении, принадлежали греческой ойнохое, украшенной фризами с росписью в ориентализирующем стиле (рис. 5, 1), изготовленной в Южной Ионии, вероятнее всего, в Милете [Копейкина, 1972, с. 156; Cook, Dupont, 1998, р. 36, 38; Kerschner, Schlotzhauer, 2005, р. 20]. Впервые сосуд был подробно опубликован Б.В. Фармаковским [Фармаковский, 1914, с. 5–6, табл. VIII–IX]. А.Е. Люценко по достоинству оценил эту находку, описав ее как «глиняных кувшин с замечательным рисунком в архаическом стиле» и отметив в описи, что «кувшин этот, которого все черепки собраны, может быть вполне реставрирован» [1870, д. 23, л. 22; 44]. Расписную ойнохою из Темир-Горы, относящуюся к шедеврам греческой вазописи, датируют в пределах 640–630 гг. до н.э. (Копейкина, 1972, с. 56; Cook, Dupont, 1998, р. 36, 38, fig. 8.5) или же, согласно хронологической системе М. Кершнера и У. Шлотцауэра, относят к фазе SiAb (650–630 гг. до н.э.) (Kerschner,

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

Schlotzhauer, 2005, p. 20, fig. 12). Дата самого погребения, вероятно, близка дате сосуда. Таким образом, основное погребение в кургане на Темир-Горе принадлежит к древнейшему «пласту» надежно датированных скифских погребений Восточной Европы. Несомненно, это захоронение принадлежало воину-аристократу [Яковенко, 1972, с. 265], на что указывает и факт возведения над его могилой насыпи, достаточно высокой для архаического времени. Иную, более сложную интерпретацию основного захоронения кургана предложила Т.М. Кузнецова⁵. Согласно ее системе взглядов, «скальная гробница на Темир-Горе была, видимо, предназначена для грека, умершего в ранний период ознакомления с Северным Причерноморьем, возможно, во время разведывательной экспедиции, связанной с обследованием районов предстоящего заселения», а позже была переиспользована для захоронения скифа; расписная ойнохоя либо входила в состав первоначального, греческого погребения, либо же «была связана со скифом, сохранившим ее как «память» о пребывании в Малой Азии» [Кузнецова, 2002, с. 85-86].

Комплекс скифских элементов погребального инвентаря из центрального погребения достаточно подробно был проанализирован Э.В. Яковенко [Яковенко, 1972, с. 261–265]. Исследовательница полагала, что костяные полые трубочки (рис. 5, 2) являлись частями составных древков архаических стрел [Яковенко, 1972, с. 262–264]. Прямые аналогии этим предметам в Северном Причерноморье неизвестны. Костяные «гвоздики» (рис. 5, 3-6) исследователи относят к застегкам-скрепкам или же к элементам декора архаических колчанов, достаточно широко распространенным в скифской архаической культуре [Яковенко, 1972, с. 262; Черненко, 1981, с. 33–36, рис. 20, 21]. Комплексы, из которых происходят подобные находки, в тех случаях, когда они поддаются датировке, не выходят за пределы VI в. до н.э. Металлические колчаные застегки, фланкированные золотом, встречаются реже, но также известны в архаическое время. Среди аналогий застегке из Темир-Горы (рис. 5, 7) – находки из таких «царских» комплексов, как Литой и Келермесские курганы [Черненко, 1981, с. 37, рис. 22; Вахтина, 1991, с. 6; Ромашко, Скорый, Филимонов, 2014, с. 113–114, рис. 5, 2–8]. Неизменный интерес исследователей вызывают художественные изделия в «зверином стиле», выполненные из кости – «пантера» (рис. 5, 8) и головка длинноклювой хищной птицы или грифона (рис. 5, 9), выполненная в круглой скульптуре и украшенная дополнительными изображениями [Яковенко, 1976б, с. 128-129; 1976б; Черненко, 1981, с. 14, 43; Савинов, 2012, с. 14]. Обычно их считают украшениями скифского колчана или горита. Высказывалось и предположение о том, что головка грифона могла служить украшением конца парадного лука [Черненко, 1981, с. 14]. Недавно Н.Ю. Смирновым была предложена другая интерпретация:

⁵ Т.М. Кузнецова предложила новую, интересную и оригинальную интерпретацию захоронений в кургане на Темир-Горе и всего комплекса в целом. К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем подробно остановиться на выводах, к которым пришла исследовательница. Однако планируем сделать это в будущем, если удастся осуществить полную публикацию материалов – архивных и археологических, связанных с этим важнейшим памятником.

оба изделия были отнесены им к элементам декора навершия и рукояти боевой плети [Смирнов, 2015, с. 54]. Круг немногочисленных аналогий «грифону», известных ранее, сравнительно недавно был дополнен находкой из комплекса кургана 13 могильника Новозаведенное, где было обнаружено костяное налучье, по стилю чрезвычайно близкое головке грифона из Темир-Горы [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, рис. 5, 1; 2009, рис. 10, 4].

Картографирование аналогий находок скифского вещевого комплекса показывает, что большая их часть сосредоточена западнее – на территориях степного и лесостепного течений Днепра, также они зафиксированы в Приазовье и Предкавказье [Вахтина, 1991, с. 7, рис. 3]. Художественные аналогии костяной бляшке в виде свернувшейся «пантеры» можно отметить на чрезвычайно обширной территории, вплоть до Минусинской котловины в Сибири [Кисилев, 1949, табл. XX, 8, 10]. Отмечена стилистическая близость «пантеры» из Темир-Горы ряду изображений свернувшегося хищника из Майэмира, Уйгарака, Зивие и Келермеса [Смирнов, 2015, с. 51]. Добавим к этому кругу аналогий и стилизованные изображения пантер на блюде, изготовленном из рога, происходящем из комплекса погребения кургана 13 могильника Новозаведенное, упоминавшегося выше [Петренко, Маслов, Канторович, 2009, рис. 10, 1]. В целом облик вещевого комплекса основного погребения кургана отражает «широкий спектр культурных взаимодействий», характерный и для предшествующей фазы скифской культуры РСК-I [Рябкова, 2015, с. 94 сл.].

Круг аналогий, связывающий этот памятник с регионом к западу от Керченского пролива, его расположение близ традиционной переправы, ведущей из Северного Причерноморья в Предкавказье, позволяет предположить, что курган был возведен над погребением «мигранта» – знатного скифа, похороненного у важного рубежа степного пути. На этот путь хорошо ложатся и некоторые другие комплексы архаического времени, чрезвычайно важные для понимания характера ранних греко-варварских взаимодействий на территории Северного Причерноморья [Вахтина, 2016б, с. 14–17]. До сих пор представляется вполне логичным предположение о том, что курган на Темир-Горе был возведен над захоронением, совершенным на одном из важнейших традиционных «путей» походов и сезонных миграций кочевых скифов (какой-то части кочевой орды, возможно, «скифов-царских») из Приднепровья в Прикубанье, который можно реконструировать на основании анализа данных античных письменных источников [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005, 213–220]. С путем скифских миграций через пролив связывает скифское захоронение в кургане и Т.М. Кузнецова, полагая, однако, что более ранняя греческая гробница кургана была использована для более позднего погребения во время продвижения скифов «после мидийского погрома через Кавказ и степь Северного Причерноморья на запад, происходившего в нестабильной обстановке» [Кузнецова, 2002, с. 88].

Погребения по обряду кремации. Чрезвычайно интересными и важными для понимания истории региона в V – начале IV вв. до н.э. являются остатки трупосожжений № 82 и 83, выявленных в процессе раскопок кургана в 1869 г. раскопками

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

П.И. Хицунова и доследованных А.Е. Люценко⁶. Остатки первой кремации были обнаружены П.И. Хицуновым при расчистке сложенной из камней крепиды кургана. «Возле этой стены (т.е. кладки крепиды – М.В.), на материке, оказался жженный точек. При разборе его найдены в нем попорченные огнем и ржавчиною железные и бронзовые гвозди, полусожженные человечьи и лошадиные кости, черепки от простой глиняной посуды и куски разбитого мраморного алабастрида. Более ничего тут не оказалось. После того, не разбирая пока стены, продолжали по ней, следуя к центру уже двухсаженною шириною, – снимать верхнюю часть курганной насыпи, слегка изменив направление вправо, и затем уже приступили к разборке массивного завала. Когда его сняли и вынули землю на протяжении 6 саж. (12.80 м – М.В.) до центра, то в северо-западном углу раскопа открылся угол жженого точка, не более 1/3 части оною, где в золе костра тогда же, 18-го сентября, найдена мною ббольшая часть золотых женских украшений, другая же их часть открыта после, когда значительно расширен был прежний раскоп и сделана еще новая приемка (очевидно, прирезка – М.В.) до 4 кв. саж. вперед и влево, вследствие чего обнаружен был не только весь сожженный точек, но захвачена была раскопом половина разоренного в центре кургана древнего склепа, в давние времена снаружи расхищенного. [...] Жженный же точек, мною открытый, расположен неглубоко в материке на ½ арш. Жар обширного костра, по-видимому, был столь высокий, что большая часть золотого ожерелья расплавилась в шарики..., а прочие вещи из оставшихся сильно попорчены огнем, кости же скелета совершенно обратились в пепел». Далее следует подробное описание предметов, найденных при разборке точка [1869, д. 4, л. 28-30]. На нем заканчивается «Журнал» П.И. Хицунова.

Доследование этого участка и всего кургана в следующем году было продолжено А.Е. Люценко [1869, д. 4, л. 17-18]. В своем «Рапорте» он писал об «обнаруженных у самой ограды, с двух сторон кургана, на юго-восточной и юго-западной, на скалистом материке, остатков от двух костров: № 82 и 83». Упомянув о находках обломков «от железных копий и мечей»⁷, он высказал предположение о том, что первый из них «принадлежит сожженному воину», другой представлял собой тризну «в память женщины, гробница которой была открыта в 1869 г.» [1870, д. 23, л. 30].

Э.В. Яковенко, посвятившая этим комплексам специальную работу, трактовала одно из захоронений, от которого сохранились золотые украшения, остатки костяной пиксиды, фрагменты краснофигурной керамики, остатки бронзового зеркала, пастовые вставки от перстней, как «погребение богатой скифянки» и датировала концом V в. до н.э. [Яковенко, 1977, с. 143]. Кремация, в составе которой были обнаружены остатки сожженного коня, меча и копий, исследовательница считала захо-

⁶ Как уже было отмечено Ю.А. Виноградовым, нумерацию обоим сожжениям дал А.Е. Люценко [Виноградов, 2009, 291, прим. 8].

⁷ В описи найденных вещей А.Е. Люценко упоминает «четыре обломка от перегоревших мечей и копий», найденных «в остатках костра № 82, открытого в юго-восточной части означенного кургана на поверхности материка» [1869, д. 23, л. 44].

ронением «верхового воина-слуги, сопровождавшего погребение богатой женщины» [Яковенко, 1977, с. 144]. Однако имеющиеся у нас данные позволяют рассматривать эти объекты как остатки отдельных, не связанных между собой захоронений [Кузнецова, 2002, с. 87-88]. Женский вещевой комплекс, в свете современных датировок, скорее всего правильнее будет относить к несколько более позднему времени, чем то, которое предлагала Э.В. Яковенко. Т.М. Кузнецова датировала «богатое» женское погребение Темир-Горы рубежом V-IV вв. [Кузнецова, 2002, с. 88], а Ю.А. Виноградов – концом V–началом IV вв. до н.э. [Виноградов, 2001, с. 80].

В инвентарь женского захоронения входили греческие художественные изделия (украшения, в том числе изготовленные из золота, расписная посуда), выполненные в лучших традициях античного ремесла классической эпохи. В целом набор вещей, обнаруженных в этом погребении, отличается «высокой степенью эллинизации» и отсутствием в комплексе и обряде захоронения выразительных «собственно скифских» черт. Это позволило Т.М. Кузнецовой усомниться в скифской принадлежности обоих сожжений, так как, по ее мнению, по погребальному обряду они «ближе некрополям античных городов, нежели скифским памятникам» [Кузнецова, 2002, с. 84].

На наш взгляд, наиболее близко отражает историческую реальность точка зрения Ю.А. Виноградова, рассматривающего эти комплексы в ряду аристократических варварских погребений, появляющихся с V в. до н.э. неподалеку от античных центров Боспора, проводивших независимую политику. Эта традиция прослеживается в районе Киммерийского Боспора с первой половины V в. до н.э. (очевидно, со времени ближе к середине столетия. [Виноградов, 2001, с. 82-83]. Среди захоронений этой группы – нимфейские курганы, курган на м. Ак-Бурун (1862 г.), раннее погребение в кургане Куль-Оба и, что представляется наиболее интересным в связи с темой данной работы, – ранний склеп в кургане у с. Баксы. Как полагает Ю.А. Виноградов, этот склеп можно датировать, как и богатое женское погребение Темир-Горы, концом V – началом IV вв. до н.э. [Виноградов, 2001, с. 80]. Среди перечисленных памятников курган у с. Баксы территориально и хронологически наиболее близок кургану на Темир-Горе; оба кургана «тяготеют к району переправ через Керченский пролив, – точнее, к пути на эту переправу, ... месту, овеянному традициями былых легендарных времен, воспоминания о которых, по всей видимости, еще сохранились» [Виноградов, 2001, с. 87].

Погребения в каменных гробницах. Четыре такие гробницы (№ 77–80), содержавшие коллективные захоронения и ограбленные, очевидно, еще в древности, были обнаружены в первый сезон работ на кургане. А.Е. Люценко охарактеризовал их как «небольшие, сложенные из дикарного камня гробницы» [1869, д. 4, л. 44]. При их расчистке был обнаружен краснофигурный лекиф, украшенный изображением сфинкса [1870, д. 69, л. 44], что позволило предположительно отнести эти комплексы к IV в. до н.э. Э.В. Яковенко полагала, что, судя по описанию, гробницы были близки подкурганым скифским склепам Восточного Крыма [Яковенко, 1972, с. 265-266]. Т.М. Кузнецова, напротив, видела в них погребальные памятники, скорее всего

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

оставленные греками и соотносившиеся с античным поселением у подножия Темир-Горы, возможно, в то время уже существовавшим [Кузнецова, 2002, с. 88]. Такая трактовка представляется вполне вероятной. Античные погребения в каменных склепах и ящиках известны в это время на Европейском Боспоре. Так, например, неподалеку от Темир-Горы на некрополе античного Порфмия была исследована серия склепов, содержащих повторные захоронения (очевидно, служившие семейными усыпальницами) [Вахтина, Столяренко, 2013]. Древнейший из открытых склепов, напоминающий простой «каменный ящик», вероятно, был сооружен во второй половине IV в. до н.э. [Вахтина, 2013, с. 77].

Склеп (?), открытый близ центра насыпи. Сложенное из камней и оштукатуренное внутри сооружение (№ 76), обнаруженное А.Е. Люценко «близ центра насыпи, на каменных завалах», обычно считают склепом [Яковенко, 1972, с. 261; Кузнецова, 2002, с. 88]. Действительно, каменные, оштукатуренные изнутри склепы были широко распространены в погребальной практике Боспора с I в. до н.э. Однако, возможно, стоит отметить, что сам исследователь был весьма осторожен в интерпретации этого объекта. Он писал о нем как о «довольно большой, четырехугольной, с разобранным верхом постройке № 76 неизвестного назначения, стены которой были сложены из мелких булыжных камней на извести и покрыты с внутренней стороны их по слою штукатурки красною краскою»; сооружение сохранилось на 1 аршин (т.е. чуть менее чем на полметра – М.В.) в высоту [1870, д. 69, л. 29 об.]. В любом случае наличие кладки на известняковом растворе, по всей вероятности, указывает на принадлежность этого комплекса к более позднему времени, чем другие захоронения, открытые на Темир-Горе.

Поселение у подножия кургана

И, наконец, в заключение хотелось бы хотя бы кратко остановиться на результатах раскопок в непосредственной близости от кургана. Выше упоминалось, что в 1869 г. П.И. Хицунов обнаружил к югу от него множество интересных находок и, хотя и не открыл никаких строительных комплексов, предположил, что здесь существовало «древнее поселение, однородное с Пантикапейским» [1869, д. 4, л. 28]. А.Е. Люценко «в пепелище на юго-западной стороне кургана» обнаружил остатки, как он полагал, «укрепления или жилья» [1870, д. 69, л. 31]. Наиболее примечательными из открытых объектов были руины башен и цистерна [л. 30–32].

В 1936 г. В.Ф. Гайдукевич обследовал курган на Темир-Горе и старые раскопы⁸. На основе собственных наблюдений, а также анализа данных рукописного отчета А.Е. Люценко он предложил достаточно достоверную картину обнаруженных на этом участке объектов [Гайдукевич, 1941, с. 47–59]. Исследователь считал, что открытые к юго-западу от кургана остатки не дают основания для вывода о существовании

---

⁸ Разведка «поселения на Темир-Горе», обследование памятника и сбор подъемного материала были также проведены Боспорской археологической экспедицией ЛОИА под руководством В.Ф. Гайдукевича в 1953 г., однако не привели к каким-либо новым выводам и очень кратко отражены в полевой документации [РО НА ИИМК РАН, ф. 35, 1953, д. 45].

здесь поселения «в широком смысле этого слова», что здесь было «огромное здание площадью около 1815 кв. м» [Гайдукевич, 1941, с. 48, рис. 2]. Скорее всего, открытый комплекс представлял собой большую укрепленную усадьбу, включавшую жилые и хозяйственные помещения. Примечательной особенностью усадьбы он считал «исключительную мощность ее внешних стен, достигавших 2,15-2,50 м в толщину», которые «должны были обеспечивать надежное укрытие в случае возможного набега» [с. 58]. В восточной части комплекса, где А.Е. Люценко зафиксировал «цистерну», В.Ф. Гайдукевич предполагал существование винодельни [с. 52 сл.]. Исследователь также придавал большое значение остаткам башен, о которых упомянул Люценко. Одну из них, возведенную, предположительно, к западу от строения, на склоне возвышенности, он вслед за А.Е. Люценко считал наблюдательным пунктом. В.Ф. Гайдукевич полагал, что наиболее вероятное время существования комплекса – I-II вв. н.э., а прекращение его существования пришлось на вторую половину II – первые десятилетия III вв. н.э. [Гайдукевич, 1941, с. 59].

Даже краткий обзор архивных материалов, повествующих о раскопках такого сложного и интересного памятника, каким, вне всякого сомнения, являлся курган на Темир-Горе, дает представление о нескольких эпохах в древней истории Восточного Крыма и Боспорского государства. Вне всякого сомнения, памятник этот заслуживает и ждет более полной и подробной публикации всех связанных с его изучением материалов – архивных данных и находок, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Амельченко В.М.* Древние клады и сокровища Черноморья. Ростов-на-Дону, 2004. 256 с.
- Вахтина М.Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, Белгород, 1991. С. 3–11.
- Вахтина М.Ю.* Порфмий в IV в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Материалы XIV Боспорских чтений. Керчь, 2013. С. 73–80.
- Вахтина М.Ю.* (а) Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Материалы XVII Боспорских чтений. Керчь, 2016. С. 73–82.
- Вахтина М.Ю.* (б) Еще раз об основном погребении в кургане Темир-Гора и одном из путей распространения раннего греческого импорта в Северном Причерноморье // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного «круглого стола». М., 2016. С. 12–18.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Rogov E.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ, 1980, № 4. С. 155–161.
- Вахтина М.Ю., Столяренко П.Г.* Некрополь Порфмия (по материалам раскопок 2004–2012 гг.) // Культурный слой. Нижний Новгород, 2013, вып. 2. С. 114–145.
- Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ, 2001, № 4. С. 77–87.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 2009. С. 248–401.
- Гайдукевич В.Ф.* Укрепленная villa rustica на Темир-Горе // СА, 1941, т. VII. С. 45–60.

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА, 1949, № 9. 364 с.
- Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ, 1972. № 1. С. 147–159.
- Кузнецова Т.М. Загадки Темир-Горы // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб, 2002, ч. II. С. 79–90.
- Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. «Почетный» археолог А.Е. Люценко // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб, 2001, ч. II. С. 287–292.
- Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003. 76 с.
- ОАК за 1869 г. СПб, 1871. xxii + 256 с.
- ОАК за 1870-1871 гг. СПб, 1874. xliv + 303 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 238–248.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное II в 1991-2003 гг. // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 225–234.
- Ромашко В.А., Скорый С.С., Филимонов Д.Г. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье // РА, 2014, № 4. С. 107–117.
- Рябкова Т.В. Культурные взаимодействия предскифского и раннескифского времени (периода РСК-1) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий. СПб, 2015. С. 94–98.
- Савинов Д.Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии // Труды САИПИ, вып. 9. М., Кемерово, 2012. С. 35–55.
- Смирнов Н.Ю. Зверь и птица из Темир-Горы // БИ, 2015, вып. XXI. С. 50–59.
- Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. К., 2001. 237 с.
- Хицунов П.И. Заметки по пути от реки Дона до Пятигорска, с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных Минеральных Вод // Отечественные записки, 1841, т. XVII, № 7-8, отд. VII. С. 1–17; 49–61.
- Фармаковский Б.В. Милетские вазы из России // Древности. М., 2014, т. XXV. С. 47–61.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. К., 1981. 165 с.
- Шелов Д.Б. Танаис. Потерянный и найденный город. М., 1967. 144 с.
- Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе // СА, 1972, № 3. С. 259–267.
- Яковенко Э.В. (а) Древнейший памятник искусства скифов // СА, 1976. С. 236–239.
- Яковенко Э.В. (б) Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 128–137.
- Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы. К., 1977. С. 140–145.
- Cook J.M., Dupont P. East Greek Pottery. London and New-York, 1998. xxix + 226 pp.
- Kerschner M., Schlotzhauer U. A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005, Vol. 4, no. 1. P. 1–56.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН

- «Об археологических разысканиях на Таманском полуострове и в Керчи г. Люценко». Ф. 1, д. 41/ 1968.
- «Об увольнении г. Директора Керченского Музея Люценки в 4-х месячный отпуск за границу». Ф. 1, д. 7/1869.
- «О раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1869 году». Ф. 1, д. 4/1869
- «Об археологических раскопках г. Люценко в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове и о случайной находке древностей на этом полуострове в 1870 году». Ф. 1, д. 23/1870.

REFERENCES

- Amelchenko V.M.* Drevnye klady i sokrovischa Chernomorii // Rostov-na-Donu, 2004, 256 p.
- Vakhtina M.Ju.* “Scifskiy put’ v Prikubanie i nekotorye drevnosti Kryma v epokhu arkhaiki // Voprosy istorii i arkheologii Bospora. Voronezh, Belgorod, 1991, pp. 3–11.
- Vakhtina M.Ju.* Porfmyi v IV v. do n.e. // Bospor Kimmeryiskiy I varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekoviya. Arkheologicheskiy ob’ekt v kontekste istorii. Materialy XIV Bosporskikh chtenij. Kerch, 2013, pp. 73–80.
- Vakhtina M.Ju.* (a) Iz istorii raskopok kurgana na Temir-Gore (po materialam nauchnogo arkhiva IIMK RAN) // Bospor Kimmerijskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekoviya. Issledovateli I issledovaniya. Materialy XVII Bosporskikh chtenij. Kerch, 2016, pp. 73–82.
- Vakhtina M.Ju.* Escho raz ob osnovnom pogrebenii v kurgane Temir-Gora i odnom iz putei srprostraneniya rannego grecheskogo importa v Severnom Prichernomor’ye // Aziatskiy Bospor i Prikubanie v dorimskoe vremiya. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola. M., 2016, pp. 12–18.
- Vakhtina M.Ju., Vinogradov Ju.A., Rogov E.Ja.* Ob odnom iz marshrutov voennykh pokhodov i sezonnykh migratsiy kochevykh skifov // VDI, 1980, n. 4, pp. 155–161.
- Vakhtina M.Ju., Stoljarenko P.G.* Nekropol’ Porfmyia (po materialam raskopok 2004–2012) // Kul’turnyj sloj. Nizhnij Novgorod, 2013, vyp. 2, pp. 114–145.
- Vinogradov Ju.A.* Kurgany varvarskoi znati V v. do n.e. v rayone Bospora Kimmeryiskogo // VDI, 2001, n. 4, pp. 77–87.
- Vinogradov Ju.A.* Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya i izuchenie drevnostei Bospora Kimmeryiskogo // Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917). SPb, 2009, pp. 248–401.
- Gajdukevich V.F.* Ukreplennaya villa rustica na Temir-Gore // SA, 1941, t. VII, pp. 45–60.
- Kiselev S.V.* Drevnaya istoriya Juzhnoi Sibiri // MIA, 1949, n. 9, 364 p.
- Kopeikina L.V.* Raspisnaya rodosko-ioniyskaya oinokhoya iz kurgana Temir-Gora // VDI, 1972, n. 1, pp. 147–159.
- Kuznetzova T.M.* Zagadki Temir-Gory // Bosporskiy Fenomen: pogrebal’nye pamiyatniki I svyatilischa. SPb, 2002, ch. II, pp. 79–90.
- Lazenkova L.M.* Kerchenskiy Musei Drevnostei. Issledovateli. “Pochetnyi arkheolog A.E. Lutzenko // Bosporskiy Fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. SPb, 2001, ch. II, pp. 287–292.
- Lazenkova L.M.* Kerchenskiy Musei Drevnostei. Ostovateli. Issledovateli. Kerch, 2003. 76 p.
- OAK za 1869 g.* SPb, 1871, xxii + 256 p.
- OAK za 1870–1871 gg.* SPb., 1874. xliv + 303 p.
- Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R.* Khronologiya tzentral’noi gruppy mogil’nika “Novozavedennoe II” // Skify I sarmaty v VIII–III vv. do n.e. Paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya. M., 2000, pp. 238–248.
- Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R.* Nekotorye itogi issledovaniya ranneskifskogo mogil’nika Novozavedennoe II v 1991–2003 gg. // Arkheologicheskie otkrytiya 1991–2004. Evropeyskaya Rossiya. M., 2009, pp. 225–234.
- Romashko V.A., Skoryi S.A., Filimonov L.G.* Ranneskifskoe pogrebenie v kurgane u sela Kitajgorod v Prioreliye // RA, 2014, n. 4, pp. 107–117.
- Riyabkova T.V.* Kul’turnye vzaimodeistviya predskifskogo I ranneskifskogo vremeni (perioda RSK-I) // Rannij zheleznyi vek Evrazii ot arkhaiki do rubezha er. Tzentry, periferiya i modeli kul’turnykh vzaimodeistvij. SPb, 2015, pp. 94–98.
- Savinov D.G.* Izobrazitel’nye pamiyatniki ranneskifskogo vremeni: iskusstvo kompozitsii // Izobrazitel’nye i tekhnologicheskie traditsiyi v iskusstve Severnoi i Tzentral’noi Asii // Trudy SAIPI, vyp. XXI, pp. 50–59.
- Smirnov N.Ju.* Zver’ i ptitsa iz Temir-Gory // BI, 2015, vyp. XXI, pp. 50–59.
- Tunkina I.V.* Otkytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Jugo-Vostochnogo Kryma i nachal’nye etapy istorii Feodosijskogo museya drevnostei. 1771–1871. K., 2001, 237 p.
- Khitsunov P.I.* Zametki po puti ot reki Dona do Piyatigorska, s kratkim opisaniem Stavropolya, Piyatigorska

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

- i okrestnykh Mineral'nykh Vod // Otechestvennye Zapiski, 1841, t. XVII, n. 7-8, otd. VII, pp. 1-17; 49-61.
- Farmakovskiy B.V.* Miletskie Vazy iz Rossii // Drevnosti. M., 2014, t. XXV, pp. 47-61.
- Chernenko E.V.* Skyfskie luchniki. K., 1981, 165 p.
- Shelov D.B.* Tanais. Poteryannyi i naiydennyi gorod. M., 1967, 144 p.
- Jakovenko E.V.* Kurgan na Temir-Gore // SA, 1972, n. 3, pp. 259-267.
- Jakovenko E.V.* (a). Drevneyshiy pamyatnik iskusstva skifov // SA, 1976, pp. 236-239.
- Jakovenko E.V.* (b). Predmety zverinogo stilya v ranneskifskikh pamiyatnikakh Kryma // Skifo-Sibirskiy zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii. M., 1976, pp. 128-137.
- Jakovenko E.V.* Pogrebenie bogatoy skifyanki na Temir-Gore // Skify i sarmaty. K., 1977, pp. 140-145.
- Cook J.M., Dupont P.* East Greek Pottery. London and New-York, 1998. xxix + 226 pp.
- Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005, Vol. 4, no. 1. P. 1-56.

MATERIALS FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF IHMC RAS

- “Ob arkheologicheskikh razyskaniyakh na Tamanskom poluostrove i v Kerchi g. Liytsenko”. F. 1, d. 41/ 1968.
- “Ob uvol'nenii g. Direktora Kerchenskogo Museya Liytsenki v 4-kh mesyachnyi otpusk za granitsu”. F. 1, d. 7/1869.
- “O raskopkakh v Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1869 godu”. F. 1, d. 4/1869
- “Ob arkheologicheskikh raskopkakh g. Liytsenko v okrestnosryakh Kerchi i na Tamanskom poluostrove i o sluchayinoi nakhodke drevnostei na etom poluostrove v 1870 godu”. F. 1, d. 23/1870.

Резюме

В статье предложен обзор материалов, хранящихся в научном архиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург) и посвященных раскопкам кургана Темир-Гора на Восточной оконечности Керченского полуострова. Этот памятник был исследован в 1869-1870 гг. П.И. Хицуновым и А.Е. Люценко, бывшим в это время директором Керченского музея древностей. Курган Темир-Гора, сооруженный в третьей четверти VII в. до н.э. и содержащий 8 разновременных захоронений, является важным памятником для изучения истории Боспорского государства и Скифии. Объекты и находки, обнаруженные во время раскопок, а также архивные материалы до сих пор нуждаются в полной и подробной публикации.

Ключевые слова: Восточный Крым, Боспорское государство, скифы, греки, курган Темир-Гора, история исследования.

Summary

The article offers the overview of materials from the Scientific Archive of IHMC RAS (Saint-Petersburg) dealing with the excavations of Temir-Gora burial mound situated on the Eastern extremity of Kerch peninsula. The site was investigated in 1869-1870 by P.I. Khitzunov and A.E. Liyutzenko who was at that time the director of Kerch museum of antiquities. Temir-Gora mound erected in the third quarter of the 7th century BC and contained 8 burials which had been made at different times is an important source for examining the history of Bosporan kingdom and Scythia. The objects and artifacts discovered during the excavations as well as the archive materials still require full and detailed publication.

Keywords: Eastern Crimea, Bosporan kingdom, Scythians, Greeks, Temir-Gora mound, history of excavations.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахтина Марина Юрьевна, к.и.н.,
Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел истории античной культуры,
старший научный сотрудник.
vakhtina@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Jurievna Vakhtina, CSc,
Institute for History of Material Culture RAS,
Department of History of Classical Culture,
senior researcher.
vakhtina@rambler.ru

Рис. 1. Курган на Темир-Горе (современный вид).

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана ...

Рис. 2. Раскопки кургана на Темир-Горе в 1870 г.
Рисунок Ф.И. Гросса [НА ИИМК РАН, ф. Р I, № 693, л. 7].

Рис. 3. Верхняя часть насыпи кургана со следами старых раскопов (современный вид).

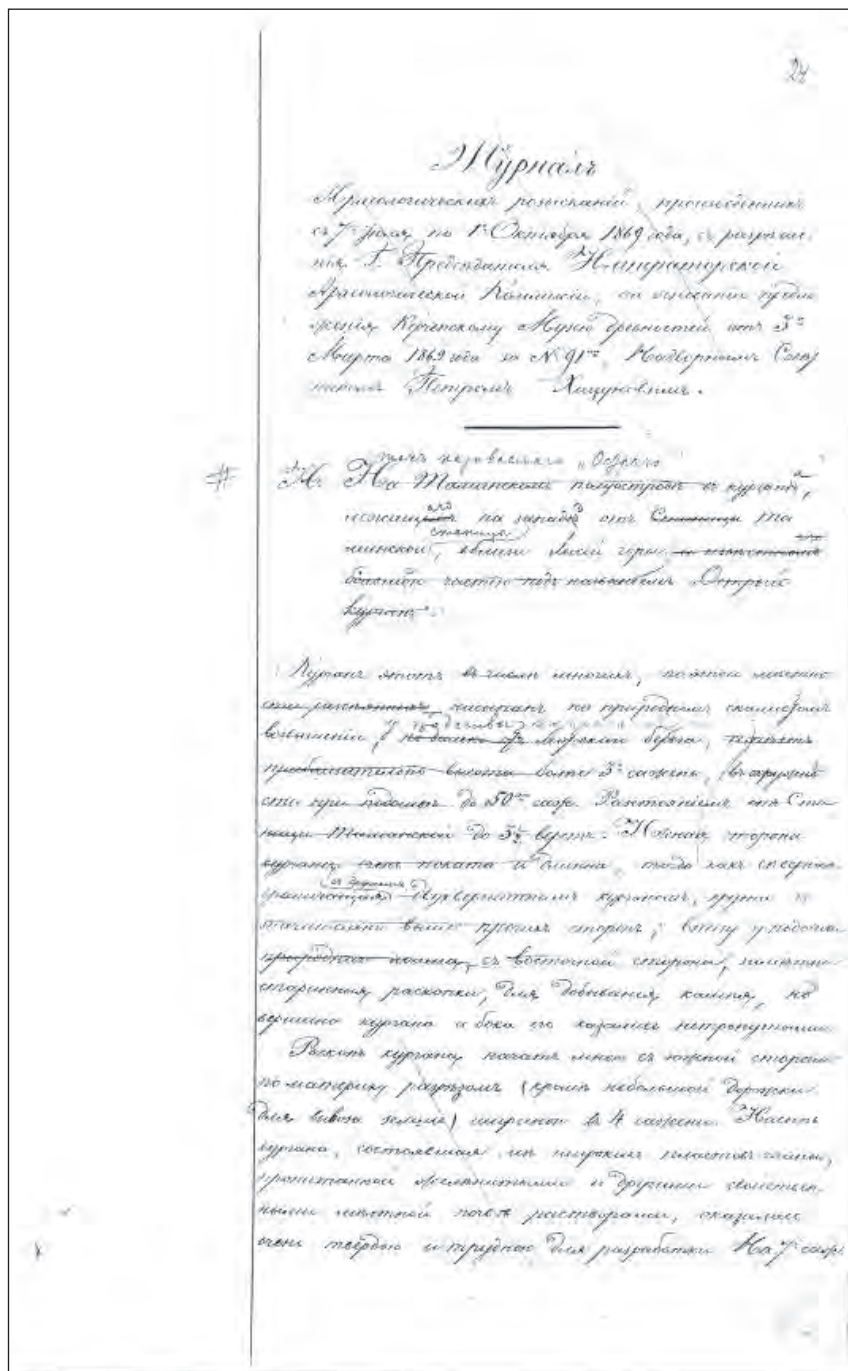

Рис. 4. Титульный лист «Журнала археологическихъ разысканій» П.И. Хицунова [РО НА ИИМК РАН, ф.1, 1869, д. 4, л. 24].

Рис. 5. Комплекс основного погребения кургана.

1 – греческая ойнохоя; 2-7 – детали колчана или горита; 8-9 – украшения в зверином стиле.

Е.Г. ЗАСТРОЖНОВА
E.G. ZASTROZHNOVA

**ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО
КРЫМА В 1920–1932 гг.: ИССЛЕДОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ
FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE
EASTERN CRIMEA IN 1920–1932: RESEARCH AND SCIENTISTS**

1920–1932 гг. в истории развития отечественной античной археологии наименее изученный, но очень важный для понимания особенностей развития науки период¹. В сложнейших социально-политических и экономических условиях археологические учреждения дореволюционной России вынуждены были искать пути дальнейшего развития и построения диалога с новой властью. В этой связи крайне важно изучить основные вехи развития и организации исследовательской работы Российской академии истории материальной культуры (РАИМК-ГАИМК) и Керченского археологического музея, а также взаимодействия этих учреждений с системой управления наукой в советской России. Хронологические рамки определены временем от завершения Гражданской войны до учреждения Керченской (Боспорской) экспедиции ГАИМКа в 1933 г., положившей начало широкомасштабным раскопкам античных городов Европейского Боспора.

В качестве основного источника послужили архивные материалы из фонда РГАК-РАИМК-ГАИМК, хранящегося в научном архиве ИИМК РАН [Ф. 2. Оп. 1-1919, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931]. Это учредительные документы, протоколы заседаний Ленинградской и Московской секций РАИМК-ГАИМКа, производственные планы и отчеты разряда Эллады и Рима в Ленинграде, экспедиционные сметы, переписка Керченского археологического музея с ГАИМКом и Главнаукой, краткие отчеты музея о проведенных раскопках и пр.

В современной историографии в ходе изучения этого периода обозначилось несколько научных направлений. Истории организации, преобразований, развития и экспедиционной деятельности РАИМК-ГАИМКа посвящен целый ряд монографий и научных статей петербургских ученых [Кашаев, 2009; Виноградов, 2009, 2012; Императорская археологическая..., 2009; Платонова, 2009; Академическая археология..., 2013]. Доскональный анализ научно-исследовательской деятельности и функционирования крымских музеев в 20-е–30-е гг. XX в. произведен в научных трудах крымских исследователей [Андросов, 2001, 2005; Асанова, 2011; Макарова, 2001; Непомнящий, 2000; Севастьянов, 2010; Федосеев, 2001, 2002]. Все указанные ра-

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-867.2017.6.

Застрожнава Е.Г. Из истории археологического ...

боты выполнены на основе неопубликованных архивных материалов на самом высоком методологическом уровне. Тем не менее, ввиду большого количества архивной документации, разбросанной по архивам Москвы, Санкт-Петербурга, Керчи и Симферополя, многие подробности истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920–1932 гг. до сих пор не известны.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о событиях, предшествующих рассматриваемому периоду. Революционные события 1918 г. и последующая за ними Гражданская война самым тяжелейшим образом отразились на научной деятельности бывшей ИАК и в особенности Керченского археологического музея. Финансирование музея прекратилось, почтовое сообщение между Симферополем и Петроградом было потеряно. В 1919 г., не имея после убийства В.В. Шкорпила никакой информации о состоянии античных памятников и музеев Крымского полуострова, преемница ИАК – Российская государственная академия культуры (РГАК) направила в Крым сына директора, Владимира Шкорпила. Целью его поездки было осуществление мер «по охране раскопок, музеев и ценного имущества, находящегося в ведении РГАК» [Виноградов, 2012, с. 335]. К сожалению, архивных материалов о дальнейшей судьбе этой поездки в архиве не сохранилось.

18 апреля 1919 г. в Петрограде был обнародован Декрет СНК о создании Российской академии материальной культуры (РАИМК), продолжающей деятельность РГАК и обладающей правом на производство всех раскопок в пределах РСФСР [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1919. Д. 47. Л. 2]. РАИМК находилась в ведении Научного отдела Народного комиссариата по просвещению РСФСР [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1919. Д. 1. Л. 4]. Председателем академии был избран Н.Я. Марр². Одними из первых задач были попытки организационно и финансово разрешить насущные проблемы, в первую очередь – выдачу пайков, необходимую для выживания сотрудников РАИМК.

В Керчи в 1919 г. пост директора музея занимал Константин Эдуардович Гриневиц.³ Несмотря на все тяготы того времени, в декабре 1919 г. в печать вышел составленный им «Краткий археологический спутник по Керченскому музею древ-

---

² Марр Николай Яковлевич – востоковед, кавказовед, археолог, этнограф. Академик РАН (1912), председатель РАИМК-ГАИМК (1918–1920, 1923–1934), основатель Яфетического института (1921, ныне – ИЛИ РАН). См.: Академическая археология... 2013.

³ Гриневиц Константин Эдуардович (1891–1970) – историк античности, археолог, историк искусства, музеевед. Член-сотрудник РАО (1916), приват-доцент Петроградского и Харьковского университетов (1918), профессор (1926), д.и.н. (1944). С 1914 г. участвовал в раскопках античных памятников Боспорского царства и Ольвии. Из-за Гражданской войны не смог вернуться в Петроград и был приглашен на должность директора Керченского музея (1919–1921 гг.). С 1920-х гг. проводит самостоятельные археологические раскопки на территории Керченского и Таманского полуостровов. Директор Херсонесского музея (1924–1927) на протяжении 1925–1930 гг. проводил исследования Херсонеса и памятников Гераклейского полуострова. В 1927 г. переехал в Москву, с 1928 г. – действительный член РАНИОН. В 1932 г. репрессирован и сослан в Томск. Заведующий кафедрой древней истории Томского университета (1940–1948). В 1948 г. уволен в рамках борьбы с космополитизмом, переехал в г. Нальчик. Профессор

ностей» [Андросов, 2001, с. 143]. В ноябре 1920 г. Красная армия взяла Крым и в обстановке полного отсутствия контроля со стороны властей масштаб грабительского расхищения некрополя Пантикапея возрос до небывалого уровня. К.Э. Гриневич даже выпустил воззвание к кладоискателям, в котором разрешалось проводить грабительские раскопки, но при условии предварительного осведомления директора и только под его наблюдением и руководством. В 1920 г. археолог провел небольшие раскопки некрополя Пантикапея на месте расхищенных грабителями могил [Федосеев, 2002, с. 156]. С января по июнь 1920 г. при Керченском музее работали археологические курсы. Лекции по классической археологии, эпиграфике и экскурсионному обслуживанию читали К.Э. Гриневич и Ю.Ю. Марти [Макарова, 2001, с. 148].

Во избежание повсеместного разграбления памятников археологии проводились государственные меры по упорядочиванию ситуации. При подотделе изобразительных искусств Отдела народного образования Крымского ревкома была создана секция по охране памятников старины и искусства. Впоследствии она была преобразована в самостоятельное учреждение – Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). Именно с деятельностью КрымОХРИСа в 20-е гг. XX в. связаны основные этапы развития музейного дела в Крымской АССР [Асанова, 2011, с. 16]. Были созданы шесть ОХРИСов в таких городах Крыма, как Бахчисарай, Евпатория, Керчь, Севастополь, Феодосия, Ялта. Заведующим Керченским ОХРИСом был назначен Ю.Ю. Марти. Несмотря на попытки введения охранных мер, в 1921 г. музей подвергся вооруженному ограблению, вследствие чего были украдены золотые ценности, которые вскоре были возвращены [Федосеев, 2002, с. 157]. Не вызывает никаких сомнений то, что погромы, мародерство и отсутствие элементарного продовольственного снабжения поставили музей на грань жизни и смерти. Это подтверждается письмом К.Э. Гриневича 1922 г. в РАИМК: «Согласно сообщениям Ю. Марти местный Наробраз вмешивается во внутреннюю жизнь учреждения и снял с пайка всех сотрудников музея, за исключением только заведующего, что повлекло за собой смерть от голода сторожа музея, сторож древностей на горе Митридат и надсмотрщики музея опухли от голода и ждут своей судьбы» [Виноградов, 2012, с. 340]. К.Э. Гриневич просил РАИМК в срочном порядке поднять вопрос в Наркомпросе о положении и принадлежности Керченского музея для спасения его служащих. Летом 1922 г. Ю.Ю. Марти обратился лично с письмом в РАИМК, в котором просил у ленинградских коллег срочной помощи: «Если не будет оказана самая широкая материальная помощь сотрудникам музея, то гибель всего археологического дела в Керчи неизбежна. Если люди вымрут, я никого на их место не найду... Во избежание вымирания прошу ходатайствовать о выдаче полного числа паёв и аккуратной

Кабардинского пединститута (1948–1953). В 1953 г. переехал по состоянию здоровья в г. Харьков. Профессор, заведующий кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета (1953–1970). См.: Кадеев, 1992; Тункина, 2008.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

выплаты жалования» [Виноградов, 2012, с. 341]. Конечно же, все эти просьбы не были оставлены без внимания, и РАИМК отправила в руководящие инстанции письма с просьбой о помощи музею и переводе его под юрисдикцию академии и финансировании через государственный (республиканский), а не местный бюджет.

В 1921 г. Ю.Ю. Марти⁴ был назначен директором Керченского музея, который делал все для возобновления научно-исследовательской работы. Небольшие разведки, проведенные в 1923 и 1924 гг. на Госпитальной улице, привели к открытию нескольких склепов и «башни древней стены», что подтвердило верное направление городской стены на карте П. Дюбрюкса. Примечательно, что ввиду полного отсутствия денежных средств с рабочими музей расплачивался мукой, отпущенной продкомом по предложению исполкома Керчи [Федосеев, 2002, с. 159]. Продолжая работу К.Е. Думберга, Ю.Ю. Марти впервые разбил всю зону горы Митридат на квадраты с целью привязки на плане разнохарактерных объектов для восстановления общей планировки древнего Пантикапея. Кроме этого, небольшие разведки проводились К.Э.Гриневичем в 1924 г. на Тиритакском валу.

В декабре 1925 г. крестьянином Нешевым в кургане над хутором Бикеч у деревни Марфовки при добывании камня была открыта знаменитая могила с драгоценными вещами гуннского стиля – «марфовским кладом»⁵ [Засецкая, 1968, 1994]. 23 января 1926 г. в Керченский музей была сдана первая партия драгоценных вещей из этого погребения: золотые венец, пряжка, две подвески и восемь прямоугольных пластинок. Затем на протяжении февраля–апреля от лиц, просеивавших вместе с Нешевым землю в могиле с кладом, в музей сдавались другие золотые предметы. Сложно сказать, были ли найдены эти вещи на протяжении нескольких месяцев или нашедших крестьян повлияли увещевания Ю.Ю. Марти о незаконном присвоении и утаивании драгоценностей. Об уникальной находке было сообщено в ГАИМК, которая в свою очередь подала ходатайство в Главнауку⁶ за подписью С.А. Жебелева

---

⁴ Марти Юлий Оскар Матвей Юльевич (1874–1959), археолог, музеевед. Учитель латинского языка в Александровской гимназии в Керчи (1897–1919), заведующий Мелек-Чесменским курганом Одесского общества изучения древностей (с 1904), директор (1921–1939), заместитель директора по научной работе (1939–1941) Керченского музея. В период войны был эвакуирован из Керчи с «золотым чемоданом» в Краснодар, где следы ценностей затерялись. В 1942–1945 гг. работал преподавателем немецкого языка в Благовещенской средней школе Кабардино-Балкарской АССР (1942–1945). Заведующий античным отделом Херсонесского музея (1946–1947). По возвращении в Керчь работал в должности научного сотрудника и главного хранителя Керченского музея (1947–1951). См.: Федосеев, 2001; Тункина, 2008.

⁵ В научном архиве ИИМК РАН хранится несколько архивных дел с крайне подробным описанием этого погребального комплекса, содержащих также неизвестные ранее фотографии процесса раскопок, план кургана, склепов и фотографию стеклянного сосуда из погребения с кладом. В настоящее время эти материалы готовятся к публикации – Е.З.

⁶ Главнаука (с 1922) – Главное управление научных и научно-художественных учреждений. Появилось в системе Наркомпроса в результате преобразования Отдела научных учреждений и Отдела научных библиотек, входивших в состав научного сектора. Основные задачи – учет, развитие и материальное обеспечение всех научных учреждений в стране, направление и координация их работы; подготовка и проведение экспедиций; утверждение смет археологических работ; выдача открытых листов;

об ассигновании средств на раскопки во избежание расхищения памятников на Аккосовом валу [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 185]. Средства были выделены, и 27 ноября 1926 г. Ю.Ю. Марти вместе с надсмотрщиком отправился для осмотра и доследования погребения с «марфовским кладом». Раскопки проводились с 28 ноября по 4 декабря 1926 г. Была исследована разоренная крестьянами гробница, которая примыкала к склепу, лежащему ниже на 1 м. В этот склеп вел дромос, в погребальной камере располагались два погребенных. Из инвентаря были найдены только лепная миска и два фрагмента от стеклянных сосудов. За камерой склепа были зафиксированы сдвинутые в сторону кости от двух погребенных – взрослого и ребенка. Таким образом, в кургане было совершено несколько погребений – первоочередным, вероятно, было захоронение взрослого и ребенка, затем был возведен склеп, а позже осуществлено захоронение с «марфовским кладом». В 1942 г. коллекция золотых вещей из «марфовского клада» была эвакуирована Ю.Ю. Марти в «золотом чемодане» в Краснодар, после чего след ее был утерян.

В этом же году, решив изучить другую часть кургана с кладом, Ю.Ю. Марти заложил траншею в северо-западном направлении насыпи. Там рабочие наткнулись на фундамент каменной стены, перерезавший курган перпендикулярно. Основание было сложено из известняковых камней правильной формы. Сделав прирезку в западном направлении от открытого фундамента, была зафиксирована подошва еще одной стены. Ю.Ю. Марти отмечал, что «постройка была, скорее всего, квадратной формы и являлась конструкцией сторожевой башни, существование которой на крайнем пункте вала внутри ворот, открывающих вход в Боспорское царство, вполне естественно. Таким образом, небольшие раскопки на валу дали ценные результаты, которые необходимо изучать и дальше» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Л. 7].

Кроме раскопок на Аккосовом валу, были проведены небольшие разведки в районе Китея и Акры. В своем отчете за 1926 г. Ю.Ю. Марти просил предоставить ему на следующий год открытый лист на разведки на Аккосовом валу и в районе Тиритаки, а также на археологические раскопки Китея и Нимфея.

Кроме таких важных полевых открытий, осенью 1926 г. состоялось не менее важное для античной археологии событие. Летом и осенью 1926 г. в Москве, Ленинграде, Симферополе и Керчи велась подготовка к организации Керченской конференции, приуроченной к 100-летию учреждения Керченского археологического музея. К этому событию Ю.Ю. Марти готовил работы «Сто лет Керченского музея» и «Путеводитель по Керченским древностям». В рамках написания этих трудов и подготовки выставки Ю.Ю. Марти не раз обращался в ГАИМК с просьбой о предоставлении ряда фотографий. В частности, мирмекийского саркофага, мраморных статуй, открытых в Керчи в 1850 г., и портретов А.Б. Ашика, И.П. Бларамберга и А.Е. Люценко [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 73. Л. 1].

организация научных съездов, симпозиумов и др. Руководители Главнауки: И.И. Гливенко (1921–1923), Ф.Н. Петров (1923–1927), М.Н. Лядов (1928), И.К. Луппол (1929–1930). См.: Сорокина, 2015, с. 119–135.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

На заседаниях Московской и Ленинградской секций ГАИМКа принимались решения о командировании сотрудников в Керчь для участия в конференции. Из Москвы было решено командировать Ю.В. Готье и Н.Д. Протасова [НА РО ИИМК. Ф. 2. Оп. 1-1925. Д. 69. Л. 126], из Ленинграда, помимо основного руководящего состава, должны были отправиться Е.Ч. Скржинская, М.А. Тиханова, А.П. Смирнов, Л.А. Мацулевич, Н.В. Измайлова, А.А. Спицын, М.И. Максимова [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 73. Л. 5].

На конференции, имевшей ключевое значение для возобновления археологических исследований античных памятников, помимо других важных решений было принято предложение начальника Главнауки об учреждении в Керчи отделения ГАИМКа. На этом интересном эпизоде необходимо остановиться подробнее. Н.Я. Марр в пояснительной записке к этой резолюции указывал, что «колоссальные богатства, находящиеся в Крыму и особенно в Керчи обязывают ученых СССР внимательно изучить их, ввиду того что они находятся под угрозой гибели, как от стихийных причин, так и от людей». Он также обращал внимание на то, что «специалисты, бывшие в Керчи на конференции в 1926 г., не могли не заметить, как мало у нас ученых сил на местах и как важно было бы приблизить к ним специалистов из центра, ввиду этого Керченская конференция постановила открыть в Керчи секцию ГАИМК» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 79. Л. 1]. Секция или отделение предполагалось как научно-исследовательское учреждение, в которое направлялись бы археологи из центра, и исследования проводились бы с участием местных специалистов. В план совместной работы должны были входить: обработка музейных коллекций, археологические разведки, раскопки, проведение экскурсий и пр. Планы, сметы и отчеты должны были утверждаться ГАИМКом в Ленинграде. Для секции необходимо было выделить помещение, где могли бы останавливаться командированные специалисты, а также средства для приобретения необходимого оборудования для исследовательской работы.

Начиная с ноября 1926 г. Московская и Ленинградская секции ГАИМКа работали над проектом организации отделения в Керчи. Б.В. Фармаковский отправил в Москву отношение, в котором просил уведомить, кто из сотрудников Московской секции будет согласен выехать в Керчь сроком на 2-3 месяца для проведения необходимой организационной работы. Однако Н.Я. Марр, вероятно бывший в курсе финансового положения Главнауки, отмечал, что «ввиду того, что организация данного проекта требует крупных расходов (около 10 тыс. руб.), Академия, считаясь с наличием в распоряжении Главнауки средств и не желая откладывать открытие отделения, признала возможным ограничить на первый организационный период работу отделения одним лицом, которому будет поручено организация и работа на месте» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 79. Л. 2]. Таким образом, расходы на поездку и проживание одного лица в Керчи и некоторая сумма на исследовательские работы требовали бы выделения одной тысячи рублей. В середине декабря научный отдел Главнауки попросил прислать проект положения об отделении в Керчи, с

Боспорские исследования, вып. XXXV

указанием его задач и структуры, а также примерный план работ на год и сметы, отметив, что «без указанных сведений будет затруднительно вынести решение по этому поводу» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 79. Л. 3]. В январе 1927 г. план и смета были представлены, и Н.Я. Марр уведомил Главнауку, что для проведения подготовительных работ в Керчь готов отправиться научный сотрудник разряда археологии и искусства раннехристианских и византийских древностей Л.А. Мацулевич [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 80. Л. 5]. В феврале был получен следующий ответ: «в распоряжении Главнауки не имеется просимых средств на командирование Мацулевича в связи с открытием отделения. При отсутствии возражений по существу все же представляется неясным командирование одного лица в Керчь при наличии там Музея, ведущего на месте ту же научно-исследовательскую работу в области археологии» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 79. Л. 3]. Безусловно, такой ответ был неясен и для Н.Я. Марра, потому что в ответном письме он еще раз излагает всю историю с проектом учреждения отделения в Керчи и уточняет «если Главнаука отказывается выделить деньги, то она: 1 – решила выделить полностью все 10 тысяч вместо тысячи; 2 – отказывается от проекта; 3 – имеет третье решение, о котором академии ничего не известно» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 79. Л. 4]. В марте от Главнауки был получен следующий ответ: «Главнаука сообщает, что в ее распоряжении в настоящее время нет средств ни на командировку Мацулевича, ни тем более на открытие самого отделения в Керчи, почему предлагается произвести необходимые расходы по сему делу за счет уже ассигнованных академии сумм, причем Главнаука полагает, что значительная часть расходов могла бы отпасть при использовании сил и средств Керченского музея» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1926. Д. 79. Л. 5]. Не имея на данный момент никакой более архивной информации по этому вопросу, трудно понять, чем же руководствовалась Главнаука при выдвижении подобного предложения на конференции и последующем отказе от него. Вероятно, подобное изменение решения было вызвано кадровыми перестановками в Главнауке, о которых было неизвестно даже столь вхожему в эту среду Н.Я. Марру. Или же, что вполне логично, тем, что государством не были выделены даже минимальные средства на этот проект. В любом случае подобная история крайне показательна для того периода.

В связи с этим интересен еще и тот факт, что в марте этого же года Ю.Ю. Марти отправил записку в правление ГАИМК с представлением плана археологических работ Керченского музея и сметы на 1927 г. В этой записке Ю.Ю. Марти обращал внимание на то, что «возрождающийся металлургический завод общества Юго-стали грозит захватить огромный археологический район (Новый карантин), гора Митридат застраивается жилыми домами, а рост строительной деятельности отмечается в ряде деревень Керченского района». Отмечал он и то, что «объезд памятников показал неутешительную картину: Парфений оказался практически полностью уничтожен, в деревне Баксы разобран акведук римского времени, Мирмекий и Нимфей находятся

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

под угрозой расхищения. Крайне важны для исследований Тиритака, Акра, Китей, башня на Аккосовом валу, поселения на берегу Азовского моря и у мыса Казантип» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 192. Л. 4]. В план археологических работ на 1927 г. исследователь включил подготовительные раскопки и разведки Пантикапея, Киммерика, Нимфея, Китея, Акры и Тиритаки. Предполагаемая смета на эти работы составляла 650 руб. Ю.Ю. Марти обратился к Н.Я. Марру и просил правление ГАИМК «всемерно поддержать перед Главнаукой мое ходатайство об отпуске средств на указанные крайне необходимые работы и в городе Керчи» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 192. Л. 1]. Учитывая полученный ранее Н.Я. Марром от Главнауки ответ касательно финансирования, то не совсем понятно, отправил и поддержал ли ГАИМК смету Керченского музея. Никаких резолюций Главнауки в деле нет, есть ответ ГАИМКа на записку Ю.Ю. Марти за подписью Б.В. Фармаковского. В нем указывается на то, что «намеченный на 1927 г. план Керченского музея по исследованию памятников представляется Академии трудно осуществимым при силах Музея и при его материальных возможностях». В результате «чрезвычайно интенсивное развертывание раскопочной деятельности с ответственными предприятиями в различных пунктах при совершенном несоответствии испрашиваемых сумм лишь усилят хищнические работы, потому Академия считает правильным сосредоточение Музея на одном пункте, со всесторонним его изучением» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 192. Л. 7].

В итоге методической комиссией при музейном отделе Главнауки и ГАИМКом был одобрен пятилетний план работы Керченского музея, включающий в себя исследования Черноморского побережья от горы Опук до мыса Такиль. В 1927 г. Ю.Ю. Марти было принято решение «в первую очередь обследовать городища, упоминаемые древними авторами и обследованные основоположниками русской археологии: П.С. Палласом, П. Дюбрюксом, Ф. Дюбуа де Монпере, которые вскоре после этого оказались забытыми и брошенными». 12 июля 1927 г. Ю.Ю. Марти в сопровождении топографа, надсмотрщиков и рабочих начал разведочные работы на горе Опук близ хутора Щеглова. Объектом исследования был город Киммерик на вершине горы [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 23].

По свидетельству Ю.Ю. Марти, Киммерик представлял собой полную картину разрушения, холм акрополя был изрыт ямами. На месте акрополя были выстроены хлебные амбары и другие хозяйственные постройки, разрушенные в «голодный год». Наиболее сохранившейся частью города оказалась длинная оградительная стена, тянувшаяся вдоль моря от города до озера Элькена. Подъемный материал был представлен фрагментами амфор римского времени и столовой посудой, заложенные шурфы стратиграфической картины не представили. Ю.Ю. Марти отмечал, что на восточной стороне горы Опук располагается памятник, описанный Ф. Дюбуа де Монпере, – жертвенник или пьедестал статуи – глыба прямоугольной формы, с восточной стороны которой выбито две ступени, а с западной стороны – одна [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 27].

После разведок Киммерика исследования были перенесены на территорию городища Китей, который был локализован по надписи «китеян», обнаруженной в 1918 г. Вместе с надписью в расселине холма в центре городища были найдены несколько постаментов от статуй и солнечные часы с 12 делениями, украшенные головой быка [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 34]. По результату археологических разведок Ю.Ю. Марти уточнил локализацию памятника согласно картам П. Дюбрюкса [Севастьянов, 2010, с. 174]. Выяснилось, что Китей был принят П. Дюбрюксом за Акру, и эта неточность была снята только благодаря исследованиям Керченского музея [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 35]. Небольшие разведки были проведены в северо-западном углу городской стены, где были зафиксированы следы пристройки или ворот. Подъемный материал был представлен местной красноглиняной столовой посудой, фрагментами краснолаковых и стеклянных сосудов.

Затем небольшие работы были осуществлены на территории некрополя Китея. В кургане, неподалеку от Джург-Обы, был открыт каменный склеп, ограбленный в древности [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 44]. В насыпи этого кургана на глубине 0,4 м находились наконечники стрел и просверленный кабаньим клыком, а на глубине 1,5 м были найдены фрагменты железного чешуйчатого панциря и задняя часть скелета лошади. Дно погребальной камеры склепа было выложено морскими ракушками, стены сложены из рустованных плит. В самой камере были зафиксированы фрагменты от чешуйчатого панциря, аналогичные найденным в насыпи, наконечник копья, фрагменты меча, три костяных ворворки и закрытый сосуд. Погребение было датировано IV-III вв. до н.э. и определено Ю.Ю. Марти как воинское захоронение с чертами скифского погребального обряда. Неподалеку от него была открыта гробница, сложенная из каменных плит. Внутри в беспорядке располагались кости нескольких погребенных с достаточно разнообразным набором погребального инвентаря. Рядом с умершими были найдены: шесть краснолаковых мисок, один кувшин, четыре светильника, один стеклянный бальзамарий, одна терракота в виде Кибелы, одна терракота в виде мужской фигуры с подвисными конечностями, пять бронзовых браслетов, четыре фибулы, четыре пряжки, четыре серьги, одно веретено, а также золотые перстень и серьга [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 47]. Погребение было определено как семейная усыпальница и датировано по монетам Савромата III и Рискупорила IV – II-III вв. н.э. В ходе дальнейших разведок на территории некрополя Китея было установлено, что он существовал на протяжении IV в. до н.э. – IV в. н.э.

В результате археологических работ этого года было уточнено местоположение Киммерика, Китея и Акры; сняты планы акрополя Киммерика и Китея; собран и исследован подъемный материал; обследованы неизвестные ранее некрополи и пр. Как отмечал Ю.Ю. Марти: «в совершенно новом свете стали обрисовываться древние эллино-скифские города Черноморского побережья». В отчете он отмечал, что для защиты памятников необходимы охранные мероприятия, запрет на добывание камня, включение памятника в реестр и пр.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

В 1928 г. Керченским музеем были продолжены раскопки Китея, которые проводились с 20 июня по 1 августа 1928 г. [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 155. Л. 5]. У подножия кургана Джург-Оба была открыта катакомба с росписью стен голубой и красной красками. У восточного вала городища были обнаружены следы основания двух древних стен. На горе Митридат в августе этого же года исследования проводились на месте работ местного колхоза по устройству водохранилищ для городского водопровода. На исследуемом участке были найдены несколько погребений, одно из них представляло собой каменный ящик, внутри которого располагался детский деревянный саркофаг I в. н.э. с двускатной крышей. В нем находилась бронзовая урна с прахом, а за саркофагом была обнаружена еще одна похожая урна с пережженными костями. Рядом с саркофагом было совершено безынвентарное мужское погребение [Севастьянов, 2010, с. 174]. Обнаруженная гробница была определена Ю.Ю. Марти как семейная усыпальница первых веков н.э.

В 1929 г. раскопки Пантикапея были продолжены в юго-западной стороне Старого кладбища. На этом участке была открыта гончарная печь округлой формы диаметром 6 м и глубиной 2,5 м (рис. 1). Посередине печи располагался полуразрушенный квадратный столб, прорезанный горизонтально идущим дымоходом. Вокруг были найдены в большом количестве отходы гончарного производства, датирующиеся римским временем. Вокруг печи были зафиксированы каменные вымостки и фундаменты построек, что свидетельствовало об открытии производственного квартала на окраине Пантикапея [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 155. Л. 12]. Случайные открытия этого года – два склепа на Эспланадной улице.

На территории Китея в 1929 г. было исследовано пять склепов. Это так называемые склеп «с христианской посудой», склеп «с изображением парусного судна», склеп «с монументальной лестницей», склеп «без лежанок» и склеп «с несколькими лежанками». Особое внимание исследователь обратил на склеп «с изображением парусного судна». Длина камеры, высеченной в скале, – 7,25 м, ширина – 2,7 м, высота – 2,1 м. Сделанное красной краской линейное изображение парусного судна с кормчим располагалось в западной нише. Над восточной нишей находилась двустрочная древнегреческая надпись. Осмотр лежанок обнаружил над самой западной из них семь отверстий от гвоздей, к которым прикреплялся полог. Как и в других склепах, в рассматриваемом было обнаружено много фрагментов красноглиняной и краснолаковой керамики, а также фрагменты стеклянной посуды, причем некоторые осколки стекла носили следы пребывания в огне [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 155. Л. 13].

Несмотря на такие успешные исследования, в августе 1929 г. Керченский музей был переведен с государственного на местный бюджет, что вызвало резкий протест как со стороны музея, так и ГАИМКа. Ю.Ю. Марти отправил в ГАИМК и в Наркомпрос Крыма письма с просьбой «предотвратить этот рискованный шаг и спасти для науки Музей, поскольку он имеет общесоюзное и даже общеевропейское значение, так как раскопки на Боспоре выявляют своеобразную ирано-эллинскую

культуру на далекой окраине эллинского мира» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 96. Л.4]. Н.Я. Марр в свою очередь также поддержал Музей, отправив отношения в Главнауку и в Наркомпрос Крыма с просьбой вернуть Музей на государственный бюджет. Вероятно, перевод музея на местный бюджет был связан с несколькими причинами: повсеместное сокращение расходов на содержание государственного аппарата (в этой связи в 1927 г. был упразднен Крымохрис); отсутствие подтвержденного на общегосударственном уровне реестра памятников, подлежащих охране, и резкое снижение финансирования на содержание памятников в связи со строительством первой пятилетки [Андросов, 2005, с. 9]. Прямых указаний на перевод музея обратно на республиканский бюджет в архиве нет, однако, судя по документам следующих лет, Керченский музей вернули обратно на республиканский бюджет.

Конец 1920-х гг. характеризуется усиливавшимся идеологическим давлением государства и его прямым вмешательством в научные вопросы. 1929 г. принято считать «годом великого перелома» в процессе развития отечественной науки. В основе развернувшихся дискуссий лежала проблема формирования нового мировоззрения ученых на базе марксистского учения. Начиная с 1929 г. проводятся чистки и увольнения в ГАИМКе. Ввиду ухудшения состояния здоровья Н.Я. Марр все более отходит на второй план. Товарищем председателя ГАИМКа был назначен Федор Васильевич Кипарисов⁷. Он прекрасно понимал необходимость доказать практическую пользу археологии в период начинающейся индустриализации. 11 мая 1929 г. на общем собрании сотрудников ГАИМК Ф.В. Кипарисов заявил, что «при нынешнем положении в стране» необходимо централизовать всю археологическую деятельность в рамках академии. Дело в том, что расходы государства на археологию неизбежно сокращались, а археологическими исследованиями в стране занимались на тот момент несколько учреждений: Государственный музей изобразительных искусств, Государственный исторический музей, Институт археологии и искусствоведения РАНИОН [Платонова, 2009, с. 234]. Весь этот «вредный параллелизм» Ф.В. Кипарисов считал причиной возможного срыва пятилетнего археологического плана на территории СССР. Потому вполне обоснованным было стремление ГАИМКа стать единственным учреждением, контролирующим археологические раскопки в стране.

В связи с этим летом 1929 г. ГАИМК подала в Главнауку Записку «О рационализации научно-исследовательских работ в области археологии СССР» [ГАРФ. Д. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 300]. Руководство академии предлагало признать ГАИМК центральным научно-исследовательским учреждением, которое должно контролировать всю археологическую работу, а также считало целесообразным

⁷ Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936). Товарищ председателя (1929–1934), председатель ГАИМКа (1934–1936). В условиях «Великого перелома» в отечественной науке в 1929–1930 гг. сумел активизировать для советской власти археологию за счет изучения «материального базиса» древних обществ. Осенью 1936 г. был обвинен в экономическом «вредительстве», арестован и вскоре расстрелян. См.: Академическая наука, 2013.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

передать в ГАИМК все архивные материалы по археологическим раскопкам из Москвы и других региональных архивов. Отрицательный ответ на этот документ в достаточно резких выражениях был сформулирован В.А. Городцовым на заседании секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН [ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 315].

Еще одной попыткой объединения исследовательской деятельности в рамках ГАИМКа стала организация крымского комитета на базе академии. 17 октября 1929 г. состоялось заседание крымского комитета. Председателем был избран Ф.В. Кипарисов, секретарем – М.А. Тиханова, члены комитета: от ГАИМКа – Н.Б. Бакланова, Г.А. Бонч-Осмоловский, Л.А. Мацулевич, И.А. Орбели, Н.И. Репников. От ГИМа – Ю.В. Готье, Н.Д. Протасов и К.Э. Гриневиц. На заседании был поставлен вопрос о выработке плана археологических исследований в Крыму применительно к пятилетнему индустриальному плану строительства в этом регионе. Отмечалось, что «добыча сырья, главным образом в районах Керченского полуострова, и развитие курортного и городского строительства будут неизбежно охватывать многочисленные группы известных и неизвестных памятников материальной культуры» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 126. Л. 15]. Было признано необходимым передать все вопросы по исследованию и охране памятников древности края крымскому комитету; вступить через представителей на местах во взаимодействие с местными властями, музейными, научными и краеведческими организациями; данные, собранные на местах, должны были стать реальным основанием для составления плана исследований; работы пятилетки должны были выражаться в виде комплексных экспедиций, проводимых заинтересованными учреждениями под руководством ГАИМКа. Таким образом, «плановое проведение работ на широкой материальной базе, поддержанной местными научными организациями, строительством и широкой общественностью обеспечит им капитальный результат» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 126. Л. 15].

16 марта 1930 г. Н.Я. Марр отправил уведомление о создании крымского комитета Народному комиссару АССР Крыма с предложением войти в состав комитета. В этом же деле хранится отношение Главнауки в Наркомпрос Крыма, в котором она выражает сомнение в том, что «ГАИМК сможет, находясь в Ленинграде, курировать все экспедиционные мероприятия в Крыму, возможна лишь общая координация но при согласовании с Крымнаркомпросом» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 126. Л. 22]. Видимо, будучи поставлен в известность о подобных сомнениях Главнауки, Ф.В. Кипарисов выражал свое согласие и на координационную позицию ГАИМКа в том числе.

Пока ГАИМК пытался отстаивать свое право на проведение и контроль за археологическими исследованиями, в Керчи продолжались дальнейшие исследования. На горе Митридат раскопки проводились на участке рядом с гончарной печью, открытой в 1929 г. Ю.Ю. Марти распорядился «раскопки с этого момента не засыпать и оставить открытыми, приняв все меры к сохранению их и посещаемости их экскурсантами»

Боспорские исследования, вып. XXXV

[НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 145. Л. 2]. Продолжались разведочные работы на территории Тиритаки, а затем Нимфея, а также общие работы на Таманском полуострове на городище Гермонасса. Главнаука, куда Ю.Ю. Марти отправил отчет за 1930 г., переслала его ГАИМКу с просьбой написания заключения. Оно было составлено А.А. Миллером, который посчитал все пункты целесообразными, кроме раскопок на территории Таманского полуострова, ввиду того, что ГАИМК планировала самостоятельное проведение Таманской экспедиции. Кроме того, А.А. Миллер затребовал у музея чертежи раскопок прошлых лет в качестве дополнения к отчету, по которым архитектор ГАИМКа К.К. Романов сделал пару замечаний. Тем не менее, это никак не повлияло на утверждение отчета и плана раскопок Керченского музея на 1932 г. Сам план в деле отсутствует, но можно предположить, что он включал в себя продолжение исследований прошлых лет.

Помимо плановых исследований, в 1932 г. научным сотрудником Камыш-Бурунского рыбсовхоза В.Ю. Марти совместно с Керченским музеем были проведены исследования комплекса рыбозасолочных ванн Тиритаки. Причиной этого стали земляные работы при строительстве Камыш-Бурунского завода «Азовсталь», в ходе которых в 0,5 км к югу от берегового маяка была обнаружена система из 16 цементированных бассейнов, сгруппированных совместно по четыре в ряд [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 37]. Восемь из этих колодцев были очищены экспедицией Керченского музея от заполнявшей их земли и детально обследованы. Ихтиологические остатки были предоставлены В.Ю. Марти для их определения. Было установлено, что ванны служили в основном для засолки сельди [Марти, 1941, с. 94]. Кости осетровых рыб, раковины устриц и мидий, присутствовавшие в ваннах, вероятно, свидетельствовали о более поздних мусорных сбросах.

Все более активно развивающееся строительство в рамках I Пятилетки на территории Керченского полуострова требовало масштабных археологических работ и принятия мер по спасению античного наследия крымского региона. В конце декабря 1932 г. на заседании сектора рыбовладельческой формации в Ленинграде представители Московской секции ГАИМК В.Д. Блаватский и Б.Н. Граков выступили с докладом о создании Керченской археологической экспедиции, так как давно назрела в ней необходимость. Эта идея была полностью поддержана сотрудниками Ленинградской секции, и в 1933 г. была учреждена Керченская (Боспорская) экспедиция, объединившая научные силы Ленинграда, Москвы и Керчи [Виноградов, 2009. С. 25].

Подводя итог, необходимо уточнить, что приведенный очерк истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920–1932 гг., конечно же, не является исчерпывающим. Безусловно, для составления более полной картины об этом сложнейшем в истории науки периоде требуется всесторонний анализ всего комплекса архивных материалов. Тем не менее, даже на основе имеющихся документов возможно выявить основные тенденции развития античной археологии в советской России, восстановить историю археологических исследований Пантикапея и малых

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

городов Боспора в 1920–1932 гг., а также еще раз убедиться, что во многом благодаря подвижничеству служению науки сотрудниками Керченского музея и ГАИМКа удалось уберечь и сохранить ценнейшее культурное наследие крымского региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) СПб., 2013. 416 с.
- Андросов С.А.* Обзор документов государственного архива Автономной Республики Крым по истории Керченского музея древностей (1826–1920 гг.) // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат. межд. конф. Керчь, 2001. С. 142–143.
- Андросов С.А.* Охрана памятников истории и культуры Крыма в 20–30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. 2005. № 66. С. 7–16.
- Асанова У.К.* Новая музейная система в Крымской АССР (20-е годы XX века) // Культура народов Причерноморья. 2011. № 199. Т. 1. С. 16–21.
- Виноградов Ю.А.* Боспорской экспедиции ИИМК РАН (ГАИМК-ИИМК СССР-ЛОИА АН СССР) 75 лет // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Мат. межд. конф. СПб., 2009. С. 24–29.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917) / Боспорские исследования. 2012. Вып. XXVII. Симферополь-Керчь. 368 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг.) // ИГАИМК. 1934. Вып. 80.
- Засецкая И.П.* Полихромные изделия гуннского стиля из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 35–53.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994. 224 с.
- Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 2009. 1312 с.
- Кадеев В.И.* Гриневич К.Э. как ученый / В. И. Кадеев // Вестник Харьковского университета. 1992. № 362. Вып. 25. С. 129–134.
- Кашаев С.В.* Сотрудники Отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК-ГАИМК-ЛОИИМК-ЛОИА (1919-2009 гг.) // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 37–49.
- Макарова Н.А.* Экскурсионная деятельность Керченского историко-культурного заповедника. История вопроса и современность // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат. межд. конф. Керчь, 2001. С. 146–151.
- Марти В.Ю.* Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 93–95.
- Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь, 1926.
- Непомнящий А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование. Симферополь, 2000. 360 с.
- Севастьянов А.В.* Изучая древность и сохраняя память: проблемы истории материальной культуры и охраны памятников в научном наследии членов Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2010. Т. 23, № 1. С. 168–179.
- Сорокина И.А.* Государственная система управления культурным наследием и наукой в 1921–1925 годах // Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV. М., 2015. С. 119–135.
- Тункина И.В.* Библиографический словарь-указатель // В.П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX вв. М., 2008. 832 с.
- Федосеев Н.Ф.* Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
- Федосеев Н.Ф.* Судьбы керченских археологов // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат. межд. конф. Керчь, 2001. С. 18–29.

REFERENCES

- Akademicheskaya arheologiya na beregah Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* SPb., 2013. 416 p.
- Androsov S.A. Obzor dokumentov gosudarstvennogo arhiva Avtonomnoj Respubliki Krym po istorii Kerchenskogo Muzeya Drevnostej (1826–1920 gg.) // 175 let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostej. Mat. mezhd. konf. Kerch', 2001. L. 142–143.
- Androsov S.A. Ohrana pamyatnikov istorii i kul'tury Kryma v 20–30-e gody XX veka // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2005. № 66. L. 7–16.
- Asanova U.K. Novaya muzejnaya sistema v Krymskoj ASSR (20-e gody XX veka) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2011. № 199. T. 1. S. 16–21.
- Vinogradov Yu.A. Bosporskoj ehkspedicii IIMK RAN (GAIMK-IIMK USSR-LOIA AN USSR) 75 let // Bosporskij fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. Mat. mezhd. konf. SPb., 2009. L. 24–29.
- Vinogradov Yu.A. Stranicy istorii bosporskoj arheologii. Epoha Imperatorskoj arheologicheskoy komissii (1859–1917) / Bosporskie issledovaniya. 2012. Vyp. XXVII. Simferopol'-Kerch'. 368 p.
- Gajdukevich V.F. Antichnye keramicheskie obzhigatel'nye pechi (po raskopkam v Kerchi i Fanagorii v 1929–1931 gg.) // IGAIMK. 1934. Vyp. 80.
- Zaseckaya I.P. Polihromnye izdeliya gunnskogo stilya iz pogrebenij Nizhnego Povolzh'ya // ASGEH. 1968. Vyp. 10. L. 35–53.
- Zaseckaya I.P. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepej v gunnskuyu ehpohu (konec IV-V vv.). SPb., 1994. 224 p.
- Imperatorskaya arheologicheskaya komissiya (1859–1917)*. SPb., 2009. 1312 p.
- Kadeev V.I. Grinevich K.E. kak uchenyj / V. I. Kadeev // Vestnik Har'kovskogo universiteta. 1992. № 362. Vyp. 25. L. 129–134.
- Kashaev S.V. Sotrudniki Otdela istorii antichnoj kul'tury IIMK RAN i ego predshestvennikov v RAIMK-GAIMK-LOIIMK-LOIA (1919–2009 gg.) // Zapiski IIMK RAN. 2009. № 4. L. 37–49.
- Makarova N.A. Ekskursionnaya deyatel'nost' Kerchenskogo Istoriko-Kul'turnogo Zapovednika. Istoriya voprosa i sovremennost' // 175 let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostej. Mat. mezhd. konf. Kerch', 2001. L. 146–151.
- Marti V.Yu. Rybozasolochnye vannы Tiritaki // MIA. 1941. № 4. L. 93–95.
- Marti Y.Yu. Sto let Kerchenskogo muzeya. Istoricheskij ocherk. Kerch', 1926.
- Nepomnyashchij A.A. Muzejnoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo XX veka): Biobibliograficheskoe issledovanie. Simferopol', 2000. 360 p.
- Sevast'yanov A.V. Izuchaya drevnost' i sohranyaya pamyat': problemy istorii material'noj kul'tury i ohrany pamyatnikov v nauchnom nasledii chlenov Rossijskogo obshchestva po izucheniyu Kryma (1922–1932 gg.) // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. 2010. T. 23, № 1. L. 168–179.
- Sorokina I.A. Gosudarstvennaya sistema upravleniya kul'turnym naslediem i naukoy v 1921–1925 godah // Ocherki istorii otechestvennoj arheologii. Vyp. IV. M., 2015. L. 119–135.
- Tunkina I.V. Bibliograficheskij slovar'-ukazatel' // V.P. Buzeskul. Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX – nachale XX vv. M., 2008. 832 p.
- Fedoseev N.F. Kerchenskij muzej drevnostej // VDI. 2002. № 1. L. 154–178.
- Fedoseev N.F. Sud'by kerchenskikh arheologov // 175 let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostej. Mat. mezhd. konf. Kerch', 2001. L. 18–29.

Резюме

Статья посвящена научно-исследовательской деятельности РАИМК-ГАИМКа и Керченского археологического музея по изучению и охране античного наследия Восточного Крыма в 1920–1932 гг. Отдельное внимание уделено вопросу взаимодействия этих учреждений с системой управления наукой в советской России. В ходе анализа архивных материалов было установлено, каким образом и в какой последовательности реализовывались основные цели и задачи по проведению разведок и раскопок античных памятников в окрестностях Керчи.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического ...

Основным итогом научно-исследовательской деятельности в этот период следует считать: обнаружение производственного квартала Пантикапея, уточнение хронологии некрополя на Госпитальной улице; исследование общего состояния памятников и установление верной локализации малых городов Боспора: Киммерика, Китея, Акры, Тиритаки и Нимфея.

Ключевые слова: деятельность РАИМК-ГАИМК, Керченский археологический музей, раскопки в Восточном Крыму в 1920–1932 гг.

Summary

The article is devoted to the scientific research activity of the Russian Academy of History of Material Culture and the Kerch Archaeological Museum for the archaeological study and conservation of ancient heritage of the Eastern Crimea in 1920-1932. Special attention is devoted to the interaction of these institutions with the system of administration of science in Soviet Russia. During the analysis of archival materials, it was determined how and in what sequence the main goals and tasks of carrying out explorations and excavations of ancient monuments near Kerch were implemented in such difficult historical conditions. We should consider the detection of production quarter of Panticapaion, clarifying the chronology of the necropolis in the Hospital'naia Street, the study of general condition of the monuments and the establishment of correct localization of small cities of the Bosporan Kingdom: Kimmerik, Kytaia, Acra, Tyritake and Nymphaeum, the main outcome of research activities in the specified decade.

Keywords: activity of the Russian Academy of History of Material Culture, the Kerch Archaeological Museum, excavation in the Eastern Crimea in 1920–1932.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Застрожнова Евгения Григорьевна, к.и.н.,
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской Академии наук,
старший научный сотрудник.
pankratova0484@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia Zastrozhnova, PHD,
St. Petersburg Branch of the Archive
of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher.
pankratova0484@yandex.ru

Рис. 1. Раскопки гончарной печи на горе Митридат. 1929 г.
Фото. НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 155. Л. 26.

В.Н. ЗИНЬКО
V.N. ZIN'KO

**ВИКТОР ФРАНЦЕВИЧ ГАЙДУКЕВИЧ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
АРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ
VIKTOR FRANTSEVICH GAIDUKEVICH – RESEARCHER
ARCHAIC TYRITAKE**

Научное наследие В.Ф. Гайдукевича велико и многогранно, но особую важность имеют археологические исследования, проводимые им на античных городищах, сельских поселениях и некрополях Боспора на протяжении более трех десятков лет. В 1923 г. В.Ф. Гайдукевич поступил на археологическое отделение ЛГУ и летом 1926 г. во время студенческой практики впервые знакомится с археологическими памятниками Боспора. В 1926–1927 гг. он принял участие в археологических экспедициях в Херсонесе и Керчи. В 1928–1930 гг. работает научным сотрудником 1 разряда в Керченском археологическом музее древностей, в 1930–1932 гг. – в аспирантуре ЛГУ – ЛИЛИ, после окончания которой был принят в ГАИМК [Виноградов, 2006, с. 5-6].

В 1933 г. ГАИМК была создана Керченская экспедиция и В.Ф. Гайдукевич сразу был привлечен к работам в Керчи. Ему было поручено вымежевание древних городищ, а также участие в раскопках Тиритаки. Начатое в 1931 г. на южной окраине пос. Камыш-Бурун в 11 км к югу от Керчи строительство железорудного комбината сопровождалось производством больших земляных работ. Поэтому зимой 1931–1932 гг. в Керченский историко-археологический музей стали поступать сведения об обнаружении остатков древних сооружений и античной керамики. Выехавшие на место строительства музейные сотрудники увидели, что большой косогор, плавно понижающийся к дороге, ведущей из Керчи в Эльтиген, оказался срезанным в юго-западной части двумя большими уступами. Во многих местах были обнажены остатки хозяйственных ям, пифосов, фундаменты больших и малых построек. Летом 1932 г. экспедиция музея приступила к систематическим раскопкам на юго-западном участке городища, где земляными работами строительства были затронуты часть древней крепостной стены с башнями и непосредственно примыкающие к ним городские постройки [Марти, 1941, с. 11].

В течение первых полевых сезонов экспедицией исследовался юго-западный участок нижнего города – раскопы I-II (рис. 1), где были открыты крепостные стены и башни эллинистического времени, а также крупный комплекс рыбозасолочных ванн римского времени. Уже в процессе этих раскопок Ю.Ю. Марти под юго-западной стеной эллинистической башни I были открыты остатки более ранних, может быть, фортификационных строений [Марти, 1941, с. 13-14]. Судя по находкам керамики, эти строительные остатки можно датировать позднеархаическим временем.

В 1933 г. общее руководство раскопками на Тиритаке, а затем и Керченской археологической экспедицией ИИМК АН СССР принял Л. М. Славин. В западной части городища им были заложены два новых раскопа V и VI, работы на которых велись до 1936 г. Как уже стало традиционно для исследований Тиритаки, наиболее полно на этих участках были раскопаны слои римского и эллинистического периодов. До максимальной глубины были доведены исследования лишь в юго-западном углу участка и на очень ограниченной площади вскрыты постройки классического и архаического периодов [Книпович, Славин, 1941, с. 37]. Наиболее ранние фрагменты греческой расписной керамики датировались серединой VI в. до н.э. [Книпович, Славин, 1941, с. 40-41, рис. 54]. В центральной части этого участка сохранились остатки двух помещений здания конца VI – начала V вв. до н.э. Нижние ряды стен этой постройки сложены из плоских известняковых плиток, верхние ряды состоят из более крупных камней [Книпович, Славин, 1941, с. 41, рис. 55]. На небольшом расстоянии к западу от этого позднеархаического дома исследователи открыли фрагмент ранней крепостной стены шириной свыше 2 м, которую они датировали концом VI – началом V вв. до н.э. [Книпович, Славин, 1941, с. 42]. В нижнем ряду ее фундамента были положены лицевой стороной вниз два каменных изваяния кеми-обинской культуры (рис. 2). Здесь же у крепостной стены было обнаружено значительное скопление фрагментов аттических чернофигурных сосудов конца VI – начала V вв. до н.э., ранняя чернолаковая керамика и обломки ионийской керамики [Книпович, Славин, 1941, рис. 54–57].

В 1934 г. В.Ф. Гайдукевич (рис. 3-4) был назначен начальником отряда на раскопках Тиритаки, а с 1935 г. возглавил экспедицию, получившую в 1938 г. официальное название «Боспорская» [Виноградов, 2006, с. 7]. Этой одной из крупнейших советских археологических экспедиций Виктор Францевич беспрерывно руководил до 1966 г. До исследований В.Ф. Гайдукевича о Тиритаке, как и о других городах Боспора, почти ничего не было известно. Эти археологические раскопки, отличавшиеся большим размахом и методичностью, приобрели известность благодаря интересным открытиям и систематическим публикациям результатов исследований. Успеху содействовали прежде всего личные качества исследователя: глубокие знания, полученные в Ленинградском университете, а также опыт, накопленный в процессе археологических практик в Херсонесе, на памятниках Керченского полуострова и Фанагории.

В 30-е годы в раскопках советских археологов появились существенные положительные новации, стимулированные марксистскими установками. От сосредоточения на раскопках курганов археологи в массе перешли к широкомасштабным раскопкам городищ и поселений, а также грунтовых могильников. В противовес охоте за сокровищами поощрялась обработка рядового материала. На основе сплошного обследования территорий создавались подробные археологические карты. Все эти новации применил В.Ф. Гайдукевич в работах на археологических объектах античного Боспора. Особое значение имеют археологические исследования боспорского города Тиритака, где в полной мере раскрылся исследовательский и организаторский

Зинько В.Н. Виктор Францевич Гайдукевич – исследователь ...

талант В.Ф. Гайдукевича. Возглавив экспедицию, он продолжил исследования на ранее начатых раскопах, а также заложил новые раскопы в периферийных районах городища Тиритака. Раскопки велись им квадратно-послойным методом, впервые примененным в России при исследованиях Ольвии Б.В. Фармаковским.

На участке I-II в предвоенный период В.Ф. Гайдукевич расширил площадь исследования вокруг башни II и открыл остатки ранней крепостной стены шириной около 1,70 – 1,80 м. Оборонительная стена сохранилась не только под кладкой башни, но и тянется от нее на юго-восток на протяжении почти 7 м, притом строго параллельно эллинистической куртине I [Гайдукевич, 1952, с. 18, рис. 5]. Подошвой стены, которая сохранилась на высоту всего лишь 1-2 ряда кладки, служит материк в виде плотного слежавшегося морского песка. В 1936 г. в целях выявления древнейшей южной крепостной стены на всем протяжении куртины I от башни II до башни I был расширен раскоп. Значительная часть ранней стены на этом пространстве оказалась полностью разобрана и только непосредственно около башни I обнаружались небольшие остатки фундамента стены. Продолжение того же фундамента ранней крепостной стены перекрыто башней I и лишь немного выступает за линию ее фасада [Гайдукевич, 1952, с. 19-20, рис. 6]. В. Ф. Гайдукевич датировал остатки этой ранней крепостной стены первой половиной V в. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с. 20].

С целью дальнейшего исследования городища в 1935 г. в юго-восточной части мыса был разбит раскоп X площадью 220 кв. м. В 1936 г. он был несколько расширен в западную сторону. Однако строительных остатков позднеархаического времени, за исключением «редких вкраплений керамики VI в. до н.э.» в нижней части предматерикового слоя, здесь обнаружено не было [Гайдукевич, 1952, с. 47]. В том же году В.Ф. Гайдукевичем было принято решение перейти к систематическому обследованию окраин Тиритаки в разных ее пунктах в целях выяснения всей системы укрепления античного города. Работы эти были начаты небольшим разведочным раскопом XIII на юго-восточном крае городища, который представлял собой крутой склон. В течение 1936–1938 гг. был раскопан значительный участок города, но здесь не обнаружили строительных остатков более ранних, чем I-х веков н.э. В этом отношении выявилась картина, совершенно сходная с соседним участком X. Лишь на материке залегал незначительный по толщине культурный слой, содержащий керамику V-IV вв. до н.э., а также с отдельными находками конца VI в. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с. 55].

В 1937 г. в западной части верхнего города был заложен раскоп XIV, который в последующие годы стал одним из основных и в 1940 г. исследованная на нем площадь составила 1187,5 кв. м (рис. 5). Толщина культурных слоев на этом участке достигает 3,25 м. Как подчеркивал В.Ф. Гайдукевич, существенной особенностью участка XIV является то, что здесь остатки наиболее раннего периода жизни Тиритаки обнаружены не в виде обычных фрагментов архаической импортной керамики, встречающихся почти во всех районах городища, а в виде четко выраженного слоя со строительными остатками, занимающими достаточно большую площадь [Гайдукевич, 1952, с. 74].

Прежде всего, это остатки большого архаического здания, исследованного в 1938 г., от которого сохранились не только остатки стен, но и многочисленный вещевой инвентарь. Постройка представляет собою в плане вытянутый прямоугольник, ориентированный короткими сторонами на северо-запад и на юго-восток, и состояла из трех помещений. Стены были сложены из бутового плитняка и мелких окатанных плиток-галеk на глине. В крайнем западном помещении А (длина 5,15 м, ширина 4,55 м) полностью сохранились две стены – западная № 18 и северная № 19а, от южной стены № 23 и восточной № 20 уцелели лишь небольшие фрагменты. Далее на юго-восток находилось второе, смежное помещение Б, длиной 5,50 м. В помещении Б сохранились северная стена № 19б и восточная стена № 28. С южной стороны признаков стены не обнаружено – она полностью разрушена. От третьего помещения В сохранилась восточная стена № 40. Во всех трех помещениях здания на полах был выявлен горелый слой толщиной 0,27-0,30 м [Гайдукевич, 1952, с. 74-76, рис. 86-91].

Внешние стены архаического здания на всем своем протяжении обрываются строго на одной и той же высоте – 0,70 м, имея сверху совершенно ровную поверхность. В. Ф. Гайдукевич объяснял это тем, что они служили каменным цоколем, на котором лежала сырцовая кладка. Небольшой фрагмент такой сырцовой стены был при раскопках отмечен в северной угловой части помещения А над каменной кладкой № 19а [Гайдукевич, 1952, с. 77]. Дверных проемов в сохранившихся внешних стенах здания нет. В.Ф. Гайдукевич справедливо предположил, что они были с южной стороны постройки [Гайдукевич, 1952, с. 77].

Многочисленные находки, обнаруженные при раскопках этого здания, были сосредоточены преимущественно в помещении А, где они лежали на глинобитном полу из плотно утопанной глины. Под слоем пожара на полу помещения А обнаружили следы двух очагов. В средней части помещения, на расстоянии 1,30 м от западной стены № 18, находился открытый очаг. Огонь разводился непосредственно на полу, где сохранилось сильно обожженное круглое пятно диаметром около 1 м. Второй очаг обнаружен в юго-западном углу помещения, возле южной стены № 23. Очаг был окружен несколькими плоскими плитками известняка и обмазан внутри глиной. Рядом с этим очагом лежало несколько фрагментов амфор, клешни крабов и ручки чернолакового ионийского килика. В восточной половине помещения на полу обнаружена неправильной формы каменная плита, около которой лежало дно большого массивного каменного блюда [Гайдукевич, 1952, с. 77].

Большинство находок оказалось сосредоточено в районе первого очага. Здесь найдена серия архаических терракот: маска и три статуэткИ, изображающие сидящую на троне богиню, и статуэтка стоящей женщины [Гайдукевич, 1952, с. 77-78, рис. 92-96]. Рядом с терракотами найдена глазоменная расписная амфора, украшенная чешуйчатым орнаментом [Гайдукевич, 1952, с. 78, рис. 97.1]. На полу лежали две маленькие коринфские котилы, расписанные снаружи коричневыми поясками и орнаментом в виде палочек, крышка аттической чернолаковой пиксиды, обломки чернолаковых киликов и амфор с низким цилиндрическим горлом. У очага были

Зинько В.Н. Виктор Францевич Гайдукевич – исследователь ...

найжены две небольшие чаши [Гайдукевич, 1952, с. 78-79, рис. 98]. В средней части помещения А на полу были разбросаны фрагменты терракотового алтаря, нижнюю часть которого удалось восстановить [Гайдукевич, 1952, с. 79–81, рис. 99]. Кроме этого, в помещении были найдены несколько больших сосудов, глиняный открытый светильник, небольшая чашечка на круглой расширяющейся книзу ножке и единственная лепная чашка [Гайдукевич, 1952, с. 81-82, рис. 100-103а]. В южной части помещения А лежало 10 пирамидальных подвесок из необожженной глины, предназначенных для натяжения нитей основы на ткацком станке [Гайдукевич, 1952 с. 81, рис. 101].

Ниже пола раскопки на всем пространстве помещения А не производились. Лишь на ограниченном участке в 1939 г. был сделан небольшой разведочный прокоп, показавший, что под глинобитным полом залегает культурный слой толщиной 0,20 м с весьма незначительным содержанием культурных остатков в виде единичных «крайне невыразительных мелких фрагментов керамики», а глубже – желто-коричневая материковая глина [Гайдукевич, 1952, с. 77].

В соседнем помещении Б на земляном полу в слое пожара вещественных находок было немного. Они представлены в основном обломками амфор, среди которых В. Ф. Гайдукевич упоминает горла хиосских амфор, на одном из которых оттиснута буква «А», на другом темной краской написан крестообразный знак [Гайдукевич, 1952, с. 82, рис. 104]. Кроме того, здесь был найден фрагментированный чернолаковый килик. Преобладающее число находок из помещений позднеархаического здания В. Ф. Гайдукевич отнес к последней четверти VI в. до н.э., а само здание датировалось им с 540-х до 480–470 гг. [Гайдукевич, 1952, с. 85]. В этом тиритакском позднеархаическом доме, по мнению В. Ф. Гайдукевича, представлен древнейший боспорский культовый комплекс, связанный с поклонением женскому божеству плодородия, которое почиталось греческими поселенцами в качестве их покровительницы [Гайдукевич, 1952, с. 86].

Остатки другого позднеархаического здания обнаружены на расстоянии 10,80 м к северу от дома 1. От этой постройки сохранились две сложенные впереплет и образующие угол стены № 71 и 72 толщиной 0,62-0,65 м. С восточной стороны к стене № 71 примыкает две известняковые плиты, которыми был выстлан вход в помещение. Стена № 74 замыкает с северо-востока помещение, образованное стенами № 71 и 72. Эта стена сильно отличается от стен № 71 и 72, и направление ее не параллельно стене №71. Вероятно, стена № 74 появилась в результате более поздней перестройки. Восточная часть постройки осталась нераскопанной. Внутри помещения было довольно мало находок. В.Ф. Гайдукевич упоминает лишь фрагменты хиосских пухлогорлых амфор и обломки чернофигурных сосудов [Гайдукевич, 1952, с. 86-87, рис. 106].

К югу от помещения А дома 1 исследована стена № 2, которая тянется в юго-восточном направлении на протяжении 15,25 м. Северным концом стена № 2 вплотную примыкает к стене № 23 позднеархаического здания. Здесь стена № 2 имеет тол-

щину почти 2 м, а противоположный конец – 1,70 м. Наибольшая сохранившаяся высота стены № 2 – 1,23 м. Основание кладки стены № 2 немного выше подошвы стен позднеархаического дома. Остатки аналогичной, но сильно разрушенной стены (№ 2а) сохранились и дальше на север между домами [Гайдукевич, 1952, с. 87]. В.Ф. Гайдукевич справедливо предположил, что это остатки оборонительной стены, ограждавшей западную сторону Тиритаки. Тем более характер кладки этой западной крепостной стены имел полное сходство с южной крепостной стеной на раскопе I. Многочисленные находки бронзовых наконечников стрел с внешней стороны стены № 2а еще более укрепляют вывод об оборонительном значении стены [Гайдукевич, 1952, с. 88].

Анализируя результаты раскопок, исследователь установил, что застройка этого участка городища происходила в следующем порядке. Первоначально на западной окраине был построен ряд зданий, ориентированный узкими сторонами на восток – запад. Несколько позднее, в связи с возведением вокруг города оборонительной стены, вдоль западной границы Тиритаки также стали возводить каменную ограду. Местами она прошла через разобранные дома, остатки стен которых были перекрыты оборонительной оградой. Но некоторые здания, оказавшиеся на линии ограды, не уничтожались, а включались в эту ограду. Ранняя крепостная стена Тиритаки, по мнению В. Ф. Гайдукевича, была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному, скоротечному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников [Гайдукевич, 1952, с. 88-89].

Соглашаясь с этими обоснованными выводами В. Ф. Гайдукевича, следует обратить внимание на два очень важных момента. Во-первых, раскопками на участке XIV позднеархаические постройки и слои были исследованы лишь на четверти площади, а на остальной В. Ф. Гайдукевич остановился на уровне сооружений римского времени. Во-вторых, исследования не были доведены до материка даже на тех квадратах, где были открыты позднеархаические постройки, хотя небольшой прокоп в помещении А показал наличие более раннего слоя под домами. Производимые в последние годы исследования в этой части Тиритаки на раскопе XXVII, который включил в себя и центральную часть раскопа XIV, позволили не только значительно уточнить, но в ряде случаев и пересмотреть выводы В. Ф. Гайдукевича об этапах застройки западной окраины города [Зинько, 2013; 2015; Zinko, 2014].

В 1939-1940 гг., а затем в 1946-1947 гг. проводились раскопки на участке XV, прилегающем с северо-востока к раскопу V-VI. На большей части площади культурные слои оказались срыты при строительстве в позднеантичное время. Однако там, где В. Ф. Гайдукевичу удавалось прокопать слой III-V вв. н.э. ниже полов помещений, на поверхности материка встречались мелкие фрагменты «клазоменских сосудов, расписанных чешуйчатым орнаментом, второй половины VI в. до н.э., обломки ионийских сосудов, украшенных поясками» [Гайдукевич, 1952, с. 108].

На основании систематических раскопок 1932–1940 гг. В. Ф. Гайдукевич относил появление в Тиритаке греческого населения ко времени около середины VI в. до н.э.

Зинько В.Н. Виктор Францевич Гайдукевич – исследователь ...

[Гайдукевич, 1952, с.131]. В то же время он справедливо отмечал, «что тот материал, который имеется в наличии и относится к доримскому времени, все же еще недостаточен для того, чтобы можно было уже набросать, хотя бы в самых общих чертах, картину устройства города и главных особенностей последнего в его хозяйственной и культурной жизни. Слишком капитально была перестроена Тиритака в первые века н.э., когда она заняла на Боспоре одно из первых мест как крупнейший пункт рыбного промысла» [Гайдукевич, 1952, с. 132].

В послевоенные годы (1946 – 1952 гг.) В.Ф. Гайдукевичем работы продолжились на исследовавшихся ранее раскопах V-VI, XIV, XV и на новых участках XVI-XXI, разбитых в северной, западной и восточной частях городища. Керамика последних десятилетий VI – начала V вв. до н.э. в переотложенном состоянии или «как содержимое ранних культурных напластований, уцелевших кое-где совершенно незначительными «островками» между более поздними сооружениями первых веков нашей эры, была встречена на участках XV и XIX–XX» [Гайдукевич, 1958, с. 175]. И только лишь на новом участке XVII площадью всего 75 кв. м в восточной части городища была открыта постройка (рис. 6), относящаяся к позднеархаическому времени.

Здесь на материке залегал культурный слой толщиной 0,30-0,40 м, «довольно обильно насыщенный керамикой позднеархаического времени» [Гайдукевич, 1958, с.178]. В этом предматериковом слое оказались остатки стен, принадлежащих раннему периоду городского строительства. На протяжении 3 м сохранилось несколько рядов кладки стены 1, имеющей направление юго-запад – северо-восток. Стена сложена преимущественно из мелких плиток известняка на глине и напоминает стены архаического здания, открытого на участке XIV в 1938 г. Здесь же в северной части раскопа открыт фрагмент перпендикулярной стены 2, которая смыкалась со стеной 1. Рассматривая стены 1 и 2 как части одного здания, В. Ф. Гайдукевич установил, что оно имело в ширину не менее 5,25 м [Гайдукевич, 1958, с. 178-179, рис. 32-33]. В южной части раскопа обнаружен небольшой отрезок стены 3, параллельный стене 2. В целом постройка представляла собой прямоугольник, вытянутый с северо-запада на юго-восток более чем на 9 м и разделенный поперечными стенами на 2 или 3 помещения. Все же в большей части раскопа (центральная часть) В.Ф. Гайдукевичем исследовались только лишь слои, связанные с постройкой и функционированием большой винодельни в I–IV вв. н.э.

Однако, как ни фрагментарны строительные остатки, представленные в самом нижнем культурном слое, все же они позволили В. Ф. Гайдукевичу «установить, что уже на рубеже VI-V вв. до н.э. восточный край верхнего плато Тиритаки был застроен домами» [Гайдукевич, 1958, с. 179]. А учитывая позднеархаические здания, открытые на западной окраине города, исследователь сделал заключение о «широком заселении всего плато к концу VI – началу V вв. до н.э.» [Гайдукевич, 1958, с. 179].

Очень важный материал к ранней истории Тиритаки дали наблюдения и разведочные раскопки, произведенные В.Ф. Гайдукевичем в 1952 г. на территории западнее

городища, на территории обогатительной фабрики и депо железорудного комбината. Было установлено, что с конца VI по IV в. до н.э. включительно рядом с укрепленным городским поселением существовало открытого типа поселение, располагавшееся на возвышенности, обращенной в сторону морского залива (теперь Чурубашское озеро) [Гайдукевич, 1958, с. 183]. Серо-золистый слой с находками IV-III вв. до н.э. в северной части этого поселения в настоящее время выявлен в районе бывшего депо во время раскопок погребальных комплексов первых веков н.э. [Зинько А., 2011].

Благодаря многолетним исследованиям В.Ф. Гайдукевича были впервые получены и опубликованы археологические материалы о многовековой истории Тиритаки, которая на многие десятилетия стала наиболее исследованным городом Боспора. Основание Тиритаки датировалось В.Ф. Гайдукевичем временем «около середины VI в. до н.э.» [Гайдукевич, 1949, с. 30, 38; 1952, с. 131] или даже второй половиной этого столетия [Гайдукевич, 1940, с. 306; 1949, с. 172]. Особо следует отметить, что наиболее ранними постройками, исследованными при раскопках Тиритаки, длительное время являлись сырцово-каменные дома конца VI – начала V вв. до н.э. [Зинько, 2016, с.181]. Они были открыты в разных частях города, но наиболее хорошо сохранились лишь на западной окраине Тиритаки на раскопе XIV. Здесь располагался ряд жилых зданий, ориентированных своими узкими сторонами по линии «восток–запад». Было исследовано две постройки, одна из которых состояла из трех помещений [Гайдукевич, 1952, с. 74–80, рис. 85]. На рубеже VI-V вв. до н.э. эти каменные постройки были обнесены крепостной стеной, которая охватила нижнюю и верхнюю части города. Вопрос о том, что представляли собой жилища первых греческих колонистов, остался открытым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю.А.* Памяти В.Ф. Гайдукевича //БИ. – Вып. XIII. – 2006. – С. 3–15.
Гайдукевич В.Ф. Итоги последних раскопок древней Тиритаки //КСИИМК - № 4, - М., 1940. - С. 54 – 58.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л. 1949.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. – № 25. – М., 1952. - С. 15–134.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. //МИА. - № 85. – М.,1958.
Зинько А.В. Исследования некрополя Тиритаки //АДУ 2011. – К., 2012. - С. 44-45.
Зинько В.Н. Актуальные вопросы ранней истории Тиритаки//Материалы конференции «Боспорское царство как историко-культурный феномен: итоги конференций 1998–2013 гг.» - СПб, 2013. – С. 57–61.
Зинько В.Н. Крепостные сооружения боспорского города Тиритака //БИ, - Вып. XXXI. – Керчь, 2015. - С. 100–109.
Зинько В.Н. Архаическая Тиритака в исследованиях В.Ф. Гайдукевича и настоящего времени //Материалы XVI Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования». - Керчь, 2016. – С.177–184.
Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки //МИА. - № 4. – 1941. - С. 37 – 60.
Марти Ю.Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн //МИА. – 1941. – Вып. № 4. – С. 11–24.
Zinko V.N. Tyritake in Archaic times //Tyritake. Antique Site at Cimmerician Bosphorus. - Warsaw, 2014. – P. 47–62.

Зинько В.Н. Виктор Францевич Гайдукевич – исследователь ...

REFERENCES

- Gaidukevich V.F. Itogi poslednikh raskopok drevnei Tiritaki. *KSIMK* № 4, М., 1940. pp. 54–58.
- Gaidukevich V.F. *Bosporskoe Tsarstvo*. М.-Л. 1949.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935-1940. *MIA*. № 25. М., 1952. pp. 15–134.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki i Mirmekiiia v 1946–1952. *MIA*. № 85. М., 1958.
- Knipovich T.N., Slavin L.M. Raskopki iugo-zapadnoi chasti Tiritaki. *MIA*. № 4. 1941. pp. 37–60.
- Marti Iu.Iu. Gorodskie krepostnye steny Tiritaki I prilegaiushchii kompleks rybozasolochnykh vann. *MIA*. № 4. 1941. pp.11–24.
- Vinogradov Iu.A. Pamiati V.F. Gaidukevicha. *BI*. XIII. 2006. pp. 3–15.
- Zin'ko A.V. Issledovaniia nekropolia Tiritaki. *ADU* 2011. К., 2012. pp. 44–45.
- Zin'ko V.N. Aktual'nye voprosy rannei istorii Tiritaki. *Materialy konferentsii "Bosporskoe tsarstvo kak istoriko-kul'turnyi fenomen: itogi konferentsii 1998-2003"*. St.P., 2013. pp. 57–61.
- Zin'ko V.N. Tyritake in Archaic times. *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus*. Warsaw, 2014. pp. 47–62.
- Zin'ko V.N. Krepostnye sooruzheniia bosporskogo goroda Tiritaka. *BI*. XXXI. Kerch', 2015. pp. 100–109.
- Zin'ko V.N. Arkhaicheskaia Tiritaka v issledovaniakh V.F. Gaidukevicha I nastoiashchego vremeni. *Materialy XVI Bosporskikh chtenii "Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia*. /otv. red V.N. Zin'ko. Kerch', 2016. pp. 177–184.

Резюме

В.Ф. Гайдукевич был назначен начальником отряда на раскопках Тиритаки в 1934 г., а с 1935 г. уже возглавил экспедицию, получившую в 1938 г. официальное название – «Боспорская». Этой одной из крупнейших советских археологических экспедиций Виктор Францевич беспрерывно руководил до 1966 г. До исследований В.Ф. Гайдукевича о Тиритаке, как и о других городах Боспора, почти ничего не было известно. Его археологические раскопки, отличавшиеся большим размахом и методичностью, приобрели известность благодаря интересным открытиям и систематической публикации результатов исследований. Особо важное значение имели данные, полученные о раннем этапе жизни города. Основание Тиритаки датировалось В.Ф. Гайдукевичем временем около середины VI в. до н.э. или даже второй половиной этого столетия. Особо следует отметить, что наиболее ранними постройками, исследованными при раскопках Тиритаки, длительное время являлись сырцово-каменные дома конца VI – начала V вв. до н.э. Они были открыты в разных частях города, но наиболее хорошо сохранились лишь на западной окраине Тиритаки на раскопе XIV. На рубеже VI-V вв. до н.э. эти каменные постройки были обнесены крепостной стеной, которая охватила нижнюю и верхнюю части города. Вопрос о том, что представляли собой жилища первых греческих колонистов, остался открытым.

Summary

Gaidukevich V.F. was appointed the head of the detachment at the excavations of Tyritake in 1934. From 1935 he headed the expedition, which received the official name – “Bosporskaia” in 1938. Viktor Frantsevich continued to lead that one of the largest Soviet archaeological expeditions until 1966. Almost nothing had been known about Tyritake, as well as about other cities of Bosporus, before Gaidukevich's research. His archaeological excavations, which were characterized by great scope and methodical character, gained popularity thanks to interesting discoveries and systematic

Боспорские исследования, вып. XXXV

publication of research results. The data obtained about the early stage of the city's life were of particular importance. The foundation of Tyrítake was dated by V.F. Gaidukevich to time around the middle of the VI century BC, or even the second half of that century. It should be noted that the earliest buildings studied during the excavation of Tyrítake were the raw-stone houses of the end of the VI- the beginning of the V centuries BC. They were discovered in different parts of the city, but they were best preserved only on the western outskirts of Tyrítakei on excavation site XIV. At the turn of the VI-Vth cc. BC those stone buildings were enclosed by a fortress wall that covered the lower and upper part of the city. The question of what were the homes of the first Greek colonists remained open.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
Крымский федеральный университет,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
ведущий научный сотрудник.
zinko@bfdemetra.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor N. Zin'ko, DSc,
Crimean Federal University,
Research center of History and Archaeology of the Crimea,
Leading Researcher.
zinko@bfdemetra.org

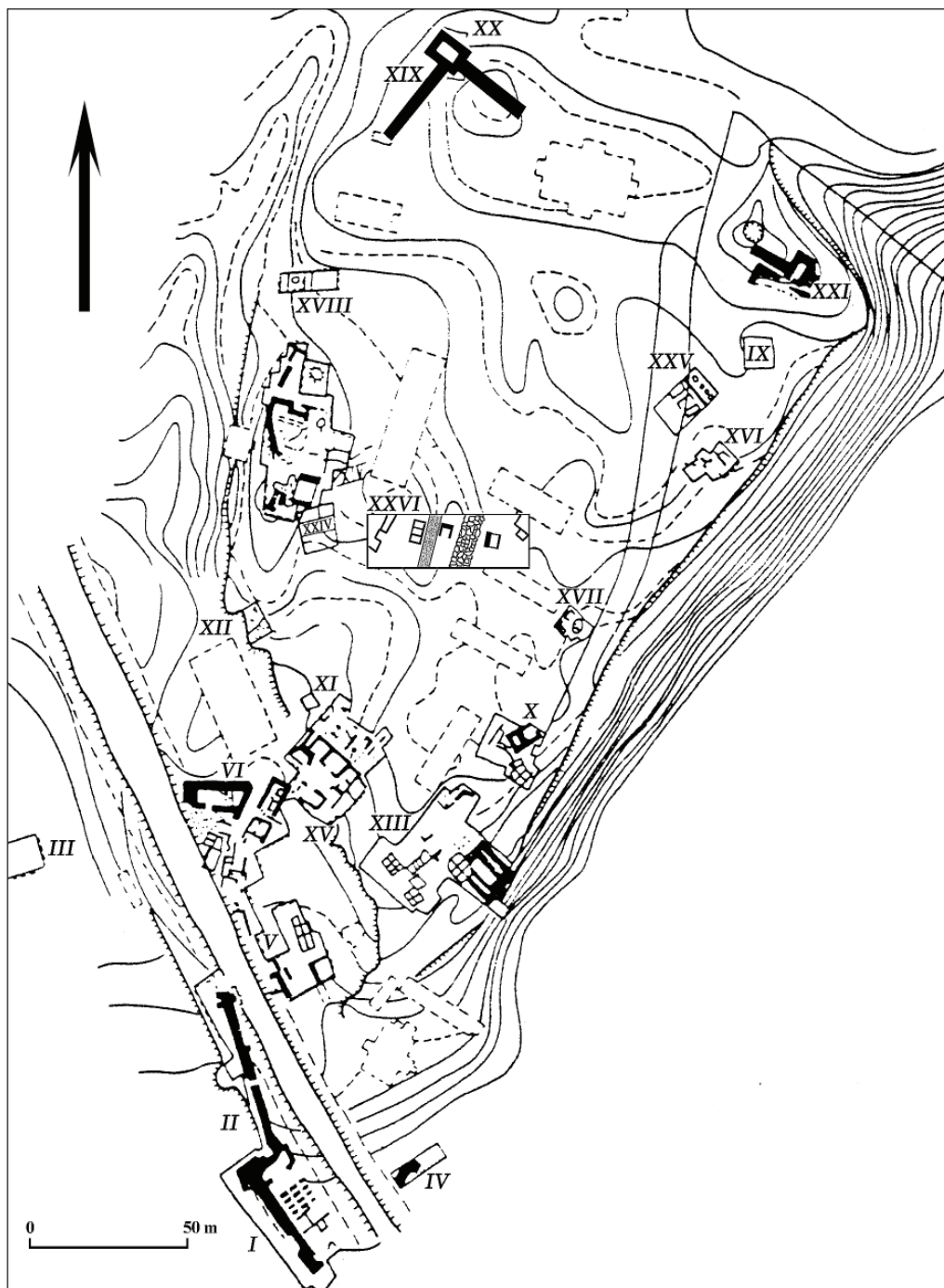

Рис. 1. План городища Тиритака с обозначением раскопов 1932–2002 гг.

Рис. 2. Кемпи-обинские каменные изваяния из южной крепостной стены.

Рис. 3. Тиритака. 1934 (?) год. В центре сидит В.Ф. Гайдукевич.

Рис. 4. Боспорская археологическая экспедиция. Тиритака. 1938 (?) год.
В центре стоит В.Ф. Гайдукевич.

Рис. 5. Участок XIV на западной окраине городища Тиритака.

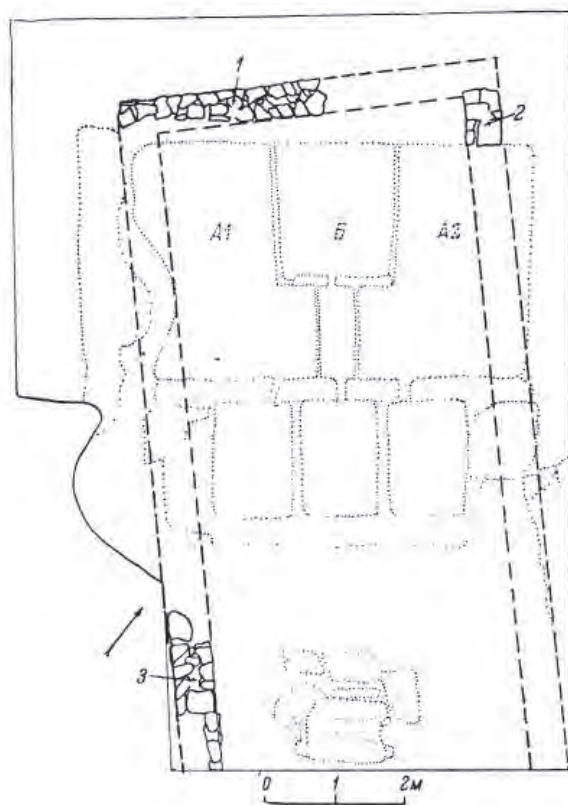

Рис. 6. Остатки ранней постройки на участке XVII.

Д.Е. ЧИСТОВ, А.Н. КОЛЕСНИЧЕНКО
D.E. CHISTOV, A.N. KOLESNYCHENKO

**РАСКОПКИ 1904–1929 ГГ. В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ОСТРОВА БЕРЕЗАНЬ:
К РЕКОНСТРУКЦИИ СВОДНОГО ПЛАНА
ИССЛЕДОВАННЫХ УЧАСТКОВ БЕРЕЗАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
INVESTIGATIONS OF THE NORTHERN AREA OF THE BEREZAN
ISLAND, 1904–1929: TO THE ISSUE OF THE RECONSTRUCTION OF THE
ARCHEOLOGICAL MASTER PLAN OF THE BEREZAN SETTLEMENT**

Планомерные раскопки, проводившиеся на острове Березань в последние десятилетия, позволили существенно уточнить пространственную организацию Березанского поселения и реконструировать его планировку [Solovyov, 1999, p. 78-79; Крутилов, Чистов, 2012; Chistov, Krutikov, 2014, p. 216–220, 222, fig. 2]. Удалось достичь большей определенности и в вопросе расположения общественного центра древнего Борисфена [Chistov, 2015]. Вместе с тем, любая попытка создать сводный план основных исследованных участков Березанского поселения выглядит неполной без учета раскопок первой половины XX в., исследовавшихся под руководством Э.Р. фон Штерна (1904–1909, 1913 гг.) и М. Ф. Болтенко (1927–1931, 1946–1947 гг.). К настоящему времени наиболее подробной картой всех исследованных участков Березани остается план, опубликованный С. Л. Соловьевым, в свою очередь, основанный на плане В. В. Лапина. Эта карта, наиболее полно отражающая состояние археологической изученности острова на начало 1990-х гг., не лишена условности, как отмечал сам ее автор [Solovyov, 1999, p. 16, fig 6; Соловьев, 2005, с. 22], и содержит лишь контуры исследованных участков без указания раскрытых в их границах строительных остатков. Вместе с тем, создание детального сводного плана наиболее важных раскопок имеет решающее значение для понимания планировки Березанского поселения.

Сопоставление результатов раскопок Э. Р. фон Штерна и М. Ф. Болтенко с результатами современных исследований наталкивается на множество проблем. В их числе – отсутствие точной топографической привязки старых раскопок или утрата имевшихся привязок по причине изменения рельефа и береговой линии острова за прошедшее столетие, а также отсутствие опубликованных сводных планов двух самых больших по площади участков, исследования которых проводились Э.Р. фон Штерном и М. Ф. Болтенко – раскопов «А¹» и «В⁸». Общий ход исследований на указанных раскопах до 1913 г. описан в отчетах Э. Р. фон Штерна, публиковавшихся в Отчетах императорской археологической комиссии и Записках Одесского общества истории и древностей. Раскопки на участке «В⁸», расположенном у северного берега острова, были начаты в 1908 году и продолжались в 1909 и 1913 годах одновременно с исследованиями участка «А¹». С 1909 г. в раскопках именно этого участка принимал участие М.Ф. Болтенко в качестве помощника

Э.Р. фон Штерна: тогда ему было поручено «наблюдение за половиной рабочих (15 человек) и самостоятельное ведение дневника раскопа «В⁸», «... конечно, под общим руководством Э. Р.» [Болтенко. Автобиография, л. 21]. Э.Р. фон Штерн рассчитывал со временем соединить два этих участка в один, однако реализовать этот план ему не было суждено. Когда работы на Березани были возобновлены после четырехлетнего перерыва в 1913 г., выяснилось, что в ходе начатого в 1909 г. Военным ведомством Российской империи возведения экспериментальных фортификационных сооружений неисследованная площадь между раскопами активно использовалась строителями. Здесь был сооружен большой сарай, а все пространство оказалось занято гудами строительного материала, бочками с цементом и т.п. [Штерн, 1914, с. 79].

Объединить воедино два крупнейших на тот момент исследованных участка Березанского поселения «...для окончательного разрешения вопроса о характере греческого поселения здесь VI в. до н. э...» [Болтенко. Исследование острова Березани в советское время... Л. 19] планировал и М. Ф. Болтенко, возобновивший исследования Березани в 1927 г. Важной частью проведенных им исследований стало составление сводного топоплана северной части острова и съемка общего плана о. Березань. Объединение «между собой в едином плане ранее разрозненные планы раскопок 1904–1913 гг. на главных участках «А¹» и «В⁸» входило в число основных результатов экспедиции того сезона» [Колесниченко, 2011, с. 182; Болтенко, 2015, с. 310]. Раскопки 1927 г. были начаты с прирезки к раскопу «В⁸», расширявшей участок Штерна к северу в том месте, где был частично исследован наиболее интересный строительный комплекс, включавший т. н. «домик» (подвальное помещение) с дверным проемом и каменными стенами, сохранившимися до 2,93 м в высоту. Возобновление исследований именно с этого участка объясняется также тем, что он совершенно не пострадал в ходе военного строительства, экспериментальных стрельб и подрывов склада снарядов в 1919 г., «как будто приглашая исследователя к продолжению своих прежних работ с того самого места, на котором они оборвались в 1913 г.» [Болтенко, 2015 с. 301, 303-304]. Экспедиция 1927 года была короткой; несмотря на это, была произведена разбивка 16 квадратов в 25 кв. м каждый [Болтенко, 2015, табл. 9].

Геодзические работы проводились без профессиональных топографов. Вполне вероятно, что М. Ф. Болтенко самостоятельно проводил топосъемку местности в 1927 – 1929 гг. Как известно, исследователь вырос в семье военного топографа, что не могло не оставить отпечаток на его образовании [Болтенко. Автобиография. Л.1]. Помощником в ходе работы 1927 г. мог быть чертежник и иллюстратор экспедиции П.К. Коваль [Болтенко, 2015, с. 302], а в 1929 г. – архитектор А.Д. Сурис [Болтенко. Черновики. Л. 73]. В 1928 году были продолжены работы на раскопе «В⁸» и «А¹», а также заложены пробные раскопы «Г» (на «гласисе» турецкого укрепления к востоку от турецкого вала, между ним и бухтой), «Д» (в северо-западной части острова) и «Е» (траншея на материке напротив острова) [Болтенко. Исследование острова Березани в советское время... л. 1-2. Черновики. Л. 94 об.]. Разведки вблизи турецкой батареи

Чистов Д.Е., Колесниченко А.Н. Раскопки 1904–1929 гг. ...

положили начало большому раскопу «Г», где автор раскопок предполагал обнаружить древнерусский культурный слой, т.к. во время раскопок 1928 г. были найдены фрагменты керамики XIII в. [Болтенко. Исследование острова Березани в советское время... Л. 4]. Изучение находок средневекового периода из раскопок последующих лет были отражены в работе М. Ф. Болтенко 1947 г. [Болтенко, 1947]. Благодаря тому что в 1928 г. возобновились исследования раскопа «А¹», была, видимо, уточнена привязка этого раскопа к общей сетке с другими участками.

В 1929 г. раскопки продолжались на раскопах «В⁸» и «А¹». Кроме того, был заложен новый раскоп «Ж», разрезающий вал турецкого укрепления [Болтенко. Исследование острова Березани в советское время... Л. 4-5]. Общее представление о планах исследования Березанского поселения, разработывавшихся М. Ф. Болтенко в конце 1920-х гг., можно составить на основании общего плана острова Березань, также подготовленного в 1927 г. [Коваль, 1927]. На этот план (рис. 1), помимо раскрытых к тому времени раскопов, нанесены проектируемые участки. Один из них в виде траншеи примыкает к западному краю раскопа «В⁸» и пересекает остров по линии СЗ – ЮВ, доходя до восточного берега. От середины этой огромной траншеи предполагалось заложить еще одну, проходящую перпендикулярно первой, – до юго-западного берега острова. Также было запланировано полностью исследовать как пространство между раскопами «В⁸» и «А¹», так и обширную площадь вдоль северо-западного берега Березани. Возможно, в рамках реализации этого плана работы экспедиции 1930–32 гг. были перенесены к северо-западному берегу, на участок «Г». Спустя три десятилетия, в 1962–70 гг., именно этот раскоп стал основным объектом исследований археологической экспедиции Гос. Эрмитажа под руководством К. С. Горбуновой.

М. Ф. Болтенко считал раскоп «Г» более перспективным, поскольку рассчитывал раскрыть на нем как наиболее ранние культурные слои античной Березани (очевидно, из-за близости к древней гавани), так и напластования средневекового периода¹. По этой причине с 1931 г. (в 1930 г. раскопки на участке «В⁸» еще проводились) он отказался от продолжения исследований на участках, начатых Э. Р. фон Штерном.

«Изучение острова как такового и его истории немислимо было без оставленного Штерном вне поля своих исследований района турецких валов и рвов и пространства между ними и пристанью, где в 1930 г. нами и начаты планомерные раскопки. Чрезвычайная трудность и сложность разработки этого участка и необходимость в 1931 г., наряду с максимальным ростом этого важнейшего участка вширь, достичь здесь на возможно более широкой площади естественного «пола» археологического исследования материка, заставила нас временно оборвать незаконченными все работы на территории к западу от турецких валов, включая и работы, направленные на

---

¹ Из воспоминаний Ф.А. Козубовского: «Проф. Болтенко ставит метою і завданням шукати розв'язання проблеми послідовності заселення острова від пристані, в яку примикає ділянка Г...» [Козубовский, 1931, л.14].

соединение больших раскопов «А¹» и «В⁸», и переключить все внимание экспедиции на территорию на восток от валов, до тех пор пренебрегавшуюся, хотя только там могут быть сокрыты все основные тайны исторического прошлого острова Березань.

Здесь же изучение самых нижних слоев сулило в завершение изучения всех эпох истории края, хотя бы и на самой ограниченной пространственной площади, дать и «ионийскую» Березань в ее подлинно-исторических связях с туземным ее окружением и туземными предшественниками, так как только здесь находится и та точка, где первый ионянин ступил на почву нашего края...» [Болтенко. Советские раскопки на Березани... Л. 6].

В 1931 году М. Ф. Болтенко удалось реализовать свой проект создания организации, которая бы объединяла археологические экспедиции региона: был создан Комбинат черноморских археологических экспедиций, а он занял пост его директора [Яненко, 2012]. Эта структура включала в себя несколько полевых отрядов, обладавших самостоятельным управлением, в том числе – Ольвийскую и Березанскую экспедиции. По всей видимости, руководство Комбинатом дало М. Ф. Болтенко определенную автономию в вопросах организации своей экспедиции и ресурсы для ее проведения, которыми он воспользовался для развертывания более масштабных работ на Березани.

В исследованиях экспедиции М. Ф. Болтенко на Березани в 1928–32 гг. принимал участие настоящий «звездный состав» – многие ее участники со временем составили цвет советского антиковедения. В раскопках 1928 года на участке «В⁸» отдельными квадратами руководили М.М. Кобылина и А.Н. Зограф [Болтенко. Черновики... Л. 116]. В архиве ОАМ сохранились дневники М.М. Кобылиной [Кобылина, 1928; Кобылина, 1928а].

Раскоп «А¹» в этот же сезон вели Е.О. Прушевская и В.Д. Блаватский [Прушевская, 1928; Блаватский, 1928]. В ходе раскопок 1929 г. дневник раскопа «А¹» вела Т.Н. Книпович [Книпович, 1929], на раскопе «В⁸» работал А. П. Манцевич [Манцевич, 1929], а исследования на раскопе «Ж» проводились Г. П. Крысиным и самим М.Ф. Болтенко [Крысин, 1929]. На раскопки 1930 – 1931 гг. были приглашены Т. Фармаковская, Ф. А. Козубовский, П. Ф. Силантьева, О. А. Полтавцева, М. М. Худяк и др. По просьбе руководителя экспедиции Ф.А. Козубовский проводил геодезические работы, основной задачей которых была нивелировочная съемка поверхности острова [Козубовский, 1931].

Некоторые планы участков «А¹» и «В⁸» были изданы Э. Р. фон Штерном в отчетах о работе на Березани². Тем не менее, они не дают полной картины его исследований на 1913 г., а планы прирезок М. Ф. Болтенко, продолжившего исследования участков «А¹» и «В⁸», самим автором не публиковались. Описания этих исследова-

² План раскопа «А¹» на 1906 г.: [Штерн, 1909, с. 51, рис. 64]. План раскопа «А¹» на 1907 г.: [Штерн, 1910а, с. 67, рис. 58]. Прирезки к раскопам «А¹» и «В⁸» 1908 г. [Штерн, 1910, с. 47-48; 1912, с. 85, рис. 76, с. 91, рис. 79]. План раскопа «В⁸» на 1909 г. [Штерн, 1910, с. 90-91; 1913, с. 107, рис. 154].

ний, включая части незавершенной монографии, содержатся в материалах архивного фонда М. Ф. Болтенко и в настоящее время активно обрабатываются и публикуются [Колесниченко, 2011; 2015; Болтенко, 2009; 2015]. Оригиналы чертежей и полевой документации, позволяющих воссоздать сводные планы этих участков, хранятся в научном архиве Одесского археологического музея и в научном архиве ИИМК РАН.

В настоящей работе предложен вариант реконструкции сводного плана участков «А¹» и «В⁸», раскопа «Ж» на валу турецкого укрепления, а также трех небольших раскопов «С⁴», «С⁵» и «С⁶», расположенных между ними (рис. 7-8), выполненный при помощи привязки к современному топографическому плану острова Березань³. Само создание такой реконструкции стало возможным лишь благодаря наличию в фондах научного архива ОАМ НАНУ трех вариантов сводного плана перечисленных выше участков, выполненных в единой координатной сетке. Как уже отмечалось выше, съемка основы для этих планов была осуществлена в ходе экспедиции 1927 г., однако в последующие два года в нее, очевидно, вносились изменения.

На оба варианта сводного плана, хранящихся в архиве ОАМ НАНУ, нанесены прирезки к участкам «А¹» и «В⁸» 1927 и 1928 гг., однако эти планы различаются рядом деталей. Один из планов выполнен в цвете [Коваль, 1927] (рис. 9), другой – черно-белый [план розкопувань на о. Березані, рр. 1904 – 1929] (рис. 2). На цветной версии имеется детальный план участка «В⁸» с прирезкой 1927 г., однако участок «А¹» показан лишь границами раскопов отдельных лет. Пространство между двумя большими участками на цветном плане размечено общей сеткой пятиметровых квадратов, причем прирезка М. Ф. Болтенко к раскопу «В⁸» была разбита именно в соответствии с этой сеткой (не сориентированной по сторонам света). Вполне вероятно, что объектом, к которому привязали координатную сетку раскопа (условный ноль), послужил колодец № 35. На черно-белых планах 1928 и 1929 гг. (рис. 2) схематично показаны кладки в границах раскопа «А¹», размечена сетка квадратов прирезки 1928 г. к этому участку и, кроме того, отмечены границы небольших раскопов «С⁴», «С⁵» и «С⁶» (1905, 1907-1908) а также раскопа «Ж» 1929 г., находившегося на склоне вала турецкой батареи. Однако наибольшее различие между этими планами заключается во взаимном расположении больших раскопов: на черно-белом плане в сравнении с цветным вариантом участок «А¹» смещен относительно участка «В⁸» приблизительно на 20 м к северо-востоку.

В ходе работы над реконструкцией сводного плана, помимо двух перечисленных выше планов, были использованы отдельные планы прирезок к раскопам «А¹» [Коваль, 1928]⁴ и «В⁸» [Коваль, 1928а], также хранящиеся в научном архиве Одесского археологического музея (рис. 3-4). Уточненный план раскопа «А¹» в части, исследованной Э. Р. фон Штерном, составлен на основе разных планов, хранящихся в научном архиве ИИМК РАН [план раскопа «А» (городище). О-в Березань,

³ Для этой цели использован топографический план о. Березань, снятый геодезистом Д. Б. Бельским в 1991 г.

⁴ План той же прирезки по состоянию на 1927 г. опубликован: [Болтенко, 2015, табл. 9].

Херсонская губ., 1905; план раскопа «А¹» на острове Березань, 1907] (рис. 10-11) и научном архиве ОАМ НАНУ (рис. 12) [план раскопок на о. Березань. Раскоп «А» 1904 и последующих гг.].

План участка «А¹» вызывает наибольшие сложности, поскольку этот раскоп никогда не имел четких границ: рабочие Э. Р. фон Штерна работали «площадями неопределенных размеров и формы... полосами и траншеями», перевалом, т. е. откидывали землю на ранее исследованные участки [Болтенко, 2015, с. 304]. Планы этого раскопа различных лет очень схематичны, при совмещении их масштабов одни и те же кладки часто не совпадают по расположению и размерам. Общие очертания участка «А¹» лишь приблизительно соответствуют контурам, нанесенным на сводный план 1927-28 гг.: отсутствие ровных бортов и отвалы, переброшенные на ранее раскопанную территорию, очевидно, осложняли определение его точных границ при нанесении на план. Наиболее старая часть этого участка, раскопанная в 1904–1906 гг., по-видимому, распространялась дальше на северо-восток.⁵

План части раскопа «В⁸», исследованной Э. Р. фон Штерном, на реконструированном сводном плане скопирован с «цветной» версии сводного плана 1927-28 гг., поскольку последняя включает в себя все прирезки до 1913 г. В архиве ОАМ НАНУ хранится цветной план этого участка на 1909 г. [план раскопок на о. Березань. Раскоп «В» 1909 г.], в целом соответствующий опубликованному [Штерн, 1910, с. 90-91; 1913, с. 107, рис. 154], а также отдельные планы прирезок 1913 г. В научном архиве Одесского археологического музея также находится цианотипическая копия («синька») еще одного сводного чертежа раскопа «В⁸» 1929 года [Коваль, 1928 б] (рис. 5). Следует заметить, что совмещение плана прирезки М. Ф. Болтенко с планом раскопа Э. Р. фон Штерна на этом чертеже несколько отличается от плана 1927 года (рис. 9), хотя исследования проводились в границах тех же самых разбитых в 1927 году квадратов. Сетка на плане 1929 года смещена приблизительно на 2 - 2,5 м к северо-западу, что существенно влияет на реконструкцию плана жилого дома, исследование которого проводил М. Ф. Болтенко.⁶ Ошибка, очевидно, возникла из-за нечеткости границ раскопа «В⁸» на момент возобновления раскопок в 1927 году, однако какой из двух вариантов плана больше соответствует действительности – установить уже невозможно. В данной работе нами использовался вариант 1927 года (см. рис. 9).

Относительно точное совмещение сводных планов М.Ф. Болтенко с современной топоосновой достижимо, в первую очередь благодаря тому, что на черно-белых версиях плана 1929 г. (рис. 2) нанесены границы турецкой батареи, которые были

⁵ На реконструкции сводного плана раскоп «А¹» нанесен не в точном соответствии с планами 1927–29 гг., а в наиболее вероятных, по нашему мнению, границах.

⁶ Смещение, очевидно, произведено в створе внутренней стены дома XXXIV, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. В результате образующая с ней прямой угол кладка XLVI на прирезке Болтенко в варианте 1927 года находится в створе кладки XVIII раскопа Штерна, а на плане 1929 года эта же кладка, сдвинувшись на северо-запад, оказывается уже в створе с соседней длинной стеной XVI. При этом колодец 35, ранее находившийся в углу квадратов, также сместился и уже никак не связан с координатной сеткой раскопа.

Чистов Д.Е., Колесниченко А.Н. Раскопки 1904–1929 гг. ...

сняты и Д. Б. Беленьким на топоплане 1991 г. В настоящее время очертания этого укрепления также хорошо различимы на местности и на спутниковых снимках. Вторым ориентиром для совмещения стала линия северного берегового обрыва, проходящая по раскопу «В⁸». Следует учесть, что очертания берега за прошедшие годы не могли остаться неизменными; сам М. Ф. Болтенко отмечал, что при составлении плана в 1927 г. в этом месте было зафиксировано отступление берега примерно на 3 м в глубь острова в сравнении с 1909–1913 гг. [Болтенко, 2015, с. 310]. В ходе раскопок 1989 г. отмечалось, что северо-восточная часть участка северо-западный «Б» (рис. 8, № 4 на плане) вплотную приблизилась к раскопу «В⁸», о чем свидетельствовало резкое понижение рельефа к северу и большое количество находок XX в. в верхних слоях [Доманский, Соловьев, 1989, с. 19]. Если предложенная нами реконструкция сводного плана верна, их разделяют от 3 до 12 м. Кроме того, на цветном плане (рис. 9) указано расстояние до насыпи большого блиндажа (помещения для комиссии и жандармов), расположенного западнее, приблизительно соответствующее реальному с учетом того, что насыпь сильно расплылась.

На топоплане Д. Б. Беленького отчетливые границы участков «А¹» и «В⁸» не зафиксированы; по состоянию на 1991 год (как и в настоящее время) местам расположения этих участков соответствуют обозначенные изолиниями обширные оплывшие углубления с нечеткими границами, что позволило лишь очень приблизительно скорректировать совмещение современного плана с планами 1927–28 гг. Следует заметить, что с учетом нынешних границ низины, соответствующей раскопу «А¹», взаимное расположение участков «А¹» и «В⁸» в «черно-белых» версиях сводного плана 1928–29 гг. (рис. 2) выглядит более достоверным. Одно из углублений, зафиксированных на плане 1991 г., достаточно уверенно отождествляется с раскопом «С⁶». Таким образом, возможно дополнительно скорректировать местонахождение этого и двух соседних раскопов «С⁴» и «С⁵»⁷.

Представленный вариант совмещения сводного плана раскопов Э. Р. фон Штерна и М. Ф. Болтенко с участками раскопок 1960–2015 гг. (рис. 8) может быть использован для изучения планировки Березанского поселения лишь с известными оговорками. Прежде всего, необходимо принимать во внимание крайнюю условность чертежа раскопа «А¹» и возможные неточности его привязки к местности. План этого участка включает такие вызывающие сомнения элементы, как округлые и апсидные постройки, зигзагообразные стены и т. п., по-видимому, ставшие результатом ошибочных интерпретаций плохо сохранившихся кладок. Однако какая-либо проверка этих данных невозможна, поскольку указанные конструкции до наших дней не сохранились. Можно лишь с большой осторожностью предположить, что в границы этого участка попал перекресток двух улиц.⁸ Направления кладок, раскрытых в границах

⁷ Отдельный план трех этих небольших раскопов также находится в архиве ОАМ [план раскопок на о. Березань. Раскопы «С⁴⁻⁶»]. (рис. 6).

⁸ Улица в северо-восточной части участка, на площади прирезки 1905 г., кратко упоминается Э.Р. фон Штерном [Штерн, 1907, с. 69].

раскопов «В⁸» и «С⁴-С⁶», имеют ориентировку север–юг с небольшим отклонением к юго-западу, что в целом соответствует векторам планировки построек городского квартала, раскрытого на северо-западном участке «Б» (рис. 8, № 4 на плане). Эти строительные остатки, очевидно, принадлежали жилым домам двух соседних кварталов, расположенных к северу и востоку. Вместе с тем, стены домов, попавших в границы участка «А¹», имели несколько иную ориентировку с более существенным отклонением к юго-западу. Нетрудно заметить, что она скорее соответствует направлениям планировки сооружений, раскрытых в северо-восточной части острова, на участках «О-западный и О-восточный» (рис. 8, № 9-10 на плане), «Т» (№ 6 на плане), «ГШ» (№ 12 на плане), «Р-1в» и «Р1-з» (№ 8, 11 на плане).

Среди остатков построек, раскрытых на участке «В⁸», наибольший интерес представляют остатки упомянутого выше комплекса, включавшего т.н. «домик» – очевидно, подвальное помещение с хорошо сохранившимися каменными стенами. Реконструкция плана этого дома была подготовлена В.В. Лапиным для его неизданной монографии [Лапин, 1978], опубликована и кратко проанализирована С.Д. Крыжицким, отметившим очень низкий уровень ее достоверности [Крыжицкий, 2006, с. 107, 109, рис. 9.3]. Это действительно так – сам план В. В. Лапина не учитывает разницу в строительных периодах (подвал относится к наиболее позднему из них). Кроме того, упомянутые выше различия в планах 1927 и 1929 гг. сильно осложняют реконструкцию этого комплекса.

Если сравнительно точная локализация двух самых крупных участков раскопок Э. Р. фон Штерна и М.Ф. Болтенко в наши дни вполне возможна, то с небольшими участками раскопок 1904–1913 гг. дело обстоит совершенно иначе. Военное строительство 1909–1914 и 1930-х гг., подрывы боеприпасов 1919 г., окопы и воронки времен Великой Отечественной войны почти до неузнаваемости изменили ландшафт острова, уничтожив абсолютно все привязки (возвышенности – «курганы» и временные постройки), отмеченные на плане 1907 г. [Штерн, 1910а, с. 71, рис. 60]⁹ вместе с углами и расстояниями от ориентиров до участков раскопок. Уточнения расположения этих участков возможны лишь в ходе новых археологических исследований. Такой случай, по-видимому, имел место в северной части раскопа «О-западный», где в результате раскопок последних лет были выявлены южная и западная граница обширного котлована размерами не менее 150–200 кв. м (рис. 8, № 9 на плане). Возможно, он соответствует раскопам «С¹⁻³» или раскопу «Б⁵» 1904 г. Первый вариант наиболее вероятен, поскольку в стратиграфии заполнения этого углубления была выявлена бровка шириной около 1 м, а раскопы «С¹⁻³», судя по плану, представляли собой три небольшие параллельные траншеи.

⁹ Цветная версия плана хранится в научном архиве ИИМК РАН [план острова Березань и произведенных на нем раскопов, 1907].

Чистов Д.Е., Колесниченко А.Н. Раскопки 1904–1929 гг. ...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Блаватский В. Д.* Дневник раскопок на о. Березань 1928 г. Раскоп А // НА ОАМ НАНУ, 1928. Инв. № 59207.
- Болтенко М. Ф.* Исследование острова Березань в советское время по новым путям // НА ОАМ. Б/н.
- Болтенко М. Ф.* Остров Березань и его исследования. Часть I. Исследования по 1900 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья/ Отв. ред И. В. Бруяко. Одесса, 2009. Вып. 9. С. 321–380.
- Болтенко М. Ф.* Советские раскопки на Березани в новом плане. Глава I. Раскопки 1931 г. // НА ОАМ НАНУ. Б/н.
- Болтенко М. Ф.* Стародавня руська Березань // Археологія. 1947. №1. С. 39–50
- Болтенко М. Ф.* Часть II. Продолжение исследования острова Березань в советское время // Материалы по археологии Северного Причерноморья/ Отв. ред. И. В. Бруяко. Одесса, 2015. Вып. 13. С. 301–310.
- Болтенко М. Ф.* Черновики. Раскопки на о. Березань и др. // НА ОАМ НАНУ. Ст. № 915.
- Болтенко М. Ф.* Автобиография // НА ОАМ НАНУ. Б/н.
- Доманский Я. В., Соловьев С. Л.* Отчет о работе Березанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1989 году // Научный архив ИА НАНУ. Д. 1989/140.
- Книпович Т. Н.* Дневник раскопок на о. Березань. Раскоп А, 1929 г. // НА ОАМ НАНУ, 1929. Инв. № 59203.
- Кобылина М. М.* Дневник раскопок на о. Березань в 1928 г. Раскоп В/8. // НА ОАМ НАНУ, 1928. Инв. № 59202.
- Кобылина М. М.* Дневник раскопок на о. Березань 1928 г. Раскоп В/8 // НА ОАМ НАНУ, 1928а. Инв. № 59201.
- Коваль П.К.* План острову Березані з зазначенням місць попередніх розкопувань і проектів. на майбутній час // НА ОАМ НАНУ. Б/н.
- Коваль П.К.* План раскопок на острове Березань. 1927 г. // НА ОАМ НАНУ, 1927. Инв. № 69111.
- Коваль П. К.* План розкопувань на о. Березань в 1928 року. Розкоп А1. З зазначенням місць попередніх розкопувань // НА ОАМ НАНУ, 1928. Б/н.
- Коваль П. К.* Загальний план розкопувань на острові Березані 1927–1928 гг. Розкоп В8» // НА ОАМ НАНУ, 1928а. Инв. № 69112.
- Коваль П. К.* План раскопок на острове Березань // НА ОАМ НАНУ, 1928б. Инв. № 59589.
- Козубовский Ф.А.* Дневник раскопок на о. Березань 1931 г. // НА ОАМ НАНУ, 1931. Инв. № 59227.
- Колесниченко А. Н. М. Ф. Болтенко и археологические исследования на о. Березань: неизвестные страницы личного архива М.Ф. Болтенко // История археологии: личности и школы. Материалы международной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки (Киев, 5-8.10.2010). СПб., 2011. С. 181–186.*
- Колесниченко А. Н.* Научная деятельность М. Ф. Болтенко в Одесском археологическом музее с 1921 по 1934 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья/ Отв. ред. И. В. Бруяко. Одесса, 2015. Вып. 13. С. 293–300.
- Крутилов В. В., Чистов Д. Е.* К вопросу о реконструкции планировки Березанского поселения во второй половине VI – первой трети V вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Вопросы урбанизации. Материалы XIII Боспорских чтений. Керчь, 2012. С. 238–244.
- Крыжицкий С. Д.* К типологии ранних жилых домов Березани // ВДИ. 2006. № 1. С. 104–116.
- Крысин Г. П.* Дневник раскопок на о. Березань. Раскоп Ж, 1929 г. // НА ОАМ НАНУ, 1929. Инв. № 59205.
- Латин В. В.* Березань и проблема генезиса Северопричерноморской цивилизации (рукопись монографии) // Научный архив ИА НАНУ. 1978. Ф. 24. № 58.
- Манцевич А. П.* Дневник раскопок на о. Березань. Раскоп В/8, 1929 г. // НА ОАМ НАНУ, 1929. Инв. № 59204.
- План острова Березань и произведенных на нем раскопов // НА ИИМК РАН, 1907, Д. 3 Л. 41.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- План раскопа А (городище). О-в Березань, Херсонская губ. 1905 г. // НА ИИМК РАН, Ф-1. 1905. Д. 72, Л. 89.
- План раскопа «А» на острове Березань. // НА ИИМК РАН, Ф-1. 1907. Д. 3 Л. 42.
- План раскопок на о. Березань. Раскоп «А» 1904 г. и следующих годов// НА ОАМ НАНУ. Инв. № 59579.
- План раскопок на о. Березань. Раскоп «В» 1909 г. // НА ОАМ НАНУ. Инв. № 59580.
- План раскопок на о. Березань. Раскопы «С⁴⁻⁶» // НА ОАМ НАНУ. Б/н.
- План розкопувань на о. Березані, рр. 1904 – 1929 // НА ОАМ НАНУ. Б/н.
- Прушевская Е. Дневник раскопок на о. Березань 1928 г. Раскоп «А». // НА ОАМ НАНУ, 1928. Инв. № 59200.
- Соловьев С. Л. Историческая география и топография Березани // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа / Под ред. С. Л. Соловьева. СПб., 2005. Т. 1. С. 16–25.
- Штерн Э. Р. Отчет о работах на о. Березань в 1909 г. // ЗООИД. 1910. Т. 28. С. 80–91.
- Штерн Э. Р. Отчет о раскопках на Березани летом 1907 г. // ЗООИД. 1907. Т. 27. С. 68–71.
- Штерн Э. Р. Раскопки на о. Березань // ОАК за 1906 г. СПб., 1909. С. 50–58.
- Штерн Э. Р. Раскопки на о. Березань // ОАК за 1907 г. СПб., 1910а. С. 66–75.
- Штерн Э. Р. Раскопки на о. Березань // ОАК за 1909-1910 г. СПб., 1913. С. 105–117.
- Штерн Э. Р. Отчет о раскопках на острове Березань летом 1913 года. Одесса, 1914. С. 78–108 (отдельный оттиск).
- Яненко А. С. Комбінат Чорноморських археологічних експедицій народного комісаріату освіти УСРР (30-ті рр XX ст.) // Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції «Архасівські читання». Николаев, 2012. С. 96–98.
- Chistov D. E. The civic centre of Archaic Borysthene: a new approach to localization // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC-10th Century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities / G. Tsetskhladze (ed.). London, 2015. P. 403–413.
- Chistov D. E., Krutilov V. V. The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement // Phanagorea und darüber hinaus.... Festschrift für Vladimir Kuznetsov / N. Povalachev (ed.). Göttingen, 2014. P. 209–230.
- Solovyov S. L. Ancient Berezan: The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden-Boston-Köln, 1999.

REFERENCES

- Blavatskii V. D. Dnevnik raskopok na o. Berezan' 1928 g. Raskop A. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkhelogicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59207.
- Boltenko M. F. Issledovanie ostrova Berezani v sovetskoe vremia po novym putiam. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkhelogicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. B/n.
- Boltenko M. F. Ostrov Berezan' i ego issledovaniia. Chast' I. Issledovaniia po 1900 g. Bruiako I. V. (Ed.). *Materialy po arkhologii Severnogo Prichernomor'ia*. Odessa, 2009. Vyp. 9, pp. 321–380.
- Boltenko M. F. Chast' II. Prodolzhenie issledovaniia ostrova Berezan' v sovetskoe vremia. Bruiako I. V. (Ed.). *Materialy po arkhologii Severnogo Prichernomor'ia*. Odessa, 2015. Vyp. 13, pp. 301–310.
- Boltenko M. F. Sovetskie raskopki na Berezani v novom plane. Glava 1. Raskopki 1931 g. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkhelogicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. B/n.
- Boltenko M. F. Starodavnna rus'ka Berezan'. *Arkheologiya*. 1947, vol. 1, pp. 39–50.
- Boltenko M. F. Chernoviki. Raskopki na o. Berezan' i dr. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkhelogicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 915.
- Boltenko M. F. Avtobiografiia. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkhelogicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. B/n.
- Domanskii Ia. V., Solov'ev S. L. Otchet o rabote Berezanskoii arkhelogicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 1989 godu. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. D. 1989/140.

Чистов Д.Е., Колесниченко А.Н. Раскопки 1904–1929 гг. ...

- Zagal'nii plan rozkopuvan' na ostrovi Berezani 1927–1928 gg. Rozkop B8. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 69112.
- Zagal'nii plan rozkopuvan' na ostrovi Berezan' v 1928 r. z zaznachenniam mist's' poperednikh rozkopuvan'. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Fond M. F. Boltenko. B/n.
- Knipovich T. N. Dnevnik raskopok na o. Berezan'. Raskop A, 1929 g. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59203.
- Kobylyna M. M. Dnevnik raskopok na o. Berezani 1928 g. Raskop B8. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59201.
- Kobylyna M.M. Dnevnik raskopok na o. Berezan' v 1928 g. Raskop B8. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59202.
- Kozubovskii F.A. Dnevnik raskopok na o. Berazan' 1931 g. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59227.
- Kolesnichenko A. N. M. F. Boltenko i arkheologicheskie issledovaniia na o. Berezan': neizvestnye stranitsy lichnogo arkhiva M.F. Boltenko. *Istoriia arkheologii: lichnosti i shkoly. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii k 160-letiiu so dnia rozhdeniia V. V. Khvoiki* (Kiev, 5-8.10.2010). SPb., 2011, pp. 181–186.
- Kolesnichenko A. N. Nauchnaia deiatel'nost' M. F. Boltenko v Odesskom arkheologicheskom muzee s 1921 po 1934 g. Bruiako I. V. (Ed.). *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia*. Odessa, 2015, vol. 13, pp. 293–300.
- Krutilov V. V., Chistov D. E. K voprosu o rekonstruktsii planirovki Berezanskogo poseleniia vo vtoroi polovine VI – pervoi treti V v. do n. e. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Voprosy urbanizatsii. Materialy XIII Bosporskikh chtenii*. Kerch', 2012, pp. 238–244.
- Kryzhitskii S. D. K tipologii rannikh zhilykh domov Berezani. *VDI*, 2006, vol. 1, pp. 104–116.
- Krysin G. P. Dnevnik raskopok na o. Berezan'. Raskop Zh, 1929 g. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59205.
- Lapin V. V. Berezan' i problema genezisa Severoprichernomorskoii tsivilizatsii (rukopis' monografii). *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. 1978. F. 24. № 58.
- Mantsevich A. P. Dnevnik raskopok na o. Berezan'. Raskop B8, 1929 g. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59204.
- Plan ostrova Berezani i proizvedennykh na nem raskopov. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk*, 1907, D.3 L. 41
- Plan ostrovu Berezani z zaznachenniam mist's' poperednikh rozkopuvan' i proektov. na maibutnii chas. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia Natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. B/n.
- Plan raskopa A (gorodishche). O-v Berezan', Khersonskaia gub. 1905 g. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk*, F-1. 1905. D. 72, L.89.
- Plan raskopa A1 na ostrove Berezani. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk*, F-1. 1907. D.3 L.42.
- Plan raskopok na o. Berezan'. Raskop «B» 1909 g. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59580.
- Plan raskopok na o. Berezan'. Raskopa "A" 1904 g. i sleduiushchikh godov. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 59579.
- Plan raskopok na o. Berezan'. Raskopy S 4–6. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. B/n.
- Plan raskopok na ostrove Berezan' (1904–1927 gg.). *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. № 69111.
- Plan rozkopuvan' na o. Berezani rr. 1904 – 1929. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. B/n.
- Plan rozkopuvan' na o. Berezan' v 1928 roku. Rozkop A1. Z zaznachenniam mist's' poperednikh rozkopuvan'. 454

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy.*
B/n.
- Prushevskaia E. Dnevnik raskopok na o. Berezani 1928 g. Raskop A. *Nauchnyi arkhiv odesskogo arkheologicheskogo muzeia natsional'noi akademii nauk Ukrainy.* Inv. № 59200.
- Solov'ev S. L. Istoricheskaia geografiia i topografiia Berezani. Solov'ev S. L. (Ed.). *Borisfen – Berezan'. Arkheologicheskaia kolleksiia Ermitazha.* SPb., 2005, vol. 1, pp. 16–25.
- Shtern E. R. Otchet o rabotakh na o. Berezani v 1909 g. *Zapiski odesskogo obshchestva istorii i lrevnosteï.* 1910, vol. 28, pp. 80–91.
- Shtern E. R. Otchet o raskopkakh na Berezani letom 1907 g. *Zapiski odesskogo obshchestva istorii i lrevnosteï.* 1907, vol.27, pp. 68–71.
- Shtern E. R. Raskopki na o. Berezani. *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1906 g.* SPb., 1909, pp. 50–58.
- Shtern E. R. Raskopki na o. Berezani. *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1907 g.* SPb., 1910a, pp. 66–75.
- Shtern E. R. Raskopki na o. Berezani. *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1909-1910 g.* SPb., 1913, pp. 105–117.
- Shtern E.R. *Otchet o raskopkakh na ostrove Berezani letom 1913 goda.* Odessa, 1914. pp. 78–108 (otdel'nyi ottisk).
- Ianenko A. S. Kombinat Chornomors'kikh arkheologichnikh ekspeditsii narodnogo komisariatu osviti USRR (30-ti rr XX st.). *Materiali II Mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferentsii "Arkasivs'ki chitannia"*. Nikolaev, 2012, pp. 96–98.
- Chistov D. E. The civic centre of Archaic Borysthenes: a new approach to localization. Tsatskhladze G. (Ed.). *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC-10th Century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities.* London, 2015, pp. 403–413.
- Chistov D. E., Krutilov V. V. The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement. Povalachev N. (Ed.). *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov.* Göttingen, 2014, S. 209–230.
- Solovyov S. L. *Ancient Berezan: The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea.* Leiden-Boston-Köln, 1999.

Резюме

Планомерные раскопки последних десятилетий позволили существенно уточнить пространственную организацию и реконструировать планировку архаической ионийской колонии на острове Березань. Вместе с тем, планы нескольких больших участков, расположенных в северной части современного острова, не были нанесены на сводный археологический план Березани, поскольку целиком никогда не публиковались. В результате проведенного анализа чертежей раскопок Э.Р. фон Штерна 1904–1909 и 1913 гг. и М.Ф. Болтенко 1927–29 гг., хранящихся в научных архивах Института истории материальной культуры РАН (Петербург) и Одесского археологического музея НАНУ, путем совмещения их с современным топографическим планом острова получена реконструкция сводного плана участков «А¹», «В⁸», «С⁴⁻⁶» и «Ж» с раскрытыми на них строительными остатками. Эти участки помещены на общий археологический план Березани: таким образом, впервые получена целостная картина архаической жилой застройки, исследованной в северной и центральной частях острова с начала XX в. и до наших дней.

Ключевые слова: Березань, Борисфен, Северное Причерноморье, история археологии.

Summary

As the result of the ongoing investigations of the last decades substantial progress has been made in the study of the spatial organisation and town-planning of the Archaic Ionian colony on the Berezan island. Meanwhile, plans of the several excavated sectors, located in the Northern area of the modern island, were never included into the general archaeological plan of the Berezan settlement, since this drawings never have been published. As the result of the analysis of the drawings and blueprints of the sectors, excavated by E. R. von Stern (1904-1909, 1913) and M. F. Boltenko (1927-29), now stored in the collections of the scientific archives of the Institute for the History of material Culture (St.Petersburg, Russia) and Odessa Archaeological museum (Ukraine) this plans were combined together with the modern topographical plan of the Berezan island, and the reconstruction for the combined plan for the sectors A¹, B⁸, C⁴⁻⁶ and Zh was finally prepared. These sectors were placed into the General archaeological plan of the whole site: thus, for the first time a complete picture of archaic residential built-up areas was obtained, which has been investigated in the northern and central parts of the island since the beginning of the XX century until the present day.

Keywords: Berezan, Borysthene, North Pontic region, history of Archaeology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чистов Дмитрий Ефимович,

к.и.н., ст.н.с. Отдела античного мира Государственного Эрмитажа.

190000, С.-Петербург, Дворцовая наб., 34.

+79112112560

D.chistov@gmail.com

Колесниченко Анжелика Николаевна,

Одесский археологический музей Национальной академии наук Украины,

младший научный сотрудник отдела научной обработки и хранения фондов.

380480933478871

magtaban1984@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chistov Dmitry E.,

Ph.d. Department of Greek and Roman Antiquities, State Hermitage museum,

190000, St-Petersburg, Dvortsovaya emb., 34.

+79112112560

D.chistov@gmail.com

Kolesnychenko Anzhelika N.

Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine.

380480933478871

magtaban1984@gmail.com

ПЛАН О-ВУ БЕРЕЗАНІ

З ЗАЗНАЧЕННЯМ МІСЦЬ ПОПЕРЕДНІХ
РОЗКОПУВАНЬ І ПРОЄКТОВ. НА МАЙБУТНІЙ
ЧАС.

Рис. 1. План острова Березань с обозначением мест прежних раскопок и проектированных на будущее время. Архив ОАМ НАНУ.

Рис. 2. План раскопок на острове Березань 1904 – 1929 гг. (раскопы «А¹», и «В⁸»)
Архив ОАМ НАНУ.

З ЗАЗНАЧЕННЯМ МІСЦЬ ПОПЕРЕДНІХ РОЗКОП

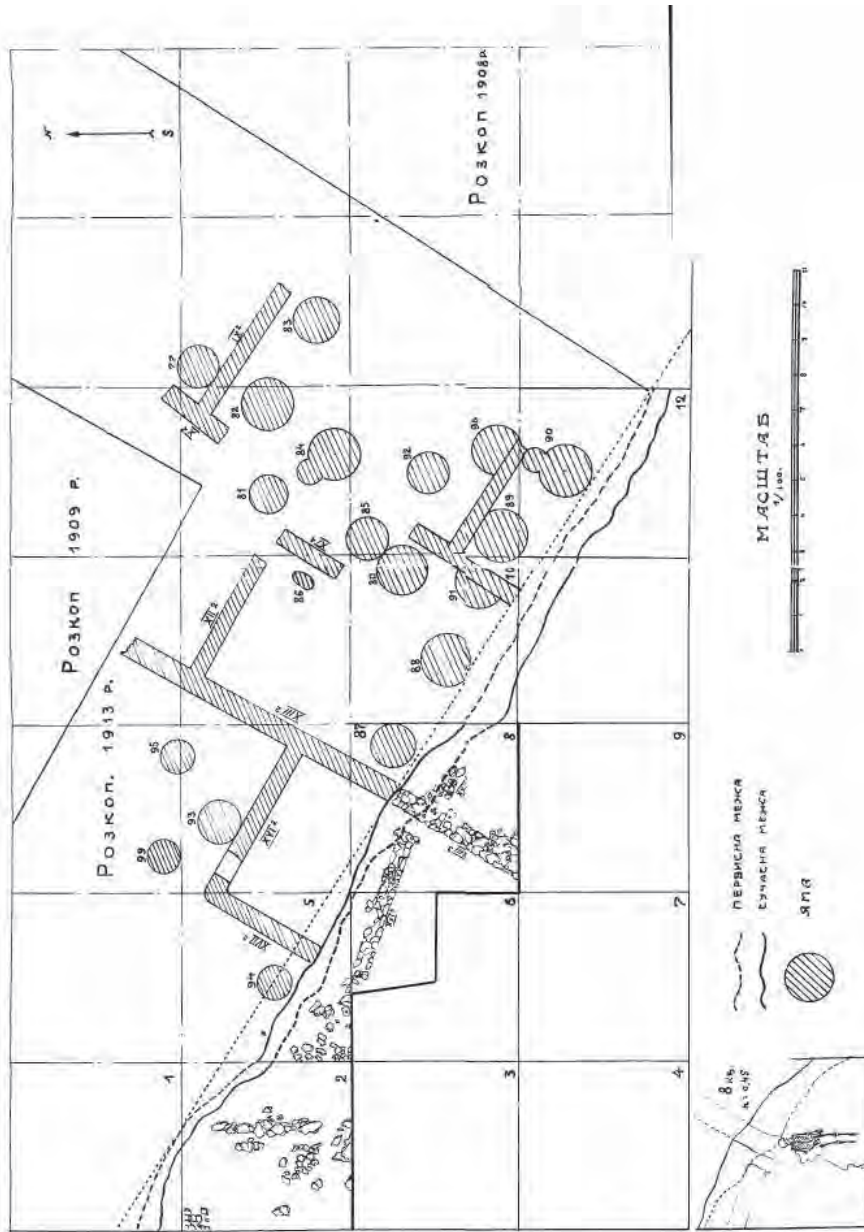

Рис. 3. План прирезки к раскопу «А» на 1928 г. Архив ОАМ НАНУ.

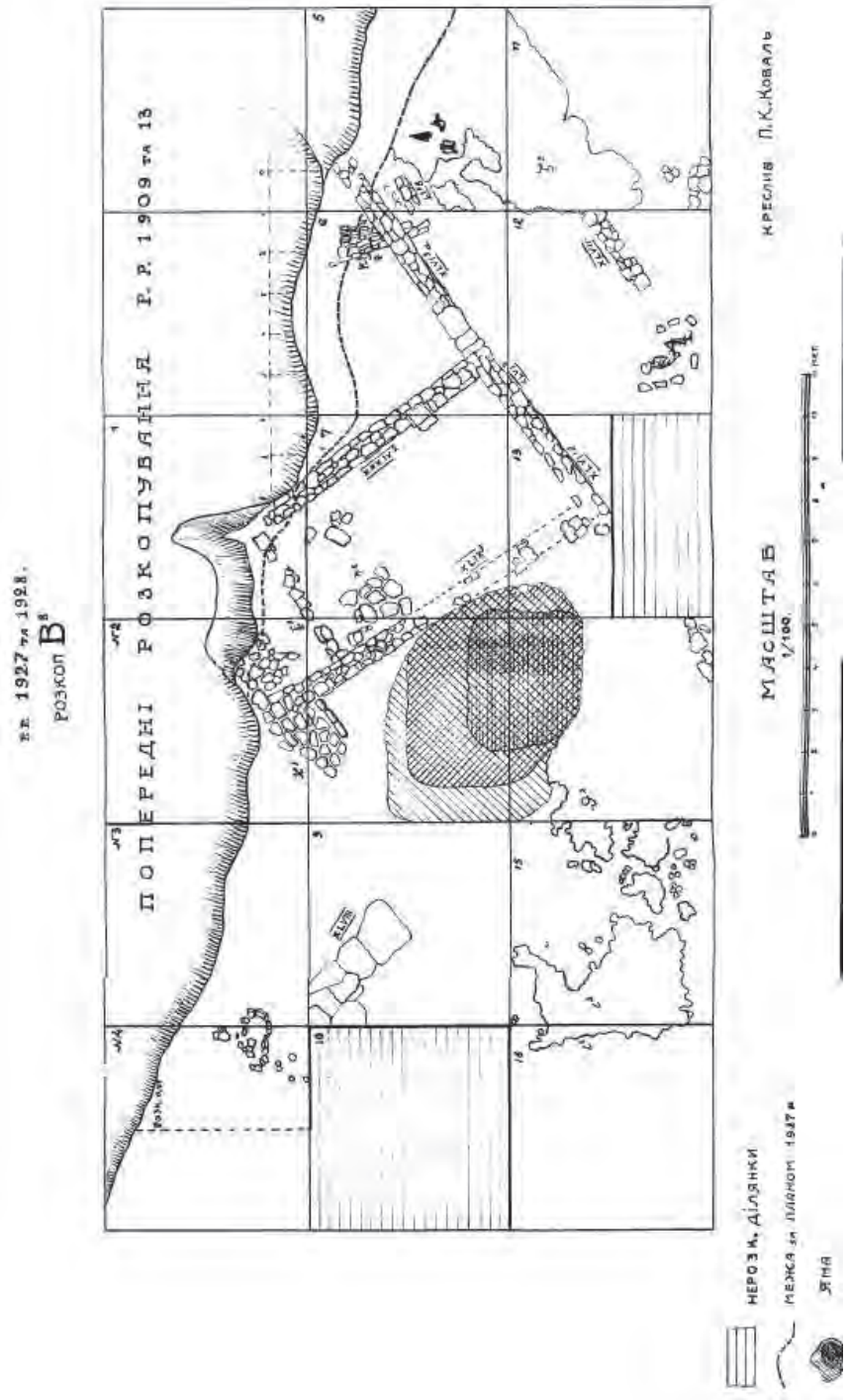

Рис. 4. План прирезки к раскопу «В» на 1928 г. Архив ОАМ НАНУ.

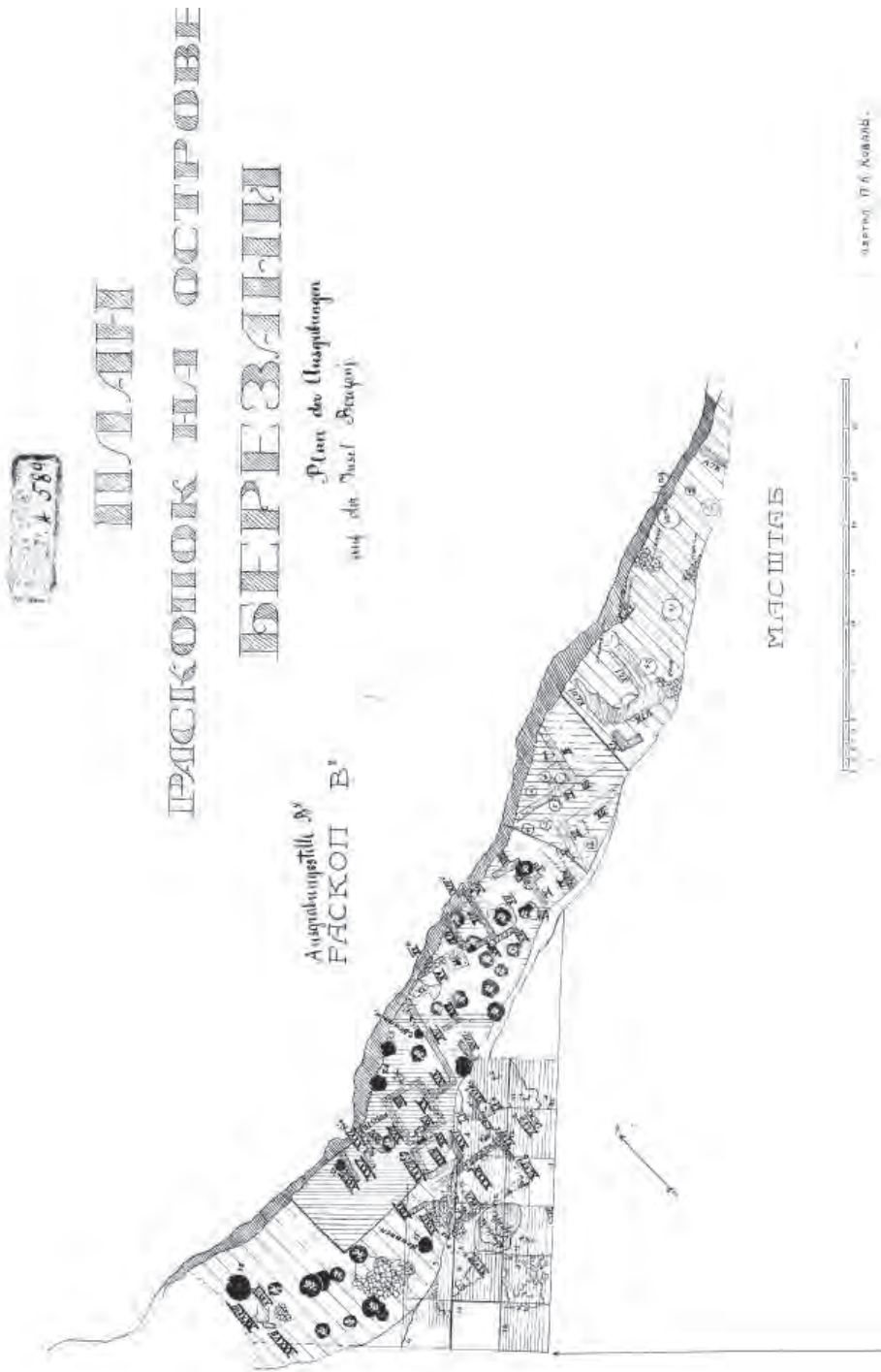

Рис. 5. Сводный план раскопа «В» на 1928 г. Архив ОАМ НАНУ.

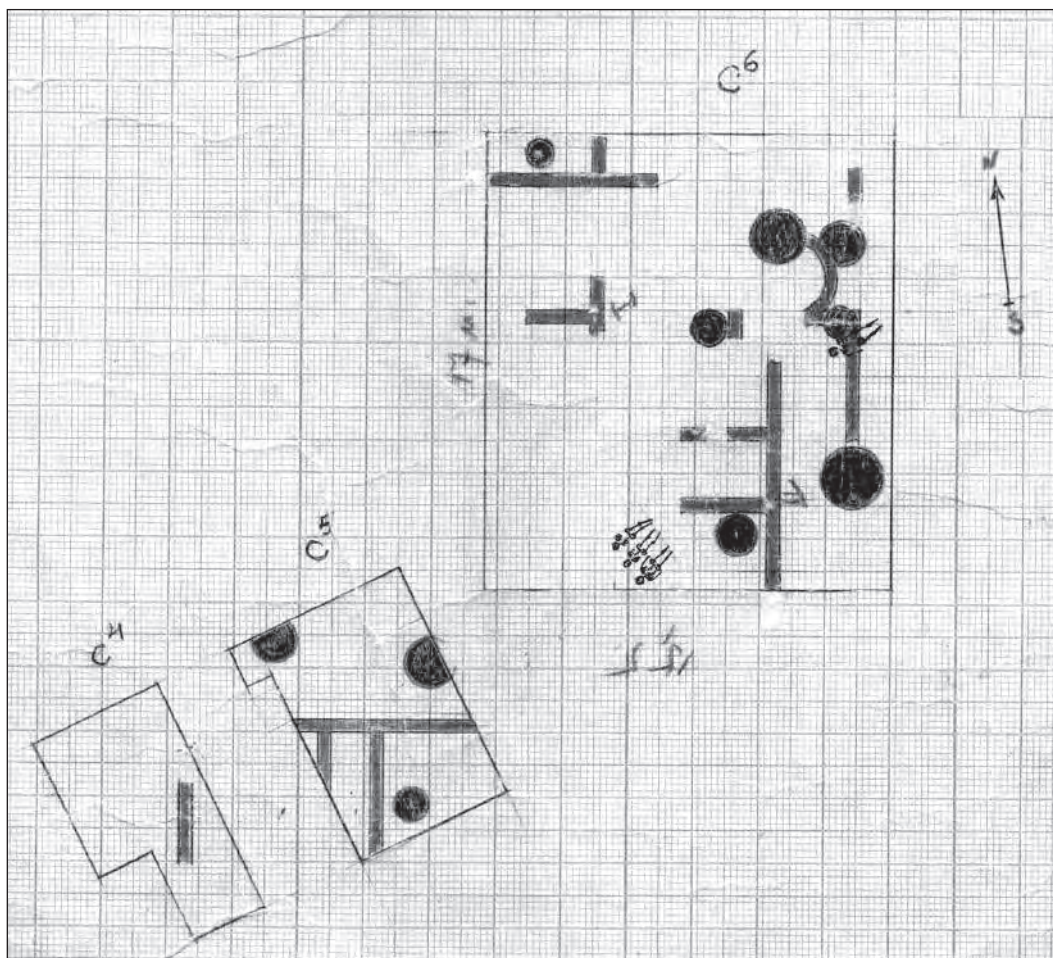

Рис. 6. План раскопов «С⁴⁻⁶». Архив ОАМ НАНУ.

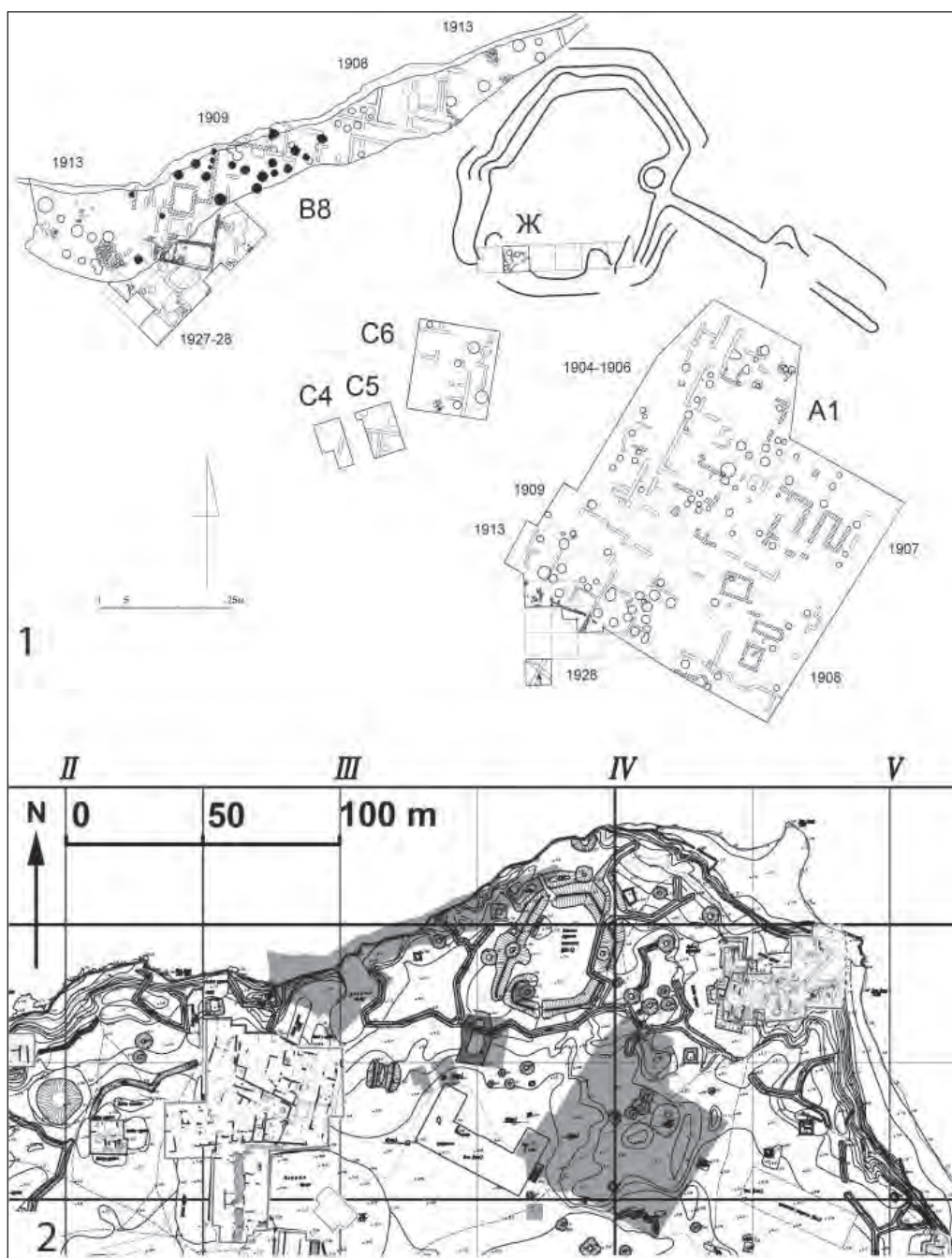
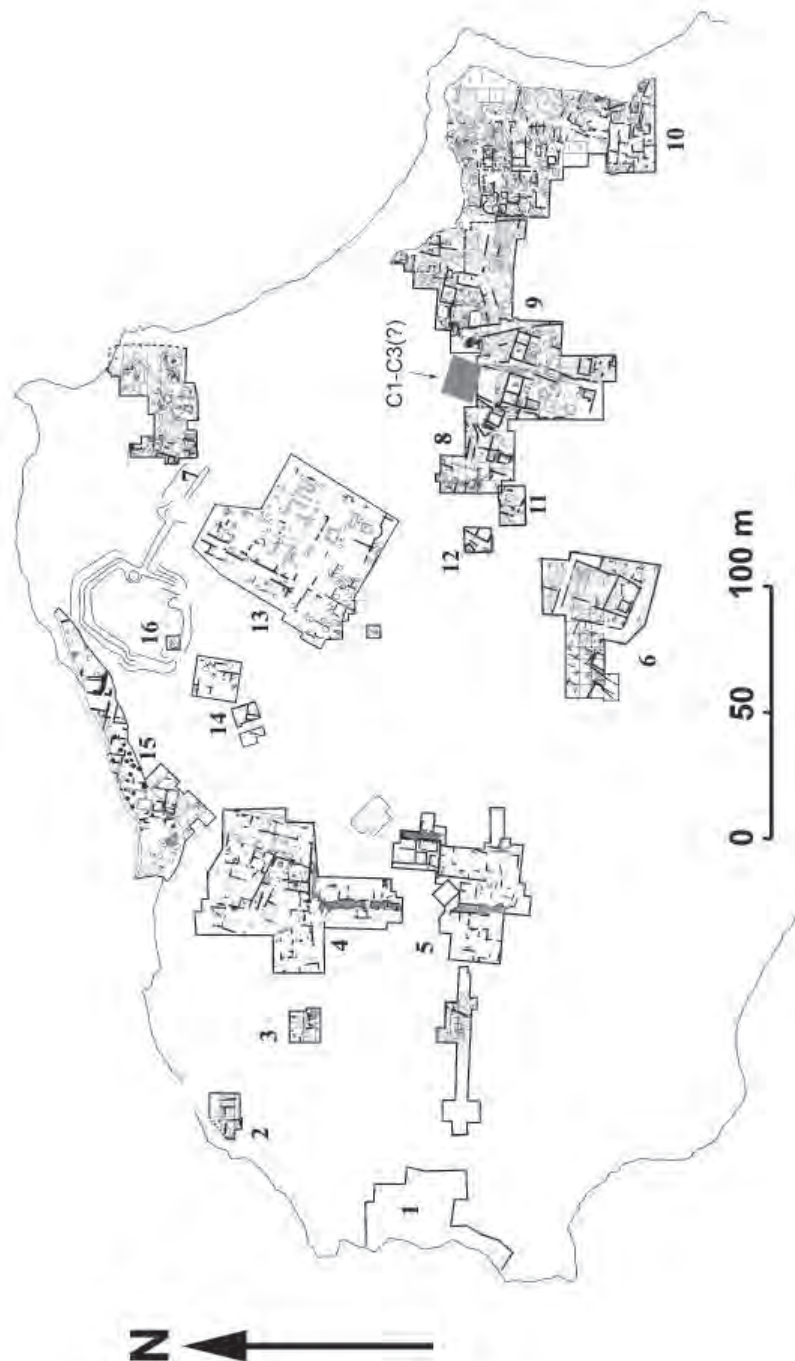

Рис. 7.

1 – реконструированный сводный план участков «А¹», «В⁸», «С⁴», «С⁵», «С⁶».
 2 – контуры участков «А¹», «В⁸», «С⁴», «С⁵», «С⁶» на современном топографическом плане.

Рис. 8. Сводный план участков раскопок в северной части о. Березань. Номера участков на плане:
1 – некрополь, 2 – раскоп «С-1», 3 – раскоп «С-2», 4 – раскоп «Северо-западный Б», 5 – раскоп «Северо-западный А», 6 – раскоп «Г»,
7 – раскоп «Г», 8 – раскоп «Р-1в», 9 – раскоп «О – западный» (1991–2015), 10 – раскоп «О-восточный» (1960–1980), 11 – раскоп «Р1-э»,
12 – раскоп «ГШ», 13 – раскоп «А», 14 – раскопы «С¹⁻⁶», 15 – раскоп «В», 16 – раскоп «Ж».

Рис. 9. Планы раскопок на острове Березань 1927 г. (раскопы «А¹», «С¹⁻³» и «В⁸»).
Архив ОАМ НАНУ.

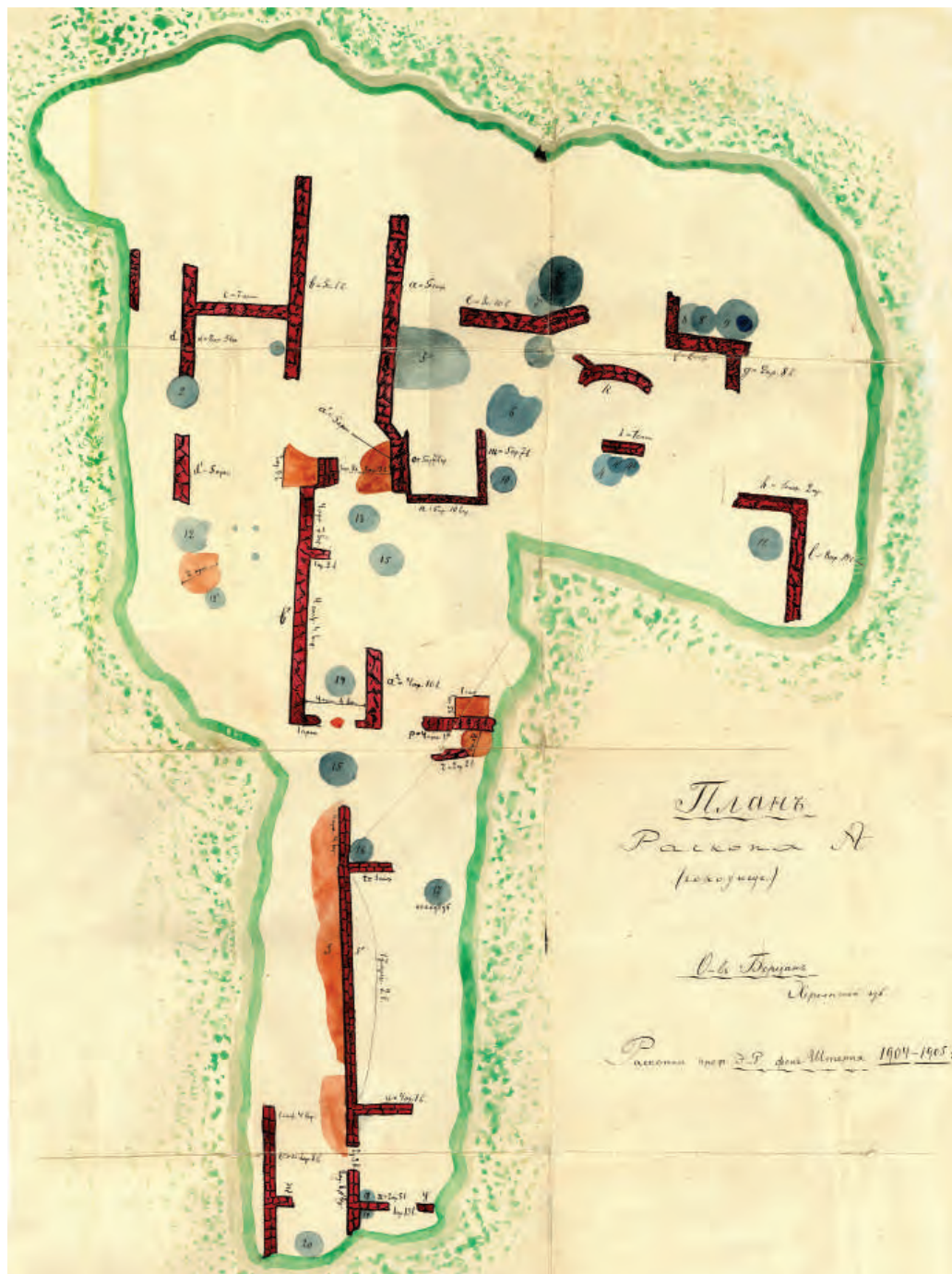

Рис. 10. План раскопа «А» за 1904-1905 г. Архив ИИМК.

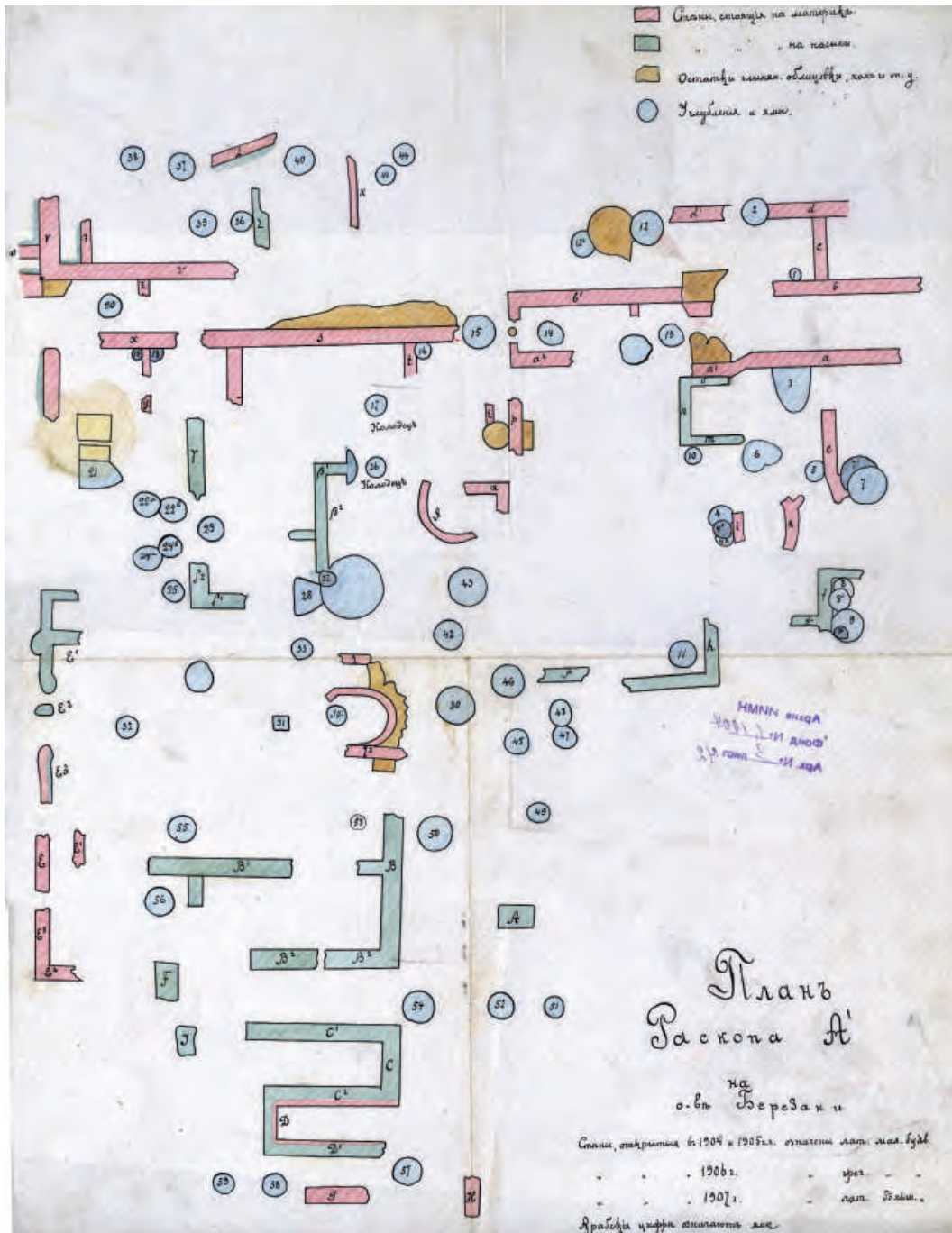

Рис. 11. План раскопа «А¹» на 1907 г. Архив ИИМК.

Чистов Д.Е., Колесниченко А.Н. Раскопки 1904–1929 гг. ...

Рис. 12. План раскопа «А» на 1913 г. Архив ОАМ НАНУ.

Е.А. МОЛЕВ

E.A. MOLEV

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БОСПОРА
В МАТЕРИАЛАХ I–V БОСПОРСКИХ ЧТЕНИЙ
THE ETHNOPOLITICAL HISTORY
OF THE BOSPORUS MATERIALS I–V BOSPORAN READINGS**

В древних обществах решение тех или иных политических задач всегда в большой степени от этногенетических процессов, происходящих в обществе. Не представляет собой исключения и античная история. Племенная принадлежность использовалась в политических целях по-разному. Всем известен классический случай спора Афин и Мегар о принадлежности им острова Саламина. Какие-то пифийские оракулы, как сообщает Плутарх (Plut., Sol. X), назвали Саламин «Ионией», и этот факт оказался сильнее желания представителей дорического племени спартанцев, выступавших в качестве судей, помочь своим соплеменникам мегарцам. Для эллинских колоний, расположенных на далекой периферии античного мира, эта проблема также была актуальной, но еще более значимым здесь выступало взаимодействие античной цивилизации с варварской периферией, поскольку итоги этого взаимодействия в различных районах античной ойкумены были иногда сравнительно близкими, но никогда не были одинаковыми [Молев, 2016, с. 289].

Целью нашей работы является изучение процесса исследования этнополитических проблем в материалах первых пяти Боспорских чтений. Избрание для этого опубликованных материалов только пяти чтений не случайно. В процессе работы стало очевидно, что число авторов, которые на материалах собственных археологических исследований, изучения памятников эпиграфики, нумизматики, а также новом прочтении письменных источников уделили внимание этим вопросам, весьма велико. Это вынудило меня ограничиться пока только этим периодом, но в перспективе эта работа будет продолжена.

Из всех античных государств Причерноморья наиболее интенсивно процессы взаимодействия эллинов и варваров протекали на Боспоре. Степень интенсивности взаимодействия в экономическом и культурном отношении эллинских колонистов и местного населения на территории Боспора относится к числу ключевых проблем истории этого государства. Данная проблематика в разных ее аспектах не раз привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей по истории Боспора. В отечественной науке она развивается наиболее успешно именно благодаря ежегодным Боспорским чтениям в г. Керчь и проходящему раз в два года в Санкт-Петербурге «Боспорскому феномену».

его существовании свидетельствует только вещевой материал) как исключительно торговые фактории вряд ли можно. Это, несомненно (по крайней мере, для меня), уже колонии с целью переселения на новое место жительства, а не с целью торговли.

Наше исследование мы начнем с информации об **этническом составе** населения Боспора и рассмотрим ее в хронологическом порядке. Первый обзор находок каменного века на территории будущего Боспорского государства дает С.А. Шестаков [Шестаков, 2002, с. 276–279]. Автор приводит информацию Л.Г. Мацкевого [Мацкевой, 1977, с. 3] о количестве памятников мезолита и неолита на Керченском полуострове и дополняет этот список своими находками. По его мнению, опубликованный материал свидетельствует о приморском типе поселений каменного века, в которых обитали преимущественно рыболовы, и их сезонном характере, поскольку следов культурного слоя на них не зафиксировано. Наличие, по крайней мере, части находок каменного и бронзового века на античных поселениях автор склонен связывать с использованием их боспорянами в качестве сакральных или апотропических предметов. Этнос населения Восточного Крыма по этим находкам не определяется.

Состав населения Нимфея в IV в. до н.э. по материалам новых находок рассматривает в ряде сообщений В.Н. Зинько [Зинько, 2000, с. 61–65; Зинько, 2001, с. 35–41; Зинько, 2004, с. 143–151]. Он отмечает, что вопрос об этносе самый трудный и запутанный и, тем не менее, главным проявлением этнических процессов в IV в. до н.э. является, по мнению автора, постепенное смешивание различных этнических групп. С этим нельзя не согласиться. Но чье влияние было сильнее – эллинизация или варваризация? Автор оставляет это без ответа, хотя отмечает, что «варварское население составляло, вероятно, наиболее значительную массу жителей на большинстве сельских поселений нимфейской хоры, за исключением приморских [Зинько, 2004, с. 150].

В нескольких докладах рассмотрены этнические характеристики по материалам некрополей боспорских городов и поселений. Приведенные в докладе М.Ю. Вахтиной данные подтверждают принадлежность погребения с архаической ойнохоей на Темир-Горе скифам и позволяют говорить о том, что «скифская археологическая культура в Северном Причерноморье отличалась высокой степенью восприимчивости» [Вахтина, 2002, с. 32]. И это действительно так, поскольку и другие наши источники (особенно ювелирные изделия, см. Молев, 2015, с. 57–65; Молев, 2015А, с. 275–281) приводят к такому же выводу.

Характеризуя в своем докладе курганные захоронения скифской знати на некрополе Нимфея, Д. Е. Чистов приходит к выводу о вероятности союза жителей города с одной из племенных групп скифов [Чистов, 2002, с. 261] и поддержки горожан представителями еще доскифского населения, которое могло быть и зависимым. Но в целом он считает, что по инвентарю погребений в то время (2002 г.) «определить реальный характер контактов нимфейских жителей с номадами не представляется

если не сказать роскошным» [Кашаев, 2004, с. 188]. Сопоставляя свои находки с раскопками прежних лет В.Д. Блаватского, автор приходит к выводу, что эти погребения могли принадлежать разным группам населения, поскольку между III в. до н.э. и I в. н.э. жизнь на поселении прерывалась.

Оценка состава населения боспорских городов по материалам некрополей позволяет в некоторой степени оценить картину их взаимоотношений между собой и этнический состав населения. Так, в докладе Н.П. Сорокиной и Н.И. Сударева рассмотрены погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. Авторы выделяют типы погребений некрополя и приходят к выводу, что ранний некрополь Кеп имел ряд отличий от других ранних некрополей (в т.ч. и Пантикапея), но имеет ряд схожих черт с некрополями Нимфея, Фанагории и у пос. Пересыпь [Сорокина, Сударев, 2004, с. 357]. Это дает основание предполагать близость метрополий последних городов и соответствует сведениям письменных источников, согласно которым Кепы были основаны Милетом (Ps. Scymn, 896–899), а Фанагория – Теосом (Ps. Scymn 886–899; Агг., PPE, 60). Обе метрополии были ионийскими городами. Правда, изначально Теос был эолийским городом, но ко времени колонизации он уже был полностью освоен ионийцами.

В целом приведенные в докладах материалы некрополей немногим изменяют ранее сложившуюся картину этнополитической ситуации на Боспоре, но все же дополняют ее новыми сведениями, позволяющими уточнить высказанные ранее положения.

Ряд докладов посвящен вопросам этнической ситуации на Боспоре по отдельным материалам городищ и поселений. Так, в докладе Шепко-Куликова-Соловьева рассмотрены полуземлянки на хоре Акры (поселение Заветное 5). Не вдаваясь в дискуссию об этнокультурной принадлежности обитателей земляночных жилищ, авторы все же отмечают их крайне примитивный архитектурный облик на фоне античного домостроительства IV–III вв. до н.э. и большой процент лепной «беспорно негреческой», по мнению авторов, посуды [Шепко, Куликов, Соловьев, 2003, с. 237]. Что касается последней, то отсутствие иллюстраций не позволяет принять этот тезис с уверенностью, поскольку в то время в ближайшем районе от хоры Акры, в Китее, значительная часть лепной керамики все же принадлежала грекам [Гаврилюк, Молев, 2013, с. 104].

В докладе Е.В. Грицик характеризуются находки предметов вооружения на поселении Вышестеблиевская 11. Среди них скифские – стрела и пластинка чешуйчатого панциря, греческое – лезвие меча (махайра). Тщательно исследовав особенности новых материалов с поселения, автор отмечает, что в некрополях античных городов оружие греческих типов практически отсутствует, а обломки мечей встречены только на поселениях [Грицик, 2004, с. 106]. Рассмотренные же на исследуемом поселении находки свидетельствуют, по ее мнению, о смешанности этнического состава его населения или, что менее вероятно, о военных столкновениях эллинов и представителей местных племен. Учитывая место расположения

Молев Е.А. Этнополитическая история Боспора ...

поселения – на берегу Цукурского лимана, действительно первое предположение выглядит более убедительным.

В докладе А.В. Гаврилова уточняются датировки поселения Новопокровка 1 в 23 км от Феодосии. Отмечается, что это было земледельческое поселение с преимущественно варварским составом населения, существовавшее с IV по начало 2 четверти III в. до н.э. [Гаврилов, 2004, с. 74–82].

Приведенные материалы поселений дают дополнительную картину сохранения варварского влияния в культуре Боспора на протяжении всего периода его истории.

В нескольких докладах даются этнополитические характеристики Боспора, исходя из интерпретации отдельных видов археологического материала (лепная керамика, зеркала, надгробия). Так, в докладе Б. Незабитковской [Незабитковская, 2002, с. 100–102] характеризуются прямоугольные зеркала и зеркала с перфорацией, которые, по мнению автора, проникли на территорию Боспора непосредственно из Римской империи, но потом началось их местное производство, основанное на собственной технологии (с. 101) и местном сырье (с. 102). При этом какая-то часть их распространялась среди сарматских племен. Современные исследования аналогичных зеркал показывают правоту выводов автора и перспективность избранного им направления исследований данного типа археологического материала.

Доклад Зубарева-Масленникова-Крайневой посвящен анализу лепной керамики поселения у с. Белинское, как источнику по этноисторической картине местного населения. Рассмотрено 1200 экземпляров целых форм и фрагментов. Авторами прослежено увеличение доли лепной посуды в керамическом комплексе поселения с 40% (II в. – сер. III в. н.э.) до 60,4% (2-я пол. IV в. – 1-я пол. V в. н.э.). Технология производства лепной керамики за все это время претерпела незначительные изменения, что свидетельствует о сохранении постоянного этнического состава населения, а рост количества лепной посуды, по мнению авторов, является показателем снижения уровня материального достатка жителей поселения [Зубарев, Масленников, Крайнева, 2004, с. 161]. О том, кем было это местное население, в тезисах доклада прямо не говорится, но, вероятнее всего, судя о месторасположении поселения, речь идет о скифах.

В.П. Власов исследовал лепную керамику первых веков н.э. из зольников Пантикапея и пришел к выводу, что ее комплекс здесь позволяет говорить о нескольких генетически разнородных группах населения в составе города [Власов, 2003, с. 57], что характерно также и для комплексов Мирмекия, Тиритаки и Илурата. При этом определенная связь прослеживается с позднескифской лепной керамикой при полном отсутствии изделий, которые можно было бы связать с сарматами. Это очень важный момент, поскольку ряд находок из курганов Юз-Обы (вороворки, подвески-амулеты, перстни, комплекс вооружения), интерпретируемых как свидетельства связей с меото-сарматским миром [Виноградов Ю.А., 2005, 470

Боспорские исследования, вып. XXXV

с. 292–294; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 122], иногда считают следствием начала процесса сарматизации Боспора¹. На мой взгляд, этот факт говорит о поступлении представителей меото-сарматской знати на службу к правителям Боспора или, скорее, о заимствованиях у них боспорянами ряда элементов их культуры (прежде всего, вооружения). Массового же переселения сарматов на Европейский Боспор не было и в первые века н.э. И это подтверждается приведенными в докладе В.П. Власова данными.

Интересные данные по находкам стел с иудейской символикой приводят Н.В. Кашовская и С.В. Кашаев. Рассмотрев вопрос о плитах с иудейской символикой на Боспоре, они пришли к выводу, что время их появления связано с установлением власти Митридата Евпатора, и публикуют три новых аналогичных надгробия с поселения Вышестеблиевская 11. На одном из них, аналогичном по характеру изображения находке А. Люценко [Люценко, 1876, с. 576], изображение семисвечника и тамги. Эти плиты представляют, по мнению авторов, «синтез трех традиций – греческой, еврейской и местной – свойственный именно Боспору» [Кашовская, Кашаев, 2002, с. 136] и отражают этноконфессиональную ситуацию в государстве, существующую с I по IV в. н.э. (с. 137). Замечание очень важное, поскольку позволяет оценить дальнейший процесс развития духовной жизни на Боспоре в направлении к христианству.

Доклад В.А. Сидоренко и В.Н. Зинько посвящен воинскому медальону с клятвой Зевсу Димеранскому, найденному на Боспоре. Эта находка является важным документальным свидетельством пребывания здесь в конце II в. – первой пол. III в. н.э. римского контингента войск, комплектовавшегося из фракийцев [Сидоренко, Зинько, 2002, с. 221], и дает основание связывать распространение фракийских имен и культов в то время с пребыванием и, возможно, укоренением их в среде населения Боспора.

В целом приведенные материалы также вносят определенные коррективы в наши представления об этнополитической ситуации на Боспоре в римский период его истории.

Данные письменных источников, свидетельствующие об этнических группах населения Боспора, рассматривают А.П. Кулакова и Н.В. Завойкина. В докладе А.П. Кулаковой рассматривается сообщение Страбона о «клазоменских вышках». Проведя тщательный лингвистический анализ сообщения, автор приходит к выводу, что «бытующее представление о них, как о вышках для наблюдения за ходом рыбы, нельзя признать удовлетворительным, скорее это может быть топонимом – названием мыса или какого-то возвышенного места, отмеченного клазоменским присутствием» [Кулакова, 2003, с. 151]. Если это так, (а до сих пор пока никто не опроверг

---

¹ В последних (по времени публикации) исследованиях материалы Пятого Ак-Бурунского кургана связываются с синдами. См. Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Юз-Оба – курганный некрополь аристократии Боспора. Т.2. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь-Керчь, 2014. С. 36.

Молев Е.А. Этнополитическая история Боспора ...

эту версию), то это существенно меняет наши представления о роли клазоменцев в колонизации Боспора.

Н.В. Завойкина в своем докладе обобщает характеристику племени танаитов по материалам письменных источников и приходит к выводу, что наши знания об этом племени не выходят за пределы первой половины I в. н.э., и предлагает отказаться от ранее высказанных гипотез о танаитах и «акцентировать внимание на конкретно-историческом рассмотрении сведений эпитафических источников и на новациях в социально-политической организации Танаиса со второй половины II в. н.э.» [Завойкина, 2004, с. 136]. Это, несомненно, справедливо, но не вполне понятно, на каком основании оценивать эти самые «новации в социально-политической организации Танаиса». Это ведь все равно остается в значительной степени в рамках предложенных ранее гипотез.

Все представленные выше материалы, взятые в совокупности, существенно дополняют наши сведения об этнических процессах на Боспоре и позволяют уточнить и даже изменить некоторые исторические гипотезы о роли тех или иных этнических элементов на Боспоре и более наглядно представить процесс формирования той этнической общности, которую Страбон назвал «боспоряне».

Значительную часть материалов чтений составляют проблемы **политической истории** Боспора, которые в большинстве случаев так или иначе связаны и с этническими проблемами. Рассмотрим сначала те из докладов, которые посвящены политической истории Боспора по материалам городищ и поселений. Среди них доклад В.С. Борисовой [Борисова, 2003, с. 21–25], который носит обобщающий характер о вероятных формах политической организации доархеанактидовского Боспора и уточняет роль эпойков в процессе их формирования.

Гораздо более информативны остальные доклады, позволяющие сделать вывод о военном противостоянии скифов и эллинов во второй половине VI в. – первой четверти V в. до н.э. Приведенные авторами новые археологические материалы свидетельствуют о строительстве самой ранней на Боспоре крепости Порфмий во второй половине VI в. до н.э. и возведении около нее большого жилого комплекса, построенного на горелом слое рубежа VI–V вв. до н.э. [Вахтина, 2003, с. 46, 48].

С тем же временем связывают разрушение землянки 10 в Пантикапее В.П. Толстикова, Д.В. Журавлева, Г.А. Ломтадзе [Толстикова, Журавлева, Ломтадзе, 2003, с. 264]. Кроме того, они отмечают следы пожаров в Пантикапее в 3 ч. VI в. до н.э., на рубеже 20–10-х гг. VI в. до н.э. и на рубеже 90–80-х гг. V в. до н.э. Причем в одном из них найдено 20 стрел, явно свидетельствующих о военном нападении. Это особенно усиливает версию о скифских набегах на территорию Боспора, как причину объединения боспорских городов, высказанную еще Ю.Г. Виноградовым [Виноградов Ю.Г., 1983, с. 398 и сл.].

Следы разрушений первой четверти V в. до н.э. открыты и в Мирмекии [Бутягин, 2004, с. 52]. С разрушениями рубежа VI–V вв. до н.э. в Порфмии и Пантикапее коррелируется находка клада кизикинов в Мирмекии, датированных этим временем.

Таким образом, мы получаем новые и достаточно серьезные данные, позволяющие изменить некоторые наши прежние представления о характере скифо-эллинических отношений на Боспоре в период архаики.

К тому же периоду относятся доклады Д. Браунда и С.Р. Тохтасьева. Д. Браунд предлагает ввести в историю Боспора новый и вполне вероятный, по его мнению, источник – сообщение комического поэта Антифана в «Пире софистов», поскольку боспорский правитель Селевк «кажется, был единственным царем по имени Селевк, о котором Антифан (и его аудитория) мог знать [He seems to have been only King Seleucos about whom Antiphanes (and his audience) might have known Braund, 2003, с. 304]. При этом автор не отвергает и возможности ошибочного отнесения данного отрывка к Антифану, и мне это кажется более правильным, поскольку то, что говорится в данном отрывке о Селевке, очень трудно отнести к боспорскому правителю с таким именем. Мы даже не знаем, когда и при каких обстоятельствах он умер. Поэтому включать данный отрывок в историю Боспора я не вижу серьезных оснований.

С. Р. Тохтасьев в своем докладе, анализируя проблему происхождения титулатуры Спартокидов, справедливо отмечает, что «политический вес Ахеменидской империи... был настолько велик, что северопонтийские греки просто не могли не иметь с ней каких-либо контактов... но это вовсе не значит, что Боспор мог находиться в прямом подчинении Персии» [Тохтасьев, 2001, с. 161–164]. Отметим, что анализ всех имеющихся на сегодня источников по этому вопросу [Молев, 2016, с. 17–29] подтверждает данное наблюдение С.Р. Тохтасьева.

Период эллинизма в истории Боспора по материалам раскопок городищ и поселений рассмотрен в целом ряде докладов. В них отмечается несколько новых характеристик этого периода. Ранний его период по материалам разрушений в городах европейской и азиатской части Боспора, блестяще, на мой взгляд, проанализированный А.А. Завойкиным, связывается с вероятными десантами гераклеотов во время войны за Феодосию около 364 г. [Завойкин, 2004, с. 130]. Это прекрасное археологическое подкрепление версии нарративных источников о данном событии в истории Боспора.

Не менее тщательно проанализировано и важнейшее событие периода эллинизма на Боспоре – кризис первой половины III в. до н.э. В.П. Глебов, рассмотрев все известные на то время (2003 г.) археологические и нарративные материалы, связанные с кризисом, пришел к выводу, что «непосредственной причиной катастрофы были военные действия» [Глебов, 2003, с. 81], но Нижнее Подонье не могло быть базой сарматских набегов, т.к. регион еще не был заселен сарматами. Уход варваров и греков с Елизаветовского городища скорее связан с боспорскими неурядицами (может быть, войной сыновей Перисада I) [Глебов, 2003, с. 84], но не с сарматским нашествием. И, таким образом, концепция сарматского завоевания степей Северного Причерноморья в конце первой трети III в. до н.э. не более обоснована, чем все остальные [Глебов, 2003, с. 86]. Это заключение вносит существенные изменения в

Молев Е.А. Этнополитическая история Боспора ...

существующие до сих пор концепции кризиса III в. до н.э. и, вероятно, еще не раз будет пересматриваться.

Характеризуя восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н.э., Д. Е. Чистов отмечает преемственность планировки городских кварталов с классики до эллинизма на раскопе «И» [Чистов, 2004, с. 394] и отсутствие разрушений 2-й четверти IV в. до н.э. в этом районе в отличие от припортовой части города. Однако с чем это связано, автор не уточняет. Во всяком случае, такая ситуация вряд ли может быть увязана с военным нападением на город и его взятием. Скорее, здесь можно говорить о внезапном ударе пиратов с моря, которым, тем не менее, не удалось захватить город.

Период эллинизма характеризуется также превращением Феодосии с серией небольших крепостей в III в. до н.э. в центр укрепленного района на западных границах Боспора, причем одно из них было разрушено, по мнению автора раскопок (и доклада), во время подавления восстания Савмака Диофантом [Гаврилов, 2001, с. 28].

Еще один любопытный факт в истории периода – при раскопках в поселении Виноградный 1 в степном Закубанье, имевшем смешанное население и являвшемся, вероятно, торговой факторией Боспора, обнаружены в слое пожара ядра баллисты и пращей, что позволило автору раскопок сделать вывод о том, что поселение погибло в результате внутригосударственных усобиц [Шевченко, 2004, с. 417], а не нападения варваров. Данных о таких усобицах в письменных источниках нет, и этот факт (в случае его дополнительного подтверждения другими находками), несомненно, вносит новый элемент в характеристику процесса политической жизни Боспора.

Заключительному периоду эллинизма на Боспоре посвящены доклады, рассматривающие налоги на Боспор при Митридате Евпаторе и правлении Фарнака. По мнению К.Л. Гуленкова, установить степень тяжести этих налогов сегодня невозможно, хотя большинство исследователей считают, что эти налоги были все-таки тяжелыми для Боспора [Гуленков, 2002, с. 81]. И это тем более справедливо, что сам автор в своих расчетах показывает, что сумма эта почти равнялась доходам Боспора в период его расцвета в IV в. до н.э. Поэтому налог был, несомненно, тяжелым. Не это ли стало одной из важнейших причин восстания на Боспоре против Митридата после поражений последнего в первой войне с Римом?

В моем докладе рассматривается проблема степени зависимости Боспора от Рима в период правления Фарнака, сына Митридата Евпатора. Представляется, что в то время Боспор стал вполне независимым и Фарнак унаследовал титулатуру отца, включая титул «царь царей» [Молев, 2002, с. 183]. Однако амбиции Фарнака всегда были гораздо большими, и как только представилась возможность, он попытался восстановить империю своего отца, что и погубило его.

Римский и позднеантичный периоды в истории Боспора также рассмотрены, прежде всего, по материалам археологического изучения городов и поселений.

Боспорские исследования, вып. XXXV

Благодаря этим исследованиям яснее стала роль готов на Боспоре [Айбабин, 2000, с. 5-6], роль Боспора как этноконтактной зоны [Болгов, 2001, с. 6–10], были уточнены отношения Боспора с Римом и Херсонесом [Болгов, 2002, с. 9–15], подведены некоторые итоги исследования крепости Илурад [Горончаровский, 2002, с. 68–77; он же, 2004, с. 96–103].

Из наиболее интересных докладов этого периода в истории Боспора следует особо выделить доклад Н.В. Завойкиной, в котором существенно уточнена роль сармато-аланского компонента в династии Рескупоридов по материалам царских тамг. В процессе исследования, пишет автор, «не удалось обнаружить хоть каких-либо подтверждений гипотезе о наличии сарматских тамг у царей Евпатора, Савромата II, Рескупорида II и Ининфимея... значит... надо по-новому взглянуть на присутствие и роль сармато-аланского компонента в боспорском обществе первых веков н.э.» [Завойкина, 2003, с. 102]. Тем не менее, и в настоящее время эти тамги продолжают использоваться как аргументы в истории династии боспорских царей первых веков нашей эры [Шаров, 2013, с. 43-49]. Вероятно, процесс их исследования следует продолжить.

Особому статусу города Горгииппии в период правления Аспурга посвящен доклад А.Р. Панова [Панов, 2003, с. 205–209]. Автор не только дополнительно аргументирует данную гипотезу, но и предполагает, что город и область являлись одним из опорных пунктов не только Аспурга, но и его сына и преемника Митридата VIII в борьбе последнего с Римом. [Панов, с. 208–209]. В целом аргументы автора достаточно убедительны, кроме, пожалуй, вероятности чеканки «части монет Аспурга и его преемников» в Горгииппии. Значительное количество этих монет в Горгииппии (автор ссылается на мое исследование [Молев, 1994, с. 94]) вовсе не обязательно может быть связано с местом их чеканки. Тут важнее то, что Горгииппия могла быть какое-то время резиденцией Аспурга и сохранила какие-то преимущества среди городов государства и при его преемниках Гипепирии и Митридате VIII.

Вышеприведенные материалы археологических исследований хорошо дополняют результаты сейсмологических исследований на археологических памятниках Боспора и Византии, представленные в докладах Н.И. Винокурова [Винокуров, 2002, с. 36–43; Винокуров, 2003, с. 51–55] и Болгова [2003, с. 15–20], которые позволяют думать, что определенная часть разрушений и пожаров на Боспоре была вызвана не политическими, а природными причинами. Это, разумеется, учитывая сейсмичность зоны Керченского полуострова и поныне, следует всегда иметь в виду при анализе характера разрушений в боспорских городах.

Кроме того, исследования по истории Боспора в римский период дополняются публикациями новых источников. В докладе Э.А. Хайрединовой [2001, с. 173-174] в качестве такового представлен текст мученичества святого Афеногена, жившего в Каппадокии во второй половине III в. н.э. В этом документе, по мнению автора, есть упоминание и о реальных событиях времени готских походов, приходящихся

Молев Е.А. Этнополитическая история Боспора ...

на время жизни святого, как раз во время готских походов. К сожалению, сам текст источника не приводится и, в какой мере можно ему доверять, судить по тезисам доклада никак нельзя.

В коллективном докладе А.В. Куликова, О.Д. Чевелева, О.А. Ивановой и Е.В. Куликовой представлен клад позднебоспорских монет из района Мирмекия [Куликов, Чевелев, Иванова, Куликова, 2004, с. 220–226]. По мнению авторов, клад собирался в течение нескольких лет и был зарыт в начале или середине 254 г. н.э., т.е. в период готских походов. В кладе представлены монеты Инифимея, Фарсанза и Рескупорида V. Любопытно, что, по мнению авторов, клад принадлежал не жителю Боспора [с. 222]. Но какой житель и хотя бы какого государства или племени мог собирать такие монеты, авторы не уточняют. И вследствие этого данное предположение не выглядит убедительным.

В целом, представленные авторами археологические материалы по истории политических процессов на Боспоре в результате обсуждения их на чтениях получили не только новые обоснования уже устоявшихся точек зрения, но и внесли ряд изменений в их трактовку, а также дали импульс дальнейшим исследованиям в этом направлении.

Эти материалы подкрепляют исследования в области нумизматики, представленные в ряде докладов. Так, А.В. Куликов на основании передатировки им анапского комплекса с монетами Левкона и отнесения его к самому началу третьей четверти столетия считает, что «ни о каких успехах Левкона в деле преодоления финансового кризиса на Боспоре и речи быть не может. Состав клада показывает... что Левкон... стремился ввести более твердую денежную единицу на фоне неуклонного падения доверия населения ко все более обесценивающимся городским деньгам... этот выпуск царских монет предназначался для финансирования каких-то экстраординарных военно-политических мероприятий царя... а выпуск монет с типами Посейдон-прора указывает на внезапное устранение Левкона от власти в результате какого-то успешного заговора...» [Куликов, 2002, с. 142-143].

Предположение интересное, но, как заметил и сам автор, «если это действительно так» [Куликов, 2002, с. 142]. На самом деле передатировка клада на основании того, что «городские монеты составляют основу клада», не дает оснований для его передатировки. Всеклады всегда датируются по наиболее поздним монетам в его составе. Следовательно и остальные выводы остаются сомнительными. Особенно вероятность внезапного устранения Левкона II от власти, мотивируемая тщательной проковкой монет этого правителя при перечеканке их в монеты с типом Посейдон-прора.

Более вероятны выводы автора о характере денежного обращения на сельских поселениях хоры Китея и Акры [Куликов, 2003, с. 152–159]. Предложенная им периодизация развития хоры этих городов не вызывает больших сомнений. Из числа находок особенно интересно отметить редкий для Боспора субэратный персидский дарик второй-третьей четверти IV в. до н.э. на поселении Заветное V. Это важное сви-

Боспорские исследования, вып. XXXV

детельство вероятности присутствия на Боспоре торговых представителей Персии (возможно, выходцев из греческих городов Южного Понта).

Ряд выводов о политической истории Боспора на основании монетного дела приводит О.Н. Мельников. Так, по его мнению, эмиссии из четырех номиналов серебра времени Левкона I «необходимо рассматривать как торжественный выпуск Пантикапея, отметившего свое важнейшее территориальное (феодосийское) приобретение. Последовавший за этим выпуск золота знаменует, вероятнее всего, подчинение Боспорскому государству и Фанагории [Мельников, 2002, с. 167-168]. Процесс денежного кризиса (прекращение выпуска серебра)... – это, по его мнению, от повышения цены на серебро на внутреннем рынке Боспора (с. 174), а тотальная перчеканка в серии ПЗ1 всех типов монет в новый вариант «бородатый Сатир-лук» (ПЗ3) связана с именем Спартока IV (240-222), и именно о ней, по мнению автора, писал Полиэн (Strateg., VI,9,1). Что же касается денежного кризиса, то он, в отличие от мнения предыдущего автора, заканчивается эмиссией именной царской меди серии Ц1 Левкона II. Все эти предположения весьма относительны. На Боспоре не было своего серебра и оно всегда стоило дорого. Но кризисные явления начались только в III в. до н.э. Значит, резоннее связывать их не просто с повышением стоимости серебра, а с сокращением его поставок на Боспор. Связывать перчеканку монет с именем Спартока, конечно, можно, но Полиэн-то все же говорил о реформе Левкона. А вот связь окончания денежного кризиса с именем Левкона II несомненна и дополнительно опровергает предложенную выше концепцию А.В. Куликова.

В докладе, посвященном ранней чеканке монет на Боспоре, автор приходит к выводу, что выпуск аполлонийских монет начался с рубежа 40-х–30-х гг. VI в. до н.э., причем на самостоятельном монетном дворе, и закончился с приходом к власти Спартокидов [Мельников, 2003, с. 178-179]. Принимая идею Ю.Г. Виноградова о храмовой и одновременно союзной чеканке этих монет, автор предполагает их принадлежность не амфикионии или симмахии, а торгово-экономическому союзу нескольких независимых полисов Боспора [Мельников, 2003, с. 180]. Примеров таких союзов и такой их деятельности автор не приводит, и это понятно, поскольку их и нет. И уж совсем фантастическим выглядит его вывод о демократическом характере власти Археанактидов, на основе анализа боспорской монетной чеканки. Диодор их называет «царствующими», и, чтобы опровергнуть это, надо более убедительные аргументы, чем авторский анализ боспорской чеканки (тем более что есть и другие ее интерпретации).

В докладе, посвященном боспорским монетам конца III – начала I вв. до н.э., автор также дает свою версию развития монетного дела на Боспоре в то время, беря за основу своих аргументов «строгие нумизматические критерии» [Мельников, 2004, с. 249]. Однако и сам он отмечает, что предложенная им «хронология описываемых событий условна, поскольку основана на объеме царских медных эмиссий и иконография монет...» [Мельников, 2004, с. 252-253]. Правление Гигиэнонта, возвращаемое им опять в последнюю четверть III в. до н.э., никак не соответствует дей-

Молев Е.А. Этнополитическая история Боспора ...

ствительности [Молев, 2016, с. 50–60], как и полный пересмотр датировки медных монет периода прежними авторами. Вероятно, автору надо быть более внимательным к мнениям коллег.

И.В. Шонов, рассматривая чеканку Феодосии последней четверти V – начала IV вв. до н.э., приходит к выводу, что присоединение Феодосии к Боспору произошло дипломатическим путем, точнее, путем договора Боспора с Гераклеей о разделе сфер влияния: «Боспор договорился с Гераклеей об обмене сферами влияния: Боспор расторгал договор с Ольвией и отказывался от протектората над землями Северо-Западной Таврики в обмен на уход Гераклеи из Юго-Восточного Крыма... Кроме того, Гераклея вынуждена была исключить из сферы своего влияния Синдскую гавань и Фанагорию [Шонов, 2002, с. 282].

Однако приведенные автором аргументы не выглядят убедительными, ибо и договор Боспора с Ольвией в IV в. до н.э. – это лишь гипотеза, а не факт, и тем более протекторат Боспора над северо-западной Таврикой. Хотя вероятность участия Гераклеи в судьбе Феодосии вполне возможна.

Статья А.З. Аптекарева посвящена монетам синдов, дискуссия о которых продолжается и в настоящее время. Автор отмечает, что проблема принадлежности этих монет остается..., но, скорее всего, это монеты Синдской Гавани [Аптекарев А.З., 2004, с. 17]. Возможно, но это никак не согласуется с легендой на монетах. Почему? That is the question!

Вопросы культуры и ее составной части – религии, играющие важную роль в формировании новой этнополитической общности – боспоряне, также достаточно широко представлены в материалах чтений. Здесь, прежде всего, следует отметить серию работ А.С. Русяевой о культурах Боспора и их связи с классическими греческими культурами [2000, с. 130–134; 2001, с. 122–127; 2002, с. 206–211; 2003, с. 225–233]. Вслед за С.Ю. Сапрыкиным автор приходит к выводу, что уже с VI в. до н.э. Деметру и Кору почитали на Боспоре под влиянием элевсинских мистерий. Под влиянием тех же факторов развивался и культ Диониса-Иакха. Особенно интересен вывод автора о том, что реальные проблемы политики были для греков все же более значимыми, чем религиозно-пропагандистские.

Отдельные проблемы религиозной жизни Боспора в связи с ролью этнических и этнополитических влияний рассмотрены в целой серии докладов. Они существенно расширяют наши представления о характере взаимодействия эллинской и варварских культур на Боспоре и позволяют во многом изменить уже сложившиеся представления о роли культуры и религии в формировании новой этнополитической общности на Боспоре – боспоряне. Так, в докладе Н.З. Куниной опубликована миниатюрная скульптурная женская головка, выполненная в технике утраты восковой модели в I в. н.э. и представляющая собой портрет Ливии – жены римского императора Августа. Уникальный и единственный в мире стеклянный портрет Ливии, найденный в 1983 году в Нимфее, свидетельствует, наряду с другими памятниками, о культе Ливии на Боспоре [Кунина, 2001, с. 69–71].

Боспорские исследования, вып. XXXV

Доклад А.Л. Желтиковой посвящен характеристике «Ушастых демонов» из коллекции терракотовых статуэток фондов КГИКЗ. По мнению автора, ранние боспорские марионетки были скопированы с италийских образов в начале I в. до н.э. и таким образом на протяжении почти трех веков боспорская марионетка постепенно превращается в ритуальную терракоту, тесно связанную с кругом верховного божества – богини плодородия, высоко чтимой на территории Северного Причерноморья [Желтикова, 2002, с. 93]. Приведенные аргументы вполне соответствуют выводам автора.

В докладе Т.А. Ильиной, М.Б. Муратовой публикуются votивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея. Авторы отмечают, что рассматриваемые статуэтки являются продуктом боспорского производства, расцвет которого приходится на вторую половину II-I вв. до н.э., причем «матрицами для некоторых из них послужили малоазийские изделия» [Ильина, Муратова, 2002, с. 118]. В частности, большое количество масок Диониса в комплексе авторы рассматривают как свидетельство распространения культа Митридата Евпатора. Вывод вполне убедителен.

М.В. Скржинская посвятила свой доклад истории празднования культа Аполлона на Боспоре. По ее мнению, боспорские жрецы Аполлона Врача были членами правящей аристократии Боспора, в том числе и династии Спартокидов, и именно поэтому праздники в честь Аполлона с музыкальными и спортивными агонами получили широкое распространение на Боспоре [Скржинская, 2003, с. 231–233].

Некоторые особенности религиозной жизни на Боспоре в период христианизации прозвучали в докладе Е.А. Зинько. Автор начинает процесс христианизации Боспора с III в. н.э., что вполне вероятно [Зинько Е.А., 2004, с. 152-153], и, тем не менее, античные традиции, переосмысленные в духе христианского вероучения, продолжали жить в сознании боспорян вплоть до начала VII в. И это подтверждается и результатами наших исследований на центральном городском святилище («зольнике») Китея [Молев, 2010, с. 98]. Еще одно важное наблюдение автора – основную массу христиан на Боспоре составляли греки [Зинько Е.А., 2004, с. 157], т.е. преимущественно городское население, что вполне закономерно, и в дальнейшем не только на Боспоре оно также распространялось прежде всего через города.

С проблемами развития боспорского искусства в римский период его истории связаны доклады А.И. Хворостяного [Хворостяный, 2001, с. 175–177] и Е.А. Зинько [Зинько, 2002], посвященные исследованию особенностей росписи боспорских склепов, как исторического источника. Здесь также затрагивается тема, касающаяся религиозных представлений боспорян в римское и позднеантичное время и влияния на их характер греческих и варварских традиций. Выводы авторов вполне обоснованы и не вызывают сомнений.

Среди докладов о культуре и духовной жизни боспорян особо следует выделить доклад Е.В. Савостиной, посвященный культурному самоопределению на этниче-

Боспорские исследования, вып. XXXV

- ческой колонизации Киммерийского Боспора // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 31–35.
- Vakhtina M.Yu.* Esche raz ob osnovnom pogrebenii v kurgane Temir-gora i nekotorykh voprosakh grecheskoi kolonizatii Kimmerijskogo Bospora // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 31–35.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Боспор Киммерийский и варварский мир. СПб., 2005. С. 211–296.
- Vinogradov Yu.A.* Bospor Kimmerijskij // Bospor Kimmerijskij I varvarskij mir. SPb., 2005. S. 211–296.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* ЮЗ-Оба – курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 1. История изучения и топография. Симферополь-Керчь, 2012. 288 с.
- Vinogradov Yu.A., Zinko V.N., Smekalova T.N.* Juz-oba – kurgannyj nekropol aristokratii Bospora. T. 1. Istoria izuchenija I topographija. Simpheropol-Kerch, 2012. 288 s.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1983. С. 366–420.
- Vinogradov Yu.G.* Polis v Severnom Prichernomorje // Antichnaja Grecija. T. I. Otv. Red. E.S. Golubtsova. M., 1983. S. 366–420.
- Винокуров Н.И.* Антропогенные и природные факторы системного кризиса Боспорской государственности во второй половине III в. н.э. // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 36–43.
- Vinokurov N.I.* Antropogennyje I prirodnyje phactory sistemnogo krizisa Bosporskoj gosudarstvennosti vo vtoroi polovine III v. n.e. // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 36–43.
- Винокуров Н.И.* Сейсмические деформации каменных склепов некрополя Артезиан // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 51–55.
- Vinokurov N.I.* Seismicheskie dephormatsii kamennykh skleпов nekropolja Artezian // Materialy IV Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2003. S. 51–55.
- Власов В.П.* Лепная керамика первых веков н.э. из зольников Пантикапея // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 56–58.
- Vlasov V.P.* Lepnaja keramika pervykh vtkov n.e. iz zolnikov Pantiikapeja // Materialy IV Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2003. S. 56–58.
- Гаврилов А.В.* Об укрепленных памятниках античной эпохи в ближайших окрестностях Феодосии. // Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 25–30.
- Gavrilov A.V.* Ob ukreplennykh pamjatnikakh antichnoi aeпоkhi v blizhaishikh okrestnostjakh Feodosii // Materialy II Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2003. S. 25–30.
- Гаврилов А.В.* К вопросу о датировке и назначении строительного комплекса на поселении Новопокровка I // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 74–82.
- Gavrilov A.V.* K voprosu o datirovke I naznachenii stroitel'nogo kompleksa na poselenii Novopokroka I // V Bosporskie Tchtenija. Kerch, 2004. S. 74–82.
- Гаврилюк Н.А., Молев Е.А.* Лепная керамика Китея // Древности Боспора. Вып. 17. Отв. ред. А.А. Масленников. М., 2013. С. 65–109.
- Gavriljuk N.A., Molev E.A.* Lepnaja keramika Kiteja // Drevnosti Bospora. Vyp. 17. Otv. Red. A.A. Maslennikov. M., 2013. S. 65–109.
- Глебов В.П.* О «сарматской» концепции кризиса первой половины III в. до н.э. в Северном Причерноморье // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 80–88.
- Glebov V.P.* O «sarmatskoi» kontseptsii krizisa pervoi poloviny III v. do n. e. v Severnom Prichernomorje // Materialy IV Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2003. S. 80–88.
- Горнчаровский В.А.* Крепость Илурат: итоги изучения (к 175-летию начала исследования) // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 68–77.

Молев Е.А. Этнополитическая история Боспора ...

- Goroncharovskij V.A.* Krepost Ilurat: itogi izuchenija (k 175-letiju nachala issledovanija) // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 68–77.
- Goroncharovskij V.A.* Strategija i taktika bosporskoj armii pervyx vekov n.э. // V Bosporskie chtenija. Kerch, 2004. S. 96–103.
- Goroncharovskij V.A.* Strategija i taktika bosporskoj armii pervyx vekov n. э. // V Bosporskie tshtenija. Kerch, 2004. S. 96–103.
- Грицик Е.В.* Находки предметов вооружения на поселении Вышестеблиевская 1 // V Bosporskie chtenija. Kerch, 2004. S. 104–108.
- Gritsik E.V.* Nakhodki predmetov vooruzhenija na poselenii Vyshesteblievskaja 1 // V Bosporskie tshtenija. Kerch, 2004. S. 104–108.
- Гуленков К.Л.* Налоги на Боспор при Митридате VI // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 78–81.
- Gulenkov K.L.* Nalogi na Bospor pri Mithridate VI // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 78-81.
- Желтикова А.Л.* «Ушастые демоны» из коллекции терракотовых статуэток фондов КГИКЗ. // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 88–94.
- Zheltikova A.L.* «Ushastyje demony» iz kollektcii terrakotovykh statuetok phondov KGIKZ // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 88-94.
- Завойкина Н.В.* Племя ταναίται в письменных источниках // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 133–136.
- Zavoikina N.V.* Plemja ταναίται v pismennykh istochnikakh // V Bosporskie tshtenija. Kerch, 2004. S. 133–136.
- Зинько В.Н.* Нимфей и варвары // Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000. С. 61–65.
- Zinko V.N.* Nimphei i varvary // Materialy I Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2000. S. 61–65.
- Зинько В.Н.* Исследования северного могильника Южно-Чурубашского поселения // Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 35–41.
- Zinko V.N.* Issledovanija severnogo mogilnika Juzhno-Churubashskogo poselenija // Materialy II Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2001. S. 35–41.
- Зинько В.Н.* Сельское население Нимфейского полиса в IV – начале III вв. до н.э. // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 143–151.
- Zinko V.N.* Selskoje naselenie Nimpheiskogo polisa v IV – nachale III v v. do n.e. // V Bosporskie tshtenija. Kerch, 2004. S. 143–151.
- Зинько Е.А.* Исследование некрополя Пантикапея в 2001 г. // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 100–105.
- Zinko E.A.* Issledovanie nekropolja Pantikapeja d 2001 g. // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 100–105.
- Зинько Е.А.* Некоторые особенности религиозной жизни на Боспоре в период христианизации // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 152–157.
- Zinko E.A.* Nekotorije osobennosti religioznoj zhizny na Bospore v period khristianizatsii // V Bosporskie tshtenija. Kerch, 2004. S. 152–157.
- Зубарев В.Г., Масленников А.А., Крайнева А.А.* Лепная керамика с городища у села Белинское как источник по этноисторической характеристике местного населения // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 158–163.
- Zubarev V.G., Maslennikov A.A., Kraineva A.A.* Lepnaja keramika s gorodischa u sela Belinskoe kak istochnik po aetno-istoricheskoj kharakteristike mestnogo naselenija // V Bosporskie tshtenija. Kerch, 2004. S. 158–163.
- Ильина Т.А., Муратова М.Б.* Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002, С. 115–121.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Плїна Т.А., Muratova M.B.* Votivnye terrakoty iz khrama na akropole Pantikapeja // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 115–121.
- Кашаев С.В.* Некрополь около поселения Артющенко 2 // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 184–190.
- Kashaev S.V.* Nekropol okolo poselenija Artuschenko 2 // V Bosporskie tshtenija. Kerch, 2004. S. 184–190.
- Кашовская Н.В., Кашаев С.В.* К вопросу о плитах с иудейской символикой на Боспоре Киммерийском // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 132–138.
- Kashovskaja N.V., Kashaev S.V.* K voprosu o plitakh s iudeiskoi simbolikoi na Bospore Kimmerijskom // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 132–138.
- Кулакова А.П.* Клазоменцы на Боспоре (к вопросу о «клазоменских вышках» Страбона) // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 148–151.
- Kulakova A.P.* Klazomensy na Bospore (k voprosu o «klazomenskikh vyshkakh» Strabona) // Materialy IV Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2003. S. 148–151.
- Куликов А.В.* Монетная чеканка царя Левкона и кризис денежного обращения на Боспоре в середине III в. до нашей эры. // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 139–144.
- Kulikov A.V.* Monetnaja chekanka tsarja Levkona i krizis denezhnogo obrascgenija na Bospore v seredine III v. do n.e. // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 139–144.
- Куликов А.В.* Денежное обращение на сельских поселениях хоры Китея и Акры // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 152–159.
- Kulikov A.V.* Denezhnoe obraschenie na selskikh poselenijakh khory Kiteja i Akry // Materialy IV Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2003. S. 152–159.
- Куликов А.В., Чевелев О.Д., Иванина О.А., Куликова Е.В.* Клад боспорских серебряных монет III в. н.э. из района Мирмекия (Сад-база, 1988) // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 220–226.
- Kulikov A.V., Chevelev O.D., Ivanina O.A., Kulikova E.V.* Klad bosporskikh serebrjanykh monet III v. n.e. iz Mirmikija (Sad-baza. 1988) // V Bosporskie tshtenija. Kerch, 2004. S. 220–226.
- Кунина Н.З.* Стекло из Нимфея в коллекции Эрмитажа // Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 69–71.
- Kunina N.Z.* Steklo iz Nimpheja v kollekcii Ermitazha // Materialy II Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2001. S. 69–71.
- Люценко А.Е.* Еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. I. СПб., 1876.
- Lucenko A.E.* Evrejskie nadgrobnnye pamjatniki, otkrytye v nasypjakh Fanagorijskogo gorodischa // Trudy III Mezhdunarodnogo sjezda orientalistov. T. 1. SPb., 1876.
- Масленников А.А.* Факторный анализ этнических процессов на Боспоре Киммерийском в античную эпоху (к постановке проблемы) // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 241–244.
- Maslennikov A.A.* Faktornyj analiz etnicheskich protsessov na Bospore Kimmerijskom v antichnuju epokhu (k postanovke problem) // V Bosporskie chtenija, Kerch. 2004. S. 241–244.
- Мацкевой Л.Г.* Мезолит и неолит Восточного Крыма. К., Наукова Думка, 1977. 180 с.
- Matskevoi L.G.* Mezolit i neolit Vostochnogo Kryma. K., Naukova Dumka, 1977. 180 s.
- Мельников О.Н.* К вопросу о проблемах нумизматики Боспора IV-III вв. до н.э. // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 165–181.
- Melnikov O.N.* K voprosu o problemakh numizmatiki Bospora IV-III vv. do n.e. // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 165–181.
- Мельников О.Н.* Боспорская государственность VI - начала V вв. до н.э. по данным нумизматики. // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003, с. 174–183.
- Melnikov O.N.* Bosporskaja gosudarstvennost VI-nachala V vv. do n.e. // Materialy IV Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2003. S. 174–183.

Молев Е.А. Этнополитическая история Боспора ...

- Мельников О.Н.* К хронологии монетных выпусков Боспора конца III – начала I вв. до н.э. // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 248–258.
- Melnikov O.N.* K khronologii monetnykh vyuskov Bospora kontsa III – nachala I v v. do n.e. // V Bosporskie chteniya, Kerch. 2004. S. 248–258.
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Н.Новгород, 1994. 140 с.
- Molev E.A.* Bospor v period ellinizma. N. Novgorod, 1994. 140 s.
- Молев Е.А.* Правление Фарнака на Боспоре // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 182–187.
- Molev E.A.* Pravlennie Farnaka na Bospore // Materialy III Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2002. S. 182–187.
- Молев Е.А.* Боспорский город Китей. Боспорские исследования. Supplementum 6. Симферополь-Керчь, 2010. 316 с.
- Molev E.A.* Bosporskij gorod Kitei. Boaporskie issledovanija. Supplementum 6. Simpheropol-Kerch, 2010. 316 s.
- Молев Е.А.* История исследования семантики образа зайца в греко-скифской торевтике // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 57–65.
- Molev E.A.* Istoriya issledovanija semantiki opbraza zaitsa v greko-skiphskoj torevtike // Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 2. S. 57–85.
- Молев Е.А.* Об одном из аспектов семантики образа зайца в греко-скифской торевтике // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. С. 275–281.
- Molev E.A.* Ob odnom iz aspektov semantiki opbraza zaitsa v greko-skiphskoj torevtike // S Mithridata duet veter. Bospor i Prichernomorje v antichnosti. K 70-letiju V.P. Tolstikova. M., 2015. S. 275–281.
- Молев Е.А.* Этнополитические проблемы истории Боспора в материалах I – V Боспорских чтений // XVII Боспорские чтения. Керчь, 2016. С. 289–294.
- Molev E.A.* Etnopoliticheskiye problemy istorii Bospora v materialakh I – V Bosporskikh chtenij // XVII Bosporskije chteniya. Kerch, 2016. S. 289–294.
- Молев Е.А.* Архонт Гигиенонт в истории Боспора // Боспорские исследования. / гл. ред. Айбабин А.И. Вып. 32. Керчь, 1916. С. 50–60.
- Molev E.A.* // Bosporskie issledovanija. Gl. Red. Aibabin A.I. Vyp. 32. Simpheropol, 2016. S. 50–60.
- Молев Е.А.* К вопросу о вероятности подчинения Боспора персам // Боспорские исследования. / гл. ред. Айбабин А.И. Вып. 33. Симферополь, 2016. С. 17–29.
- Molev E.A.* K voprosu o verojatnosti podchinenija Bospora persam // Bosporskie issledovanija. Gl. Red. Aibabin A.I. Vyp. 33. Simpheropol, 2016. S. 17–29.
- Панов А.Р.* Политический статус Горгиппии в первой половине I в. н.э. // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 205–209.
- Panov A.R.* Politicheskij status Gorgippii v pervoi polovine I v. n.e. // Materialy IV Bosporskikh chtenij. Kerch, 2003. S. 205–209.
- Русяева А.С.* К интерпретации рельефа из Трехбратнего кургана // Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000. С. 130–134.
- Rusjaeva A.S.* K interoretatsii reljefa iz Trekhbratnego kurgana // Materialy I Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2000. S. 130–134.
- Русяева А.С.* Элевсинский аспект культа Деметры в Боспорском государстве // Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 122–127.
- Rusjaeva A.S.* Elevsinskij aspekt kulta Demetry v Bosporskom gosudarstve // Materialy II Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2001. S. 122–127.
- Русяева А.С.* К истории изучения монет Нимфея. // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 206–211.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Rusjaeva A.S.* K istorii izucheniya monet Nimpheja // Materialy III Bosporskikh chtenij. Kerch, 2002. S. 206–211.
- Русяева А.С.* Феб Аполлон на Боспоре // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 225–233.
- Rusjaeva A.S.* Feb Apollon na Bospore // Materialy IV Bosporskikh tshtenij. Kerch, 2003. S. 225–233.
- Сидоренко В.А., Зинько В.Н.* Воинский медальон с клятвой Зевсу Димеранскому, найденный на Боспоре // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 219–222.
- Sidorenko V.A., Zinko V.N.* Voinskij medaljon s kljatvoi Zevsu Dimeranskomu, naidennyi na Bospore // Materialy III Bosporskikh chtenij. Kerch, 2002. S. 219–222.
- Скржинская М.В.* Боспоряне на празднике Аполлона // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 230–233.
- Skrzhinskaja M.V.* Bosporjane na prazdnike Apollona // Materialy IV Bosporskikh chtenij. Kerch, 2003. S. 230–233.
- Соловьев С.Л.* Греки и варвары Северного Причерноморья: типы контактов // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 333–337.
- Solovjev S.L.* Greki i varvary Severnogo Prichernomorja: tipy kontaktov // V Bosporskie chtenija, Kerch. 2004. S. 333–337.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 353–362.
- Sorokina N.P., Sudarev N.I.* Pogrebalnye sooruzhenija nekropolja Kep VI–II vv. do n.e. // V Bosporskie chtenija, Kerch. 2004. S. 353–362.
- Толочко И.В.* Некрополь Танаиса I–III вв. н.э. // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 248–258.
- Tolochko I.V.* Nekropol Tanaisa I–III vv. n.e. // Materialy IV Bosporskikh chtenij. Kerch, 2003. S. 248–258.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Новая землянка в Пантикапее // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 259–265.
- Tolstikov V.P., Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A.* Novaja zemljanka v Pantikapee // Materialy IV Bosporskikh chtenij. Kerch, 2003. S. 259–265.
- Тохтасьев С.Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 161–164.
- Tokhtasjev S.R.* Proiskhozhdenie titulatury Spartokidov // Materialy II Bosporskikh chtenij. Kerch, 2001. S. 161–164.
- Хайрединова Э.А.* Новый письменный источник о варварских морских походах второй половины III в. н.э. // Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 173–174.
- Khairidinova E.A.* Novyj pismennyj istochnik o varvarskikh morskikh pokhodakh vtoroi poloviny III v. n.e. // Materialy II Bosporskikh chtenij. Kerch, 2001. S. 173–174.
- Хворостяный А.И.* Полихромная роспись боспорских склепов как источник для изучения религиозных представлений и верований боспорян // Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 175–177.
- Khvorostjanij A.I.* Polikhromnaja rospis bosporskikh skleпов как istochnik dlja izucheniya religioznykh predstavlenij i verovanij bosporjan // Materialy II Bosporskikh chtenij. Kerch, 2001/ S. 175–177.
- Хришановский В.А.* Некрополь Илурата: топография, хронология, этнокультурная традиция // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 270–275.
- Khrshanovskij V.A.* Nekropol Ilurata: topografiya, khronologija, etno-kulturnaja traditsija // Materialy IV Bosporskikh chtenij. Kerch, 2003. S. 270–275.

Молев Е.А. Этнополитическая история Боспора ...

- Чистов Д.Е. Скифы и Нимфей в V в. до н.э. // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 259–265.
- Chistov D.E. Skiphy i Nimphej v V v. do n.e. // Materialy III Bosporskikh chtenij. Kerch, 2002. S. 259–265.
- Чистов Д.Е. Восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н.э. // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 391–396.
- Chistov D.E. Vostochnyje kvartaly Mirmekija v IV v. do n.e. // V Bosporskie chteniya, Kerch. 2004. S. 391–396.
- Шаров О.В. Боспорские этюды: к вопросу о появлении царских тамг // Stratum plus. 2013. № 5. С. 43–49.
- Sharov O.V. Bosporskie etudy: k voprosu o pojavlenii tsarskikh tamg // Stratum plus. 2013. № 5. S. 43–49.
- Шевченко Н.Ф. Виноградный 1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 414–419.
- Shevchenko N.F. Vinogradnyj 1 – poselenie epokhi ellinizma v stepnom Zakubanje // V Bosporskie chteniya, Kerch. 2004. S. 414–419.
- Шенко Л.Г., Куликов А.В., Соловьев С.Л. Землянки на хоре Акры // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 234–239.
- Shenko L.G., Kulikov A.V., Solovjev S.L. Zemljanki na khore Akry // Materialy IV Bosporskikh chtenij. Kerch, 2003. S. 234–239.
- Шестаков С.А. Первобытные археологические находки на античных поселениях Керченского полуострова // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 276–279.
- Shestakov S.A. Pervobytnyje arkheologicheskie nakhodki na antichnykh poselenijakh Kerchenskogo poluostrova // Materialy III Bosporskikh chtenij. Kerch, 2002. S. 276–279.
- Шонов И.В. О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV вв. до р.х. // Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 280–283.
- Shonov I.V. O monetnoi chekanke Feodosii poslednei chetverti V – nachala IV vv. do n.e. // Materialy III Bosporskikh chtenij. Kerch, 2002. S. 280–283.
- Braund D. Seleucos and Antiphanes: Nikator or Bosporan? // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 303–304.
- Plutarchus. Vitae parallelae. Ed. Lindskog C., Ziegler K. Leipzig: Teubner. 1914–1926. V. 1–3.

Резюме

В статье рассматривается процесс исследования этнополитических проблем в истории Боспора на международной конференции «Боспорские чтения» на протяжении пяти лет (2000–2004).

Ключевые слова: Боспор, Понт, эллины, скифы, сарматы, этнос, политика.

Summary

The article discusses the research process of ethnopolitical problems in the history of the Bosporan Kingdom at the international conference «Bosporan readings» for the past five years (2000–2004).

Keywords: The Bosphorus, Pontus, Greeks, Scythians, Sarmatians, ethnicity, politics.

Боспорские исследования, вып. XXXV

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Молев Евгений Александрович, д.и.н., профессор,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия.
8-987-753-49-16
molev.eugeny@yandex.ru
07.00.03.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Molev Eugeny Aleksandrovich, DSc, Prof.,
Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod, Russia.
8-987-753-49-16
molev.eugeny@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	– Археологічні відкриття в Україні.
АГСП	– Античные города Северного Причерноморья. М. – Л.
АДСВ	– Античная древность и средние века.
АДУ	– Археологічні дослідження в Україні.
АИБ	– Археология и история Боспора. Симферополь.
АМА	– Античный мир и археология. Саратов.
АО	– Археологические открытия.
БИ	– Боспорские исследования.
БИАС	– Бахчисарайский историко-археологический сборник.
БСП	– Българите в Северното Причерноморие.
БФ	– Боспорский феномен. Материалы международной конференции.
БЧ	– Боспорские чтения.
ВВ	– Византийский временник.
ВДИ	– Вестник древней истории.
ДБ	– Древности Боспора.
ДБК	– Древности Боспора Киммерийского. СПб, 1854.
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН.
ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КБН	– Корпус боспорских надписей. М. – Л., 1965.
КБН – Альбом	– Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАР	– Материалы по археологии России.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
 НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
 ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры.
 РА – Российская археология.
 РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН.
 СА – Советская археология.
 САИ – Археология СССР. Свод археологических источников.
 САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства.
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
 Скифия – *Яйленко В. П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М. : Onebook, 2013.
- ТАБ – *Яйленко В. П.* Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 2015. Т. 19.
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
 ФДТ – *Яйленко В. П.* Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // ДБ.2014. Т. 18.
- ХСб – Херсонесский сборник.
- AMV – Acta Musei Varnensis
 IOSPE I² – *Latyshev B.* Inscriptiões antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli : Академия наук, 1916. Vol. I².
- LIAN – Journal International d'Archéologienumismatique.
 LGPN IV, V A – A Lexicon of Greek Personal Names. Oxf. : University Press, 2005. Vol. IV (by P. M. Fraser, E. Matthews). 387 p. 2010. Vol. V A (by T. Korsten).
- LSJ – *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon. Oxf. : Clarendon Press, 1968. 2042 p. + A Supplement.
- RE – Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: Metzler Verlagsbuchhandlung.
- RN – Revue Numismatique.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>В.П. Яйленко</i> Топонимика античного Крыма	3
<i>О. Ягги</i> Аттическая краснофигурная керамика в Северном Причерноморье: особенности распространения, восприятия, использования	89
<i>А. Петракова, О. Ягги</i> Амазонки на аттических краснофигурных вазах из Северного Причерноморья: к вопросу о понимании изображений	100
<i>С.Ю. Сапрыкин</i> Эллинизм в Причерноморье	126
<i>Н.В. Молева</i> Элита Боспора: попытка социальной стратиграфии	169
<i>Н.И. Винокуров</i> Новые данные о конструкции ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье	180
<i>В.А. Хршановский</i> Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. н.э. (По результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг.)	208
<i>Н.А. Алексеенко</i> Исследователи XIX–XX вв. и зарождение крымской сфрагистики: к вопросу о византийской администрации на Боспоре	229
<i>В.Е. Науменко, Л.Ю. Пономарев</i> Каменная икона из Нового карантина (Керчь): историко-археологический контекст находки	240

ПУБЛИКАЦИИ

<i>О.Ю. Соколова</i> Бронзовые зеркала из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа	269
---	-----

<i>В.М. Петровский</i> Корабельный лес в греческом судостроении классического периода	285
<i>А.В. Ковальчук</i> О датировке поселения Казантип-восточный 2	297
<i>И.Н. Храпунов, С.А. Мульд, В.Ф. Столба, А.А. Стоянова</i> Исследования 2015 года в западной части Керченского полуострова	305
<i>Д.Ю. Пономарев, А.В. Никитаев</i> Мочекаменная и желчнокаменная болезнь у населения античного и средневекового Боспора	337
<i>В.Г. Зубарев, В.В. Майко, С.В. Ярцев</i> Новый склеп с раннесредневековыми материалами из раскопок некрополя городища Белинское	348

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Ю.А. Виноградов</i> Российский археолог Кирилл Родионович Бегичев	364
<i>М.Ю. Вахтина</i> Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН)	389
<i>Е.Г. Застрожнова</i> Из истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920–1932 гг.: исследования и исследователи	411
<i>В.Н. Зинько</i> Виктор Францевич Гайдукевич – исследователь архаической Тиритаки	428
<i>Д.Е. Чистов, А.Н. Колесниченко</i> Раскопки 1904–1929 гг. в северной части острова Березань: к реконструкции сводного плана исследованных участков Березанского поселения	444
<i>Е.А. Молев</i> Этнополитическая история Боспора в материалах I–V Боспорских чтений	465
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	488

CONTENTS

ARTICLES

<i>Yailenko V.P.</i> A Toponymy of ancient Crimea	3
<i>Jaggi O.</i> Attic red-figured ware in the Northern Black Sea coast area: features of distribution, perception and use	89
<i>Petrakova A., Jaggi O.</i> Amazons on the Attic red-figure vases of the Northern Black Sea coast: to the question of understanding images	100
<i>Saprykin S.Yu.</i> Hellenism in the black sea littoral	126
<i>Moleva N.V.</i> The elite of the Bosporan Kingdom: attempt social stratigraphy	169
<i>Vinokurov N.I.</i> New data on the construction of the early citadel of the settlement Artesian in the Crimean Azov area	180
<i>Khrshanovskii V.A.</i> Between goths and huns. New materials to the history of European Bosphorus of IV century AD (Based on excavations of the necropolis of Kytaiia in 2009–2016)	208
<i>Alekseienko N.A.</i> Nineteenth and twentieth century researchers and the origins of the Crimean Sigillography: on the problem of the Byzantine Administration in Bosphoros	229
<i>Naumenko V. E., Ponomarev L. Iu.</i> Stone Icon from the New Quarantine (Kerch): The Historical and Archaeological Context of the Discovery	240

PUBLICATION

<i>Sokolova O.Yu.</i> Bronze mirrors from Nymphaion 's excavation in a collection State Hermitage	269
---	-----

<i>Petrovskiy V.M.</i> Timber shipbuilding in the greek classical period	285
<i>Koval'chuk A.V.</i> About the dating of the settlement Kazantip-Vostochny 2	297
<i>Khrapunov I.N., Mul'd S.A., Stolba V.F., Stoianova A.A.</i> Research in the western part of the Kerch Peninsula in 2015	305
<i>Ponomarev D.Iu., Nikitaev A.V.</i> Urinary and cholelithiasis disease among the population of the ancient and medieval Bosphorus	337
<i>Zubarev V.G., Maiko V.V., Iartsev S.V.</i> New burial vault with early medieval materials from excavations of necropolis of the settlement Belinskoye	348

HISTORY OF SCIENCE

<i>Vinogradov Yu.A.</i> Russian archaeologist Kirill Rodionovich Begichev	364
<i>Vakhtina M.Iu.</i> From the history of excavation of the mound on Temir-Gora (based on the materials of the scientific archive of IIMK RAS)	389
<i>Zastrozhnova E.G.</i> From the history of archaeological research of the Eastern Crimea in 1920–1932: research and scientists	411
<i>Zin'ko V.N.</i> Viktor Frantsevich Gaidukevich – researcher archaic Tyritake	428
<i>Chistov D.E., Kolesnychenko A.N.</i> Investigations of the Northern area of the Berezan island, 1904–1929: to the issue of the reconstruction of the archeological master plan of the Berezan settlement	444
<i>Molev E.A.</i> The ethnopolitical history of the Bosphorus materials I–V Bosphoran readings	465
LIST OF ABBREVIATIONS	488

Научное издание
Боспорские исследования
Вып. XXXV
Сборник

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Корректор *Г.Н. Хлебникова*
Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 16.10.2017 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 40,3 + 0,33 вкл.
Тираж 300 экз. Заказ 891.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Учредитель – Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.
Главный редактор: Айбабин Александр Ильич, д.и.н., профессор
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым,
г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.